А. М. Ремизов

Сочинения

А. М. Ремизов. Париж. 1938 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИМОНАРЬ

МОСКВА
«РУССКАЯ КНИГА»
2001

УДК 82
ББК 84Р
Р 38

Издание подготовлено при содействии **Б. Б. Бунич-Ремизова, Е. Д. Резникова, А. Д. Резникова**

Подготовка текста произведений «Лимонарь», «Хождение Богородицы по мукам», «Повесть о двух зверях. Ихнелат», «Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония», «Мелюзина. Брунцвик», «Тристан и Исольда. Бова Королевич», «О Петре и Февронии Муромских», «Григорий и Ксения», «Круг счастия. Книга о царе Соломоне», статья, комментарии **А. М. Грачевой.**

Подготовка текста сборника «Николины притчи», комментарии, подготовка текста книги «Образ Николая Чудотворца», вступительная статья **О. П. Раевской-Хьюз.**

Подготовка текста произведений «Свет неприкосновенный», «Свет невечерний», «Цепь златая», «Трава-мурава», комментарии **О. А. Линдеберг.**

Техническая подготовка тома **О. А. Линдеберг**
Оформление **Г. Л. Шацкого, Е. В. Полякова**
Ответственный редактор тома **А. М. Грачева**

Ремизов А. М.
Р 38 Собрание сочинений. Т. 6. Лимонарь. — М.: Русская книга, 2001. — 784 с., 1 л. портр.

В настоящий том Собрания сочинений А. М. Ремизова вошли его книги, основанные на народных легендах, апокрифах, повестях и других произведениях древнерусской литературы. С начала XX в. писатель поставил целью раскрыть современному читателю мир народной христианской культуры — неисчерпаемой сокровищницы религиозных и философских идей, нравственных и эстетических ценностей. В издание включены и известные сборники ремизовских переработок древних литературных и фольклорных текстов («Лимонарь», «Николины притчи»), и забытые («Трава-мурава»). Впервые целиком публикуется его последний цикл «Легенды в веках» (1947—1957). Также впервые в России издается книга-эссе «Образ Николая Чудотворца».

ISBN 5-268-00495-6 **УДК 82**
ISBN 5-268-00482-X **ББК 84Р**

Лимонарь
сиречь:
луг духовный

О БЕЗУМИИ ИРОДИАДИНОМ, КАК НА ЗЕМЛЕ ЗАРОДИЛСЯ ВИХОРЬ

В. В. Перемиловскому

Ударила крыльями белогрудая райская птица, пробудила ангелов.

Спохватились ангелы, полетели печальные на четыре стороны, во все семьдесят и две страны понесли весть.

Белые цветы!

В этот вечер — святой вечер Христос на земле родился, воссиял нощному миру мир и свет.

Белые цветы!

Непробудным сном спали волхвы в теплой просторной избе. Три золотые короны — золотые лампады теплились на вещих серебряных головах.

Разморило старые кости — долог был путь и труден весьма; золото, ладан и смирна оттянули мудрецам все руки; ходко шла звезда, как вела их к вертепу, едва поспевали.

И снились мудрым чудесные вещи.

В сонном видении предстали три пламенных ангела.

Сказали три пламенных ангела:

— Идите, идите, волхвы, на свою гору Аравию, не возвращайтесь к царю Ироду: не добро в сердце цареви, хочет царь извести Младенца. Идите, идите, волхвы!

Мигом слетел сон, будто спать не ложились. Поднялись волхвы, помолились звезде, поняньчали Младенца, еще раз поклонились Младенцу, пастухов пожурили и с путеводной золотой по скользким тропам отошли иным путем на гору Аравию в страну свою персидскую.

И там сели мудрые в столпы каменны и сидят до днесь, питаясь славословием — усердно хваля Всевышнего.

Вошел гнев в сердце, разлился по сердцу Ирода.

Обманутый и осмеянный.

Тоска, тревога, страх медяницей жалят сердце.

Тоска, тревога, страх вороном клюют царское сердце, ибо народился царь Иудейский.

И помрачилась смущенная душа: посылает царь перебить всех младенцев от двух лет и ниже, ибо народился царь Иудейский.

Замутились непролазные туманы по нагорью.

Тутнет нагорное царство.

Ясные звезды и темные со звездами и полузвездами затмили свой светло-яркий свет.

Держали дороги, путали перепутья — не всплыла святая луна.

Рогоногий встал месяц на ее месте, и от востока до запада, от земли до неба стон стал.

О, безумие, и омрачение нечестивых царей! Нет меры и конца жестокости.

Колыбели — гробы. Не скрипят, не качаются липовые.

Нет младенца живого. Не погулить, не пикнуть бездыханному.

И плачет мать, Рахиль неутешная, не хочет утешиться, ибо дом ее пуст, и нет детей.

Твердо, как камень, молоко, а сосцы ее — железо, а сердце — ад.

Одна Божия Мать не горюет: к ее девичьей груди приливает теплое молоко; не тужит. И увлажняются глаза непорочные радостью обрадованной кормящей ма-тери.

Один жив младенец свят — один Иисус Христос.

У седого Корочуна — укрыл Корочун странников, на том свете старому стократы зачтется! — у седого деда в хлеву лежит в яслях Младенец.

Конь подъел под ним сено, топает ногой, как топал, когда белый ангел зажег звезду над вертепом.

Сонно жуют волы жвачку, не мукнут, не шевельнутся, — не чета вороному.

Укоряет коня Богородица: зачем съел все сено! — и стелет солому, повивает Сына.

Белые цветы!

* * *

На черной горе, на семидесяти столбах златоверхие три белых терема. Вокруг теремов железный тын. На каждой тынинке по маковке. На всякой маковке по черепу.

Не подойти злой ведьме, не подступиться к теремам и на семь верст: не любы ей медные ворота да железный тын, — заворожены.

В медных сапогах, в железной одежде Ирод царь.

Празднует поганый козар новолетие — жатвенный пир.

На царском дворе запалили костры, на царском дворе кипят котлы: пшеничное вино, червоное пиво, сладкие меды.

Полон дворец гостьми, не сосчитать ликом, битком набиты три терема.

Веселые люди, потешники — и гусли гудут; скоморохи, глумцы и кукольники, и ловка и вертка Береза-Коза в лентах бренчит погремушками; удоноши, зачерненные сажей, игрецы и косматые хари — кони, волки, кобылы, лисицы, старухи, козлы, турицы, аисты, туры, павлины, журавли, петухи; там пляшут со слепой рыжей сучкой, вертятся вкруг чучелы с льняной бородой, там обвитые мокрым полотном рукопаш борятся с лютым зверем, там безволосые прыгают с обезьянкой через жерди; разносят утыканные серебром яблоки — пожеланья, визг, драка, возня и подачки — осыпают, осевают зернами, кличут Плугу, гадают, и на сивой свинке выезжает сам Усень — овсеневые песни — Заря-Усень — Таусень! Таусень! — бьют в заслонки, решета, тазы, сковородки; и бродят мартыны безобразные да медведчики с мохнатыми плясовыми медведи.

Непозванные садятся за стол, беззапретно ковыряют свиную морду, навально ломают из чистого жита калач, объедаются румяным пирогом, лопают пышки и лепешки, непрошенные пьют чашу.

Ого-го коза, — переминается с ноги на ногу, поворачивается на копыточках на серебряных и вдруг дрожит серая, что осиновый лист, дрожит и ни с места.

Завизжали собаки.

Заметались медведи, громыхают цепями, рвут кольца, на дыбы, толстопятые.

То не бубны бьют, не сопели сопят, не бузинные дуды дуют, не домра и сурна дудит, не волынка, не гусли, тимпаны — —

Красная панна Иродиада, дочь царя, пляшет.

*

Белая тополь, белая лебедь, красная панна.

Стелют волной, золотые волнуются волосы — так в грозу колосятся колосья белоярой пшеницы.

И стелют волной, золотые подымаются косы, сплетаясь вершинами, сходятся, — две высокие ветви высокой и дивной яблони.

А на ветвях в бело-алых цветах горят светочи, и горят и жгучим оловом слезы капают.

А руки ее — реки текут. Из мира мировые, из прозрачных вод — бело-алые.

А сердце ее — криница, полная вина красного и пьяного.

А в сердце ее — один — Он один —

Он один, Он в пустыне, Он в пустыне оленем рыщет.

Белая тополь, белая лебедь, красная панна.

Он один, Он в пустыне, Он в пустыне оленем рыщет.

А руки ее — реки текут. Из мира — мировые, из прозрачных вод — бело-алые.

А сердце ее — криница, полная вина красного и пьяного.

И восходит над миром навстречу солнце пустыни, раскаленной пригоршней взрывает песчаные нивы, — и идут лучи через долины и горы, через долины и горы по курганам, по могилам, по могильным холмам, по могильникам — — — Закидывает солнце лучи через железный тын в белый терем.

Быстры, как стрелы, и остры глаза царевны, — она проникает в пустыню.

Он в пустыне, облеченный в верблюжью кожу, Он крестит небо и землю, солнце и месяц, горы и воды —

Белая тополь, белая лебедь, красная панна.

Он в пустыне. Он крестит небо и землю, солнце и месяц, — красную панну.

Он крестит в кринице, ее сердце — криница — красная, пьяная, и кипит и просит — —

Не надо ей царей, королей, королевичей, Он — единственный жених ее, она — невеста.

И сердце ее отвергнуто.

Осень. Осенины. Синие вечеры.

Синим вечером одна тайком, одна тайком из терема она на Иордане.

Во Иордане крестилась, там полюбила.

И сердце ее отвергнуто.

Не надо Ему дворцов, золота, царской дочери. Не надо сердца сердцу обрученному со Христом — женихом небесным.

И вопленницы не станут причитать над ней, не посетует плачея, не заголосит певуля, не завопит вытница.

Осень. Осенины. Синие вечеры.

Ой рано, рано —

— птицы из Ирья по небу плывут —

Ой рано, рано —
Таусень! Таусень!

Красная панна Иродиада, дочь царя, пляшет.

И пляшет неистово, быстро и бешено — панна стрела.

Пляшет метелицу, пляшет завейницу.

Навечерие — свят-вечер, ночи сквозь, ночь.

И встал царь.

Не дуют дуды, не кличут Плугу, замолкли сурны, домры; зачерненные сажей жутко шмыгают удоноши; сопят медведи.

Сказал царь:

— Чего ты хочешь, Иродиада, — и клянется, — чего ни попросишь, я все тебе дам.

Прожорливо пламя — огнь желаний, тоска — тоска любви неутоленной, неутолимой жжет...

— Хочу, чтобы ты дал мне голову Ивана Крестителя.

И опечалился царь, опечалился белый златоверхий терем.

Зачерненные сажей жутко шмыгают удоноши; сопят медведи.

Зажурилась черная гора.

Тутнет нагорное царство.

Повелением царя усечена голова Ивана Крестителя.

Нагорное царство — туда ветер круглый год не заходит — на черной горе и кручинится.

Белая порошица выпала, белая кроет — порошит кручину да черную гору.

Белые цветы!

Звонче меди, крепче железа царская власть.

О, безумие и омрачение нечестивых царей. Нет меры и конца жестокости.

Он не рыщет в пустыне сивым оленем, не крестит в реке во Иордане.

Пророк Божий, Предтеча в темнице.

Его тело одеяно кровию — гроздию.

И в село до села не пройдет его голос.

Белые цветы!

В прогалинах белой порошицы в ночи показалась луна.

В зеленых долинах на круторогой Магдалина прядет свою пряжу — осеннюю паутину — Богородичны нити.

Тихий ангел из терема залетел на луну к Магдалине.

— О чем ты плачешь, тихий ангел?

— Как мне не плакать, — говорит тихий ангел, — моя панна Иродиада свои дни считает.

Белые цветы!

На серебряном блюде, полотенцем окрытая, с тяжелой золотой царской вышивкой, голова Ивана Крестителя.

Зарная змейка с лютым жалом в ручках царевны.

Острая вспыхивает в ручках царевны.

И красная из проколотых оленьих глаз по белому кровь потекла и не канет, течет ей на белую грудь прямо в сердце, в ее сердце, — ее сердце — криница, не вином — огнем напоена.

Красна — свеча венчальная — Иродиада над головой Крестителя.

Она даст Ему последнее в первый раз; первое в последний раз — целование.

Стучит сердце, колотится.

Раскрыты губы к мертвым, горячие — к любимым устам, — тоска, тоска любви неутоленной, неутолимой —

Стучит сердце, колотится.

Отвергнутое сердце.

И очервнелись мертвые, зашевелились холодные губы и вдруг, отшатнувшись от поцелуя, дыхнули исступленным дыхом пустыни — —

Задрожала гора, вздрогнул терем, выбило кровлю, согнулся железный тын, подломились ворота.

Попадали чаши и гости.

Кто куда, как попало: царь, царица, глумцы, скоморохи, кони, волки, кобылы, лисицы, старухи, козлы, турицы, аисты, туры, павлины, журавли, петухи и Береза-Коза и медведи —

Пусто место — — — !

Злая ведьма, а с ней ее сестры, одна другой злее, без зазора, без запрета ринулись по черной горе прямо в терем.

И другие червями ползли по черной горе прямо в терем.

Там заиграли волынку — чертов пляс.

Шипели полосатые черви, растекались, подползали, чтобы живьем заесть поганого козара — царя Ирода.

Слышен их свист за семь верст.

В вихре вихрем унесло Иродиаду.

*

Красная панна Иродиада —

Несется неудержимо, навек обращенная в вихорь — буйный вихорь — плясавица проклятая и пляшет по пустыне, вдоль долины, вверх горы, — над лесами, по рекам, по озерам, по курганам, по могилам, по могильным холмам, по могильникам — — и раздирает черную гору, сокрушает нагорное царство, нагоняет на небо сильные тучи, потемняет свет, крутит ветры, вирит волны, вал на вал — — пляшет плясея проклятая.

Белая тополь, белая лебедь —

И тесно ей, теснит грудь, и красный знак вокруг шеи красной огненной ниткой жжет, но пляшет — — не может стать, не знает покоя, вся сотрясаясь, все сотрясая.

Так вечно на вечно, до скончания века, на веки бесконечные.

О МЕСЯЦЕ И ЗВЕЗДАХ И ОТКУДА ОНИ ТАКИЕ

ХРИСТОВА ПОВЕСТЬ

Модесту Гофману

Ты видишь те зеленые луга, зеленые с белыми цветами. Не от цветов белеют луга, белеют от чистых риз Господних.

По весеннему полю в потаенный час вечера шел Христос, а с ним тростинка-девочка, Мария Египетская.

Поспешала девочка, цеплялась пальцами за чистые ризы, засматривала вечеровыми глазками в глаза Спасителя.

Допрашивала, пытала святая у Господа Бога:

— Господи Милостивый, отчего это месяц такой, и сверкают звезды?

Говорил ей Господь:

— Непонятливая ты, недогадливая девочка, хочешь испытать меня. А как был я маленьким, сосал себе палец. С сосунком и спать укладывался. Отучала меня Богородица. А я знай сосу себе. Вот раз она и говорит мне: «Не будешь трогать пальчика, сотку тебе к празднику золотую рубашку». Бросил я пальчик, послушался, всего раз только притронулся и прыгал от радости: будет у меня золотая рубашка! Торными дорогами отправилась Богородица на зеленую тропку к вратам рая, где стоит цвет солнца, творя суд над цветами, и стала там прясти золотые нити. Откуда ни возьмись, налетели соколы, похитили красные золотую пряжу. Нечего делать. Позвала Богородица Ивана Крестителя: Креститель разыщет соколиное гнездо и принесет ей, а соколят возьмет себе. Пошел Иван Креститель искать пропажу, да не долго путешествовал, скоро вернулся. «Не могу, — говорит, — я это сделать, сил моих нету: унесли соколы золотую нить высоко под небеса, свили из золотой нити гнездо — золотой месяц, а соколят негде взять:

понаделали из них дробные звезды». Вот отчего месяц такой, и сверкают звезды.

— Господи, дай мне одну золотую нитку! — пристала тростинка-девочка, Мария Египетская, и тянет за ризу, засматривает вечеровыми глазками в глаза Спасителя.

— А зачем тебе золотая нитка?

— А я в коску вплету.

И, подумав мало, прорицая судьбу святой, сказал Господь:

— Будет тебе золотая нитка.

Блестел золотой месяц, сверкали дробные звезды.

Ты видишь те серые горы, не по себе они серые, серы от дел человеческих.

Там ангелы, приставленные к людям, столпились на Западе. Так и всякий день по захождении солнца они идут к Богу на поклонение и несут дела людей, совершенные от утра до вечера, злые и добрые.

ГНЕВ ИЛЬИ ПРОРОКА,
ОТ НЕГО ЖЕ СОКРЫЛ ГОСПОДЬ ДЕНЬ ПАМЯТИ ЕГО

М. А. Кузмину

Необъятен в ширь и в даль подлунный мир — пропастна́я глубина, высота поднебесная.

Много непроходимых лесов, непролазных трущоб и болот, много непроплывных рек, бездонно-бурных морей, много диких горбатых гор громоздится под облаки.

Страшны бестропные поприща, — труден путь.

Но труднее самого трудного тесный, усеянный колючим тернием путь осуждения — в пагубу.

На четвертом разжженно-синем небе за гибкоствольным зверным вязом с тремя враждующими зверями: гордым орлом, лающей выдрой и желтой змеей, за бушующей рекой Окияном, через мутную долину семи тяжелых мытарств к многолистной высокой вербе и, дальше по вербному перепутью, к развесистой яблоне, где течет источник забвенья, — там раздел дороги.

Под беловерхой яблоней с книгой Богородица и святой апостол Петр с ключами райскими. Записывает Богородица в книгу живых и мертвых; указуя путь странствующим, отрешенным от тела, опечаленным душам.

Весела и радостна прекрасная цветущая равнина, словно огненный поток, в васильках.

И другая печальная в темных печальных цветах — без возвращения.

Не весело лето в преисподней.

Скорбь и скрежет зубовный поедают грешников во тьме кромешной. И кровь замученных, исстрадавших от мира свою земную жизнь, кровь мучеников проступает — приходит во тьму — в эту ночь, как тать. Нежданная и забытая точит укором, непоправимостью, точит червем неусыпаемым.

В бездне бездн геенны зашевелился Зверь. Злой и лютый угрызает от лютости свою конскую пяту; содрогаясь от боли, выпускает из чрева огненную реку.

Идет река — огонь, идет, шумя и воя, устрашая ад, несет свою волну все истребить. И огонь разливается, широколапый перебирает смертоносными лапами, пожирая все.

Некуда бежать, негде схорониться. Нет дома. Нет матери.

Изгорают виновные души. Припадают истерзанные запекшимися губами к льдистым камням, лижут в исступлении ледяные заостренные голыши, лишь бы охладить воспаленные внутренности.

Архангел Грозный — — явился не облегчить муки, Грозный — — сносить свой неугасимый огонь, зажигает ледяные камни — последнее утоление.

Загораются камни.

Тают последние надежды.

И отыняют кольцом, извиваются, свистят свирепые холодные змеи, обвивают холодным удавом, источая на изрезанные огнем, рассеченные камнем рты свой яд горький.

Земля!

Ты будь мне матерью. Не торопись обратить меня в прах!

* * *

Вышел Иуда из врат адовых.

Кинутый Богом в преисподнюю — осужден навсегда торчать у самого пекла — неизменно видеть одни и те же страдания — безнадежно — презренный — забытый Богом Иуда.

Не обживешься. Прогоркло. Берет тоска. И дьявольски скучно.

Слепой старичок привратник позеленевшими губами жевал ржавую христопродавку, смачивал огненной слюной разрезные листья проклятой прострел-травы.

Иуда подвигался по тернистому пути. Темные цветы печальные томили Божий день. Не попадалось новичков. Безлюдье. Какие-то два черта без спины с оголенными раздувающимися синими легкими, дурачась, стегали друг дружку крапивой по живым местам. И опять некошные: бес да бесиха. Больше никого.

Странно! У яблони, где вечно толпами сходятся души и стоит шум, было тихо. Три несчастные заморыша, подперев кулаками скулы, на корточках, наболевшими глазами с лиловыми подтеками от мытарских щипков застывше смотрели куда-то в ползучий отворотный корень яблони, уходящий в глубь — в бушующую реку Окиян. Да сухопарая, не попавшая ни в ад, ни в рай, зевала душа равнодушно уставшим зевать квёлым ртом.

Склоненная пречистым ликом над книгой живота и смерти опочивала утомленная Богородица, а об руку, окунув натрудившиеся ноги в источник забвения, спал святой апостол Петр блаженным сном крепко.

Свесившиеся на боку на золотой цепочке золотые ключи сияли бесподобным светом, — глаз больно.

Ни ангела, ни архангела, — как в воду канули. Купаться пошли бесплотные, отдыхали ли в благоухании или разом все улетели к широколистной вербе на вербное перепутье, чтобы там задержать из мытарств странников — не беспокоить Богородицу, — Бог их ведает.

Походил Иуда по жемчужной дорожке вокруг Богородицы, заглянул в раскрытую тяжелую книгу, хотел дерзновенный от источника умыться, но свернулась под его рукой, не поддалась голубая вода, — очернила ему кончики пальцев.

Отошел ни с чем.

Повзирал на яблоню. Сшиб себе яблоко. Покатилось яблоко к ногам Петра. Полез доставать. Ухватил наливное-райское, не удержался зломудренный — заодно и ключи ухватил.

С золотыми ключами теперь Иуде всюду дорога.

Всякий теперь за Петра примет.

Легко прошел Иуда васильковый путь; подшвыривал яблоко, подхватывал другой рукой, гремел ключами.

Так добрался злонравный до райских врат.

И запели золотые ключи, — пели райские, отворяли врата.

Дело сделано.

Забрал Иуда солнце, месяц, утреннюю зарю, престол Господа, купель Христову, райские цветы, Крест и Миро, да с ношей в охапку тем же порядком прямо в ад — преисподнюю.

И наступила в раю такая тьма, хоть глаз выколи, ничего не видать.

А в аду такой свет, так ясно и светло, даже неловко.

Вылез из бездны бездн геенский Зверь, засел на престол Господа, вывалил окаянный свои срамные вещи, разложил богомерзкие по древу Честного Креста.

Из Христовой купели пищал паршивый бесенок, тужился как можно больше нагадить.

Плясали черти в венках из райских цветов, умащались миром, покатывались горохом от хохота. Щелкали черти райские орехи, заводили, богохульные, свои вражьи песни.

Плясали с ними грешники: лакомы, лжецы, завистники, гневные, чревобесные, убийцы, сквернословы, ябедники, грабители; плясуны, сребролюбцы, обидчивые, лицемеры, пьяницы, тати, разбойники, душегубцы, богоотступники, еретики, гордые, немилостивые, кощунники, сластолюбцы, клеветники, блудники, блудницы, чародеи и судии неправедные, цари нечестивые, архиереи, диаконы, начальники, скотоложцы, скотоложницы, рыболожцы, рыболожницы, птицеложцы, птицеложницы и всякий женский пол, бесчинно убеляющий лицо свое.

И плеща друг друга по ладоням, плясали все семьдесят семь недугов и все сорок болезней с хворью, хилью,

немочью, повальные, падучие, трясучие — резь, грызь, ломота, колотье.

Плясали черти, грешники, перевивались с холерой, чумой, моровой язвой, с болячкой, нарывом, огневиком, мозолью, килой, опухолью, и с вередом и с чирьями, перевиваясь, топали да подпрыгивали.

Сама Смерть кувыркалась бессмертная.

Распалялся Зверь. Трещал Крест под пудовыми богомерзкими вещами. Здоровые, как кость, распухали срамные вещи. Вставая, мерзили.

И творилось бесование, лихое дело.

Темь. Ни зги. В поле сива коня не увидишь. Ночь на небесах.

Пробудилась Богородица. Проснулся святой апостол Петр. Не может Богородица ни книгу чести, ни в книгу записывать. Нет у апостола ключей райских.

Плутают души, взывают потерянные.

Шалыми летают ангелы, натыкаются, божии, теряют перья пречистые, разбивают свои серебряные венчики.

Лезут черти. Забираются на яблоню, шелушат золотые яблоки, топчут копытами заливной луг, оставляют следы по жемчугу, напускают нечистого духа в Фимиам кадильницы, пакостят на ризы и крылья ангелам, наставляют рожки непорочным женам, приделывают хвосты святым угодникам.

И сошлись со всех райских обителей и прохладных кущ все святители и угодники, чудотворцы, святые мученики, великомученики, блаженные, присноблаженные, печальники, страстотерпцы, заступники усердные, лики праведных жен, лики царей милостивых, благоразумные разбойники и пророки и апостолы.

Спрашивает Господь:

— Кто возьмется из вас, преподобных, принести мне похищенное?

Молчат угодники и все святители. Повесили носы: страшен всем Иуда, держащий ключи райские, неохота преподобным платиться боками — люты козни дьявольские.

Лишь один вызывается Илья Пророк.

Ожесточено сердце Пророка.

Лживым наветом некогда увлек Диавол Илью к убийству отца и матери.

Ожесточено сердце Пророка, хочет мстить.

— Дай мне, Господи, гром Твой и молнию, я достану похищенное, я истреблю в конец род бесовский.

— Молод ты и не силен, — говорит Господь, — не по тебе такое оружие.

И воскликнул Илья:

— Господи, я от моря поднял облако, сделал небо мрачным от туч и ветра, низвел большой дождь; я словом останавливал росу, я насылал засуху и голод, устрашая царя Ахава, сына Амврия. Я на горе Кармил перед лицом четырехсот пятидесяти пророков Вааловых и четырехсот дубровных гордой Иезавели, посрамляя Ваала, низвел на тельца огонь, — и огонь пожрал всесожжение, и дрова, и камни, и прах, и поглотил воду во рву. И еще раз я свел огонь и попалил пятидесятников царя Охозии, сына Ахава, посрамляя Веельзевула, идола аккаронского. Господи, не Ты ли в пустыне у горы Хорива звал меня, и не в ветре, не в землетрясении, не в огне, но в веянии тихого ветра я слышал Тебя? И в пустыню к Иордану Ты послал за мной огненную колесницу и коней огненных, Ты меня взял к себе — —

Молчат угодники и все святители. Дуют в ус.

Милосерд владыка Господь — не попустит Он раба своего.

Дает Господь Илье Пророку гром и молнию.

* * *

Грохочет гром, трещат нещадные стрелы, гремит преисподняя.

Испепелен ад, разгромлен Иуда, скован цепями.

Отнята добыча. Погас в аду свет. Прикончилась пляска. Скрючились черти. Ночь.

На небесах солнце, на небесах месяц и утренняя заря, престол Господа, купель Христова, Крест и Миро.

Грохочет гром, трещат нещадные стрелы, гремит преисподняя.

Громом стучат колеса, — на летучих огненных конях от края в край бороздит колесница.

Хлопает, бьет бич, стучит молот, скользят, колют копья, колотит каменная палка.

Мстит ожесточенное сердце.

Подбитые, подстреленные низвергаются диаволы, падают черти.

И корчится небо от огней, как корчится в огне береста.

Горит огненным шаром — перебрасывается красная шапка; встает крыльями, прорезает твердь огненная мантия; кровавым парусом носится огненная рубаха; сверкают огненные очи; неотвратимыми стрелами развевается синяя борода, и сечет и сечет синий пламенный меч.

Обвивается небо пламенным змием.

Трещат небесные своды, лопается небо.

Мстит ожесточенное сердце.

Злыми щенками мчатся за колесницей души детей, рожденных по смерти отца, и, воя и кусая, грызут попавшихся диаволов.

И души цыган не успевают мастерить из снега свой зернистый град; мерами рассыпаются острые градины.

Травит Илья окаянных.

Хлопает, бьет бич, стучит молот, скользят, колют копья, колотит каменная палка.

Падают черти на землю, прячутся в гадов, в змеев, за спины людей, в кошек, собак, под шляпки яруек.

Встают ветры; веет злое поветрие.

Гонятся дикие молнии.

Обезумели тучи, бегут за ветром. И другие безумные прут против ветра.

Загорелись амбары. Горят. Сжигаются нивы, побиваются градом поля, разоряются пастбища, — скотина вразброд, побежали, ревут, все смешалось: телята, быки и коровы, овцы, козы, бараны, ягнята, козлы.

Хлещут ливни, валят копну за копной, захлещут до корня.

У старых дубов открылись ключи, — текут рекой. Разливаются реки, сплываются озера, мутнеют, прогорчаются воды, — угрожают потопом.

Гонятся дикие молнии.

Сорвались, летят снесенные вихрем вершины гор, давят долины.

— ад — преисподняя — тартар —
— тартарары —

Содрогнулись стены, рушатся церковные купола.

И крестом распростертая в алтаре у престола черная — убита громом Баба-Яга.

Ты плододавец,
Ты наделяющий,
Ты унимаешь руду-кровь —
Уйми, удержи грозу, положи печать на облаки, отврати огонь громовый, отклони, не направляй на нас, прости нам стрелы Твои!
Не погуби —
Помилуй —
Пощади мир!
Оставь житницы наши, рожь и пшеницу, овес и просо!
Не погуби —
Помилуй —
Пощади мир!

— — тартар — тартарары — —

Валится лес.

Две белые лани из леса — — падают мертвыми.

Хлопает, бьет бич, стучит молот, скользят, колют копья, колотит каменная палка.

Задавлены пчелы, замочен рой. Без листьев деревья. Голо орешенье. Задушены птицы. Побит скот. Ни шерстинки. Поломан горох. Помята капуста.

Пожжены амбары. Спалило избы.

Тает змеиная свечка.

Тают вражьи наветы, напуски, чары, призоры.

Нет нового хлеба, нет обнов. Погибла крупа. Погиб солод. Не будет ни каши, ни квасу. Нет житья-бытья, нет богатства, нет густой ужинистой ржи.

Мстит ожесточенное сердце, мстит без жалости, без милости, беспощадно.

*

На четвертом разжженно-синем небе забушевала неслыханная буря.

Гнется гибкоствольный ветвистый зверной вяз, исцарапались звери. Гнутся ветви, еле переносят убитых на своих зеленых плечах.

И тянутся, тянутся, не провитав близ земного жилья сорока положенных дней, через мытарства до вербы, по вербному перепутью к яблоне сонмы покаранных душ.

Запружают убитую стопами равнину.

Толчея. Некуда яблоку упасть.

Не успевает Богородица в книгу записывать; иступилось перо. И весы кажут неверно, согнулись резные стрелки.

Шершавый пастушенка Елька ни с того, ни с чего толчется у яблони, зарится на золотые яблоки.

И две белые лани нежные. И Баба-Яга. Скаредный дух. Скот бессловесный.

Приступает Богородица к Сыну — к Спасу Господу.

Говорит Богородица:

— Сыне мой возлюбленный, Иисусе Христе, пощади мир, уйми Илью: убьет он всех.

И бросают ангелы миро варить, бросают архангелы чистить Христову купель, — пускаются ангелы и архангелы во все концы, летают за колесницей, ловят Илью.

Поймать не могут.

Прытки кони, шибко мчатся с края на край.

Сбилась красная шапка, изодрана огненная мантия.

Наступает Архангел. Настигает Архангел.

И поражает Грозный Грозного — Илью в десницу.

Грохочет гром, трещат нещадные стрелы, гремит мир, клокочет ад, зыком потрясается поднебесье, зашатались райские обители.

Свертывались звезды, как листья, чернели, падали в темь.

И потащились к престолу Господню со всех райских обителей и прохладных кущ все святители и угодники, чудотворцы, святые мученики, великомученики, блаженные, присноблаженные, печальники, страстотерпцы, заступники усердные, лики праведных жен, лики царей милостивых, благоразумные разбойники и пророки, и апостолы.

Восплакались преподобные:

— Господи, никакого покою нет, обуздай Илью, разрушит он землю и небо, погубить весь свет, и нам не сдобровать!

Прослезилась Богородица:

— Уйми Илью!

И внял Всевышний мольбам праведных, послушался Пресвятыя Богородицы.

Порешил Всемогущий: огненную колесницу и коней, стрелы, бич, копья, меч и каменную палку оставить навсегда у Ильи, навсегда сделать его властителем молний и подателем дождя, на голову же возложить Пророку камень в сорок десятин, десницу его онегодить и навеки не открывать день памяти его.

И была великая брань на небеси и на земле.

* * *

Смраден час, невозможный.

Глубокими, как пропасти, устами глотал ад жертвы погибели и вскипал смрадом.

В бездне бездн, где родится и плавится огонь, в геенне — серебряный столб, в столбе золотое кольцо; там к золотому кольцу прикован на цепи Иуда.

Так и будет прикован на цепи, и с петлей на шее до последнего суда не тронется ни на единую пядь из ужасного пекла.

Бесятся бесы — завивают, лохматые, винтом свой острый кабаний хвост и с налета, визжа, сверлят волосатую блудливую душу.

Зацепили за пуп плясуна и волынщика, поддернули на железное гвоздье, пустили качаться над раскаленными каменными плитами.

Качался плясун и волынщик.

Влеплялись стрелы в изъеденный коростой язык балагура.

Грыз диавол — веревкин черт — заячье сердце и лукавое.

Один черт без спины с оголенными раздувающимися синими легкими пилит руку охальному писцу.

Железное дерево с огненной листвой трепетало, осыпались огненные листья; из темной реки подымался вопль, клич и визг; змеи сосали лицо; черви точили раны; двуглавые птицы, крича, кружились, выклевывали глаза; диаволы разжигали железные роги и проницали сквозь тело.

Пламя грозит, душит дым, падает горящая смола.

Писк, скаканьё, сатанинские песни.

Там плач неутешный.

Мука вечная и бесконечная.

Земля!

Ты будь мне матерью. Не торопись обратить меня в прах!

ОТЧЕГО НЕЧИСТЫЙ БЕЗ ПЯТ И О СОТВОРЕНИИ ВОЛКА.
СЛОВО ЕГОРИЯ ВОЛЧЬЕГО ПАСТЫРЯ НИКОЛЕ УГОДНИКУ

Во время оно, в странствии по земле шли однажды лесом Егорий да Никола Угодник и заблудились.

А ночь была темная, студеная: ни светляка на кусте, ни звезды на небе; и укрыться некуда: шатался по лесу Лесной Ох, перекувыркивал все, путал непутевый.

И порешили святые заночевать, где Бог привел.

Собрали себе хвороста и веток палых, развели костер, да помолившись сели у огонька ночь коротать до белой зари.

Так, греясь, сидели святые, гуторя о промысле Божием и о кознях Нечистого.

И три волка поджарых ютились с ними у костра, караулили; один волк Самоглот святым варил кашу.

Обратился тут Никола Угодник к Егорию:

— Расскажи, Егорий, ты — Волчий Пастырь, почему Нечистый твоих волков боится?

И рассказал Егорий Николе, почему Нечистый волков боится, и откуда сия вся причина.

*

В четвертый день помысли Сатана: сотворю себе престол и буду равен Богу.

И очутился в бездне.

И два дня, две ночи, как в гробе, пробыл Сатана в бездне.

Черен, что сажа, почернели от злобы светлые крылья, и сзади вылез черный осклизлый хвост, и от черных дум

злые пробились сквозь череп рога, и все злое, нечистое, чему в грядущих временах суждено прожечь всю вселенную и растлить мир человеческий и скончать свет, выжглось на сердце, и сатанинское сердце обросло колючей щетиной и в необуйной гордыне положило мстить Творцу за позор свой до последней погибели.

А над бездной на тверди ходило великое светило — солнце — и, вечером затмившись, пряталось в дому своем за море, и другое ему на смену меньшее — луна — плавало по ночи и с утренней звездой скрывалось в дому своем за горы.

На третьей утренней заре встал Сатана из бездны.

Был день седьмой, — почил Бог от дел своих, благословил сей день и отдыхал.

И вот из бездны встал Сатана посреди Рая и, обозрев творение, уязвился сердцем — пожелал самому творцом быть.

Адам по воле Бога давал в тот час имена деревьям, траве и всякому злаку и зверям полевым и скоту и всем птицам небесным, и которые парами, которые гнездами, а которые кустом отходили от него в места свои плодиться и множиться.

И посмеялся Сатана Адаму, что он один и без помощника, подобного ему.

Сказал Сатана: сотворю себе человека — Адаму жену.

И взяв глины, начал лепить из глины человека — Адаму жену, ибо уже и в те времена искал он, нечистый, через жену погубить человека.

Мечтал Сатана сотворить себе человека по образу и по подобию Божиему, а сердце вложить свое, и тот человек с его сердцем совратит Адама и тварь всю и ангелов, которые соблазнятся о нем, и тогда все попадет в царство тьмы, и один он тогда над всем миром и Богом будет господствовать.

Заносясь так в гордыне своей, вылепил Сатана нечто ни на что не подобное: ни в дверь пролезть, ни в каком ином строении уставиться.

И пришлось поправлять ему сделанное, а то хоть брось и заново лепи. Пошел Сатана стругать неподобное, — полетели стружки во все стороны, и всякая стружка вылетала из-под его нечистой длани мухами, комарами, шершнями, оводами и прочим иным насекомым, которое

сосет, пиявит и точит, и ничем от него не отобьешься, никуда не схоронишься, — докучная погань, гнусь — творение сатанинское.

Между тем, остругав достаточно и найдя рост примерным, принялся Сатана вдыхать в глину дух жизни и дул до изнеможения, — и глина поддалась под его дыханием: кости наполнились мозгом, в жилах брызнула кровь, и зашевелились члены.

Тут, видя ухищрения Сатаны и сострадая смятению, какое явилось всему Раю от мухи, комара, шершня и овода, пресек Бог дело погибельное.

Взял Бог жезл и, наметив, ударил сатанинский вытвор жезлом по боку.

И тотчас сорвался из глины волк, бросился на Сатану, Сатана от него — хотел Нечистый взлезть на дерево, но догнал его волк, схватил за ноги и откусил ему пяты.

Так и поныне Сатана и все его воинство без пят, а волк на всю жизнь заклятый их враг; от Божьего жезла вон и теперь перехват цел.

И боятся их нечистые пуще креста, и гонятся волки за нечистыми, не дают им пощады.

Кабы не они да не гром Ильин, расплодилось бы беспятых видимо-невидимо, и все сокрушилось бы до последнего основания.

ВЕЩИЦА, ИМЕН КОТОРОЙ ДВЕНАДЦАТЬ С ПОЛОВИНОЮ

ИЗЪЯВЛЕНИЕ

В Гадояде, в стране стеклянной царствовал некогда сильный и могучий царь по имени Гог с царицей Магогой. Родила ему царица шестерых сынов и таких красавцев — загляденье.

Славно царство Гогово, не сосчитать в нем богатств, золотой казны и скота и тучных нив.

Привольны поля хоть туда, хоть сюда, хоть инаково — не окинет глаз; там пахали железной сохой до самого моря, вышина борозды — целая сажень. А лес, что в небо дыра, ни одного деревца кривого в лесу. Завернулись золотые бережки по рекам и по светлым озерам.

Дивности исполнена стеклянная страна, только было б все поживу, подобру да поздорову.

Так и было все поживу, подобру да поздорову: ели, пили, кручины над собой не ведали.

И вот в некое время, как снег на голову, нашло на царство страшное войско комариное, ввалилось в Гадояд, пошло пóтоптом: хочет голодное крови пососать.

Скликнул царь князей, бояр, дружину и всяких людей, ударил всей силой и одолел войско комариное, так что ни капельки крови не попало в голодную глотку, а старого комара, начальника комариного, в темницу посадил заключенную, в яму глубокую.

И взмолился из темницы старый комар, говорит царю:

— Дай мне твоей крови пососать, а то запечется тело твое, что еловая кора, погибнешь сам, и все твое царство погибнет, дай мне твоей крови пососать.

Слыша такие слова и угрозы, разгневался царь, шлет палачей, велит казнить комара немилостиво.

И день казнят и другой казнят, — выломали руки, выломали ноги, порют грудь по живот, — три дня казнят, не могут извести; на третьей вечерней заре извели комара, — погиб комар.

На третьей вечерней заре из-за холодных гор показалась Вещица:

— Эй, Гог, выведи детей своих к холодным горам, зарежь детей, нацеди горячей крови их, помажь голову старому комару, эй царь!

Посмеялся царь словам Вещицы, устроил пир на весь мир и пировал всю ночь.

А наутро не стало царских детей.

Схватился наутро царь, посылает в погоню гонцов. И вернулись гонцы, не вернули царских сынов.

С той поры всякой ночью — на молоду и под полн, на перекрое и на исходе месяца — показывалась Вещица из-за холодных гор.

И горе тому, на кого упадал ее глаз: она смыкала уздою уста, высасывала душу и только одни оставляла глаза на немилый свет, на постылую землю.

И горе тому, кто отзывался на ее оклик: она входила и ложилась в сердце и щемила сердце неведомой тоской,

недознаемой грустью, недосказанной кручиной, и тот кручинный с утра до вечера кидма кидался из дверей в дверь, из ворот в ворота, из села до села — на погост.

И горе тому, кто в напущенном сне любился с ней: бросалась она в голову, в тыл, в лик, в очи, в уста, в сердце, в ум, в волю, в хотенье, во все тело и кровь, во все кости и жилы. И думать тому не задумать, спать не заспать, есть не заесть, пить не запить. Тот нигде пробыть уж не мог и мыкался всю свою жизнь, ровно бы червь в ореховом свище.

Стало все с толку сбиваться, настало лихолетье, задряхлело царство Гогово, расползался Гадояд: в коробах да амбарах заводились мертвые мыши, не рожалось младенцев, — подкатывала рожаницам порча под сердце и лежала там, как пирог.

Призывал царь колдунов.

Страшные колдуны водились в стеклянной стране: знали они порчи временные, и вечные; временные, которые отговариваются заговором, и вечные, которые остаются до конца жизни. Знали они, как занимать чертей, — посылали чертей вить веревки из воды и песку, перегонять тучи из одной земли в другую, срывать горы, засыпать моря, дразнить слонов, которые поддерживают землю, но на такое не могли пойти — не могли осилить Вещицы, вернуть царских сынов.

Ходил царь по указу колдунов пешком в Окаменелое царство ко Скат-горе, ел там царь пену с заклятых гробов, силы набирался богатырской, да только попусту.

Всякой ночью — на молоду и под полн, на перекрое и на исходе месяца — клала Вещица тело под ступу и летала бесхвостой сорокой, спускалась в трубы, похищала детей из утробы, а на место их клала головню либо голик либо краюшку. Сама разведет огонек на шестке, там дите и сожрет.

И, до зари налетавшись бесхвостой сорокой, на заре одевала Вещица тело и за зарю до белого дня плескалась в море, пела свои вещие песни. Кто ее слышал, навеки становился негодным.

Сидел царь с царицей в золотом дворце на двойных запорах, за крепкими стенами да глубоким, вострыми торчами утыканным рвом, ночи не спали — не собилось — горькую думу думали, тужили о потерянных сынах

своих да молили Бога, чтоб дал им еще дите последнее — наследника царству всему. И услышал Господь молитву их, исполнил царскую просьбу: в одну из ночей понесла царица.

Не успел царь от радости опомниться, не успел пир отпраздновать, не допил турий рог сладкого меда, как из-за холодных гор показалась Вещица.

— Эй, Гог, выведи живьем мне к холодным горам царицу твою, эй, царь!

Помертвел царь, невмочь опомниться.

А над дворцом, напырщив перья, красный птичищ каркал черным граем.

Собрались тут князья, бояре, дружина и всяких людей многое множество; вот они шушу-шушу и решили: поналечь всей силой, а не дать в обиду страну — поправиться с Вещицей.

И в одну ночь построили вдали от жилья башню из мрамора, оковали ее гвоздием железным и залили оловом, так что ни снаружи, ни изнутри невозможно проникнуть.

В этой башне затворилась царица с одной старой старухой, которая должна за печками глаз держать и закрывала б печки каждый вечер с молитвой и плотно, чтобы, как ненароком, не залетел в трубу Нечистый Дух.

И все шло хорошо, лучше и не надо в это страшное лихолетье.

Когда пришло время рожать, и родила Магога царевича, — Сисиний, родной брат Магоги, великий воин, побивший много побоищев, победитель Пора, царя индейского, возвращаясь в Гадояд, вздумал в ту пору навестить сестру, подъехал ночью к башне и просится пустить его.

Не хотела Магога пускать брата, боялась, не стряслось бы беды, но Сисиний повторял свою просьбу и молил царицу.

Бурная ночь была, всколыбалась сильная вода, сек дождь до кости, просвистывал ветер все уши, и молния, бреча, клевала землю.

И вот, когда отворились двери, поднялась из бури Вещица, вошла в горло коню, проникла с конем в башню, и в полночь похитила сына Магоги, умчалась за холодные горы.

Так и не стало царевича.

Растужилась, раскручинилась царица, плакала Магога,

жаловалась на брата Сисиния. Крепкой тугой ущемленное, сердце неуимчивое проклинало. Сотрясалась башня от вопля и проклятия.

И снова черным граем каркал красный птичищ.

Ужа́хнулись Гог и Сисиний.

Поднявши руки к небу, стали просить у Бога дать им власть над Нечистою, поймать ее; и по молитве, сев на коней своих, погнали через пропасти за холодные горы.

Вот они гонят три зари без устали, — взмылены кони, не напоены; на третьей заре напал на Сисиния глубокий сон. И едут они врознь: Гог впереди, Сисиний за ним в глубоком сне.

Шагом проехали много длинных верст, стало уж солнце за лес заходить, стала туманами ночь заволакивать пустынный путь, и взбесился вдруг конь под царем, бьет копытом, дрожит, нейдет, и чем дальше, тем бешеней.

И видит царь сквозь туманы бабу на болоте, бултыхается баба, молит о спасении.

Ударил Гог коня, направил прямо на болото, хвать бабу, и вытащил.

А баба вдруг и говорит:

— Я не баба, я Смерть, прощайся с кем хочешь.

И стал царь просить и молить Смерть пощадить его:

— Было у меня царство и обилье всего, жил я, не тужил, — все прахом пошло, было у меня шесть сынов, в одну ночь погибли все, народился последний сын — царству наследник, и его не стало...

Не приняла Смерть моленья пустынного, ничего не ответила.

Слез царь с коня, стал перед конем на колени. И конь на колени стал.

Тут надоело Смерти ждать, скосила она голову царю и, взвыв, пошла по болоту в поле-поляну к шелому окатному в свои чертоги.

Проснулся Сисиний, кличет царя, а царь мертв, не может подать голоса, и царский конь в болоте по губы, не может выдраться.

Повздыхал Сисиний, чудным образом помолился и, боднув коня, поскакал один в путь.

Путь полунощный — путь на девять зорь по трем тропам за холодные горы.

За холодными горами под травой красной, белой и

черной, под мозгами детей — бесное гнездо Вещицы.

Так проехал Сисиний без отдыха на своем наступчитовом коне три зари и видит, идет по пустыне некая женщина: она шла по пустыне, блеща огнем, длинные до пят волосы крыльями горели за ней, и от всего тела ее пыхало пламенем...

— Кто ты, откуда, и как имена твои? — крикнул Сисиний Диаволу.

— Я крыло Сатанино, я — Вещица, — и, захлебнув глазами Сисиния, прожгла его насквозь, так что золото расплавилось на нем.

Тогда Сисиний, вздернув коня, схватил ее со всего плеча за волосы и, сбив в мяч, стал бить и колоть ее, требуя выдать царских сынов.

Она же завопила гласом великим, прося отпустить бить ее, но Сисиний наносил ей удар за ударом и с каждым ударом давал ей по три тысячи ран.

— Я пожрала их, — воскликнула Вещица.

— Так изрыгни.

— Изрыгни сперва на ладонь матернее молоко, которое ты сосал.

И, помолившись, Сисиний исполнил: изрыгнул на ладонь матернее молоко.

Тогда, пораженная чудом, сдалась Вещица, — изрыгнула всех семерых царевичей, сказала Сисинию:

— Клянусь тебе, святый Божий, кто напишет двенадцать с половиною имен моих и будет при себе носить, тот избавится от меня, и не войду я в дом того человека, ни к жене его, ни к детям его, пока будет стоять небо и земля во веки. Аминь.

— Скажи же, проклятая, имена твои!

— А имена мои суть: Мора, Ахоха, Авиза, Пладница, Лекта, Нерадостна, Смутница, Бесица, Преображеница, Изъедущая, Полобляющая, Негрызущая, Голяда. — — —

Тут сия история конец восприяла.

О СТРАСТЯХ ГОСПОДНИХ.
ТРИДНЕВЕН ВО ГРОБЕ

На Голгофе, на эдемской могиле Адама, водрузили древо Познания, и пуста голова — первая человечья кость легла в основание под крест Сына человеческого.

Посеянное рукой Сатанаила, когда Бог насаждал рай на земле, открывшее глаза человеку на добро и зло в грехопадении, увенчавшее веткой мертвое чело Адамово, выросло оно древом Спасения — Крестом Спасителя.

Распяли Его на кресте леванитовом, прибивали Его по пятам и ладоням гвоздями железными, одевали в рубашку зеленую из зеленой крапивы, опоясывали поясом из боярышника, перевязывали хмелем и ожиною, пробивали копием ребро Его, забивали под ногти иву — согрешившее дерево, а на голову клали венок из шипов и терниев.

Где гвозди вбивали, там текла кровь, где вязали поясом, там лился пот, где клали венок, там сыпались слезы.

Проходившие мимо, покивая головами, злословили:

— Разрушающий храм и в три дня созидающий! спаси себя. Если ты сын Божий, сойди со креста.

— Других спасал, а себя самого не может спасти. Если он царь Израилев, пусть теперь сойдет со креста, и уверуем в него.

— Уповал на Бога, пусть теперь Бог избавит его, если он угоден Ему. Ибо он сказал: я — Божий сын.

— Радуйся Царь Иудейский!

Несметные полки демонов и полчища темных бесов собирались с полдня и полночи, слетались с восхода и заката солнечного на Палач-гору Голгофскую ко Христу распятому.

Белый, как белый снег, плакал месяц, и в слезах омраченное закрывалось солнце, и от темных демонских крыльев погасал на земле белый свет.

И была тьма по всей земле от шестого часа до часа девятого.

Искривленными кровавыми очами смотрели демоны в измученный лик Христа, держали в руках огромные свитки — исписанные хартии грехом человеческим от первого дня до последнего, и отвивали их, и конца им не было.

Заслышав столь тяжкие кровавые преступления, явились со всех концов страшные немилосердные ангелы: лица искаженные от ярости, зубы выше рта, глаза, как звезды, а из уст пламя. Это ангелы, которые приходят за душами неверных людей, чтобы вести их на муки превечные. Этих ангелов была тьма тем, ибо грехи были неисчислимые, все — от начала мира и до конца его.

Разбойники, распятые со Христом по правую сторону и по левую, не вынося муки крестной и не чая спасения, поносили Его, как обманщика.

А у подножия, у залитой кровью головы Адамовой, гремело оружие: мытарские мечи, ножи, пилы, серпы, стрелы, сечива козноде́йствовали. Они расторгали составы изможденного тела, отсекали ноги, потом руки, и, вновь оживив, пригвождали, и выдергивали маковые листочки с кровавых ран и дьявольским соленым языком облизывали истерзанные раны.

Один гуселапый безшерстной свиньей поднялся демон к самому лику и, поднеся великую чашу полную горечи, дал Ему пить.

И, выпив чашу до дна, возопил Иисус громким голосом:

— Боже мой, Боже мой! для чего Ты оставил меня?

Тогда от облацев северьских на зов Покинутого, Принявшего грехи мира, поднялся с престола в девятый час Сатанаил — князь тьмы, и сокол — кологривый конь, как ветер, как гром, как молния, умчал Его ко кресту Сына Божьего.

Сворохнувшись, взвихнули вихри — орлы, помахом подняли прах по путям, затряслись горы, заметались глубины, оболелеялись волны вод, улились изливы, не уходиться — не уполошатся, и небеса, свившись как свиток прорезались адовым пламенем и, всколыбнувшись, горела земля, как железо.

— Радуйся Царь Иудейский!

Стал Сатанаил перед Крестом и смотрел на Христа, и со Креста, подняв тяжелые веки, смотрел на Сатанаила Христос.

Друг против друга, как царь и раб, как брат и враг, как царь и царь, как брат и брат, как враг и враг, как спаситель и покинутый, перекрещивались глаза их.

И вся поднебесная повергнулась ниц от ужаса и трепета в этот грозный час.

А Она, скорая, шла от синего моря, от земли незнаемой, шла по полю, зеленой траве, по бродучему следу, зяблым овсам, через ржаные нивы молодая жена — Смерть прекрасная.

Не просилась, потихоньку раздвинула железную тынь, не оступилась; Она взошла на Палач-гору Голгофскую ко Христу распятому, обняла его голову:

— Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствие Твое!

И, преклонив голову, Иисус предал дух.

* * *

Вечером того же дня пришел к Пилату некий богатый человек из Аримофеи, именем Иосиф, и другой, Никодим — оба тайные ученики Христовы, и просили Пилата взять тело Иисусово. Пилат позволил.

И, взяв тело и обвив чистою плащаницей с благовониями, положили Его в саду в новом гробе и, привалив большой камень к двери гроба, удалились.

Когда замерли последние человечьи шаги, и воины, перебившие голени у распятых разбойников, покинули Голгофу, и мертвые, восставшие из гробов, разбрелись по улицам в бессонную ночь, — гогот, гвал, грем, стук, скок, свар потрясли мир неистовством, и сад обратился в бездну бездн геенскую, ибо сам Сатанаил — князь тьмы пребывал там с великим своим воинством.

Демонской силой Он отвел глаза человекам и всей подлунной, погрузил души их в бесовский сон, и темный бесной сон сковал вселенную ужасными видениями.

Вскликнулись, взбросились бесы, совлекли со Христа плащаницу, разделили пречистое тело: плоть — земле, кровь — огню, кости — камню, дыхание — ветру, глаза — цветам, жилы — траве, помыслы — облакам, пот — росе, слезы — соленому морю, и, развеяв благовонные масти, растлили останки. Звучало, бучило злое море дьяволов. Кишели, тешились ехидные, свирепые — сила несметная из темных ям — шелудяки, поползни, боробрющи, уродье, горбоногие и творили беззаконство, топча и лягая, насильничая и надругиваясь.

Куски бездушного мяса, прогноившись, смрадом наполнили гроб.

И вот в полночь с шумом открылось все небо, и воспылало над землею ярое солнце, какого никогда не бывало.

Выволокли демоны тело Христово из нового гроба и, убрав Его в дорогие царские одежды, вознесли на высочайшую гору на престол славы.

И там на вершине у подножия престола встал Сатанаил и, указуя народам подлунной — всем бывшим и грядущим

в веках — на ужасный труп в царской одежде, возвестил громким голосом:

— Се Царь ваш!

А с престола на метущиеся волны голов и простертые руки смотрели оловянные огромные очи бездушного разложившегося тела. И в ярком свете — в этот внезапный ясный день, яснее и светлее всех дней, видно было, как распадались составы, и под одеждой колебалось затхнувшее мясо и, вместо ответа на мольбы и вопли, лебедями гоготала забродившая гниль раздувшейся утробы.

Отчаяние стягивало пространства и казалось, мера земле — четыре шага.

Из страны в страну, из земли в землю, выметывая раздолья, сквозь поля и луга, по городам, прорезая толпы всех времен и народов и царств, неслась на борзых конях колесница, и в колеснице — скелет в терновом венце.

— Се Царь ваш!

И замглились светлые одежды народов, смех перелился в плач, падали люди, умирая друг с другом, и охватившись брат с братом, и дитя умирало на коленях матери, а мать охватившись с дочерью.

От крика и стенания погнулась земля, расселись неплодные камни, разверзлись великие пропасти, и восплакалось море, и реки, и вся глубина и преисподняя.

Тогда высоко, в удольнем месте над ярым солнцем, в ярких лучах последним обетованием возник на небеси Крест, а на Кресте пригвожден безобразный истерзанный труп.

Восседая на крыльях ветряных, Сатанаил дунул в Крест — и Крест с трупом обратились в прах.

— Се Царь ваш!

И не осталось вольного воздуха, иссякли источники, деревья от смрада сбросили листья, солнце померкло, и злоба изъела земную кору.

Так два дня, две ночи безумствовал Сатанаил, вселяясь на сердца, на тайные, зажигая мятеж, отравляя сердца отчаянием.

* * *

Жестокий сумрак безлунный безмолвием облек город. Мертвые бродили по дворам, стучались в двери и, как в дни мора, люди не смели выходить из домов, а на безлюдных улицах являлись всадники, и лица их не были видны, и кони их не были видны, лишь мелькали копыта коней. И по безлюдью с пустынной Голгофы от Креста разносился по миру плач Богородицы.

Сердце у матери ужаснуло, — трепещется, голова вкруг обходит, язык мешается, и очима не можно ей на свет глядеть.

— Встань, проснись, вскинь свои очи, промолви... Крепко спишь, не проснешься. Ты скрепил свое сердце крепче горючего камня, нигде тебя не завижу... Трудно мне — возьми меня!

А рядом с Богородицей на Палач-горе Голгофской, поклонив ко Кресту голову — молодая жена, и до рассвета третьего дня, как встать заре и взойти воскресшему солнцу и Ангелу явиться отвалить от гроба камень — настать Христову дню — Пасхе, Она не отходила от Креста — неутолимая Смерть прекрасная.

— Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое!

ПРИМЕЧАНИЯ

О БЕЗУМИИ ИРОДИАДИНОМ — КАК НА ЗЕМЛЕ ЗАРОДИЛСЯ ВИХОРЬ

Повесть состоит из рождественской колядки и вертепа: пляс Иродиады. В Сибири есть обычай колядовать с вертепом: сначала колядуют, потом представляют «Пляс Иродиады». Так и эта повесть. Начинается она колядкой про Рождество Христово, поклонение волхвов, избиение младенцев. Хор подхватывает колядским припевом: «Белые цветы». Затем открывается вертеп. Ряженые музыканты берутся за музыку. Иродиада пляшет. Занавес опускается. Снова выступают колядовщики: рассказывается об усекновении головы Ивана Крестителя. Хор подхватывает колядским припевом: «Белые цветы!» Занавес подымается: несут голову Ивана Крестителя. Ряженые музыканты берутся за музыку. Иродиада выкалывает Ивану Крестителю глаза и намеревается поцеловать голову. Голова оживает. Все рушится. Музыка играет. Вертепщик рассказывает злополучный исход повести Иродиадиной.

Устройство вертепа: прямоугольный ящик в ширину, глубину и высоту по аршину с чем-нибудь. Передняя стенка открывается и опускается вниз во время представления. Верх сведен конем с резьбой. Снаружи лубочные картинки; тут подходящи «возрасты человеческой жизни». Внутренность богатая. Стены и потолок оклеены золотой и серебряной бумагой. По бокам и вверху подвешены разноцветные фонарики для освещения сцены. Пол покрыт черным мхом, чтобы скрыть движения кукол на проволоках. У задней стены, посередине, стоит разукрашенный трон царя Ирода со ступеньками. Около трона по сторонам воины в полном вооружении. В правом углу от зрителя сделан вертеп с новорожденным Младенцем и над ним повешена воссиявшая звезда. Когда приходит время всему провалиться, вертеп с Младенцем закрывается занавеской. В правом и левом боку прорезано по двери, в которые под конец влетает ведьма с сестрами и наползают черви.

Когда ведьмы пляшут, а черви едят царя Ирода, для пущего страха можно пустить Черта: он обшит черной овчиной; рот, нос, глаза и уши красные; при рогах и при хвосте.

Красная кумачная занавеска закрывает представление.

Время вертепного действа — навечерие новолетия — щедрая кутья Васильева вечера, когда, как говорит поверье, счастье разливается по свету.

Приурочение усекновения главы Ивана Крестителя к святкам допустимо поверьями и народными обычаями. Известны два Ивана: летний (24 июня) и зимний (27 декабря) — последний хоть и не Креститель, а Богослов, но на это не смотрят. Оба Ивана приходятся на повороты солнца — важные переломы народного земледельческого года: 24 июня (Рождество Ивана Крестителя) — купальские огни, 27 декабря (Иван зимний) — рождественские огни.

Правда, настоящее усекновение главы (29 августа) держится крепко, но это день постный, проходит келейно и скучно, с него взять нечего. К этому же времени к концу святок подходит празднование памяти избиения младенцев (28, 29 декабря). Кроме того, празднование Рождества и Крещения до IV века совпадало. Это могло иметь свои влияния. Крещение Иисуса Христа многими было понято совсем не по Евангелию: крестился Иисус Христос младенцем, крестила Его Богородица, кумом был Иван Креститель. В одной малорусской колядке купает — крестит Христа Богородица, пеленает в шелковые пеленки; в болгарской: Богородица просит Николу окрестить Сына, но Никола отказывается, посылает Ее к Ивану.

Действующие лица: Царь Ирод и дочь его Иродиада. Царь Ирод козар (жид, жидовин). Он живет на черной горе в белых теремах. Ирод — один, другого никакого Ирода не было: он и младенцев перебил, он и голову Ивану Крестителю посек, его живьем и черви съели. Иродиада не дочь Аристовула, сына Ирода Великого, не племянница Ирода Антипы, а родная дочь царя Ирода. Про Саломию ничего не говорится, апокриф такой не знает.

Пьют и едят в Иродовом дворце по-русскому. Обычаи в корне «русские»; не русские — западные вводятся для выделения Иродовой поганости — чужеземства: присутствие, например, византийских удонош (фаллофоры), немецких «мартынов» и т. д. Иродиада — панна: и за красоту панна и за свою «поганость». Царевны в святцах поминаются, царевны — русские; пускай же будет панна — царевна.

Сказание об обращении Иродиады в вихорь послужило основанием других сказаний о дочерях Иродовых — трясавицах.

Стр. 5. «Белогрудая птица» — символ Богородицы.

Стр. 5. «Семьдесят две страны» — символическое число стран земли. В одной старонемецкой песне шпильманского пошиба говорится: «Nu sage mir meister Trougemunt, zwei und sibenzec lant diu sint dir kund»... и т. д.

Тоже упоминается и в «Бѣсѣде трех Святителей»: «Колко острововъ великихъ? — Семьдесятъ и двѣ, а языковъ разныхъ толко же, а рыбъ разныхъ толко же, а птицъ разныхъ толко же, а деревъ разныхъ толко же»... и т. д. (См. также поэмы о короле Ротере и об Ортните).

Стр. 5. «Волхвы отошли иным путем в страну свою персидскую». В «Сказании Афродитиана о чуде в Персиде» рассказывается, как персидские волхвы ходили на поклонение; они не только поклонились Младенцу и принесли дары Ему, но умудрились сделать изображение Христа и Богородицы. Ими же записана на золотые листы история Рождества; листы хранятся в кумирнице. См. П. Е. Щеголев: Очерки истории отреченной литературы. Сказание Афродитиана. СПБ. 1899—1900. Изв. Отдел. Рус. яз. и Словес. Имп. Акад. Наук.

Стр. 6. «Корочун». Древн. рус. карачун, корочун, корочюн; малорус. керечун; происходит от «крачити», «краю» — шаг, нога. Олицетворение навечерия Рождества. Древн. рус. название Солноворота — 12 декабря, Филипповок — 15 ноября по 24 декабря.

Когда пришло время рожать Богородице, никто не приютил Ее, один старик Корочун приютил Ее. За это румынская колядка отводит Корочуну (Кречуну) высокое место на том свете: старый купается вместе с Иваном Крестителем в реке Крещения Иордане; в ней купается и сам Господь Бог, только повыше; в ней купаются и святые угодники, только уж пониже. Купается Корочун, моется, в белую одежду облекается, миром помазуется.

В великорусских говорах Корочун — злой дух, смерть, нечто враждебное Рождеству. См. А. Ремизов: Посолонь. М. 1907. Изд. «Золотого руна».

Стр. 6. «Конь подъел под Младенцем сено». В хлеву у Корочуна водились кони. Проголодался ли конь или так дурковатый какой, озорства ли ради, только

взял да и съел все сено в яслях под Младенцем. Вот почему на постную кутью в Рождественский сочельник сено, которым покрывают стол, не следует давать коням, волам же быкам можно. См. Крачковский: Быт русского селянина. Драгоманов: Малорусские народн. предания и рассказы. П. П. Чубинский: Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. 1872—1878.

Стр. 7. «Жатвенный пир». Празднование январских Календ с 1—5 января завершалось в Византии жатвенным или готским пиром с воинственной пляской ряженых; по этому случаю в царском дворце давалось угощение народу.

Стр. 7. «Не счесть ликом» — не проверить наличность присутствующих. См. Даль: Толковый словарь. Изд. Вольфа, СПБ. 1903.

Стр. 7. «Веселые люди» упоминаются вместе с скоморохами, попрошатаями, медведчиками и медвежьими поводчиками. Рассказывается во 2-й Новгородской летописи «Лѣта 7080 (1571) мѣсяца Сентября... въ 18, вторникъ, въ Новѣгородѣ на Софiйской стороны, въ земщины, Субота Осетръ дьякъ Данила Бартенева билъ да и медвѣдемъ дралъ его... а втапоры много въ людехъ ученилось (отъ медвѣдя) изрону. Въ тѣ поры въ Новѣгородѣ и по всѣмъ городамъ и по волостемъ на государя брали веселыхъ людей да и медвѣдя отписывали на государя, сея весны, у кого скажутъ... Да и того же мѣсяца 21, въ пятокъ, поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ къ Москвѣ Субота и съ скоморохами и медвѣдей повезли съ собою на подводахъ къ Москвѣ».

Стр. 7. «Глумцы, игрецы» — бродячие потешники, музыканты — немецкие шпильманы. В Иловицкой Кормчей 1262 г. шпил'манъ рекше глоумьцъ; «шпил'-манить, рекше глоумы дѣютъ»; «якоже се скомраси и глоум'ци». См акад. А. Н. Веселовский: Разыскания в области русского духовного стиха. СПБ. 1883.

Стр. 7. «Береза-Коза» — главный колядовщик. В Малороссии Козу делают из дерева, а туловище покрывают шубой; ее поддерживает скрытый под шубой человек. В Белоруссии Коза — парень в кожухе наизнанку, голова покрыта маской с приставленными коровьими рогами.

Появление Козы, которую ведет Антон, означает призыв к пляске.

Антон козу ведет,
Антонова коза нейдет;
А он ее подгоняет,
А она хвостик поднимает;
Он ее вожками,
Она его рожками.

Коза сначала пляшет, потом упрямится. Антон бьет ее веревкой, она бодает его и дрыгает ногами. Тут уж всяк запляшет, даже кто и не может. См. Терещенко: Быт русского народа.

Стр. 7. «Удоноши, зачерненные сажей». — Пачкать лицо сажей восходит к Византийским обрядностям Дионисовских празднеств. Ифифаллы Диониса, вооруженные фиговыми либо кожаными фаллами, окрашивали себе лицо отстоем вина или покрывались личинами в отличие от фаллофоров (удонош), черневших лицо сажей.

Стр. 7. «Турицы, туры». Рядиться Туром-быком распространенный обычай на колядских игрищах.

Ой Тур молодец удалой,
Тур из города большого,
Вызывал красну девицу
С ним на травке побороться,
Ой дид — ладо побороться...

См. Снегирев: Простонародные праздники. I.

Стр. 7. «Кони, кобылы». Конь — известная святочная маска: «бесовская кобылка» древних русских коляд.

Стр. 7. «Пляшут со слепой рыжей сучкой». Грамота царя Алексея Михайловича в Белгород к Батурлину 1648 г. нападает на тех, что «медвѣди водять и съ собаками пляшуть», запрещая впредь, чтобы они «медвѣдей (не водили) и съ сучками не плясали».

Выдрессированные собачки были с давних пор в большом ходу у скоморохов. Рассказывают про одного итальянца по имени Андрея, у которого была рыжая слепая собака, понятливая и проворная на все руки: умела собака распознавать на монетах изображения императоров, угадывала без ошибки, какая из присутствующих женщин беременна, кто скуп или щедр или развратен и т. п. См. акад. А. Н. Веселовский: Разыскания в области русского духовного стиха. СПБ. 1883.

Стр. 7. «Разносят утыканные серебром яблоки». В ночь на 1 января в Византии ходили дети из дома в дом, поднося хозяину яблоки, утыканные серебряными монетами, за которые получали вдвойне.

Стр. 7. «Кличут Плугу». В грамоте царя Алексея Михайловича к Шуйскому, воеводе Змеева, 1649 г. говорится: «въ навечеріе Рождества Христова и Васильева дни и Богоявленія Господня клички бѣсовские кличут: Коледу и Таусенъ и Плугу». «Плуга» — олицетворение плуга. Хождение колядовщиков с плугом распространенный обычай. Поются особые песни — плуговые.

Стр. 7. «Усень» (Авсень, Овсень, Говсень, Бодцень, Баусень и т. д.). Этимологических объяснений названия Авсень, Усень предлагается несколько: одни производят Овсень от овес, другие выводят от корня «се» — ять. (Такое толкование дано впервые А. Н. Веселовским). Делалась попытка сопоставлять «Усень» с литовско-латышским auszra — утренняя заря (Курциус, и Потебня: Объяснения малороссийских народных песен. II). и т. д. Может быть, Усень имя божества, блещущего Бога предвесенней зари. Он поминается в овсеневых песнях на Васильев вечер. См. Е. В. Аничков: Весенняя обрядовая песня на западе и у славян. СПБ. 1903—1905. П. В. Владимиров: Введение в историю русской словесности Киев. 1896.

Стр. 7. «На сивой свинке выезжает сам Усень». Жертвенный поросенок колется на новый год, на день св. Василия; Василий — покровитель свиней. Ряженье свиньей стоит со святочным жертвенным значением этого животного. В Византии на праздновании Сатурналий (17 дек.—23 дек.) закалывали поросенка. Рядиться свиньей надо так: спереди и сзади прикройся свиными шкурами, на голову надень свиную голову, да выбирай голову, чтобы зубы были побольше. Когда другие ряженые начнут пляску, свинья пускай бегает вокруг них, да колет их своими клыками. А будут бить, притворись убитой.

Стр. 7. «Таусень!» — припев к колядкам на новый год. «Таусень» представляет соединение «Тай усень», «Да — ту — усень».

Кому мостами ездити?
Таусень!
Молодцу удальцу.
Таусень!

См. П. В. Шейн: Великорусс. III. I. Вып. I. СПБ. 1898. Терещенко: Быт рус. народа.

Стр. 7. «Мартыны безобразные». О мартынах ходит слух, будто есть у них своя страна, но страну их никто не знает и они никому ее не показывают, потому что сами они уж очень страшные; только что по ночам и показываются и то в большие праздники. «Мартыны» произошли от св. Мартына, покровителя

свиней в Германии. Св. Мартын празднуется 11 ноября. Он открывает зиму и завершает пору жатвы и сбора винограда. Для ряженья «мартыном» пригодна маска козла (эстонский обряд).

Стр. 7. «Медведи». Ряженье медведя принадлежит к распространенной народной забаве. Излюбленная святочная маска в Германии, Чехии, Моравии, Болгарии, России и Грузии. Ряженье явилось заменой появления в обряде самого зверя, спустившегося от серьезного культового значения к роли потешного ученого зверя. (Брабронии и брабронские празднества в честь Диониса).

Стр. 8. «Домра» — азиатская балалайка с проволочными струнами. Игроки на домрах назывались домрачеями. Известна пословица: рад скоморох о своих домрах.

Стр. 8. «Сурна» — вид рожка или свирели, духовой деревянный инструмент. Звук резкий, пронзительный. Армянская зурна, чувашский сурнай. Сурначи — игрецы на сурнах.

Стр. 8. Две сплетшиеся вершинами ветви дерева (яблони), освещенные светочами, — символ крестного страдания. Светочи — жертвоприношение. Зажигать свечи на дереве — распространенный народный обычай. Кроме того, свечи на деревьях встречаются в свадебных обрядах: «девья красота» — елка, украшенная цветами и лентами, ее несут девушки, отправляясь к невесте на девичник. См. А. Н. Веселовский: Разыскания. СПБ. 1883. Сумцев: О свадебных обрядах преимущественно русских. Мандельштам: Опыт объяснения обычаев индо-европейских народов, созданных под влиянием мифа.

Стр. 8. Миро, вино, пшеница, вода — вещество таинств.

Стр. 9. Крещение кровью — символ распятия.

Стр. 9. «Вытница, вопленица, плачея, пѣвуля», стиховодница, заводница, княжна-сваха — различные названия дружка невесты.

Стр. 9. «Ой рано, рано» — запев овсеневой песни. ·

Стр. 9. «Птицы изъ Ирья по небу плывуть». Ирей — вырей, вырай, ирий — сказочная страна, в которой нет зимы. В Поучении Владимира Мономаха: «И сему ся подивуемы, како птицы небесныя изъ ирья идуть». «Чомъ ти жавороньку рано зъ вирья вилiтавъ? Ище по гороонькамъ снiженьки лежали» (Чубинский: Труды этнографстатистич. эксп.).

Стр. 10. «Иван Креститель больше не рыщет сивым оленем в пустыне». Ивана Крестителя неизвестно за какие причины прокляла его мать. Проклятый он превратился в сивого оленя с золотыми рогами и серебряными копытами. Так заклят он скитаться оленем по лесу девять лет и девять дней. Когда они исполнятся, он сойдет на землю, возьмет в руки ключи, войдет в церковь и будет служить обедню. (Румынская колядка.)

Стр. 12. «Красный знак вокруг шеи огненной ниткой жжет». Каталонское предание рассказывает, как однажды застал рассвет Иродиаду на берегу замерзшей реки, а ей надо было перейти на ту сторону и там укрыться в пещере. Только что дошла она до половины реки, как лед под ней расступился и отрезал ей голову, заставив испытать страдания Ивана Крестителя. Голова, конечно, приросла немедля. Но с тех пор вокруг шеи Иродиады остался знак, словно красная нитка.

ГНЕВ ИЛЬИ ПРОРОКА,
от него же сокрыл Господь день памяти его

Повесть делится на три части. Главная часть повести — злоключения Иуды и неистовство Ильино отделяется от вступления с описанием загробных путей и адова чрева припевом заплачки: «Земля! Ты будь мне матерью. Не торопись обратить меня в прах!» Таким же припевом завершается мука мученская заключения повести. Повесть покаянная и поучительная.

Стр. 13. Расположение путей загробного мира разнообразно представлено в румынских заплачках, которыми пользовался автор. См. также «Хожденіе Зосимы и Агапія къ Рахманамъ». (Памятн. отреч. рус. литер. Н. С. Тихонравова). Ф. И. Буслаев: Исторические очерки народной словесности и искусства. А. Н. Афанасьев: Поэтические воззрения славян на природу.

Стр. 15. «Христопродавка». Трава — христопродавка (Aconitum Lycoctonum) с разрезными листьями. В Вологодской губ. рассказывают, будто, когда жиды ловили Христа, хотел Христос спрятаться под христопродавкой, но не сумела трава хорошо укрыть Христа, — заметили Его жиды, схватили ножи и копья да ну пырять и колоть в траву. Христа, конечно, не подцепили, а траву испортили: пощипали все листья, порезали. Так с той поры и растет такой. Покарал Господь: не сумела она хорошо укрыть Христа.

В Сибири то же рассказывают. Только там не христопродавка, а трава-прострел. Прокляла ее Богородица. См. Потанин: Очерки северо-запад. Монголии. Событие приурочивается и к избиению младенцев и к страстям Господним.

Стр. 19. В Болгарии рассказывают, что Илья заставляет умерших цыган делать град из снегу и пускает его летом на поля грешников. Там же, в Болгарии, живет поверье: будто души детей, родившихся по смерти отца, помогают Илье преследовать ламию. Ламия пожирает жито.

ОТЧЕГО НЕЧИСТЫЙ БЕЗ ПЯТ И О СОТВОРЕНИИ ВОЛКА.
Слово Егория волчьего пастыря Николе Угоднику

Материалом Слову послужила малорусская легенда о сотворении волка. Волк, хотя и созданный Дьяволом, представляется в легенде Божьей «собакой», которая откусывает пятки Диаволу. С этим связано поверье, что чертей и покойников, блуждающих по смерти, надо пугать волком; такой покойник, когда его три раза съедят волки, находит успокоеиие.

Есть легенды и поверья, в которых волк является только созданием Дьявола. «Волчьи выходы» на Ильин день: волки со змеями бродят по полям и лесам, терзая домашнюю скотину, и лишь гром Ильин может разогнать их; средневековые выражения для Дьявола: Infernus lupus, lupus vorax; объяснения затмения солнца и луны поглощением их чудовищным врагом — волком и др.

Подробные толкования и объяснения христианских легенд и апокрифов с указаниями литературы древних памятников и текстов см. акад. А. Н. Веселовский: Разыскания в области духовного стиха (Зап. 2-го отд. Акад. Наук 1879 г., отдел. выпуски), Опыты по истории развития христианской легенды (Журн. Мин. Народ. Просвещ. за 1875—1877); Н. С. Тихонравов: Сочинения. М. 1898.

ВЕЩИЦА, ИМЕН КОТОРОЙ ДВЕНАДЦАТЬ С ПОЛОВИНОЮ.
Изъявление

Вещица — демоническое существо о двенадцати с половиной имен. Имена указывают на разные виды зла, причиняемые Вещицей людям.

Византийские сказания о дьяволе Гилло и еврейская легенда о Лилит, первой жене Адама, послужили впоследствии материалом заговору против трясавиц и молитве Сисиния.

Греческая Γελλώ — славянская Вещица, восходит к халдейскому учению о 12-ти астральных духах, влияющих на судьбу человека.

Мансветов: Византийский материал для сказания о 12-ти трясавицах. Труды Моск. Археолог. Общ., т. IX, вып. I. М. 1881.

Бессонов: Белорусские песни. Потанин: Юго-западная часть Томской губ. Этнограф. Сборн. IV. Буслаев: Исторические очерки русской народной словесности и искусства, СПб. 1861.

Стр. 29. Шелом окатный — шеломя окатное — необрывистый, пологий холм, утес.

О СТРАСТЯХ ГОСПОДНИХ. Тридневен во гробе

Стр. 30. Когда насаждал Бог рай, пришел Сатанаил и посеял древо позиания добра и зла. Бог сказал, указуя на дерево: «Ту буду азъ и тѣло мое и будеть тебе на прогнаніе».

Древо Познания разветвилось на три части: одна часть означала Адама, другая Еву, а середняя Господа. Во время грехопадения части Адама и Евы упали. Адамова часть поплыла в Тигр, а Евина после потопа занесена была к водам Мерры. Сиф, поминая Адама, сложил по указанию Ангела костер из Адамовой части, и запылал неугасимый огонь, который стали стеречь звери. Когда Лот согрешил со своими дочерями, Авраам велел ему принести головню от зверя. Лот принес и посадил на горе и поливал, пока не выросла головня в высокое дерево. В странствиях по пустыне Моисей по повелению Ангела посадил Евину часть в реке крестообразно, и вода из горькой превратилась в сладкую, а дерево разрослось. Почувствовав приближение смерти, Адам просил Сифа и Еву пройти к раю и попросить Архангела дать елея милосердия, чтобы утолить страдания. Архангел Михаил дал им часть Господнюю. Адам узнал ее, сделал себе венец, надел на голову и умер. Из венца выросло огромное дерево.

При построении храма Соломонова все эти три дерева попали в Иерусалим, но для постройки оказались негодными. И пролежали так у храма до распятия, когда Пилат велел для Христа и разбойников сделать из этих деревьев кресты.

Часть Господня, выросшая из венца, вырвана была с головой Адама. Соломон, узнав голову, велел ее закопать и засыпать камнями, так образовалась Голгофа. По другому сказанию Голгофа была местом погребения Адама в Эдеме (см. «Апокалипсис Моисея», «Слово о Адаме», «О исповедаиии Евине»).

Стр. 31. «Леванитов крест». — Есть сказание, что Господню часть нашли на Ливане, отсюда произошло название креста — леванитовым (ливанским). «Голубиная книга» выпадала «ко честной главе ко Адамовой», «у чудного креста Леванитова».

В сказаниях о крестном древе указывается на три крестных древа: кедр, кипарис и сосна, вместо сосны — пальма, олива (елоя, олея) или ель (певга), пальма, кипарис или кипарис, ель, кедр.

См. А. Веселовский: Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе. СПб. 1872 г. В. А. Келтуял: Курс истории русской литературы. СПб. 1906.

Стр. 31. «Забивали под ногти иву — согрешившее дерево». Малороссийская колядка говорит, что ива проклята за то, что ни одно дерево не далось, а она далась мучить Христа. С тех пор ива стала червивой.

Ст. 31. «Где гвозди вбивали, там текла кровь» и т. д. Кровь — вино. Пот — миро. Слезы — пшеница.

Хождение Богородицы по мукам

ЗАБЫТЫЕ БОГОМ

— — и увидела Богородица страшное место — муку несказанную:

великую тьму.

И тьма не разошлась по слову Богородицы — и во тьме ничего не разглядела Богородица

Ангелы, стерегущие муку, говорят Богородице:

«Заказано нам: да не увидят света, пока не взойдет Солнце новое, светлее семи солнц».

Опечалилась Богородица: «когда взойдет Солнце новое!»

И взмолилась она к животворящему престолу Господню — звезда-надзвездная: «да разойдется тьма — ей видеть всех мучащихся темною мукою!»

И вот внезапно свет неиздаемый разверз тьму.

«Что, несчастные, вы сделали?» — воскликнула Богородица.

— — жигучий свет — звериный глаз! — волной лелеется — —

А там скорчились: или тяжко голос подать?

«Что же молчите, не отвечаете?» — воззвали ангелы, стерегущиеся муку, к отчаянным.

А там — терпенья нет, больно: пренебесный свет режеть глаза: от века кинуты в тьму — забытые Богом! — век-вечно беспросветно.

«Не поднять нам глаз! Ничего не видим! — кричат со дна муки мученской.

И заплакала Матерь Божия.

— — и была тишина от седьмого неба и до первого — —

А там, на дне муки, там от ее теплых слез прозрели ослепленные тьмою глаза — там, на дне муки, из муки мученской увидели звезду-надзвездную.
Авраам — судия над грешными; Моисей — боговидец; Иоанн — предтеча Христов; Павел — восхищенный на третье небо — — ни Авраам, ни Моисей, ни Иоанн, ни Павел — никто, ни один из сходивших во ад, не приходил в темную муку отчаяния. И одна пришла, посетила их в беспросветной тьме — в темном отчаянии Богородица:

«Ты — Покров!»

«Стена необоримая!»

И руки отчаянных, уставшие просить о милости, потянулись со дна последнего мучения.

«Вот они: те, кто не веровал в Духа Святого — в тебя, Богородица, не веровал. Да за то здесь и мучатся!» — сказал Михаил, архистратиг силы небесной, водитель по грозным мукам.

И тьма упала на грешников —
и свет до века погас.

Богородицу и Матерь Света
в песнях возвеличим!

ЗАБЫВШИЕ БОГА

«Пойдем, походим еще: хочу видеть все муки!» — сказала Богородица архистратигу, грозных сил воеводе Михаилу.
И сказал Михаил: «Куда хочешь, благодатная?»
«На полночь!»
И взметнулись херувимы и серафимы и четыреста ангелов — вывели Богородицу с юга на север.

А там — в черной ночи — грозно распростерлась огнистая туча с края на край: там — костры! — стоял одр к одру — великое из огня и пламени ложе —
и много мужей и жен на том огненном ложе.
— — пламенные языки взвивались — —

И увидев огненную муку, запечалилась Богородица:
«Кто они, несчастные, за что так мучатся?»
«Это те, кто в Христову ночь к заутрене не вставал — те, что забыли Святое Воскресение!» — сказал Михаил, архистратиг силы небесной. «А кому если встать невмочь?

болен, хворый кто? душа болит? душа исходит? за что же так?» — тихо горько спросила Богородица.
И сказал Михаил: «Слушай, Пресвятая Богородица: если дом у кого загорится и с четырех концов охватит пламя — вся душа, весь мир его запылает, и тот сгорит, не вспомнит о Христовой ночи — забудет Воскресение, на том нет греха».
И вздохнула Богородица: «— на том нет греха!»

Богородицу и Матерь Света
в песнях возвеличим!

ПРЕИСПОДНЯЯ

Неисчислены муки — скорбь нескончаема!

течет река огня негасимого — смола кипит; некроток червь — неусыпающий; бездонные колодези — тьма непросветимая — гроза негреема — скрежет — страх — непрестанные слезы — несказанный трепет — неизглаголаны беды — неумолчно стенание — плач неутешим — — и ветер не взвеет: крепко затворены ветры.

«Лучше бы было, да не родиться в мир человеку!»
— воскликнула Богородица —

Взметнулись ангелы — от четырех ветров четыреста ангелов — белым светом белых крыльев покрыли: глубокие ямы — бездонные окнища — терновые рвы — кипящую смолу — все поле мертвенное. И занесли Богородицу из полымя на дорогу в преисподнюю.

*

Тихо горько шла Богородица в преисподнем городе по каменным улицам.
— небо медное, без облак, безросное, плотной тяжелой корой выгибалось над городом —
«Куда хочешь, благодатная?» — спросил Богородицу Михаил, грозный воевода, архистратиг сил небесных.
Ничего не сказала Богородица, не обернулась к грозному водителю.
Тихо горько шла Богородица по каменным улицам преисподнего города.
— черные башенные стены простирались до самых небес —

И стала Богородица у ворот великого темничного здания:
«Радуйся, благодатная, Господь с тобою!» — встретила стража Богородицу.
И стояли поникшие: лица их дочерна измученные и белые крылья опущены.
«Кто вы, несчастные?» — спросила Богородица.
«Мы стражи мук человеческих: стережом мучительства грешников!»
И припав к ногам Богородицы, сказал один из ангелов:
«Матерь Божия, сжалься над нами! Как стали мы у очага мучительства, свет покинул нас, померкло в глазах. День и ночь бессменно видеть горе человеческое. А когда приходит и к измученным грешникам отдых и мы подымаем глаза, нет, не покой, это бессилье отчаяния, мертвая боль. И снова вопль и крик — еще резче, еще безнадежнее, и проклятие. И все проклятия падают на нас. Видеть все, чувствовать, хотеть помочь — — хотим помочь и не можем, помоги нам, Матерь Божия! Муки свидетелей мучения горчее муки наказанных».
«Восстань и бодрствуй! — грозно сказал Михаил, грозный архангел, поникшему ангелу, — или не знаешь: каждому дано дело по силе его. И вам, как крепким из сил, дано тягчайшее. И горе тому, кто не изнесет дела своего до конца».

«Лучше бы было, да и самому миру в веках не стоять!»
—воскликнула Богородица —

И пошла она прочь от великого темничного здания, от мрачных ангелов — стражи мучительства.

*

Вся в слезах, закрываясь ладонями, шла Богородица по каменным улицам преисподнего города за заставу —
там буря бушует — зла печаль, плач! там белеет наш родимый снег, а и капельки воды нет охладить запекшиеся уста!
за заставу шла Богородица к геенне огненной, где полмира мучатся грешников.

«Хочу — мучиться — с грешными!»

Богородицу и Матерь Света
в песнях возвеличим!

Свет неприкосновенный

«И я не различал, когда день или когда ночь, но светом неприкосновенным объят был».

ЛЮБОВЬ КРЕСТНАЯ

Был один царь, имя ему Семиклей, правил царь своим царством разумно, и был порядок в его государстве, и быть бы ему довольну, да большое было у царя горе: царица Купава лежала прокаженна. Печально проходили годы, не собирал царь пиры, не затевал игрищ, не тешил себя потехой. Кроток вырос сын царевич, женился, и опять горе: царская невестка беса в себе имела. Кроток был Пров царевич, жалостив — плачевное сердце.

Разумно правил царь своим царством, разумные давал законы, и любил царь о божественном слушать и очень хотел Христа увидеть, все о Христе тайно думал.

Однажды прилег царь отдохнуть после обеда, лежит себе, раздумывает, — все о Христе думал, все Христа хотел увидеть, и видит, откуда ни возьмись, птица — летает посреди палаты, и такая необыкновенная, смотрит царь на птицу и диву дается. А птица взлетела под потолок, да как ударит крылом, посыпалась с потолка известка, да пылью царю в глаза, и ослеп царь.

Ослеп царь Семиклей. Сумрак покрыл палаты царские. И никому не стало доступа во дворец, крепко затворился царь, и еще печальнее настали дни.

А слух уж пошел, стали в народе поговаривать, что слепотой поражен царь, и стало в народе неспокойно.

Призвал Семиклей царевича-сына, сказал царевичу-Прову:

— Иди, чадо, в дальние земли и никого с собой не бери, еще станут обо мне рассказывать, о слепоте моей, один иди, собери дань, на это мы и проживем: как узнают люди, что ослеп я, придет другой царь и захватит наше царство, а что́ соберешь, то и будет нам напоследок.

И пошел Пров-царевич в дальние земли, никого с собой не взял, как наказал царь, а был царевич жалостив, жалко ему было отца ослепшего, мать прокаженную, жену бесноватую, и много тужил он — плачевное сердце. И в дальней земле нанял царевич от тамошних людей слуг, и собирал дань с великой крамолой, — и мало давали ему. Поспешно начал царевич собирать дань, и ничего не выходило, и наемные слуги, крамолой возмутив народ, оставили его.

И жалостью мучилось сердце — имел он сердце плачевное, как никто. Жалко ему было народ, которого возмутил он крамолой, и слуг наемных, до его прихода людей мирных, обольстившихся легкой наживой и ожесточенных наемным делом, жалко ему было отца, мать и жену — придет другой царь, возьмет их царство, и куда пойдут они, слепой, прокаженная и бесноватая, кому таких надо, кто их приютит? — и сам он, чем он им поможет? — хоть бы дань собрал, и это было бы им на черный их день, а он ничего не собрал и то малое, что дали ему, отдал, как плату, наемным слугам.

За городом при дороге сидел царевич один с пустыми руками и тужил и горевал, и все его сердце плачевное изнывало от жалости, — и лучше бы ему самому ослепнуть, как отец ослеп, быть прокаженным, как мать прокаженна, стать бесноватым, как жена бесновата, и лучше бы ему самому быть обиженным им через слуг наемных ожесточившимся народом и излившим ожесточение свое и обиду свою в непокорстве, и лучше бы поменяться ему местом со слугами, которых проклинает народ, а они, исполнявшие его волю, за все его одного винят.

И вот, когда сидел царевич при дороге, покинутый с своей отчаянной жалостью, и уж чернело в глазах его, и сумрак, кутавший его, быль ночнее сумрака, упавшего на отцовский дом, и непроглядней сумрака, простершегося над обиженным, ожесточенным народом, и удушливее сумрака, обнявшего наемных слуг, спустивших и плату и награбленное, когда почувствовал царевич, что один он на всей земле, кругом один, какой-то подошел к нему... странный какой-то, — сам Господь пришел к нему.

— Возьми меня, я тебя не оставлю.

— А откуда ты? — спросил царевич Христа.

Христос показал ему на гору — там по горе елочки стояли крестами в небо.

— А как тебя звать?

Христос смотрел на царевича.

— Кто ты?

Христос только смотрел на царевича.

И обрадовался царевич и протянул руки к Нему:

— Ты не оставишь меня!

— О, Прове, — сказал Христос, — в чем твое горе?

— Я раб царя Семиклея, — сказал царевич, — послан царем собирать дань, и мне ничего не дают, а велено мне скоро собрать. Не знаю уж, что и делать.

— Я тебе соберу, — сказал Христос, — оставайся тут, а я пойду в город.

И пошел один в город, а царевич остался, и видел царевич, как словно свет таял голубой дорожкой по его следу, и удивился.

Скоро из города показался народ, шли по дороге к Прову, несли дань царскую. И дивился царевич, откуда что бралось, так много было золота и серебра, о таком сокровище он и не думал, и все это для него, и всю эту дань он передаст царю, и эта дань была гораздо больше, какую ждет царь про черный день.

За богатыми пошла беднота, и когда последняя старушонка-нищенка положила свою копеечку, поклонилась царевичу и поплелась назад в город, царевич стал перед другом:

— Господи, как мне любить тебя!

— Так же, как я тебя люблю, — сказал Христос, — давай сотворим братство!

— Давай, — согласился царевич, — и будем навеки братья, — и подал Христу свой пояс.

И Христос, взяв от царевича пояс, связал его со своим, и опоясал себя и царевича.

— Проклят есть человек, — сказал Христос, — кто избрал себе брата и не был верен ему. Это братство более кровного братства рожденных братьев.

И сказал царевич:

— Много золота с нами, пойдем в нашу землю.

И они пошли, два названных брата, и подошли к царскому городу два названных брата, и на берегу у реки остановились, и сказал Христос царевичу:

— О, брате Прове!

— Я, брате.

— Войдем в воду и омоемся вместе.

И дивились ангелы на небесах, что сказал Господь: «о, брате Прове!»

Христос вошел в реку и с ним его названный брат царевич, там взял Христос рыбу.

— О, Прове!

— Я, Господи.

— Ты знаешь силу этой рыбы?

— Не знаю, брате.

И сказал Христос царевичу:

— Очи этой рыбы — от слепоты, стамех — от проказы, желчь — от нечистого духа.

И уразумел царевич в своем сердце: отец ослеп — и вот прозреет, мать прокаженна — и вот очистится, жена бесновата — и вот освободится. И положил царевич все сокровище — всю дань царскую, золото и серебро, до последней копеечки старушонки-нищенки к ногам своего названного брата, взял рыбу и поспешил домой — в дом печали и боли и отчаяния.

Желчью он коснулся сердца жены и она узнала его, заплакала. О, как давно она не видела его, потемненная нечистым духом, и вот видит... и видит и плачет.

— Свет! Царевич мой! Ненаглядный, ненасмотренный!

Стамехом он коснулся рук матери, и она поднялась с одра, словно омытая, прекрасная царица Купава.

— Ох, любезный мой, возлюбленный сын, мой радостный, ты обрадовал душу мою. Не увидишь моего лица плачевного, не услышишь моего рыдания, обвеселил ты сердце мое, ненаглядный, ненасмотренный!

И очами рыбьими он коснулся глаз отца, и отец прозрел от слепоты.

— Откуда ты это взял? — обрадовался царь.

И рассказал ему царевич все, что с ним было, все неудачи свои, и как подошел к нему какой-то странный, пожалел его, собрал для него большую дань, и потом они сотворили братство, и брат названный дал ему рыбу.

С плачем поднялся царь.

— Пойдем, сыну, ведь это Христос приходил к тебе!

И они поспешно вышли из дворца и пошли по дороге к реке, где оставил царевич своего названного брата. Но там его не было. На берегу лежало сокровище — золото и серебро, дань царская, но его уж не было. И глядя на

дорогу, царь увидел: по дороге к горе, где елочки крестами в небо глядят, шел... и словно свет таял голубой дорожкой по его следу, Христос шел, сам Господь.

Царь растерзал одежды свои и с плачем припал к земле:

— Слава Тебе, Господеви, что не оставил нас в погибели!

1913 г.

ОТРОК ПУСТЫННЫЙ

В миру жить суетно, от мятежа мирского не отгребешься, от шатания лукавного не удержишься — и там нагрешишь, и тут нагрешишь, а потом изволь расплачиваться и в сем веке, и в будущем. Нет, уйти от мира — «как хотите, так и живите, Бог с вами!» — и в тишине быть во спасении.

Два старца так и сделали: Асаф старец, да Меркурий старец. В последний раз по базару потолкались старцы, подвязали себе по котомочке, запаслись сухариками, да с Богом — в пустыню.

О, пустыня моя прекрасная!

И в пустыне поселились старцы каждый отдельно в своей хижице, и лишь в неделю раз посещали друг друга, духовной ради беседы. А жил при старце Асафе отрок: забрел отрок в пустыню, старцу на глаза попался, старец его у себя и оставил жить при себе в работе. И был отрок Артемий и тих и кроток, и ясен, сложит так ручки и стоит у березок, и все словно улыбается, — старцы отрока очень полюбили, и был он им в утешение.

В миру жить трудно, суетно, а в пустыне пустынно: там находит уныние и печаль и тоска великая, там свое есть серое горюшко. Без отрока старцам куда там прожить, в пустыне! Тих и кроток, и ясен, примется отрок за рукоделье, поет псалмы и так красно — жить весело.

О, пустыня моя прекрасная!

Как-то на неделе сошлись старцы в хижице Асафа старца вечерок провести и по обычаю начали разговор о

божественном, разговорились, да и сами того не замечая, перешли к делам житейским, как в миру жили, ударились в воспоминания, и впали в празднословие и скотомыслие, слово за слово, поспорили — Асаф старец Меркурия обличает, Меркурий старец Асафа обличает.

— Ты, — говорит, — Асафка, начальник блудничный, хля медведья!

— А ты, — говорит, — Мерка, запалитель содомский, кислядь!

И пошло — зачесались руки, да, вскоча, друг другу в бороду старцы и вцепились. Долго ли до греха, еще малость, — и разодрались бы до кровобоя, да Асаф старец спохватился — Асаф старец разумичен и потише будет Меркурия старца. Асаф пришел в чувство первый, выпустил из рук браду Меркуриеву, да к образам поклоны класть покаянные. Ну, и Меркурий тут опамятовался и тоже за поклоны принялся.

И покаялись старцы перед Богом, помянув грех согрешения своего, и отреклись от слов своих праздных и непотребных, и друг у друга прощения просить стали, прослезились.

— Прости меня, старче Меркурий, не хотел я тебя обидеть!

— Бог простит, старче Асафе, меня прости за дерзновение мое!

И так хорошо и мирно стало, хоть опять за божественное берись, начинай беседу, да отрок Артемий — отрок Артемий, бывши со старцами в хижице, все сидел тихо, в разговор не встревался, и даже во время боя ни разу голоса не подал, а тут словно прорвало что, так со смеху и покатился.

Взорвало старцев, как же так — дело Божье, каются, а он, знай, глотку дерет! И бросили старцы каяться, взялись за отрока. И так его щуняли, что тот не только что перестал смеяться — куда уж! — но и совсем притих, в уголок забился.

Видят старцы, поучили, — усрамился мальчишка, да и жалко: ведь какой он был утешный, и как станет у березок, да ручки так сложит, не наглядишься! Покликали его старцы ласково, приманили к себе и стали расспрашивать, чего смеялся бесстудно.

— С чего это давче на тебя такая дурь нашла? — вопросил отрока Асаф старец.

— Я видение видел, — отвечал отрок, и со страхом рассказал старцам, какое он видение видел.

Когда старцы вели беседу о божественном — о законе Господни, о проповеди апостольской и о подвигах отеческих, видел отрок двух ангелов, ангелы тайно на правое ухо нашептывали старцам; когда же старцы разговор повели о житейском, ангелы оставили хижицу, и вошли бесы, два беса, и один бес одному старцу, другой бес другому старцу тайно на левое ухо принялись свое нашептывать, сами шепчут, сами на хартиях старцевы разговоры записывают. А исписав хартии, взялись бесы на себе писать, и не осталось и свободного местечка на их мясище бесовском — все сплошь с рог до хвоста и с хвоста до пальцев было у бесов исписано. Но тут старцы в разум пришли, стали каяться и отрекаться от слов праздных и побоя, и тогда загорелись у бесов хартии и все записанное сгорело, а когда старцы друг ко другу прощение сотворили, пошел пламень и бесов палить, слова, разговоры жечь на мясище их, и запрыгали бесы, заскакали и так уморительно скакали и такие рожи корчили, отрок и расхохотался, — вот отчего он расхохотался.

— Ой, чудно как плясали бесы! — сказал отрок Артемий, скончав видение свое, зримое им зрящими глазами не во сне, но яве, и стоял, как стоял у березок, так сложив ручки, и словно улыбался, так тих и кроток, и ясен, и был дух Господен на нем.

О, прекрасная моя пустыня!

1913 г.

ДРЕВНЯЯ ЗЛОБА

Старец, великий в добродетелях и прозорливый, побеждая бесовские искушения и ни во что уж ставя их коварства, дошел до совершенного бесстрастия, обожился духом и чувственно видел и ангелов и бесов и все дела их над человеком.

Видел старец ангелов, видел и бесов, и не только шапочно знал он всех бесов, но и каждого поименно, и, крепкий в терпении, без страха досаждал им и ругался, а почасту и оскорблял их, поминая им небесное низвержение и будущую в огне муку. И бесы, хваля друг другу старца, почитали

старца и уж приходили к нему не искушения ради, а из удивления, и кланялись ему: явится в час ночного правила одноногий какой — есть об одной ноге бесы такие, а рыщут так быстро, как птица летает, прикроется ногою и стоит в уголку смирно, пока не попадется на глаза старцу, а попался, — поклонится и пойдет.

Вот был какой старец великий!

Как-то на сонмище бесовском зашел разговор у бесов о тайнах небесных, и один бес спросил другого:

— Брате бесе, а что если кто из нас покается, примет Бог его покаяние или не примет?

— Кто ж его знает! — ответил бес, — это никому неизвестно.

Зерефер же бес, слыша речь бесов, вступил в разговор:

— А знаете, — сказал Зерефер, — я пойду к великому старцу и искушу его об этом.

Был Зерефер сам велик от бесов и был уверен в себе и не знал страха.

— Иди, — сказали бесы, — только трудное это дело, будь осторожен, старец прозорливый, лукавство твое живо увидит и не захочет вопрошать об этом Бога.

Зерефер преобразился в человека и воином вышел к старцу.

В тот день много было приходящих к старцу, много пришлось принять ему беды и горя, и после вечерних молитв, когда наедине в своей келье размышлял старец о делах человеческих, в келью постучал кто-то.

Старец окликнул и поднялся к двери.

Воин, переступив порог кельи, с плачем упал к ногам старца, и плач его был так горек и отчаяние так смертельно, что и самое крепкое человеческое сердце не могло не вздрогнуть от таких слез тяжких.

— Что ты так плачешь, о чем сокрушаешься? — растроганный плачем спросил старец.

— Не человек я, а дьявол, — отвечал воин, — велики мои беззакония!

— Что же ты хочешь? — спросил старец, — я все сделаю для тебя, брате! — плач надрывал ему сердце; думал старец, что от великого смирения называет себя этот несчастный дьяволом.

— Лишь об одном я хочу просить тебя, — сказал воин, — ты помолись Богу, да объявит тебе, примет ли

Бог покаяние от дьявола? Если примет, то и от меня примет: дела мои — дела дьявола.

— Будет так, как просишь, — сказал воину старец, — а теперь иди в дом свой и поутру приходи, я тебе скажу, что повелит мне Бог.

Воин ушел, а старец стал на молитву и, воздев руки свои к Богу, много молил, да откроет ему: примет ли покаяние от дьявола?

И во время его молитвы, как молонья, предстал ангел.

— Что ты все молишь о бесе, — сказал ангел, — ведь это же бес, искушая тебя, приходил к тебе.

Слыша слова ангела, закручинился старец: знал он всех бесов и с одного взгляда каждого видел, и вот скрыл от него Бог совет бесовский.

— Не смущайся, — сказал ангел старцу, — таково было смотрение Божие, и это на пользу всем согрешающим, чтобы не отчаивались грешники, ибо не от единого из приходящих к Богу не отвращается Бог. И когда явится к тебе бес, искушая тебя, скажи ему, что и его примет Бог, если исполнит он повеленное от Бога покаяние! — и ангел внушил старцу о угодном Богу покаянии.

Старец поклонился ангелу и восславил Бога, что услышал молитву его.

И сказал ангел старцу:

— Древняя злоба новой добродетелью стать не может! Навыкнув гордости, как возможет дьявол смириться в покаянии? Но чтобы не сказал он в день судный: «Хотел покаяться и меня не приняли!» — ты передай ему, пусть исполнит покаяние, и Бог его примет, — и ангел отлетел на небо.

Без сна провел старец ночь в тихой молитве, молился старец за род человеческий, за нашу обедованную, измученную землю и за беса, алчущего покаяния.

Рано поутру, рано еще до звона услышал старец плач, и плач этот был так горек и отчаяние так смертельно, что и самое крепкое человеческое сердце не могло бы не вздрогнуть от таких слез тяжких.

Воин-бес стучал под окном и плакал. Старец узнал его голос и отворил двери кельи.

— Я молил Бога, как обещал тебе, — сказал старец, — и мне открыл Бог, что и тебя примет, если ты исполнишь заповеданное покаяние.

— Что же должен я сделать? — спросил воин.

— Хочешь каяться, так вот что сделай, слышишь: на одном месте стоя, ты должен три лета взывать к Господу непрестанно во вся дни и в нощи: «Боже, помилуй мя, древнюю злобу!» — и это скажи сто раз, а другое сто: «Боже, помилуй мя, мерзости запустения!» — и третье сто скажи: «Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!» — и когда ты это исполнишь, сопричтет тебя Бог с ангелами Божиими, как прежде.

— Нет, этого никогда не будет, — сказал воин Зерефер, великий от бесов, бесстрашный, уверенный и гордый, и, дохнув, весь переменился, — и если б хотел я каяться так и спастись, я бы давно это сделал. «Древняя злоба»... — кто это сказал! От начала и доныне я славен и дивен, и все, кто мне повинуются, и какая же «мерзость запустения»? где «помраченная прелесть»? Нет, я не могу так бесчестить себя.

И сказав, бес был невидим.

«Древняя злоба новой добродетелью стать не может!» — уразумел тут старец божественные слова ангела и с горечью принял их в сердце.

1913 г.

СВЯТАЯ ТЫКОВЬ

С твердым помыслом, чистым сердцем и бодрой душою послушаем тайного гласа, исповедание истинное.

Был в Иерусалиме человек верен и праведен, именем Иаков, веровавший тайно в Господа нашего Иисуса Христа. У креста предстоял Иаков на Голгофе пред висевшим на древе Творцом и Содетелем миру, пред Христом распятым.

И когда воин пронзил копием пречистые ребра Господни и истекла кровь и вода, видел Иаков, как истекла кровь и вода, и, имея в руке тыковь — сосуд круглый, взял в него честную и животворящую кровь. И до смерти своей со страхом и твердостью сохранял Иаков сию тыковь святую с кровью Христовой, многа и неисчетна творя исцеления.

По смерти Иакова два старца пустынника, достойные Божественных даров, приняли святую тыковь.

Шествующим им по пустыне с сокровищем живодатным явился ангел Господень и сказал им:

— Мир вам, ученики Господни, ныне благовествую вам радость, храните сокровище — кровь Господа нашего Иисуса Христа, всему миру жизнь и спасение, не возбраняйте дара сего и милости всем приходящим с верою!

И от всей вселенной приходили к старцам в пустыню и, какой бы ни были одержимы страстью, всякий, с верою приходя, исцелялся.

Когда же наступил час отшествия от мира сего, пришел к старцам в пустыню мних смирен, именем Варипсава, и передали старцы Варипсаве святую и мироспасительную тыковь.

И, взяв от старцев тыковь с кровью Христовой, пошел Варипсава из города в город, из страны в страну по всей земле, и много чудес творил и исцеления во всяком недуге, во всякой болезни, во всякой страсти.

Неции же разбойники, видя чудеса великие, помышляли в себе:

«Аще убием, возьмем кровь и приобрящем имение много».

И в ночь, когда шел Варипсава, нес страждущему миру источник бессмертия — кровь Христову, напали разбойники и убили его и унесли святую тыковь.

И с того часу исчезла святая тыковь — сокровище безценное.

В мире идет грех, и страждет мир, родятся на беды, живут безнадежно, умирают в отчаянии, в мире вопиет грех, на небо вопиет грех — безответно, вопиют чувства, вопиют дела, вопиют мысли, вопиет сердце — неутоленно, боль и болезни, вражда и злоба, неведение и невидение, и глухая, неустанная забота о днях днешних гасят последний свет жизни, и погасший свет жизни вопиет на небо.

Веруй и обрящешь, веруй, ступай — делай, ступай — трудись, стучи, ищи и найдешь, бодрствуй, молись, толкай, и тебе откроется, и ты увидишь — воскрыленная подымется на небеса святая тыковь с кровью Христовой, и тогда свершится всему миру спасение, суд страшный утолит неутоленное земное сердце.

1913 г.

УКРАШ-ВЕНЕЦ

В Святой вечер шел Христос и с Ним апостол Петр. Просимым странником шел Христос с верным апостолом по нашей земле по святой Руси.

Огустевал морозный вечерний свет. Ночное зарево от печей и труб, как заря вечерняя, разливалось над белой, от берегового угля, нефти и кокса, над такой белой снежной Невой-рекой. Шел Христос с апостолом Петром по изгудованному ранними гудками тракту в мир от Скорбящей.

Много говорить — не миновать греха, в безмолвии шли странники.

И услышал апостол Петр пение — из дому неслось оно на улицу по-унывльному. Приостановился Петр, заслушался. На волю в окнах там свечи поблескивали унывно, как пение. И вот в унывное ровно пробил быстрый ключ — протекла река: вознеслась рождественская песнь:

Христос рождается,
 Прославьте Его!
Христос — с небес,
 Встречайте Его!
Христос на земле...

«Христос на земле!» — Петр обернулся, хотел Христа позвать вместе в дом войти, а Христа и нет.

— Господи, где же Ты? — смотрит, а Он — вон уж где!

И почу́дился апостол Петр, что мимо дома прошел Христос, слышал пение божественное, не слышать не мог, мимо дома прошел Христос! — и скорее вдогон за Христом вслед.

Христос на земле,
Ликуйте и пойте с веселием
Вся земля!

С песней нагнал апостол Христа. И опять они шли, два странника, по нашей родимой земле.

Не в долог час им попался другой дом, там шумно игралась песня и слышно, — на голос подняли песни, там смех и огоньки.

И го́рько стало Петру.

«Под такой большой праздник люди пляшут! — и Петр ускорил шаги и было ему на раздуму на горькую за весь наш крещеный народ: — пропасть и беды пойдут, постигнет гнев Божий русскую землю!»

И шел так уныл и печален, и жалкий слепой плач омрачил его душу. Схватился апостол, а Христа нет, один он идет, уныл и печален.

— Господи, где же Ты? — смотрит, а Христос там — или входил Он туда и вот вышел, Христос у того дома стоит, и в ночи свет — как свет светит, Его венец.

Как понять несмысленному сердцу, неуимчивое, как удержишь?

Петр хотел идти туда, где Христос.

Христос сам шел к Петру.

— Господи, — воззвал Петр, — я всюду пойду за Тобой! Но открой мне, Господи... там Тебя величали, там Тебе молились, и Ты мимо прошел, а тут, Господи, забыли и праздник Твой, песни поют, и Ты вошел к ним?

И провестил Христос весть — пусть же эта весть пройдет по всей Руси.

— О, Петре, мой верный апостол, те молением меня молили и клятвами заклинали, но их черствое сердце было от меня далеко и мой свет не осиял их сердца, и дело их грубно и хвала их негодна Богу и людям постыла, а у этих — веселье от сердца, и песни их святы и слова их чисты — сердце их чисто, и я вошел к ним в их дом, и вот венец на мне, его я сплел из слов и песен неувядаем — видеть всем и созирать!

В Святой вечер шел Христос с апостолом Петром по нашей земле, по святой Руси. И в ночи над заревом от печей и труб сиял до небес венец Его не из золота, не из жемчуга, украш-венец от всякого цвета червлена и бела и от ветвей Божия рая — от слов и песен чистого сердца.

1913 г.

СЕРДЕЧНЫЕ ОЧИ

От святой великой соборной церкви святые Софии-Неизреченные Премудрости Божия шел преподобный Варлаам к себе в монастырь на Хутынь. У великого моста через Волхов народ запрудил дорогу — новгородцы тащили

осужденного, чтобы бросить его в Волхов. Увидев осужденного, велел Варлаам слугам своим стать на том месте, где его бросать будут в реку, а сам стал посреди моста и начал благословлять народ и просил за осужденного выдать его для работы в дому святого Спаса.

Слыша слово преподобного, как один, голосом воскликнул народ:

— Преподобного ради Варлаама, отца нашего, отпустите осужденного и дадите его преподобному. И пусть невинный помилован будет в своей вине!

И осужденного выдали Варлааму.

И Варлаам взял его с собой и оставил у себя в монастыре жить. И, работая в монастыре, человек этот — преступник осужденный — оказался и работящим и совестливым и никакого зла от него не видели. Сам Варлаам посвятил его в монашеский образ, и уж иноком много трудился он для братии и для мирян.

Это было у всех на глазах, и всякий благословил дело преподобного Варлаама.

Случилось и в другой раз, опять, когда шел преподобный по великому мосту, вели осужденного, чтобы бросить его с моста в Волхов. Родственники и друзья и много народа с ними, увидя преподобного, пали перед ним на колени, прося со слезами, чтобы благословил он народ и отпросил себе осужденного, от смерти избавил.

Но преподобный Варлаам словно и не видел никого, словно и никаких просьб не слышал, поспешно прошел он через мост, и все его слуги с ним.

— Грех ради наших преподобный не послушал моления нашего! — сокрушались родственники и друзья осужденного и народ, ему сочувствовавший.

А другие, припоминая бывшее с тем осужденным, говорили:

— Вот и никто его не просил тогда, сам остановился и начал благословлять народ и отпросил осужденного у супостатов его и народа.

И печалились друзья осужденного:

— Много мы просили его, он отверг наше моление, и за что, не знаем!

Подошел священник, поновил осужденного, дал ему причастие и благословил его на горькую смерть. И тогда сбросили осужденного в Волхов.

У всех это осталось в памяти, и много было скорби в народе.

От святой великой соборной церкви святые Софии-Неизреченные Премудрости Божия шел преподобный Варлаам к себе в монастырь на Хутынь. И у великого моста народ, увидя его, приступил к нему.

— Отчего так, — спросили преподобного, — первого того осужденника, за него никто тебя не просил, и ты избавил его от смерти и позаботился о нем, и вот он живет, а другого ты отверг и не внял молению ни сродников его, ни народа, заступающегося перед тобой, и вот он погиб. Скажи нам, Бога ради, отче!

И сказал преподобный Варлаам:

— Я знаю, вы внешними очами видите внешнее и судите так, я же очами сердечными смотрю, и вот тот первый осужденник, которого испросил я у народа, был грешный человек во многих грехах и вправду осужден по правде за дела преступные, но когда судья осудил его, пришло в его сердце раскаяние, а помогающих у него никого не было, и оставалось ему погибнуть. А тот другой осужденный неповинный, без правды осужден был, напрасно, и я видел, мученическою смертью умирает и уж венец на голове его видел, он имел себе Христа помощника и избавителя, и участь его была выше нашей. Но вы не соблазняйтесь от слов моих, и одно помните и знайте: горе тому, кто осудил неповинного, и еще горше тому, кто не стал на защиту неповинного!

И это памятным осталось на Святой Руси русскому народу.

1913 г.

ЕДИНА НОЧЬ

Молва о попе Сысое, о его житии верном и сердечном проникновенном зрении и о наказании добром чад духовных с каждым летом все дальше да шире разносилась народом по большой нашей русской земле. И кто только ни приходил к попу за покаянием, какие разбойники, — какие жестокие! — всех с любовию принимал Сысой и каждого и последнего отпускал от себя с миром, —

безвестным ведец, неведомым объявитель, помощник печальным, сподручник и чиститель грешным.

Узнал о благонравном попе, о его праведной жизни сам князь Олоний, а был Олоний зол и лют, губитель и кровопивца, не помнил Божий страх, забыл час смертный, и много от его самовластья и злых дел беды было и скорби и погибели в народе, и вот задумался князь, как ему с своей душой быть? — черна она была, еще и неспокойна стала!

И много в беспокойстве своем раздумывал князь Олоний, и чем больше думал, тем неспокойней ему было: как подступит, да начнет припоминать, одно какое худое дело в память придет, а за ним и другое в голову лезет, и уж назад в душу ничем не вколотишь, не остановишь и никак не забудешь. И опостылело все князю, сам себе — постыл, и обуяло такое беспокойство, хоть жизни решиться — уж что ни будет, а хуже того не будет.

И опять слышит князь Олоний о Сысое: великие чудеса творит поп Сысой — праведен и говеен, и каждого, кто бы ни пришел, и последнего отпустит от себя с миром. И решает князь: идти ему к Сысою и во всем открыться, и что̀ ему придумает поп, то он и сделает, только бы прощение получить — покой найти, идти ему и каяться, покаяться во всем и начать новую жизнь.

«А что если за его грехи поп не примет покаяния?» — раздумная мысль остановила князя.

«Ну, если не примет, — сказал себе князь, — так и жизни мне не надо никакой, и уж назад не будет пути!»

Так решил, так и пошел князь Олоний к попу Сысою, — на окологородье жил поп за городом, — и как увидел князь попа, не стало и страха, ни опаски, что не примет поп, и все рассказал попу о грехах своих, все свои злые дела открыл, всю срамотную жизнь, все беспокойство свое.

Нет, не отверг, принял поп Сысой покаяние и от лютейшего грешника и последнего, каким был князь Олоний, губитель и кровопивца.

— Тебе надо очиститься от грехов, — сказал поп и наложил на князя эпитимию: на пятнадцать лет ему каяться.

— Отче, не могу я, не вынесу: столь долгий срок!

Тогда поп Сысой наказал князю на семь лет, но и семь лет показалось князю много, — ни семь, ни три лета, ни даже три месяца не мог князь нести наказания.

— На едину ночь можешь?

— Могу, — легко согласился князь: конечно, одну ночь он готов как угодно каяться.

— На едину ночь? — переспросил Сысой: или не поверил поп, что и вправду готов князь и может на едину ночь все перенести.

— Могу, отче, могу и все вынесу! — повторил князь.

Но и в третий раз спросил Сысой:

— На едину ночь? — или уж едина ночь тяжче пятнадцати лет, и все не верилось попу, не верил поп в такую скорую решимость князя.

— Могу, отче, могу! — и в третий раз подтвердил князь слово и ждал себе наказания: он все вынесет, он все претерпит, он все подымет за едину покаянную ночь.

Поп Сысой повел князя Олония в церковь — высока и тесна окологородская церковь Иоанна Предтечи, — поставил поп аналой посреди церкви, зажег свечу, дал свечу князю.

— На едину ночь в сокрушении сердечном тебе стоять до рассвета и просить крепко от всего сердца за грехи свои! — сказал поп и пошел.

Слышал князь, как громыхнул замок, — запер поп церковь, слышал князь шаги по снегу — похрустывал снег все тоньше, все тише, все дальше, и больше ничего князь не слышал, только огонек свечи — разгораясь, потрескивала свеча, да свое жалкое сердце.

И настал глубокий вечер, а за вечером вьюжная ночь — вьюжная, заводила ночь на поле свой перелетный гомон, да звяцающий жалобный лёт.

Со свечой твердо стоял князь Олоний, неустанно много молился о своих грехах, и обиды и горечь, какой отравлял он народ свой, все припомнил и жалкой памятью терзал себя и молил и молил от всего сердца простить.

А там, — а там, в поле пустом за болотом, где вьюга вьюнится — улететь ей до неба рвется, летит и плачет и падает на мерзлую землю, там за болотом по снежному ветру собирались бесы на совет бесовский.

Бесы летели, бесы текли, бесы скакали, бесы подкатывали все и всякие — и воздушные мутчики первонебные, и, как псы, ла̀ялы из подводного адского рва, и, как головня, темные и смрадные поганники из озера огненного, и терзатели из гарной тьмы, и безустые погибельники из земли забытия, где томятся Богом забытые, и ярые похищники

из горького тартара, где студень люта, и безуветные вороги из вечноогненной неотенной геенны, и суматошные, как свечи блещущие, от червей неумирающих, и зубатые сидни от черного зинутия, и гнусные пагубники, уньлы и дряхлы, от вечного безвеселия, и клещатые от огненной жупельной пещи, и серные синьцы из смоляной горячины.

— Други и братья, — возвыл Лазион, зловод и старейший от бесов, — вот уходит от нас друг наш! Коли вынесет он единую ночь, навсегда мы его лишимся, а не выдержит, еще ближе нам будет, навсегда наш. Кто из вас ухитрится ослабить его, устрашит и выгонит вон?

Всколебалось, как море, возбурилось поле бесовское, и вышел бес — был он как лисица, и одноглазый, и светил его глаз, как синь-камень, а руки — мечи.

— Повелишь, я пойду, я его выгоню вон! — сказал бес Лазиону и по согласному знаку моргнул с поля в беспутную, воющую ночь.

И в ту минуту увидел князь Олоний, как на аналое по краешку ползла букашка — перста в два мура̀ш, избела серый, морда круглая, колющая, полз мураш по краю, фыкал. И глаза приковались к этой букашке — мура̀ш, шурша колючками, полз и фыкал; князь все следил за ним и чувствовал, как тяжелеют веки и мысли тают и сам весь никнет, вот-вот глаза закроются — мураш полз колющий...

Князь закрыл глаза и стоял бездумно с закрытыми глазами и оглушенный будто, и слышит, голос сестры окликнул, его окликнул на имя, — вздрогнул и обернулся: сестра стояла и беспокойно озиралась, и от беспокойных ее глаз кругом беспокойный падал свет на плиты, — хотела ли поближе подойти, да не решилась, или ждала, чтобы сам подошел, сестра его любимая.

— Брат, — сказала она, — что ж это, без слуг, без обороны, один... разве не знаешь, как завидуют нам и сколько врагов у тебя, придут и убьют. Пойдем же скорей, молю тебя, уйдем отсюда!

— Сестра моя, нет, не пойду, — ответил князь, — ну, убьют... так и надо. Если уйду, не избуду греха; не избуду греха — какая мне жизнь! Нет, оставь меня, сестра, не смущай! — и снова принялся за молитву.

Со свечой твердо стоял князь Олоний, о своих грехах молил от всего сердца, и ушла ли сестра его любимая, он не слышал, говорила ли что, он не слышал.

Пламя свечи колебалось, огонек заникал, то синел, и синим выгибался язычком, что-то ходило, кто-то дул, или ветер дул с воли? — на воле метелило, там — вьюнилось — вьюга вьюнится, улететь ей до неба рвется, летит и плачет и падает на мерзлую землю.

Переменился бес из сестры опять в беса, и в беспутной воющей ночи стал среди поля.

— Тверже камня человек тот, не победить нам его! — сказал бес Лазиону.

И возбурилось бесовское поле, взвилось свистом, гàрком, говором с конца на конец, и вышел другой бес — голова человечья, тело львово, голос — крёк.

— Выкрклю, выгоню, будет знать! — сказал бес и с птичьим криком погинул.

И в ту минуту почувствовал князь Олоний, как что-то сжало ему горло и душит. Он схватился за шею: а это гад, черный холодный гад обвился вокруг шеи. Но гад развернулся и соскочил на аналой, а с аналоя к иконостасу за образа и пополз, и полз выше и выше к кресту, и чернее тьмы был он виден во тьме, полз запазушный выше и выше к кресту. И на минуту темная тишина омжила глаза, и вдруг вопль содрогнул ночь.

Всполохнулся князь и увидел жену: растерзанная, шла она прямо к нему и сына несла на руках, и ровно смешалась с умом, и уж от плача не могла слова сказать. И стала она перед ним и глаза ее, как питы чаши, наливались тоской и огонек от свечи тонул в тоске.

— Помнишь, — сказала она, — ты мне говорил, что украсишь меня, как Волгу-реку при дубраве, и вот покинул... и меня и сына и город и людей! Враги твои напали на нас, все наше богатство разграбили, людей увели в плен, едва я спаслась с сыном твоим. Ты заступа, ты боритель, смирись, оставь свою гордость, иди, собери, кто еще цел, нагони врага, отыми богатства и пленных...

— И на что мне богатства мои и люди! — сказал князь: — ничего мне не нужно, и людям не нужен я: одно горе и зло они видели от меня. Нет, не пойду я.

— А я? Ты не пойдешь! Куда мне идти? И твой сын! Не пойдешь? Так вот же тебе! — и она ударила сына о каменные плиты.

И от треска и детского вскрика зазвенело в ушах, огонек заметался, и сердце оледело. Но князь собрал все свои силы и еще тверже стал на молитву.

Со свечой твердо стоял князь Олоний, неустанно много молился, молил за свою развоеванную поплененную землю, за поруганную стародревнюю православную веру, за страждущий в неволях, измученный народ и за грех свой тяжкий — вот по грехам его Бог попустил беде, враг одолел! — но пусть этот грех простится ему, и народ станет свободен и земля нарядна и управлена и вера чиста. И не слышал князь ни вопля жены, ни детского сыновьего крика, и ушла ли она или без ума в столбняке осталась стоять за его спиной, он не слышал, и молил и молил от всего сердца простить.

А там, — а там, в поле пустом за болотом, где бешущая вьюга валит и мечет, вьюга, взвиваясь до неба взвивала белые горы и снежные чащи и мраки и мглы, там в полунощной ночи стал бес среди поля и снова переменился из жены в беса.

— Дерз и храбор князь! — сказал бес Лазиону.

И возвыл Лазион, зловод и старейший от бесов:

— Или побеждены мы! Кто же еще может одолеть его?

И возбурилось бесовское поле и еще вышел бес — был он без головы, глаза на плечах и две дыры на груди вместо носа и уст.

— Знаю, — сказал бес, — уж ему от меня ни водой, ни землей. Живо выгоню! — и, злобой пыхнув, как прах под ветром, исчезнул.

И в ту минуту почуял князь Олоний, как из тьмы поползла гарь, она ела глаза, — и слезы катились, но он терпел, и уж мурашки зазеленели в глазах, вот выест глаза, но он все терпел. И вдруг слышит, где-то высоко пробежал треск и стало тяжко — нечем дышать! — и видит, повалил дым, из дыма искры, и как огненный многожальный гад, взвилось пламя вверх до округа церковного. И в ту же минуту дернул его кто-то за руку:

— Пойдем, князь! Пойдем!

Свеча упала на пол и огонек погас.

А с воли кричали и был горек плач:

— Иди, иди к нам!

— Помогите! Помогите!

И от огня окровилась вся церковь. Там черные крылатые кузнецы дули в мехи, раздували пожар. И какие-то двое в червчатых красных одеждах один за другим шаркнули лисами в церковь, и лица их были, как зарево. Князь их

узнал: малюты — княжие слуги; это пожар, это ужас окровил видение их.

— Горим, князь, сгоришь тут, иди! — и они протянули руки к нему.

Но князь отстранился:

— Нет! Идет суд Господень за мой грех и неправды. И лучше есть смерть мне, нежели зла жизнь! — и опять стал молиться: — Господи, если суждено мне погибнуть, я сгорю, и Ты прости меня в мою последнюю минуту! — и закрыл глаза, ожидая себе злую ратницу — смерть.

И стало тихо в церкви и лишь на воле разметывала ночь свой перелетный вьюжный гомон, да звяцающий жалобный лёт.

Князь открыл глаза и удивился: никакого пожара! — и стоял в темноте без свечи, повторял молитву от всего сердца. В его сердце горела неугасимо свеча.

И поднялся в ночи сам Лазион, зловод и старейший от бесов, и разъярилось и разснобилось бесовское поле. Лазион переменился в попа и, как поп, вошел в церковь и с ним бес подручный — пономарь.

Поп велел пономарю ударить в колокол к заутрене, а сам стал зажигать свечи. Увидя князя, с гневом набросился:

— Как смеешь ты, проклятый, стоять в сем святом храме? Кто тебя пустил сюда, сквернителя и убийцу? Иди вон отсюда, а то силой велю вывести, не могу я службу начать, пока не уйдешь!

Князь оторопел: или и вправду уходить ему? — и сделал шаг от аналоя, но спохватился и снова стал твердо:

— Нет, — сказал князь, — так отец мой духовный велел мне, и до рассвета я не уйду.

— Не уйдешь! — поп затрясся от злости; будь копье под рукой, пробил бы он сердце.

И загудел самозванно привиденный колокол, и всю церковь наполнили бесы, и не осталось проста места, все и всякие — и воздушные мутчики, и лаялы, и, как головня, темные, и смрадные поганники, и терзатели, и безустые погибельщики, и ярые похищники, и безуветные вороги, и суматошные, как свечи блещущие, и зубатые сидни, и гнусные пагубники — унылы и дряхлы, и клещатые, и серные синцы.

Как квас свекольный разлился свет по церкви, и гудел и гудел самозвонно привиденный колокол.

И увидел князь перед вратами царскими мужа высока ростом и нàга до конца, черна видением, гнусна образом, мала главою, тонконога, несложна, бесколенна, грубо составлена, железокостна, чермноока, все зверино подобие имея, был же женомуж, лицом черн, дебелоустнат, сосцы женские...

— Аз — Лазион!

Тогда ветренница, гром, град и стук растерзали бесовскую темность и черность, и изострились, излютились, всвистнули бесы татарским свистом, закрекотали, и под гóлку, крекот, зук и свист потянулись к князю — крадливы, пронырливы, льстивы, лукавы, поберещена рожа, неколота потылища, жаровная шея, лещевые скорыни, сомова губа, щучьи зубы, поныре свиньи, раковы глаза, опухлы пяты, синие брюхи, оленьи мышки, заячьи почки, и длинные и голенастые, как журавли, обступили князя, кривились, кричали и другие осьмнадцатипалые карабкались к князю и бесы, как черви — длинные крепкие руки, что и слона, поймав, увлекают в воду, кропотались, что лихие псы из-под лавки, — скрип! храп! сап! шип!

Последние силы покидали князя, секнуло сердце — вырваться и убежать, и бежать без оглядки! — последние молитвы забывались от страха, и глаза, как пчелы без крыл — только бесы, только бесы, только бесы! — но все еще держался, последние слова — мытарев глас отходил от неутерпчева сердца, душа жадàла...

Уж на вьюжном поле в последний раз взвьюнилась вьюга и, припав белогрудая грудью к мерзлой земле, замерла, — шел час рассвета, — и было тихо в поле, и лишь в лысинах черное былье чуть зыблелось.

И воссияла заря, просветился день. И все бесы, дхнув, канули за адовы горы в свои преисподние бездны, в глубины бездонные, в кипучу смолу и в палючий жар — горячину.

Вышел князь Олоний из церкви безукорен и верен, взрачен и красен, — сиял, как заря, и светлел, как день, около главы его круг злат. И благословил князя блаженный поп Сысой за крепость его и победу на новую жизнь — на дела добра и милосердия благочестно и мирно княжить свето-русской землей над народом русским.

Государю-царю многолетство
Четцу калачик мягкий.

1913 г.

Свет невечерний

АВВА АГИОДУЛ

Поведал старец

В бытность мою игуменом лавры блаженного Герасима один из братии, сидящих в лавре, помер, и не знал о его смерти старец Агиодул.

Ударил канонарх в било, собралась братия и вынесли умершего в церковь. Пришел и старец и, видя брата, лежащего в церкви, опечалился, что не целовал его прежде отшествия его от жития сего, и шед к одру, глаголя к умершему:

— Восстани, брате, и даждь ми целование!

И, восстав, брат целовал старца.

И глагол ему старец:

— А теперь спи, дондеже Христос пришед воздвигнет тя.

НИЩИЙ

В лавре в Пургии сидел один старец, и был не сребролюбив зело, и имел дар милостыни.

Однажды в лавру пришел убогий, прося милостыню.

У старца был всего-навсего один хлеб, и старец вынес его и дал нищему.

Нищий же сказал старцу:

— Не хочу хлеба, давай мне ризу!

Старец, не желая огорчать нищего, взял его за руку и ввел в свою келью.

И ничего не нашел нищий в келье, никакой ризы: одна была у старца риза, что̀ была на нем. И смирился нищий

перед обычаем старца, развязал вретище свое посреди кельи и, выложив все, что̀ имел, сказал:

— Возьми, колугере, аз же инде обрящу.

ЧИСТОЕ СЕРДЦЕ

Сидящу мне в лавре Пургии иорданской, видел я брата ленящегося и никогда не совершающего воскресной службы. И так беспечно и не радея о себе прожил брат не малое время.

И вот однажды увидел я его, со всем тщанием справляющего праздник, и сказал ему:

— Ныне добро твориши, заботясь о душе своей, брате!

Он же рече:

— Господи, авва, ныне имамы умрети.

И по трех днех помер.

БЛЮДУЩИЙ

В монастыре Пентуклии был некто брат, блюдущий себя и постник. И однажды взбешенный на блуд, не стерпел он брани, вышел из монастыря и иде во град скончати похоти своей. Но только что вошел он в обитель к блуднице, как тотчас прокажен бысть весь.

И, видев себя в чину таком, возвратился брат в монастырь, благохвальствуя Бога:

— Навел на меня Бог наказание, да спасется душа моя!

И вельми славословил Бога.

КРЕПКАЯ ДУША

Однажды пришел я в Александрию и пошел в церковь на молитву и увидел жену в печальных одеждах, окру-

женную слугами и отроками; плача молилась она ко святому мученику:

— Оставил мя еси, Господи, помилуй мя, милосердый!

И от крика ее и многих слез я оставил мою молитву и, ближе смотря на жену, от вопля ее и слез сам растрогался сердцем, и подумал:

«Вдова она, и зло ей делают!»

И дождавшись, когда она кончит молитву, подозвал одного из отроков ее.

— Повеждь госпоже своей, — сказал я, — есть у меня к ней слово.

Отрок передал ей, и когда она осталась одна, я сказал ей о том, что̀ помыслил о ней. Она же воскликнула с плачем:

— Ты не знаешь, отче, что за горе у меня, мною Бог пренебрегает и не хочет посетить меня! Вот уж три лета я не болела, ни я, ни дети мои, ни слуги мои, и курам моим ничего не вредило, и думаю я, что грех моих ради отвратился Бог от меня, и потому плачу, да посетит меня Бог по милости своей.

Я же чудясь такой любви и крепкой душе, помолив Бога за нее, удалился, дивясь и ныне крепости ее.

ПОКАЯНИЕ

В Солуне в одном девичьем монастыре одна из сестер научена была действом дьявола уйти из монастыря. И шедши, впаде в блуд. И так блудно прожила несколько лет.

И вот однажды, вспомянув Бога, крепко пожелала каяться и пошла к монастырю своему за покаянием, но подойдя к монастырю, у ворот монастырских упала и померла.

И яви Бог одному епископу святую смерть ее.

Видел он святых ангелов, пришедших приять душу блудницы, и бесы шли им во след. И видел он, как пререкались бесы, глаголя святым ангелом:

— Наша работа колико лет, наша и есть!

И долго галдели бесы.

Ангелы же говорили:

— Покаялась она!

— Да, ведь, она же не вошла в монастырь, как же вы говорите, что покаялась! — радовались бесы.

И отвечали ангелы бесам:

— Так как видел Бог устремление разума ее, Бог и приял ее покаяние, ибо покаянием она владела, положив его на ум себе, животом же владыка Господь владеет.

И, осрамившись, бесы отбегоша.

УЧЕНИК

Знал я одного черноризца-отшельника, очень он в мыслях смутился и захотел побыть в кельях в монастыре, но не оказалось по тому времени свободных келий.

А спасался в монастыре один старец, великий светильник, и была у старца небольшая келийка неподалеку от большой зимней кельи.

И сказал старец черноризцу.

— Побудь у меня в той келье, пока не отыщешь себе.

Черноризец так и сделал, поселился у старца.

И стала к нему приходить братия, как к страннику, и несли ему все, что̀ имели, желая слышать от него поучения.

А старцу стало завидно:

«Сколько лет я сижу тут и в большом воздержании, и никто не приходит ко мне, а этот проныр и дня не высидел, а столько народу идет к нему!» — думает себе старец, и уж молиться не может, ни делать дела Божия; да и куда, — ни молитва, ни дело на ум не пойдут: такой стоит гам, как на праздник.

И сказал старец ученику своему:

— Иди и скажи тому, чтобы шел отсюда: келья нужна мне.

Ученик поклонился старцу, пошел к тому страннику и сказал:

— Отец меня послал спросить, здоров ли ты?

А странник все в уединении, а тут как попал на люди, да нанесли ему всего, грешным делом вкусил сверх меры и расстроился.

— Пусть помолит Богу за меня старец, живот больно отяжелел.

Ученик к старцу:

— Говорит тебе странник: «поищу келью и, как найду, сейчас же уйду».

Прошел день, прошел и другой, а странник ни с места, и народ все идет, и гам стоит еще пуще.

Терпел, терпел старец, нет сил терпеть, опять позвал ученика:

— Иди и скажи ему, если не уйдет, то я сам приду и, бия, иждену его.

Ученик поклонился старцу, пошел к страннику и сказал ему:

— Слышал мой отец, что ты очень болен, сокрушается о тебе и послал меня проведать тебя.

— Скажи твоему отцу, — сказал странник, — что его ради молитв перемена у меня, совсем полегчало.

Вернулся ученик, сказал старцу:

— До воскресенья просится оставить его, не гнать: «в воскресенье, говорит, уйду, куда Бог повелит».

Наступило воскресенье, а странник и не думал уходить, и вот старец взял жезл и пошел жезлом поучить его и выгнать.

Ученик к старцу, останавливает:

— Подожду, — говорит, — отче, я вперед пойду, там люди, народ у него, осудят тебя.

Да скорее сам к страннику в келью и сказал страннику:

— Отец мой грядет, хочет просить тебя к себе, в свою келью!

А странник, услышав о такой любви старца, оставил народ и поспешил к старцу навстречу, и издалека начал кланяться старцу:

— Не трудись, отче, я сам иду к твоей святости и прости меня, Господа ради!

И виде Господь дело ученика того, вложил в ум старцу свет свой и разверзся разум ему, умилился старец, поверг на землю жезл свой и, подойдя к страннику, целовал его

и, взяв за руку, повел к себе и, радуясь, ввел к себе в келью, и угощал странника и беседовал с ним и полюбил его.

Разумея же бывшее, старец до земли поклонился ученику своему и сказал:

— Ты мне отныне буди отец, а я тебе ученик.

1913 г.

Цепь златая

БОЖИЕ СОЛНЦЕ

— Что̀ слышно о солнце? Вот горит оно, и греет, и греет и сияет, что же, и откуда оно? А как нет его долго, долго не видим, мы его ждем и грустим, а встретим — обрадуемся. И откуда свет такой, и где тепло, откуда оно греет, наше свет-солнце?

— Солнце от Бога. Сотворив небо и землю, помыслил Господь о делах своих, что̀ сотворит. И когда подумал, что сотворит человека и чем будет человек, как оставит человек завет Божий и не пойдет в судьбах Божиих, о беде и о всем горе людском подумал и о мерзости в человецех на трудной земле, и как родится от человека Сын, и как для славы и чести погибшего человека распнут Его и в муках примет Он крестную смерть, и когда о смерти подумал, слеза испаде из ока. Эту слезу свою и назвал Господь солнцем. Солнце — Божие.

АДАМ

Восьмичастным создал Бог человека: от земли — остов, от моря — кровь, от солнца — красота, от облак — мысли, от ветра — дыхание, от камня — милость и твердость, от света — кротость, от Духа — мудрость.

И когда сотворил Бог человека, не было имени ему.

Высота небесная — Отец, широта земная — Сын, глубина морская — святый Дух, а созданию Божиему имени нет.

И призвал Господь четырех ангелов: Михаила, Гавриила, Уриила, Рафаила, и сказал Господь ангелам:

— Идите и изыщите имя ему.

Михаил пошел на восток и увидел звезду, имя ей Анафос, и взял от нее Аз и принес к Богу.

Гавриил пошел на запад и увидел звезду, Дисис имя ей, и взял от нее Добро и принес к Богу.

Уриил пошел на полунощие и увидел звезду, имя ей Аратус, и взял от нее Аз и принес к Богу.

Рафаил пошел на полудние и увидел звезду, имя ей Мебрие, и взял от нее Мыслете и принес к Богу.

И повелел Бог Михаилу произнести слово.

И сказал Михаил:

— Адам.

И бысть Адам первый человек на земле.

СТРАСТИ АДАМА

Гремит ад своим громом, бу́рит бурею, — страшны удары, бесстрашен.

— Моя власть и воля!

Огненные стрелы летят от его одежд. Громок, грозен, бесстрашен.

Никто еще живым войти не вхитрился, а назад ходу нет, — врата медные, верея железная, замки каменные, запоры крепкие.

Крут и шаток мост через Юдоль-реку, черен путь на живой век, жаркие молоньи светят в ночи, светят смерти: ведет она свои полки на приволен горек пир, слышен топот конских ног.

— Моя власть и воля!

Нужда, теснота, терпение — преисподний ад.

И воззвал Адам, первозданный человек:

— Сестры и братья мои любовные, пошлем весть ко Владыке Христу со слезами на землю, хочет ли нас от муки избавить!

Неутешны, унылы стоят пророки, праотцы, все праведные: кто же может донести весть!

— Други, воспоем песнями днесь, отложим плач, — ударил Давид в гусли, вложил персты свои на живые струны, — се заутра от нас пойдет Лазарь четверодневный, друг Христов, донесет до Христа весть.

И услышал Адам, первозданный человек, и начал биться руками по лицу своему, тяжким ярым гласом глаголя:

— Поведай от меня Владыке, светлый друг Христов, Лазарю, вопиет к Тебе Твой первозданный Адам. На то ли Ты, Господи, создал меня, на короткий век на земле быть и много лет в аде мучиться? Того ли ради я землю наполнил, о, Владыко! Вот внуки Твои возлюбленные во тьме сидят, на дне ада от Сатаны мучимы, и скорбию и ту́гою сердце тешат и слезами своими очи и зеницы омывают и, памятью терзаемы, унылы суть! Я на земле только краткий час видел добро, а в этой муке много лет в обиде! Краткий час я царь был всем тварям, а ныне долгие дни раб аду и бесом полонянник. На краткий час свет Твой видел, а вот уж солнца Твоего давно не вижу и Твоей ветряной бури не слышу. Господи, если я согрешил, Господи, паче всех человек, то по делам моим Ты и воздал мне муку сию, не жалуюсь, Господи! Но горько мне, Господи, я по Твоему образу сотворен, а дьявол унижает меня, по Твоему образу сотворенного, мучит меня, жестоко понукает мной! Господи, я Твою заповедь преступил, а вот, Господи, первый патриарх Авраам, Твой друг, Тебе ради заклать хотел он сына своего Исаака возлюбленного, и Ты сказал ему, Господи: «Тобою, Аврааме, благословятся вся колена земная!» — в чем же его грех? — а и он здесь, в аде мучится и тяжко вздыхает. И Ной праведный, избавленный Тобой, Господи, от лютого потопа, или не избавишь его от ада? Когда бы согрешили они, как я согрешил! А вот великий пророк Моисей, а он, Господи, в чем согрешил, ведь, и он здесь сидит с нами во тьме адове! А Давид, Господи, Ты прославил его на земле, и дал ему царствовать над многими, и он составил псалтирь и гусли, в чем же его вина, ведь, и он здесь с нами, в аде мучится и жалко стонет и вздыхает! Когда бы согрешили они, как я согрешил! А вот великий в пророках Иоанн Предтеча, Креститель Господень, рожденный от благовещения ангелов, в пустыне воспитавшийся,

ядый мед дивий, и от Ирода поруганный, в чем же, Господи, его вина? И также томятся пророки Твои, Илья и Енох, угодившие Тебе паче всех праведников на земле! Моего ли греха ради не хочешь помиловать нас или своего часа ждешь, один Ты знаешь, нетерпеливы мы. Господи, приди к нам и избави от лихости, не угаси света! В Твою тайну молюсь, Господи. На мне вина, прости меня, прости меня, Господи, прости меня!

АНГЕЛ БЛАГОВЕСТНИК

Кто Тебя не ублажит, пресвятая моя Владычица!

Ты заступница и утоление всем оскорбленным, Ты утешение скорбным, Ты радость скорбящим, — захотела весь мир защитить от крови или себя утопить в ней: покинуть и никогда не вернуться в свой вертоград, в муке мучиться, с нами — во тьме века сего, с нами — в нашем лютом мире, где болезни, печаль, слезы и воздыхания, клевета, память злая, братоненавидение, с нами, как мы, неутоленно любить и безнадежно, и безнадежно терять.

Радуйся, обрадованная, Господь с Тобою!

Над рукодельем за искусной работой у окна пречистая Дева окаймляла четверосвитный убрус, белым бисером шила круги, квадраты, птицу-феникса, радугу, змея и голубя — знаки вечности, мира, воскресения, милости, мудрости и непорочности, а на углах под крестом ставила по василиску с головой петушиной и хвостом змеиным, ми́луя Божию тварь, дивови́ще земное и преисподнее.

Сердцем в божественных судьбах, к тайнам мира — умные очи, неувядаемый цвет чистоты, пресвятая, пречистая Дева, честнейшая херувим и славнейшая воистину серафим.

В тихий час в тихой девичьей горнице метнулся огонек у лампадки и белый бисер заалел на шелках. С шумом вихря с небесных кругов стал в большом углу ангел —

и были крылья его, как две зари полунощных, а лик невместим человеку.

И не снеся его вида, пала ниц на землю Дева Мария.

— Радуйся, обрадованная, Господь с Тобою! — воззвал благовестник.

И подняла пресвятая Дева очи к небу, и облак росный сошел на лицо ее и окропил ее с головы до ног.

— Не бойся, Мария! — приблизился ангел, отер ее своей алою ризой, — не бойся, Мария, се зачнешь Сына и тем весь мир спасется, Ты будешь спасение миру, мир Тебе, возлюбленная! — и огонь изшел из его уст.

Солнцем засияв, махнул ангел десницей — и бысть хлеб превеликий, и, взяв хлеб, ел сам и дал ей.

И махнул ангел левой рукой — и бысть великая чаша, полная вина неизреченного, и пил сам и ей дал пить.

И воззрев, увидела непорочная Дева — земля благословенная, цел был хлеб и чаша полна вина.

Радуйся, обрадованная, Господь с Тобою!

АНГЕЛ МСТИТЕЛЬ

Среди поля на Голгофе пригвожден ко кресту — на кресте руки простер, окровавил персты — на честном кресте посреди земли висел Христос, совоздвигая четвероконечный сей мир, божественных рук своих создание, в высоту, в широту, в долготу, в глубину.

Ангелы сходили и восходили с небес, собирались в един собор, силы небесные кланялись вольным страстям Его.

Слава долготерпению Твоему, Господи!

Силы небесные, все девять чинов — ангелы, архангелы, начала, власти, силы, господствия, престолы, херувимы, серафимы от неба небес — от престола славы, лествицей сходя и восходя, предстояли Ему. И мертвые, восстав из

гробов, с мертвенного ложа притекали к кресту, кланялись спасительным страстям Его.

Слава долготерпению Твоему, Господи!

Разбойники Сафет и Фемех, распятые со Христом два разбойника, отрéпетны крестною мукою, погибали в смертной тяготе тупой, погибали их помыслы, отымался издроблен повинный ум, горькая тьма ослепляла вещные, в боли очаделые, очи, а умные исходили в тоске:

— Милостиве Господи, помилуй мя падшего!

Крестообразно руки простирая к Сыну, распростершему руки на древе крестном, ко кресту приникла Владычица наша Богородица: оружие скорбное пронзило ей сердце — слезным крещением крещенное, все ее сердце растерзано, и слезы, излившись, престали.

— Царю Небесный, Сыну мой!

Три звезды, как свечи Божие, мерцали из тьмы помрачающей от Девы-Матери, непостижимо, несведомо родшей невместимого, миру свет и спасение.

Слава долготерпению Твоему, Господи!

На востоке солнца раскрылись двенадцать врат небесных и другие двенадцать врат на западе и двенадцать врат на море и по всем путям от нижних и горних обителей собирались в един святой собор ко кресту силы небесные.

И вот во мгновение два ангела подвели под руки старца — был он ветх и велик, Адам первозданный, и поставили ангелы Адама перед лицом Господним.

Наклонив главу, да преклонятся народы все и облегчится грех верующих, восходящих на небеса, висел Христос на кресте, напоенный горькою желчью, единый сущ, без конца, без начала — сый.

И был глас со креста:

— Аз тебе ради и чад твоих с небесе на землю снидох, аз тебе ради и чад твоих на крест взошел, повешен, пригвожден ко кресту. Ныне разрешаю от клятвы, прощаю твой грех.

И вздохнул Адам:

— Тако изволил еси, тако изволил еси, Господи Боже мой!

Слава долготерпению Твоему, Господи!

Ангелы, силы небесные возрадовались, хваля перед Адамом Христа, кровию искупившего проклятие первородное, — миновались темные ночи, пропали печали! — и восходили на небеса со страхом и радостью, до неба небес к престолу славы, восхваляли Христа перед Отцом небесным.

Слава долготерпению Твоему, Господи!

Силы небесные, все девять чинов — серафимы, херувимы, престолы, господствия, силы, власти, начала, архангелы, ангелы восходили к престолу, восхваляли страсти божественные.

И один среди ангелов во святом кругу вятший паче всех, прекрасен видением, стоял перед крестом ангел, один недвижен, один безмолвен, смотрел на Христа.

Как! Сын Божий, Сын возлюбленный, любимый брат, Христос, Царь Небесный, творец земли и неба, продан за тридцать сребренников, висит на кресте! И мучится, обагрен с ног до головы, и нет ни откуда защиты, покинут, нет никого, неповинный, висит на кресте!

Не видел никого, только Христа, только на Христа смотрел ангел, не мог примириться, и пальцы его были крепко с тоскою сжаты, и дымы, что синие кольца благовонных кадильниц, обручая пальцы, вывивались меж острых суставов, и копье бледнело в руке его на дымящемся древке и бурные крылья, что молоньи сини, грозно орли́ли, — недвижен, безмолвен, не мог, не хотел ангел видеть Христа на кресте.

Все силы небесные, недоуменно зря друг на друга, молили ангела взойти на небо к престолу славы прославить Сына перед Отцом Небесным.

Бестрепетен, бесстрастен к мольбе, не слушал ангел, не хотел их слышать, не хотел взойти на небеса к престолу

славы — сердце горело и единая мысль возгоралась из горящего сердца: один он может и готов и должен стать на защиту — он может смирить грады и веси, поля, холмы и дубравы, он весь мир погубит, разорит венец солнца за крест и страсти.

И один недвижен, один безмолвен, он горел перед крестом во святом кругу, грозный мститель, ангел верховный, вятший паче всех, всех недругов победитель, архистратиг Михаил.

Слава долготерпению Твоему, Господи!

Белоснежной кипящей быстри́ной восходили полки ангельские, славословя, от креста за звездный круг к престолу. И был тихий перезвон в небесах, говор и пение столпо́вное небесного воинства.

И повелел Христос ангелу взойти на небо, оставить крест.

— Исполни закон!

Но верен, ангел стоял перед крестом, не мог отойти:

— Господи, Ты видишь, не могу стерпеть распятия Твоего!

И во вторые повелел Господь ангелу отойти от креста.

— Исполни закон!

И не двинулся ангел, прочно, крепко, непреклонно, верен, ангел стоял перед крестом:

— Господи, как я пойду!

И в третий раз был голос с креста, отклонявший, повелевая ангелу взойти на небо.

— Исполни закон!

И то́роки — слухи Духа дрогнули на бледном челе, трепетен, ангел сделал шаг от креста и вдруг стал, обернулся — черные то́роки вьюнились на его бледном челе, бурные крылья орлили и очи синели, что дебрь: видеть муку, иметь власть остановить эту муку и не сметь!

— Не требуй, Господи, не требуй! Видишь сердце мое горящее, знаешь любовь мою, ей нет грани, ей нет запрета, ей нет закона. И на что мне власть моя, если запрещаешь прекратить муку Твою? Не могу преступить закон Твой, слово Твое, волю Твою и не могу угасить любви моей!

И пламень любви был так велик и скорбь была так

остра и страда так безмерна, все мысли, все стези сердца пылали, — ангел не мог покориться, не мог исполнить царского слова, Божией воли, разжал ангел пальцы, и тихо пламя вышло из его руки.

И было пламя так сине, жарко, так живо, и огонь плящ и горюч — взлысился мрак, сдвинулись семь поясов небесных и пошатнулись земные, с шумом ужасных четверопастных горестных труб из четырех медных ветрий пы́хнули четыре заглу́шные ветра, возшумели с востока и с запада, с юга и с севера — кто им укажет путь? куда им деваться? они не могут стать, для них нет уж покоя! — избезумелись, вздыбили море, хотя потопить всю нашу землю, заколебали столпы преисподния.

Но среди грохота, вопля и скрежета еще острее врезалась скорбь, и гнев стал безысходнее — и ангел пустил копье от креста в тьму земную, где стоял страх, клевета и обида, вопияла утрата и билось бессильно оскорбленное сердце и гнела бесполезная жалость и глохла защита.

Зазубрив тьму, как молонья, ударило копье в храм, прорезало купол, расшибло сень — и надвое сверху и до низу разодралась капетазма церковная, на две части разодрал ангел завесу во свидетельство сынам человеческим за страсти и крест — видеть и разуметь.

И в тот час воззвал Христос, благословляя Отца, и предал дух единородный Сын, великого света Ангел, Слово Божие, смертью на смерть наступив.

Слава долготерпению Твоему, слава страстям Твоим, слава силе Твоей, Господи!

АНГЕЛ ПОГИБЕЛЬНЫЙ

По воскресении из мертвых, отложив тело плотское, являлся Господь наш Иисус Христос своим ученикам.

Апостолы — Петр, Андрей, Иоанн и Варфоломей — пребывали с Богородицей, утешая ее. И когда были они все вместе на горе Маврии, стал посреди них Христос и сказал:

— Вопрошайте меня, да научу вас. Семь дней пройдет и я взыду к Отцу моему.

И никто не решался спрашивать Христа, и покорно последовали за Ним, по божественным стопам Его на гору Елеонскую.

Петр же апостол приступил в пути к Богородице, прося ее, да упросит Сына своего, и явит Господь вся, иже суть на небесах. Но не восхотела Богородица испытывать Христа.

И когда взошли они на гору Елеонскую и сидели вместе со Христом, Варфоломей обратился к Христу:

— Господи, покажи нам противника человеком, да видим, кто есть и что̀ дело его. Тебя не постыдился, Тебя ко кресту пригвоздил!

— О, смелое сердце, — сказал Господь, — ты не можешь видеть его!

Варфоломей же припал к ногам Спасителя, упрашивая:

— Светильниче неугасимый, Иисусе Христе, вечного света спасение, неисповедимый, невидимый, в мир пришедший словом отчим, совершивый дело свое — скорбь адамову преложивый в веселие и еввину печаль упразднивый рождеством своим, сподоби исполниться вопрошанию моему!

И сказал Господь Варфоломею:

— Видеть хочешь противника человеком — узришь его, но говорю тебе, и ты и апостолы и Богородица ниц падете, аки мертвы.

Слыша слово Господне, все приступили, прося Христа:

— Господи, сделай, да видим его!

И вот по слову Господню предстали ангелы с запада, воздвигли землю, как свиток, и явилась бездна — глубина пропастная.

И запретив ангелам дольним, повелел Господь протрубить Михаилу.

И вострубил архистратиг, грозный воевода сил небесных.

И в тот час изведен был из бездны ангел погибельный — Сатанаил.

Вольный гоголю, старейшина небесных сил, низверженный за разгордение, где ныне твоя воля, твой венец власти, престол небесный!

Шестьсот и шестьдесят ангелов держали его, вестника зла, творящего мечты, связанного огненными веригами, и была высота его в шестьсот локтей, лицо, как молонья, власы остры, как стрелы, вежды дивия вепря, око правое — звезда утренняя, око левое — львово, и уста, как пропасть глубокая, и персты, как серп, и крылья — пурпур горящий, и ризы червлены, и на лице его пишет вражья печать и погибельная.

— Аз есмь Господь Бог! — воззвал Сатана.

И был велий трус, земля затряслась.

И в ужасе повергшись апостолы на землю.

Богу нашему слава вовеки!

СТРАННИК ПРИХОЖИЙ

Бурным духом в вышнее небо с тихой сладимой реки взлетела душа к престолу Господню.

— Господи Боже, благослови меня, Царь милосердный, в тело облечься! — взмолилась душа к Спасителю Господу Богу.

Горел семигранный венец на престоле и расцветала звездами Гора-цвет.

Благословил Бог душу, поставил на путь, благословил Бог душу на землю вернуться, благословил Бог душу на земле человеком в человеках родиться.

Бурным духом с превышних высот стремилась душа по небесному кругу.

Замирало в радости сердце — там Божьи орга́ны играли на сердце: скоро встретит она, кого полюбила однажды, любила и горько рассталась, как ей будет легко и нетрудно на трудной милой земле! Полные радости очи светились, светили небельмными взорами путь по небесному кругу.

И растворилась в пути по небесному кругу, по безбрежным дорогам книга живая — суд Господень, судьба ее жизни — судина: дни за днями, как цепи, протянулись от колыбели до могилы.

Каким холодом, жутью, жестким словом, обидой сда-

вило ей сердце: сколько дней беззащитных, дней беспокровных, сколько тревог и беды и пропастей, ожиданий тревожных, тщетной надежды, безвинного терпенья, непоправимой горькой потери, а сколько раз в своих днях постылых уйдет она от ворот со слезами, будет звать — не ответят, просить — не помогут.

— Где рай твой прекрасный, пресветлый день! Где же твой ангел, спутник благой? — как звездочки в ночи, то загораясь, то тая, сходились, горку́я, во святой круг белые птицы — Господни послы.

— Где же мой ангел! Или на небе и на земле в целом мире нет ни души и никто не услышит и никому нет дела, что так жалко кончаю бесполезные дни! — и запечатались страдно, зноем опаленные, холодом омерзлые уста.

— Где рай твой прекрасный, пресветлый день! Где же твой ангел, спутник благой? — как звездочки в ночи, то загораясь, то тая, вьются, горку́я, во святом кругу белые птицы, крыло в крыло вьются.

Бурным духом летела душа от судеб страны пророчных труб на пречистое снегово-белое знамя к Матери Божьей, к Царице силы небесной.

Премудрые девы радостно встретили душу, кротко стояли они со свечами вкруг Царицы силы небесной.

— Мати печальная, пресвятая Богородица, сердце во мне унывает, не хочу я на землю! — наплаканны очи смотрели на родимую Матерь, слезно, скорбно, сердечно просили родимую Матерь.

— Странник прихожий, не плачь! — духом святым уряжая, взяла Богородица свечку, вложила свечку в сердце — в сердце, в кручинную душу, — терпи, скорби с любовью, милый мой странник!

И загорелась в сердце жаркая свечка.

Премудрые девы стояли со свечами, «Христос Воскрес!» запели, с крестом поклонились.

Бурным духом летела душа с превышних высот через святые небесные круги, через белые зори, через Втай-реку — заповедное от всего темного мира, с небесного

царствия по Божьей стезе в темный мир на землицу сырую.

Жаркая свечка жарко теплилась в сердце.

— Странник прихожий, странник милый, брат мой несчастный, сестра моя горькая, будем жить полюбовно, согласно в этом несведомом мире на родимой сырой земле!

ПРЕКРАСНАЯ ПУСТЫНЯ

Прекрасная пустыня, любимая моя мати, пришли тебя зажигать, со мной разлучают.

Я скажу тебе тайно, как люблю тебя, твою густыню, твои очи — твои очи, что озера, там от берега до берега зеленая волна волни́тся, и тихи и тайны́, что частыня.

А за то полюбил тебя и матерью назвал, что нашел в твоей дубраве защиту и милость и правду.

Безмолвная и непразднословна, смиренномудренная, терпелива!

Теперь ты огню предаешься, и я тобою покинут, ты горишь, — в которую страну посылаешь? — прекрасная пустыня, любимая моя мати.

Я бежал от суетного мира, от вражды, от непокоя, в тебя водворился, в тебе нашел правду и милость и защиту.

Тихость твоя безмолвная, палаты твои лесовольные, спасение мое, мудрость и благодать!

Теперь ты огню предаешься, и я уйти от тебя должен, ты горишь — в которую страну посылаешь? и где, на каком месте мне быть? — прекрасная пустыня, любимая моя мати.

Прости меня, прощаюсь с тобой, благослови меня одному свой век свековать! Не пойду я искать островов непроходимых, ни безлюдного, безмолвного места, ни землянную пещеру, благослови меня, мать пустыня, в мир вернуться, в мир — в суету мирскую.

Я взвихрю себе стрелами волосы, покрою плечи алым, как твои зори, алым платком, я пойду по большой дороге,

я выйду на площадь, буду о тебе рассказывать, о твоей правде и милости и защите.

Будут надо мной смеяться, будут бить меня больно, промолчу, поклонюсь на побои, все перенесу, все претерплю ради правды твоей, прекрасная пустыня, любимая моя мати.

В мире есть много несчастных, оскорбленных, неутешных, несчастных, горек сей мир, горюча тоска, если утешу, твоим светом утешу, свет во мне — свет от тебя.

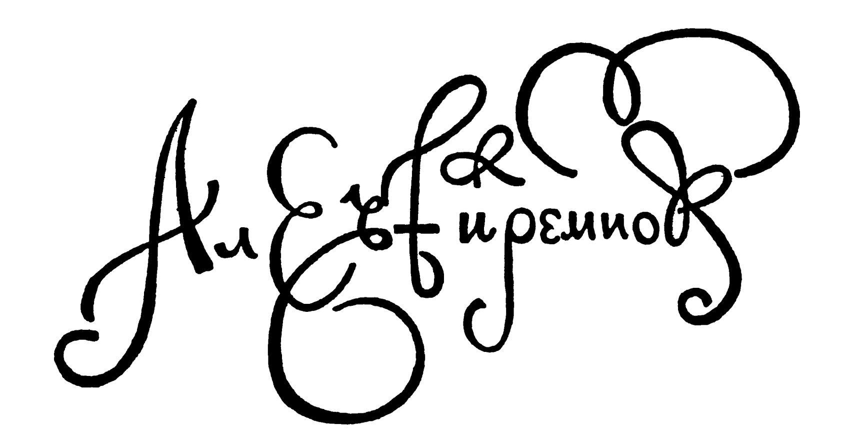
И когда после страдных дней, странных под милый осенний дождик упаду под забором, ты придешь, ты меня примешь на свои руки, ты меня не покинешь! — и очи твои будут близко, и я уйду за тобой с легким сердцем, всем сердцем желая, в жизнь вековую, прекрасная пустыня, любимая моя мати.

1913 г.

Трава - мурава

Сказ и величание

ПОСВЯЩАЮ
С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО



СВЯТЕЙШАЯ ВЕЛИКАЯ БОЖИЯ ЦЕРКОВЬ
СОФИЯ ПРЕМУДРОСТЬ, ПРИСНОСУЩНОЕ СЛОВО

SANCTA SOPHIA
Богом богатая Божия святая София!

Тихо и ясно горе у твоего золотого необъятного терема и, как в небесах, колыбаются тихие звезды — лампады серебряные. А вдоль воздушных уболов райская яблонь разветвилась золотыми плодами. А там, под мраморным дном, сладкие воды текут —

kirie eleison!

Над святою трапезой на ее среде Константинов венец, крест и голубь злат под крестом, и иных царей венцы округ сени, и тридцать малых венцов у поволочитой завесы — цена неоцененного в память и незабытие людям.

Ночью светит самоцветный камень с надвратной стены из чела, от Спаса Великого, и на красных полатах всю ночь, пока не заклеплют к заутрени в било, белые сестры — диаконисcы великой церкви неусыпно стоят на молитве о мире за весь мир —

Какие подснежные — бобиевые листья!
Какие белые — бело-алый трояндофиловый
цвет!

И кто это градарь насадил твой семивратный сад? Кто пославил тебя? Кто стережет?

— А видишь, налево вверху три оконца — три иконы стоят, там по все дни ангел Господен. И пока стоит святая София, не уйдет он с места сего. Так клялся ангел Господен неведомым именем первым — святою Софией. Ангел Господен дал имя, ангел Господен и страж.

Чудно и красно, и как солнце, сияют иконы, и алойный облак белых кадильниц синеет между столпами зелена камени с прочернью.

Там, на месте царском, где мрамор багрян, видели ночью: молилась Богородица. Там, в заалтарном притворе, где гроба Господня доска, и посох железен, и крестные свердлы и пилы, там у камня — на нем сидел Христос, говоря с Самарянкой, — слышали голос: «Дай мне воды пити!»

И я, пришедший с моею любимою чадью от святого Мамы, витания русских, я видел у великого алтаря на серебряном амвоне Романа: пел сладкопевец величальные песни, славил Всепетую, Всенепорочную, Всеблаженную, Деву Обрадованную, Матерь Света.

И дух святой наполнил нам душу и сердце, и мы не знали, на небе мы, ли на земле.

Слава Премудрости!
Слава создавой дом свой!

1915 г.

ИМЯ И СТРАЖ

Вдохнул Бог в ум царю Иустиниану создать святую церковь.

И от Адама не было такой создано церкви и нет на земле такого вида и красоты такой — святая Божия великая церковь, святая София Премудрость.

По числу дней года триста и шестьдесят пять приделов и на каждый день празднику служба, три тысячи попов служило в великой церкви и круглый год, как на цветной пасхальной неделе, видимо всем и открыто, иконостаса не заводили и колоколов не знали, — в колокол испокон звонят латыни, — а держали в великой церкви по ангелову учению било: к службе в било и клепали.

Двенадцать евангелиев одесную и двенадцать евангелиев ошуюю стояли на высоком месте по-ряду, золотые, дорогими камнями светили, — и светил их свет в ночи, как звездный —

и тьма его не объяла.

В великом алтаре хранили стол, — на котором столе в великий четверг вечерял Христос со ученики своими, и в великом алтаре хранились сосуды — дароносивые златы, их цари-волхвы принесли в дар Младенцу-Христу в пещеру по звезде с востока, хранилось и Ольжино блюдо, Ольги княгини русской, алым полунощным жемчугом убрано, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду, и висели в заалтарном притворе четыре медные трубы ерихонские в образ ангельских труб, когда пали стены Ерихона.

А строили церковь пять лет, одиннадцать месяцев и десять дней, а строил Анфемий строитель из города Траллеса с товарищем земляком Исидором из Милета, и было под ними народа десять тысяч: по пяти тысяч на руку. А за десятника был Игнатий Непрович, — велик человек, трижды из Киева в Иерусалим пеш ходил!

Освященную вербу — лозу Перунову по цареву видению клали в ячменный вар с известью крепости ради великих стен.

Из царских палат сделан был ход на леса, и всякий день, лето и зиму, царь в платье нецарском наведывался на постройку. Снились царю вещие сны, как строить храм, и любил царь с мастерами думой делиться — в день субботний и в праздник созывал царь мастеров на беседу в царские палаты.

Третий год кончался, высоко поднялись стены и не нахвалится царь мастерами, и лишь одна у царя забота: вó-имя, — какое дать имя великой церкви?

А был у Игнатья десятника сын, Петром звали, мальчонка до всего смышленый. И как, бывало, выйдет отец на постройку, и Петька увяжется, и ходит день за отцом по лесам, лазает везде: тоже распорядок проверяет. А то, глядя на старших, помогать примется: то кирпич тащит, то у скуделей возится. И такая была у него лопаточка маленькая и на этой лопаточке беличьей кисточкой меленько написана была великая церковь, какая она будет, — Анфемий строитель, балуя мальчонку, сам Анфемий эту лопаточку ему сделал. И топорик у Петьки свой был, серебряный — царский подарок: «в день ангела от царя Иустиана». Вот с лопаточкой да с топориком царским

всюду и поспевал мальчонка. И рабочие его очень любили: с дитем смышленым и работа шла ходчее, да и весело — за три-то года, приметливый, перенял мальчонка всякие хитрости мастеровые, и как примется мастерить на свой страх, ну, так старается, — ну, как тут не весело!

Царь Игнатья десятника жаловал: верный был царю человек Игнатий Непрович и божественный, — трижды из Киева в Иерусалим пеш ходил! А уж в мальчонке царь просто души не чаял. И везде-то, бывало, с собой по всей постройке водит. Навезут ли каких сокровищ, а везли их со всех концов, даже из самого Рима, и первым делом, конечно, царю на показ, а с царем и Петушок. И, бывало, начнет царь Петушку толковать, что и откуда, и где какие столпы стояли, в какой божнице и у каких капищ, так слова не проронит мальчонка, и после так всем расскажет, словно бы и сам там бывал, на всех концах и даже в самом Риме.

Сам царь и Петушком Петьку прозвал за эту его такую отчетность.

— Вот, Петушок, — скажет другой раз царь, приласкает мальчонку, — даст Бог, окончим церковь, и такая она у нас выйдет, куда твой храм Соломонов. Мы с тобой, Петушок, победим самого царя Соломона!

— Победим! — ответит, и так глаза загорятся — петушки-огонечки, как звездные: еще б не победить!

И случилось однажды, в день субботний позвал царь к себе мастеров на обед. А за мастерами, пошабашив, разошлись и рабочие. И остался на стене один Петушок: отец оставил его за караульщика стеречь скудель, да корыта, да орудия каменносечные, и наказал крепко никуда не отлучаться. На Петушка все можно было оставить.

Походил Петушок с лопаточкой своей по стене, постучал топориком, забрался там на самую верхушку. Далеко ему было видно по заре по вечерней — весь Воспор горел золотой до Русского моря, и златорогий Суд огоньками рябил золото-красными, золото-синими и зелеными до святого Мамы и за Мамонтову церковь до самых рогов, где святая Анна девица в теле лежит, как жива, и плыли корабли алые вдоль берега по морю Мраморному мимо Яблоновых ворот от Одигитрии, уносили с собой зарю — —

Присел Петушок на вышку и стал ждать месяца.

Не месяц, отрок в белом, как царев вестник, весь белый, стал перед ним.

— Здравствуй, Петушок! — и алой зарей засветился лик.

— Здравствуйте!

— А где же отец? Где мастера?

— У царя обедают.

— Как же так можно! Оставить Божие дело? Иди сейчас, позови их.

— Сами скоро вернутся.

— Ни часа, ни минуты нельзя медлить. Иди и скажи!

— Никак не могу: я караульщик.

— Иди, говорю! — и два белых крыла сверкнули, как снег, и от лица дунул огонь: — клянусь святою Софией, именем созидаемой великой церкви, не уйду отсюда, пока не вернешься. Я послан от Бога быть здесь на страже.

Обед у царя давно кончился, сидели мастера в царских палатах с царем вкруг стола, думали сообща — одна забота, один разговор.

Царь рассказывал свой сон: шел он будто от русских Золотых ворот русским уболом и видит, над великой стеной поверх лесов в великом свете юнош на престоле вельми кралатый в белом саккосе с омофором, на голове царский венец, в руках жезло и свиток, а посторонь его Богородица с Младенцем и Предтеча Иоанн, а выше Спасителев образ, а еще выше радугой звезды, а посреде радуги престол с книгой и у престола скамейки со крестом и копием.

Вот какой сон снился царю — сам образ Софии Премудрости Божьей!

Добежал Петушок до царских палат. Пропустила Петушка царская стража. И прямо к царю. И повторил Петушок, что сказал ему неведомый вестник:

— Клянусь святою Софией, именем созидаемой великой церкви, не уйду отсюда, пока не вернешься. Я послан от Бога быть здесь на страже! — и глаза Петушка загорелись, как звезды.

И уразумел царь Иустиниан, кто это вестник и чье это слово, и возрадовался о чуде — о имени чудном

великой созидаемой церкви. И положил назвать великую церковь святою Софией по слову ангела — откровению Петушкову.

И немедля вышел царь из царских палат и с ним мастера все, славя и хваля Бога, святую Софию.

А Петушка с собой на работу не взяли, оставили в царских палатах.

— Вернется Петушок, ангел Господен уйдет со стены, не вернется Петушок, останется ангел стеречь.

Так и не взяли.

Так с тех пор и остался Петушок в царских палатах. И никуда уж его от царя не отпускали и даже домой, к святому Маме, где жил он с отцом, его не пускали, к дворцовым воротам не велели подходить близко, и только что по двору побегать можно. И заскучал Петушок. И уж как просился, — ну, хоть глазком взглянуть на постройку! — и жаль его было, да царева указа не могли ослушать.

Хорошо в царских палатах, всего там вволю, и, чего душа хочет, все можно, да Петушку-то ничего не надо: одна просьба, одне слезы — выпустить его просит, за дворцовые ворота на стройку, полазать ему, как прежде, по лесам, по верхушкам с лопаточкой, с топориком.

И не раз сам царь его уговаривал и с ним Анфемий строитель и товарищ его Исидор строитель, не раз и мастера учили, пробовал и отец толковать.

— Вернется Петушок, ангел Господен уйдет со стены, не вернется Петушок, останется ангел стеречь.

Смышленый, понимал Петушок, да что ты с сердцем-то сделаешь: не покорливо, хоть и маленькое, и как ни толкуй, а не успокоится.

— Папа, — скажет, и уж губы дрожат, — папа родной мой, пусти меня на волю. Я, папочка, только посмотрю...

Ну, что тут сказать, и понимаешь, а ничего не поделаешь.

Долго с мальчонком мучились.

И уж как-то само собой вышло, либо тут нянька царская Малафевна, мудрая женщина, ее дело: напахнул добрый ум — затих Петушок — покорилось, знать, сердце его непокорливое, больше не плакал, не просился на волю, на стройку. Чах Петушок в царских палатах. И уж не надо ему ни лопаточки, ни топорика. Станет ли Малафевна

сказывать сказку, молча слушает сказку, не улыбнется, не поправит, не загорятся глаза, как бывало, а, бывало — — как петушки-огоньки, горели.

На третий день Рождества освятили великую церковь, святую Софию Премудрость. И ради торжества такого на подромии — игрище царском — были убиты тысяча быков, десять тысяч овец, шестьсот оленей, тысяча свиней, десять тысяч кур, десять тысяч цыплят, и вся эта живность и тридцать тысяч мер хлеба розданы были народу. И когда растворили красные царские двери и, как ангелы, воспели калуфони, царь взошел на хрустальный амвон, стал под золотую сень, учиненную бисером со светлыми измарагды — воистину, царь победил Соломона!

А Петушок и на освящении не был, — не дождался.

Так и зачах: за сорок дней до торжества перед Филипповым заговением Петушка похоронили. Велел царь Иустиниан мастерам сделать серебряный гробик, в нем Петушка и похоронили, а с ним и лопаточку его и топорик.

В царских палатах в Богородичной церкви Маячной, где Нерукотворенный образ, Крест честный, Венец, Губа, Гвозди, Багряница, Копие и Трость страстные, в уголку у трапезных дверей серебряный гробик — лежит Петушок —

«за великую церковь святую Софию Премудрость при царе Иустиане».

1915 г.

ЛИТЕРЫ ПРОРОЧЕСТВЕННЫЕ

На три угла на семи холмах стоит царственный Новый Рим.

Тридцать пять дорог — тридцать пять ворот ведут в Царьград.

От Русского моря с Воспора — ворота Варварские и ворота Михайловы. От Суда златорогого — ворота Евгеньевы, Красные, Рыбные, Осужденных, Дровяные, Источника, Хлебные, Стекольные, Святой, Новые, Петрийские, Фанарские, Царские, Зверинские, Влахернские. С запада

с суши — другие Влахернские, Озерные, Калигарийские, Каллиникова калитка, Бесплотных, Мириандровы и Полиандровы, Пемптийские, Меландрийские, Силиврийские, Романовы — в них вошел султан Махмуд, попленил Царьград. С юга же от моря Мраморного — ворота Одигитрии, Контоскалийские, Новые, Емильяновы, Псомафийские, Яблоновые и Золотые-Русские — в них и войдут, так идет молва, освободят Царьград.

Велика святыня цареградская, много святых чудес хранит земля.

Под камнями завалены лежать в земле пророки Даниил и Исаия. За Судом златорогим — Симеон Столпник, утвердивший на своем столпе бренную волю, наш дух немощной. У Влахернских ворот — Андрей Юродивый, первый вольно принявший терпение от жестокого мира сего и сердечными очами видевший Богородицу — Покров Богородицы. А там, на Лугаревом поле, Антоний Великий и Павел Фивейский — отцы трудники, столпы пустынные. А там, у ворот Романовых, в церкви Благовещения, Роман певец и Иоанн Дамаскин.

В святой церкви Апостольской на среде церкви алтарь, там, пол алтарем, Иоанн Златоустый и Григорий Богослов лежат. У алтарной преграды два столпа: великий столп Христов, у него привязан был Христос, когда мучили, и малый столп Петра, у него горько плакал Петр, когда запел петух. Под трапезой евангелист Матфей и Лука и с ними апостол Андрей. А от алтаря на восток гроб Константина царя, на гробной кровле письмена греческие — а написано о турском царствии и о конце его.

По стопам архиепископа новогородского, Антония — Добрыни Ядрейковича, по камушкам мниха Стефана Новгородца и земляков его доброписцев Ивана и Добрилы, иеродиакона Троице-Сергиевской лавры Зосимы, да дьякона Игнатия, да дьяка Александра, первых русских паломников ко Царюграду, была и мне милость поклониться святой Софии Премудрости.

Развоеван стоял Цареград.

Где святые сорок сороков, где монастырь Студийский — из него на Русь книга пошла, устав и триод! — где Влахернская церковь, где Спас Великий, где Воскресение,

где святые сокровища — палица Моисеева, море разделившая, Самуилов помазующий рог, сучец масличен голубя Ноева, Ильина милоть, риза и пелена Богородицы, где гроб Захарии, гроб Симеона Богоприимца, гроб Иакова, брата Господня, Варвара Великомученица, Пантелеймон Целитель, Флор и Лавер, Козма и Дамиан, Иван Кущник, Селивестр, папа Римский, где доска, на которой положен был Господь наш, — над ней Матерь Божия плакала и шли слезы, как воск белые, где доска, где эти белые слезы?

С землей сравнена церковь Апостолов — на ее месте мечеть Махмудие, завалены Золотые ворота — нет ни проходу, ни пропуску.

На две стрелы от Спаса Великого перед монастырскими вратами лежала каменная жаба: при царе Льве Премудром ночью жаба по улицам ходячи, сметие людей пожирала, а метлы пометали сами, — восстанут людие порану, а улицы чисты.

Нет Спаса Великого, нет монастыря Аполикантского, нет ворот монастырских, нет каменной жабы.

Вышел я вечером походить по улицам города. Лениво и мирно под кровлями, редки встречи, неторопливы прохожие. Я ходил по пустынным улицам по стопам паломников: поминал в веках канувшее и то, что видели, и то, что слышали.

И не помню, как пришла ночь.

И не узнал я города.

Люкнув, заулькало и пошло бурбить бурьбой с конца в конец, — и увидел я жабу каменную: на лапищах на каменных вскачь неслась жаба по улице, хапала, глотала, — пожирала сметие, а за нею сами метлы мели.

Как во сне, проходил я древними уболами, не по улицам, мимо церквей канувших, мимо столпов мраморных, перешел царевым путем Плакоту, площадь мраморную.

Жаба насытилась, у водопровода булькала, напивалась жабина студеной воды — и ей, каменной, тоже попить хочется! Напилась, облизнулась и опять на место — у ворот залегла монастырских, а с нею и метлы.

И такая стала ночь, такая тихая, такая темная — неслышная.

Я вошел в церковь Апостолов.

У алтарной преграды два столпа стоят.

Поклонился я Христову столпу: у него привязан был Христос, когда мучили.

— Слава страстям Твоим! Слава долготерпению Твоему, Господи!

Поклонился и Петрову столпу — его горьким слезам, когда запел петух.

— Брат мой, Петр, с первых слов моих, с первых дум я горевал с тобой!

И увидел на восточной стороне великий царский гроб: на гробной крыше сверкали огненные литеры.

Снилось мне или въяве я видел царский гроб, огненные помню литеры — письмена греческие. Потом я долго искал, спрашивал мудрых людей. И нашел в старой книге — от Геннадия патриарха, первого по взятии Царяграда, толк:

в первый Индикта царство Исмаила, зовомаго Моамеѳа, имать побѣдити родъ Палеологовъ, седмихолміе одержитъ, внутрь воцарится, языки премногими облагаетъ, и островы опустошитъ, даже до Евксинскаго понта; истровыхъ сосѣдей разоритъ.

въ осмый Индикта Пелопонисомъ обладаетъ;
въ девятый Индикта на сѣверныя страны имать воевати;
въ десятый Индикта далматовъ побѣдитъ,
паки обратится еще на время; съ далматами
брань воздвигнетъ велію; часть нѣкая сокрушится.

и множества — и языцы купно со
западными моремъ и сушею рать
соберутъ, и Исмаила побѣдятъ,
Седмихолміе возмутъ со прономіами.

тогда брань возставятъ междоусобную,
свирѣпую, даже до пятаго часа, и гласъ
возапіетъ трижды, — станите, станите
со страхомъ, поспѣшите зѣло спѣшно,
въ десныхъ странахъ мужа обрящете добля,
чудна и сильна, сего имѣйте владыку:
другъ бо мой есть, и того598 вземше,
волю мою исполняйте.

1915 г.

ЛЕЙ ИКОНОПИСЕЦ

От великого алтаря на левую руку, идя посолонь, против столпа Васильева, столп от красного камени мрамора, медью окованный, Григория — отца отцов, тут и мощи его и образ, и за всякой службой народу теснота толкучая: болящие трутся о столп на исцеление. А от столпа Григорьева у царских входных дверей на возвышении образ Спасов велик написан, и только одного перста у правой руки не написано, а скован серебрян и позлащен.

Я спросил вожа моего:

— Что есть перст ненаписанный, а скован серебрян и позлащен?

И поведал мне вож мой чудо страшно и великое.

Жил в Цареграде Лей иконописец, муж доброго нрава и благочестивый, и уж так горазд иконам, такую напишет — золотую, и горят краски по золотому полю, как горит на вечернем закате Мраморное море; Анфемию, строителю великой церкви, друг был.

И когда царь Иустиниан приступил к созданию великой церкви, Анфемий задал другу задачу: написать у царских входных дверей образ Спасов.

Некогда, при земной жизни Христа, Авгарь, князь едесский, томим много лет от синей проказы, послал Ананию, иконного писца своего, в Иерусалим написать образ лица Христова. И Анания встретил Христа, но сколько ни трудился, не мог списать Божественный образ: то выходил Христос очень молод, то очень стар и совсем непохож, пока сам Христос не совершил чуда — умыв пречистое Свое и Божественное лицо водою, утерся убрусом, и на убрусе вообразился лик Его.

В царских палатах в церкви Пресвятой Богородицы Маячной и хранился этот убрус Авгарев — Нерукотворенный образ Господа нашего Иисуса Христа.

И с самого того дня, как заложен был первый камень великой церкви, Лей иконописец проводил дни у Богородицы в дворцовой церкви перед Нерукотворенным образом Спаса, ночами же неустанно молился, прося благословить непостижимое Божественное Слово постигнуть — написать лик Христов.

И, много молившись, приступил к работе.

Проходили годы в труде и воздержании. И был немутен ум его и сердце чисто.

В праздничные дни в царских палатах за царской трапезой в кругу мастеров сидел Лей иконописец молчаливо, а работу свою держал в большой тайности, даже и от друга своего Анфемия.

И царь Иустиниан, любивший беседовать с мастерами, видя старание и скрытность Лееву, не докучал ему вопросами.

Уж давно вернулись с Родоса мастера цареградские — Троил, Василий и Колоквинт, наблюдавшие за изготовлением кирпичей для купола, и был возведен необыкновенный купол — великий терем великой церкви, и весь он горел в золоте, а стены, покрытые мрамором, расписаны, и повешены были паникадила на толстых серебряных цепях толщиною в руку, и из золота и драгоценных камней, разбитых и сплавленных с золотом, положена была доска на престол, и за святым престолом водружен великий крест золотой, меры боле двух человек от земли, а перед ним повешен другой крест с тремя лампадами вдоль трех ветвей. Убирали драгоценными камнями сребростолпную надпрестольную сень, — пятый год подходил к концу, а Лей иконописец все еще не давал отчета о своем труде.

Чем ближе подходила работа к концу, тем сильнее охватывало его необоримое чувство и жгучее нетерпение какое-то, — все ему хотелось все сразу и одной чертой. И это чувство было так остро, дух захватывало, — руки дрожали.

И, бывало, ничего не прибавив и не убавив, садился он на лавку и сидел с закрытыми глазами, горя весь мечтою о своем завершенном деле.

И острота этих чувств — и нетерпение, и огненная мечта — пронизывала всю его душу, и наступало затем утомление: равнодушный ко всему на свете, а главное, к первому своему — к работе своей, выходил он на улицу и шел за городовую стену в поле так, ни о чем не думая и ничего не желая.

На совете царском назначен был день освящения великой церкви.

Лей иконописец был на этом последнем соборище мастеров. И для всех, кто его видел тогда, не осталось

не заметным его необыкновенно странное поведение: он не только что не говорил ни слова, он сидел, не подымая глаз.

И царь, опрашивая мастеров и смекая о сроке окончания работ, царь не решился обратиться с вопросом к Лею.

Впрочем, и спрашивать нечего было, — не мог, ведь, Лей не исполнить к сроку своей работы! И, на самом деле, образ Спасов был весь написан, и оставалось всего на правой руке написать мизинец.

И вот после совета царского поздним вечером Лей прошел из царских палат царским ходом прямо в великую церковь, твердо решившись в ночь все закончить.

Последние работы в великой церкви совершались и ночью: церковь была освещена, и свету было, как днем.

Написать мизинец — дело простое. Лей это сам хорошо знал, но тут произошло то, что уже бывало с ним за последнее время: то самое чувство нетерпения и огненной мечты охватило его. И вместо того, чтобы дописать недописанное, он вышел из палатки и позвал друга своего Анфемия посмотреть на работу.

И они стояли перед Спасовым образом.

Анфемий, не скрывая восхищения своего, громко хвалил друга. И, наглядевшись на образ, не мог утерпеть, пошел к царю. И привел царя. И уж с царем наперерыв оба выражали свое восхищение.

А Лей стоял поодаль и ничего не слыхал, и не заметил, как к царю выходил Анфемий и вернулся с царем, и как царь и Анфемий ушли из церкви, и он опять остался один.

Лей, не сводя глаз с образа Спасова, весь в одной был думе.

И эта дума его была громка, как царские похвалы и похвала его друга, строителя великой церкви, одна и нераздельно врастала она в его сердце, заполняла всю душу, — дума о том, что вот он, Лей иконописец, завершил великое дело: постигнул непостижимое Божественное Слово — написал лик Христов.

И вот дошла она, эта дума его, до краев своей страсти и, огненная, как та мечта огненная, восторгом всколыхнула все его чувства, и он воскликнул к Спасову образу, как к живому:

— Господи, видишь, я изобразил лик Твой, каким Ты был на земле!

И внезапно столп огнен стал вверху над образом, и был тихий глас:

— А ты когда меня видел?

В утренний час царь с Анфемием и с прочими мастерами, обходя великую церковь, вошли в палатку у царских входных дверей, желая еще раз полюбоваться на Лееву работу и показать другим.

И каково было изумление, когда увидели они Лея: он сидел на полу — левой рукой на лавку, правая же висела, как неживая.

И перед царем не поднялся и на вопросы не отвечал, ибо был нем.

Все ему было трудно: смотреть, дышать, шевелиться, — и уж кое-как уцелевшей рукой нацарапал он царю, что случилось с ним в ночь.

И дивились все бывшему чуду.

Повелел царь Иустиниан никому более не касаться Спасова образа, а на недописанный перст выковать серебряный — людям на страх и на уведение.

И тот перст у Спаса не писан, а скован серебрян и позлащен.

1915 г.

ОТРОК ФИНОГЕНОВ

На мощах мучеников утверждены столпы софийские.

Много угодников покоится во святой великой церкви.

Есть глава Пантелеимона, глава Кондрата апостола, глава Ермолы и Стратоника, глава Кира и Иоанна, рука Германова — ею ставятся патриархи, лежит Аверкий святой и Григорий Великой Армении, и Селивестр папа Римский, а за крестом мерным — колико был Христос возвышен плотию на земли — вдовица Анна лежит, давшая безмездно свой двор святой Софии, а в приделе Петра и Кодина — святая Феофанида, ключи державшая от святой Софии.

Гроб же один стоит малый и нет больше гробов в великой церкви.

А в том гробе — отрок Финогенов.

Поп Финоген был поп софийский.

А было в великой церкви у святой Софии три тысячи попов: пятьсот ругу емлют — на содержании церковном, а прочие — крестцовые — от алтаря питались. И когда кто умирал от пятисот ружных, то первый в очереди крестцовый входил на его место.

Поп Финоген был поп крестцовый.

А очередь его была самая последняя, и попасть ему в пятую сотню удачных — дело очень мудреное и, скажу, безнадежное: две тысячи четыреста девяносто девять вожделеющих стояли впереди его!

Ружные попы жили в городе у церкви, и был им почет и от царя и от патриарха — все до единого митрофорные. А крестцовые — дело совсем другое, уж кому где Бог укажет, там и селились: подоходней который — поближе, а что поплоше — ног не соберешь.

Поп Финоген жил вне Золотых Ворот у Живоносного Источника в приходе Николы-Проби-Лоб.

К бедности, из которой не вылезал Финоген, пришло ему в жизни большое горе: умерла матушка. И остался поп один, да с ним Сергунька. И если было еще на свете, чем жить попу и ради чего терпеть, так этот самый Сергунька.

Думал Финоген, глядя на сына, — дай подрастет мальчонка, определит он его в ихнее Заиконоспасское, потом поступит Сергунька в семинарию, в Вифанскую, кончит семинарию, а там еще куда, а там, благословит Бог, архиереем будет.

«Будешь во времени, меня помяни!» — гладил поп по головке Сергуньку, архиерея своего, владыку грозного и милостивого, перед которым вострепещут сами ружные попы софийские, гладил белесые, как пушок, волоски его по концам с завитками, осклабляся и добро — добрый был батюшка отец Финоген — и с удовольствием — не легко ему доставалась копейка, да и гнуться приходилось, нехорошо!

А Сергунька такой тоненький, как былиночка, весь в мать покойницу, и глаза, как у матери, такие чего-то пугливые. И как станет, бывало, за службой — с ослопной ли свечой, с благовонным ли кадилом — в стихарике своем, в серебряном, ну, такой чудесный, и жалко чего-то.

Последнее время все чаще, глядя на Сергуньку и гадая о судьбе его завидной, а с ней и о себе, о своем одиноком,

загнанном и последнем, поп в разгар чаяний и упований своих вдруг сжимался весь от этой вот жалости.

— Сергунюшка, ты бы хоть молоко пил! Хочешь козьего? Я тебе, Сергунька, козу куплю.

А Сергунька такой тоненький, как былиночка, и ни кровинки, только глядит на отца, все понимает — какую! ну, откуда им козу купить?

Сергунька первый был отцу помощник: и читал и пел и раздувал кадило. Поп Финоген без Сергуньки ни шагу.

— Будешь во времени, меня помяни! — бормотал поп от любви своей и надежды, и видя и невидя, и удивляясь и больно жалея.

В одном из трехсот шестидесяти пяти приделов великой церкви поп Финоген готовился служить заупокойную обедню. За последнее время это был редкий случай, приходилось ему больше отправлять молебны и панихиды. И ведь, как все вышло неисповедимо: какая-то старушка подошла сама к Финогену и из всех стоящих попов выбрала Финогена. Батюшка ли ей понравился, или Сергунька взял ее старое сердце, — может, и у нее когда-то такой же вот внучонок был, тоже Сергунька?

В приделе Петра и Кодина, где Петровых вериг железо вковано в золотую икону, облачившись, начал поп Финоген обедню.

Сергунька читал часы.

И вот на проскомидии, раздробив Агнца и положив Его на святом дискосе за жизнь всего мира, когда отец Финоген взял копие и, прободая копием Агнца, проговорил во свидетельство истины — «един от воин копием ребра Ему прободе и абие изыде кровь и вода...» — белый свет сверкнул на копии.

Финоген поднял глаза и увидел: одесную перед престолом предстоял ангел, и светом неизреченным светился лик его.

— Се мя Бог послал по душу детища твоего, да ю восприиму! — сказал ангел.

И, как тот свет белый, сверкнувший внезапно на копии, одна сверкнувшая мысль рассекла благоговейные мысли Финогена — последняя его надежда отнималась! — и сердце озябло и руки задрожали.

Минуту стоял он немой, глаза открыты, весь в свете, исходящем от лика и крыл ангельских.

— Возьмешь у меня сына, — спохватился Финоген, — нет, лучше уж я... — и подумал: «...как же так Сергунька, ведь, он же такой слабый, один останется?» — и вдруг раздумался, — не знаю я, для чего душа его и ты не знаешь, для чего душа его Тому, Кто послал тебя, Богу моему и твоему; — и принял судьбу свою, принял горькую по суду Божьему, — Он один знает! И я прославлю Его, пославшего тебя, пославшего Сына Своего на очищение грехов и на спасение душ наших. Подожди, дай окончу святую службу.

И, взяв вино и воду в святой потир, благословил:

— Дух, кровь и вода — трие воедино!

И по смирению его послушал его ангел Господен: видимый только ему одному, служащему у престола, остался ангел Господен ждать у престола, пока не окончит поп святую службу.

Неизреченный свет исходил из алтаря от престола.

И первая увидела этот ангелов свет старушонка, заказавшая обедню, а за ней странники, калики перехожие, пришедшие издалека поклониться Петровым веригам во святую великую церковь Софию Премудрость. И быстро пронеслась молва по церкви о свете, воссиявшем у престола в приделе Петра и Кодина.

Хлынул народ со всей церкви. Дали знать в царские палаты. И на полатах в великой церкви в сонме белых диаконисс увидели царицу.

Поп Финоген служил обедню. Сергунька прислуживал, раздувал кадило, и на бледном личике его, будто две розы горели, да поблескивали мелкие росинки на лбу, такие ясные, как хрусталик хрустального софийского амвона.

Ангел Господен предстоял у престола, никому не зримый, кроме Финогена, свет же, сиявший от лика его и крыльев был каждому виден, и все дивились неизреченному свету.

Сергунька в своем стихарике серебряном, весь захлопотавшись за делом, только один Сергунька не замечал никакого света.

Когда кончилась обедня, вышел из алтаря Финоген с крестом, ангел стал за крестом и от света лика и крыльев золотой загорелся крест в руках у попа, и никто не решался подойти ко кресту.

И один Сергунька, отслуживший всю службу, видя замешательство в народе, первым подошел ко кресту, первый приложился к кресту и вдруг увидел... ангела увидел — и от света в глазах у него зарябило, и как былинка болотная пошатнулся и — на колени, нагнул голову — до самой земли.

И тогда ангел Господен вынул из него душу.

И свет померк.

И от того, что свет был не сего света, стало внезапно, как в грозу, в великой церкви, и только у Петровых вериг красные теплились серебряные лампады, да на кануне старухина свечка тоненьким язычком угасала.

Бездыханного Сергуньку своего — надежду ненадеянную, радость необрадованную, свет очей и жизнь — Сергунюшку взял отец на руки и, закрыв ему померкшие глаза, благословил на жизнь на то-светную.

— Мир ти!

И обращаясь к народу, рассказал Финоген о ангеле Господни, пришедшем по душу детища его.

Чей ум и чья душа, слыша о таковом чуде, не помянула о царстве небесном и жизни бесконечной и не поревновала о смирении перед волей Божьей!

И по таковому смирению и чистоты ради души детской один стоит гроб в великой церкви, и нет другого гроба, кроме того.

А в том гробе — отрок Финогенов.

1915 г.

МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Есть в великой церкви чудный образ Богородицы — как войдешь в великие двери по правую руку, у малого алтаря стоит — и шли слезы от очей Богородицы на очи Христа.

Там и воду дают от алтаря на помазание недугующим и страждущим, на кого наложил Бог руку Свою. И стоит народ — какое отчаяние — одни глаза! — это те, кому нет от людей больше веры, отверженные.

А принесен тот чудный образ в великую церковь из Иерусалима — Иерусалимская Божия Матерь, Марии Египетской небесная поручница.

Дал Бог человеку великую радость — красоту плотскую. И благословил ее на брачном пиру, где была и Матерь Его. Создавый воду, превратил воду в вино на брачном пиру.

Тайна сия велика.

Дар Божий — красота плотская — благословенная! Великая идет от нее в мире радость. И был этот дар Божий на Марии Египетской и благословение

Мария Египетская была блудница.

Тайна сия велика.

Как-то перед Воздвижением снарядился корабль плыть из Александрии в Иерусалим на праздник. Богомольцев собралось немало: всем хотелось побывать в Иерусалиме в этот великий праздник. С богомольцами поехала Мария: не поклониться Кресту она ехала, привлекало ее совсем другое — много было на корабле богомольцев, еще больше будет в Иерусалиме!

Ехала Мария на корабле так, денег у нее не водилось — зачем ей деньги? — а нашлись люди, за нее заплатили. Ну, как не заплатить за такую? И, скажу, путь был веселый. Дорога морем опасна, а тут не заметили, как и доехали. Еще бы, с такою разве заметишь? И в Иерусалиме нашлось ей место — ей ли не найти приют? И весело прошла ночь и день на святой земле.

Когда же настал вечер, ударили ко всенощной, богомольцы поспешили в церковь, и Мария за ними в церковь.

Мария была такая, ну, как дома, в Александрии, как там, на корабле, и как эту ночь и день. А те самые люди, — вчера еще из-за нее не заметили они и трудного пути и весело провели с ней ночь и день на святой земле, — эти люди были теперь совсем не такие: как-то само собой, не сговариваясь, обходили они ее, словно боясь коснуться, как чего-то нечистого. И сколько раз пыталась она переступить порог церкви, и всякий раз ее оттесняли. Уж не люди, какая-то сила не допускала ее на порог церкви.

«Или она хуже других?»

Она отошла от дверей. Стала в притворе.

Горкнуло сердце:

«Чем же ты хуже других, горькое сердце?»

И стояла в притворе одна.

Был ей от Бога великий дар — красота, и вот нет ей пути!

И вдруг она поняла: те люди шли ко Кресту, а она так... и всегда, всю свою жизнь все только так, — в первый раз поняла она и твердо решила к прежнему никогда не вернуться.

Горьмя горело горькое сердце.

Кто ей поверит?

«Кто же поверит тебе, горькое сердце?»

И подняла глаза — на белой стене против стоял образ — Божия Матерь: и шли слезы от очей Богородицы на очи Христа.

И смотрела...

— Мне б не обозрить белого света, правду я говорю! — смотрела она к великому сердцу.

И упала слеза от очей Богородицы в горькое сердце и, как свеча, затеплилась в сердце.

Твердо ступила Мария. Переступила порог. Как свеча, слеза теплилась в сердце. Народ перед ней расступался.

о, преславное чудо,
широта креста и долгота небеси равна есть!

На горнем месте, видимо всем, воздвигнут был Крест. И шел народ поклониться Честному Кресту. И Мария с народом поклонилась Честному Кресту.

о, лествица, ею же восходим на небеса!

живоносный сад —
крест пресвятой.

В притворе перед образом Матери Божией — благодарила Мария Божию Матерь.

Был ей от Бога великий дар — красота, и стал для нее дар Божий погибелью.

«Как же ей быть? Где найти отдых горькому сердцу?»

И смотрела... и смотрела к великому сердцу.

И вот издалека голосом милым милой сестры донесло весть:

— Перейдешь Иордан, там тебе отдых!

Всю ночь до белой зари проходила Мария по городу.

Там за церковным порогом осталась вся ее прежняя жизнь, и уж назад не вернется. Странный голос, как оклик весенний, наполнял ее душу.

По утру у городских ворот подал ей какой-то семитку.

В первый раз она приняла Христа ради, купила на базаре три хлебца — будет ей на дорогу.

Зазвонили у Иоанна Предтечи к ранней обедне. Зашла помолиться. Постояла у Иоанна Предтечи. Странный голос, как оклик весенний, наполнял ее душу.

— А что там, за Иорданом?

— За Иорданом? Там и лютому зверю житье не барышно, летают пустынные птицы.

— А как туда перебраться?

И долго искали человека. Нашелся один старичок: он перевезет.

— Там и бывалому пропад.

Умылась Мария Иорданской водою, перекрестилась, села в лодку: три хлебца в руках.

— Ну, и с Богом!

«Перейдешь Иордан, там тебе отдых!»

Сорок лет и семь лет прожила Мария за Иорданом в пустыне.

Был ей от Бога великий дар — красота, и вот Богу вернула она Его дар — красоту: очи — цветам, уста — зорям, тайные помыслы — облаку, страсть свою — солнцу и ветру, зной свой — пустыне.

И духом Божьим наполнилось чистое сердце.

Видел Марию старец Зосима: молилась Мария, не попирая земли — над землею. И не зная, узнала Мария Зосиму. Видел Марию старец Зозима: переходила Мария Иордан-реку: шла по воде, как посуху.

А когда померла она, лев-зверь пришел к сухому ручью и вырыл когтями могилу.

А померла она в страстные дни — в великий четверг у сухого ручья за Иорданом в пустыне.

И видел старец Зосима в час ее кончины, когда ее душа расставалась, видел в церковном притворе на белой стене образ Матери Божией: и шли слезы от очей Богородицы на очи Христа.

Кто знает жалость и скорбь Матери Света, Скорбящей Заступницы нашей! Восхотела из светлого рая вольно во тьму — в ад идти к нам, к грешным и шатким, вольно

с нами остаться нашу трудную бедовать беду — «Не надо мне раю прекрасного, хочу мучиться с грешными!» — и шли слезы от очей Богородицы на очи Христа.

И стоит тот чудный образ Богородицы, поручницы всех несчастных, последнее прибежище — кому нет от людей больше веры — отверженных, в великой церкви во святой Софии, Премудрости Божией.

1915 г.

МИЛЫЙ БРАТЕЦ

Тучи, сестрицы, куда вы плывете?

Отвечали тучи:

— Мы плывем дружиной, милый братец, белые — на Белое море во святой Соловец остров, синие — на запад ко святой Софии Премудрости Божией.

На Сокольей горе на бугрине сидел Прокопий блаженный, благословлял на тихую поплынь воздушных сестер.

Унывали синие сумерки, — там, за лесом уж осень катила золотым кольцом по опутинам, синие вечерние, расстилались они, синие, по приволью — зеленым лугам.

*

Он пришел к нам в дальний Гледень от святой Софии, от старца Варлаама с Хутыни.

Был богат казною и за его казну шла ему слава. Разделил свое богатство и была ему честь за его милость. И стало ему стыдно перед всем миром; вот слывет он хорошим и добрым и все его хвалят. И разве не тяжко совестному сердцу ходить среди грешного мира в белой и чистой славе? И тогда взял он на себя великий подвиг Христа ради и принял всю горечь мира...

Он, как свой, среди отверженных, как брат среди пропащих.

И соблазнились о нем люди.

Он пришел в суровый дальний Гледень от святой Софии.

«Бродяга, похаб безумный!» — так его привечали.

Оборванный, злою стужей постучался он в сторожку к нищим, — нищие его прогнали. Думал согреться теплом

собачьим, полез в собачью конурку, — с воем выскочила шавка, только зря потревожил! — убежала собака. Окоченелый поплелся он на холодную паперть.

Кто его, бесприютного, примет, последнего человека?

Честнейшая, не пожелавшая в раю быть... не Она ли, пречистая, пожелавшая вольно мучиться с грешными, великая совесть мира, Матерь Света?

И вот на простуженной паперти ровно теплом повеяло —

И с той поры дом его — папертный угол в доме Пресвятой Богородицы.

Шла гроза на русскую землю.

Никто ее не ждал и жили беспечно.

Он один ее чуял, принявший всю горечь мира: с плачем ходил он по городу, перестать умолял от худых дел, раскрыть сердце друга для.

Суета и забота, — кому его слушать? Ой, били его и ругали.

И вот показалось: раскаленные красные камни плыли по черному небу, и было, как ночью, в пожар, и был стук в небесах, даже слов не расслышать.

Ошалели от страха.

«Господи, помилуй! Спаси нас!»

А он перед образом Благовещением бился о камни, кричал через гром: не погубить просил, пощадить жизнь народу, родной земле.

. И гроза повернула, каменная мимо прошла туча.

Там разразилась, там раскололась, за лесом устюжским и далеко засыпала камнем до Студеного моря.

Он пришел в суровый Гледень от святой Софии.

И кровом был ему дом Пресвятой Богородицы.

А когда настал его последний час, шел он вечером в церковь к Михайле архангелу.

Поджидала его смерть на Михайловом мосту.

«Милый братец, ты прощайся с белым светом!» — и ударила его косой.

И он упал на мосту.

И вот тучи-сестры принесли ему белый покров. В летней ночи закуделила крещенская метель — высокий намело сугроб.

И лежал он под сугробом серебряную ночь.

*

В синем сумраке тихо плыли синие и белые тучи и, как тучи, плыли реки — синяя Сухона и белая Двина.

Зацветала река цветами — последние корабли уплывали: одни в Белое море на святой Соловец остров, другие ко святой Софии в Новгород Великий.

На Сокольей горе на бугрине сидел Прокопий блаженный.

— Милый братец, помоли о нас, даруй тихое плавание!

— Милый братец, благослови русский народ мудростью святой Софии, совестью Пречистой, духом Михайлы архангела!

1914 г.

АВРААМ

I

Когда настал срок жизни Авраама, сказал Господь архистратигу сил небесных, вятшему от ангел, Михаилу:

«Иди к Аврааму, другу моему, скажи Аврааму: отойти он должен от мира сего, да распорядится о доме своем прежде конца».

И стал архистратиг на пути к дому Авраама.

И нашел архистратиг Авраама, сидящего на поле. А был Авраам в больших годах. И поклонился архистратиг Аврааму.

И не знал Авраам, кто это.

— Откуда ты?

— Путник я.

— Путник, присядь со мной, — сказал Авраам, — я велю привести коня и мы поедем домой. Уж вечер, отдохнешь, а назавтра в путь.

— А как имя твое? — спросил Михаил.

— Звали меня Аврам, но Господь переменил имя мое, и зовусь я не Аврам, а Авраам.

Авраам позвал отрока, чтобы отрок привел коня ехать домой.

— Не надо, — сказал Михаил, — мы и так дойдем.

И они пошли, архистратиг и Авраам.

И когда проходили они мимо дуба — многоветвистый дуб стоял при дороге — от ветвей слышен был глас:

«Возвести, к кому послан!»

Слышал архистратиг, слышал и Авраам.

И затаил Авраам в сердце таемное слово.

И когда пришли они в дом, призвал Авраам рабов своих.

— Идите в стадо, выберите лучшего барашка и приготовьте нам вкусных кушаний на ужин.

И пошли рабы исполнять волю господина своего.

Сказал Авраам сыну Исааку:

— Налей воды, Исаак, и принеси умывальницу, омоем ноги гостю. Чую, в последний раз я омою ноги гостю.

Загрустил Исаак, слыша слова отца, пошел, принес воды и умывальницу.

— Что это, — заплакал Исаак, — сказал ты: «в последний раз омою ноги гостю!»

И Авраам заплакал.

И архистратиг, видя плачущих Авраама и Исаака, начал плакать с ними, и слезы архистратига падали, как камень.

Вошла Сарра, жена Авраама.

— Что такое? О чем плачете?

— Ничего, Сарра, — сказал Авраам, — будем пить и есть с нашим гостем.

II

Когда солнце погрузилось в море и на востоке взошла луна и загорелись звезды, оставил архистратиг Авраама, поднялся на небеса — с заходом солнца приходят все чины ангельские на поклонение к Богу, Михаил же среди них первый.

«Послал Ты меня, Господи, к Аврааму возвестить исход его телесный, не мог я исполнить, друг он Твой и праведен, странных приемлет. Господи, пошли к нему память смертную, да сам уразумеет о своем часе, а не от меня слышит горестное слово».

И сказал Господь Михаилу:

«Иди, будь в доме Авраама, увидишь ядущего его, ешь и пей с ним. Я вложу память смертную в сне Исааку на сердце ему».

Архистратиг вернулся к Аврааму и нашел великое пиршество.

И ел архистратиг и пил с Авраамом.

И когда окончилась вечеря, велел Авраам Исааку приготовить постель гостю. И возжег светильник и повел на покой гостя.

И вот когда после полночи, потрясшей вселенную великим священным ужасом, наступил час покоя всего живущего, встрепенулся Исаак от сна и с криком бросился к Аврааму.

— Отопри мне, отец! Ты жив еще? Еще не отняли тебя!

Авраам отпер дверь.

Исаак припал с плачем к отцу.

Заплакал и Авраам.

И архистратиг, видя плачущих Авраама и Исаака, начал плакать с ними, и падали слезы его, как огонь.

Вошла Сарра.

— Что такое? Дурные вести или Лот помер?

— Нет, Сарра, — сказал архистратиг, — я не принес дурных вестей о Лоте: Лот жив.

И поняла Сарра, не похожа речь архистратига.

И сказала Сарра Аврааму:

— Перестань плакать, или не разумеешь о госте? Зачем слезы, или не видишь, какой светит свет в нашем доме?

— Откуда ты знаешь, что этот человек от Бога?

Отвечала Сарра:

— Он один от тех трех, что отдыхали у нас под дубом, ты им заклал тельца.

— Правда, и я, омывая ноги, подумал: «Эти ноги я омывал тогда под дубом!»

И Авраам и Сарра смотрели на своего гостя.

И сказал Авраам архистратигу:

— Кто ты?

Архистратиг стал перед Авраамом.

— Я сын света, архистратиг сил небесных, Михаил.

И было видение тела его, как сапфир, а взор лица его, как хризолит, а волоса на голове его, как снег, и кидарь на голове его, как облак, и одеяние риз его, как багор, и жезл золот в руке его.

Авраам смотрел на гостя, дивился свету.

— Открой же, зачем ты пришел к нам?

— Пусть тебе скажет сын твой.

И сказал Исаак:

— О, что приснилось мне! Я видел столп посреди двора — солнце и месяц, как венец, на голове сияли моей. И вот велик муж сошел с небес, светящийся, как сам свет, взял солнце с головы моей, а лучи оставил у

меня. Заплакал я: «Господи, не отнимай от меня света моего!» И сказал мне Господь: «Не плачь, я взял свет дому твоему, он пойдет от труда на покой, от низа вверх, от тесноты на простор, к свету от горькой тьмы». «Господи, бери и лучи с ним!» И сказал мне Господь: «Я возьму лучи, когда скончает семь тысяч лет, а тогда воскреснет всякая плоть!»

— Воистину, — стал архистратиг, — солнце, Исаак, отец твой, возьмется на небеса дух его, а тело останется на земле. Авраам, распорядись о доме своем, час грядет.

И сказал Авраам Михаилу:

— Если исход мой близок, хотелось бы еще в жизни сей прежде смерти взойти на небеса и видеть дела все, какие сотворил Господь на небеси и на земле.

Отвечал Михаил:

— Сам не могу я исполнить желания твоего. Я скажу Владыке, Богу всемогущему, и да будет воля его.

И взошел архистратиг на небеса.

И повелел Господь архистратигу:

«Вознеси Авраама и покажи ему все, и чего ни попросит, исполни, друг он мне».

III

Силою духа поднял архистратиг облако и на облаке понес Авраама за твердь на Окиан-реку.

И увидел Авраам двое врат: малые и великие, а между вратами на престоле мужа в сонме ангелов, то плачущего, то смеющегося.

— Кто это велик муж на престоле, ангелы окрест его, плачет и смеется, и плач его в семькрат больше смеха?

И сказал Михаил:

— Ты видишь тесные врата и другие врата широкие: тесные врата ведут в жизнь вечную, а широкие в пагубу, муж же, сидящий на престоле, Адам, первый человек. Богом ему назначено созерцать души, исходящие из телес. Когда видишь его смеющегося, разумей, видит он души, ведомые в рай, а когда видишь плачущим, разумей, видит он души, ведомые в пагубу, а что плач его заглушает смех, разумей, в семькрат больше душ идет в пагубу.

— И не может никто широкими вратами пройти в рай?

— Никто.

И воскликнул Авраам:

— Горе мне! Не пройти мне через тесные врата: телом велик я, а в такие разве дети пройдут?

— Не тужи, ты и все подобные тебе, вы войдете в них.

Смотрел Авраам и дивился.

И вот показалось: ангел Господен провожал семь тем душ и одну душу держал на руках. И вогнал ангел семь тем душ в широкие врата.

— Неужто все в пагубу? — удивился Авраам.

— Пойди и испытай, — сказал Михаил, — если найдешь достойную, выведи.

И повел архистратиг Авраама к широким вратам к душам погибельным.

Пытал Авраам о делах их и ни одной не нашел достойной.

А та душа, что держал ангел Господен в руках — грех ее был равен добродетели ее и не было ей места ни в раю, ни в пагубе — осталась душа обоюдная стоять между врат до последнего суда.

— Ангел Господен, провожавший семь тем душ, он и душу вынимает из тела? — спросил Авраам.

— Нет, смерть ведет душу на судное место.

— Покажи мне судное место, хочу видеть все.

И повел архистратиг Авраама к месту, где творили суд.

И слышно было, как чья-то душа вопияла в муках:

— Помилуй, помилуй меня!

Сказал судия:

— Как мне тебя помиловать? Ты сестру свою грешную не помиловала.

— Я не при чем, меня оклеветали, — брыкалась жестокая.

Сказал судия:

— Принесите записи.

И херувим принес книги — две книги.

А был там муж велик, имея на голове три венца — венец на венце, держал он в руке златую трость, а призвали его свидетельствовать.

Сказал судия:

— Обличи грехи сей жестокой души.

И разгнув книги и поискав грехи души той, отвечал:

— О, жестокая, говоришь, оклеветали тебя? Не ты ли во лжи и лести прожила жизнь свою? Где милости, со-

творенные тобой? Кого ты утешила? С кем радовалась, с кем ты печалилась? Никого не пожалела — ни единого от несчастных в горьком мире сем.

И грех за грехом стал обличать, какие совершила душа, и в какой час.

— Горе, горе мне! — вопияла жестокая, — вижу, ничего не забывается.

А два гневных демона, слуги судные, взяли душу и мучили.

— Кто судия и кто свидетельствует?

— Судия — Авель, а свидетельствует Енох, учитель небесный и книгочий праведный. Поставил его Господь записывать беззакония и правду каждому.

— А может ли Енох по жалости душу выгородить?

— Невозможное! Не от себя Енох свидетельствует, Господь свидетельствует. Взмолился Енох к Богу: «Не могу душам свидетельствовать, да никому не буду в тягость!» И сказал Господь: «Повелеваю тебе, пиши грехи в книги и да обличится всякая душа делами своими и получит по делам своим!»

И облак понес Авраама с места судного на твердь.

Посмотрел Авраам на землю и как ясно ему скрытое там от глаз человеческих и какая ложь, и какое предательство, и какой обман, какая низость душевная, нищета духа и бессовестье, все увидел он по всем земным концам.

Он увидел обманщика: клялся человек человеку, чтобы обольстив сердце клятвою, зло надругаться над сердцем уверенным.

— Да снидет огнь, — воскликнул Авраам, — и изожжет его!

И сошел огнь.

И увидел Авраам клеветника: хотел человек выгородить подлость свою и валил вину на невиновного.

— Да разверзнется земля, — воскликнул Авраам, — и поглотит его!

И потряслась земля.

И увидел Авраам человека лукавого, вышедшего на торжище обольщать словом души малых сих.

— Зверь пустынный, — воскликнул Авраам, — приди, растерзай его!

И прибежал зверь пустынный и растерзал обольстителя.

И другие беззакония и первое — бессовестность, недуманье, безжалостность, черствость сердца, подлость человеческую Авраам нещадно карал.

И видя Господь, что, мало видя, погубил Авраам в гневе немало из живущего на земле в горестном веке сем, воззвал к архистратигу:

«Верни Авраама на землю, погубит он живую тварь. Не он создал, не ему и карать. Аз долготерпелив, щажу создание мое и воздаю всякому по судьбе его».

И по слову Господню вернул архистратиг Авраама на трудную землю.

IV

И когда наступил последний час, последние минуты жизни, сказал Господь архистратигу:

«Укрась смерть беспощадную, пошли ее прекрасной к другу моему, да не устрашит его, а будет нежна, как мать!

И исполнил архистратиг повеленное: цветом моря и вечерней зари нарядил Михаил разлучницу, вдохнул в ее гробную грудь свежесть росных полей, пролил липовый мед в ее гиблый яд.

И она, горестная, она в неземной красе, в венке из пестрых цветов полей родных, стала перед другом Божиим, нежна, как мать.

Авраам поднялся в тревоге.

— Кто ты?

И смутился дух в нем.

— Я не для всех прихожу такая, — сказала смерть.

— Откуда венок у тебя — поля мои родимые!

— Нет никого изгнилее меня! — шептала смерть.

Она все ближе подходила к другу Божию.

Все ближе подходила последняя земная минута жизни Авраама.

— Открой же, кто ты?

— Аз есмь гроб, аз есмь плач, аз есмь пагуба.

— Имя твое?

Авраам опустился на землю.

Последние силы жизни покидали его.

— А перед другими какая ты? — спросил Авраам, он с болью раскрыл глаза и смотрел в лицо смерти: больно было смотреть глазам.

— Му-у-у-ча-аю! — ощерилась разлучница и венок полевой упал к ногам.

Авраам простер руки —

А смерть, как пустынный вихрь, столбом закрутилась над ним.

— Дела человека сплетают венец мне, в том венце я и явлюсь.

И цвет моря и заря вечерняя развеялись.

И зашипела голова змеевая.

— Я, как змея, я жалю и душу, пока не за-а-му-ча-аю!

И вдруг ножи сверкнули на месте головы.

— Я режу, терзаю, пока не за-аму-ча-аю!

И пламя выпыхнуло из оскаленного рта и языками, как венец, оплело пустую кость.

— Я палю, я жгу, пока не за-аму-ча-аю!

Авраам на один миг открыл глаза: венок из пестрых цветов — поля родимые! лежал на голове разлучницы. И нежные руки закрыли ему усталые его глаза.

— Из всей твари, созданной Богом, я не нашла подобного тебе ни в ангелах, ни в архангелах, ни в началах, ни во властях, ни в престолах. И во всех живущих на земле и в водах нет подобного тебе. А когда ты появился на Божий свет, воссияла на востоке звезда и поглотила четыре звезды на четырех небесных концах, и волхвы сказали царю, что родился человек и будет этот человек отцом народов. И царь давал за тебя отцу твоему Фарре золота и серебра, полон дом насыпешь, но твоя мать Эдна не выдала тебя царю, сохранила тебя и три года вы тайно жили в пещере. И Господь благословил тебя, назвал тебя другом своим. И сделалось имя твое велико по всей земле.

И стала она на колени, злая разлучница, смерть прекрасная, и пучком полевых любимых цветов — поля мои родимые! — осеняя с головы до ног друга Божия, шептала напутствие заветным словом Божиим:

— И благословлю тебя и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение. Я благословляю благословляющих тебя, и проклинающих тебя прокляну, и благословятся в тебе все племена земные. Я щит твой. И награда твоя велика.

И Авраам, как во сне, предал дух свой.

И ангелы понесли душу его на вечный покой.

А тело похоронил Исаак в пещере Махпеле на поле Ефрона, славя Бога всевышнего.

1915 г.

АПОЛЛОН ТИРСКИЙ

I

Антиох, владетельный и многославутый царь сирийский, из всех царей храбр и красен, повоевал множество царств и создал город во славу имени своего — Антиохию. Но выше башен неподступного города, выше царского имени, выше славы его была у Антиоха дочь — во всей поднебесной не найти по красоте равной — царевна Ликраса.

И когда померла царица, и остался царь с царевной, вошла царю в сердце мысль о красоте царевны: выше башен неподступного города, выше царского имени, выше славы его была красота царевны Ликрасы.

И царь не мог утаить своей мысли.

Царевна хотела бежать от отца. Но как убежишь: днем и ночью стерегла ее царская стража.

Изумелый и неключимый смотрел царь, забыл царь, что царевна ему дочь.

— Лапландские волхвы предсказали... так оно, значит, выходит... — оправдываясь, путался царь.

— Ты победил народы и не можешь справиться с страстью! Истинное мужество не города покорять, а мысли и чувства. Пойдет о тебе злая слава...

— Пустяки, — обрадовался царь, — слава! Сначала-то, конечно, будут болтать и то, и се, а помаленьку все сгладится. Человек ко всему привыкает.

Был у царя Антиоха страж первый, человек лисавый: и так, и сяк закрутить может и себя не забудет, — Лук Малоубийский. И велел царь этому Луке лисавому накупить в Рядах золотых ковров и всяких шелковых персидских и китайских поставов и, как запрут купцы лавки, чтобы скрытно от сторожей устлать от ворот и до площади всю Ильинку: пускай царевна воочию убедится, до чего пуста всякая слава, а человек ко всему привычен.

Лук все исполнил по царскому слову.

Настало утро, потянулись со всех концов купцы на Ильинку, кто на коне, кто на своих, и все, как всегда, а как увидели, что за мостовые, и уже не то, что на коне или идти, а по стенке всяк норовил до лавки добраться, чтобы как сапогом не запачкать. И весь день только и было разговора, что о невидали и неслыханном деле:

таким добром устлать мостовую! Весть разнеслась по городу, и побежал народ, хотя издали поглазеть, и такая была давка, как на крестном ходу. Прошла ночь, ковры не убирают, ковры как лежали, так и лежат, и уже на следующее утро кое-кто впопыхах, по меняльному делу, и ногами наступил, а тот, смотри, сапожищем прошелся. А разговор, хотя все еще о коврах, но куда потише. Много еще и любопытных, но опять же с вчерашним не сравняться и не та торопь: ковры на месте, успеется, все увидят. Прошла еще ночь, настал третий день, ковры на месте, а уже никто не смотрит, — не замечают! — кто на коне, кто на своих по коврам.

— Ты прав.

— Я ж говорил: человек новому дивится, а потом привыкает.

— Да, но твоя воля будет памятна в тысяча тысяч родов. Лучше умру я.

Изумелый и неключимый смотрел царь, — забыл царь, что царевна ему дочь.

В воскресенье Ликраса шла от обедни. Солнечный луч играл на ее лице. Царь увидел, и страсть, как пламя, пыхнула в нем, и он упал на землю. А вечером в тот день пришел он к царевне — не убеждал, не упрашивал — изумелый, взял ее силой.

И с той поры, как с царицей, жил царь тайно с дочерью своей царевной.

II

Выше башен неподступного города, выше царского имени, выше славы его была красота царевны Ликрасы. И не могла красота такая укрыться от глаз, как никуда не скроешь солнца, месяца и звезд.

И вот, со всех царств и земель цари и короли стали к царю Антиоху сватов засылать по дочь его царевну Ликрасу.

Антиоху же такое совсем не по сердцу: выдать царевну замуж — лишиться царевны, а без царевны ему ни царства, ни жизни не надо.

Отстал царь от еды и питья, не знает, что и делать. Опять же, коли и отказать, надо не как-нибудь, а по-царски. А тут сам царь Обезьяний князей своих обезьяньих с дарами прислал — сам Обезьяний царь навязывается в зятья. А это уж совсем не шутка.

И нашелся-таки Антиох, на то и Антиох он, царь многославутый, — старался и Лук Малоубийский, друг его лисавый, — нашел Антиох лазейку: он и царевну не упустит, и отказ будет соблюден с честью.

— Чтобы было и другим неповадно! — лисил перед царем Лук лисавый.

Вышел царский извет: дочери своей царь никому не отдаст в жены, только тому, кто его загадку отгадает, а в чем загадка, от царя — самолично, кто ж не разгадает, тому смерть.

Вот какой извет, не калач, не больно заманит.

Да охота пуще неволи — пошли цари да короли к Антиоху.

И который явится, царь ему загадку. А как ее такую разгадаешь, другой, и не дурак, смекнет, да в голову-то не приходит про такое — загадку-то царь про себя да про дочь свою царевну загадывал! — ну, и мнется несчастный, не знает. Не знаешь? Готово — и голова долой.

Сколько этих самых голов знатных царских да королевских несчастных торчало на страх и острастку, счет потеряешь. Лук Малоубийский в угоду царю и для пущей торжественности никого не допускал, сам собственноручно головы насаживал.

Угодила голова и обезьянья, на дворцовых воротах у всех на виду торчала обезьянья. Только царь Обезьяний Асыка очень осторожный, не сам, а вместо себя послал своего обезьяньего князя, ну, тот и попался.

Хорошо еще зауряд-князь, не настоящий!

Сущее горе, вот и задумай жениться после такого.

III

Тогда Аполлон, тирский царь, слыша о красоте Ликрасы и неразгаданной загадке Антиоха, о царских и королевских головах посеченных, раздумался: самому не испытав, как разберешь? — и решил идти к царю Антиоху, видеть царевну, слышать царскую загадку.

Был же Аполлон, тирский царь, премудр и прекрасен, и в рыцарских науках мужествен и храбр.

Ближние отговаривали Аполлона: загадка неразгаданная — сам Обезьяний царь попался на удочку, стоит ли? Смерть неминучая.

Аполлон не послушал и выступил из Тира с своим любимым войском в Антиохию.

Приветливо встретил Антиох гостя: отец Аполлона был его старый друг.

— Добро жаловать, тирский царь!

— Я пришел слышать премудрость твою, — Аполлон поклонился царю, — а будет изволение твое, найду я любовь в тебе, как сын, которому дочь свою, прекрасную царевну, дашь в жены.

Царь потемнел.

— Тебе известен наш царский извет?

— Знаю. Не мало повинных царских голов торчит у заставы! Я пришел к тебе слышать твою загадку.

— Щажу твою юность ради отца твоего. Иди, ищи себе жену, где хочешь.

— Хочу знать твою загадку! — стоял Аполлон.

Царю стало жалко: так юн и прекрасен был тирский царь, да и отца его вспомнил, старого царя Лавра, давно это было, менялись крестами, побратимы.

— Я ничего не слышал, ничего не знаю, у меня нет никакой загадки, иди, не спрашивай!

Аполлон не уходил.

И окостенел царь.

Аполлон ждал.

Окостенел царь.

— Тело мое ем, — залузел его голос, как железная ржавь, — кровь мою пью, сам есмь себе зять, отца дочь жадает, видеть не улучает, жена мужа не видит и муж жене быть не может.

Аполлон в ужасе схватился за голову и увидел царевну: ровно темь кругом, а она, как звезда. Тихим голосом спросил Аполлон:

— Как повелишь отвечать: тайно или вьяве?

— Говори, как знаешь.

И наступила в царских палатах такая тишь, и только слышно, только чутко, как стук сердца, гул кольчужный.

— Тело свое ешь и кровь свою пьешь, ты взял себе женою родную дочь: ищет она мужа и не находит, — ты ей отец и муж; ищет она отца и не находит, — ты ей отец. Кровь на кровь.

На царском месте высоко трон костян. На костяном троне сидит царь костян, подпершись костылем костяным:

шляпа на голове его костяна, рукавицы на руках его костяны, сапоги на ногах его костяны. Сам царь костян, и все семьдесят и две жилы его костяны, и становая жила — кость.

— Ты лжец! — взъярился царь, и лицо его стало кроваво: так кроваво восхожее солнце в пожар, кровавая грибная шляпка!

А обок белая голубь поблекала денницей царевна.

Царь удалился, за ним Лук лисавый.

В притворе глаз-на-глаз.

— Что ж мне сказать?

— А скажем: загадку не отгадал. И крышка.

— Разве так можно?

— Чего не можно! Для сволочи законы, а не для нас.

— Он царской крови...

— Отложи до завтра, и пускай завтра придумает новую разгадку. Понимаешь? Его никто не звал, сам на рожон прет.

Царские палаты. Царь, за ним Лук. Царь оправился. Зорко и отчетливо:

— Ты разгадал нашу загадку, да по-своему. Настоящая разгадка совсем не та. Погубил ты свою голову.

— Праведный царь, все слышали. Прав твой суд, я готов.

И красный палач, как видение, поднялся у трона, и на красном синий топор открыл провал.

Аполлон стоял перед царем тонок, как стебель, глаза закачены.

— За красоту, ради отца твоего, — царь поднялся, — даю тебе сроку до утра: не отгадаешь, велю тебе голову отсечь, а тело псам.

И пошел царь, за царем Лук, за Лукой вся свита.

Аполлон вышел на волю. На душе его до страсти тосменно. Смерть неизбежна. Какую ни скажешь разгадку, для царя она будет не та. Смерть неизбежна. Есть один только выход.

И положил Аполлон бежать от царя.

В первый сумрак сел Аполлон на корабль и тайно с войском отплыл в свой родной Тир.

Прошла ночь, а никому и в голову не придет. Поутру ждать-пождать, Аполлона нет.

Донесли царю:

— Аполлон, тирский царь, сбежал!

Распалился царь. А уж поздно: упустили.

— Он обесчестил наше царское имя.

— И всего народа! — ввернул Лук лисавый.

— Смерть ему! — топал в гневе царь.

И вышел царский извет: тому, кто доставит живьем Аполлона, пять тысяч, а тому, кто принесет его голову, сто тысяч — тирский царь обесчестил царя, а с царем и народ!

И как прочитали царский извет, вся-то гадость наша, мурье и заиграло в душах человечьих, и не только враги Аполлона — смешно от врага другого чего и ждать! — а и друзья — эх, други, в черный день за ломаный грош друзья предадут! — все, кому только не лень, пустились на выдумки, как бы так изловчиться изловить Аполлона и за то принять от царя честь и дары.

IV

Аполлон невредим вернулся в Тир. Собрал ближних и старейшин и поведал им гнев Антиоха.

— Не хочу ради себя губить вас, — сказал Аполлон, — я лучше уйду.

И был тверд, — силы не равны, царь в отместку не оставит от Тира камня на камне, — не хотел Аполлон из-за своей ссоры с царем губить народ и сейчас же снарядил корабль, полон хлеба, золота и серебра, и отплыл из родного Тира в безвестность.

А дня не прошло, пожаловал в Тир сам Лук Малоубийский. Притворился лисавый другом Аполлона, тужил, что не застал царя дома, расспрашивал, куда поехал и долго ль проездит?

Но ничего ему никто не мог сказать, — сами не знали.

Тогда клевещавый сбросил с себя личину дружбы и объявил царский извет великого царя Антиоха.

— Тому, кто доставит живьем Аполлона, пять тысяч, а тому, кто принесет его голову, сто тысяч!

И золотой яд вошел и в тирские души.

Аполлон же отплыл в безвестность, пристал к Тарсу, в Тарсе и остановился.

А был в той земле голод: куль хлеба ценою в восемь рублей продавали за тридцать восемь. Кто побогаче, еще не так чувствовал, а нашему брату плохо приходилось.

Видя такую беду, Аполлон открыл свой корабль и велел за бесценок продавать хлеб. А когда повыбрали до последнего зерна, велел возвратить деньги, чтобы не называли купцом.

И все дивились щедрости Аполлона.

И, в благодарность за такой царский дар, ваятель Даил высек из белого камня истукана — образ Аполлонов, и поставили этого истукана на Марсовом поле, месте игрищ и веселья.

Аполлон шел по берегу моря.

Вот достиг он первенства в Тарсе, царь и народ боготворят его. Но ему ничего не надо. И лучше быть ему последним человеком, только бы вернуться в Тир. Родной Тир, город его детства, колыбель его желаний, там все — земля, речь и от дворца до лачуги, от собора до часовенки все за него. И никогда не вернуться!

Аполлон шел по берегу моря один в жальбе.

По морю с родной стороны плыл корабль. Аполлон ничего не видел, погруженный в свою жальбу. А с корабля видели его — Елавк, старейшина тирский, первый увидел Аполлона, вышел на берег, окликнул.

Аполлон глазам не верил. Нет, не ошибся: перед ним стоял Елавк.

— Ты в большой беде, царь!

— Какая же беда! Елавк, с тобой весь мой верный город.

— Верный город... — Елавк поник.

— Что случилось?

Елавк рассказал о царском после, о извете царя Антиоха.

— Живьем пять тысяч, за голову сто тысяч.

— Я так и думал.

— Да, но твой верный город отравлен: золото наострило и самый мирный меч. Как уберечься от соблазна? Сто тысяч! Мне раз приснилось...

— Я тебе дам эти сто тысяч!

— Нет, нет! Скорей беги отсюда. Теперь все узнают. Больше нет о тебе тайны.

Елавк вернулся на корабль.

Корабль уплыл.

На берегу Аполлон один. Жальба острей. Верный город! Нет у него дома, нет родины — круг смертный. И голова его, как факел. Куда бежать, где скрыться?

Наутро Аполлон сел на корабль и тайно отплыл из Тарса.

V

Десять дней плыл корабль плывно. И вот, восстал с полночи ветер, взбил волны и взбурилось море.

Кораблем играли волны, как мячом.

Волна за волной — сестры волны — за сестрами мать. Пришла большая волна, подняла корабль. Водным хлывом разорвало корабль.

И все, кто был на корабле, — ко дну.

И золото, и серебро, все погибло.

Аполлон ухватился за доску и плыл. С волны на волну. Три дня и три ночи, куда волна. И прибило его волной к Кипрской земле.

Рыбак слышит, кто-то кричит. Вышел посмотреть. И опять — человечий голос. Рыбак в лодку. И выловил Аполлона. Повел к себе в избушку. Напоил, накормил. Время к ночи — спать.

Переночевал Аполлон у рыбака. Наутро говорит рыбак:

— Я тебя от смерти спас, ты мне теперь раб.

Так и обратился Аполлон из тирского царя в рыбакова раба.

Нарядился Аполлон-раб в рыбакову рвань. Славу Богу, хоть и такое нашлось — больно уж беден рыбак! — ждет Аполлон, чего велят: у раба своей воли нет.

— Отправляйся-ка, милый человек, в город, — сказал рыбак, — постреляй, авось, на хлеб наберешь. А полюбишься кому, с Богом! А не приглянешься, возвращайся назад. Как-нибудь проживем.

Поклонился Аполлон-раб рыбаку и пошел со двора — сущий босяк голодран.

Трудно непривычному-то руку Христа ради протягивать. Все утро бродил Аполлон по улицам, много было случаев, да язык не поворачивался. Так и ходил голодом.

По обеде вышел Аполлон на царскую площадь. На площади народ глазеет. Стал протискиваться и втерся.

Царь кипрский Голифор любил после обеда для разминания членов играть в разные игры: соберет на площадь своих пажей и тешится до чаю.

Аполлон сам большой любитель, а по ловкости первые призы брал. Игра занимала его, забыл и голод.

Царь Голифор пустил меч. Аполлон на лету подхватил меч и поднес его царю Голифору.

Обратили внимание. Царь приказал узнать о нем. Но как узнаешь? Кто-то сказал, что видели, как поутру шел какой-то голоштан в город от рыбака. От какого рыбака? От Лукича. Сейчас за Лукичем. Привели старика.

— Кто такой?

— Утоплый.

И больше ничего.

Донесли царю Голифору: утоплый.

Ну, не все ли равно, не в этом дело, полюбился Аполлон за ловкость царю Голифору, и велел царь нарядить его в дорогую одежду, а вечером, чтобы явиться во дворец к царскому столу.

— Вот, видишь, как повезло!

— Спасибо тебе, Лукич, век не забуду.

— А и забудешь, я привык! Ну, счастливо.

Лукич забрал свою рвань и пошел из города к морю по своей рыбной части, а Аполлон, нарядный, в дорогом платье, на вечер во дворец.

У царя Голифора был такой обычай: за ужином царевна танцевала перед царем.

И такая она была нежная, Тахия царевна, как начнет свои танцы нежные, заглядишься и о еде забудешь, все бы только и глядел.

И этот вечер залюбовались гости на царевну — нетронутые блюда уносили со стола царские лакеи, обжирались на кухне до отвалу, поминали царевну, — и один сидел недовольный, один новый гость.

— Вот это танец! — толкнул сосед Аполлона.

Аполлон ничего не ответил. Да если бы и сказал что, никто бы ничего не услышал. Все смотрели на царевну, ничего не замечали. Заметила одна царевна и перестала танцевать.

— Что такое? Голова закружилась? — забеспокоился царь Голифор.

— Гость твой надо мною смеется! — царевна показала на Аполлона.

Царь к Аполлону:

— Что нашел ты смешного в царевне?

— Царевна прекрасна! Я не смеялся. Но я сам танцую и ничего особенного не вижу в танцах царевны.

Царь к царевне:

— Не печалься, гость над тобой не смеялся. Давай-ка заставим его показать свое искусство!

Царевна успокоилась.

И по воле царя, звяцая на гуслях, стал Аполлон.

И все дивились игре. А когда Аполлон, оставив гусли, завел свой аполлонов танец, все поднялись с своих мест.

— Такого мы в жизнь не видали!

Хвалит царь Голифор, не нахвалится, а царевна пуще.

— Аполлон победил царевну!

И приступила царевна к царю, да повелит Аполлону учить ее своим танцам. Царь не перечил. А Аполлон рад все исполнить и для царя, и для царевны.

По царскому повелению построен был танцевальный дворец, в этом дворце и жил Аполлон, уча танцам царевну.

С этого все и пошло.

И с год живет Аполлон в танцевальном дворце у царя Голифора — все дни и вечера с царем и царевной.

Переимчивая, живо переняла царевна аполлонову мудрость. Аполлон полюбился царю, еще больше царевне.

Царевна Тахия невеста. Время сватать. Понаезжало к царю Голифору всяких царей, королей да князей.

Царь Голифор:

— Без воли царевны ни за кого не отдам. Пускай сама решает.

А царевна одно:

— За Аполлона.

Как услышала царица и напустилась:

— За Аполлона? За утопленника морского? Ни под каким видом. Лучше уж за обезьяньего князя, все-таки князь.

А царевна:

— Если не за Аполлона, то ни за кого.

И больше ни слова.

Покричала царица, покричала, а ничего не поделаешь, помаленьку и сдалась. Отпустили царей, королей да князей восвояси. Да за веселую свадьбу.

Так женил царь Голифор Аполлона на царевне Тахии. И пошла у них жизнь развеселая.

VI

Аполлон шел по берегу моря.

Каким отдаленным казалось ему то время, когда попал он на Кипр к рыбаку. Лукич был прав. И как это случилось,

только теперь в первый раз он вспомнил о Лукиче, а с ним вспомнился Тир так ярко, как никогда еще. Второй год подходит к концу. На Кипре он свой человек. Скоро у Тахии родится ребенок. А о нем все-таки никто ничего не знает. А там, вспоминают ли? И неужели не суждено ему вернуться в родной Тир?

Вдруг затомило: все отдаст, только бы вернуться! И пусть смерть, за один день, за один час, за минуту.

По морю плыл корабль. Чем ближе подплывал корабль, тем чаще билось сердце. И вот, тирское знамя ударило в глаза.

Закричал Аполлон.

Ответили на корабле.

Слышал Аполлон свое имя — величали тирского царя! — и больше ничего не слышал. И когда очнулся — перед ним стояли тирские послы: старейшина Елавк извещал Аполлона, что опасность миновала, нет больше Антиоха, и он, Елавк, и другие старейшины со всем народом зовут его в Тир принять власть.

С Аполлоном отправились послы к царю Голифору. Тут-то все и открылось. И много дивились тирскому царю Аполлону. Царь на радостях дал пир в честь зятя и послов. Три дня пировали.

Всех занимала смерть Антиоха и судьба Антиохии Великой.

Поистине, кара Божия постигла грешного царя: на одном из торжественных приемов Антиох упал с трона и угодил подбородком о косяк. Разболелось, и начала гнить челюсть, — с каждым днем больней и больней, отпало мясо с бороды, выгнили зубы, до кости прогнило, и обнажилась гортань. Страшно видеть, невозможно было смотреть. Ничего не ел, только воды и то немного. Изнемогал царь — второй Иов — горько стражда и кляня страсть, великий и многославутый царь сирийский Антиох. По смерти же царя лисавый друг его, Лук Малоубийский, заточил несчастную царевну Ликрасу, женился на обезьяньей княжне Хлывне, дочери великого мечника и князя обезьяньего, Микитова, от ворота до голенища поверх сирийских золотых медалей весь извесился цветными обезьяньими знаками, отвалил народу гору золота, насулил ворам, шпыням и безыменникам господских вотчин, поместий и должностей и под именем царя Епиха сел на престол царствовать в Антиохии Великой.

Аполлон решил немедля ехать в Тир. Но как быть с царицей? Море немилостиво — путь опасен.

— Дай мне свой перстень, — сказал Аполлон Тахии, — я пришлю за тобой, ты по этому перстню узнаешь моих послов, с ними и поедешь в Тир.

Тахия слышать не хотела. И, сколько ни уговаривал царь и царица, настояла ехать непременно с Аполлоном.

Снарядили царский корабль.

Простился Аполлон с царем Голифором и с царицей крикуньей, простилась Тахия с отцом и матерью. Поплакали. Много было слез, а весело с большими дарами, приданым Тахии, отплыли с Кипра, держа путь к любимому Тиру.

VII

В пути на корабле, чего так боялся Аполлон, от морской ли качки или ветра морского наступило царице Тахии время, и в страшных муках родила она дочь Палагею.

И лежала Тахия, как мертвая, и было сердце ее, как неживое.

Поднялся вопль, и откликом на вопль, как лев, воссвирепело море.

Поняли так, что море требует жертвы, и приступили к Аполлону, требуя извергнуть с корабля мертвеца.

— Если не выбросим, все погибнем.

Аполлон просил переждать: он все еще надеялся. И как он винил себя, простить не мог, что согласился везти с собой царицу. Аполлон убеждал не трогать царицу.

— Буря утихнет.

А буря ярилась, — люди ожесточались.

Люди стали, как змеи.

И Аполлон уступил.

Положили в лодку царицу Тахию, с ней под голову золото, в руки — рукописание: золото на погребение и в награду тому, кто ее похоронит. И поплыла царица Тахия по морю жертвою моря.

От волны к волне, как от сестры к сестре, быстрой птицей летела лодка по морю, и на третий день принесла волна ее к Ефесу.

Был в Ефесе доктор старичок, именем Ефиоп. Бродил старичок по берегу, собирал морские лекарственные травы

и заприметил странную лодку. Ефиопа очень все любили, и на клич собрался народ. Выловили лодку и понесли в дом Ефиопов.

Пожалел старичок Тахию, только ничего не поделать, — мертвая лежала царица. И, взяв из-под головы ее золото, пошел старик к гробовщику: на все золото похоронит он несчастную царицу.

Любимый ученик Ефиопов, сириец Агафон, многие годы искавший в щитовидной железе все подборие естественной жизни человеческой, пришел в дом своего учителя обедать и узнал от служителей о мертвой царице. Глазам не веря, так прекрасна была царица живая и неживая, начал над ней Агафон сириец свои щитовидные опыты.

Тахия чихнула и открыла глаза.

— Не прикасайся ко мне! — сказала Тахия.

Тут от гробовщика вернулся Ефиоп.

— О, учитель, — встретил его Агафон, — ты готовил царице гроб, а она живая!

Убедившись, что царица Тахия подлинно живая, учитель поклонился ученику.

— Превзошел ты меня, Агафон, в учености своей. Отдаю тебе все мое дело. Ты лечил бедноту, теперь позовут тебя сильные и знатные. Помни: к знатным и сильным всякий пойдет для славы и чести, бедные же побоятся звать тебя, не оставляй их.

И положил Ефиоп перед Агафоном золото царицы в награду ему.

И была большая радость в Ефиоповом доме.

Тахия, оправившись, благодарила старика Ефиопа, что не бросил ее, благодарила Агафона, что к жизни вывел, и все рассказала о себе, о своем несчастном муже, тирском царе Аполлоне, и просила Ефиопа приютить ее у себя в доме.

Ефиоп с радостью принял царицу, как за родной дочерью ухаживал за ней. А Агафон захотел на ней жениться.

— Прекрасная царица Тахия, без тебя мне жизнь не красна.

И много докучал ей, угождая.

Тахия жалела его.

— Не пойду я за тебя замуж, Агафон. У меня и на уме такого нет. И ни за кого не пойду. Буду до смерти ждать тирского царя.

Прожив с год у Ефиопа, укрепившись щитовидным агафоновым врачеванием, переселилась царица Тахия к Скорбящей. Там черничкой при часовне и проводила свои дни, служа Скорбящей, в тоске тоскущей по муже: будет она до смерти черничкой ждать тирского царя Аполлона.

Темнее моря плыл Аполлон.

Во всем он винил только себя, не мог простить, что загубил жизнь человеческую — из-за него погибла Тахия.

И когда прояснилось на небе, волна устоялась, была на душе его буря и темь пучинная.

Нет, ему нет пути на родину! Бежал от смерти. Смерть миновала. Но теперь ему горше смерти. И ничто его не обрадует.

У Тарса, где когда-то за щедрость он почтен был от народа и на Марсовом поле ваятелем Даилом высечен из камня стоял его образ, велел Аполлон пристать кораблю.

Аполлон остановился у старых своих хозяев — у тирского купца Черилы и жены его Гайки, и просил их приютить у себя дочь Палагею. В няньки взял ей старуху Егоровну. И оставил много золота и серебра на воспитание. Черила и Гайка, в бытность его в Тарсе, много ему добра сделали и не оставят его дочь, а нянька Егоровна будет ей вместо матери.

Пристроив дочь в верные руки, Аполлон нанял корабль, выделил часть тирской дружины и велел плыть в Тир, передать от него Елавку́ и старейшинам власть над Тиром. Сам же вернулся на тирский корабль и с оставшейся дружиной поплыл в безвестность.

Был он тирский царь, пошел искать счастья, бежал от смерти, жил безымянным, смерть миновала. И нет у него дома, нет ему пристанища — море, беспристанное плавание, вот его безвестный путь виновного.

VIII

В Тарсе у Черилы и Гайки жила Палагея. Стала подрастать, стала в гимназию ходить, — в мать свою нежная и переимчивая.

Растет царевна и ничего-то про себя не знает, и кто отец ее, и кто мать, ничего не знает. В старший класс перешла, много всяких мудростей постигла, и историю, и географию, а в танцах первая, в папашу.

Не нахвалятся, не налюбуются учителя, и, вот, еще немножко и столько глаз будет зариться: невеста из невест первая.

Как-то в Великий пост вернулась Палагея из гимназии, а Егоровна, нянька, с постной ли грибной пищи либо от поклонов чуть дышит старуха, — смерть пришла. И уже на смертном одре рассказала Егоровна Палагее о матери ее царице Тахии и отце ее царе тирском Аполлоне.

— А Черила и Гайка?

— Нет, деточка, ты у них приемыш. Царь-то, как пуститься ему в безвестность, тебя им и оставил на сбережение.

И померла старуха.

Похоронили Егоровну на берегу моря. Просила старуха, как уж быть ей при последнем издыхании: «Потрудись, деточка, похорони меня близ синего моря, там мне упокоение на красном бережку!» Палагея настояла, и исполнили нянькину волю. И всякий день, как идти из гимназии, заходила она на могилку.

Ни Черила, ни Гайка ни о чем не догадывались — им ни словом не обмолвилась Палагея. А какие думы она думала о матери! Куда ее принесла волна и жива ли, — верила, жива, где-то на острове ждет ее. И про отца думала, как плавает он по морю в безвестности, кличет мать, а все нет от нее голоса.

Вот подождите, дайте кончит она гимназию, через весь свет пройдет, а отыщет мать и отца. А как они обрадуются, она узнает их.

— Мама, мамочка, где ты?

Присядет Палагея у могилки Егоровны и думы эти свои думает и горькие и такие, как сама весна-красна. Только на могиле старухиной, няньки своей, и подумать ей, а дома чужая, одна, бездумная.

Не нахвалятся, не налюбуются на нее учителя, еще, еще немножко и столько глаз будет зариться: невеста из невест первая.

А была у Черилы и Гайки родная дочка Марсютка, с Палагеей погодки. Гайке и стало завидно: приемыша хвалят, а ее родное, хоть и не хаят, да против Палагеи ни во что.

И задумала Гайка извести Палагею.

А тут как-то шли подруги от обедни, народ смотрит — разговоры. Гайке все слышно.

— Хороша, — говорят, — у Гайки Марсютка, а Палагее в подметки не годится.

А другие за ними:

— И красно одета, да против Палагеи и смотреть не на что.

Задело за сердце, и в тот же день положила Гайка порешить с Палагеей, не откладывая дела.

Был у них ночной сторож Гаврила, забитый нуждой человек, робкий, многосемейный — двенадцать ртов в сторожке голодных, да сам с Матреной, четырнадцать душ на круг. Призвала Гайка этого несчастного Гаврилу.

— Ты, — говорит, — Гаврила что такое на уме имеешь? Ты чего против барина замышляешь? Все известно. Хочешь обокрасть нас? Ну, за это ответишь, голубчик.

Гаврила в ноги: ни сном, ни духом, знать ничего не знает, и куда ему замышлять такое?

— Оклеветали злые люди.

— Оклеветали, не оклеветали, а вся подноготная дознана и без наказания не оставим. Ответишь! И притом у тебя фамилия персидская.

А была о ту пору война с персами, и все тарские персы, страха ради и сокрытия, переделывали свои фамилии из персидских на тарские. Гаврилы же фамилия Прокопов.

— Матушка, какая же такая персидская?

— Все равно, что персидская, изменник! А хочешь избавиться от наказания и по-старому служить нам, изволь, только за это ты должен убить Палагею. Знаешь?

— Знаю.

— Убить надо девчонку. Всякий день из гимназии заходит она к няньке на могилу, там и покончи.

Что делать бедняге? Не согласишься — пропадешь, а согласишься — грех на душу. Лучше уж грех, — грех замолить можно. А то куда ребятам-то без отца — двенадцать душ, с голода подохнут. Лучше согласиться.

Улучил Гаврила подходящее время, залег на берегу моря за нянькиной могилой, и когда явилась Палагея, присела на могилку тайные думы свои думать, выскочил он из-за своей засады да пикой на нее.

Она на колени:

— Не губи, — говорит, — Гаврила. Что тебе я сделала?

— А, вот, сыму тебе голову, тогда и узнаешь! — а сам дрожмя дрожит.

Она тихим голосом:

— Ты, Гаврила, верно, обознался. Я — Палагея. Ни в чем я перед тобой не виновата.

— Знаю, — сказал Гаврила, — я и сам ни в чем невиновен. Оклеветали! Двенадцать ртов голодных, на круг четырнадцать. Ребят жалко! — а сам так смотрит, — и тебя мне жалко. Да ничего не могу поделать. Твоя мать Гайка приказала убить тебя. Не убью, мне крышка.

— Дай мне хоть с белым светом проститься! — заплакала Палагея няньке своей Егоровне, — не встанет старуха из могилы, не образумит Гаврилу, — няньке своей покойной жалобу предсмертную на свою злую долю выплакивала царевна.

И когда она так плакала, прощаясь с белым светом, случилось, плыли по морю разбойники, вышли на берег поживиться и, видя Гаврилу с пикой над царевной, окликнули. Гаврила с перепугу пику наземь да драла. А разбойники к Палагее, ухватили да на корабль.

Очумелый прибежал Гаврила к Гайке.

— Готово: покончил!

И проверять нечего, конечно покончил: такой был Гаврила очумелый, как от ханжи самой злой, гольем выпитой.

И весь вечер до глубокой ночи, сидя под сторожкой, чумел Гаврила, сам себя допрашивая, сам же себе отвечая в растери и расстройстве.

— Ты кто?

— Я.

— А где ты живешь?

— Кто?

— Я.

— Да кто ты?

— Я.

Едва, едва уходился, конечно, неспроста, дело ясно.

И успокоилась Гайка. И все золото и серебро Палагеино отложила дочке своей Марсютке — вот будет невеста, всякому на зависть, хоть за царя теперь, хоть за короля, и никто не посмеет хаить.

А разбойники приплыли на остров Родос и там, под видом купцов месопотамских, выгрузили с награбленными товарами и Палагею.

Торчать на пристани, мерзнуть под ветром не пришлось Палагее — живой товар ходкий — через блудничного

скупщика Поддувалу в тот же самый день попала она к блудничной хозяйке, к знаменитой на всем острове Анне Дементьевне в дом.

Анна Дементьевна ни в каком политехническом институте не обучалась и никакой химии не проходила, а приготовляла ханжу, что твою белоголовую водку: через отварной картофель пропускала она денатурат так ловко, ни запаху, ни привкусу не оставалось. И на сладкую фиалку и розочку дом ее от гостей ломился, а притом же и развлечения к услугам.

Очутившись у Анны Дементьевны, все поняла Палагея и горько заплакала: лучше бы ей тогда Гаврила с плеч голову снес!

Разбойники продали Палагею Поддувале за пятьдесят золотых. Поддувала уступил ее Анне Дементьевне за сто, а Анна Дементьевна метила получить не больше, не меньше, как все двести.

Посадила Анна Дементьевна Палагею в блудилище среди самых первых блудниц, а сама кликнула клич по богатым и охотникам, что в ее де доме объявилась новенькая красоты непомерной.

Услышал Антагор, великий князь родосский, и, как стемнело, шмыг тайно в блудилище по знакомой дорожке. Его-то Анна Дементьевна и поджидала: тут не двести, а и полтысячи взять можно, да, кроме того, и подарок. Она сама ввела Палагею в особую комнату и оставила их вдвоем.

Как перед Гаврилой сторожем там у нянькиной могилы, стала Палагея перед Антагором, все ему рассказала и о матери своей царице Тахии, — как на море волной унесена, и об отце, царе тирском Аполлоне, — как в безвестности плавает по морю, кличет царицу безоткличино, и о себе рассказала, — как безвинно убить замыслили, и вот разбойники ее схватили, и попала она сюда.

Жалостливый был князь Антагор, и хоть мало чему поверил, — за свою многолетнюю практику сколько он от всяких новеньких этих самых царских да разбойничьих повестей наслушался, рассказанных для пущего завлечения и цены ради, — и все-таки пожалел Палагею.

— Чего же ты хочешь?

Тут-то обычно и начинался торг. Но Палагея об одном просила — ей ничего не надо, будет жить она в лишениях и нищете...

— Ну, ладно, коли уж так, вот отдай хозяйке, это за тебя плата. Я сам еще поговорю, что-нибудь сделаю.

И, отпустив Палагею, дал Анне Дементьевне сто золотых: он берет за себя Палагею, но чтобы не только что касаться к ней, а и видеть ее никто не смеет!

Анна Дементьевна с княжеским кушем, да и палагеина плата оказалась целою тысячью, Анна Дементьевна была очень довольна. И с того вечера пошла о Палагее слава, как о хозяйской любимице, и все с самой хозяйки до вышибалы Степана величали Палагею княгиней.

IX

Аполлон плыл по морю безвестный.

Там где-то стоял его родной Тир, — вспоминали ли о нем, а, может, и забыли? И где-то жила одиноко, дожидаясь его, царица Тахия, а, может, и не ждала уже?

От острова к острову, от города к городу, от пристани к пристани плыл Аполлон безвестно.

И, вот, почувствовал он, наступил срок — он может увидеть свою дочь Палагею, и пусть решит она: пропадать ему или вернуться в Тир и принять власть?

С полным чувством, решившись повернуть свою судьбу, с сердцем, затаившимся перед часом свидания, робко, как привыкший к ударам, и уверенно, как выдержавший искус, верно направил Аполлон корабль к Тарсу.

Вечером на закате Аполлон достиг Тарса.

С палубы ему видно было Марсово поле и белый камень, розовый при закате, работа Даила, увековечивший его имя. Завтра, утром, когда зазвонят к поздней обедне, пойдет он через Марсово поле знакомой дорогой к красному дому, постучит в калитку. Сердце у него замирает — не дождаться ему утра.

А Черила и Гайка, прослышав от людей о тирском корабле, нарядились во все черное, сделали кислые физиономии, да на корабль. Так и есть, не ошиблись, корабль Аполлона.

А, вот, и сам он: какой испуганный и оробевший.

— Жива ли моя дочь?

Еще больше скислились.

— Дочь твоя давно умерла.

— Увы-увы, мне, дочь моя!

Кто же решит теперь его судьбу?

Бежал он от смерти, не тронула. Но она по пятам идет — взяла царицу, взяла царевну. Царицу он сам отдал морю, царевну — чужим людям. Или все, что он делает, не так надо? И пусть лучше бы сам он бросился тогда в море и умилостивил море, или нет, мертвую царицу все равно не оставили бы на корабле, нет, он с мертвой поплыл бы живой на лодке по волнам. А куда же дочь-то? Оставил бы на корабле. Чужим людям? Или так, он плавал бы на корабле и с ним его дочь, сам бы ее и воспитывал. Зачем он поверил, разве можно было отдавать ее за золото чужим людям? Вот и не уберегли: не свое. Но он знал их, хорошие люди. Может, и хорошие, да разве кто может уберечь от смерти, если смерть захочет? Нет, в чем-то еще он виновен и за то ему кара? Он должен все принять и все снести и тогда будет свободен.

Аполлон дал зарок плавать еще десять лет, не выходя из корабля на землю. И просил дружину свою, не искушать его: что бы ни случилось, под страхом наказания, запретил он вызывать себя из темной каюты на волю.

И поплыл весь черный корабль — плыл Аполлон, куда глаза глядят.

— Увы-увы, мне, дочь моя!

И много плутал его черный корабль.

Неверное море, то оно ласково — плыл бы и земли не надо, а то проклинаешь минуту, когда вверился его вероломной власти.

И опять, как когда-то, море вскипело и носило корабль, как щепку.

В ночь прибило куда-то волной. Поутру смотрят, Родос.

В тот день на Родосе большой был праздник, и на пристани, как стая птиц, алели праздничные корабли, к ним и подплыл печальный аполлонов корабль.

Аполлон велел дружине выйти на берег, закупить в городе угощения — пусть потешатся после гроз и испытаний! — а сам остался в своей темной каюте.

Слышны были веселые песни и музыка.

«Сойди же на берег! Посмотри, как хорошо на земле, какая трава, потрогай, вдохни!» — во все уши нашептывало ему в темной и душной каюте.

Аполлон твердо стоял на своем вольном столпе.

А музыка тише, а песни унывней.

После парадного обеда Антагор, князь родосский, вышел к народу. Потянуло на волю и, провожаемый кликами, шел он по улицам к пристани, — за веселость и добрую душу любили Антагора.

— Чей это печальный корабль и почему на нем траур?

Но никто ничего не мог ответить: должно быть, ночной бурей прибило к берегу корабль.

Антагор захотел сам разузнать.

Дружина аполлонова пировала на берегу.

— Чей это корабль и почему так печален?

— Наш князь в большой печали, потому и корабль печален.

— Нынче мои именины, подите, попросите вашего князя ко мне. Я даю большой пир, будем веселы все!

Но никого не нашлось, кто бы осмелился нарушить завет.

— Под страхом наказания наш князь запретил вызывать его из каюты. И мы поклялись.

— Дело ваше, — сказал Антагор, — вы клялись, я же свободен от клятвы! — и пошел на корабль.

И увидел Аполлона, и понял, какая темная печаль легла на его душу. И жалко ему стало Аполлона.

— Я князь родосский Антагор. Нынче мои именины. Сделай милость, не откажи, пойдем со мной. Я вижу печаль твою и хочу тебя развлечь.

Аполлон покачал головой: развлечь! — если бы это было возможно?

— А ты скажи, что же тебя печалит?

— Все равно не поможешь, а рассказывать, только растравлять.

И вернулся Антагор один с корабля во дворец. Там гости, музыка. Веселы все. А его не веселит: не может забыть. Жалостливый был Антагор, доброй души и совестливой.

С того вечера, как откупил он на месяц Палагею, он все чаще и чаще бывал у Анны Дементьевны. И вскоре за особую плату Анна Дементьевна отпускала к нему Палагею. Без нее он жить не мог. И теперь вспомнил и послал за ней.

Палагея жила у Анны Дементьевны княгиней: Антагора боялись, а главное, золото, золото оберегало ее не только от прикосновения, но и от любопытных глаз. И чем

больше привязывался к ней Антагор, тем больше сама она радовалась его посещениям.

На зов Антагора Палагея, не замедля, явилась.

Антагор рассказал ей о печальном корабле и о таинственном хозяине корабля.

— Я не успокоюсь, пока не узнаю и не рассею его темных дум. Ты одна это можешь. Пойди к нему. Вернешься не одна, все отдам, освобожу тебя.

Да она готова все исполнить, только будет ли толк?

Дружина пропустила Палагею на корабль.

Тихо вошла Палагея в каюту.

— Чего тебе надо? — удивился Аполлон.

А и вправду, такой печали она никогда не видала.

— Хочу, чтобы твоя печаль отошла от тебя. Если ты мудрый, укрепи свое сердце. От уныния гибель.

— Мудрый? — усмехнулся Аполлон, — поговорил бы с тобой, да молода еще, — и, отвернувшись, вынул он кошелек с золотом, — вот, возьми себе и прощай.

— Я не за этим пришла.

Аполлон поднял глаза.

И они смотрели друг на друга.

— Чего тебе надо? — забеспокоился Аполлон: что-то удивительно знакомое показалось ему в ее лице.

— Да, я молода еще... ты думаешь, горя не видала?

— Откуда ты?

Палагея закрыла лицо: ей трудно было выговорить, — и дрожала вся.

— Что с тобой? — поднялся Аполлон, — тебя обидели?

Путаясь, рассказала Палагея, как уже третий месяц живет она в доме и как князь Антагор обещал освободить ее.

— Если не одна вернусь.

Аполлон вынул еще золота, много золота.

— Все тебе! Это и без меня освободит тебя.

И оба молчали.

Там на берегу музыка — вечерние пляски.

— Иди, иди же на землю, посмотри, как хорошо, какая трава! Для чего тебе мучиться, зачем горевать? Все неверно. Одна верна — мечта. Иди, иди же на волю, на землю!

И в тосках его сердце билось.

«Золото! — так вот что вызывают ее горькие слова и другого нет для нее у людей».

Палагея упала на колени.

— Злая судьба моя, за что так крепко держишь меня? — причитала она от оскорбленного неповинного сердца, — ты, мать моя, зачем родила меня на белый свет? Зачем не взяла в море с собой? Царь Аполлон, где плаваешь, где тоскуешь? И нет такого голоса, кто бы подал родную весть тебе? Твоя дочь покинута! Твоя дочь в злой судьбе! И нет ей защиты. Злая судьба моя, не могу я больше, и почему сразу не поразишь меня?

Аполлон в ужасе схватился за голову, и глаза его, как тогда перед царем Антиохом, когда разгадал он загадку, глаза его — закачены.

Там музыка, пляска и крики.

Или это ему снится? Или он помешался от тоски?

Палагея стояла перед ним на коленях.

— Я — тирский царь Аполлон!

X

К удивлению дружины, Аполлон, вопреки зароку, вышел из каюты. Дружине объявил он первой о своей нечаемой находке — о дочери царевне.

Восторженные клики, перебивавшие музыку, услышал Антагор и поспешил на пристань. И когда увидел Палагею не одну, счастье его было безмерно.

В тот же вечер Антагор обручился с Палагеей.

И был пир на весь мир.

Веселье омрачилось было одним событием, но, в конце концов, все разрешилось к общему удовольствию.

Поддувало, блудничный поставщик Анны Дементьевны, разузнав о Палагее, кто она такая, со страху на глазах у всех бросился в море. Схватились да ему спасательный круг в воду, Поддувало уцепился за круг и выплыл. Но ни за что не хотел выходить на берег, а плавал, как очумелый. Покричали, покричали, видят, ничем дурака не взять, да силком его из воды, да с кругом вместе и потащили к Антагору.

— Что велишь с ним делать? — спросил Антагор царевну.

Посмотрела Палагея: жалкий, весь-то до ниточки измокший, какой-то слипшийся весь, жалко смотреть.

— Пусть идет себе!

А Поддувало от радости не знает, что и делать. Поддувало оказался хорошим фокусником и потехи ради, чтобы чем-нибудь угодить царевне, пустился на всякие фокусы и так завензелил руками и ногами, что со смеху животы надорвали.

Свадьбу решено было играть в Тире: с Аполлоном и Палагеей поедет в Тир и Антагор. Всех счастливей в этот памятный день был Антагор, жених Палагеи.

И на следующий же день на изукрашенном корабле полным ходом поплыли —

Путь в Тир через Тарс.

Благополучно достигнув Тарса, Аполлон с Палагеей, не извещая, прямо пошли в дом Черилы и Гайки.

Не ждали ни Черила, ни Гайка. Мечта их давно осуществилась: с палагеиным золотом пристроили они дочку, выдали свою Марсютку за богатого тарского вельможу и жили теперь спокойно, благодарили Бога. Нет, и думать не думали они о таких гостях.

И когда увидели на пороге дома Аполлона и Палагею, затряслись, обезъязычив.

— Мало вас казнить, мерзавцев! — кричал Аполлон.

А они стояли оба, старик да старуха, безъязычные, трясли головой.

— Да я бы вам, окаянным, ну, скажи только, засыпал бы вашу Марсютку золотом. Мерзавцы.

Тут вошел Гаврила сторож и в ноги:

— Прости, царевна, согрешил. Не погуби.

— Что с ними делать? — показал Аполлон на старика и старуху.

А на них смотреть жалко.

— Прости им!

И не тронул Аполлон стариков, а Гавриле дал шапку золота да корзинку с гостинцами ребятишкам.

Как очумелый, бежал по берегу Гаврила за кораблем.

— Кто ты?

— Кто?

— Я.

— Куда бежишь?

— Кто?

— Я.

И когда скрылся корабль, грохнулся Гаврила о песок и лежал очумелый, пока морской ветер не охладил его.

XI

Оттого ли, что стояло ненастье, или от душевных волнений перехватило у Аполлона горло, и весь он расхворался. Решено было остановиться в первом попутном городе.

И судьба привела в Ефес.

— Кто у вас самый первый доктор?

— Есть у нас сириец Агафон, самый первый, только его никак не дозовешься.

— Захворал тирский царь Аполлон.

— А! это дело другое. К царям да вельможам кто не поедет!

Послали за доктором. И вправду, не успел посланный на корабль вернуться, явился сам доктор.

Болезнь оказалась пустяковская, ничего опасного. Но будь и самой опасной, забыл бы Аполлон и самую лютую боль: от сирийца Агафона узнал Аполлон о царице Тахии.

Позвал Аполлон Палагею:

— Твоя мать нашлась, а вот кто ее спас!

И снова все рассказал Агафон о царице Тахии, помянул и учителя своего Ефиопа и только в одном не признался, что хотел жениться на царице.

Решено было сейчас же идти к царице.

— Вон на том холмике часовня Скорбящей! — показал доктор и предложил подвезти.

Но они отказались.

— Я понесу ей серебряный венок, а ты зеленую ветку!

Палагея не могла слова сказать от радости: сейчас, вот сейчас, наконец-то, она увидит свою мать!

С большими дарами отпустил Аполлон доктора, а Палагея за мать поцеловала его в его, как звезды, глаза.

И они пошли: Аполлон с серебряным венком, Палагея с зеленою веткой.

Тахия сидела у часовни, бесчастная, переговаривала тихо с тихими птицами о счастье.

— Что такое, милые други, счастье на земле в сем горьком свете?

Птицы ей отвечали:

— Солнышко светит и светится море. Корму у нас, слава Богу, и все наши милые птицы сыты. Вот и есть наше счастье. Только никогда так не скажешь: всегда с тобою тревога — вон облачко, гроза будет, вон летит коршун, в скрыти ли дети? И лишь потом, как начнешь вспоминать, тут и помянешь, тут и скажешь: какое это было счастливое время, какое у нас было счастье! Счастье всегда потом.

— То же и это, ведь, счастье, други, когда начинаешь думать, как это станет, наконец, то, чего так хочешь.

— Верно, верно! Счастье и потом, счастье и затем, счастье — мечта и память. А сию минуту — тревога.

— А вы знаете, в чем мое счастье?

— Нет, мы не знаем, — признались птицы: это наш брат и не знает, а скажет, а что пичушки, что зайцы, зверье вообще, они никогда.

— Вот, если бы настал такой день, такой час, такая минута и пришел бы сюда тирский царь Аполлон!

Птицы зачирикали: не то между собой, не то так, слов они не знали, какие сказать, про царя Аполлона они ничего не слыхали, а так ничего не ответить тоже нехорошо, вот и чирикали, словно жалели.

— А я уж часто думаю: не дождаться мне.

— Дождешься! — сказала какая-то птичка: она только, только что с моря, села у часовни.

— Вот мое счастье!

Тахия подняла глаза и остановилась, — не шелохнется.

— Дождешься, идут.

По зеленой тропке подымался Аполлон с серебряным венком, а с ним Палагея. И не узнала, не почуяла Тахия, что не жена, а дочь ее идет об руку с Аполлоном.

«Так вот оно как, а я-то ждала!»

И кольнуло ей в сердце — дышать нечем.

— Други, птицы, — вскочила Тахия и просит, как дети: — пустите меня!

И вдруг словно пробудилась.

Две белые птицы и она, как птица, летит над землею.

«Неразумная, ты посмотри, это, ведь, дочь твоя!»

И увидела Тахия: там на коленях перед ней, перед ее маленьким телом, Аполлон и та.

— Это моя дочь?

— Палагея.

И запечалилась Тахия, затужила и увидела Тарс, красный дом Черилы и Гайки, Палагею гимназисткой, Егоровну няньку и могилку нянькину, и как стоит Палагея на коленях, а над ней с пикой Гаврила сторож, морских разбойников, Поддувалу.

Она летит куда-то, а столько видит и то, что было, и то, что есть, так ясно видит, близко, будто совсем рядом над ее маленьким телом Аполлон и Палагея. И так ей хочется обнять свою дочь — она ни разу в жизни не прикоснулась к ней. Подошел доктор. Это Агафон сириец, он спас ее когда-то. Нет, тут и он бессилен. И его щитовидный опыт непобедимое не победит.

И заплакала Палагея, и Агафон сириец заплакал.

А она все летит и с ней две белые птицы. Тоска подкатывает к сердцу и так бы плакать ей, как заплакала дочь, а слез нет — жжет.

И увидела она Антиохию Великую — она раньше никогда не видела великий город Антиоха, — и среди города башню, а в башне, как звезда из ночи, светит царевна Ликраса.

«Какая несчастная!»

И увидела Аполлона, он стоял в звездном свете печальный.

И от тоски ее всю скрутило, дух зашел, и в то же мгновение, как молонья, пронзило ее, и вновь, как пробужденная, точно выскочила она из тисков тугущих и было уже легко ей. Спутников своих она не узнала, это были другие. И с ними легкая она летела, благословляя землю, мир и судьбу.

XII

На холмике у часовни Скорбящей похоронили царицу Тахию: ее сердце, обнадеженное, вдруг испуганное, не вынесло.

Аполлон роздал много золота на помин души ее и поплыл из Ефеса на Кипр.

Жив был старый царь Голифор и царица крикунья.

Поплакали, погоревали старики о дочери своей бесчастной, а утешились внучкой. Вот не чаяли, не гадали! И на радостях отдал царь Голифор Аполлону свою кипрскую землю, только обязательно, чтобы внучка осталась при них.

Аполлон обещал.

— Да ты забудешь! — пристали старики.

— Ну, вот ещё, сказал, не забуду, и не забуду.

Конечно, старикам никакого и царства не надо, была бы с ними внучка.

Был дан пир. Большое веселье. Развеселился и Аполлон. И вдруг вспомнил о рыбаке — до ясности все представилось ему: его первое утро на Кипре и рыбак Лукич. «Я тебя от смерти спас, ты мне теперь раб!» И как тогда в первый же день повезло ему и, прощаясь с Лукичем, он обещался не забыть. «А и забудешь, я привык!» — вспомнились и слова Лукича, привыкшего к судьбе немилостивой и изменчивости нашей. И как Лукич оказался прав: ведь, забыл! И всего-то раз вспомнил, да и то в такую минуту — пришла весть о свободе, до того ли было, сейчас же и забыл.

Аполлон послал разыскать рыбака.

И нашли, явился старый старик.

— Лукич!

— Лукич давно помер. Я Никон Лопух.

И рассказал Никон Лопух, как часто поминал Лукич о тирском царе, как царь ему в рабы достался, много чудесного.

— А мы мало чему веры-то давали, думаем себе, сказкой тешится. А оно, стало быть, так все и оказалось. Лукич был прав.

— Лукич был прав.

Наградил за Лукича Аполлон Лопуха, простился со стариками, еще и еще раз пообещал отдать им дочь, да на корабль в путь-дорогу, в свой родной Тир.

Еще с Кипра был послан вестник в Тир. И на пристани встретил Аполлона Елавк с старейшинами. И при ликовании всего народа передал Елавк Аполлону власть над Тиром.

Живо сыграли свадьбу. И на пиру всех счастливей был князь Антагор, зять Аполлона. И проводил Аполлон зятя и дочь на Кипр царствовать у стариков на Кипрской земле.

И опять остался один тирский царь Аполлон.

Услышали в Антиохии Великой о возвращении Аполлона, и долго терпевший народ восстал против царя Епиха, лисавого Луки Малоубийского, и прогнал его с его обезьяньей царицей Хлывной вон из Антиохии. Заперли город и снарядили послов в Тир: быть сирийским царем в Антиохии Великой тирскому царю Аполлону.

Старейшины уговорили Аполлона.

И выступил Аполлон с большим войском в Антиохию. Народ отворил перед ним городские ворота и с великою честью передал царство.

Аполлон вошел в башню, где томилась царевна Ликраса.

Звездой из башенной тьмы сияла Ликраса.

— Здравствуй, царевна!

Царевна с отчаянием посмотрела: она, ведь, давно ко всему готова.

— Или не узнаешь? Я тирский царь Аполлон.

С горечью ответила царевна:

— Делай скорей, что задумал, я молила о смерти.

— Не смерть, я жизнь тебе дам.

Аполлон протянул к ней руки.

А царевна, как мертвая, — какая ей жизнь!

— Ты оттрудила свой грех, а меня разрешила дочь. Будем жить вместе, царевна.

Царевна смотрела молебно: это правда, она оттрудила?

И стоял Аполлон в звездном свете печальный.

В Тир Аполлон не вернулся. Он женился на царевне Ликрасе и остался с ней в Антиохии Великой. А Тир передал своему другу Елавку за его верность.

И благословил народ мудрого царя Аполлона. И было то время счастливой порой и расцветом Антиохии Великой.

23—27.II.1917

ЦАРЬ АГГЕЙ

I

В граде Фелуане царствовал царь именем Аггей, единый подсолнечный прегордый царь.

От моря и до моря, от рек и до конца вселенной было великое царство его и много народа всякого — и молодых, и стариков, и детей, и жен жили под его волей.

Стоял царь за обедней и слышит, дьякон читает:

«Богатые обнищают, а нищие обогатятся».

В первый раз царь услышал и поражен был:

«Богатые обнищают, а нищие обогатятся!»

— Ложь! — крикнул царь, — я царь — я обнищаю? — и в гневе поднялся к аналою и вырвал лист из евангелия с неправыми словами.

Большое было смятение в церкви, но никто не посмел поднять голоса — царю как перечить?

Царь Аггей в тот день особенно был в духе — на душе ему было весело и он все повторял, смеясь:

— Я, царь Аггей, — обнищаю!

И окружавшие его прихвостни, подхалимя, поддакивали. А те, кто знал неправду царскую, и хотели бы сказать, да как царю скажешь? — страшна немилость.

По обеде затеяли охоту.

И было царю весело в поле. Сердце его насыщалось гордостью.

— Я, царь Аггей, — смеялся царь, — обнищаю!

Необыкновенной красоты бежал олень полем. И все помчались за ним. А олень, как на крыльях, — никак не догонишь.

— Стойте, — крикнул царь, — я один его поймаю!

И поскакал один за оленем. Вот-вот догонит. На пути речка — олень в воду. Царь с коня, привязал коня, скинул платье и сам в воду, да вплавь — за оленем. Вот-вот догонит.

А когда плыл царь за оленем, ангел принял образ царя Аггея и в одежде его царской на его царском коне вернулся к свите.

— Олень пропал! Поедемте домой.

И весело промчались охотники лесом.

II

Аггей переплыл реку — оленя нет: пропал олень. Постоял Аггей на берегу, послушал.

Нет, пропал олень. Вот досада!

И поплыл назад.

А как выплыл, хвать, — ни одежды, ни коня. Вот беда-то!

Стал кликать, — не отзываются. Что за напасть! И пошел. Прошел немного, опять покликал, — нет никого. Вот горе-то.

А уже ночь. Хоть в лесу ночуй. Кое-как стал пробираться. Иззяб, истосковался весь. А уж как солнышка-то ждал!

Со светом выбрался Аггей из леса.

Слава Богу, пастухи!

— Пастухи, вы не видали моего коня и платья?

— А ты кто такой? недоверчиво глядели пастухи: еще бы, из лесу голыш!

— Аз есмь царь ваш Аггей.

— Давеча царь со свитой с охоты проехал, — сказал старый пастух.

— Я царь Аггей! — нетерпеливо воскликнул Аггей.

Пастухи повскакали.

— Негодяй! — да кнутом его.

Пустился от них Аггей, — в первый раз зарыдал от обиды и боли. Едва дух переводит. Пастухи вернулись к стаду. А он избитый поплелся по дороге.

Едут купцы:

— Ты чего нагишом?

А Аггей сказать о себе боится: опять поколотят.

— Разбойники! Ограбили! — и голосу своего не узнал Аггей: сколько унижения и жалобы!

Сжалились купцы, — а и вправду, вышел грех, не врет! — кинули с возу тряпья. А уж как рад-то он был и грязному тряпью, — ой, не хорошо у нас в жестоком мире! — в первый раз так обрадовался, и не знает, как и благодарить купцов.

Голодранцем день шел Аггей, еле жив.

Поздним вечером вошел он в свой Фелуан-город.

Там постучит — не пускают, тут попросится — гонят. Боятся: пусти такого, еще стащит. И одна нашлась добрая душа, старушонка какая-то: если и вор, украсть-то у нее нечего, а видно несчастный! — приняла его, накормила.

Никогда так Аггей не ел вкусно — пустые щи показались ему объеденьем. Присел он к печке, обогрелся, — ой, не хорошо у нас в жестоком мире! — отдышался, все молчком, боится слова сказать, а тут отошел.

— А кто у вас, бабушка, царь? — робко спросил старуху.

— Вот чудак! Или ты не нашей земли? Царь у нас Аггей.

— А давно царствует царь Аггей?

— Тридцать лет.

Ничего не понимает Аггей: ведь, он же царь Аггей, он царствовал тридцать лет! И вот сидит оборванный в конуре у старухи. И никто не признает его за царя, и сам он ничем не может доказать, что он царь. Кто-то,

видно, ловко подстроил, назвался его именем и все его ближние поверили. Написать царице письмо, помянуть то их тайное, что известно только ей и ему, — вот последняя и единственная надежда! — по письму царица поймет и обман рассеется.

Аггей написал царице письмо. Переночевал и другую ночь у старухи. Ну, до царицы-то письмо не дошло. Нагрянули к старухе полунощные гости и, как пастухи, жестоко избили Аггея — выскочил, забыл поблагодарить старуху.

И бежал ночь без оглядки. А вышел на дорогу — кругом один, нет никого.

«Я, царь Аггей, — обнищаю!»

Вспомнил все и горько заплакал.

Был он царем, был богатый — теперь последний человек. Никогда не думал о таком, и представить себе не мог и вот знает: что такое последний человек!

III

Ангел, приняв образ царя Аггея, не смутил ни ближних царя, ни царицу: он был, как есть, царь Аггей, не отличишь. Только одно забеспокоило царицу: уединенность царя.

— Есть у меня на душе большая дума, я один ее передумаю и тогда будем жить по-старому! — сказал царь царице.

Успокоил царицу.

И никто не знал, что за царь правит царством, и где скитается по миру царь их Аггей.

А ему надо же как-нибудь жизнь-то свою прожить! Походил он, походил по жестоким дорогам голодом-холодом последним человеком, зашел на деревню и нанялся батраком у крестьянина лето работать. А крестьянское дело тяжелое, — непривычному не справиться. Побился, побился, — плохо. Видит хозяин, плохой работник, и отказал.

И опять очутился Аггей на проезжей дороге, кругом один. И уж не знает, за что и браться. И идет так дорогой, куда глаза глядят.

Встречу странники.

— Други, нет мне места на земле!

— А пойдем с нами!

И дали ему странники нести суму.

И он пошел за ними.

Вечером вошли они в Фелуан-город. Остановились на ночлег и велели Аггею топить и носить воду. До глубокой ночи Аггей ухаживал за ними. А когда все заснули, стал на молитву и в первый раз молитва его была ясна.

Вот он узнал, что такое жизнь на земле в сем жестоком мире, но и его, последнего человека, Бог не оставил и ему, последнему человеку, нашлось на земле место, он и будет всю свою жизнь до последней минуты с убогими, странными и несчастными, помогать им будет. И благодарит он Бога за судьбу свою. И ничего ему теперь не страшно — не один он в жестоком сем мире.

И когда так молился Аггей в тесноте около нар, там, в царском дворце, вышел ангел в образе царя Аггея из затвора своего к царице, и светел был его лик.

— Я думу передумал мою. Будет завтра пир у нас.

И велел кликать наутро со всех концов странных и убогих на царев пир.

И набралось нищеты полон царский двор. Пришли и те странники, которым служил Аггей. И Аггей пришел с ними на царский двор.

И поил, и кормил их царь.

А как кончился пир и стали прощаться, всех отпустил царь и одного велел задержать — мехоношу.

И остался Аггей и с ним Ангел в образе царя Аггея.

— Я знаю тебя, — сказал Ангел.

Аггей смотрел на него и было чудно ему видеть так близко свой царский образ.

— Ты царь Аггей, — сказал Ангел, — вот корона тебе и твоя царская одежда, теперь царствуй! — и вдруг переменился.

И понял Аггей, что это — Ангел Господен.

Нет, ему не надо царской короны, ни царства: он до смерти будет в жестоком мире среди беды и горя, стражда и алча со всем миром.

И, слыша голос человеческого сердца, осенил его Ангел и с царской короной поднялся над землей.

И пошел Аггей из дворца на волю к своим странным братьям.

И когда проходил он по темным улицам к заставе, разбойники, зарясь на его мешок, убили его. Искали золота — и ничего не нашли. А душа его ясна, как золото, пройдя жестокий мир, поднялась над землей к Богу.

1917 г.

ДАР РЫСИ

I

В лесу в келейке жил старец. Уединился старец в лесную келью, чтобы, очистив помыслы свои от суеты и сердце от вожделений, делать Божье дело.

В миру страсти ослепляют человека и как часто, думая, что делаешь для мира, на самом же деле лишь угождаешь своей страсти, и оттого не только какая людям помога, а еще большая смута бывает, а в смуте, сами знаете, и у первого приятеля вашего за рукавом нож спрятан.

Жил старец в лесу, трудясь над собой, и достиг большой чистоты и душевности, так что от советов его и дел многое бывало облегчение людям в их мудреной жизни и, скажу, в сей горький век несносной.

Старец редко выходил к людям, чаще к нему в лес приходили, и тут перебывали у него всякие — и смущенные, и покаранные совестью, и больные телесно, заболевшие оттого ли, что для совершенства душевного надо было испытать большую боль, или оттого, что потрясенная душа расстраивала и телесную жизнь. Старец по глазам и слову, обращенному к нему, угадывал силою своего духа недуги приходящих и отпускал от себя с миром.

Раз сидит старец в келейке своей, беседуя с Богом устами своего ясного сердца, и слышит, кто-то стучит. Окликнул. Не отвечают.

Или ему это почудилось?

И уж задумался старец о горести и обольщении чувств и всей неверности мира.

И опять — Нет, ясно: кто-то стучал под дверью.

— Да кто же там?

И пошел, отворил старец дверь, а там — рысь и с ней детеныш ее: рысь детеныша подталкивала перед собой, а сама лапкой показывала на него.

— Слепенький, мол, рысенок у меня, исцели!

К старцу приходили люди всякие — и душой изболевшие и от изболевшей души телом расстроенные. а бывали и ниже зверя, ниже гада, ниже червя ползучего, звери же ни разу еще не приходили к нему.

Но и появление зверя — рыси с детенышем не смутило старца, потому что, и разве еще не прозрели человеко-

любцы, как часто человек-то, гордость и венец земной твари, зарождается на свет Божий духом куда там ниже зверя, гада, червя ползучего!

Сотворив молитву, старец плюнул в слепые глаза рысенку, и к великому счастью матери, рысенок вдруг стал озираться.

Путь до лесной келейки был неблизкий, рысенок проголодался и мать, первым делом, прилегла тут же у порога и накормила детеныша, а накормив, поднялась и, покивав старцу, — «спасибо, мол, спасибо, тебе!» — побежала домой, махая хвостом от счастья, и с ней рысенок ее, не слепыш, быстрый.

«Какая понятливая!» — подумал старец.

И, благословив отходящий день чудесный, стал на вечернюю молитву.

II

Мы считаем дни, и дни наши проходят в заботах, мы боимся случайности и горчайшей из всех случайностей — смерти, мы скоро забываем добро, какое оказывают нам люди, и долго помним все дурное и злое, мы обольщаемся счастьем, которое, думаем мы, достижимо в сем веке победой над внешним, и обольщаем других, суля мир и покой в беспокойном и враждующем строе самой жизни нашей, мы лжем себе, чтобы забыться, и лжем другим, чтобы отвлечь их от страшной и невыносимой правды жизни, потому что жизнь наша и всей твари, от былинки до невидимых духов, волнующих нас и теснимых нами, ни больше, ни меньше, как постоянное насилие, явное или скрытое, каждого над каждым — слепцы, вопиющие против войны и убийства, как будто бы в мире не то же убийство и война постоянно! — и у кого есть еще глаза и уши и чувства, тот это ясно видит и слышит и чувствует.

Старец увидел и услышал и почувствовал страшную правду жизни и, отрекшись от этой жизни, не считал уж дней, и ничего не боялся, старец жил в воле Божьей, не обольщаясь ни счастьем, ни покоем в юдоли труда и неизбежных, ничем не отвратимых напастей, старец не помнил ни добра, ни зла на людях и забыл о рыси и о ее слепом рысенке, прозревшем по его молитве.

И опять сидит старец в своей келье, беседуя с Богом, и слышит — стучат. Окликнул, но никто не ответил.

И на этот раз пошел старец, отворил дверь и увидел рысь одну, уж без рысенка: приподнявшись на задние лапы, положила рысь к ногам старца овечью шкуру.

— Вот тебе за рысенка!

Старец изумился, он никак такого не ожидал от рыси, и с благодарностью смотрел в небо, для которого создан человек и всякая тварь на земле, но, опустив глаза, был изумлен не меньше: он увидел тут же возле шкуры ободранную овцу — «Господи, за что мне такая мука?» — говорили ее закаченные глаза и весь ужасный ободранный вид, а рядом с овцой стояла старуха Ефремовна и трясущейся головой жаловалась бессловесно: — «Господи, куда я пойду теперь, последнюю у меня овечку отняли!»

Старец замахал на рысь:

— Не надо мне твоей шкуры, ты погубила овцу, последнее отняла у старухи, не возьму!

Рысь не видела ни овцы, ни старухи и только почуяла, что сделала что-то не так, и лапкой показывала старцу:

— Не знала, мол, и не думала, я только хотела отблагодарить за детеныша!

И стояла так и глаза ее рысьи неплаканные наливались слезами:

— Не знала я!

И старцу жаль стало зверя.

— Ну, ладно, да вперед, смотри, не делай так!

И опять счастливая — не сердится старец! — подала ему рысь лапку на прощанье. Подержал ее старец за колючую лапку — ну, не сержусь, не сержусь! — и побежала рысь, махая хвостом от счастья.

«Какая неразумная!» — подумал старец.

И благословив отходящий день чудесный, стал на вечернюю молитву.

III

Много приносили старцу всяких даров в благодарность за его помощь: дети приносили игрушки, матери и отцы — рукоделье и хлеб, — и все он отдал тем, у кого была нужда, но шкуру овечью он никому не отдал, шкура так и осталась лежать в его келье — дар рыси.

То, что могут уразуметь люди, рыси не дано и, принося благодарность, она действовала звериным разумом своим, человеку же дано знать глубины, но свершение глубин и человеку не дано, а только искание и скорбь.

И рысьи слезы были как скорбь человеческая, а скорбь человеческая есть единый свет жизни.

1917 г.

ЦАРИЦА МАЙДОНА

В последние дни и лета будет царствовать на земле царица Майдона.

Четыре лета злому ее царству, — четыре лета великой беды и горя.

За наши дела и мысли попустит Бог злому царству, ибо дале, дале размножится зло в людях, неправда, ненависть и ложь: отец на сына, сын на отца, брат на брата, сосед на соседа, — во дворах, в домах, по улицам, по дорогам и на распутиях крестных.

увы, мне, миру ничтожный!

От старца до отрока прикоснулись к единой чаше, — злоба, лукавство, неправда. Увы, мне, злобный мире! Увы, горе! Увы, беда! Так полно неправды. Увы, мне, темный Вавилоне! Кто исчерпает твою беду или кто до конца расскажет о твоем грехе!

увы, мне, свет темный!

В последние дни и лета будет царствовать на земле царица Майдона.

Четыре лета злому ее царству, — четыре лета великой беды и горя.

Бесстудная, она осквернит алтари святые, будет ругаться святым иконам и крест Христов наречет виселицей. Силой красоты своей царской обольстит она сердца человеком, царица назовет себя богиней и будет злоречить и хулить небесного Бога.

На лобном месте станет она перед лицом народа, будет в небо грозить.

— Ну, что же Ты? — воскликнет она к небесному Богу, — Ты живешь на небесах, а ни я, ни мои люди не хотят знать Тебя. Что измыслишь, что поделаешь, да Ты слышишь ли? Я церковь Твою разрушила, я закон Твой попрала, я веру Твою искоренила. Сама на моей земле я дала свою заповедь, по своей воле, и свой закон, как сама захотела. Что же сделаешь мне Своим божеством, чем ответишь на мою силу? И к единому волосу на моей голове Ты не посмеешь прикоснуться, — вот моя сила, вот моя воля, вот моя власть. Моя слава одолела и затмила всю Твою славу! Ну, что же Ты?

о, Боже, долготерпеливый...

Не стерпел дерзких слов великий воевода силы небесной, среди ангелов верховный, гневный, гневной звездой ринулся архангел с небес на землю.

И там, на лобном месте, где перед лицом народа грозила небесному Богу царица, поднял ее архангел видимо всем людям с лобного места. И понес. И нес ее, видимо всем людям, над морем, над пропастями. И вот, подрезав серпом, ударил ее скипетром в грудь, и с шумом полетела царица-богиня в царство тьмы на вечные муки.

И шумела гроза, рвал ветер, и от страха сердце рвалось.

О, Боже, милосердный...

Как дети, восплакались люди, принялись каяться и молиться.

— О горе нам, братие, теперь погибаем!

Так кончилось царство безбожной царицы, — первое горе.

1914 г.

ГОРОД ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайкий, как постень, напрасный, он приполз в пустополье под город — кто же его чуял и чье это сердце в тосках заныло? — он приполз в пустополье, обогнул белую стену — на башнях огни погасли и не били вспо-

лох — обогнул он белую стену и белые башни, выглохтал до капли воду в подземных колодцах и, стонотный, туго стянулся кольцом, скрестив голову-хвост.

Очи его — озерина, шкура, как нетина-зелень, тяжки волной пошевелки.

Обреченный, в западях у змия, стоял обложенный город, а еще долго никто ничего не знает и не чует беды — люди пили и ели, женились и выходили замуж.

И когда пришел час, забили в набат, а уже никуда не уйти.

Я помню, забыть не могу, как дети голодные в ямах плачут, спрятались от страха в ямы, босые, дрожат, боятся, голодные и так жалобно плачут, а я ничем не мог им помочь, и помню еще, как полуживой в груде мертвых смотрел на меня и рукою звал, — и ему я не мог помочь, и еще помню, как полз ко мне с перебитыми ногами и просил пить... я помню раненую лошадь, как стояла она и плакала, как человек, и потом упала и плакала крупными слезами и тихо стонала, как человек, и помню собаку, душу надрывала она своей тоской, я ее звал, давал есть, а она даже и не смотрела на еду, она сидела на своем дворе, где все сожжено.

Горюч песок в пустополье. Смертоносно дыхание. Шума ветра не слышно и лишь от зноя хрястают камни.

Горе тебе, обреченный! Ты ли виною или терпишь за чужую вину — горе тебе, обреченный!

Очи его — озерина, шкура, как нетина-зелень, тяжки волной пошевелки.

И от очей его больно, и холод на сердце, и нет нигде скрыти.

Знаю, много неправды...

Знаю, много греха вопиет на небо. Надо грех очистить, грех оттрудить.

И ты благослови меня в последнюю минуту ради чистоты земли моей родимой принять кротко мою обреченную долю.

1915 г.

ТРИ БРАТА

Три брата родные, царские сыны, будут царствовать на потрясенной земле.

Старший брат сядет царем в Иерусалиме, середний брат сядет царем в Риме и третий, меньшой брат, сядет царем в Царьграде.

И будет меж ними мир и любовь, и злая память о царице Майдоне погибнет.

Три лета братского царства — три лета мир на земле.

По третьему лету завраждуют братья, и настанет на земле второе великое горе.

Старший брат соберет свое войско от всего полудня и востока и пойдет из Иерусалима на Рим, и будет ждать своих врагов. Середний брат соберет свое войско от запада и затворится в Рим, и будет ждать своих врагов. Третий брат соберет свое войско от всей полунощной, без числа, от детей до старцев, и пойдет из Царьграда на Рим, и будет ждать своих врагов.

Так сойдутся братья у железных врат Рима на последнюю встречу.

— Радуйся, Рим, славный великий город! Твои железные стены тверды, твои камни священны, где же твой царь?

Но никто не ответит, и будет тихо за римскими железными вратами, как перед лютою грозой.

И воскликнут братья к брату:

— Выходи, выходи, брат, час твой пришел!

И вот растворятся железные вороты и, как саранча, выступит войско, и тяжко тогда будет земле.

И скажет брат братьям:

— Слышите, братья, послушайте меня, зачем нам губить людей наших, вернее нам, царям, сразиться друг с другом, и кто осилит, тому и быть царем всего света.

Братья одобрили царское слово.

Перед войсками на конях съехались братья, ударили мечом и бились сильно, и пали все трое мертвы.

Видя смерть царей-братьев, замешались люди, отчаяние напало на них, и ни одно войско не захотело уступить другому.

— Цари наши пали, пускай же падем и мы за них.

И станут биться. И будет крик, голка, сечь — такая война, какой не бывало от начала мира и не будет. От

людского крика, страха, труб и стрельбы, от конского бега, пороху, гула и дыма свет померкнет и земля потрясется.

И падут все три войска мертвы, и ни один от них не останется жив. Будет без числа трупов, кровь потечет, как реки. В крови потонут кони. Трупы с кровью поплывут в море. На версты и версты замешается море с кровью.

Горе тогда оставшимся на земле людям, — не будет дома без вдовы, будут сем жен искать одного мужа и не найдут.

И вот, в то злое время, почуяв беду земную, набегут из-за гор одноглазые незнаемы люди и возьмут под свою власть землю, разрушат храмы, поработят живущих, и сядет в Царьграде вождь их — Сатурнин безбожный править землею и мучить в тяжкой работе.

Как подбитые звери, восплачутся люди, не словами, горьким сердцем взмолятся к Богу в неизбывном горе.

1917 г.

ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Стоят и вопиют люди, видя падение могучего города, и сетуют горько, видя гибель его, и напрасно озираются, не найдут ли его на ином месте таким же цветущим и крепким.

Что вы плачете, что стенаете, люди неразумные?

Могуч был Вавилон, богаты и горды цари его, и, казалось, веку не будет его пышной жизни. Сильнее всех была Ниневия... Где они? Где Ур халдейский, где Ширпурла? Знают о них летучие пески пустыни, да степные орлы.

Все, что руками человеческими построено, руками же человеческими и будет разрушено. Таковы дела человеческие. Гибель и тлен — удел их.

Перестаньте плакать! Ничего! Не скорбите, не сетуйте!

Пока бьется сердце и горит в вас желание — жив дух в душе, не перестанет жизнь. Новый город вы построите, и будет он краше и повиднее всех городов, новый город, окликанный.

1915 г.

ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ

После тяжких годов неволи наступят добрые лета, радостные и тихие, — пошлет Бог царя на землю.

Божьим повелением от востока придет на землю последний царь Михаил. Разбегутся, рассеются за горы перед лицом царевым лихие люди в места пустые.

Сядет царь Михаил в Иерусалиме и будет царствовать на земле тридцать лет, самодержец, царь всей подсолнечной.

Богобожный и кроткий, утвердит царь правую веру, от моря и до моря на все четыре стороны света понастроит церквей Божьих. И в тихие годы умирится земля и откроется сердце человеческое друг для друга, перекуют мечи на рало и плуги, отворят скрытые сокровищницы: золото, серебро, жемчуга, драгоценные камни, — все люди обогатятся, каждому будет всего вдоволь, и не будет завидящего, ни просящего, ни разбойников, будет едино стадо и един пастырь.

Так минет двенадцать кротких лет царства царя Михаила, и в тринадцатый год повелением Божьим придет на землю Антихрист.

Он родится в Капернауме, первые годы проведет в Зипе, первую власть получит в Вифсаиде.

«Горе тебе, Капернаум, горе тебе, Зип, горе тебе, Хоразан, до облак вознесешься и падешь до ада!»

Он придет послужить к царю Михаилу: царь его знать будет, и он будет знать царя. И сделает его царь Михаил своим старшим слугою.

Несказанно прекрасный в золотой ризе, блещущей лучами, как солнце, будет он всеми любим и от всякого будет почет ему и желание, и никто не узнает, что он есть сын погибели — Антихрист.

И когда подойдут к концу дни и лета и времена царству царя Михаила, изменится слуга его первый, и начнет ходить по своей воле, знаменуя делом своим грядущее беспощадное царство. И точно взбесятся люди, канет чистота и правда, и вера в мир и снова сердце человеческое глухо замкнется. Будет царь Михаил совестить народ свой, остерегать, поминая гнев Божий, но совести не станет в людях, царя перестанут слушать, и не поймут простых его слов.

Так исполнятся тридцать лет, и придет последний день царства последнего царя. И в свой последний день соберет царь Михаил своих верных, взойдет с ними на гору Голгофу и, став там на месте крестном, начнет со слезами упрашивать верных до конца стоять крепко в вере, не поддаваться, не слушать врага, и, поминая грядущую кару и гнев Божий, возвестит им кончину света.

Обернувшись на восток солнца, начнет царь последнюю свою молитву и будет горячо молиться о всем мире, за всех людей, и будет горячо молиться кровавыми слезами, да смилуется Господь, утвердит и укрепит мир в правой вере, в единомыслии.

И, встав от молитвы, царь воздενет трикраты руки свои горе, — и вот снидет к нему с неба крест Христов и станет перед ним.

Тогда снимет с себя царь корону и венец златой царский, и положит на крест, и, пав перед ним, трикраты поклонится и поцелует крест. И пойдет крест Христов с короной и с золотым царским венцом на небо к Богу.

И ужаснутся люди, видя, как пойдет крест Христов с короной и со златым царским венцом на небо к Богу.

Царь Михаил снова обратится к верным своим, до земли им поклонится и, со слезами совершив последнее прощение, обернется на восток солнца, трикраты поклонится и воздενет руки свои к Богу, предавая дух свой в руки Божии.

И невидимая сила восхитит его от очей людских и вознесет туда, откуда по повелению Бога пришел он на землю.

Так кончится царство кроткого последнего царя, самодержца, царя всей подсолнечной.

О, как горько восплачутся верные, и, охватившись друг с другом, горько зарыдают:

— Горе нам! Горе! Было у нас полуденное солнце ясное, светило тридцать лет, и вот мрак и тоска. Горе! Горе! С чего начнем и как теперь жить?

От моря и до моря, пожаром охватывая землю, как молонья, станет беспощадная власть антихристова, и наступит третья беда, — горчайшее горе и последнее.

1914 г.

ЦАРСТВО АНГЕЛОВ

Есть в Божьем мире пресветлый рай — пречистое царство ангелов.

Весь озарен светом Божиим стоит град избранных.

А страж его — великий ангел: как свет, одежда светлая и распростерты белые крылья, копье в руках.

Там с праведными сирины вкушают золотые яблоки, поют песни песневые, утешая святых угодников.

Там ни печали, ни воздыхания.

Там жизнь бесконечная.

Долог труден путь протягливый до рая пресветлого.

Много было великих подвижников, много спасалось смиренных отшельников и благочестивых пустынников, много было званных на пир в пресветлый рай, и не увидели они света Божьего, неизбранные, не дошли они до рубежного камня, где сторожит великий ангел: как свет, одежда светлая и распростерты белые крылья, копье в руках.

Кому же открыты врата райские?
И кто избранный из позванных?

Чистое сердце кипенное, творящее волю Божию, — от Бога избрано,

— сердце, в туге измаявшееся, — от Бога избрано,

— сердце раненое — от Бога избрано,

— сердце открытое к людской беде и горестям — от Бога избрано,

— сердце обрадованное, благословящее, — от Бога избрано,

— сердце униженное — от Бога избрано,

— сердце, от обиды изнывшее, — от Бога избрано,

— сердце, пламенное правды ради, — от Бога избрано,

— сердце, измучившееся о неправде нашей, — от Бога избрано,

— сердце кроткое — от Бога избрано,

— сердце, готовое принять и последний грех ради света Божьего, ради чистоты на сем жестоком свете на трудной земле — от Бога избрано,

— сердце великое Матери Света, восхотевшей с нами мыкаться, с нами горевать и мучиться, с нами, последними, с нами, обреченными, — вот сердце от Бога избранное, вот кому открыты врата райские.

1915 г.

НА ЗЕМЛЕ МИР

I

Зорко старцу Амуну на его дикой недоступной скале.

Кто его видит? Кто его слышит?

Там, где когда-то гнездился пещерный орел, пещера старца.

А видит его только небо, только солнце, только звезды — пробежит ветер, шелестя горько, и другой, черный, что подымает беду, вестник напасти, шуршит, кукует и дальше — — и третий весенний, осыпая пещеру бело-алым цветом, как его брат белый, пороша снегом, поет безумные песни.

Да еще видят его дикие звери: по ночам приходят звери к пещере и старец их поит.

Зорко старцу Амуну и ясно.

Обрезано сердце его.

Его подвиг велик и труды неподъемны: под дождем и ветром, резче ветра и хлестче дождя его терновый бич.

Трижды в год опускает старец глаза в долину на те трубы и башни, на черепицу — на дымящийся, с синей адовой пастью в темные ночи, тесный город, что повис над морем.

И трижды в год осеняет старец крестом город и море.

Море плещется, размывает скалу.

И с гудом и гулом волн — звон долины.

На звон выходит старец из пещеры на молитву.

Небо над ним и звезды.

Никто не помнит, когда взошел он на гору и поселился в дикой пустыне.

Раз в году с дарами крестной тропой подымается старик священник приобщать старца. И в сумерках вечера, когда спускается старик назад в долину, видно с горы сияние чаши — белый небесный свет.

Зорко старцу Амуну и ясно.
Обрезано сердце его и уши отверсты.

*

В который час, в какую напасть вот вереницей, как упорный змей, тянутся на гору жены, дети и старики. Кусками и кольцами ползут по острым камням, о камни — на коленях, глаза туда и руки простерты — —

— Помолись за наших мужей и сынов, они пошли на войну. Жестокий Антиох объявил нашему королю Аспиду войну. Помоги одолеть врага. Дай Боже вернуться им целым! Помолись! Попроси!

Выглянул старец:

— Горемыки! Не могу я молиться за проливающих кровь.

И скрылся в пещере.

И крестная тропа, как от снега под вешним солнцем, шумно опросталась от горемычных.

Сердце ходило.

Проклятия вышептывали поблекшие осиротелые губы и другие запекшиеся, как земля под зноем.

— Жестокий, он не любил никого.

— Черствое сердце, оно не рвалось от тоски.

— Забыл он отца и мать! Нам ничего не надо, не для себя и живем, только бы сына нам сохранить! Заглохло его сердце.

— О, если бы знал он дни и ночи, память мою! Не мил мне свет и звездная ночь постыла. Тоска выела сердце. Глаза мои гаснут от слез.

— Лицемер! Поить зверей, а мы?

— Нет, он никого не любил, не думал ни о ком, мертвец проклятый!

Проклятие и жалоба, как море в погоду, взвывало и взвивалось по опустелой долине, — из городских ворот выходили вооруженные мужи и юноши, покидая стариков и семью.

Да, какое это резкое слово открытому сердцу, в страхе и тревоге за близких, оно как сухой песок в просящие глаза.

Или и вправду старец забыл отца и мать?

Или, не любя никого, его сердце, как окаменевшая в море нежная когда-то ветвь.

Так выговаривало сердце и слепло от горя.

Вооруженные мужи и юноши, покидая стариков и отрываясь от любимой семьи, шли умирать за короля и землю — не пощадит жестокий Антиох родную их землю.

И кричало сердце ожесточаясь:

— Как? Проливающие кровь? Кто же нас защитит? И нет молитвы за них? Путь к Богу закрыт? Видит Бог, проклинаю я час, в который зачала меня мать, проклинаю день, в который увидела белый свет, проклинаю звезды и ночь моей первой любви, не надо мне жизни! Мужа верни мне!

Железная крыша повисла над долиной — городом, выбрасывающим в небо из своих красных труб сине-адово пламя, и, как отбитые, опускались руки.

— Мертвец проклятый!

II

Нет, жива душа у старца Амуна.

И сердце его не было глухо: он прозревал свет небесный, слышал плач сердца человеческого, и вопль звериный не был закрыт от него.

Одни живут, как звери, имея только шкуру, мясо, кости, кишки. Другие мятутся и чают. Третьи предстоят Богу.

Старец, идя по пути чистоты и духа, отрешившись от страстей — ими движется жестокая жизнь наша! — и освободившись от гнета хотения и воли, творя волю Божию, пил чашу живой воды и были руки его чисты и чистое сердце мудро.

Люди, живущие звериным обычаем, а таких полмира, люди с душой закрытой проходят кровавый круг жизни и пролитие крови для них закон. Но в царстве духа кровь безвластна.

Нет, не мог старец молиться за проливающих кровь.

И знал он то, что было скрыто от наших смертных глаз: он прозревал судьбы мира, судьбу человеческую, обрекавшую человека и даже целый народ по его делам прошлым на жизнь либо смерть.

И о своем народе знал он правду.

И прозревая судьбы мира и провидя судьбу в глазах приходящих к нему, как далек он был от мысли, что он выше других, и знает и дано ему больше. Он совсем не полагался на себя и в душе его не рождалась беспечность.

С бодростью вставал он от сна, прилежно стоял на молитве и много трудился.

И за долгий свой подвиг он достиг почти бестелесной жизни, все желание свое устремив к Богу в ожидании часа, когда воззван будет от мира сего на отдых от муки жизни.

Труды, молитва и созерцание — так проводил старец свои дни.

И тело его не слабело, душа не теряла бодрости, и свободный дух его раскрылялся.

Божьим светом озарена была его душа.

Отпустив пришедших к нему на гору с мольбой горемычной, стал он на молитву и всю ночь молился о чающей твари.

III

По немалом времени опять приходят на гору скорбные.

Лиц их не видно — одни испуганные и воспаленные глаза: глаза устремлены к пещере.

И сквозь стон едва слышен голос.

Вышел из пещеры старец.

— Отец! — и руки тянутся к последней защите, — война разгорается. Наши мужья и отцы ушли. Их призвал король против Псаммия. Жестокий полководец Псаммий пристал к Антиоху. Мы воюем со многими властителями. Кровь заливает наши поля.

И скорбные не хотят уходить, моля о пощаде и о победе над врагом.

А там на полях, обагряемых кровью, рядом с воинами Аспида умирали воины Антиоха и Псаммия.

И в Сирии стенали, как в Александрии.

Матери говорили:

«Нам ничего не надо, не для себя и живем мы, нам только бы сохранить нашего сына!»

Отцы с горестью вспоминали свои надежды, больше не веря в возвращение сыновей.

Жены рвали на себе волосы в тоске по мужьям.

И как в Александрии, так и в Сирии, слово в слово одна подымалась к небу молитва о пощаде и о победе над врагом.

А небо было одно.

И сердце человеческое одно — и горюющее и стенящее.

И этого не видели и никак не могли понять люди, живя звериным обычаем своим во власти крови.

Старец ничего не сказал и скрылся в пещере.

И восстонала гора.

Скорбны, не проклиная — все слова давно перегорели в горечи напрасных ожиданий и дум беспокойных — поползли убито со скалы в долину в пустые дома оплакивать злую долю.

— Нет, безбожное творится в мире, гневен старец!

А старец стал на молитву и всю ночь молился за своих братьев, достигших свободы духа.

IV

Люди приходят в мир не по желанию своему и душа их несет в себе ту меру сил, какая досталась им от прошлой их жизни. И участь каждого по делам его.

У одних кожаный покров покрывает душу. Их глаза устремлены в землю, — кожа, мясо, кости, кишки — и обычай их жизни звериный. И таких больше полмира.

Другие — они еще не узрели неба, им оно грезится в снах — окликанные. И душа их, странница, нежна, как цвет.

И третьи — сыны духа. Им отверсто небо.

Рожденные в кожаной одежде не могут стать чающими.

И чающим никогда въявь не откроется небо.

Но трудами и жертвою каждый может дойти до своей грани: и восплакавшие звери восстанут к новой жизни чающими, и чающие — сынами духа.

Сыны же духа раскрыляются в меру своего подвига.

Старец Амун родился, как и все родятся, от матери.

— не оскорбляйте жен,
берегите нашу землю-мать! —

И избранный среди позванных еще в юности услышал он в своем сердце голос.

Он рос и учился, как его сверстники, и родители его гадали о его будущем, желая ему чести, славы и покоя.

А голос, звучавший в сердце, не сулил ему никакого покоя: все, к чему стремится душа в зверином обычае живущих — богатство, власть, слава, все это отвращало его душу.

И затосковал он по какой-то другой жизни, не этой с богатством, властью и славой. И решил по голосу сердца. Оставил он дом, пошел искать свою родину.

И так скитаясь по свету и терпя большую нужду и скорби, он пришел в пустыню, и привела его тропа к пещере египетского подвижника-духоносца

— не гоните странных,
берегите больших братьев своих! —

В пустыне он и остался.

Он прошел долгий искус под началом своего учителя и, укрепив дух свой, взошел на дикую гору и поселился один в пещере, чтобы испытать искушение от демонов.

И живя в борьбе с демонами, он покорил их.

И дана ему была власть, как над низшими, так и над начальными, ибо был он высок в вере и смиренен сердцем.

V

В Намосе жизнь замирала.

Война все расстроила: и хозяйство и самый строй жизни. Не хватало работников — война требовала живой силы и вот людей искусных отрывали от их прямого полезного дела и угоняли на охоту за человеком — не стало кому и пахать, не было и лучников, и шакалы, не стесняясь, подступали к самому городу.

Там на полях, обагряемых кровью, умирали от ран и заразы, а тут за стеною — и жрать нечего и одеться не во что — голодная, холодная смерть.

В Петровки подошли кочевники к городской стене и примкнули шатры свои к лачугам пригорода, и некому было отогнать их. А на Ильин день пришли посланные от короля Аспида и забрали дедов и отроков, способных наляцать лук, а за одно прихватили и здоровых кочевников.

Вой и проклятия диких разрывали душу.

И в городе остались теперь лишь немощные да слабые.

Все, что можно, все повыбрали, и двух последних попов увели с собой посланные короля.

Остался Евагрий, старик разбитый ногами, давно живший на покое, к нему и приступили скорбные.

— Погодите, то ли еще будет, — сказал Евагрий, — придут нечестивые воины Антиоха и истребят всякую тварь и настанет конец.

И был глухой плач, как собачий вой.

А из плача, как из колодца, вопль:

— Спросите старца Амуна, долго ли нам терпеть такую муку?

Но Евагрий отвечал:

— Старец пребывает в святости во все дни, не будет он разбирать проклятые наши дела.

Известия одно другого страшнее приходили с войны.

Говорили, что королевское войско погибло у песчаной скалы, а другие, будто в болоте. Говорили также, что сами в плен сдались, а кто уперся, все равно не сдобровать, все погибнут.

А тут увидели ополчение диких стрелков: шли они по улицам с дубинами и луками, шли на помощь королевскому войску. Они никого не обидели, только попросили горсть фиников на обед. Но внезапность появления их и дикий облик ужаснули.

— Спросите у старца! — просили те, кто уж больше не мог подняться.

По ночам среди бледных Спасовых туманов какие-то птицы шарахали о землю крылом. И вдруг подымались вихри и сносили верхи башен и кресты церквей. Являлись два месяца. Показались три солнца.

— Спросите у старца! — просили обреченные в свои последние минуты.

И вот вереницей по крестным камням поползли на коленях жены и доживающие останные дни старики, и лица их были — темь и зелень, а глаза, как отцветший цвет.

— О мире! О мире! — шептали они, как тени.

И шепот их сливался в скреб.

— Не могу я молить о мире, — сказал старец, — ибо взявший меч, мечом и погибнет.

— О мире! О мире! ради малюток, не обагрявших кровью рук.

— О мире! О мире! ради полей, обагряемых кровью.

И шепот сливался в скреб.

— Нет, — сказал старец, — но и до седьмого колена отмщается грех.

VI

Когда удалились скорбные, раздумался старец: дети, не обагрившие рук и поля, обагряемые кровью, стали у него в глазах.

Живые, измученные — голодные дети со своим плачем ужасным и словами не нашими, поля, где погибали затоптанные цветы, — вошли в его душу.

И скреб от стона и плача стоял в ушах.

И он не мог победить жалости и отвлечь ум свой, чтобы с чистым сердцем приступить с молитвою к Богу.

И вдруг в теми пещерной явился светильник и ярким светом озарил пещеру. И старец увидел себя, провел по щеке, мокрой от слез, и тоска залила его душу.

Он сидел, согнувшийся над начатой плетушкой. И какой ненужной показалась ему вся его работа.

Ненужные валялись на земле прутья.

И уныние впилось в его душу.

И ум выговорил всеми словами ясно о ненужности труда его жизни.

Он сидел, опустившись весь, немощный. И веки, истомленные слезами и светом, тяжелели.

И на минуту он забылся.

И вдруг как от сильного толчка весь вздрогнул. Открыл глаза. И осенил себя крестом.

И тогда светильник тотчас исчез.

И понял старец, что это дьявол.

И, положив клятву, твердо вышел из пещеры.

*

Звездная ночь была — звезды большие крылили.

— Господи, прости мир! — шептал старец.

И, ступив на острие камня, начал он молитву, прося за мир слепой и страждущий, за поля, обагряемые кровью, за детей, не обагривших рук, за цветы полевые, за землю, за зверей, за камни.

— Господи, прости мир!

И сердце его наливалось любовью, как полунощные звезды светом.

Звезды большие, разгораясь, крылили, вознося в небеса молитву.

— Господи, прости мир!

И вот на заре солнца донесся до вершины звон.

Звонил Евагрий.

И понял старец, что исполнились сроки — чудом показал Бог свою милость — и мир прощен.

И увидел старец над морем: лик Его был, как луч, одежда, как снег, по белому звезды, алая чаша на груди, в руке опущенный меч, закалающий зверя, а из крови зверя злак, а вокруг, как змей, водные волны.

И исполненный духа, воскликнул старец:

— Слава Тебе, показавшему нам свет!

И шелестом трав донесся голос его в долину.

И те, кто бодрствовал, посмотрели на небо — небо было ясно.

И те, кто спал, пробудились от сна, и свет наполнил их душу.

Чего-то ждали, надеялись.

Говорили о чуде: старик Евагрий, столько лет проживший недвижим с разбитыми ногами, теперь поднялся и ходил, как безумный, возвещая о мире.

И верили и боялись верить.

А сердце играло.

Дух занимался.

Собирались на площадях, взбирались на холмы и смотрели туда — —

И глаза оживали, цветились, как политые цветы.

*

В полдень, подымая пыль по дороге, показались вестники короля: они несли желанную весть.

И заглохший Намос огласился песней.

По зову Евагрия все, кто только мог, пошли на скалу к пещере.

И крестный путь не был им труден: не резали камни, не колола колючка.

Легко подымались на гору, славословя подателя света и мира.

Пещера была раскрыта.

А у дверей пещеры на острие камня стоял, как поддерживаемый крыльями, старец Амун.

И кровь ручейками бежала из его ног, уходя в трудную землю —

Слава в вышних Богу
и на земле мир.

1917 г. IV.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для Царьградских сказаний пользовался я следующими трудами: «Сказание о создании церкви св. Софии». С предисловием К. Герца и Ф. Буслаева, Летописи Рус. Лит. и Древн. М. 1859 г., кн. 3; «Сказание о Софийском храме Цареграда в XII по двум спискам», Свед. и замет. о малоизвест. и неизв. пам. И. И. Срезневского. Сбор. От. Рус. яз. и Словес. Имп. Акад. Наук, СПб. 1874 г., т. XII, № 1, гл. LX; Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями Павла Савваитова. Изд. Археограф. Комисс., СПб, 1872; Путешествие русских людей: Стефана Новгородца, Диакона Игнатия, Дьяка Александра — в Царьград, Иеродиакона Зосимы — в Иерусалим. Сказание рус. народа, собр. И. Сахаровым, СПб. 1849 г., т. II, кн. 8; Ф. И. Успенский. История Византийской империи. Изд. Брокгауза и Ефрона, СПб. 1914 г., т. I; Н. В. Покровский. Памятники иконографии и искусства, СПб. 1900 г.; Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери. Изд. Высочайш. учрежден. комит. попечительства о рус. иконописи, СПб. 1911 г. и его же Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. Изд. Имп. Акад. Наук, СПб. 1904; Великие Минеи четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Памят. славяно-рус. письмен. Изд. Имп. Археограф. Комис. М., 1910 г., тет. I. Апрель; Иеромон. Алексий (Кузнецов). Юродство и столпничество. Изд. Типограф. В. Д. Смирнова, СПб. 1913; Повести о царе Соломоне. Летописи Рус. Лит. и Древн. М. 1862 г., т. IV; История о разорении последнего святого града Иерусалима и о взятии Константинополя столичного града греческой монархии из разных авторов собранные. Против 1-го тиснения четвертым тиснением напечатана. В Санктпетербурге 1765 года.

Стр. 99—100. — Великий терем — купол; воздушные уболы — воздушные улицы, галереи; трапеза — престол; полаты, полати — верхние галереи; бобиевые — фиалковые; трояндофиловый цвет — цвет розы; градарь — садовник; пославил — нарек и объявил; чадь — сотрудники, помощники; витание — пристанище; алойный — алой — смолистое дерево для курения на жертвенниках.

Стр. 105. — Калуфони — красногласно.

Стр. 108. — Прономии — проливы.

Стр. 113. — Ослопы — палка. Ослопная свеча — длинная, высокая.

Стр. 120—122. — Прокопий, Христа ради юродивый Устюжский † 1303 г. Из Старграда «от немец» пришел. Новгород к Софии Премудрости, а из Новгорода в Гледень (в Великий Устюг). В 1290 г. отвратил от города каменную тучу, молясь перед образом Божией Матери — Благовещением. Этот образ царь Иван в 1567 г. взял из Устюга на Москву в Московский Большой Успенский собор, где и теперь он находится: как войдешь в главные двери, смотри от царских врат направо — первый будет Спаситель Цареградский (взят на Москву Иоанном III в 1476 г. от Софии Новогородской), за Спасителем — Успение, св. Петр митрополит писал, а за Успением — Благовещение Устюжское. Вот это и есть та самая икона.

Стр. 166—172. — «Царица Майдона», «Три брата», «Последний царь» — тексты по рукописи библиотеки Оссолинских во Львове, напеч. в ст. В. Макушина, Журн. Мин. Народ. Просвещ. СПб. 1881, кн. IX.

Стр. 130—158. — «Аполлон Тирский» — Летописи Рус. лит. и древн., изд. Н. Тихонравовым, т. I. М. 1859 г.

Стр. 122—129. — «Авраам» — Памятники Рус. Лит., изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб. 1863 г., Н. С. Тихонравов, Апокрифические сказания. Сборник Отдел. Рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наук, т. LVIII, № 4. СПб. 1894 г. Рукописный сборник Торжественник «Громовник призренского протопопа» XIV в. на пергамине из собрания М. И. Терещенко.

Стр. 158—162. — «Царь Аггей» — А. Н. Афанасьев. Народн. рус. легенды, № 24, «Соврем. проблемы». М. 1914.

	Год напис.	Год напеч.		
Авраам	1916	1918	Ежемес. журн.	1
Аполлон Тирский	1917	1917	Аргус	5
Город обреченный	1915	1916	Кн. о Рерихе	-
Дар рыси	1917	1916	Во имя свободы	-
Дела человеческие	1915	1916	Кн. о Рерихе	-
Имя и страж	1915	1916	Лукоморье	15-16
Лей иконописец	1915	1915	Лукоморье	32
Литеры пропрочественные	1915	1916	Лукоморье	15-16
Мария Египетская	1915	1916	Лукоморье	8
Милый братец	1914	1915	Отечество	1
На земле мир	1917	1917	Знамя труда	105
		1918	Скифы	2
Огневица	1917	1917	Дело народа	187, 241
Отрок Финогенов	1915	1916	Лукоморье	4
Последний царь	1914	1914	Бирж. ведом.	14498
Святейш. Вел. Бож. церк.	1915	1916	Лукоморье	15-16
Слово о погибели рус. земли	1917	1917	Воля нар. (Рос. в слове)	1
		1918	Скифы	2
Три брата	1914	1914	Бирж. ведом.	14498
Царица Майдона	1914	1914	Бирж. ведом.	14498
Царство ангелов	1915	1916	Кн. о Рерихе	-
Царь Аггей	1917	1917	Наш век	26
Царь Соломон	1916	1916	Речь	355

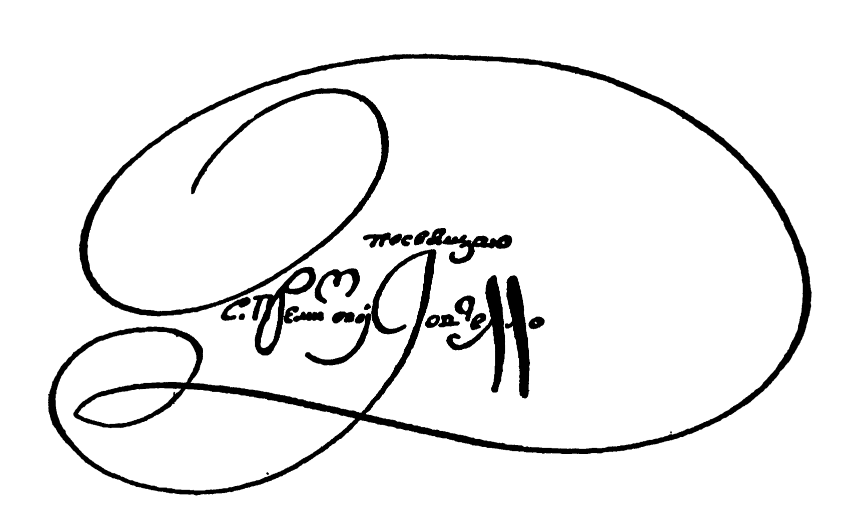
л. 4. Расск., вошедшие в книгу «Трава-мурава» (1914—1918) напечатаны были в газетах, журналах и в сборнике.

I. Газеты: «Биржевые Ведомости», Прг.; «Во имя свободы», Прг.; «Воля народа», Прг.; «Дело народа», Прг.; «Знамя труда», Пб.; «Наш век», Прг.; «Речь», Прг.

II. Журналы: «Аргус», Прг.; «Ежемесячный журнал», Прг.; «Лукоморье», Прг.; «Отечество», Прг.; «Скифы», Прг.

III. Книга о Рерихе. Сборник статей, изд. «Свободное Искусство», Прг., 1916.

Николины притчи



— А що буде, як Бог помре?
А Микола Святый на що?

У всякой бабы свой сказ про Николу.

НИКОЛА УГОДНИК

I

Чудна некая вещь, явился Николе верхом на коне с серпами в руках ангел Господен.

— Время жатвы пришло, пробудись, стань и иди на свою землю.

В страхе проснулся Никола, поклонился гробу Господню, где неустанно молился за род христианский, и, по морю ходящий яко по суху, отошел на Русскую землю.

Не узнал Никола свою Русскую землю. Вырублена, выжжена, развоевана, стоит она пуста-пустехонька, и лишь ветры веют по глухим степям, и не найти на ней правды.

Уязвился сердцем Святитель, поднял посох и, скорый на помощь, пошел по Руси из города в город, из деревни в деревню, с Волги-реки на Москва-реку, с Днепра на Поморье, заушал нечестивцев-ариев — беззаконных правителей, забывших слово Божие, карал лежебок-тунеядцев и расточителей, не радеющих о своей родине, освобождал невинно-заключенных в темнице, останавливал меч, занесенный над головою напрасно осужденных на казнь, воскресил двух разрубленных отроков, одарил нищих-детей погремушками, обошел полевые межи, вывел к солнцу буйное жито, поправил яровые зеленые всходы, покрыл травой обогретую землю. И, где вымокло, там подсушил, и где высохло, там дождем полил. Надоело коням стоять во дворе — выгнал в поле, в ночное, — городи городьбу!

А осень настала, загнал Угодник с поля коней и пошел под дождем по трудным дорогам: там телега увязнет, там лошадь не вытащишь: на все надо помощь.

Без него, как без рук, — не поднять мужику полевые работы. Все, что сиро и слепо, одному ему видно. Попро-

си, — выручит, все скажет Спасу, самого Илью умилостивит: не поляжет от града рожь наземь — живи, не тужи!

В лапотках, седенький, с посохом и ходил так Угодник Божий по Русской земле с вешнего Николы, всю весну, лето и осень до самой Никольщины.

Отстоял Никола вечерню у Печерской в Киеве, второй звон звонят — пришел к Софии в Новгород, третий звон звонят — идет в Питер к Казанской, а к великому славословию в Успенский на Москву поспел.

И, подняв со всех ветров густой большой иней, серебром покрыл он от края до края всю Русскую землю и благословил ее — свою горькую, свою голодную, свою бесшабашную, свою пьяную, чтобы сумела она мудро устроиться, не грешила б ротозейством, самомнением, глупостью, не выставляла б себя на посмешище, не попрекали б ее в лености.

И, трижды благословив ее великим благословением, пошел помаленьку вверх по облакам на небеса к райским вратам справлять Никольщину.

II

Перед вратами рая, под райским деревом, за золотым столом сидели угодники Божии.

Все святые собрались на Никольщину.

Петр-полукорм, Афанасий-ломонос, Тимофей-полузимник, Аксинья-полухлебница, Власий-сшиби-рог-с-зимы, Василий-капельник, Евдокия-плющиха и Герасим-грачевник, Алексей-с-гор-вода, Дарья-загрязни-проруби, Федул-губы-надул, Родион-ледолом, Руфа-земля-рухнет, Антип-водопол, Василий-выверни-оглобли и Егор-скотопас, Степан-ранопашец, Ярема-запрягальщик, Борис и Глеб — барыш-хлеб, Ирина-рассадница, Иов-горошник, Мокий-мокрый и Лукерья-комарница, Сидор-сивирян и Алена-льносейка, Леонтий-огуречник, Федосья-колосяница, Еремей-распрягальник, Петр-поворот, Акулина-гречушница — задери-хвосты, Иван-купал, Аграфена-купальница, Пуд и Трифон — бессонники, Пантелеймон-паликоп, Евдокия-малинуха, Наталья-овсянница, Анна-скирдница и Семен-летопроводец, Никита-репорез, Фекла-заревница, Пятница-Праскева, Кузьма-Демьян с гвоздем и Матрена зимняя, Федор студит, Спиридон-поворот, три отрока, сорок му-

чеников, Иван Поститель, Илья Пророк, Михайло Архангел, да милостивая жена Аллилуева милосердая.

Одного только не было — самого Николы Угодника.

И не раз посылал Илья отроковицу Милостыню, и возвращалась отроковица одна.

В девятом часу явился Никола.

В лапотках, седенький, с своим посохом пришел Никола к райским вратам, — райское платье его поиздергалось, заплатка на заплатке, дырявое.

— Что, Никола, что запоздал так? — спросил Илья, — или и для праздника переправляешь души человеческие с земли в рай?

— Все с своими мучился, — отвечал Никола, присаживаясь к святым за веселый золотой стол, — пропащий народ: вор на воре, разбойник на разбойнике, грабят, жгут, убивают, брат на брата, сын на отца, отец на сына! Да и все хороши, друг дружку поедом едят.

— Я нашлю гром-молнию, попалю, выжгу землю! — воскликнул громовный Илья.

— Я росы им не дам! — поднялся Егорий.

— А я мор пущу, чуму, изомрут, как псы! — крикнул Касьян; известно, Касьян вгорячах Златоусту усы спалил.

— Смерть на них! — стал Михайло Архангел с мечом.

— Велел мне ангел Господен истребить весь русский народ, да простил я им, — отвечал наш Никола Милостивый, — больно уж мучаются.

И, восстав, поднял чашу во славу Бога Христа, создавшего небо и землю, море и реки, и китов, и всех птиц, и человека по образу своему и по подобию.

И вдруг выпала чаша из рук.

Упала чаша на стол, — не разбилась, а, как была, осталась с краями полна.

Притихнули угодники, все святые, весь райский пир.

III

Спит Угодник, закрыты глаза.

Раз окликнул Илья, — не слышит Никола, и в другой окликнул, — не просыпается. Кричит Илья в третий раз — и поднял Никола голову.

Стали тут святые пытать у Николы, стал Угодник святым рассказывать:

— Пустился по Студеному морю с хлебом купеческий корабль, плыли на том корабле триста старцев соловецких, везли старцы воск и мед, спешили на Никольщину в Миры Ликийские. И застигла буря корабль. Ударили волны — вспелешилось море. Шипело. Бурная, над ветром и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы, и, скача на белом хрустальноногом коне, резала море, разрывала когтями корабль. В твердой вере и крепко надеясь, в голос крикнули старцы: Помилуй нас, Боже и святой Никола, где бы Ты ни был, явись к нам! Тогда нашла на меня Божья воля, подняло меня святым Духом, я пошел к ним на море и избавил их из глуби морской. Велеша угомонилась. И спокойно плывут корабли. Вот почему задремал я, и выронил чашу.

— Помилуй нас, Боже и святой Никола, где бы Ты ни был, явись к нам! — воскликнули святые.

Пили святые питие новое райское, ели высокий пирог с кашей, с горохом, с капустою.

И пировал с ними Никола, сильный Богом, всем святым помощник — редкий их гость, нищелюбец, странноприимец, вечный странник, вечный труженик, чудотворец, заступник за Русскую землю.

Помилуй нас, Боже и святой Никола,
где бы Ты ни был, явись к нам!

НИКОЛИН ЗАВЕТ

За Онегой — гремучим морем жил один богатый мужик сильный, да своих не трогал и от народа честь ему шла, Филиппом звали. Была у него семья большая — и всех сыновей на войну погнали воевать, и остался он со старухой, да невестки с ними.

И случилось на Николу, лежит Филипп ночью, раздумывает — и праздник пришел, престол в их селе, а от сыновей ни слуху! — и стало ему смутно, не до сна, и жалко. И слышит — среди ночи звон. Прислушался — или ветер? — нет, звонили в колокол. Встал Филипп и пошел из двора, разбудил стариков.

— Слышали, — говорит, — что?

— Да, — говорят, — в колокол ударили.

Пошли в церковь. А ночь была крепкая, да такая светлая — звезды, как птицы, плыли из конца в конец, белые над белой землей. Подошли к колокольне, смотрят — на колокольне нет никого, а звонит... раз пять ударило в колокол.

Вызвался Филипп, дай самому разведать. Поднялся на колокольню и видит — стоит под колоколом старик, так нищий старик, ни руками, ни ногами не двигнет, а колокол звонит.

— Ты кто? — спрашивает нищий старик.

— Я Филипп с Николиной тропы, а ты кто?

А старик только смотрит, да добро так, милостиво: «Филиппушко, мол, аль не признаешь?»

У Филиппа дух захватило, сложил Филипп руки крестом.

— Прости, — говорит, — ты меня, Никола Угодник Божий... и зачем ты звонишь ночью?

— А звоню я, — говорит Угодник, да стал такой грозный, — я звоню, потому что крещеные грешат, часа не помнят, землю свою забывают. За землю всякому пострадать надо. А им бы только чаю, кофею попить. Ступай и скажи, пусть все знают, а не то я на них наказание пошлю.

— Не поверят, коли словами скажу, — сказал Филипп, он стоял перед Угодником, руки крестом сложены.

— Поверят! — сказал Угодник Божий и благословил милостивый Никола идти Филиппу к народу по земле родимой, — за землю всякому пострадать надо.

Филипп хотел протянуть руку, а рук не разжать.

Крестом сложены руки, — так сошел с колокольни и рассказал, что видел и слышал и что с ним стало: крестом сложены руки.

А наутро по обедне Филипп простился с домом, со старухой. Всем миром проводили Филиппа. И пошел он из родного погоста мимо изб осиротелых по дальним широким страдным дорогам, укрепляя народную думу, силу и веру — пострадать за родимую землю.

НИКОЛИН ДАР

Жил один бедняк, Иваном звали, не велико у него было хозяйство, земли немного, и жизнь нелегкая, один, как перст, без семьи остался, да не возроптал, принял Божье, и все, бывало, песни поет, такой уж.

Раз пашет Иван поле, пшеницу сеет. Рассеял, пашет, за собой борону возит, сам песни поет, и уперся концом в дорогу. А по дороге два путника: седенький один с посохом, другой не стар, не млад, грозный.

Илья говорит Николе:

— Что это, Никола, человек-то больно веселый, поет?

— Да, видно, кони у него, слава Богу, ходят, нужды не знает, вот и поет.

Поровнялись путники.

— Бог помощь тебе, Иванушка! — сказал Никола.

— Добро пожаловать, старички любезные! — снял Иван шапку.

А Илья и говорит:

— Что больно весел?

— Что мне не веселиться! Лошадки ходят ничего, а мне больше ничего и не надо, только бы батюшка Никола Угодник пшенички зародил.

Пошли странники своей дорогой. Шли, святые, по полям, по раздолью весеннему.

Говорит Илья Николе:

— Что этот сказал? Разве пшеницу ты родишь? Ведь, не ты? Эту я премудрость творю.

— Как его судить, — заступился Никола, — человек простой, где ему знать про такое!

— Ну, ладно ж, я ему урожу пшеницу, по колена будет, и градом прибью!

И уродил грозный Илья великий такую пшеницу: посмотришь, душа не нарадуется.

«Вот урожай! Вот Бог счастье послал, Никола Угодник помиловал, хлеба-то будет, девать некуда».

Вечером вышел Иван, стал за околицей, песни поет. И видит: по вечернему полю идет старичок седенький с посохом.

— Добро жаловать, дедушка.

Жаль Николе беднягу: все, ведь, прахом пойдет.

— Слушай, Иванушка, — ты пшеницу продай!

— Как же так, — оторопел Иван, — такую хорошую! Да и что за такую просить?

— Проси, сколько хочешь, все дадут. Смотри же, продай! — и пошел.

Иван послушал и продал пшеницу: сладил ее богатый сосед за сто рублей.

И не кончился день, как возмыло тучу большую, как ударит, с громом прошла гроза, градом побило пшеницу — как ножом, весь хлеб срезало.

По разоренному полю идет Никола, а навстречу Илья.

— Посмотри, что я сказал, то и сделал, вот оно, поле Иваново!

— Нет, не Иваново, — сказал Никола, — пшеницу он продал, это поле Гундяево. Правого ты разорил, то-то, чай, плачет.

— Ну, так поправлю я ниву, — поправил Илья, — он от этой громобойной пшеницы двадцать сот нажнет с десятины.

К ночи приходит Никола под окно к Ивану: жалко ему беднягу, не к рукам добро достанется.

А Иван Угоднику молится, что того старичка надоумил такой совет подать. И как увидел, обрадовался, просит на ночлег остаться.

Нет, Николе не время, — путь ему дальний.

— Купи назад пшеницу-то.

— Да, ведь, она, дедушка, больно побита.

— Ничего, купи. Скажи, что на корм скосить годится. В убытке не будешь.

Поблагодарил Иван старичка и чуть свет к соседу откупать назад пшеницу. А тот, несчастный, рад-радехонек, — бери хоть даром! — да за полцены и отдал. Отдал и прогадал, несчастный.

Откуда что взялось, пшеница пошла и пошла, и такой уродился хлеб высокий, да частый, а колос полный, так и гнется, так к земле и гнется — золотая нива, благодать!

И в страду много Иван нажал снопов и выжал всю, двадцать сот нажал.

В поле встретил Никола Илью: грозный, весело смотрит.

— Вот у кого я градом убил, тому и уродил, он ее и выжал совсем.

— Да, тот, кто посеял, тот и пожал! Ведь пшеницу-то Иван назад купил.

— Как так купил...

— Так и купил! — и рассказал Илье Никола, как

богатый сосед Гундяев в несчастье за полцены Ивану громобойное поле отдал.

— Так я ж ему умолоту не дам!

И пошел — гроза! — как гроза.

Не оставил Никола беднягу, в ночи пришел под окно. Куда сон, — не знает Иван, как отблагодарить гостя.

— Молотить будешь, — учил старичок, — сади на овин, да не помногу, по пяти снопов: в углы по снопу поставь, пятым окошко заткни.

Как сказано, так и сделано. Долго Иван молотил и все обмолотил: со снопа по пудовке сошло.

Со снопа по пудовке! — Да такого умолоту сроду не бывало.

По закромам, по клетям, по набитым амбарам дознался Илья и не дай Бог! — еще слава Богу, что Никольщина близко.

— Ладно, повезет на мельницу, я ему примолу не дам!

И не дал. Повез Иван на мельницу три пудовки молоть, смолол, а осталось две. Куда третья? А не знает, что Илья взял.

Раздумывал бедняга и придумать ничего не мог.

В ночи старичок постучал под окном. Обрадовался Иван и все ему рассказал про напасть.

— Вот что, Иванушка, испеки ты из этой муки пшеничной два пирога, да с молитвой посади. И ступай с ними к обедне: один положи себе на голову — то Илье великому, а другой под правую пазуху — то Николе Угоднику.

Вот на Николу, ранним утром, когда еще звезды не все погаснули, вышел Иван по морозцу в церковь к обедне. По дороге странник ему навстречу — не стар, не млад, грозный.

— Куда пирожки-то несешь?

— На голове — батюшке Илье великому, а под правой пазухой — Николе Угоднику! — сказал Иван.

И как услышал Илья ответ мудрый, умирился и перестал грозить.

И с той поры зажил Иван без опаски, две пудовки весь год брал и не убывало — Николин дар милостивый.

НИКОЛИНА СУМКА

I

Шел солдат с войны домой. Дошел до часовни, вспомнил, — завещана у него была Николе свечка, поставил свечку, и денег у него уж ни копейки.

Идет перелеском, есть захотелось сильно, а жилья близ нету. И так ему горько: изойдет он голодом, не дойти и до дому на свою землю.

И вдруг едет конь вороной, на коне детина, ест пирог с яйцами и говядиной — пирог теплый, только парок идет. Поравнялись.

— Дай пирожка закусить! — просит солдат.

— Давай три копейки, половину отломлю.

— Денег у меня нет, а солдату не грех и так дать.

А тот дернул лошадь и поехал, сам подъедает пирог вкусно.

И пошел солдат ни с чем, где грибок сломает, где корочку сдерет, сочку поскоблит руками. Так и шел и вышел на дорогу, а от сырья все нутро переворачивает.

«Экий бессовестный, не дал мне пирога!» — пенял солдат.

И так ему горько, вот упадет, не дойти и до дому на свою землю.

И видит, из-за кривуля идет старичок. Поравнялись. Поклонился солдат старику и старик солдату. И разошлись.

Доходит солдат до кривуля, лежит сумочка. Поднял сумку:

«Видно, старичок потерял!» — да с сумкой назад.

Сумку потерял! — кричит, — сумку потерял!

А уж старичка не видно нигде.

Ну, не бросать же добро, и взял себе солдат сумку.

Идет солдат дорогою, в нутре сверлит, есть хочется.

«Что-то в сумке, дай посмотрю, не хлеб ли?».

Развязал сумку — хлеба два куска лежат. Вынул хлеб, позаправился.

«Кваску бы испить!».

Пошарил в сумке — бутылка. Вынул бутылку — квас. Вот так сумка! Попил кваску всласть и весело пошел: теперь-то дойдет на свою землю.

II

Доходит солдат до усадьбы. Поставлен новый дом — большое здание, а рамы все переломаны, на крыше вороньё.

«Какое здание, и пустует!» — загляделся солдат и в толк не возьмет.

Постоял и пошел. Навстречу староста.

— Чей это дом, дедушка?

— Нашего барина дом.

— Что же в нем не живут?

— А работали мастера с барином, сам барин старался, и ни весть с чего полон дом насажали чертей, оттого и не живут.

— А что бы их оттуда проводить из дома?

— Возьмешься, барин спасибо скажет.

Попробую. И не такое гоняли!

Староста побежал к барину.

— Берется солдат вывести чертей из дому.

— Слава Богу, коли берется! Возьми его к себе и, что ему нужно, то и дай.

Вернулся староста от барина и повел к себе солдата.

Сели обедать. И до самого вечера все сидели, рассказывал староста о доме да о чертях домашних.

Надо солдату идти в дом чертей выгонять. А староста и проводить отказывается.

— У нас, — говорит, — о эту пору не то, что к дому, а и около никто не ходит. Игнашка, внучонок, взялся воронье спугнуть: подставил лестницу, а они его оттуда как шуркнут, что душа вон. Игнашка и до сей поры у чертей там.

Ну, что поделаешь! Наказал солдат старосте, чтобы как можно горячее кузнецы грели горна, а сам взял солому, ключи и для случая топор, зажег фонарик и пошел один.

И в доме там отпер дверь и поднялся по лестнице.

III

Ходит солдат по комнатам и все поахивает.

— Проклятая сила, какое здание завладела!

Вошел в самую заднюю комнату, затворил за собою плотно двери, разостлал солому, окрестился, сумочку под голову, лег и задремал.

И слышит, по дому пошел шум, стон.

Вот какой-то подбежал к дверям, кричит:

«Ребята,— кричит, — это кто-то есть».

И набежало много, скребутся.

«Ой, — запищал один, — солдатишко!»

«Не солдатишко, а солдат, Иван Силантьевич Тарасов, — прикрикнул солдат, — воевал за Россию, слышите, черти! Убирайтесь вон, пока целы!»

Отвалились от двери и в доме все затихло.

И снится солдату, как бы держит он бутылку и наливает стакан вина и только сказать «Господи благослови» и пить, хвать, а вместо стакана топор у него в руках. И идет, в котором полку он служил, генерал и с ним мать и отец его, старики.

«Ты, Тарасов, что ж это сбежал?»

Мать и отец просят:

«Ступай, Ванюшка, послужи!»

«Нет, ему не жаль вас, — говорит генерал, — эй, вздуйте их хорошенько!»

И откуда ни взялись три кривых бесенка и ну ломать и рвать стариков.

Заплакали старые и опять просят:

«Вернись!»

«Да у меня руки нет и грудь прострелена!» — отвечает солдат и глазам не верит: рука на месте и дышать легко.

А те рассмеялись и побежали прочь.

Солдат раскрыл глаза: своды у дома раздвинулись и, как паук, спускается на него тот самый детина, что пирога ему не дал, спускается пауком, путает и уж дышать стало трудно. И пало в уме солдату, сгреб он сумку, да паука и толкнул.

Паук обернулся кошкой. Он ее за хвост, да в сумку. И с сумкой бежать.

Прибежал солдат в кузницу, положил сумку на наковальню. А в горне до того горит, что страсть. Да как лопну́л, кувалда вылетела. Схватил другую.

— Аминь, — говорит, и давай шлеять: что кокнет, то аминь.

Исколотил всего черта, вышел из кузницы, вытряхнул из сумки пепелок один только.

— Ну, теперь можешь идти, кузнец, спать и я пойду.

И вернулся в дом в самую заднюю комнату и на те же три обмолотка лег и спал до утра, ничего не слышал.

Наутро пришел солдат к старосте.

— Ступай-ка, дедушка, смотри-ка, в доме все изломано.

— Мы это знаем уж.

— Скажи барину, что чертей я выгнал.

Обрадовался барин и сейчас же с солдатом в дом, прошли по всем комнатам, нашли костье Игнашкино, а чертей и в помине нет — все ушли.

На радостях не хочет барин отпускать солдата.

— Сколько хочешь, бери, оставайся!

А солдату домой хочется, к старикам, на родную землю.

Дал ему барин денег, запряг тройку, и поехал солдат домой на тройке. И там живет хорошо, слава Богу.

НИКОЛИН ОГОНЬ

Ходил по Божьему свету Никола Угодник. Много прошел, весь свет исходил и осталось всего ничего — три деревни. Зашел он в первую деревушку. Окружило ребятье.

— Тальянец,—кричат,—пришел, на шарманке заиграет.

Выскочили мужики и бабы, обступили.

— Эй, старичок, где у тебя машина: камаринского нам бы сыграл, а мы б поплясали! — ржут, что жеребцы стоялые.

Обидно стало Угоднику, и пошел он в другую деревню. А там не слаще: никуда его не пускают. А уж на дворе вечер.

В одной избе боятся, — чертей напустит, в другой — стянет, в третьей — цыган переодетый, а в четвертой — мужик за колья принялся.

Идет Никола в третью деревню.

Идет по деревне, а на него пальцем.

А в одном доме совсем было пустили.

— Крест-то на тебе есть?

— Есть.

— А ну-ка, перекрестись.

Перекрестился.

— А прочитай «Да воскреснет Бог».

Прочитал.

— А прочитай «Верую».

Прочитал «Верую».

— А «изжени от меня всякого лукавого» знаешь?

Старичок-то и запамятовал.

— Нет, — говорит хозяин, — вон уходи: «Верую» не речисто читал и «изжени» совсем не знаешь. И не проси. Молитвы не твердо знаешь, я таких не люблю.

А на дворе уж ночь — глаз выколешь. Ветер воет.

Забрел Угодник в последнюю избу. Бобыль один жил. Покормил старичка бобыль, принес соломки и шубу дал. И легли спать.

Ранним-ранешенько поднялся бобыль рожь молотить. Встал и Никола, помогать пошел бобылю за хлеб, за соль. Махали, махали цепом, уморились.

— Вот что, добрый человек, делай-ка ты по-моему! — взял Никола спичку и поджег скирды.

Запылали скирды, горят — белый огонь, — а не сгорают: соломинка к соломинке ложится, зернышко к зернышку.

И через какой час все скирды сами обмолотились, — зерно чистое, крупное и веять не надо.

Распростился с бобылем Угодник и отправился в свою путь-дорожку.

А на завтра рассказал бобыль соседям о своем госте — о старичке чудном, как он хлеб молотил.

— Попробуем и мы этак помолотить! — решили мужики.

И подожгли скирды.

Запылали скирды, а от них избы.

И от всей деревни остались одни столбы.

НИКОЛИН УМОЛОТ

Гнев Ильин или так тому от Бога быть положено для опамятования людям и разуму, большая была засуха и сгорела рожь и овсы.

Кто побогаче, возили воду и поливали, и у тех на ниве еще кое-что уцелело, а у бедняков ничего — чисто поле.

Сидят мужики на кулишках, о своей беде гуторят.

А шел с поля старичок-странник. Приостановился.

— Что это вы, добрые люди, пригорюнились?

— А видел, чай, на полях-то что деется! Неоткуда нам и помощи ждать.

Посмотрел старичок, головой покивал: пожалел видно.

— А давайте, детушки, мне ржи горстку! — сказал старик.

А те и не знают, зачем ему рожь? Уж не подшутить ли задумал над ними старик: народ-то нынче всякий — и над чужой бедой посмеяться радость себе найдет.

А другие говорят:

— Принесите ржи, может, наговор какой сделает.

И согласились. Кликнули ребят. Полное лукошко принесли.

Взял себе старичок ржи горстку.

— Проведите, — говорит, — меня ко всякому дому, мне посмотреть надобно.

Пошли, повели старика.

И ни одну избу не обошел старик и везде на загнетках у запечья по зерну клал. А к ночи ушел. Хватились покормить старика, а его уж нет нигде.

Так и легли спать.

Так и прошла ночь.

А когда наутро проснулись и проснулась с ними горькая дума, — что за чудеса! — глазам не верят: рожь во все устья вызрела и в каждом доме, где положил старик зернышко, колос из трубы выглядывает и на божницах лампадки горят перед Николою, а на поле посмотришь, залюбуешься, — колос к колосу.

Бог помиловал, уродил хлеб. И умолот был, не запомнят: по полтысячи мер всякий набил. Поминали странника старичка, Николу Милостивого.

НИКОЛИНА ПОРУКА

I

На яром яру высоко жил-был богач Антип. Скупой и расчетливый, сколачивал Антип деньгу и даром, хоть помирай, не даст, под работу не даст.

А был бедняк Сергей, и до того дошел голодом, хоть помирай. Вот думал он, думал, как из беды выкарабкаться, и говорит жене:

— Я, Марья, пойду к Антипу.

— Глупый, да ведь он же так никому не дает.

— Даст. Я придумал.

И пошел.

Пошел Сергей к богачу просить денег.

— Антип, батюшка! Не дай помереть с голоду.

— Нет, брат, я денег никому не даю, никогда.

— А ежели я тебе приведу поруку?

— А кто такой?

— Никола. Есть у меня, на божнице стоит образ, Никола. Он за меня и будет порукой.

Антип погладил бороду, прямо-то отказать не смеет: набожный был человек Антип, в божественном твердый.

— Ты ужотко приходи вечерком, я подумаю.

— Хорошо, приду, — согласился Сергей.

И пошел.

Пошел Сергей домой: будут у них ужотко деньги, поправятся, не помрут с голоду.

— Антип-то мне поддался: велел прийти вечером! — думал Сергей жену обрадовать.

— Что же ты сказал ему?

— А поручился Николой.

— Ой, что ты наделал!

— Глупая, кому, кому, а ему все видно: Никола не выдаст.

Вечер настал. Снял Сергей образ с божницы.

— Марья, оденься потеплее, да иди за мной, стань там у избы под окном, и слушай, и когда услышишь: «Батюшка, Никола Чудотворец, скажу, поручись за меня!», ты там и отвечай толстым голосом, погромче, «поручаюсь», мол.

Закуталась Марья в теплый платок, а сама дрожмя дрожит.

— Да ты не бойся! Кому, кому, а ему все видно: Никола не выдаст.

И пошли.

Пошел Сергей с образом, с Николою, за ним Марья.

II

Темно было на улице. Мело, крутила метель.

Осталась Марья стоять на улице, Сергей с образом к Антипу в дом вошел.

— До вашей милости.

— Ну, а поруку привел?

Сергей поставил образ на божницу. Тут хозяйка Антипова вошла в горницу. Помолился Сергей.

— Батюшка Никола Чудотворец, поручись за меня!

Поднялся и Антип на ноги, глядит на икону: поручится ль Угодник?

— Поручаюсь! — услышали голос, тихим голосом сказал там кто-то, а внятно, все его услышали: и Сергей, и Антип, и Антипова хозяйка.

Оробел Антип.

— Жена, слышала?

— Слышу.

— А много ль тебе, Сергей, надо?

— Много, — оробел и Сергей: что-то не узнал он Марьина голоса, — много: сотню!

— Дай ему две, — сказала хозяйка Антипова.

Антип отпер сундук и вынул две сотенных.

— Сроку время на сколько?

— До нового года, — сказал Сергей.

И с деньгами вышел на улицу.

Темно было на улице. Мело, крутила метель.

— Пойдем домой, Маша! — тихим голосом сказал Сергей жене.

А Марья дрожмя дрожит.

На другой же день накупили они всего себе — с деньгами все можно достать — и сахару, и муки, и круп всяких, и дров купили, — то-то огонек в печи заиграет весело! — и стали жить, да поживать.

III

Прошло Рождество, подходит Новый год, надо долг платить, а платить нечем. Рассчитывал Сергей, вот поправится, заработает, — кое-что и выручил, да такую уйму где же достать: целых две сотни!

И настал Новый год, не несет Сергей долгу.

Подождал Антип день, и еще день, досадно ему: как, ведь, поверил и такой обман вышел!

На третий день Антип взял образ Николы и понес на базар. И весь день ходил по базару, и никто не купил образа. И досадовал Антип, пенял Николе:

«Как же так, лично говорил, ручался за бродягу, и такой обман!».

И уж не надо ему никаких денег, только бы сердце успокоить: как, ведь, поверил и такой обман вышел!

Поздним вечером идет Антип назад домой, несет икону, себя не помнит, а навстречу ему старичок.

— Ты куда, сынок?

— Продаю образ, — сказал Антип, как говорил весь день.

— А сколько возьмешь?

— Ничего мне не надо.

Старичок взял икону, вынул две сотенных, подал Антипу.

— Ну, иди с Богом, сынок.

Пробирался Антип по реке к дому, совсем уж темно было, крепко держал в кулаке деньги. Запорошило у берега, — тонкий лед, скользко, — поскользнулся Антип, присел, а подняться не может. И так и сяк, не может. И ну кричать. На крик сбежались, узнали, и понесли его на руках домой.

И с той поры обезножил Антип и никакие деньги не подымут. Так и остался сиднем страдать.

НИКОЛИНО СТРЕМЯ

I

Жил-был бедный мужичонка, Моргуном прозвали. Бился, старался Моргун до кровавого поту, а ни в чем счастья нет.

Городит Моргун огород у дороги, едет Никола Угодник.

— Бог помочь, мужичок!

— Милости просим! Куда едешь, Угодник?

— К Спасу.

— Милостивый Никола, спроси у Спаса, есть ли мне в чем счастье?

— Хорошо, спрошу.

— Да ты позабудешь.

— Не позабуду.

А видел мужичонка: стремена в седле у Николы золотые.

— Милостивый Никола, отвяжи стремено, да оставь мне! Станешь у Спаса на коня садиться, а стремена нет, ты обо мне и вспомнишь.

Послушал Угодник, отвязал стремя, отдал мужичонке, и об одном стремени поехал к Спасу.

И приехал Угодник к Спасу, и пора ему назад возвращаться, и забыл он спросить про счастье-то. А стал на коня садиться, и вспомнил.

— Спас Пречистый, Истинный! Мужичонка Моргун мне наказывал про счастье спросить, несчастный, есть ли ему счастье?

— Есть, есть счастье.

— Какое же ему счастье?

— А ему счастье — воровать и божиться.

II

Городит Моргун огород у дороги, ждет Николу: Никола Угодник скажет про счастье, — отощал совсем мужичонка.

А Никола Угодник и едет, подъехал к мужичонке.

— Спросил, милостивый Никола, у Спаса о счастье?

— Спросил, спросил. Есть тебе счастье.

— Какое же мне счастье?

— А счастье твое — воровать и божиться. Давай же стремено-то?

А Моргун стоит, ровно оглох.

— Давай, говорю, стремено!

— Какое стремено? Я, вот те Христос, знать не знаю. Стремено!

Так об одном стремени и поехал Никола, поехал по земле русской, по бездолью нужду выведывать, скорый помощник и милостивый.

III

Мужичонка вывесил на кол золотое стремя — как солнце, засияло стремя — сам принялся за городьбу.

А ехал по дороге из Питера барин на тройке, — позванивал колокольчик. Издалека увидел он стремя и прямо направил на мужика.

Остановил коней у кола.

— Ты, мужик, украл стремя?

— Ваше благородие, вот те Христос, стремено мое.

— Врешь, я тебя в суд поведу.

А Моргун стоит на своем, клянется, божится:

— Я и в суд пойду, стремено мое.

Снял барин стремя с кола, мужичонке велел садиться к кучеру, и поехали в суд.

Дорогой пригляделся барин к мужику.

— Ой, — говорит, — и рвань же на тебе! Стыдно и на суде с таким ехать. На, вот, мое пальто, надень.

И нарядил мужика, и шляпу и сапоги из чемодана ему вынул, все честь честью, и не узнать.

Барином приехал Моргун в суд. И доказывает на него барин, что не иначе, как украл он золотое стремя.

— Вот те Христос, мое стремено! — стоит на своем мужичонка.

И все верят.

Поглядел Моргун на барина.

— Ты скажешь, что у меня и пальто твое?

— Мое и есть.

— И тройка твоя?

— Да, конечно, моя!

— А вот те Христос, и пальто и тройка мои!

И все верят.

Поверили мужичонке и присудили ему: и золотое стремя, и барскую тройку.

Эво! обогател мужик — нашел свое счастье и позабыл про всякое горе.

НИКОЛИНО ПИСЬМО

I

Был Аника купец богатый;ехал он раз путем-дорогой домой с барышами. Едет он селом, а там на бане надпись надписана:

«Рожаница лежала Авдотья Муравьева, мальчика родила — быть этому мальчику солдатом».

Проехал Аника, ничего не подумал. Въезжает в другое село, опять надпись:

«Рожаница лежала Палагея Архипова, мальчика родила — этому мальчику быть хозяином».

Едет Аника дальше, думает о доле: рядит судьба человеку долю, судьбы конем не объедешь.

В третье село въезжает Аника, и тут баня, и тут надпись:

«Рожаница лежала Наталья Котова, родила мальчика — этому мальчику Аникиным добром и казной владеть».

Анике это не показалось.

— Как так, Котову моим добром и казной владеть! Не согласен.

Все село поднял Аника. Указали ему Котову Наталью: на краю села, муж-то пропал, одна с ребятишками билась, — очень худо жила Наталья.

Аника ей денег дает: отдай ему мальчика. Поплакала Наталья и отдала: все едино, Бог приберет!

С Ванюшкой Котовым поехал Аника домой. Едет лесом. Стоит осиновая дупля. Приостановился, да Ванюшку в дупло и спустил.

— Ну, слава Богу, — перекрестился Аника, — избыл беду!

И ходчее поехал.

А случилось о ту пору, соседский поп поехал в лес за дровами, наехал на осину, видит, из дупла парок идет, колонул, а там Ванюшка плачет. Ну, сейчас же вытащил его из дупла, завернул в тулуп и домой.

— Что, отец, приехал порожнем? — встречает попадья.

— Молчи, мать! Я себе сына нашел.

А они бездетные были, поп с попадьей.

И остался Ванюшка у попа жить. Воспитали его, обучили. Десять лет прошло, и выровнялся мальчишка на славу, дельный.

II

Позабыл богач Аника о Ванюшке, живет, богатеет.

Пуще прежнего валит ему счастье и удача.

Вот она, судьба-то!

Заехал Аника по делам в то село, где поп жил. Знал попа Аника сколько лет, остановился у него ночевать.

— Откуда это, отец, сына взял, ровно бы и не было у вас?

— А вот Бог сына дал: в дупле нашли! — и рассказал поп, как поехал в лес по дрова, наткнулся на дупло.

Аника так и замер.

Вот она, судьба-то!

Да спохватился, прóсит у попа мальчишку. Смутил попа. За полтысячи сторговались. И поутру увез Аника Ванюшку.

Куда его девать? Где схоронить, чтобы уж дочиста — концы в воду?

Едет Аника большой деревней. Большой колодезь. Вылез. И Ванюшка за ним — воды напиться. Ванюшка нагнулся, а Аника сзади как пхнет. И угодил Ванюшка в колодезь.

— Ну, слава Богу, ушел от беды! — перекрестился Аника, да скорее домой.

И надо ж такому быть — пожар. Запылала деревня. Набат. Всполошились крещёные, кто с чем, и прямо к колодцу. И как опустили первую бадью, так и вытянули Ванюшку. Глядь, а огня как и не было, чуть только курится.

— Это, — говорят старики, — для него и пожар появился. Станем-ка мы, крещёные, кормить его миром!

И остался Ванюшка жить в деревне. Из дома в дом — в каждой избе ему дом. Поили, кормили. Двадцать лет прожил Ванюшка — этакий молодец вышел.

III

Тридцать лет Ванюшке. Не признать его и родной матери, не узнал бы и поп с попадьей, а Аника и подавно.

Позабыл Аника, был или не был на свете Ванюшка. Была судьба Ванюшке владеть его добром и казной. Аника судьбу обошел.

Старый стал Аника, а счастья с годами не убывало, — богатый купец Аника.

Едет Аника с товаром на ярмарку в ту самую деревню. Остановился у старосты. Разговор о том, о сем.

А Ванюшка о ту пору у старосты прислуживал.

— Экий молодец-то у тебя! — залюбовался Аника на Ванюшку.

А староста и говорит:

Не простой он у нас, колодезный, из колодца вынули! — и рассказал Анике про пожар.

Вот она, судьба-то!

Ударило больно Анику, он к старосте: отдай да отдай молодца.

Ну, старосте чего, — бери. Дал Аника отступного тысячу, да с Ванюшкой и покатил домой.

Приехал Аника домой, привез Ванюшку, сам со своей старухой раздумался, чего бы такое сделать, отделаться от Ванюшки.

— В монастырь бы его определить! — советует старуха.

А и в самом деле, чего лучше.

И на следующий день повез Аника Ванюшку в монастырь. Знакомые были монахи, уважали Анику. Так в монастыре Ванюшку и оставил: пускай за душу молит.

Полюбился Ванюшка в монастыре, — хороший работник. Два года прожил, на братию трудился.

IV

Два года прошло, сбыл Аника Ванюшку, кажется, теперь чего ему бояться? А сердце непокойно: ест ли, пьет, Ванюшка из памяти не выходит, так и видится ему баня, на бане надпись:

«Рожаница лежала Наталья Котова, родила мальчика — этому мальчику Аникиным добром и казной владеть».

И во сне Ванюшка снится. Ой, как страшно: стоит перед ним, как живой, ничего не скажет, только смотрит неотступно, как судьба безотступна.

«Рядит судьба человеку долю, судьбы конем не объедешь!».

— Вот что, старуха, поеду-ка я в монастырь проведать, не убег ли Ванюшка?

Собрался Аника и поехал, повез монахам угощенье.

— Ну, что, как Иван?

— Жив, живет хорошо, в монахи постригаем.

— Что вы говорите: в монахи? — у Аники от радости дух захватило.

Тут подскочили к Анике, высаживать его пустились из коляски.

— Ах, — говорит Аника, — беда какая: деньги-то я дома забыл. Отпустите Ивана с письмом, пусть он сходит домой, а я у вас погощу.

Ну, монахи, что угодно, известно: для богатого да щедрого на голове пойдешь, — притащили и бумаги и конвертов.

И написал Аника старухе: как будет Иван домой, послала б его в лес, а след за ним Шалапуту, чтобы там его и кончил.

Запечатал письмо, подал Ивану.

— Снеси старухе, передай в руки, никому не показывай!

С письмом Аникиным пошел из монастыря Иван. Идет леском. Задумался. Роботко что-то. Глядь, старичок навстречу.

Ласково посмотрел старичок.

— А, здорово, Аникин приемыш!

— Какой я Аникин приемыш, я — монах.

— А покажи, что несешь?

— Письмо.

— Дай, покажи.

— Да как я покажу? Аника не велел.

— Да дай же, говорю тебе.

Да так строго и праведно смотрит — это Никола был Угодник, печальник о всех гонимых.

Иван письмо ему и подал.

Разорвал старик письмо.

— Вот, не давал, а тут бы тебе смерть была! — сам отошел в сторону, стал у сосны.

Иван уж и смотреть боится.

— На тебе письмо, иди с Богом.

И пошел Иван, понес старухе письмо не Аникино, а Николино.

Пришел в дом Аникин, подал старухе письмо. А в письме будто пишет Аника, чтобы, не дожидаясь света, шла б к попу да просила б попа обвенчать дочку с Иваном до света.

Схватилась старуха, вывела дочку, благословила Ивана с Софьей.

А сама к попу. Поп было уперся: так скоро! Ну, она ему волю Аникину сказала, поп и размякнул.

Известно, для богатого да щедрого все можно, — до света Ивана с Софьей обвенчали.

И живут молодые день и другой и третий, полюбили друг друга, дней не замечают.

А Анике не терпится, хоть бы узнать поскорей, прикончил ли Шалапут Ивана? Прожил Аника в монастыре три дня, отблагодарил монахов — деньги-то при нем были — и домой поехал.

Весел Аника: теперь уж окончательно развязался — лежит Иван где под кустом в лесу, мертвого едят его звери.

Смешно Анике, смеется, — вот она, судьба-то!

— Я — Аника!

Доехал до ворот, да к дверям.

— Я — Аника!

Распахнул дверь, а на пороге Иван с Софьей под руку, а за ними старуха.

У Аники в глазах помутилось: как стоял, так и остался.

Вот она, судьба-то!

Едва отошел, присел на лавку.

— Что ты наделала, старуха!

— Твоя воля, Аника.

— Да я ж его велел в лес завести Шалапуте.

Старуха — письмо: «обвенчать дочку с Иваном до света».

Его рука, сам и писал, сам и подписывал.

Ничего понять не может Аника. Уж не снится ль ему, или он ума решился?

— Я — Аника! — вскочил Аника, да опять на лавку и повалился.

А когда очнулся, призвал Ивана. И рассказал ему Иван о старике чудном.

— Никто, как Никола Угодник.

Не может Аника помириться, нет, сам он спросит Николу, так это или обманывают его? И посылает Ивана: пусть идет, отыщет Николу и попросит для него письмо — хочет Аника видеть Угодника.

V

Помолился Иван Николе.

Ранним утром простился с женою и отправился в путь: пусть Никола будет ему водитель.

Шел Иван путем-дорогой — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, доходит до речки. На речке перевоз: сидит в лодке девица, почернела вся под ветром, сидит, держит весла.

— Перевези меня, красавица! — крикнул Иван.

— А куда пошел, Аникин приемыш?

— А иду я к Николе. Не знаю, найду ли?

— Найдешь, найдешь, Ванюша, перевезу тебя на тот берег, пойдешь берегом, выйдешь в лесок и будет направо избушка, тут и увидишь.

Сел Иван в лодку. Перевезла его девица.

— Послушай, Ванюша, как будешь ты у Николы, спроси, сделай милость, долго ли мне перевозить еще, ой, устала! ни стать мне и рук не разомкну.

Пообещал Иван — он не забудет, спросит Угодника о сроке, — и пошел, как указала девица. И по тропочке дошел до избушки, а там сидит старичок тот самый, что в лесу стрелся.

— Далеко ль ты, Аникин приемыш, пошел?

— Николу Угодника ищу.

— Самый я и есть Никола. Что тебе, Ванюша, нужно?

— Аника послал к тебе: просит письмо от себя, хочет спросить у тебя. Мне не верит.

— Ну, что ж, напишу, да чтобы скорее сам приходил.

И написал Угодник письмо Анике.

Взял Иван письмо, стал прощаться.

— Да вот еще что: перевозила меня девица, почернела под ветром, заказала спросить у тебя, долго ли ей перевозить еще, устала она, ни стать ей и рук не разожмет.

— А скажи ей Ванюша: как придет Аника, и станет она со скамейки и руки отстанут от весел. Да скажи ей, будет перевозить Анику, чтобы сказала: Аника, мол, богатый, погреби сам, я отдохну малость.

Попрощался Иван с Николой, тропочкой вышел к берегу, а там уж девица ждет. Сел Иван в лодку.

— Ну, что, Ванюша, когда мне срок?

Он ей все, — все слова Николины.

— Скоро будешь свободна.

Поблагодарила девица — черна от ветра.

— Спасибо тебе, Ванюша, дай тебе Бог счастья.

VI

Вернулся Иван домой, подает письмо Анике.

Обрадел Аника: сам Никола Угодник письмо ему написал, велит к себе ехать.

— Я — Аника! — кричал Аника, — старуха, пеки пироги, суши сухарьки! Меня сам Никола Угодник приказывает.

Рассказал Иван Анике путь-дорогу до Николы, и пошел Аника, понес мешок с пирогами да с сухарьками. Дошел до речки. На речке перевоз. Он в лодку.

— Аника богатый, погреби сам, я отдохну малость! — сказала девица и тотчас поднялась со скамейки и руки отошли от весел.

Аника сел на ее место. И как сел, точно влип, и руки приросли к веслам.

Доехали до берега. Встала девица, да на берег.

А Аника хочет подняться, и не может.

— Ты куда, девка?

— Я тридцать лет перевозила, устала, теперь ты перевози свой век, мне будет.

И пошла, не оглянулась.

Аника порвался, порвался, нет, не может стать, и рук не оторвешь от весел. И остался свой век тут жить.

А Иван с Софьей зажили богато: все добро, вся казна Аникина перешла Ивану — нареченная доля.

НИКОЛА-НОЧЛЕЖНИК

I

Нищего накормит, напоит, а ночевать не просись, нипочем не пустит, — богатый мужик Егорычев. Всех ко вдове отправлял беднеющей, к Адриановне.

А приходит в вечеру гость незванный — Никола Угодник. Стучит к богачу. Пустили нищего. Поужинал старичок, да на лежанку.

— Нет, брат, погоди, — говорит хозяин, — у нас этак не водится! Иди к Адриановне, там тебе ночлег.

А старичок забрался на лежанку.

— Мне, — говорит, — и тут хорошо.

И заснул.

И, как ни будили, ничего не поделают. Ну, хоть силком стаскивай. Так и отступились.

Поутру поднялся старичок и пошел. И весь день проходил, а к вечеру опять стучится.

Пустили. Поужинал и опять к лежанке.

— Нет, уж! — забранилась старуха, — моду нашел! Сказано: иди к Адриановне, там ночлег.

А старичок и ухом не ведет, забрался на лежанку.

— Мне, — говорит, — и тут хорошо.

Да только и слышали, — спит.

Обозлилась старуха: расквилил ее нищий.

— Уж погоди, явишься ужотка, полетишь за дверь!

Проспал старичок ночь, вышел, день по дворам околачивался, а ввечеру к Егорычеву — гость незванный.

Отказать совестно. Уломал хозяин старуху. Пустили. Только старуха не дура, стала у лежанки: подступись-ка!

Поужинал старичок, да к лежанке, на старуху и наперся.

— Иди к Адриановне, — заорала старуха, — говорю тебе: у нее ночлег.

А старичок изловчился, да через старуху и махнул на лежанку.

— Мне и тут хорошо!

Заснул старичок.

И уж глодала ж старуха хозяина всю-то ночь.

— Нипочем не пущу. И не проси. Или сама сбегу. Попомнишь тогда. Нашел приятеля.

Поутру поднялся старичок.

— Ну, — говорит, — Зиновей Григорьич, я у тебя загостился. Приходи же ты ко мне в гости.

А старуха усмехается.

— Мало, — говорит, — к нищему ходят в гости.

— Ну, что ты, Никифоровна, чем богат, тем и рад. Может, я попотчую и хорошохонько.

Попрощался старичок и пошел.

II

День за днем успокоил старуху. И позабыли б о нищем старичке: мало ли их всяких у Егорычева кормится. И вдруг прибегает конь под окно, на седле письмо. Распечатал хозяин, диву дался.

— От кого это тебе?

— А помнишь, старуха, ночлежник-то нищий старичок, в гости зовет!

— Что ж, поезжай, погости! — усмехнулась старуха, — долго-то больно не загостись! — усмехается.

Конь ждет под окном. Хозяин сел на коня и поехал.

И привез его конь к дому, — большой дом, богатый.

Встречает тот нищий старичок.

— А, — говорит, — Григорьич, пожаловал!

И стал его угощать: от роду такого кушанья не едал Егорычев. А после угощения на отдых: завел старичок в комнату, да на ключ, одного и оставил.

А в комнате ни стула, ни постели, пусто. И такой холодина, всю ночь продрожал несчастный.

— Околею я тут без покаяния!

Показалась ему ночь за год.

Наутро выпустил его старичок и опять в тепло, и опять за угощенье — пей, ешь, чего душенька взнимет, всего довольно. И ничего-то не убывает.

Настала ночь, пора спать.

И завел его старичок в комнату, еще хуже той: темь и холодно, душит — места не найти.

— Пропаду я совсем.

Показалась ему ночь за десять лет.

Едва утра дождался.

Стало светать, явился старичок. Слава Богу, освободил. И опять попал несчастный в тепло. И прямо за стол.

И опять потчевал старичок, лучше еще.

А к ночи спать.

Встал из-за стола, идет за старичком.

«Господи, — думает несчастный, — неужто и опять на муку ведут?»

А старичок в другое место ведет, и оставил его одного в комнате. И до чего хорошо в этой комнате: тепло, манный дух, и постелька-то мягкая, все бы и лежал.

И утро настало, пришел старичок, а уходить неохота.

— Каково спать-то было?

— Больно хорошо, дедушка.

— А по те-то ночи как?

— А больно худо.

— Первая ночка — тебе место, а другая-то ночка — твоей старухе, а эту ночку спал — Адриановне. Отправляйся теперь с Богом домой!

Попрощался Егорычев со старичком, вышел из дому. Конь у окна. Сел на коня и домой. И до самых ворот донес его конь. А как слез, и конь убежал.

III

Вошел Егорычев в дом. А его и живым не окладывали.

Обрадовалась старуха: не три дня, три года пропадал без вести.

— Поди-ка, старуха, наливай самоварчик, да зови Адриановну в гости.

Поставила старуха самовар, побежала к соседке.

Удивилась Адриановна: никогда еще не бывало такого. Принарядилась, пошла к соседям.

Сели чай пить.

— Что это случилось, потчуете меня?

— А вот что, Адриановна, давай домами меняться.

— Куда мне: мой-то домишко худой.

— Да уж говорю, давай меняться: я — в твой дом, а ты здесь живи.

И уговорил Адриановну, — осталась она у Егорычевых в доме богато жить.

А Зиновей Григорьич со старухой в ее келейке поселился.

Ворчит старуха:

— Чего ты наделал, ума ты рехнулся!

— Не понимаешь ты ничего, старуха. Место у нее хорошее, а у нас худое. Нам не измотать нашего добра своими руками, а она расточит, она опять заслужит себе место.

И все про старичка, про те три ночи, — про какие ночи! — рассказал старухе.

И остались покорно жить в нищете и бедности.

НИКОЛА ВЕРНЫЙ

I

Жили-были два брата. Был один брат богатый, другой — голый. У бедного нечего есть, а ребят много. Приходит бедный к богатому.

— Дай мне на пудик, дети голодом сидят.

Тот ему не дал.

Дома хозяйка ждет, ребятишки.

— Ну, что?

— Нет, брат не дал. Ложитесь, детушки, голодом.

Плохо бедному, и не с голода, с тоски нездоров сделался, полежал немного времени и помер.

Приходит жена его к богатому.

— Помер братец твой. Дай мне на похороны рублика полтора! — со слезами просит.

А хозяйка богатого брата услышала.

— Дай, дай, — говорит, — ты беден не будешь, похорони брата.

Тот не дает.

И опять просит со слезами.

— Дай, пожалуйста, вот Никола Угодник свидетель! — на икону показывает.

Тот поверил, дал на похороны.

Везти покойника на кладбище было мимо города. Едет богатый брат, лошаденку подхлестывает: раз хлестнет да Николе Угоднику пеняет:

— Ты, вот, ручаешься за этих людей, а чего я с них возьму?

Сидел в лавке молодой купеческий сын, слышит, и жалко ему, выскочил из лавки.

— Постой, — говорит, — дай проститься с покойником.

Простился, стал расспрашивать у богатого, чего он такой, что думает?

— Да, вот, я дал на похороны, и деньги мои, видно, пропащие, а поручился Никола Угодник за них.

Купеческий сын вынул деньги, рассчитал его.

— Не считай за братом долгу! — и просит отдать ему икону Николы Угодника.

А тому, почему не отдать!

Взял купеческий сын икону и поставил к себе в лавку — Николу Угодника. А как стал вечер, запер лавку и домой.

Дома встречает мать.

— Что, каково сегодня поторговал, дитятко?

— А хорошо, маменька, я поторговал. Я икону купил, маменька.

— А какую ты, дитятко, икону купил?

— Купил я Николу Угодника.

— А где ты купил?

— А везли покойника, выбежал я проститься и купил.

— Дорого ли?

— Да за похороны отдал.

— Ну, дитятко, это добро дело. Слава тебе, Господи, хорошо поторговал.

Легли спать. И видится матери сон.

«Возьмите, вы, — говорит, — приказчика, у тебя сын не в полных летах, он его наставит в торговле. Вы выйдите

на улицу, кто попадет первый человек навстречу, тот и будет приказчиком. Вы будете счастливы!».

Утром мать рассказала сыну. Помолился он Богу и вышел на улицу. И никто не попался ему навстречу. От дома отошел порядочно, и вдруг идет.

— Здорово, дедушка!

— Здорово, милый вьюныш.

— Дедушка, не можешь ли мне послужить?

— Где, сынок?

— Да вот по торговой части. Я еще глупый, ты меня наставь.

— Старичок послушал, вернулись они в дом, заходят в избу.

Увидала мать.

— Слава Богу, нашел себе товарища! Дедушка, я тебе помолюсь, как Богу, наставь моего сына уму-разуму.

— Я взяться возьмусь, только меня слушай: что я велю, то и делай.

Мать на все согласна. И остался старичок с ними жить в доме.

II

Поутру чуть свет будит старичок Ивана.

— Вставай, сынок, пора идти в лавку торговать. Торговые люди долго не спят. Ишь разоспался!

Поднялся Иван и пошли. Осмотрел старичок лавку.

— У вас благодать какая, можно торговать. Подпишите под меня все теперь — я полный хозяин.

Иван подписал. И день торговали хорошо.

Вернулись вечером домой. Собрала мать ужин. Сидят втроем, ужинают. И вдруг приходит большой ее брат.

— Зачем пришел, братец?

— Да вот в Заморье король требует.

— Зачем же он вас требует?

— А потому, что он нам должен. Мы вместе жили, сколько кораблей товару продавали ему.

— А когда думаешь отправляться? — спросил старичок.

— А у меня все готово и корабль готовый, только отправляться!

Простился с сестрою, простился с племянником и со старичком, приказчиком их.

Остались одни, Иван и говорит:
— А мы когда, дедушка?
— Поспеем.
— И легли спать.

Поутру чуть свет будит старичок Ивана:
— Вставай, сынок, нам надо идти на корабельную пристань, корабль выбирать.
Поднялся Иван, пошли они на корабельную пристань, долго ходили и выбрали корабль: сколько лет стоял этот корабль, не ломался.
— Нам такой в самый раз: мне, старику, и сынку молодому.
И сейчас на корабль заходят.
— Дедушка, как мы поедем, нельзя пробраться!
— Проберемся.
Заволновалась корабельная пристань и сделался им ход. Удивились корабельщики.
— Что это у нас, живучи, никогда не бывало!
Привалили они к бережку, оприколили корабль.
— Молись, сынок, Богу, счастливы будем.
— Наш дядюшка теперь далеко идет!
— Молись Богу и мы выйдем.
К ночи вернулись они домой. Встречает их мать.
— Что, купили кораблик?
— Купили.
— Слава Богу, — взмолилась она к Богу, — нашли!
— Когда же, дедушка, будем отправляться?
— А будем отправляться завтра.
Дождались они дня и на пристань, сели на корабль, простились с матерью.
— Господа корабельщики, дайте ход!
— Ступай с Богом, дедушка, дорога готова.
И выехали они на море и пошли морем.

III

Шел корабль честно. Едут они сутки и другие, и третьи.
— Погляди, сынок, в подзорную трубку, что не видать ли?
Посмотрел Иван и увидел: чернеет. Проехали еще и опять посмотрел.

— Дедушка, дядюшка наш идет!

— Ну, теперь поедем вместе.

А и на корабле у дяди увидели корабль.

— Едет племянник и флаг их развевается! — узнал дядя.

И догнали и поехали вместе.

Вот им изладилось ехать мимо города недалеко.

— Дедушка, нам надо заехать в город, купить кое-что, королю подарки, — говорит дядя.

— Ладно.

— Мы без этого никогда не являемся, всегда подарки покупаем.

Остановились у города. Накупил дядя подарков, упаси Боже сколько.

— Дедушка, а мы что повезем?

— Чего повезем? Что повезем, то и ладно.

— А как же мы поедем, купить надо что.

— Ну, да ладно, и так доедем, — и велел дяде впереди плыть.

Отъехал дядя и они за ним следом. Подъехали к горе, взял старичок железную тростку.

— На, сынок, рой, в горе.

Иван ткнул — и повалились каменья в корабль.

— Теперь сынок будет с нас.

И опять поехали. И скоро достигли королевского города. Поглядел Иван в подзорную трубку.

— Вот и дядюшкин корабль, а нам нету места, негде стать.

— Ну, да станем.

И раздвинулась корабельная пристань.

— Потихоньку, потихоньку! — закликали корабельщики.

Так и вошли и стали рядом с кораблем дяди.

Пора было заявить, что такие-то купцы явились, пора было идти к королю с подарками. Дядя забрал свои подарки и пошел.

— Дедушка, а мы-то с чем пойдем?

— А поди, сынок, купи две чашки хлебные, что хлебы валяют.

Иван пошел на базар, купил две чашки.

— Ладны ли, дедушка?

— Ладны, ладны, умел выбрать!

И набрал камушков чашку, другой закрыл.

— На, сынок, понеси королю подарки.

— Что ты, дедушка, какие это королю подарки? — и стыдно-то ему с этими-то чашками и каменьем, да и ослушаться не смеет, и пошел.

Приходит к королевскому дворцу.

— Чего ты несешь?

— Подарки королю.

— А что ты, какие это подарки королю! Он тебя выгонит.

— Не ваше дело.

И пропустили его, доложили королю.

Король выходит, на него смотрит.

— Извольте от меня принять подарки! — и подает королю чашки.

Принял король подарки и, как раскрыл чашку, так в горнице и осияло. Очень обрадовался король и королева обрадела. И в назначенное число рассчитал король Ивана и его дядю и отпустил на корабль с миром.

IV

А была у короля дочь — сколько годов в расслаблении лежала! — и была перенесена она в церковь, как неживая.

И объявляет король:

— Кто будет ночью мою дочь караулить, я того человека награжу. А выздоровеет, отдам в замужество за того человека.

Услышал Иван и говорит:

— Дедушка, я пойду караулить.

— Ой, ты, ну, куда лезешь!

— Нет, дедушка, пойду.

— Ну, ладно, Бог помилует, на уголек, очертись, очерти и ее, да купи куль груши и возьми с собою в церковь! — и еще дал старичок книгу: читать святырь до последнего слова, и, что бы ни было, не давать ответу.

Купил Иван куль груши и к ночи отправился в церковь, рассыпал по церкви грушу, очертился, очертил королевну и стал читать святырь.

В самую полночь вдруг выходит...

«От нашего короля обед сегодня нам!»

И слышит Иван, начали собирать грушу, хряпают. И скоро всю подобрали. И увидел Иван огоньки, ровно свечи, по всей церкви, и сделался шум, вереск, кричат:

«Ой, есть нечего, давайте съедим их!»

И увидел Иван не огоньки, а сам все читает. Буквы, как огоньки, мелькали, а он все читает. И дошел до последнего слова.

— Аллилуя, аллилуя, слава Тебе, Боже! — и закрыл книгу.

Тут петушки спели и их не стало.

— Ну, теперь, королевна, вставай! — поднял ее за руки, поставил, и стали оба Богу молиться.

Ключи забрякали, двери отпирают, сторожа пришли. Сторожа пришли и видят — живы, стоят, оба Богу молятся.

— Идите, скажите королю: дочь здорова, на ногах стоит.

Бегут сторожа к королю.

— Дочь здорова, на ногах стоит!

Обрадовался король и королева обрадела: велел король запрягать коней самых лучших, везти дочь во дворец да Ивана.

И привезли их. Вошли они в горницу, Богу помолились.

— Ну, теперь, — говорит король, — ты ее освободил, я позволяю на ней жениться. И ты уж не Иван, купеческий сын, а королевич!

И повенчался Иван-королевич на королевне и стали пир пировать. Тут только и вспомнил.

— Ой, у меня на корабле есть дедушка — доверенный приказчик и дядя!

Ну, сейчас же поехали за ними, подхватили под ручки, в карету посадили и привезли во дворец — за гостей почитать будут.

— Эх, Иван-королевич, позабыл ты дедушку! Повенчался на королевне! — пенял старичок Ивану.

Да, делать нечего, не воротишь.

Трое суток пировали.

— Иван-королевич, хорошо гостить, да время отправляться?

— Когда, будем, дедушка, отправляться?

— Да на завтрашний день.

И на завтра велел король сказать на корабельной пристани, чтобы простору им было.

Удивляются корабельщики.

— Был Иван, купеческий сын, а стал Иван-королевич!

Вышли они на белы дворы, сели в кареты. Музыка впереди и войско. Приехали на пристань, вошли на корабль. Простились с тестем. Дядю вперед отправили. Сел старичок на руль, Иван-королевич стал на нос и поехали.

Шел корабль честно. На корабле войско и музыка.

— Иван-королевич, посмотри в подзорную трубу.

Посмотрел Иван-королевич.

— Дедушка, недалеко что-то чернеет. Дедушка, остров!

— Ну, слава Богу, можно погулять и войско покормить.

Пристали они к острову и пировали.

Приказал старичок войску наносить дров и приказал дрова сжечь. Разгорелись дрова на мелкий уголек — жар сильный стал. Взял старик королевну, в огонь бросил и сжег. И не стало королевны.

Один остался Иван-королевич.

— Что же ты, Иван-королевич, запечалился?

— Да как же, дедушка!

— Не печалься, подождем немного! — сам дунул в пепел и на две грудки он сделался, — можешь ли ты отгадать, какой пепел от дров, какой от человека?

Иван-королевич посмотрел и узнал.

— Вот этот.

— Ну молодец!

Взял старичок пепел в руку, кинул его в воду. Пепел расплылся по воде и здрава выскочила королевна из воды.

— Что, королевна, чувствуешь ли теперь что?

— Да ничего, дедушка, я жива и здорова.

— Вот, Иван-королевич, теперь она жива и здорова. Молитесь Богу, ты — королевич, ты — королевна.

И благословил их старичок. Сели на корабль и дальше в путь.

Корабль бежит и сердце радуется.

— Иван-королевич, посмотри в подзорную трубку, не увидишь ли что?

Посмотрел Иван-королевич:

— Мне, дедушка, показывается что-то, чернеет что-то. Вот ближе и ближе.

— Ой, дедушка, наш город!

— Ну, и слава Богу, домой попали.

Вышел воинский начальник встречать их с войском, с музыкой.

Сошли с корабля. Королевич и королевна, старичок, а за ними войско.

— Иван-королевич, спросите, что мать ваша жива ли? Дом цел ли?

И сейчас распознали: старуха жива, а там все крапива и дома нет!

И выстроили новый дом-дворец, жить, да поживать.

Простился старичок, благословил и пошел, Никола Угодник верный.

А они и теперь живут.

НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ

I

Шел Христос с Николою. Много прошли они сёл, городов, много видели беды на земле. А там, по раздолью — полям весенним такие цветы цвели, красовали Божий мир.

Шел Христос с Николою по нашей земле.

Из дома в дом заходили странники, и не мало труда поднял Никола, — всякому поможет, никому не отказывал, — и оборвался весь, нищ.

Нищими странники постучались в избу на ночлег.

Тесно в убогой избе, жила в ней солдатка с ребятишками, и хлеба у них не было, была краюшка одна да с горстку муки, а в хозяйстве корова-белуха, да и та без молока.

— У меня и покормить-то вас нечем, и молока нет, все жду, вот, отелится белуха.

— Не кручинься, — сказал Христос, — все будем сыты.

Сели за стол, подала хозяйка последнюю краюшку.

И одна краюшка всех насытила.

— Вот, говорила, нечем будет накормить, гляди-ка, все сыты, да еще и осталось! — радовался Никола больше матери и ребятишек сытых.

Уложила мать ребятишек. Улеглись и странники. А сама пошла в закрома: не соберет ли муки на блины — угостить поутру странников? И откуда что взялось: было с горстку в ларе, а тут этакую махотку принесла. Сделала она раствор. И наутро испекла блинов.

— Вот видишь, и мука есть! — радовался Никола.

А уж как ребятишки-то блинам рады!

Попрощались странники и пошли себе дальше в путь.

Шел Христос с Николою зеленями, молодым полем зеленым. Как хорошо на земле в Божьем мире. Гадал Никола о урожае.

Уморились странники и задумали передохнуть малость. А стояло у дороги большое хозяйство, там же и мельница. Они на мельницу.

Увидал хозяин, видит, побиральщики, да и ну гнать со двора.

— Лодыри, бродяги, стащут еще чего! — ворчал вдогонку, грозил собаками.

Так и пошли.

Так и пошли, куда повела дорога.

II

Шел Христос с Николою по нашей земле.

К вечеру привела их дорога в лес. На лесной полянке прилегли странники. И ночь со звездами такими колыбельными покрыла их.

По звездам — от звезды к звезде — гадал Никола о земле нашей, думал думу невеселую.

И вот среди ночи прибежал на полянку серый волк, поклонился Христу и просит есть: третий день ходит голодом.

— Господи, я есть хочу! Господи, я есть хочу!

— Поди, волк, к солдатке, — сказал Христос, — изба ее с краю при дороге, есть у нее корова-белуха, ту корову ты и съешь.

— Господи милостивый, — вступился Никола, — за что же так? Ведь, последнее отнимаешь, а ребятишки-то как там заплачут! Господи, Ты вели лучше у мельника попользоваться: и прогнал он нас, и добра у него девать некуда.

— Нет, нельзя так, — сказал Христос, — нет ей талана на сем свете, пусть бедует до времени.

А волк, как услышал повеление, да со всех волчьих ног бежать за едой.

И Никола поднялся. Пошел посбирать хворосту, костер разложить: что-то зябко ему. Зашел старик за деревья, да по следам волчиным бегом за волком. Обогнал волка, — волк-то куда еще: с голодухи не очень-то прытко побегаешь! И поспел. Взял Никола белуху солдаткину, вымазал всю грязью и опять поставил. А сам назад. Там набрал хворосту. Да только не надо разводить огня и так тепло. Экая ночка-то теплая! И задремал старик.

И вот будит Христос:

— Вставай, Никола, в дорогу пора.

Не заставил ждать, легко поднялся Никола и на сердце ему, как заря горит: слава Богу, ни с чем уйдет волк, и мать не заплачет.

А волк-то и бежит, серый, кланяется.

— Господи, нет у солдатки белухи, а есть черная.

— Так бери черную, — сказал Христос.

Шел Христос с Николою по заре утренней. Пробуждались цветы полевые и цветики малые, красовали Божий мир.

А там на селе, серый волк добрался до черной белухи, зарезал и ел свою долю. И когда хватилась солдатка, от ее белухи только рожки да ножки остались.

— «Бог дал, Бог и взял, Его воля!» — приняла несчастная свою горькую долю.

Шли странники в гору. Шли молча. Трудно было Николе после краткой ночи. Вела дорога все в гору.

И когда поднялось солнце и красным огнем ударило в полмира, увидел Никола: катится им навстречу бочка, а в бочке — золото.

— Господи, куда это такое богатство?

— Мельнику, — сказал Христос, — ему это золото.

— Господи, удели хоть горстку той несчастной: без белухи осталась, ребят больно жалко.

— Нет, нельзя, — сказал Христос, — мельнику талан даден на сем свете и пусть ему будет довольно до время. Так и быть должно.

Прокатилась бочка: как жар горит по дороге.

Посторонились странники и дальше пошли.

А бочка катилась все под гору и так до самой мельницы. Сгреб мельник золото — золото к золоту и не заметишь! — нет, ему мало бочки.

«Кабы десять бочек!» — думал мельник и старая забота давила плечи.

III

Шел Христос с Николою.

Труден путь: чем дальше, тем круче гора. И хоть бы передохнут часок! А идут и идут.

На заре вечерней поднялись они высоко, к самой вершине.

— Господи, я пить хочу! — взмолился Никола.

— Ступай по той тропинке, там колодец, напейся! — сказал Христос.

И пошел Никола, как указал Христос, — едва уж ноги идут. И отыскал Никола колодец, заглянул, чтобы воды достать, а там змеи кишат. И отшатнулся. И увидел: тот самый мельник, мельник стоял у колодца — весь изодрался о камни и руки в крови.

— Жажду! — просил несчастный.

И ничем ему не мог помочь Никола.

Вернулся ко Христу Никола.

— Нет, Господи, там нечистый колодец.

Христос ничего не ответил.

И опять пошли. Еще выше, еще круче — на еще большую гору.

Шли они по горе высоко над землею, поднялись они до звезд высоко, и звезды такие близкие и такие грозные разрезали путь.

— Господи, Господи, я пить хочу! — взмолился Никола.

— Ступай по этой тропинке, там тебе будет колодец, — сказал Христос.

И пошел Никола, как указал Христос, — падает уж из последних. И добрался, отыскал колодец, зачерпнул. А вода такая свежая, да чистая.

И не узнал Никола места: где камни? и нет пропастей! И до того хорошо кругом и свет такой светлый — такой сад, как рай. Стал и стоял, любуясь. И увидел: мать стоит у колодца, та солдатка, и такая, как сам он, любуясь. И до того хорошо кругом и такой свет светлый — такой сад, как рай.

И вдруг услышал голос.

— Никола, — звал Христос, — что же ты так долго стоишь?

— Господи, как долго? Три минуточки!

— Не три минуты, три года, — сказал Христос.

И они пошли с горы опять на нашу землю.

НИКОЛА — СУДИЯ

I

Жил-был Савелий-богатый, богатый человек. Жил он с женою ладно. И состарились оба. И до того они были добры и жалостливы к людям — всех бедных, нищих кормили и поили, и в долг давали, и назад долгу не требовали. А казна их не убывала. И жили они спокойно.

Савелий и говорит старухе:

— Ну, старуха, пригрешили мы у Господа Бога. Кто бьется да старается, у того нет ничего, а мы сиднем-сидим и нам все, ровно с неба валится.

И просит старик старуху напечь пирожков да насушить сухариков: пойдет он Николу Угодника разыскивать, пускай Никола рассудит, спросит у Спаса, что им за этот грех выйдет.

Напекла старуха пирожков, насушила сухариков, истолкла сухарики в мучку, насыпала мешочек. Простился Савелий со старухой и пошел искать Николу.

II

Мало ли, много ли шел Савелий. Идет, раздумывает о своей богатой доле, и попадает ему навстречу разбойник.

— Что, старик, где это Савелий-богатый живет?

— А тебе что в нем? — спросил Савелий.

— А иду я, обокрасть хочу богача.

— Я самый и есть! — обрадовался Савелий, вынул ключи, — вот тебе ключи, ступай, сколько хочешь бери, только старуху не тронь.

Взял разбойник ключи.

— Ты-то сам куда пошел?

— Николу ищу, пусть рассудит — спросит у Спаса, что нам за грех наш выйдет: кто мучается, бьется, и у того нет ничего, а нам, и раздаем мы казну нашу, а все, ровно с неба валится.

Усмехнулся разбойник: — «Рехнулся, мол, старик с сытости!»

И разошлись.

Отошел немного разбойник, раздумался.

«Господи, ведь и мне тоже не только на сем свете жить, а и на том свете!»

И все припомнил, сколько он душ погубил, и как ему все было мало.

Догнал разбойник Савелия.

— Возьмите ключи-то назад!

— Что же не пошел? — опечалился Савелий.

— Возьмите меня с собой! — сказал разбойник.

И пошли они вдвоем искать Николу: Савелий-богатый да разбойник.

Дошли до деревни. Ночь настигает. Надо ночевать. Постучались в избу. В избе одна хозяйка.

— Пусти нас, хозяюшка, ночевать!

— Милости просим, ночуйте, только кормить нечем.

— Нам ничего не надо. У нас свое есть. Дай только чашку да ложку, да влей водички.

Хозяйка подала чашку и ложку, влила в чашку воды, поставила на стол.

Взял Савелий мешочек, насыпал сухариков в чашку, помешал-помешал — чашка полная села, разбухли сухари. Поел Савелий, передал разбойнику. Наелся разбойник. А чаша не убывает.

Идет хозяин. Как ступил на порог, затопал ногами и стал жену крошить.

— Это у тебя что за гости? Самим есть нечего, а эти расселись, кормишь.

— Не ругайся, хозяин, это у нас все свое! — и предложил Савелий хозяину отведать кушанье.

Присел хозяин к столу, поел. И хозяйка наелась.

— Мы такого и ввек не едали, — благодарят.

Ну, и разговорились: откуда и куда странники идут?

Савелий и говорит:

— Вышел я Николу искать, пусть рассудит — спросит у Спаса, что нам за грех наш будет: кто мучается, бьется, и у того нет ничего, а нам, и раздаем мы казну нашу, а все, ровно с неба валится.

А разбойник говорит:

— А я вот на свете столько душ погубил, иду спросить, что мне за это будет? Не на сем только свете жить мне, а и на том свете.

Переночевали ночь, наутро поднялись в дорогу.

— Возьмите и меня с собой, — просит хозяин, — и мне не на сем только свете жить, а и на том свете. Я во всю мою жизнь никого не напоил, не покормил: все боялся, что самим не хватит.

И пошли втроем: Савелий-богатый, да разбойник, да хозяин.

III

Идут и идут. От часу дорога лучше, и шире, и глаже, что карта.

Стоит дом. Подошли к дому. Нигде ему конца нет — такой большой. Поднялись по лесенке и попали в коридор. И стоит там старичок седенький, древний старичок.

— Не ты ли, батюшка, Никола Милостивый?

— Я, — говорит, — я. Что вам нужно?

— Спроси у Спаса, что нам за грех наш выйдет: кто мучается, бьется, и у того нет ничего, а нам, и раздаем мы казну нашу, а все, ровно с неба валится!

— А я — разбойник. На этом свете сколько душ загубил. Спроси у Спаса, что мне за это будет?

— А я вот живу на свете и никого не напоил, не накормил. Спроси у Спаса, что мне за это будет?

Никола Угодник и говорит:

— Ночуйте, странники, тут вам будет покой.

И отворил дверь по правую руку и впустил туда Савелия. И отворил другую дверь и впустил туда разбойника. И отворил третью дверь и впустил туда хозяина.

Вошел Савелий в комнату. И до того эта комната убрана: большая, чистая, кровать высокая, подушки пуховые.

Ходит Савелий по комнате.

«Господи, это как царство небесное!»

Походил, походил, да и прилег на кровать. А по стене у кровати как забор, а в заборе щелка. Он в эту щелку и смотрит: а там комната еще лучше убрана.

Вошел разбойник в свою комнату. Пусто, одни голые стены и две доски вместо кровати. Походил, походил, да на дощечки-то и лег. И как повалились на него с потолка сабли, тесаки, пистолеты, ружья, топоры, ножи. Все на него валится и колет. Всю ночь продрожал.

Вошел хозяин в свою комнату. У него, как у разбойника, голо. Лег он на доски. И напала на него жажда и такой голод, — попадись какое животное, сырьем съел бы. Вскочил он. Бегает, да стены грызет зубами. Тошно.

Наутро выпустил Никола Савелия.

— Каково тебе, Савельюшка, было спать?

— Ох, Никола Милостивый! Как царство небесное.

— Это вечное место твое, а рядом — старухе твоей. Ступай с Богом. Будет тебе покой.

Выпустил Никола разбойника.

— Каково тебе было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мне было спать. Всю ночь продрожал.

— Как от тебя невинные души тряслись, и умаливали тебя и упрашивали, а ты их бил, колол, давил. Теперь твой черед. Это место твое.

Выпустил Никола хозяина.

— Каково тебе было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мне было спать. Всю стену прогрыз.

— Это за жадность твою: как те, кому ты отказывал, сам будешь мучиться голодом и жаждать. Это место твое.

И отпустил их Никола.

Пошел разбойник свой грех замаливать. Не забыть и хозяину голодной ночи, пошел он к своей хозяйке — не поскупится, поделится с несчастным.

Вернулся Савелий домой.

И зажили по-прежнему старики: поят и кормят бедноту, взаймы дают и долгу назад не требуют. По-прежнему идет народ к Савелию. Но уж что отдаст, того нет и нет.

Все раздали, и хлеб раздали, скота всего раздали, всю казну раздали. И ничего в доме боле нет. Осталась только

краюшка на столе, — только укусить маленько тому и другому.

Перекрестился старик:

— Слава тебе, Господи, у нас ничего теперь нет.

Перекрестилась старуха:

— Слава Тебе, Господи! Давай, старик, закусим краюшечкой, да и пойдем в мир.

Закусили краюшкой, попрощались с домом и пошли.

Идут старики мимо своего окошка и слышат в доме плач.

— Ой, кто же это там?

Заглянули в окно.

А там мертвые два тела лежат. Это души их, значит, пошли! Оба тела лежат рядышком: Савелий да старуха его. А над ними беднота, горемыки.

НИКОЛА ЧУДОТВОРЕЦ

I

Жили-были три брата — купцы Ломтевы. Большую торговлю вели с заморскими королями. Три каменные дома Ломтевых славились на весь город. А старшого брата дом всех богаче. И был у него один сын Василий.

Стали братья собираться на ярмарку. И говорит старшой брат братьям:

— Возьмите моего сына с собой не для торговли, а для науки.

Братья согласились.

Нагрузил ему отец шесть кораблей драгоценного камню, и благословил в путь для науки.

Приезжают они в королевскую землю, привалили на пристань, пошли себе место откупать, а Василий остался на пристани, знай, посматривает.

Вот идет старичище, королевский карла.

— Что, молодец, привез?

— Дяди привезли красного товару, а я драгоценного камню шесть кораблей.

— А еще дома есть?

— Есть.

— Предоставь мне еще шесть кораблей. Деньги получишь враз.

Крикнул Василий рабочих, выгрузили товар. Написал карла расписку. Тут вернулись на пристань дяди и хвалят, что хорошо товар запродал, цену хорошую взял.

Стала ярмарка закрываться, поехали они домой.

Отец встречает Василия.

— Что, милой, с накладом или с барышом?

— Не знаю, что выйдет. Предоставь еще, тятенька, шесть кораблей, деньги получишь враз.

И отец его за то похвалил.

И когда подошла пора, нагрузил ему отец еще шесть кораблей драгоценного камню. И поехал Василий в королевскую землю.

Привалили на пристань, дяди пошли место себе выторговывать, а Василий остался поджидать покупателя.

Вот идет старичище, королевский карла.

— Что, молодец, исполнил договоренное?

Исполнил.

Карла поглядел: шесть кораблей — товар тот же.

Крикнул Василий рабочих, выгрузили товары. Велит ему карла явиться за деньгами.

Вернулись дяди на пристань. Рассказал им Василий о продаже.

— Нате расписку, сходите в такой-то дом, получите. У меня толку не хватит рассчитаться.

Взяли они расписку и пошли за расчетом.

Вышел к ним старичище.

— Идите, молодцы, за мной. Чем вы желаете получить: медными деньгами, или серебром, или золотом, или есть у меня еще про вас, коли хотите?

Сидит девица и так хороша, — не столь зарились они на деньги, сколь смотрели на эту девицу. Да так от греха поскорей и ушли на пристань.

— Ступай, Вася, бери что знаешь сам.

Пошел Василий.

— Что, молодец, какими деньгами желаешь: медью, золотом, или серебром, или есть у меня еще про тебя, коли хочешь?

Василий посмотрел на девицу и долго не думал, — вот, что ему надо за двенадцать кораблей!

— Имущества с ней немного пойдет, только одна шкатулка, — сказал карла.

— Ничего, у нас казны довольно с отцом.

Попрощался Василий с карлой. Взяла девица шкатулку и пошла за ним. Вышла она на волю, помолилась, — она, как в аду, тут была, сызмлада выкраденная, не простого роду.

Как увидели дяди, что ведет Василий девицу на пристань, голову потеряли: хороша-то, хороша, да не похвалит отец, навечно его разорил.

Окончилась ярмарка. Приехали они домой. Встречает отец Василия.

— Что, милой, с накладом или с барышом?

— Не знаю, тятенька, видно, с накладом: я купил себе жену за двенадцать кораблей.

Отец и ну его таскать.

— Сгинь, — кричит, — с моих глаз, и не ходи ко мне никогда в дом: куда знаешь, туда и ступай!

И остался Василий на улице с молодой женой.

Ночь переночевали на постоялом дворе. Наутро жена вынула из шкатулки три златницы.

— Ступай, Василий, купи себе дом.

Василий взял деньги и пошел по городу. И не долго искал купца, нашелся такой. Повел купец Василия дом смотреть: дом трехэтажный, каменный.

— Много ль возьмешь?

— А что дашь?

— У меня три златницы.

— Одной довольно, — сказал купец.

— Ну, бери две, — мой дом!

Рассчитался Василий по-царски с купцом, да скорей за женой — будет им где жить! А на последнюю златницу купил он вина, выкатил бочку к воротам: а кто бы ни прошел, ни проехал, всех на влазины зовет к себе — справлять новоселье. Потом пошел к дяде, — посулился дядя. Пошел к другому, и другой не отказал. Пошел к отцу, и пал перед ним на колени. Да слышать ничего не хочет отец, да за волосья, да вон его и выбил на улицу.

II

Вернулся Василий в свой новый дом — полон дом народа.

— Что не весел, хозяин? — обступили гости.

А какое ему веселье? Рассказал он про отца, как отец его встретил.

Всем народом пошли к старику за сына просить. И уломали старика. Пришел отец — первое место ему, первую чару.

Подарил отец молодым козла, старшой дядя — лошадку, младший дядя — корову. И много набросали им серебра — много денег собрал Василий с женой.

Отец простил сына и уж домой не вернулся, а велел запечатать свой дом, сам остался с сыном да с невесткой. И зажили втроем дружно.

Говорят дяди Василию.

— Вот, племянничек, едем мы на три ярмарки, поедем с нами!

— Да не с чем мне ехать-то.

А жена и говорит:

— Поезжай, Василий, богаче их приедешь.

Василий и согласился.

Тут жена открыла шкатулку, вынула еще златницу и посылает его на рынок купить ей разных шелков. Пошел Василий на рынок, купил жене разных шелков. В трое суток вышила она три ширинки, законвертила их вроде кирпичиков, подписала подписи.

— В первое королевство приедешь, там крестная моя — королева, подай этот конверт. А в другое королевство приедешь, вот этот конверт подай, там мой крестный — король. А в полунощное царство приедешь, там мой отец и моя мать!

Взял Василий конверты, простился с женой.

— Прощай, царевна!

И без денег поехал с дядиными кораблями.

Приезжают в первое королевство.

Приходят к королю с гостинцами: дяди свое — всякие материи подносят, а Василий царевнин конверт. Развернул король ширинку, а на ширинке подпись к крестной.

Обрадовались король с королевой.

— Где ты нашел ее, нашу крестницу?

— Очень она мне дорого стала: дал за нее я двенадцать кораблей драгоценного камню.

А король и королева на радостях все бы отдали.

— Жертвуем тебе три корабля на отдарки.

Нагрузили Василию три корабля драгоценного кам-

ню, кончилась ярмарка, и поехали они в другое королевство.

Приходят к королю с гостинцами: дяди — свое, а Василий царевнин конверт — с ширинкою. А на ширинке подпись к крестному.

— Где ты нашел мою крестницу? — удивился король.

— Очень она мне дорого стала: дал за нее я двенадцать кораблей драгоценного камню.

И крестный пожертвовал на радостях три корабля на отдарки.

Нагрузили Василию три корабля драгоценного камню. Кончилась ярмарка, и поехали они в полунощное царство.

Приходят они к царю с гостинцами: дяди свое — материи всякие, Василий — царевнин конверт.

И как вывернули конверт, — ширинка. А на ширинке подписана подпись царю.

Обрадовался царь.

— Где ты нашел мою милую дочь?

Рассказал Василий о королевском карле: как в аду жила там царевна.

— Очень она мне дорого стала: дал за нее я двенадцать кораблей драгоценного камню.

— Эка, дорого! Жертвую тебе на отдарок шесть кораблей.

Нагрузили Василию шесть кораблей драгоценного камню, и стало у него всех двенадцать, как было.

Раздумался царь: да вправду ли Василий нашел его дочь? — и говорит приближенным:

— Как бы так проверить? Нельзя ли мою дочь предоставить сюда?

— Поздно ты хватился, надо бы пораньше! — говорят царю приближенные.

А один выискался Кот-и-Лев: море ему по колено и на догадку горазд.

Через его именной перстень можно ее скоро достать.

А уж ярмарка кончилась, собрались корабли плыть домой. Царь Котылева послушал, да на пристань, зовет Василия, просит остаться еще на денек.

— Милой зять, попируй со мной суточки, я тебя отправлю потом.

Поплыли домой корабли дядей, а Василий остался у царя пировать. На пиру ему подлили сонные капли: как

выпил и уснул крепко. С сонного сняли с него именной перстень, с этим перстнем и поехал царский посланный в Ломтев-город за царской дочерью.

Много ль спал Василий, проснулся, и скорее на свои корабли догонять дядей.

А посланный приехал в их город, разыскал старика Ломтева и прямо к царевне.

Узнала царевна мужнин перстень, поверила и сейчас же отправилась с посланным в полунощное царство к отцу.

Нагнал Василий корабли дядей. И приехали вместе. На пристани встречает отец Василия.

— Что, сынок, с накладом или с барышом?

— Вот тебе, тятенька, радость: получил я двенадцать кораблей драгоценного камню, бери их себе.

Обрадовался отец: все двенадцать кораблей вернул ему сын!

— А где же жена? — спрашивает Василий.

— Да, ведь, ты же ее по своему перстню вызвал к отцу!

Тут хватился Василий, а перстня-то нет. Затужил он, заплакал, не пошел и домой, пошел он на край моря, куда глаза глядят.

III

Идет Василий на край моря и день, и другой, и третий — не три дня, три года. И показался ему старичок.

— Что, Василий, идешь и плачешь, о чем больно тужишь?

Посмотрел Василий на старика.

— Ах, Никола Милостивый, как не тужить мне: жену потерял... Мне на нее хоть глазком поглядеть!

— Увидишь, — сказал Никола.

Подал Никола ему топор, велел рубить дуб.

Срубил Василий дуб. Изладил Никола из листьев и веток ковер-самолет, из верхушки сделал самогудную скрипку. Дал скрипку Василию в руки. Оба стали на ковер-самолет.

— Играй на верхние лады! — сказал Никола.

Заиграл Василий на верхних ладах, — и они полетели. Высоко летели над морем.

— Дедушка, не шире бараньей кожуры мне кажется море! — удивился Василий.

— Ну, играй теперь на нижние лады.

Заиграл Василий на нижних ладах, — сел ковер-самолет у царского сада.

— Слушай, Василий, — сказал Никола, — жена твоя выходит замуж за королевского сына... Последние минуты... Выйдет она сейчас в сад, веди ее сюда. Только знай: тут есть беседка, в беседке скамейка, не садись на скамейку, уснешь, не увидишь.

Василий ходил, ходил по саду, а ее все нет. Вошел в беседку, забылся и сел на скамейку. И уснул.

Вот вышла царевна на прогулку, заглянула в беседку — что за человек? — подошла поближе и узнала. Вспомнила царевна старопрежнее, любовь свою, обрадовалась. Но сколько его ни будила, никак не могла разбудить. Так ушла.

Проснулся Василий, да скорей из беседки.

— Дедушка родимый, что я наделал!

— Долго время она тебя будила, — сказал Никола, — еще раз она выйдет на прогулку, карауль, не проспи!

И опять Василий ходит по саду, а ее все нет. И вот ровно как ветром придернуло его к беседке, — зашел в беседку, сел на скамейку. И уснул.

И опять вышла царевна в сад и прямо в беседку. И долго будила. И будит, и плачет.

— Ты больше меня никогда не увидишь.

А он спит.

Поплакала царевна и ушла домой.

Проснулся Василий, хватился, да поздно.

— Ну, дедушка, я сам пойду за ней.

Никола дал ему ковер-самолет и самогудную скрипку.

— Попросись у царя поиграть, — сказал Никола.

С дарами Николы вошел Василий в царские палаты. Там пир, свадьбу играют — выдают царевну за королевского сына. Поздоровался Василий с царем — не узнал его царь — просит Василий поиграть в свою музыку. Царь дозволил.

Разостлал Василий ковер-самолет, взял в руки скрипку, стал на ковер.

— Ваше царское величество, велите отворить окна и двери: моя музыка громко играет.

Растворили окна и двери.

И заиграл Василий в самогудную скрипку — всплакали самогудные струны.

Подбежала к нему царевна — захотелось ей поцеловать его — подбежала царевна, стала на ковер-самолет.

— Держись за меня крепче! — шепнул ей Василий.

И заиграл высоко на верхних ладах.

Тогда поднялся на воздух ковер и, все равно как метлячок полевой, вылетел на волю.

Забили тревогу: кто из ружья, кто из пушки — метятся, целят, палят. Гром гремит от пальбы, а достигнуть не могут — высоко!

Залетел Василий с царевной высотою высоко — море под ними не шире бараньей кожуры.

«Кабы нам сюда родного дедушку!» — вспомнил Василий.

— Играй теперь на нижние лады! — услышал Василий.

А Никола-то с ними: он и на пиру у царя с ним невидимо был.

Заиграл Василий на нижних ладах — стали спускаться на землю.

— Ступайте теперь домой, — сказал Никола и дал Василию тайно кремень и огниво: — чиркни трижды и будет помощь, да смотри, про кремень и плашку никому не сказывай!

Попрощался Василий с Николой, повел царевну домой.

Обрадовался отец сыну, а пуще того, что с женою вернулся.

А там у царя все разладилось. Королевский сын, делать нечего, уехал в свое королевство. Опять потерял царь любимую дочь.

И собрал царь своих приближенных, говорит им:

— Не Василий ли хитник, не он ли увез царевну?

Говорят царю приближенные:

— Должно, что он, Василий Ломтев, некому больше.

Тут выискался опять Кот-и-Лев и надоумил царя: самому ехать немедля в Ломтев-город и испытать дело.

Послушал царь Котылева и на семи кораблях поплыл за царевной.

Побежал народ на пристань встречать царя. А Василий запряг карету, встретил тестя, и привез его в свой дом.

Обрадовался царь, что нашлась дочь, и пировал царь у зятя. А после пира зовет его к себе на житье.

Согласился Василий, попрощался с отцом.

— В живности меня не будет, отпусти ты мою скотину на волю: моего козла, коня и корову.

Пообещал отец исполнить волю, проводил сына.

И вернулся царь в полунощное царство, а с ним царевна и Василий, и завел царь пир на весь мир.

IV

Узнал королевич, что невеста его за Ломтевым, обидно стало: собрал он большую силу и пошел войной на полунощное царство с царем воевать.

У царя силы тоже не мало, да снарядов нету: какие были пули, все тогда расстреляли по ковру-самолету.

Выехал царь с Василием в луга — застлала королевская сила луга.

Говорит царь Василию:

— Что, милой сын, на чего нам надеяться?

— Я на Бога надеюсь, на Николу Милостивого! — сказал Василий.

Вынул Василий кремень и огниво, чиркнул раз и два — до трех раз, и выскочили три ухореза.

— Что нас покликал, на какие работы?

— Секите силу безостаточно! — приказал Василий.

И не больше часу дело продлилось, ничего не осталось от королевской силы.

— Ну, зять, стоишь ты звания! — похвалил царь Василия.

Вернулись они во дворец. Истопила царевна баню.

— Мила ладушка. чем ты орудуешь? — стала она пытать у Василия.

— Я на Бога надеюсь, на Николу Милостивого, — отвечал ей Василий.

Ночь прошла. Наутро смотрит царь в окно: черно, все луга застланы — еще большую силу за ночь пригнал королевич.

И опять выехал царь с Василием в луга.

— Что, милой сын, на чего нам надеяться?

— Я на Бога надеюсь, на Николу Милостивого! — сказал Василий.

Вынул Василий кремень и огниво, чиркнул раз и два — до трех раз, и выскочили три ухореза.

— Что нас покликал, на какие работы?

— Секите силу безостаточно! — приказал Василий.

И решили силу за два часа.

Вернулся царь во дворец с Василием. Истопила царевна баню.

— Мила ладушка, чем ты орудуешь? — стала снова пытать у Василия.

— Я на Бога надеюсь, на Николу Милостивого, — отвечал ей Василий.

А царевна ну ластиться:

— Скажи, да скажи про ухорезов, откуда такие, ухорезы?

Василий ей все и сказал.

— Есть у меня кремень и плашка, я ими и действую, — открыл тайну Василий своей ладушке.

После ласковой бани сладко спится, — крепко заснул Василий.

Осталась царевна одна и раздумалась: жалко ей королевича, погубил Василий его силу, и его самого погубит! Да долго не думая, и вытащила из кармана у Василия кремень и огниво, и приказала взять в лавке такой же кремень и огниво, те спрятала, а эти положила на место.

А Василий спит, ничего-то не знает.

Наутро смотрит царь в окно: есть в лугах королевская сила, да не такая уж, больше старые да малые.

И в третий раз поехал царь в луга с Василием.

И говорит Василий царю:

— У королевича силы не больно много. Хоть и немного, да сердце у меня сегодня слышит, едва ли мне сегодня живу быть.

И вынул Василий кремень и огниво, чиркнул раз и два — до трех раз, а нет никого.

Нет никого, нет ухорезов.

— Ну, батюшка, поезжай домой, а мне конец! — сказал Василий.

Тогда подбежала королевская сила, старые и малые, и иссекли его на мелкие куски, собрали куски, зарыли и столб поставили.

А королевич вошел во дворец, взял царевну и увез ее в свое королевство.

Заревела скотина Васильева: козел, конь и корова. И не может отец ее никаким кормом уважить: все ревет.

И догадался старик:

«Неужели сына нет в живности!»

И выпустил их на волю.

И пустились они, кто как мог, и прямо на побоище к столбу кровавому.

Говорит буренушка:

— Козел Козлович, вырывайте, и ты, лошадка, вырывайте, а я помчусь за живой водой!

Трое суток трудились козел и конь, отрыли все куски и кусочки, и собрали все вместе, как есть человек.

Примчалась буренушка, фырскнула из левой ноздри, — и куски срослись, фырскнула из правой ноздри — и Василий стал.

Помянул он отца, что не забыл обещания, и скотине спасибо сказал.

— Ну, родимая скотинушка, ты ступай к моему родителю, а мне идти некуда!

Побежала на радостях скотина домой: козел, конь и корова. А он край моря пошел, куда глаза глядят.

V

Идет Василий край моря и день, и другой, и третий — не три дня, три года. И показался ему старичок.

— Что, Василий, победствовал?

— Ах, Никола Милостивый, мне теперь ее вовек не видать!

— Увидишь, — сказал Никола и дал ему ягоду, — на чего тебе подумается, тем ты и сделаешься!

Василий съел ягоду, подумал на воробья, воробьем и сделался. Воробьем и полетел. И прямо полетел в королевство заморское к королевичу.

Там ударился о землю и сделался опять молодцом.

Идет Василий по городу мимо дворца королевского, мимо окошка царевны. Царевна в окне сидит. Признала Василия, схоронилась в окне.

И пошел Василий от дворца на край города.

Там жила старуха, на краю города, нищая. К ней и зашел Василий.

— Откудова? Какой молодец ты! — поздоровалась старуха.

— Очень, бабушка, я дальний, — осмотрелся Василий, — а бедно же ты живешь!

— По миру хожу.

— Я тебя сделаю богатой. Сослужи мне службу. Пойдем вместе на улицу, там я обернусь жеребцом, а ты меня веди на базар продавать и возьми за меня сто рублей. Сам королевич меня купит. Только уздечку не продавай, себе оставь. Купит меня королевич, заколет меня. И когда меня будут колоть, возьми ведра, стань с ведрами под гортанью — хлынет кровь прямо в ведра, и посей эту кровь перед дворцом — вырастет сад. А когда станут рубить этот сад, возьми с земли первую щепку и кинь ее в море...

Вышел Василий со старухой на улицу и стал жеребцом. И повела старуха жеребца на базар.

Едет королевич.

— Стой, старуха, продай жеребца.

Старуха продала жеребца, получила сто рублей и богатая, пошла домой.

А царевна все знает, догадалась, что за жеребец.

— Если ты его не заколешь, ты меня не увидишь! — говорит королевичу.

И как ни жаль королевичу, велел заколоть жеребца.

Вывели жеребца на площадь перед дворцом, свалили колоть.

Услыхала старуха, вспомнила, и пошла с ведрами на площадь, поставила ведра коню под горло.

— Что вы делаете, жеребца такого колоть? — жалко стало старухе коня.

— Хозяева приказали, так что нам! — отвечали работники, да как резанут его по горлу, кровь так и хлынула, и прямо в ведра.

Старуха набрала полны ведра и рассеяла кровь перед дворцом.

Поутру смотрит королевич, а около дворца — сад.

А царевна все знает, догадалась, какой это сад.

— Сад если ты не вырубишь, меня не увидишь! — сказала она королевичу.

— Коня мне жалко, а сада еще жальче, сад больно хорош! — говорит королевич.

А она стоит на своем:

— Если не вырубишь, меня не увидишь!

И покорился ей королевич, велел вырубить сад.

Услыхала старуха, вспомнила, потащилась на рубку.

— Что вы тут с топорами пришли, — говорит работникам, — такой чудесный сад рубить?

— Хозяева приказали, так что нам?

И как стали рубить, из первого дерева вылетела щепа наодаль, старуха подняла щепу и кинула ее в море.

И стал из щепы селезень — всякое перышко в золоте.

Плавал селезень по морю. Выходил народ к берегу, смотрел на диковинку. А царевна все знает, догадалась, что за селезень.

— Застрели, — кричит королевичу, — застрели селезня, а не то не увидишь меня никогда!

Вот и вышел королевич на море и увидел селезня. А селезень к краю плывет, покрякивает. И захотелось королевичу так поймать, живьем. Снял он с себя все, вошел в воду и ну селезня руками ловить.

А селезень нырнет от него — и к нему: манит в глубь.

Королевич и стал тонуть.

Селезень тогда вспорхнул на берег и сделался молодцом.

Вынул Василий из королевского платья кремень и огниво, чиркнул раз и два — до трех раз, и выскочили три ухореза.

— Что нас покликал, на какие работы?

— Сожгите весь город, только оставьте дворец да избушку старухину! — приказал Василий.

И подожгли ухорезы, — у! как загорелось!

С берега смотрел Василий на огненное царство.

И показался ему старичок: шел старичок к огню, вел царевну через огонь.

— Ах, Никола Милостивый! — взмолился Василий.

А старичок подвел к нему царевну.

И огонь погас.

И благословил их Никола Милостивый Чудотворец на новую жизнь жить верно в любви.

Василий с царевной вернулся в полунощное царство и стали они жить и быть. И по смерти царя наступил Василий Ломтев в полунощном царстве царем.

СВЕЧА ВОРОВСКАЯ

Жил-был один человек, а время было трудное, вот он и задумал себе промыслить добра да недобрым делом: что у кого плохо лежит — не обойдет, припрячет, а то накупит дряни какой, выйдет купцом на базар и так заговорит ловко, так выкрутит, совсем тебя с толку собьет и втридорога сбудет, — одно слово, вор.

И всякий раз, дело свое обделав, Николе свечку несет.

Понаставил он свечей, только его свечи и видно.

И пошла молва про Ипата, что по усердию своему первый он человек и в делах его Никола ему помощник. Да и сам Ипат-то уверился, что никто, как Никола.

И однажды хапнул он у соседа, да скорей наутек для безопаски. А там, как на грех, хватились, да по следам за ним вдогонку.

Бежал Ипат, бежал, выбежал за село, бежит по дороге — вот-вот настигнут, — и попадает ему навстречу старичок, так, нищий старичок, побиральщик.

— Куда бежишь, Ипат?

— Ой, дедушка, выручи, не дай пропасть, схорони: настигнут, живу не бывать!

— А ложись, — говорит старичок, вона в ту канавку.

Ипат — в канаву, а там лошадь дохлая. Он под лошадь, в брюхо-то ей и закопался.

Бегут по дороге люди и прямо по воровскому следу, а никому и невдомек, да и мудрено догадаться: канавка хоть и не больно глубока, да дохлятину-то разнесло, что гора.

Так и пробежали.

Ипат и вышел.

А старичок тут же на дороге стоит.

— Что, Ипат, хорошо тебе в скрыти-то лежать?

— Ой, дедушка, хорошо, — чуть не задохнулся!

— Ну, вот, видишь, задохнулся! — сказал старичок, и стал такой строгий, — а мне, как думаешь, от твоих свечей слаще? Да свечи твои, слышишь, мне, как эта падаль! — и пошел такой строгий.

КАЛЕНЫЕ ЧЕРВОНЦЫ

Шел мужик лошадь продавать и хвалился:

— Кого хошь обдую, и умника и простого и святого, кого хошь!

И только это сказал он, а ему старичок навстречу:

— Продай лошадку-то!

Посмотрел на него Кузьма, — так, старик не из годящих и разговаривать-то с таким — время терять.

— Купи.

— А сколько?

— Сто рублей.

— Да что ты, креста на тебе что ли нет? Конь-то твой был конь, да съезжен, десятки не стоит.

— Ну, и проваливай, — огрызнулся Кузьма, — не по тебе цена, не для тебя и конь! — и пошел.

И старичок пошел, ничего не сказал, да остановился, что-то подумал и уж догоняет.

— Уступи!

А тот молчит.

— Уступи, хоть сколько, — просит старик, не отстает.

И вот-вот двинет его Кузьма: надоело.

— Ну, ладно, коли уж так надо, бери сто! — сказал старик и высыпал ему на ладонь червонцы, а сам сел на лошадь и прощай.

У Кузьмы в глазах помутилось — червонцы!

И хотел он их в карман спрятать, а никак и не может с ладони ссыпать: пристали к ладони, не отлипают. Бился, бился, а ничем не отдерешь, и жжет.

От боли завертелся Кузьма и уж едва по дому добрался.

И дома места себе не находит — жгут червонцы. Извелся весь. Уж кается, да ничего не помогает: жгут червонцы, как угли каленые.

И вот совсем обессилел и заснул.

И приснился ему сон.

«Иди, — говорит, — той дорогой, по которой шел продавать лошадь, встретишь того старика, покупай назад лошадь. Сколько ни спросит старик, давай».

Очнулся Кузьма. Чуть свет вышел на дорогу, — на свет ему поднять глаза трудно, и жжет.

А старик-то и едет.

Поклонился он старику.

— Продай, дедушка, лошадь-то!

Смотрит старик, не признает.

— Лошадку-то продай, дедушка, мою! — едва слова выговаривает несчастный.

— Десять рублей, — сказал старик.

— Бери сто.

— Зачем сто? Десять, — и поехал.

Кузьма стоит на дороге, в пору волком завыть.

Старику-то, видно, жалко стало, и вернулся.

— Ну, давай уж сто.

Обрадовался Кузьма, и в ту же минуту отлипли червонцы, так и зазвенели, каленые, о холодный камень. Нагнулся, собрал в горсть, глядь, а перед ним старичок-то, как поп в ризах.

— Батюшка, Никола Угодник!

А старик стоит, и так смотрит: броватый такой, кротко.

— Прости, родненький!

— Ну, иди с Богом, да не обманывай! — сказал старик и как не было.

И червонцы пропали, только лошадь одна.

РЕМЕЗ-ПТИЦА

Был ремез не такой малый, был ремез больше всех птиц, а звонкая, звонче во всем бору не было птицы. Тучей подходил ремез к городу, громким громом ступал на свой широкий двор, и был он всех озорнее и всех обижал, и все его страсть как боялись.

Вот ехал раз в зимнюю пору Никола Угодник, едет себе лесом, поспешает на угодное дело. А в лесу шаловáл ремез, да как вылетит на дорогу, да как свистнет — перепугался конь Николин, рванул: сани набок и прямо в снег.

Поднялся Никола, пошел к Господу Богу: большая была досада на птицу.

— Я, Никола, я Твой Угодник, — сказал милостивый Никола Господу Богу, — и на что попускаешь разбойнику этому: всех обижает, коня моего напугал, Сивку!

И просит у Бога управы на птицу.

И внял Бог, покарал шаловатую птицу — отнял от ремеза силу, а перья его роздал птицам на прибыль роста, и стал ремез такою малою птицей.

И нынче у всякой птички, у всякой пичужки есть перышко, хоть малое, от ремеза-птицы, и за то ее все любят, и за то она первая птица — ремез.

ЗАДАЧА

Жил-был поп благочестивый Наркис. Всякого в приходе своем Никольском знал поп в глаза и о всех имел заботу. И все шли к попу с своими горями и бедами, — любили попа.

А был поп Наркис вдовый и только что в заботах и находил себе покой в своей вдовой доле. Да была у него дочь Зинаида, в городе училась, в училище, и о ней поп когда говорил, то всем становилось весело.

Приедет на праздник к отцу Зинаида, тоненькая такая и голос тихий, а как начнет ввечеру догматики знаменным распевом петь на разные гласы, до слез проймет.

Слушает поп Наркис Зинаиду и сам петь примется.

И до того в доме у них хорошо да приветливо, зайдет ли кто посидеть, поговорить с попом по душе, и уйдет домой, как и горя не было.

Ну, а бесам это и неприятно: им непременно, что раз ты попом сделался, так изволь все наоборот, — и попивать, и буянить, и чтобы в карты и худыми делами всякими заниматься на соблазн людям и осуждение. И возненавидели бесы попа Наркиса и затеяли проучить его по-своему, чтобы был им поп слугою верным.

И вот на святках, в полночь, когда поп, окончив спальные молитвы, собирался укладываться, ворвались они к нему в дом и пошел по покоям и на кухне и стук и шум.

— Отдавай, — говорят, — дочь Зинаиду, а не то силой возьмем!

Перепал поп, не знает, что с ними и делать, и одно просит — потерпеть до следующей ночи, чтобы подумать.

Бесы согласились. Им пока и того довольно, что заробел поп: известно, с заробелым человеком что хочешь, сделать можно, на какую угодно гадость толкнуть заробелого-то можно, до петли довести и совсем без подпиха.

— Старайся, ребяты, — сказал бес главный бесам, — поп Наркис уж наполовину наш, а завтра будет наш с головкой!

И отошли бесы.

А поп, как очнулся, стал на молитву и молил у Бога, просил Николу вразумить его, оградить от бесов любимую дочь его Зинаиду. И до утра все молился, да так на молитве, стоя, и задремал.

И вложил ему в ум Никола Угодник:

«Явится к тебе дьявол, задай ему задачу, чего он справить не может, да петушка припаси на случай».

Пошел поп в церковь, а сам все думает, какая такая задача бесу не под силу, думал, думал, да осмотрелся и надумал.

И когда в полночь они снова явились со стуком, громом и шумом:

— Отдавай нам свою дочь Зинаиду!

Поп Наркис им ответил:

— Если вы, бесы, можете до света сострoить церковь, я вам отдам дочь.

Загреготали бесы:

«Эка, поп-то глупый! Они и не такое мигом сработают, а то церковь до света!»

А главный бес говорит Наркису:

— Покажите нам, батюшка, место.

Поп с ними вышел на улицу, указал, где строить, а сам в дом вернулся.

И закипела работа.

И куда еще до рассвета, а уж церковь до потолка поставлена и иконостас готов!

Бесы старались, работали, а поп с петушком ладил, чикутал ему под бородушкой его шелковой, чтобы очхнулся петушок и запел.

И к свету ближе петух запел.

И рухнула церковь бескрестная и, кто куда, рассеялись бесы.

Так ничего и не взяли.

А поп Наркис еще тверже стал в своей жизни — в заботах, бесам на пущую досаду.

ЗАРЯ ПЕРЕГОРЕЛАЯ

Мало мы чего знаем и понятием, к чему что, не больно богаты, а помолчать, когда чего не знаем, на это нас нет.

Пахал Антон пашню, измаялся. И вечер стал, заря перегорела, а Антон все пашет. И попадается ему навстречу старичок: смотрит куда-то, будто о чем задумал.

— Скажи, — говорит, — Антон, к чему это заря перегорает?

— Да к ненастью, старинушка, — ответил Антон.

Старичок его за руку, да через оглоблю, перевел через оглоблю, оборотил конем и ну на нем землю пахать.

Перегорела заря, звезды небо усеяли, месяц вона где стал, когда кончил старичок пахать, — а это сам Никола был Угодник. И уж еле поплелся Антон с поля домой.

На другой день пашет Антон, и опять ему старичок навстречу.

— Ну, Антон, к чему заря перегорает?

А день стоит светлый да теплый.

Тут Антон — вчерашнее-то ему ой как засело! — и повинился, что не знает.

— То-то, не знаешь, а коли чего не знаешь, о том помолчи! — сказал старичок и пошел.

Пошел Угодник уму-разуму учить нас, на думу ленивых, гневный, — карать неправду, милостивый, — жалеть, и собирать нас, разбродных.

ГЛУХАЯ ТРОПОЧКА

Жили соседи, два охотника, и такие приятели, водой не разольешь, ходили за охотой, тем и жизнь свою провождали.

Идут они раз лесом, глухой тропочкой, повстречался им старичок. И говорит им старичок:

— Не ходите этой тропочкой, охотники.

— А что, дедушка?

— Тут, други, через эту тропочку лежит змея превеликая, и нельзя ни пройти, ни проехать.

— Спасибо тебе, дедушка, что нас от смерти отвел.

Старик пошел — не узнали, за простого человека сочли, а это был сам Никола Милостивый Угодник.

Постояли охотники, подумали.

— А что, — говорят, — нам какая вещь, — змея! Не с пустыми руками, эвона добра-то! Как не убить змею?

Не послушали старика, пошли по тропочке и зашли в чащу дремучую. А там привеликий бугор казны на тропочке.

И рассмехнулись приятели:

— Вон он что, старый хрен, насказал! Кабы мы послушали его, он бы казну и забрал себе, а теперь нам ее не прожить!

Сели и думают, что делать: уж больно велика казна, на себе не дотащишь.

Один и говорит:

— Ступай-ка, товарищ, домой за лошадью, на телеге ее и повезем, а я покараулю. Да зайди, брат, к хозяйке к моей, хлебца кусочек привези, есть что-то хочется.

Пошел товарищ домой, приходит домой, да к жене:

— Тут-то, жена, что нам Бог-то дал!

— Чего дал?

— Кучу казны превеликую: нам не прожить, да и детям-то будет и внучатам останется. Затопи-ка поживее печь, замеси лепешку на яде, на зелье. Надо: приятеля угощу.

Ну, баба смекнула, ждать себя не заставила: живо лепешка поспела на яде, на зелье. Завернула лепешку, положила ему в сумку. Запряг он лошадь и поехал.

А товарищ там, сидючи над золотой кучей, о своем раздумался, зарядил ружье и думает:

«Вот как приедет, я его и хлопну — все деньги-то мои и будут! А дома скажу, что не видел его!»

Подъезжает к нему приятель, тут он прицелил, да и хлоп его, а сам к телеге, да прямо в сумку, проголодался очень, — лепешечки поел и тоже свалился.

А казна так и осталась никому.

ЗАЯЦ СЪЕЛ

Хорош был для миру кузнец: в кузнице работал, за работу ни с кого не брал, кто что даст только. За своего пошел кузнец среди бедных людей, все его очень любили: узнали и чужестранные, стали ездить на праведного куз-

неца посмотреть. И жил кузнец хорошо и спокойно, ни в чем нужды не знал и всем был доволен.

Вот и приходит к нему раз старичок какой-то. Это сам Никола Угодник пришел испытать его.

— Что, говорит, кузнец, как ты работаешь, за какую работу что берешь?

— Кто что даст.

— Какая это твоя работа! Пойдем со мной, я лекарь. И брать ничего не будем, а денег больших добьемся.

Подумал кузнец, подумал, чего же не пойти, коли такое дело: и миру польза и душе не обида. И согласился.

И они пошли.

А взяли они с собой в дорогу один кошель с хлебом, а хлеба там всего-то по такому кусочку. Старик ходко идет, и хоть бы что, а кузнец едва уж ноги тащит: и устал, и есть захотел. Наконец-то старичок вздумал сесть отдохнуть.

Тут кузнец за кошель, развязал кошель, вынул по кусочку. Старичок и к хлебу не притронулся, в кошель назад положил, встал себе, да в сторонку, за хворостом, хворост посбирать. А кузнец весь хлеб свой съел — есть еще больше хочется, съел и стариков хлеб, да, чтобы концы в воду, кошель и закинул, лег и заснул.

Будит старичок:

—' Где, говорит, кошель?

— Не знаю.

— Где хлеб?

— Гляди, заяц съел!

Заяц, так заяц, ничего не поделаешь.

Смотрит старичок. И хочется кузнецу правду сказать, да как сказать: ведь всего этакий кусочек съел!

— Ну, ладно, — сказал старичок, — пора за дело. Пойдем к морю, за морем царь живет, у царя дочь больна, вылечим царевну.

И дошли они до моря, а лодок нет. Айда по морю. Кузнец едва поспевает. Середь моря зашли, стал старичок.

— Кузнец, ты съел мою долю?

— Нет! — и стал кузнец по колено в воде.

— Не ты?

— Нет.

Старичок посмотрел. А у кузнеца сердце упало: признаться б, да как признаешься: ведь всего этакий кусочек!

— Ну, пойдем.

Вышли они на берег и сказались, что лекаря: нет ли больных где?

— У царя, — говорят, — три года царевна хворает, никто не мог вылечить.

Донесли царю. И сейчас же царь пришлых лекарей призвал.

— Можете вылечить дочь?

— Можем, — сказал старичок, — отведи нам особу комнату на ночь, да из трех колодцев принеси по ведру воды. Наутро за одну ночь здрава будет.

Отвел им царь комнату, сам и воды принес. И остались они с хворой царевной.

Старичок разрезал ее на четверо, разложил куски, перемыл водой, и опять сложил, водой спрыснул, — царевна здрава стала.

Кузнец глядит, глазами не верит.

Наутро стучит царь с царицей.

— Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

Взял царь лекарей в свою главную палату, угостил их и открыл перед ними сундуки с казной: один сундук с медью, другой с серебром, третий с золотом — бери, сколько хочешь!

— Что, — спрашивает старичок кузнеца, — доволен деньгами?

— Доволен, — говорит, — доволен.

— И я доволен.

Попрощались с царем и пошли из дворца, понесли казну большую.

— Пойдем, — сказал старичок, — теперь к купцу, купцова дочка хворает, вылечим ее, еще больше денег дадут.

А купец уж идет, кланяется.

— Вылечите, дочь больна!

— Вылечим, — сказал старичок, — отведи нам особу комнату на ночь, из трех колодцев принеси по ведру воды. Наутро за ночь здрава будет.

Натаскал купец воды, привел дочь, оставил с ними.

Старичок говорит кузнецу:

— Видел, как я делал?

— Видел.

— Ну, делай, как я.

Кузнец разрезал купцову дочь, а сложить не может. И до рассвета бился, ничего не выходит. Старичок видит, кузнецово дело плохо, взял, сложил куски, водой спрыснул — стала купцова дочка здрава.

Стучит отец.

— Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

И угостил их купец и денег дал. Старичок за деньги не брался, а брал кузнец и напихал полную пазуху бумажек, фунтов десять.

— Довольны?

— Довольны, хозяин.

Простились с купцом и пошли к Волге в кузнецово село.

Старичок и говорит:

— Давай, кузнец, деньги делить. Я от тебя уйду, а ты домой ступай.

И начал кузнец раскладывать казну на две кучки — тому кучка и другому кучка. Сам раскладывает, а самому так глаза и жжет, вот подвернется рука и себе переложит.

— Что, кузнец, разделил?

— Разделил.

— Поровну?

— Поровну.

— Ты у меня не украл ли?

— Нет.

— Бери себе все деньги, только скажи мне: это ты тогда съел кусочек или заяц?

— Я не ел твой кусочек! — и стал кузнец по колена в земле.

— Скажи, не ты ли? Деньги мне не надо, все твое.

— Нет! — и стал кузнец в земле по шейку.

— Когда ты неправду говоришь, так провались ты в преисподнюю от меня!

Кузнец и провалился, и деньги за ним пошли.

СМЕТАНА

Поп Никанор только и гадал с попадьей, как бы дочь повыгоднее устроить, выбрать себе поладнее зятя, место ему передать и самим жить на покое.

Ездили в дом к попу женихи, и ни один не был по сердцу. Один был поповой дочке мил — попов работник.

И, узнай о том поп, проклял бы дочь, да и мать не больно потакнула бы.

Тайно от отца, от матери они о своем гадали, как им в любви своей жизнь устроить.

Попова дочка работника всякий день сметаной прикармливала. Принесет ему в его каморку, поластится, пока тот ест, и пойдет опять к себе.

До сметаны-то Федор большой был охотник.

И дозналась попадья, что стала пропадать сметана, а куда девается, не знает: и на того думала и на другого, — нет, не знает наверно, и говорит попу:

— Чтой-то у нас, отец, сметана теряется!

— А ты, мать, накопи ведерко, я в церковь снесу на сохранение, там никто не съест.

Накопила попадья ведерко, снес поп сметану в церковь, поставил перед образом Николы Святителя, запер церковь и пошел домой.

А работник без сметаны-то и возроптал.

— Ах, — говорит, — любушка, что ты меня и сметанкой-то нынче не полакомишь!

— Да откуда я возьму! Папаша сметану в церковь снес, к Николе поставил на сохранение.

— А достань мне хлеба да ключи, я сам там управлюсь.

До сметаны-то Федор большой был охотник.

Ну, она ему и хлеба принесла и ключи, он и отправился в церковь. Наелся там всласть, все ведерко слопал, да чтобы концы схоронить, взял да у иконы Святителя на лике-то усы и вымазал, и на бороду накапал, и на грудь накапал. Запер церковь и пошел домой, сам облизывается:

«Уж то-то сметана-то вкусная!»

Подошла суббота, пошел поп Никанор в церковь всенощную служить, да как взглянет на икону, а икона-то вся в сметане, а ведро пусто.

— А вот оно что! Грешил на того и другого, а эво кто сметану-то ест! — да икону об пол.

Икона и раскололась.

Поп схватил ведро и домой, забыл и про всенощную.

— Ну, мать, я Николу расколол, — сметану ест: только рот закрыть поспел, утереться не мог, весь в сметане.

— Не ладно ты сделал, отец, — испугалась попадья, — икону расколол, тебя расстригут! — и давай попа отчитывать.

Поп и опомнился и понял, что неладно он сделал, и уже ничем не поправишь.

— Испеки мне, мать, подорожников, я лучше сбегу.

И как ни уговаривала попадья, не послушал поп — куда ему теперь, все равно расстригут! — стал на своем:

— Сбегу да сбегу.

И напекла ему попадья подорожников и пошел поп, куда глаза глядят.

Шел поп Никанор по дороге, — подорожники его прибрались, сам изодрался весь, изрванился, — шел поп, кричал к Богу:

— Пропал я, пропал совсем!

И увидел Никанор, идет ему навстречу старичок такой белый.

Поровнялся старичок с попом.

— Куда, поп, пошел?

А Никанор ему все и рассказал: и как с попадьей гадали дочь устроить, чтобы самим на покое жить, и как сметану поставил в церкви перед иконой, и как Никола сметану съел, и за то расколол он икону, и идет теперь, куда глаза глядят.

— Пропал я, пропал совсем!

Слушал его старичок ласково.

— Иди домой, поп, — сказал старичок, — икона-то цела, не расстригут тебя. Только не говори наперед, будто сметану я съел, сметану съел твой работник Федор. А ты придешь домой, работника-то не наказывай, а жени его на своей дочери, — это счастье их. Да знай, только в их счастье и себе покой найдешь, и старухе своей! — и благословил попа пропащего и пошел себе дорогою Милостивый Угодник наш.

ДОЛЯ

Ехал казак к царю с вестями, вез царю три слова: первое слово — о помощи Божьей, второе — измена, третье — надежду.

Едет он ночью лесом. От дерева до дерева светят ему звезды. И видит: под елью что-то белеет. И конь почуял: непростое.

Подъехал казак поближе, смотрит: сидит старик под елью и вяжет лыко, старый-престарый такой.

— Что это ты тут, дедушка, делаешь? — остановился казак.

— Али ослеп? Лычко вяжу, — сказал старик.

— А для чего тебе лыко вязать?

— А вяжу я лычко, вяжу долю людскую.

— Лыко худое вяжешь с добрым...

— А такие люди на свете: одни добрые, другие худые. И надо соединить их, чтобы худые были с добрыми, а добрые с худыми.

— А зачем же так?

— А затем, чтобы шла жизнь на земле: соедини ты худых с худыми, и всякая жизнь прекратится, а соедини одних добрых, и Бога забудут.

— Дедушка, кто ты такой?

— Да я, сынок, Никола.

Казак слез с коня.

— Помолись за нас, Милостивый Никола!

И старичок поднялся.

— Ну, поезжай, казак, с миром.

И казак поехал.

Ехал казак всю-то ночь — по звездам, вез царю три слова, а четвертое слово — самое большое — милость Николы.

ЗА РОДИНУ

Три стороны тебе воля, — иди, куда хочешь, гуляй вовсю, а в четвертую — родную сторону ни по́-ногу, своих не трожь, за родину проклянет народ.

Гулял Степан, разбойничал — вострая сабля в руках, за плечами ружье, охотничал разбойничек: дикая птица,

двуногая, с руками, с буйной головой добычей была. Ухачи, воры — товарищи. Где что попадалось, все тащил, зря не бросал и не проглядывал, что висло висело. И был у него большой дом — табор разбойный, и хлеба, и одежды и казны вдоволь, полны мешки серебра. Смолоду было — лизнул он камень завечный и все узнал, что на свете есть. И не знал уж страха, и не было на свете того, кто бы погубить его мог. И Саропский лес приклонился перед ним к земле.

Гулял Степан, разбойничал, Турецкое царство разбил; Азовское море и море Каспийское в грозе держал. И полюбил народ Разина за гульбу и вольность его: отместит разбойничек обиду народную!

Ночь ли темная, или напрасная кровь замутили вольную разбойную душу, нарушил Степан завет родителей, пошел на своих, своих стал обижать — не пройти, не проехать по Волге, замаял. И вышел у народа из веры.

Три стороны тебе воля, — иди, куда хочешь, гуляй вовсю, а в четвертую — родную сторону ни пó-ногу, своих не трожь, за родину не простит, проклянет народ.

Вот он с разбою ехал по Волге. Никто его не встречает, один страх стоит по Волге. Мимо Болгар проезжал, про прежнюю вспомнил — про свою первую пощаженную встречу. Что-то скучно ему...

«Дай к ней зайду!»

Вышел Степан из лодки, завернул к купцову полукаменному дому — было когда-то в доме веселье, знавал и разгулку.

Отворила дверь сама Маша. Смотрит, глазам не верит — Стенюшка ли это милый?

— Что, Егоровна, али стар уж стал? С Жегулиной горы гость к тебе.

Посидели молча. И вспоминать не надо.

— Что-то мне скучно, Маша.

А она только смотрит. Вспоминать не надо! И вспомнила, обиду вспомнила и простила, за себя простила, и другую вспомнила обиду — и не простила.

— Истопи мне, Машенька, баню, как бывало.

— Ладно! — и хотя бы глазом моргнула, как камень.

Истопила Марья баню, снарядила в последний раз дружка, а сама на село.

— Стенька парится в бане! — кричала на все село.

Взбулчал старшина, нарядили народу — кто с дубиной, кто с топором, кто с косой, кто с ружьем.

Там гвал, тут гамят.

— Давай его сюда!

— Иди к нему!

— Чего глядишь-то!

— Тащи его!

А ни с места.

А проходил селом странник, старичок такой белый.

— Что у вас за сходка? — спрашивает старик.

— Хотим Стеньку изловить.

Посмотрел старик, покачал головой.

— Где вам, братцы, его пымать! Разве мне...

Поумолкли.

Снял старик шапку, три раза перекрестился и пошел к купцову полукаменному дому, подошел к бане.

Тихим голосом сказал старик:

— Степан!

Громко ответил Стенька:

— Эх ты, старый хрен! Не дал ты мне помыться.

А уж значит судьба, делать нечего, стал собираться.

И вышел Степан из бани. Поглядел на все стороны, перекрестился и пошел за стариком.

Тихим голосом сказал старик:

— Старшина, давай подводу!

Не галдел народ. Как стояли, так и замерли — кто с дубиной, кто с топором, кто с косой, кто с ружьем.

Посадил старик разбойника в телегу, сам впереди сел — и с Богом.

Так и привез в город.

— Нате вот вам разбойника Стеньку Разина в каземат.

Сбежался народ. Топчутся, не знают, как и подступить.

Исправник говорит:

— Надо в железо его сковать.

Побежали за кандалами. Принесли кандалы. Заковал его кузнец.

Стенька тряхнул ногой, и железы прочь полетели.

— Глупые, не поможет тут железо, дайте я его свяжу!

Взял старик моченое лыко, ноги и руки лыком связал.

— Ну, готово, теперь ведите.

Степан поглядел на старика.

— Прости, дедушка!

А старик будто не слышит.

— Прости, дедушка!

Старик нахмурился.

— Прости меня! — в третий раз сказал Степан.

Поднял посох старик...

— Не прощу!

И пошел такой строгий, не простой, белый странник, не оглянулся, пошел по дороге туда, где тихо поля родные расстилаются и лес нагрозился.

Милостивый наш Никола,
где бы Ты ни был, явись к нам!
Скажи Спасу о нашей тяжкой страде,
умири ильинский огонь,
заступи, защити русскую землю!
Благослови русский народ великим благословением своим
на новую грядущую жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Николины притчи основаны на народных сказаниях, сказках, быличках о Николе Угоднике, для чего пользовался я сказками и легендами А. Н. Афанасьева, Русские народные сказки, под ред. А. Е. Грузинского. Изд. Т-ва И. Д. Сытина, М., 1914, Народные русские легенды. Изд. Соврем. Проблемы, М., 1914, духовным стихом о Николе из книги П. А. Бессонова, Калики перехожие, М. 1861, вып. 3, сочинением Е. В. Аничкова, Никола Угодник и св. Николай, Зап. Неофилологич. Общ., СПб., 1892, и сборниками — самарским, северным, пермским, белозерским: Д. Н. Садовников, Сказки и предания Самарского края, Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отдел. этногр., XII т. СПб., 1884, Н. Е. Ончуков, Северные сказки, Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отдел. этногр., XXXIII т. СПб., 1908, Д. К. Зеленин, Великорус. сказки Пермс. губ., Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отдел. этногр. XLI т., II гр. 1914. Борис и Юрий Соколовы, Сказки и песни Белозерского края. Изд. Отдел. Рус. Яз. и Словесн. Имп. Акад. Н. 1915; псковскою легендою, запис. Н. Г. Козыревым, Живая Старина, II гр. 1912, вып. II—IV, рязанскими сказками с. Константинова, переданными мне поэтом С. А. Есениным, и устюжской сказкой г. Лальска, запис. двоюродным братом поэта А. А. Кондратьева.

	Год написания	№	Год напечатания		№
Глухая тропочка.	1914	Сад. 89. Сок. 100.	1915	Нива.	1
Доля.	1915	Аф. 172 (Сказ.).	1915	Речь.	336
За родину.	1915	Сад. 110.	1915	Бирж. Вед.	14586
Задача.	1915	Онч. 173.	1915	Речь.	336
Заря перегорелая.	1914	Сад. 90.	1915	Нива.	1
Заяц съел.	1915	Сад. 89. Аф. 5.	1915	Нива.	1
Каленые червонцы.	1915	Рязанс. г.	1915	День.	336
Никола верный.	1915	Сок. 38, 77. Зелен. 29. Онч. 281.	1915	Аргус.	11
Никола милостивый.	1915	Аф. 3 (Лег.).	1916	Приазов. Край.	96
Никола ночлежник.	1916	Сок. 117.	1916	Речь.	
Никола-судия.	1915	Сок. 8.	1915	Голос.	1
Никола Угодник.	1907	Бесс. 130.	1907	Голос Москвы.	298
Никола чудотворец.	1915	Зелен. 4.	1906	Страда.	1
Николин дар.	1914	Сад. 91. Аф. 10 (Сказ.).	1914	Бирж. Вед.	14538

	Год написания	№	Год напечатания		№
Николин завет.	1914	Э. О. 1891. XI.	1914	Отечество.	5
Николин огонь.	1915	Ж. С. 1912 II-IV № 8.	1915	Огонек.	49
Николина порука.	1915	Зелен. 36.	1915	Бирж. Вед.	15253
Николино письмо.	1916	Сок. 118.	1915	Бирж. Вед.	16004
Николино стремя.	1915	Сок. 9, 116.	1916	Ежемесяч. журн.	2
Николина сумка.	1915	Сок. 43.	1915	Петроград. Газета.	281
Николин умолот.	1915	Рязанс. г.	1915	Речь.	336
Ремез-птица.	1913	Вологодск. г.	1914	Гриф 1913 г.	
Свеча воровка.	1915	{ Рязанс. г. Аф. 246 (Сказ.).	1915	Речь.	336
Сметана	1915	Онч. 41.	1916	Ежемесяч. журн.	2

I. Газеты: «Биржевые Ведомости», Пгр., «Голос», Пгр., «Голос Москвы», М., «День», Пгр., «Петроградская Газета», Пгр., «Приазовский край», Р. н. Д., «Речь», Пгр.

II. Журналы: «Аргус», Пгр., «Ежемесячный Журнал» (Виктора Сергеевича Миролюбова), Пгр., «Нива» (приложения), Пгр., «Огонек», Пгр.

III. Сборник: «Гриф» (юбилейный 1903—1913), М., «Страда», Пгр.

Повесть о двух зверях
ИХНЕЛАТ

Пролог

ТРАВКА-БЕССМЕРТНИК

Слышит персидский царь, мудрейший из царей и справедливый: есть в Индии, растет травка, пожуй и навсегда забыл «как ваше здоровье?», травка-бессмертник. И велит царь своему ученому врачу: «поезжай в Индию и возвращайся с травкой!»

Барзуй не мог ослушаться царя, в ночь уложил чемоданы и с восходом солнца в путь: ему и самому охота посмотреть на чудесную травку и любопытно, на что она похожа, бессмертник!

Два года прожил Барзуй в Индии. Где-где его нога ни прошла. Два года в розысках с расспросом.

Сколько лесов и пустынь, ям и ямин сквозь повыходил, искал на раменьях, на зимницах, на старых мшанниках, бортях, езях; облазил все огороды, прошел дороги, дорожки, тропки и стопинки.

«Помним, знаем исстари, говорят, есть такая травка, подает человеку бессмертие».

Но где она такая, толком указать никто не может.

Одни говорят: «у проклятой сосны с дву пырьи».

Другие: «взад от погиблого болота, а от обгиблого болота к паленому, там».

Третьи: «к колодливому озеру Верхних Куров под крековатой березой ищи».

Так закрутили, так запутали, не почасилось Барзую, хоть садись на муравьище и жди себе окончания!

Выкупался он в Ганге реке — вода, дна не достать, а все видно, — хорошенько с мылом вымыл себе шею — было б в петлю лезть, не стесняясь: известно, вернуться к царю с пустыми руками, какая еще награда.

И решил он повернуть оглобли, да как вышел за изгороду, а в глаза ему землянка.

И чудное дело: из землянки торчит прутина, на пруте лелех, на лелехе птичка — чего-то коготком показывает, не то пляшет.

«Зайду-ка, думает Барзуй, не спроста птичка резвится!»

И вошел в землянку.

А в землянке у стола, поднялся, не скажешь, старик, но по одежде, в такое не одна сотня лет назад наряжались брахманы.

И с первого слова о травке:

«Вижу царская печать в твоих глазах, сказал Барзуй, не знаешь ли, где и как достать травку-бессмертник?»

А брахман на него посмотрел, словно б на ладонь себе поставил — был это сам мудрейший Бидпай:

«Есть она, эта травка, сказал Бидпай, только глупые вы все вместе, ищете ее в земле, а она, вот она где».

И протянул руку, снял с полки книгу, — переплет, нынче таких не делают.

«Без года две сотни лет, сказал брахман, а составил я эту книгу по древней памяти для царя Дадшелима: «Панчатантра». Бери ее и вези к своему царю — вот она, ты нашел бессмертную травку».

Барзуй ухватил книгу: Панчатантра! — пятикнижие — мудрость о зверях и человеке. Да в свою Персию без оглядки.

То-то царя удивит. А какая еще награда — бессмертник в руках.

ПОВЕСТЬ О ДВУХ ЗВЕРЯХ

I

СТЕФАНИТ И ИХНЕЛАТ

Два друга: Стефанит и Ихнелат. «Увенчанный» и «Следящий». Такое было человеческое имя этой звериной породы, в Бестиариях не упоминаемой. Оба занимали высокое место при Льве: стоять у дверей царя. И носили двусмысленное звание: «почетные советники». Царь, после смерти царицы, в своем мрачном одиночестве запутанный в живой сети зверей, по преимуществу сплетающихся обезьян, не замечал своих избранных советников. «Первые мудрецы» и «почетные советники» — громкое имя, и это как писатели, сохраняющие в истории имена, но не читаемые за исключением ученых и чудаков: Мильтон, Данте, Оссиан, прибавлю Рабле. Делать они ничего не умели, они собирают мысли и складывают слова, и жизнь их была «лотерейная» или просто сказать, были они нищие: Стефанит и Ихнелат.

— Ты! первый мудрец! Стефанит! И ты поверил: одной ногой ты спускался в подвал.

«Но разве ты не слышишь: воет сирена».

— Сирена! Протри глаза и открой уши: ревет бык.

«Да, конечно, бык».

— У тебя найдется огарок? Вот спички.

«Электричество вдруг погасло. Одному сидеть в потемках...»

— А что творится там, во дворце! Я остался один у дверей царя. Все разбежались: лисы и медведи, волки и обезьяны, кто куда. Слух страшлив: кому воет сирена, а кому сам черт. Наш гордый заносчивый Лев, умом не богат, — разве можно показать, что мы чего-нибудь боимся? — со страха он вскочил и оледенел, не смеет пошевельнуться: лев испугался быка.

Стефанит, зажигая свет: «Откуда взялся бык?»

— Случай самый обыкновенный. Ехал купец на паре быков. На дороге болото. Ему бы свернуть, а он прямо по зыби. Один бык и загруз. Много купец мучился, а вытащил — да быка-то замучил: ни рукой, ни ногой и не мычит. Возиться с таким кому охота, бросил купец быка подыхать на дороге и на одном дальше поехал. А бык отлежался, и видит места благодатные, травяные, ешь вволю. Смирный, а отъелся, быка узнать нельзя: копытом и рогами о землю бьет и этот его из утробы безудержный рев. А все одно, гибели не миновать: обреченному выхода нет — это я тебе, Стефанит, говорю: бык пропадет. А пока за его смертью послали, насмерть перепугал он Льва. Хорош царь! Стылая сосулька и ни на кого не бросается.

«Что тебе дался царь? Дурного от него ничего не видим. Наше почетное место у дверей царя, это не в очереди за молоком. Всякий день мы получаем от него бесплатный обед. Оставь царя в покое. Мы не челядь, не наше дело пересуживать ни его речей, ни его поступки».

— Власть влечет... А побеждает мудрость и бесстрашие. Разумный человек приближается к царю не ради куска хлеба, а желая власти и славы — иначе как осуществить свое и как возвеличить друга и обезвредить врага? А вся эта мелкота, поденная тварь, довольствуется очень малым: лишь бы сыту быть. Пес нашел обглоданную кость и не жалуясь, грызет, и голодный человек, когда в дому ошарь — ничего не найти, с жадностью возьмется за вчерашние объедки. Разумный человек неровня этой мелочной середине — жалкие выкидыши, они все знают и обо всем судят, меря своей убогой мерой! — его сердце устремлено ввысь, его желания под стать его стремлениям. И кто только ни добивается подняться из низин на вершину! Лев, ухватя зайца и увидя верблюда, отшвырнет зайца и погонится за верблюдом. А пес, набросившись на добычу, ты заметил, вьет и вертит хвостом, пока своего не прикончит. Огромадина слон не взглянет и не притронется к еде без ласкового понуканья, или до завтра ему нет дела, а долговечен. Так и одаренный, одаряющий других, если не долго живет, надолго остается в живой памяти людей. А нам, в тесноте и нищете, ни себе и ни дру-

гим, наш век краток, пускай доживем и до глубокой старости.

«Всякому свое. И не след отбрыкиваться от своей доли ни тому, кто почтен среди почетных, ни тому, обездоленному судьбой. Так и нам, Ихнелат. Примем с благодарностью нашу участь. Только в глазах безумца и сама большая честь не честна».

— Ты это про меня? Да, жизнь всем одна, но одного нет ни в чем. Камень легко катится вниз, а подымается с каким трудом, когда его тащут на гору. Предоставляю кому это удобно, я не камень. Нам надо искать высот, на это у нас есть сила, а не толочься на месте, ожидая помощи посторонних рук или быть довольну тем, что есть. Хочу воспользоваться замешательством Льва и поговорить с ним: уверен, кое-чего достигну и получу награду. Вижу его в крайнем испуге, расстроенный, и вся его лягавая дружина, поджав хвост, в растери и дрожит.

«Почему ты так уверен: лев обалдел?»

— Мои глаза и мое чутье. Можно проникнуть в мысли другого по его глазам и стати.

«На какую ты рассчитываешь награду? Что можешь сделать для Льва? Где у тебя сноровка говорить их языком?»

— Толковый найдется. Это дуралей напутает даже и там, где ему свое и голову ломать не надо.

«Ты гордый, Ихнелат. Ты богатый. А царям не за обычай считаться с большим, их глаз на ближайшего. Царь та же виноградная лоза, будет она разбирать: не глядя, приплетается к соседнему дереву. Как и чем ты обратишь на себя внимание Льва?»

— Начну путь нашей дружины — лис, медведей, волков, обезьян. Все они, хитря, поднялись из сырых низин или выдрались из колючих трущоб. У всех в памяти, как один честолюбивый незадачливый зверек, скрепя сердце и отбросив всякое самолюбие, всем покорный, всякому говоря только приятное и все и всем обещая, влез, наконец, своим обглоданным ничтожеством в глаза Льву. Так и я. Мне надо только приблизиться к нему, узнаю его нрав и повадку, я не дурак, услужу во всем. Мудрец, пользуясь истиной, создает вымысел: призрачная ложь живее и ярче самой истины. Или как ловкий журналист проводит свою

мысль в газетной болтовне. Уверен, Лев выделит меня из своей своры.

«Тебе это не к лицу. Пусть делают другие, но не ты. Есть три вещи, стоит только коснуться и пропал: втягиваться в дурман, поверять тайну женам и дружба с царями. Царь! Я его вижу, он как обрывистая с трудным подъемом гора, изобилие плодов земных, но и логовище львов и тигров, подыматься на гору — еще подумай, а жить — опасно».

— Кого страшит опасность, никогда ничего не достигнет. Всего бояться честь не велика. Три вещи пугают малодушных: «морское плавание», как прежде говорилось, а теперь сказать — «ответственность», внезапное нападение на врага и придворная служба. Разумному как раз это только на руку. Как слону дикая пустыня, мне будет царский двор, сумею быть и троном для царя.

«А вот и электричество! — гася огарок: Что значит свет для моих глаз!»

— Передышка быку. Бык пошел на водопой: веселое бульканье воды, слышишь, отзывается в городе отбоем сирены. Очумелые от страха звери, разминаясь, повылезли из своих подвальных убежищ и выхвостясь, бросились занимать места. Мне пора.

«Верю. Поступай, как знаешь».

II

ЛЕВ

По освещенным улицам прямым путем от Стефанита прошел Ихнелат во дворец ко Льву. Пользуясь дурацким расположением — опасность миновала! — и уступчивой добротой напуганных зверей, он, не стесняясь, по ногам добрался к самому трону. Лев по-прежнему, вспружинясь, стоит, не шевелясь; остекленелые глаза и заострившиеся уши. Оживление и пестрота зверей развеят понемногу, все еще звучавший в его ушах, страшный рев неизвестного зверя. Размягчаясь, глаза упали на непохожего на других зверя.

* * *

Лев вдруг: «Ихнелат! Давно тебя не видно».

— Всякий день я неотступно при твоих царских дверях.

Меня никогда не покидает надежда понадобиться тебе и никогда не получал я от тебя никакого наказа. Без зова я явился к тебе. Бывают случаи, и простой человек нужен, и незаметный в трудном деле поможет. Поверженное дерево идет на зубочистки и уховертки, но может быть годно и на постройку.

Лев вельможам: «А не зря говорится: не распознаешь разумного и речистого, пока он не раскроет рот. Потайной огонь, выходя на свет, взблескивает в воздухе пламенем и виден бывает издалека».

— Раб царя должен открыто говорить царю все нужное для него и полезное и ждать награды по заслугам. Как различишь семена, скрытые в земле, — и человек познается по своим словам. Царю не след смешивать головной убор и украшение ног — венец и сапоги, не годится и драгоценный камень вделывать в олово. Князьям надлежит держаться воевод и воинов, им подчиненных, а царю — мудрых советников. Число их у царя не велико. Дело царя и князей ограждать страну от врага, но и в таких высоких делах никогда не помеха совет меньших: и мал-не-мал, коли оказывается полезен. Не подобает властителю чествовать только своих благородных, надо подумать и о меньших, не ограничивать свой круг любимцами, а призывать к себе издалека. Что может быть каждому ближе своего тела, а когда захворает человек, разыскивают самых отдаленных врачей и редкие целебные травы. Живут и мыши в царских дворцах, они всегда под рукой, но какая в них надобность? А сокол — его всюду ищут, и как принимают! даже и на царской руке сидит.

Лев вельможам: «А ведь во всем он прав. Конечно, как можно властелину пренебрегать разумными людьми? И когда они достойны чести, его долг оказывать им заслуженную честь. Хотя бы это и пришлось кому не по душе».

Ихнелат, решительно подступая: — Царь, мне надо поговорить с тобой наедине.

«Я слушаю».

Ихнелат в упор: — Что ты все стоишь, как шампанская пробка? Не ударишь лапой и хвост не действует?

Лев, костенея, заносчиво молчит.

— Или тебе кто откусил язык? И разве мне чета, ты понял, эти твои...

* * *

На водопое бык насытился — пол-озера как выплеснуло. По широким горячим губам течет ручей. Нам бы чего лучше: поел-попил и на боковую легкому сну в утеху. Бык сну не враг, да сила прет, распирает сквозь мясо и кости вон — бык снова завел свою расструями катящуюся песню. И на подхлестывавший вой его сирены, звери, чумея, кто-как-и-куда из дворца улепетывать.

* * *

Лев с визгом: «Мне страшно, этот страшный зверь, я боюсь этого зверя. Его тело по голосу, сила по телу, а по силе мощь. Пока целы, бежим — куда хочешь».

— Не тебе, и я не побегу — посмотри, ты остался один, все разбежались. Верь мне. Не боюсь я голоса этого зверя, не грозен мне и сам зверь. Его голос громок, но пуст. Помню, как голодная лисица, бродя по лесу, услышала тимпан — висел на дереве. Очень испугалась. И не то, что зацапать, боится близко подойти, на пяточках выплясывает труса. А с голодом шутки плохи, голод съест и страх. Лиса залезла-таки на дерево и принялась терзать заманчивое пугало. И увидя не мясо и жир, а пустышку, сказала: «Такое ничтожество, а гремит под гром». Хочешь пойду и посмотрю, какой это ревет тимпан? Да присядь и успокойся. Я сейчас.

* * *

По опустелым улицам спешил Ихнелат на разведки. Как давно не был он в поле — и только во сне ему снится: широкое поле, и дышится легко. С быком разговор короткий — многословие для обольщения, а бык простой человек. Дело наладится и скоро-и-споро. А впереди — и как подумаешь, в глазах рябит — награда: Лев не воробей, щедрый. В совете у Льва займет Ихнелат первое место: Ихнелат — освободитель Льва! Страх только и сравним с холодом, недаром и Лев в испуге, как оледенел.

Лев послушался Ихнелата: Лев сидит, припаян страхом.

* * *

«Что я наделал? Или зря я долбил с детства наказ моего старого учителя Леопарда — «Негоже властелину

доверяться тем, кого презираешь или у кого отнял богатство и унизил, а тем более беспокойному человеку и хитрому». Пусть Ихнелат показал себя мудрецом, но чего ждать от человека? Человек — вероломство. На этой петле висит все человеческое. Если Ихнелат найдет, что громогласный зверь сильнее меня, он немедля перекинется на его сторону и откроет ему мое малодушие. И тогда зверь голыми руками возьмет меня, скрутит и задавит, как муху. Я царь — я тимпан!»

Ихнелат, вернулся: — Царю, во век живи!

«Видел?»

— Громогласный тимпан... да ведь это бык.

«С рогами»?

— Двурогий и жвачка, ненасытный. Я осторожно подошел к нему и мы разговорились. Самый настоящий бык. Как видишь, я цел и невредим: пальцем меня не тронул.

«На тщедушного и горбатого чья ж подымется рука? Ты судишь по себе, я не такой. Буря мелких деревьев не ломит, а высокие вырывает с корнем».

— Так по-твоему бык сильнее льва? Хочешь, я приведу его? Поверь, он будет в твоей воле — предан и покорен до самой смерти, твой верный раб.

* * *

Бык, когда ушел от него Ихнелат, задумался и жуя, в недоумении, какой это зверь приходил познакомиться: на купца не похож, а говорит по-купечески? Улицы, пользуясь раздумьем быка, снова оживились. Движение восстановлено. Грузно пыхтят автобусы, мышью шныряют такси и наперерез стрекоча, подскакивают мотоциклетки. Ихнелат, получив согласие Льва привести во дворец быка, возвращался к быку — ноги сами несли его. Больше никогда не почувствует он такой легкости и такой ко всему сердечности, как в этот единственный раз в канун своей призрачной, а уверенной славы. Это и есть чудо — мое чувство, что я, наконец, достиг и мое желание из мечты переходит в на-самом-деле. Ему казалось, весь мир изменился, все стали как дети и доверчиво на него смотрят. Встречным он улыбался и шутил, не замечая толчков и огрыза. А очутившись за заставой, он вдруг запел. А так

ему это не шло, книжнику, сорвавшему глаз на строчках и мелком примечании, широкое поле — песня. Он видел себя — голова запрокинута к солнцу, вейный ветер алым шарфом кутает шею — он видит себя необычным и не одергивался. Что-то цыганское звучало в его песне — и сердце зноем жжет.

* * *

Ихнелат: — Я по твою душу.

Бык: «Разве уж ночь?»

— Лев меня послал. Мне велено привести тебя. Подумай только, до сих пор ты к нему не являлся, как все мы, звери. Пойдешь, он ради простоты твоей простит тебя, а не пойдешь, будешь потом раскаиваться.

«Кто такой лев тебя послал? Где он живет?»

— Царь есть зверям лев, а живет тут со своими. Иди за мной, я тебе его покажу.

«Покажи. Иду».

— Да прекрати ты свою музыку, орало-мученик!

«Как ты говоришь: лев?»

— Лев-Лёва-Лов... царь всех зверей.

«А я бык».

— Ладно. Там разберут.

III

ЛЕВ И ТЕЛЕЦ

Львиное царство оглашается музыкой. Город иллюминован. Встреча Льва с Быком решает судьбу: Лев перебоялся и поладил с Быком. Мир сошел на землю. Начинается новая эра под знаком Быко-Льва.

* * *

Ихнелат: — Я пропал.

Стефанит: «С быком?»

— С Тельцом. Бык переименован в Тельца, выше над ним никого: Лев и Телец. Не могу до сих пор забыть, какое это было уморительное зрелище: встреча. Телец оробел, трясутся поджилки, у Льва зуб-на-зуб не попадает. Я следил. И чего только ни вытворяет перепуг, подлинно снотолкователь-чародей-и-звездочет. На радостях — ведь

больше не грозит беда! — Лев размяк. А Бык, лопоча, завел рассказ о своей беде, как на дороге его покинул купец на произвол судьбы; и как ничего хорошего себе не чая, готовился бык к смерти. Лев разжалобился. Да все равно, обреченному не миновать гибели. А кто позарится на власть и славу, тот все потеряет. Это я. Я освободил Льва от оков страха. Лев на седьмом небе, а я где? Я привел Быка ко Льву, Бык первый человек, Телец, а я кто?

«Что же ты думаешь делать?»

— Сначала-то, как все это произошло, я подумал: а не вернуться ли мне в мой опустелый дом? Ты в своей скважине живешь еще как-то по-человечески. Твоя стена — твои красочные серебряные конструкции, а над столом на веревке сушеные змеи, щучьи кости, кротиные лапы, талисманы. А у меня голая стена и пустые книжные полки — мне и домой-то возвращаться некуда. И все-таки решил: вернусь. А это значило: будь доволен тем — этим ненавистным мне, что есть. И как все неожиданно произошло — мой пропад. Я следил. Я терпеливо ждал. И наконец, вижу: Лев обнимается с Быком, а ведь мне даже не кивнул. И незаметный я вышел. Я видел себя. Я следил мои подвертывающиеся шаги, и жалкая улыбка. И что же было доброго и что злое в моей затее? Мысленно прошел я все доброе и до конца все злое, и когда решил вернуться на старое место, я не нашел к нему пути. Теперь мне ничего не остается и только одно: Тельца я уничтожу. Это будет и мне полезно, но и Льву тоже.

«Какое зло ты видишь для себя в приближении Тельца ко Льву? И как и чем ты можешь повредить Тельцу в глазах Льва?»

— Лев во власти Тельца. И кроме Тельца для Льва никого. Подумать царю о ком-то другом, странно говорить. Хорош царь! А и на царей есть срок. Царь теряет свое достоинство и низлагается — помнишь, мы учили, говорю на память: «когда не предпринимает нужных мер и свирепствует или свирепеет там, где надо быть кротким и рассудительным, и когда не находит разумных и верных советников, а окружает себя сластолизами, когда запугивает своих приближенных, возбуждая их на крамолу или поддавшись страстям, впадает в ярость и в суде придает значение не существу дела, а случайным обстоятельствам».

Так из-за своего обознался, приняв быка за громогласного зверя, Лев создал себе Тельца. Телец всех нас затер.

«Да, многие в обиде. Но как ты можешь повредить Тельцу: он и сильнее тебя и за стеной подчиненных?»

— Ты судишь обо мне, как и о себе, — наше ничтожество в зверином мире! Я спрашивал себя, есть ли хоть самое малое, что зависит от меня? И ничего не нашел. Любая консьержка, сравнить с нами, да тот же царь. Но мощь и сила побеждаются разумом. В истории немало примеров, когда слабый одолевал сильного. Мудрость важнее силы.

«Но Телец еще по-своему и разумен».

— Пусть сильный и разумный — я его свалю. Это будет проба силы человеческого слова и чего стоит их звериная верность. Дерзаю и верю во всякие случайности: там, где и не ждешь, вылезет, подымет и выведет. Помнится, какой-то заяц обошел льва.

«Не помню, да ты и не заяц. Если ты, Ихнелат, находишь, что Телец вреден Льву и можешь отстранить Тельца, делай как хочешь. Но если ты не уверен, что можешь исполнить задуманное и только расстроишь Льва, не берись: дело это трудное и преступное».

* * *

Особенно за последние дни — посмотришь на Ихнелата, весь-то выкостился, измызганный и обдрыпанный. Красит любовь, красит по-своему гнев. А обида, что ревность, сушит и точит. «Почему какой-то дурак занимает в вашем доме первое место: ваш друг! а я, чего я вам только ни сделал, я у вас на задворках?» Так сказалось бы в нашем безответственном быту, а тут случай необыкновенный. Ихнелат не только не занял первое место при Льве, на что по праву рассчитывал, а невниманием Льва отшвырнут на годами простоенное место, казавшееся теперь унизительным.

Без зова и в час неурочный, корчась казанской сиротой, и без того неказистый, приволокся Ихнелат ко Льву. И смотрит, жалобя.

* * *

Лев: «Да на тебе лица нет. Что-нибудь случилось?»

— Приятного немного и для тебя и мне.

«Говори».

— Когда человек хочет сказать о чем-то и знает, оно будет неугодно, даже будь оно на пользу, язык не поворачивается. Другое дело, если знаешь, слова твои легко дойдут, и тогда несмотря ни на что, смелость развяжет язык. Тебе не занимать стать ни разума, ни мудрости, это и толкнуло меня заговорить с тобой, о которых вещах ты и слушать не пожелаешь. Тебе известна моя преданность. Хочу верить, слова мои, какие ты услышишь, и поймешь, не покажутся тебе ложью.

«Говори».

— Всей душой я верен тебе до смерти. Как же мне утаивать от тебя, что я считаю полезным. Сказано: «не годится рабу скрывать от своего господина выгоды его, как больному свою болезнь от врача, как убогому перед людьми свою нищету». Свидетельствую и говорю истинную правду: в прошлую пятницу твой друг Телец у себя на собрании завел разговор с твоими боярами, и сказал: «Я, говорит, дознался, что такое Лев, я раскусил все его показное мужество и хвастливый разум и нахожу его во всем негодным». Эти слова — да, теперь мне ясно все бесстыдство твоего друга, и твое заблуждение: ты превознес его над всеми, поставил в ряд с собой. Обманом он задумал тебя свергнуть и самому занять твое место: у него только и на уме, как ему осуществить свой замысел. Обычно злодеяния предупреждают: злоумышленников казнят — единственный способ оградиться. Иначе как можно быть спокойным? Злая мысль не палка, не расщепить и не согнешь, на мысль одна управа: или вытравить или выжечь. Разумный человек не полезет в пасть к зверю, а примет все меры обойти. Только недалекие и пугливые влезут с головой, хотя бы голову потеряли, лишь бы проскочить. А дурак втюрился и загрузнет — мышь в варенье.

«Не могу понять, с чего бы Тельцу лукавить? Дурного он ничего от меня не видел».

— Вот именно, потому что ты ему не сделал никакого зла, он и забрал себе в голову против тебя, такова его лукавая природа. Ни одна ступень его не отделяет от тебя, так высоко ты его поднял, стоит ему протянуть руку и тебе конец. Закон природы. Какой-нибудь облезлый хорек с человеческой повадкой наперед покажет все свое

смердящее смирение, пока не достигнет звания, которого он вовсе не достоин, а как только пролез и уж рвачом лезет выше, и не успокоится, не схватя того, что еще выше. Песий хвост никогда не прямой, а вкривь, а попробуй свяжи и вытяни, и он выпрямится, но стоит развязать, и снова кривой мотается из стороны в сторону по своей природе. Ты хмуришься. Попомни, не принимай от своих приятелей слов только приятельных или будешь подобен тому больному, которому врач прописал лекарство, а больной не принимает, потому что горько. И не зря говорится: «лучше змеям по огню ходить, нежели смиренному со злыми жить».

Лев вдруг: «Ты говоришь, Телец мой враг. Хорошо, пусть враг. Но чем он может мне повредить? Ест траву, не мясо. Я кровоядец, я его могу съесть».

— Не опоздать бы! Если кто сделал тебе добро, не верь — надо еще убедиться в его верности. Если ты немедленно не примешь мер против Тельца, на тебя восстанут твои приближенные и расправятся с тобой по-свойски.

«Так что ж я должен сделать?»

— Больной зуб вырывают с корнем; отравившемуся дают рвотное.

«Постой, я придумал. Я ему скажу: пускай идет, куда хочет. Так от него и освободимся. Зачем оскорблять? И не надо, чтобы на сердце у него оставалась горечь. Никакого зла он от меня не увидит. В самом деле, его верная служба, его любовь ко мне, разве я могу пожаловаться?»

— Жалкие мысли. Стоит ему только понять твое нерасположение, и он не раздумывая выступит против тебя. Мудрые правители явно согрешающих и карают явно, и тайно карают тайно согрешающих. Говорю это из прописей: государственная самоочевидность.

«А это не та же ль самоочевидность: «если царь приговаривает к наказанию не по суду, а по навету, он подвергает самого себя бесчестию». Срамота пойдет среди людей и ненависть. — Вскоча: Что это, никак опять, ты слышишь? воет?

— Автомобиль гудит.

«А мне показалось... легок на помине».

— Когда он явится к тебе, будь наготове. Следи. И по его глазам ты прочтешь, какое это зло он держит на уме. Еще ты увидишь, замечай, как он меняется в лице, как все трепещет в нем, как его огромадная туша раскачивается и-туда-и-сюда, и рогами примеривает бодать. И ты поверишь. Я правду говорю.

«Когда увижу такое, я поверю твоим словам».

— Если позволишь, я сейчас же пойду к нему. По его первому слову мне будет ясно, как на ладони.

* * *

Торопясь, Ихнелат с трудом переводил дыхание. Как поднятый на волну, летит он, не глядя ни вперед, ни себе под ноги. Только б удержаться и раздумьем не погасить запал. Со Львом обошлось удачно, помазал ядом, и автомобиль помог. Малодушие, легковерие и страх — вот три силка на душу. С Тельцом будет проще: «невинное создание», не все принимает, косноязычный. А если б Лев сказал: «Хочу наперед сам поговорить с Тельцом!» — все б сорвалось. Надо спешить, пока Лев в горячке и его последний ум от него отлетел.

Дворец Тельца по богатству не отличишь от львиного. Но ни падали, ни обглоданных костей. Какой свежий воздух!

* * *

Ихнелат: — Принимаешь — или забыл?

Телец: «Как я рад. И тебе не грех: никогда-то не заглянешь. Отчего ты такой?»

— Случилось то, что было предопределено. А кто борется с судьбой? Плясать под дудку какого-то напыщенного самодура веселье небольшое.

«Тебя обидели?»

— Кто может избежать черной молвы! И чем больше уединяется человек, тем навязчивее всякому лезет в глаза. И кто из приближенных к царю избегнет его кары? Владыки — это те же публичные женщины, им что ни день, подавай другого. Или как дети, когда бегают они к учителю складам учиться — их встречи, как на толкуне, одни приходят, а другие уж домой, сегодня водись с одним, завтра с другим, все случайно и ничего нельзя

предвидеть. Ты знаешь мою дружку и мою к тебе любовь, ты ведь и ко Льву попал через меня. Хочу поговорить с тобой по правде. Один верный человек сообщил мне под большим секретом. В прошлую пятницу у себя на собрании Лев разговаривал со своими боярами. «Хочу, говорит, съесть Тельца, раздобрел ни на какую стать и жиру на нем енотовая шуба». Я пришел предупредить тебя: подумай о себе и будь на все готов.

«Что же такое я сделал Льву? Или это все бояре его? Не иначе, как их замысел: они позавидовали мне и наговорили на меня Льву. Завистливые никогда доброго о другом не скажут. Я не виноват».

— Ни перед кем ты не виноват. И перед Львом чист, как весенняя белка. Любви у него нет, вот в чем дело. А нет любви, какая уж верность! Взбалмошная грива: спервоначала мед-медович, а впоследствии крысиный яд.

«Попробовал я сладкого его меду, ты прав, а теперь, видно, добрался и до горького яда. Я травоядец, не надо было путаться мне с этим кровоядцем. И все ненасытная моя природа, она и погубит меня. Ты говоришь, он съесть меня хочет? Тоже как пчелы: хорошо им летать по цветам в поле, а позарились, сели на кувшинки, а подняться и не думай — сожмутся листья и всех подавят; тоже и мухи: мало им было по деревьям летать, дай попробуем счастье! и тучей влетели в уши слону, и была всем одна пожива — слон дернул своим хлопуном, и все задохнулись».

Ихнелат, продолжая: — Нажравшаяся крыса, мало ей поганого ведра, полезла мордой в помойку и захлебнулась... Брось ты свою словесность! К делу. Надо найти какой-то выход и избавиться от петли.

«У Льва одни добрые мысли, я не сомневаюсь. Это все наускивают его — их целая шайка: в одиночку тля, а скопом бурун. Лев меня учил: «капля, часто падающая, изваяет камень». Я готов сопротивляться».

— Запомни: «пренебрегать своим спасением высочайшее из преступлений». Надо приготовиться к отпору. Разумный человек не опустит рук, пока не справится с врагом. Я пришел к тебе, как друг, не зло несу, с добром, а кто не слушает друга, сам себя чернит.

«С чего же мне начать?»

— Когда увидишь Льва, его дикие налитые кровью глаза, его неудержимую стремительность, настороженные уши, раскрыта пасть, а хвост его часто будет бить о землю, — понимай! А теперь идем.

IV

ЛЬВИЦА

Какой нечеловеческий крик вдруг пронзил мирную суету мирного города — слышно было во всех концах. Ихнелат выскочил из дворца на улицу и побежал, подпрыгивая, и в воздухе крутясь Икаром. Улица, взрываясь, кипела: полицейские, конная стража, жандармы, затор автомобилей, гудки, лопающаяся шина, брязг стекла и свистящей саранчой обезьяны. И сквозь свистки с завивающимся воем ветер — летел ли ветер из суровой пустыни одинокий или это вдруг зазвучавший потаенный голос из преисподней. «Во дворце, средь бела дня, убит Телец!»

И как тогда, в запуганный сиреной вечер, спешил Ихнелат к знакомой «скважине» — к единственному другу.

Ихнелат: — Победа! Полная победа!

Стефанит: «Вот платок, утри лицо».

— На мне кровь? Постой: Лев убил Тельца. Чья это кровь?

«Обоих».

— Я его привел ко Льву. И как тогда, поставил глаза в глаза. Слежу. Еще дорогой он подпрыгивал обезьяной. Я подхлестнулся — так стоит Лев, так Телец — препятствие, известно, разжигает. У обоих вспыхнули глаза — горящий треугольник. И первого прорвало Тельца. «Жестокий властелин, заревел Телец, лучше в гнезде у змей!» и понурил рога. И в ответ земля напополам — так крепко Лев ударил хвостом, и прыгнул. Звери сшиблись. И Лев убил Тельца — обреченный смерти не избег гибели.

«Смотри, что сделала твоя горькая злоба. Лев обесчестен. Телец убит. И где теперь единомыслие нашей дружбы? Сердце разрывается на куски. Оба мы обреченные».

— Кто меня смеет судить?

«Леопард почуял кровь, вышел из пустыни, спешит по кровавым следам».

— Жалеть мне не о чем, я все исполнил.

«Победитель! Мудрый советник! Мудрые советники

побуждают царя на борьбу с врагом, но если возможно уладить рознь, помогут восстановить дружбу. Ихнелат, давно я заметил, какой ты гордый и кому ты желал? и не желаешь — не сделаешь добро. Горе владыке, который слушает советы от таких, как ты. Ты гнилушка, твоя блестящая кора, а тронешь — пыль и труха».

— Я человек.

«По себе ты обнажил человеческую душу, свое черное сердце, и играешь словами».

— Слова — общие наши.

«В наших мыслях врозь, так и в словах другое. Слова красны строем и смыслом, а смысл правдой; а в правде тихость, кротость и милосердие — посмотреть любо и душу радует. Не той правдой звучат твои слова. Твоя правда ядовитое жало, жестокие черты и только насмешка».

— Горькая насмешка... умиляться нечем и некого славословить.

«Победитель»! Мудрый советник! Выше тебя нет теперь никого. Царь, у которого такие рабы, это то же прозрачное озеро, куда напущены крокодилы и всякие гады, и к такому озеру не осмелится приблизиться никакое животное и даже опаляемое жаждой. И тебя увидя, кто захочет подойти к царю и верно ему служить?»

— А ты думаешь есть бескорыстная служба?

«Хотя бы на миг, любил ли ты кого? Нет, ты только радовался гибели друзей. И что принесла тебе твоя преступная победа? Жить без желанного, только злобой, в глазах черно и человеку невыносимо, да и не к лицу. Я знаю, тяжки для тебя мои слова. Но все равно, живу тебе не быть».

— Еще посмотрим.

Леопард: «Убийца!»

* * *

Следы крови привели Леопарда к «скважине» Стефанита. Стоя у дверей, он все слышал. И поспешил к матери Льва — к Львице. После убийства Тельца вход во дворец закрыт. Только Львица может войти ко Льву: одна только мать может заговорить с сыном о его преступлении, и откроет глаза на лукавство Ихнелата.

Убийство Тельца ошеломило Льва. Однажды, ужаснувшись реву быка, Лев, вскоча, застыл на месте, а после

убийства сидит, не шевельнется, весь скучный и головой поник.

* * *

Лев: «Он и говорить по-нашему не научился. Надо было мне поговорить с ним начистоту. Так все непохоже на него. Простой, открытый и никакого лукавства, травоядец. Хвостом махнет, только мухам перепуг, да и то не больно, пересядут на спину повыше. И не скажи он мне тогда про змей: «лучше в змеином гнезде жить»! Змея и ужалила меня, весь я был захвачен канатом гнева. Я увидел его шею и к ней потянулись мои руки. А когда опомнился, Телец лежал, уткнувшись в землю, а из спины течет кровь».

Львица: — Мучаешься раскаянием? По твоей печали я читаю: «что сделано, того не вернешь!» И за что ты убил Тельца? Ободрись! Уныние омрачает ум и сердце, а тебе надо сообразиться и принять решение. Да и где же это видано: не расспрося, не подумав, бросился, как хмельной. А говорят между вами была большая дружба?

«Всегда он был мне по душе, во всем верен, послушный. И от его советов кроме добра я ничего не видел. Вечерами он приходил ко мне коротать мою печаль и мы раскладывали пасьянс, слушаем радио. Тужу о его смерти. Для меня так ясно, он передо мной ни в чем не виновен. Я поддался злым словам».

— Ихнелат из зависти, домогаясь самому занять высокое место, оболгал перед тобою Тельца. Я знаю это от верного человека.

«Кто же это такой?»

— Не спрашивай: тайна. Кто не держит тайну, бесчестит друга и свою совесть чернит. «Лучше, говорится, с высокой голубятни наземь дряпнуться, нежели из-за языка на гладком месте кувыркнуться».

«Мой старый учитель Леопард мне говорил: «человек, умеющий держать язык за зубами, мастер на обман». Когда выплывает на свет темное дело и требует отмщения, нельзя прикрывать грех никакими тайнами. Под каждым свидетельством должна быть именная подпись. Не по слуху наказывают, а сначала исследуют, желая добиться истины. Боюсь, не каяться бы мне за Ихнелата, как мучаюсь о Тельце».

— Какое там каяться! Тебя испугали мои слова о Ихнелате?

«Истину хочу вывести на свет».

— Клянусь, я говорю тебе не спуста.

«Я созову совет. Хочу поговорить и с Ихнелатом. И ты останься».

— На тебя жалко смотреть.

* * *

Пока еще только слух и пересуды. Толком никто ничего не знает. Да и откуда знать? Единственный свидетель убийства Тельца Ихнелат. Но молва уж идет, что преступление дело рук Ихнелата. Неспроста же в самом деле после убийства Тельца Ихнелат занял у Льва первое место: места не даются, а их занимают.

* * *

Ихнелат: — Разве случилось что особенное, всех нас собрали сюда? И что такое с нашим гордым Львом? Как постарел, согнулся. На его царственном челе такая человеческая скорбь. Темной печалью обведены его запалые глаза.

Львица: «О чем другом и печалиться царю, ты про это знаешь лучше всех. Только по его воле ты еще среди нас. Но он больше не в состоянии прикрывать твое зло, окаянный! Пронырством ты втерся в доверие к царю и обманом подстрекнул его убить Тельца».

— Кто стремится ко благу, всегда готов быть ошельмован. Разумные люди давно это поняли и ушли из мира, предпочитая пустыню, служить Богу, а не его твари. Из моей преданности царю я открыл ему о Тельце: я разоблачил злую мысль Тельца.

«Злодей!»

— Потаённый в камне огонь выводится на свет железом, а преступления розыском. Что же я, по-вашему, дурак: зная за собой вину, я торчал бы до сих пор среди вас, нет, я давно бы скрылся в надежном месте, куда не допихнется никакая ваша лапа и не просунется никакой ваш хвост. Я прошу царя поручить расследование моего дела одному из своих приближенных, кто не станет извращать истину и судить пристрастно обо мне по слуху от моих завистников. Врагов у меня довольно, мне это

ясно. Не велика любовь и царя: на его глазах меня порочат, а он молчит.

Лев поднял голову и его глаза свинцом ударили в Ихнелата.

— И нет у меня другого прибежища, как одно только благоутробие Божие. Вот вы меня куда загнали! Оно одно не лицемерно испытывает и сердце и утробу. А смерти я не боюсь: ей вся тварь подвластна. Грядет час — попомни! — она вышла. И пусть клеветники, эта мелкая душонка, завистливая нищая мразь готовится к ее костяным мукам. И я клянусь моей верой в ваш пропад: владей я тьмами душ, я не пощадил бы ни единой в угоду царю.

Лев, опустя голову, отвел глаза.

Кабан: «Нечего тебе о угоде распространяться, извора-чивайся в своем, что сам натворил, тоже угодник!»

— Тупорылая хрюшка! Или ты не знаешь, всякому живому существу его душа всего дороже. Если я о себе не скажу, кто за меня разинет рот? И знай: кто не огораживает себя, никогда не заступится за другого; что ему другой, когда он сам себя топчет: враг себе, враг и другим. Ты вылез и обнаружил всю свою исподнюю мерзость: ты хочешь подслужиться. Прочь!

Львица: «Удивляет меня твоя наглость, Ихнелат. Сам ты дерзнул на такое беззаконное дело, и смеешь позорить нас. И за что ты облаял безобидную свинью?»

— А ты — что ты на меня одним глазом смотришь? Мне кажется, у тебя их всегда было оба: левый и правый. Этак все извратить можно.

Львица: «Нахал! Посмотреть на такого: столько зла сделал, а еще и брешет. Наглостью и насмешкой хочет отвести глаза и всех нас запутать».

— Говорилось в старину: «жена мужа на удочку поймает и колдовством окрутит, губя и его и себя!» А какой это вздор: «и себя». Что такое ваша косматая порода? Ради собственного покоя вы пожертвуете всем и даже любовью, если вы способны как-то еще и любить. Из расчета, имея в виду всякие льготы и выгоды, готовы вы на все. За мужчину я могу поручиться — из тысячи за одного, а за вас — и в миллионе не уверен ни в одной. И ты свою бабью болтовню распускаешь в присутствии царя.

«А сам-то, ты плетешь свое пустословие, уж не думаешь ли ты увильнуть от наказания?»

— Кто пойдет по ложному пути, а этот путь у всех перед глазами, с правого сворачивает, и ни в слове, ни в деле не тверд.

«Значит, о Ихнелате все вранье? И он представляется невинным, если смеет так дерзко говорить в глаза царю и не встречает ни от кого отпор? Мудрыми сказано: «молчащий соглашается».

Лев: «На цепь! Надеть оковы и заключить в тюрьму».

Медведь-кузнец с кандалами, Пифик-подмастерье с наручниками. И принялись за работу.

Медведь, надевая кандалы на Ихнелата: «Весна пришла».

Пифик: — Сегодня прилетели птицы. Мне жалко Анку: она по-прежнему тоскует лес.

Медведь: «Анка — это тоже что кукушка?»

— По голосу похожа, а кукунят у нее нету, орлица.

«С чего ж это?»

— Жалея детей, хотела спасти от голодной смерти и заклевала.

«Как это возможно?»

— Очень просто: мать. Как-то достался детям на корм: лежит под деревом странник — не то глубоко спит, не то помер, откуда им знать? А это был сам Будда — ты помнишь, под деревом благословил нас всех зверей. И они слетелись на странника: один съел уши, другой глаза, третий сердце, четвертый язык, и когда насытились, пелена жизни упала с их глаз, и они увидели...

«Очень страшное?»

— Не могу сказать. Живым не дано видеть и только в минуту смерти открывается душе этот мир без пелены. Они увидели, что есть за весной, за деревьями, за каждым из нас, и за вечерним закатом и за утренней зарей. И когда они увидели, они отказались от корма и голодные стали чахнуть. Мать как уговаривала, а они не могут, с души воротит. Тогда она и принялась насильно их кормить, и заклевала.

Медведь Ихнелату: «Не дергай лапой, я не больно. — А знать, недаром я всегда говорил детям: «ешьте зверя не с головы, а с ног».

Пифик: — Глаза и уши, язык и сердце — ими живой мир цветет, от них и песня. — Ихнелату: Не верти головой.

Новая модель. Полюбуйся, какая американская игрушка с автоматическим замком! Так. Готово.

Львица: «Теперь я открою тебе тайну: мои слова о Ихнелате — слова твоего учителя Леопарда».

Лев: — Посмотрим, что он в тюрьме заговорит.

V

СУД

Ночью Стефанит тайком проник в тюрьму к Ихнелату.

* * *

Стефанит: «Какой страшный зверь».

Ихнелат: — Который?

«Я с ним столкнулся в коридоре».

— Мой сосед, смертник. Помнишь, я тебе рассказывал, откуда взялся бык. А это его хозяин — Меркулов. Купец дознался о судьбе своего брошенного на дороге быка и в каком бык почете, и обратился ко Льву, требуя выдачи своей собственности или соответствующее вознаграждение в золотых обезьяньих «лионах», — за дерзость приговорен Львом к смертной казни. Очень мучается без табаку.

«Я захватил папирос. Дай и ему».

— А что у тебя за книга?

«Книга Будасфа».

— По-русски «Иосаф, царевич индийский». Хочешь меня сделать святым? А хорошо им: кто может раздать свое богатство и кому есть от чего отречься. Отказываться-то мне не от чего.

«А твоя злоба?

— Лучше скажи: душа. В моей злобе сила; злоба — мое жало, сверло в непроницаемое жизни. Без злобы меня и комар задавит.

«Тебя и без того задавят».

— На завтра назначено представление: будут судить. Председатель суда Леопард. Три раза таскали меня на допрос. Судья, помнишь, этот неподкупный Лис. Меня очень беспокоит, я уверен, тебя зацарапают, сначала свидетелем...

«Наша дружба прямая улика. Я об этом думал».

— Да, мы неразделимы, Стефанит.

«В последний раз: послушай меня, Ихнелат: не походи на слепого стрелка, признайся во всем, твое признание увенчает тебя».

— Ты плачешь?

«Эти цепи».

— Я всегда был цепной. Да и как иначе: человек среди зверей.

* * *

Стефанит вернется в свою «скважину» — на свою «цепь». Всю ночь в его окне будет виден свет. А чуть забрежжит, разбудят Ихнелата — в такое утро особенно хочется спать, и пробуждение полыснет ножом. Не собранного, весь он ободран и губы дрожат, поведут его на цепи во дворец на суд.

* * *

Леопард: — Воины и дружина, ипаты и мурзы! Царь удручен убийством своего друга Тельца. Царский почетный советник Ихнелат заподозрен в нечистой совести — — над ним тяготеет обвинение в клевете, последствием которой было убийство. Кто о нем знает, пусть скажет. Не хочет царь карать без суда.

Лис-судья: «Почетный советник Ихнелат обвиняется в убийстве Тельца. Кто что знает по существу дела, пусть выскажется. Когда злодея казнят смертью, зло устраняется и другим подражать будет не повадно».

Звериный общий вопль — тысяча катящихся перевернутых слов.

Ихнелат: — Помолчите! Кто знает подлинно обо мне, говори, я сумею ответить. Но пусть облыжно не говорит.

Кот — дворцовый повар: «Личность Ихнелата нам хорошо известна. Много лет всякий день этот льстец и лукавец со своим приятелем Стефанитом — два сапога пара — торчали у меня на царской кухне. Посмотрите на его милую рожу и вы без слов все поймете. Если вы увидите у кого левый глаз меньше правого, мутный и таращится, а сам идет с опущенной мордой, понимайте, перед вами клеветник. И этот клеветник — острое ухо, а грома не выносит, вздрагивает, а пронырливые глаза его щурятся от солнечного света».

Ихнелат: — Все мы под небом и никому не подняться выше. А этот почтенный протомагер хватает с неба звезды. Какая великая мудрость видеть в глазу у соседа сучок, а у себя не замечать бревно. Полюбуйтесь на ваши руки, каким живописным узором горит на них шпарь. И ты этими пальцами трогаешь царское кушанье. Чего прячешь? Карманы не тюрьма, в тюрьме есть надежда, а твои язвы не изводимы. Вон отсюда! Рой себе яму поглубже, шелудивая зараза!

Лис-судья: «Слово принадлежит воеводе».

Волк-воевода: — Из показаний Меркулова — твой сосед по камере, теперь помилованный смертник — дело твое, Ихнелат, вышло на чистую воду. Нечего запираться: о твоей клевете всем теперь известно. Не будь царь так великодушен, давно бы не ходить тебе среди нас живому.

Ихнелат: «Милостив царь, да не милует псарь. Твое проклятое сердце — твоя жажда крови! До моего осуждения ты приговорил меня к смерти, кровожадная волчья порода. Ты порочишь суд и оскорбляешь судью».

Лис-судья: — Не годится боярам на суде изобличать друг друга. Иначе, какой же это будет суд, если мы распояшемся? И я тебе, Ихнелат, вот что скажу: для своей же собственной выгоды признайся перед всеми — лучше пострадать в сем веке, чем зло мучиться в будущем.

Ихнелат: «Истину ты глаголешь: разумный предпочитает вечное временному. И чего вы тычете мне ваши истины, в чем убеждаете меня? В убийстве Тельца? — Я никого не убил. И не мне вместе с вами приговаривать себя к смертной казни. Кто на других лжет, мерзок, а уж что сказать про того, кто сам на себя клевещет!»

Леопард: — — Свидетель Стефанит.

Лис-судья: «За ним послали».

Львица: — Царь! Ты только вспомни все козни этого обманщика. И он еще хочет себя обелить. Если ты его не накажешь, все твои подданные возьмутся за злодеяния и будут совершать с легкостью, как обыкновенное дело, уверены, за преступление не взыщется.

Леопард: «Свидетель Стефанит».

Лис-судья не отвечает.

* * *

Ждут Стефанита. Всем любопытно: «первый мудрец», друг Ихнелата, знает все, что было и как задумано. И у

всех одна подмысль: не угодить бы Стефаниту стоять рядом с Ихнелатом? Между тем в зале появляются какие-то не звери и не люди и заполняют все свободные места. С их появлением беспокойство проникает во всеобщее нетерпение. Наконец, возвращается пристав, но без Стефанита, молча подает судье бумагу. Весь зал затаился.

* * *

Лис-судья читает: «Сегодня ночью Стефанит тайком проник в тюрьму к Ихнелату. Пробыл с полчаса, не больше. Вышел расстроенный и не прямо, а кружа переулками, вернулся к себе. Стер пыль со стола, разложил рукописи в порядок: налево законченное, направо начатое. Посидел, подумал. Стало брезжить, погасил лампу. И принял яд».

Львица к Ихнелату: — Несчастный! ты плачешь.

«Мне больше жить нечем».

Лис-судья: — В последний раз: признайся!

«Признаваться мне не в чем. И разве я виновен, что вы родились, звери. Если бы человек сделал себе подушку из змей, а постель из огня, и все-таки сон был бы ему приятней того сна, когда заметишь, друг отходит от тебя.

Лев: — Повинен смерти! — И ударил хвостом.

Леопард: «Смотрите, вот перед вами лжец. Его душа соблазны геенской Бездны и Тьмы. Ты темное вавилонское семя, внук столпотворения».

Звери: — Казнь!

Леопард: «Какая есть на свете самая мучительная казнь: пусть холод изъест его до костей, а жажда ожогом воспалит нутро, и всеми забытый, голодный загрызет землю».

Волк-воевода: — На кол его!

Лис-судья: «Красная смерть!»

Звери вдруг присмирели. И зал закружился — это те, не звери и не люди: их подгрудные тяжкие голоса, не разобрать, и только нестерпимо слушать.

Медведь-кузнец и Пифик-подмастерье взялись расковывать Ихнелата перед казнью.

Медведь, снимая цепь с Ихнелата: — А что такое красная смерть?

Пифик: «Шибеница — виселица».

Медведь Ихнелату: «Да что ты, дура, куда лапу суешь?»

Пифик: «Смотри, он ослеп»!

ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ

«Каратака и Даманака» — «Калила и Димна» — «Стефанит и Ихнелат» имена кругосветные: Индия, Персия, Тибет, Сирия.

Первоисточник — Панчатантра, древнейшее санскритское Пятикнижие, память человека о тесной жизни со зверями, откуда и сказки о зверях.

С санскритского перевели на персидский (VI в.), с персидского на арабский (Абдаллах бен Альмокаффа, VIII в.), с арабского на еврейский, с еврейского на латинский (Жан де Капу, 1270), с латинского на все европейские.

Одновременно с арабской версией Панчатантры («Калила и Димна». Предисловие И. Ю. Крачковского. Academia, М-Л. 1934), сделан перевод на сирийский, с сирийского на греческий (протовестиарий Симеон Сиф, 1080 г.), а с греческого на славянский (XIV в.).

«Повесть о двух зверях» (Стефанит и Ихнелат) любимая книга московской Руси XVI и XVII века. Сколько затейливых рук трудилось над перепиской, знаменуя киноварью: Лев и Телец, Стефанит и Ихнелат. Помянет Ихнелата и «Новая Повесть» 1610 г.

И что я заметил: каждый век — каждая редакция повести представляет себе Ихнелата по-своему и меняется обстановка: современность. От арабского «шакала» VIII в. в греческой версии XI века и звания нет, Ихнелат очеловечивается, а я его представляю человеком среди «шакалов», что куда ближе к древнейшему замыслу Панчатантры.

В XVIII в. вышел перевод с французского Бориса Волкова, Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского, СПб. 1762.

Карамзин, конечно, читал Волкова, но я не думаю, чтобы в кругу Пушкина знали о Ихнелате, да и в Летописи русской культуры XIX века (Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина) среди археологии и любителей древней письменности о Ихнелате не упоминается.

Ихнелат ушел в староверческие скиты.

И не от Пыпина (Очерки литературной истории старинных повестей и сказок, СПб. 1856), не от Соболевского (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в., СПб. 1903), а услышал я впервые о Ихнелате в Устьсысольске изустно от Федора Ивановича Щеколдина, ссыльного с.-д.: вспоминая свое детство в старообрядческой семье и апокрифы, книги первого чтения, он вдруг,

точно глотнув прохлаждающего пару, с каким-то особенным чувством, рассказал мне повесть о двух зверях.

Славянские тексты Повести (XV—XVII в., старший список 1478) напечатаны с предисловием Н. Булгакова в «Обществе любителей древней письменности», 1877—1878, кн. XVI, XXII и с предисловием А. Е. Викторова, 1881, кн. LXIV, LXVIII.

1948

Бесноватые

Савва Грудцын и Соломония

ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ

Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония — повесть XVII в. Повесть о Савве Грудцыне по записи Николы-в-Грачах попа Варнавы 1632 г. — «7122 (1613) в месяце мае совершилось...». Повесть о бесноватой Соломонии по записи устюжского попа Якова 1671 г. — «7169 (1661) в феврале совершилось...». Сложены в Великом Устюге — город на разречье полноводных рек — Юг, Северная Двина; Вологда, Сухона, в одну сторону белый алебастровый берег, в другую дремучая алая ограда — дикий шиповник. Освящен чудесами Прокопия, юродивого Христа ради, и Иоанна, юродивого. В белые ночи пронизан и просуетен живою глушью скрывшихся и скрытых жизней, погружен на дно рек, а над домами, над белым шатровым собором, розовеет полуночной зарей Соколья гора.

Савва Грудцын из Смутного времени — революции, Соломония при тишайшем, при царе Алексее Михайловиче в кануны Петровской бури.

Два образа Смутного времени запечатлелись в душе русского народа; Скопин-Шуйский и Царевна Ксения, дочь царя Бориса: Скопин-Шуйский в песне, царевна в повести. И невольно видишь их при имени: Савва и Степанида.

В «Повести книги сея» 1620 г.: «Царевна Ксения, дщерь царя Бориса, зельною красотою лепа, бела вельми, ягодами румяна, червлена губами, очи — черно велики, светлостью блистаяся, бровми союзна, телом изобильна, млечною белостью облияна, возрастом ни высока, ни низка, власы — черны велики, аки трубы по плещам лежаху».

* * *

Как будет после честного стола пир на весело,
Марья, кума подкрестная, подносила чару куму подкрестному,
била челом, здоровала.
И в той чаре уготовано питие смертное.
Князь Михайло Васильевич выпивает чару досуха,
не ведает, что злое питие лютое смертное.
У князя Михайла во утробе возмутилося,
не допировал пиру почестного,
поехал к своей матушке.
Как всходит в свои хоромы княженецкие,
очи у него ярко возмутилися,
лицо у него кровию знаменуется,
власы на голове, стоя, колеблются.

* * *

А для Соломонии исторического имени нет, она из сказок — сестрица Аленушка.

Обе повести демонологические, единственные в старинной русской литературе. Черт и бесы показаны, действующие лица. Обычно в житиях о них только упоминается и чаще в тех случаях, когда кажется проще всего весь «грех» свалить на бесов. Или как в житии Улиании Лазаревской с уличенным бесом расправляются, как с собакой.

Обе повести — исповеди вздыбленной души. У Саввы кровь, семенной пожар, раскаленная страсть и из чада и дыму ему является черный товарищ — «бес». Образ беса из легенды «о проданной черту душе» — последняя жертва любви. Грудцын, конечно, знал сказку «чудо о Теофиле».

Бесстрастная Соломония — блаженная — желанные глаза к живой земле, но всем существом безучастная в этой живой земле — тихий полевой цветок — брошенная в кипь жизни. И ее закрутило. Бес — фалл — в образе Змия вошел в нее, ожег ее и в ее крови расчленился — раздробленные живчики «головастики» вцепились в нее безотступно.

Фаллические видения Соломонии из лицевого жития Василия Нового. Василий Новый — вождь своей духовной дочери Феодоры по загробным мукам, русская Феодора византийский источник «Божественной комедии».

И Савва и Соломония бесноватые — одержимые. Кровь — из крови и через кровь видения.

Все наполнено жизнью и нет в мире пустот. И то, что «умирает», живет, только в других не «живых» формах. И есть такое — живет и действует — о чем никак не догадаешься. Как и каждый о себе, о своих живых силах — человек гораздо богаче, чем о себе думает. Взвих души, потрясение, удар и вот силы, таившиеся в человеке подадут свой голос. А им на их голос будет отклик из «того мира» — отсюда же из этого воздуха, которым дышим. Одержимость и есть обнаружение и со внутри и со вне. Бесноватый тоже, что раскованный — усиленный ритм речи и движения в подхлестывающем танце под потусторонний или точнее исторонний свист.

* * *

Ихнелат (Повесть о двух зверях) — имя в Смутное время попадается в подметных листах, как обиходное, я узнал о Ихнелате в Устьсысольске, — далеко ж занесло Индию! О Савве Грудцыне и о Соломонии на их родине в Великом Устюге. Ради этих имен стоило и в ссылку попасть!

Изустный рассказ о зверях и о бесноватых меня поразил: я ровно б вспомнил о чем-то, чему был свидетель, а возможно, и действующее лицо. И стал искать в книгах и прежде всего среди «Памятников старинной русской литературы».

Соломонию, ее видения я сначала нарисовал, так мне легче было представить весь ее изворот. И по рисунку пишу.

«Бесноватых» знаю с детства: их «отчитывали» на обедни в Москве в Симоновом монастыре. Когда в революцию, в 1919 г. взорван был исторический Симонов монастырь, меня нисколько не удивило: да если бы не взорвали, стены сами б взорвались — ведь не год, а век из обедни в обедню в соборе творилось такое, воздух был насыщен электричеством и подстенные камни

приняли форму чудовищ, богомольцы на них плевали, открещиваясь. И когда я писал Соломонию, я слышал подгрудные голоса, а им отвечал свист — это раскованные силы человека и силы, ими вызванные. Долго я не мог войти в жизнь, окончив повесть (1929 г.).

Раздумывая над судьбой Грудцына, я не нарисовал ни одной картинки, все началось со слова «кровь» и словами выговарилось до конца. Окончив повесть (1949 г.), долго я не мог выпростать голову из-под тяжелого, набухшего кровью, покрывала.

Соломония далась мне с болью, но легче, чем Савва: то ли сестрица Аленушка мне родная сестра, как те мои «Крестовые сестры» или женское моему зрению ближе. Уж очень я к Грудцыну не подхожу, хоть и перечитал все его книги; как никакой я Бова королевич, но неспроста же однажды в Москве нарисована была на меня карикатура: широкая морда с рыжей бородой! Или в закованных моих силах и Ихнелат и Грудцын?

Новейшие исследования о Грудцыне и о Соломонии:

I. М. О. Скрипиль, Савва Грудцын. Труды отдела древней русской литературы. Изд. Акад. Наук СССР. М-Л. 1947 г., V т.

II. М. О. Скрипиль, Повесть о Соломонии («Старинная русская повесть» Н. К. Гудзия).

Отец Саввы Фома Грудцын Великоустюжский гость, по своей предприимчивости и персидской торговой сметке, тоже что его современник Фока Афанасьевич Котов, о котором сохранилась память: «Сказание о хожении с Москвы в Персидское царство. И из Персиды в Турскую землю и в Ындию. И в Урмуз на Белое море, где немцы на кораблях приходят» (1623—1624).

Литературное отражение повести о Савве Грудцыне в рассказе «Уединенный домик на Васильевском» рассказ Пушкина по записи Титова (под псевдонимом Тит Космократов, «Северные цветы» на 1829 г.). А Соломония у Достоевского в «Идиоте» Настасья Филипповна.

Достоевский последний у кого выступает «черт» (Братья Карамазовы) и имя «бесы». После Достоевского все бесы описанные Гоголем разошлись по своим берлогам, посмеиваясь над кичливым жалким человеком, который все свои человеческие мерзости валил с больной головы на здоровую. В наше время человек действует за свой страх и сам за себя отвечает — веселая картинка! — и в литературе о бесах нет речи.

САВВА ГРУДЦЫН

Великий Устюг, в старину Гледень. Сосед его Сольвычегодск. В Соли вычегодской Строгановы: у Строгановых Сибирь, глаз на Китай. В Устюге Грудцыны: у Грудцыных Кама и Волга, глаз на Персию. Русские глаза за московский рубеж, имена громкие.

Великий Устюг город Прокопия, во Христе юродивого, на площади златоглавый собор Рождество Богородицы и белые палаты Фомы Грудцына Усовых. У Фомы сын Савва, о нем рассказ.

I

1

Савва единственный и желанный, любовь и надежда у отца и матери. Товарищей у Саввы не было, да и где было такому сыскать ровню? И только книга. А книг у отца стена до стрехи: книги духовные и мирские.

«Великие Четьи минеи», с них Савва начал свою науку. А за подвигами и чудесами святых мучеников подвиги царей: «Александрия», деяния Двурогого царя; «Книга Синагрипа, царя Адоров Наливские страны» — притчи премудрого Акира; «Римские деи» — «великое зерцало жития человеческого», романо-византийские и восточные рассказы с нравоучениями, источник Шекспира; «История семи мудрецов» Синдбада Намэ, матерьял для Бокачио; «Сказания о премудром царе Соломоне»; «Повесть о Варлааме пустыннике и Иосифе царевиче индийском» («Книга Билаухара и Будасфа») и любимое «Стефанит и Ихнелат», о зверях; Хронограф и Физиолог — история и чудесное природы.

«И все, что он добыл глазами, воспринял слухом, удержало сердце, закрепила память, вобрав в ум и волю».

Так арабским словом «Калилы и Димны» сказывалось о Савве, а по-русски сказать: «научен книгой всос».

Савва, читая, пристрастился переписывать книги: трудное легче понимается и темное яснеет. И достиг большого совершенства в буквенном искусстве. На именины отца и матери подарок Саввино письмо в узорчатом оплете тонкими елочками и папоротниками устюжского мороза, на Фому и Елену.

А переписывая себе из книг, Савва буквы не держался, а все по-своему, и толк и в ладе: рано раскрылись его внешние и его внутренние глаза. «Мудрствует», говорили про него начетчики с Вологды и Костромы и ярославские. Ни отец, ни мать не останавливали, не пугали «Богоотступником и еретиком», а радовались и умилялись: единственный!

Время было опасное, смута взвихрила Русь: своя на свои, казаки и наброжий лях, бояры и смерд, все, кому не лень, мутили землю, разоряли города, и шаталась уложенная Стоглавом жизнь. Повсеместно обнаруживались «царевичи» и всякий вор зарился быть царем на Москве. Наступило лихолетье.

Не казна, а уберечь и спасти сына, вот зачем Фома оставил Устюг и со всей семьей перебрался в Казань: там будет тише. И покамест не укачается, пять лет прожил в Казани. А как по выгоне с Кремля поляков избрали царя, Михаил Федорович Романов, и под царем поднялась из пропада непропадная Русь, русская над «прямыми» и «кривыми», предав забвению попутный грех Смуты, мать Саввы Олена вернулась в Устюг, а Фома взялся за прерванное дело Грудцыных.

2

На стругах с товарами плывет Фома по Волге: путь ему до Астрахани, а из Астрахани в Шахову область. На душе заботно, а и весело: будет где развернуться — столько лет без дела сиднем в Казани, зачахнешь и омшеешь. А Савву нарядил Фома в Соликамск: Савве девятнадцать, пора навыкать торговле. А на будущее лето, даст Бог, вместе к кизильбашам: и людей посмотреть и себя показать; сам Фома не наглядится на сына, пусть будет и всем в глаза: «царевич»!

«Благословил Бог, не жалуюсь, этакий и Персию под Москву поставит!»

На отцовских судах Савва не доплыл до Соликамска, а стал у усольского города в Орле. Тут и товары выгрузил и склад нанял и торговлю открыл.

Обосновался он в гостинице у Колпакова. Гостинник знакомый Фомы принял его сына с почетом и в делах помогает: не легко было Савве от книг к торговым счетам переходить.

А жил в Орле богатый купец, по богатству в городе первый, старинный друг Фомы Божен Второй — имя знатное и за казну и за примерную жизнь: справедлив и крепок в вере, «прямой» и мозги не набекрень. А прослышал Божен, сын Фомы в их городе гость.

А какая дружба и много лет связывала его с отцом Саввы: вместе навыкли путь идти, выручали друг друга.

«Возьму-ка я Савву в дом к себе, порешил Божен, будет мне за сына».

И как Савва вышел со складу и идет к себе в гостиницу, а навстречу ему Божен. По отцу узнал его Божен:

«Грудцын!»

И как обрадовался. И за расспросы: отец, мать, Казань и Устюг, и как попал в Орел и надолго ль?

«И тебе не грех, с упреком сказал Божен, твой отец, крестами менялись, названный мне брат, чай слышал, Божен Второй? И ты до сей поры не зашел ко мне! Думать забудь, к Колпакову не отпущу, будешь у меня в доме заместо родной сын».

Обрадовался и Савва: в семье не гостиница.

И в тот же день, распростившись с Колпаковым, переехал Савва на житье к Божену.

* * *

Божен третьим браком, нынче после Святок играли свадьбу, пир в стать воеводе.

Божен по своему имени набожный, усерднее молельщика разве что Колпаков, строго посты держал, а и куда расчетливый, постороннему глазу веры не даст нипочем, верил в хозяйский. И жену он взял для хозяйства: в чистоте дом держать и чтобы все вовремя и не воровали б.

Степанида родственница Савве. Осталась она с матерью после смерти отца старшая сестра над сестрами и братьями, семья большая. И если удавалось доставать чего и кое-как уладить жизнь и была еще надежда, всегда и во всем выручала Степанида. На Степаниду любовались и всякий хотел угодить ей. Вот что правда, то правда: придет в мир человек мирить мир и радовать.

Божен нос не воробей, губа не дура, знал себе кого выбрать. А что ему шестнадцать Степаниде или двадцать, дело не в годах, другой Степаниды ни на Оке, ни на Каме, оплыви всю Волгу, не найдешь.

О ту пору сложена бойкая притча «О старом муже и молодой девице», не книжный сказ, а из жизни. Грамотные списывали и читали да не на ухо, а в голос: «хорошо»! Неграмотные слушали и посмеивались: «правильно»!

И как сказывала притча, так все и было.

Мать Степаниды вздохнула: в доме ясные дни, светит солнце: старый зять не поскупился, озолотил за Степаниду.

На Пасхальной заутрене как христосоваться, мать вся в слезах от счастья — дождались-таки радостной Пасхи! — подошла к своей в золото окованной дочери. Нет, больше нет на земле и только ее Степанида, полевая она, сама весна-красна. И с какой сияющей верой мать похристосовалась. И потом вкрадчиво:

«Доня, дочушка, как вы живете?»

Степанида на мать посмотрела, сколько вспыха любви в этом карем бездонном взгляде! — горло ее горячо налилось, воркующий голубь! и со вздохом вырвалось:

«Воли хочу!»

Мать поняла, не сказала, как бы сказалось затверженное испоконь: «побойся Бога, вы ведь в церкви венчаны!» Мать поняла от своего простого сердца, что не церковью крепка и нерасторжима любовь, а любовью крепок весь мир и освещена земля. И прощаясь, она повторила свое, всепрощающее, любовь матери:

«Доня, дочушка моя!»

И вот Божен сам приводит в дом Савву, значит, судьба.

3

Как у разлученных встреча, вспыхнула любовь с первого глаза: его потянуло к ней и прикосновение пронзило его, а она приняла.

И в первую свою ночь у Божена в доме, Савва не завел глаз, «не могу привыкнуть к новому месту», так объяснялось, он думал о ней; и Степанида не спала всю ночь, «лампадка мешает», все ее мысли были о нем.

С первых дней полюбился Божену Савва. Божену казалось, тяжесть годов с его плеч упала, Фома не Савва, под его кровлей, и свежей молодостью веет. И чувствует Божен, как хорошо и как полно в доме и его молодая хозяйка еще краше, точно он ее в первый раз заметил.

Савва принес в их дом счастье!

Ночью, когда Божен спал: довольство принесло ему безмятежный сон, а Степанида притворилась спит: любовь бессонна, как и не зябка́; в затихший настороженный час, легко поднялась она и прошла в комнату к Савве.

Савва у окна — в весеннюю ночь. О чем ему и думать, как не о ней, повторял ее слова, не намеренные, а прозвучавшие для него, и голос ее.

И вот она сама. С какой жадностью поцеловала она его всем ртом глубоко. И в этом поцелуе сказаны все слова.

Он поднялся и пошел за ней.

В его глазах ее влажные — раскрывшийся цветок — знойные губы и чувствует их в себе, не глядя. А единственное «люблю» бурно распахнуло стены. И стало в мире только двое, а чувство — одно. Его настойчивая воля и нерасторгающаяся ее — бескрылый ведовский полет с подступающей звенящей трелью и кукующей кукушкой.

Не проклятие, небесное благословение — запечатлевающий неразрывный поцелуй.

Божен спит и ему ничего не снится: мирный сон, как ласкающий шепот, не поймешь и ничего не запоминается. Утренняя молитва Степаниды будет крепко: «я счастлива!». И тоже «счастлив» выговорится у Саввы.

* * *

Вознесенье двунадесятый праздник, всенощная долгая, освещение хлеба, вина и елея.

Чего-то всегда грустно под Вознесенье, с детства чувствовал Савва: не поется больше «Христос воскресе», радость ушла на небо, весенний первоцвет покинул землю, жди на будущий год.

После всенощной Божен, не рассиживаясь, на боковую: завтра спозаранку подыматься в церковь. А Савва и не думал: он вспоминает о доме, о отце и матери, и как жили вместе — круглый год Пасха — а судьба, глянь по-своему, и развела: мать в Устюге, отец в Персии.

В эту ночь Степанида показалась ему особенная, да и сам он был не всегдашний, она, как цветы цветет, весенние переходили в летние, краска ярче, запах душистее.

Как всегда она поцеловала его, этот поцелуй назывался у них «жемчужиной», но он присел к ней кротко.

«Какой грустный праздник, Вознесенье, сказал он, продолжая свою память о неизбежном, давай лучше завтра!».

Она не ответила. Она сразу соскочила с кровати и, не прощаясь, вышла. И первое, что ему бросилось в глаза: на простыне кровь.

«Это вот от чего, подумал он, объясняя себе ее порыв, и успокоился, это скоро пройдет».

Божен едва добудился: звонят к заутрене. Не хотелось Савве вставать. На душе было затаенно радостно. «Это пройдет!» — повторял он и дорогой и в церкви под пение. И всякое надеянное божественное слово переводя на свои, везде только видя ее, слышал о ней. Если бы она знала, как крепка и неразрывна его любовь.

После обедни прикладывались к кресту и воевода пригласил к себе Божена. А узнав что Савка сын Фомы Грудцына, позвал и Савву, почетный гость: имя Грудцыных на Волге и Каме всякому вслух несчетной казной.

Завтрак у воеводы знатный, а главное честь. А ничто так не веселит душу, как признание. Довольный, самоуверенный вернулся от воеводы Божен. А Савва нетерпеливо: соскучился. Тот, кто любит, тот знает, что «разлука» — не часы, не минуты, а совсем незаметный разделяющий миг.

И праздник и такой удачный день, велел Божен Степаниде подать вино: «да покрепчае!» крикнул вдогонку. Он не может забыть и все вспоминает прием у воеводы: что воевода сказал и как воевода отличил его перед всеми, а по нем и Савву.

Степанида принесла вино и три чаши. И доверху наполнила ровно: первая мужа, вторую себе, третья гостя.

Божен выпил: доволен: куда там воеводе со своим ренским. Очередь Степаниды. Она взять взяла, но даже не пригубила. И по ее дольнему взгляду Божен понял и деловито заметил: «благоразумно». Третья чаша Савве.

Словами не скажешь, а только в песне про такое поется, с какой ревнивой любовью она посмотрела, подавая чашу Савве. И смотрит не отрываясь, сама вином вскипала, пока Савва не выпил до дна свою оковывающую на веки вечные чашу приворотной любви.

И горьким огнем ожгло его. Он почувствовал как на сердце, вдруг вспыхнув, горит.

«Много всяких вин у моего отца, но такой крепости я никогда не пивывал».

Шибко вино, а похвала шибче вина: Божен, впадая в хмельное бахвальство, подтрунивал над Саввой: «мелкоплавающий склизок!». И сверх меры удовлетворенный, пошел довершить свое превосходство: «засну-ка!».

Вышла и Степанида по хозяйству.

* * *

В окно глядит закат — кровавая заря. В комнате тише чем ночь.

Савва прислушался: во всем доме он один. А она — где?

И вдруг чувствует, она вся в нем: ее черные вишни глаза, ее красная волчья ягода губы. И рука невольно коснулась ее. И видит, метелицей поднялась она, рот открыт, и шевелятся губы, дышит: «Поймешь ли?». И вьется: заманивает, удаляясь. Савва рванулся. И в ее в чуть внятном дыхе слышит: «Понимаешь ли?». Влажной рукой он снова коснулся ее. И она ему жарко в лицо: «Помнишь?».

Будь это хмель, но и всякое хмельное проходит, а не отпускало. И не отрава, никакой боли.

Он ощущал ее в себе, дотрагивался до нее, как к живой. И в то же самое время она в его глазах — она вьюнясь дышит, и ее шепот. И под ее «поймешь ли» и «понимаешь ли» он все старался понять, какой это огонь вошел в его кровь с вином? И все припоминая под ее «помнишь», вспоминал последнюю ночь: на простыне кровь.

Так всю ночь. И руку он себе мыл кипятком, не смывается: рука влажная и липкая.

Савва решил: сейчас же все ей расскажу. Он уверен, одно ее слово освободит его от вчерашнего горького хмеля.

Наутро Степанида не вышла.

* * *

Какой томительный день. Савве казалось, время остановилось, и никогда не дождаться вечера. Она одна заполняла его, врастая в нем. Слух мутился, в глазах рябит.

А когда все-таки вечер пришел, и Савва вернулся из города домой, его охватил ужас. И если поутру был выбит, теперь недорезан: Степаниды не было: уехала погостить к родственникам в деревню.

«Пускай себе развлечется, объяснял Божен, на травку запросилась, дитя еще, там у нее подруги».

А Савве без нее и дня не прожить. Думал ли кто когда о недорезанном, что он чувствует? Савва ждет ее в исступлении. Это как жажда, а воды нет. Черная жгучая тоска.

Божен заметил, еще бы:

«О доме тоскуешь?» И похвалил, почитание родителей на том свете зачтется.

Наконец, вернулась Степанида. А было б ей не возвращаться. В тот же самый день к Божену гости. И как во сне: одни прощаются, другие на пороге. Место не простывает.

День и вечер она с гостями, что было ей вовсе не в тягость, а развлечение. А ночь — какие это были ночи: до зари он ждет.

Неудобно? Или она его испытывала? Но разве не видит? Не верит? Больше любить, я не знаю, как еще любят: она вся в нем с костями, мясом и кровью и воздушная в глазах, трижды живая.

Чего не передумал Савва за эти ночи. А говорил с ней нетерпеливо и, как всегда бывает, не то и не о том. Его не узнать было: глухой, подонный, не свой голос и правая рука совком и все ее прячет и все осматривается. Знать недоброе что-то на уме.

Божен позвал Савву в свою закутку, не отличишь от часовни. Не посадил и сам стоя. Долго смотрел на образа.

Вдруг круто повернулся. Таким его никогда не видел Савва: суровая лунь, глаза сверла.

«Савва, я думал, ты честный человек».

Савва, как проколотый, судорожно протянул руку, убеждая и обороняясь. Но вместо слов только прохрипел. Рука отдернулась и повисла.

«А ты подлец! — и голос у Божена хряснул, верный знак, жди по мордáм, — жена мне на тебя жалуется, проходу, говорит, нет, пристаешь и на людях. Да чего ты все прячешь руку, нож что ли затаил?» Божен кричал: «Тебе в моем доме нет больше места!»

Поздний час да все равно, погнали, не задерживайся. Савва так и не простился.

II

1

Колпаков поражен: почему Савва покинул Божена?

«Голодно у них», сказал Савва.

Но и Колпаков заметил перемену: не от голода такое бывает. Расспрашивать не стал, да пускай себе живет, не с улицы, а Грудцын.

На новом месте, в гостинице, разлученный со Степанидой, Савва начинает свой страдный подвиг — огонь его горести неугасим и сердце тужит: нет ему места ни на земле, ни в днях.

Гостинник и гостинничиха, видя, пропадает человек, пожалели его, но как и чем помочь?

А был в городе Орле волхв: чарованием узнавал о причине скорби и скажет о человеке жить ему или смерть. Беззастенный, глаза насквозь.

Тайно от Саввы Колпаковы решили позвать Комара. И когда проходил Савва по двору, показали на него Комару. Колдун, взглянув на Савву, не раскрыл и свою черную книгу.

«Порченный и конец ему один, и вытянул из кармана веревку: петля. Спутался с женой Божена Степанидой. И подумав: ее кровь в нем играет, а кровь неизбытна».

Колпаковы не поверили: как это возможно, Савва примерный сын богатых родителей и польстился б на чужую жену. А Божен всякому в пример благочестием не мог

допустить, жена б его позарилась на юношу и впала с ним в блудное смешение.

«Нет, Комарушка, ты зря это: Божен человек святой жизни».

Колдун даже не пожелал и сплюнуть. Колдун получил свое и прощевайте.

Надежда спасти чарованием Савву ушла из рук Колпаковых.

А по случаю предпраздничной уборки всякая веревка, и крепкая и струшивый обрывок, из Саввиной комнаты от соблазна прямо в помойную яму.

«Комар зря слова не скажет».

* * *

Завтра Новый год — день Семена Летопроводца, начало осени. А тепло на воле, не отличишь от яблонового Спаса.

Никогда еще Савва не чувствовал себя кругом одиноко, как в этот новогодний вечер: в первый раз не дома встречает новый год один. Что-то ему судьба предскажет?

Он вышел на улицу и без дороги идет. И не заметил, как очутился за городом в поле.

Пасмурно без дождя, серый вечер переходит в ночь. Ни луны, ни звезд не видно. Черный лентой по небу тянулись птицы улетая.

А он скован: он, как во все дни и ночи, чувствовал всю ее в себе, ее живую теплую тяжесть, и этот ее взвей перед глазами — незаглушаемый, заманчивый, дразнящий шепот.

«Я отдам все и вся, буду до смерти раб, будь то человек или сам дьявол, только б раз еще побыть с ней!» — выкрикнулось из самых глубин его отчаявшегося сердца.

Ни впереди и за ним никого. Одно, оттрудившее летний день, мирное поле. И вдруг окликнул кто-то. Оглянулся Савва. И увидел: кто-то спешит к нему и так быстро, ровно на колесиках катит и машет рукой.

«Кому бы это в такой час в поле?» — подумал Савва. И когда окликавший подошел совсем близко, Савва сразу заметил, не вор, и как хорошо одет и как приветливо смотрит, а по возрасту сверстник.

«Брат Савва, наконец-то! воскликнул неизвестный. Давно тебя разыскиваю. Мы так похожи. Ты вышел в

поле, видишь и я. Ты Грудцын из Устюга, я тоже из Устюга. Я Виктор Тайных, наверно, слышал. Хоть и дальние, а все-таки сродни. А попал я сюда, в эту дыру, для закупки лошадей, теперь такое время. Как и ты, живу один, ни с кем не вожусь. Здешние не по мне: один дурак набитый, другой просто дурак, вот и вся разница». И Виктор захохотал.

Савва смотрел с удивлением; что-то наглое послышалось ему в этом хохоте.

«Один дурак, как свойственно всем дуракам, продолжал Виктор, чтит себя гением, не меньше, другой просто дубина. Да ты их всех отлично знаешь. Мы с тобой одиноки. Будь мне друг, а я тебе с радостью буду во всем помогать».

Савва весь встрепенулся — не чаял встретить родственника, и как все понимает. В самом деле, этих «набитых» и просто «дубин» сколько сам он навидался у Божена.

И об руку они пошли в ночь.

«Брат Савва, вижу, кручинится. Мне известно, твои хозяева Колпаковы тайком от тебя, звали к себе Комара. Есть тут один ворожей. Комар пугал веревкой, следили б за тобой, не ровен час, удавишься. Да что их хваленый Комар может. А ты выкинь из головы петлю. Поверь мне, я в этих делах побольше чего знаю. Я тебе помогу, но что ты мне дашь?»

Савва не сразу:

«А наперед отгадай мое несчастье, сказал он твердо, тогда я поверю, ты мне поможешь».

Виктор засмеялся:

«Тужишь сердцем по Степаниде. Все разлучила кровь. Могу кровью и соединить вас».

«Не я, она от меня отвернулась».

«Ты чересчур подозрительный: она тебя любит больше, чем ты думаешь».

«У меня много товару, сказал Савва, а у отца бессчетная казна. Все отдам, верни ее любовь».

«Да что мне казна, нетерпеливо возразил Виктор, я в тысячу раз богаче всяких Грудцыных и Строгановых вместе. А твои товары мне ни к чему. Мне надо твою подпись и больше ничего: так подписать свое имя, как ты подписываешь, ни один московский дьяк не сумеет. Мне твоя подпись и все будет в твоей воле».

«Какие пустяки, — подумал Савва: подписаться!». И

вздохнул облегченно: ему было приятно, ни товары, ни казна от него не уйдут.

«Я готов, давай где, подпишу».

«Да мне все равно, вырви из своей записной».

Савва бережно выдрал листок из торговой книги. Нашлось у него и перо.

«Нет чернил».

«Пиши кровью. Вот тебе, Виктор подал нож, ткни себя в палец, нож острый».

Они присели у оврага.

Савва укрепил на переплете записной книги листок, и задумался: слова Виктора «пиши кровью» пробудили память: «кровь на простыне». И он почувствовал, как сам он весь налился кровью.

«Кровь покрывается кровью!» загадочно сказал Виктор.

Савва пырнул себя ножом в палец, надавил и поддел кровь на перо, приноравливаясь расчеркнуться.

«Стой, Виктор тронул его за руку, чай во Христа веруешь?»

«Мы русской веры, как же нам без Христа, истинного Бога!» — отозвался по-старинному Савва, следя за своим, кровью пузырящимся, пером.

«Но ее ты как любишь?».

«До смерти».

Виктор захохотал:

«Только-то, люди! не богато».

«Душу за нее отдам», отчетливо проговорил Савва.

«Так пиши: Ради моей любви»...

— Ради моей любви.

«Отрекаюсь от Христа...»

— От Христа отрекаюсь.

«Истинного Бога...»

— Бога истинного.

Савва писал, и кровь блестела у него на веках, так твердо выводил он букву за буквой. Освежил кровью перо и с завитками и завитьем расчеркнулся:

«Савва Грудцын руку приложил».

«Чудесно, царская подпись, — похвалил Виктор, любуясь, — не подделаешь! И сунул листок себе в карман. Верь мне, все твои желания исполнятся».

И в ответ глубоко вздохнул и улыбнулся Савва: счастье сияло в его улыбке.

«И будем братья, — сказал Виктор, — дай мне твой крест».

Савва покорно потянулся к вороту снять с шеи крестильный крест. А креста не было. «Забыл, знать, в бане!» — лениво подумалось.

«Ну идем, — сказал спокойно Виктор, — о мелочах не тужи!»

И они пошли в город, два брата.

А была глубокая ночь.

«А я не спросил тебя, Виктор, где ты живешь? Все дома мне известны, почему я тебя нигде не встречал?»

«Да нигде я не живу, — засмеялся Виктор, — а захочешь видеть меня, ищи на конской площади с цыганами, весь день я там околачиваюсь. Я ж тебе сказал, приехал сюда для покупки лошадей. Да я сам к тебе приду. А завтра смело отправляйся к Боженову дому. И как будет Божен по дороге домой возвращаться из церкви, ты увидишь, поверь мне, с какой радостью он встретит тебя».

И они простились. Виктор — «где придется, там и заночует», а Савва к себе в гостиницу.

И в первый раз за столько бессонных ночей в эту новогоднюю ночь Савва крепко заснул. И сон, колыхая, увел его к его мечте — к ней.

* * *

Савва вскочил: звонят к «Достойно», вот как заспался. С новым годом — с новым счастьем. И какой счастливый выдался день: солнце — все сияет. И чувствует Савва, как на его душе сияет, точно он обменялся с кем-то счастливым его счастливой душой: ни черноты, ни тревоги, легко.

А вот и Боженов дом. А вот и сам Божен: возвращается из церкви, какое умиление на его лице и весь сияет. Вдруг видит Савву, окликнул. Поздоровались. И каким благодушием прозвучали слова Божена и с отеческим упреком: и почему Савва забыл их и чего такого он, Божен, сделал, какого ду́рна, Савва покинул их.

«Савва, вернись к нам!»

А в окно Степанида. И как увидела, выбежала на улицу, обняла Савву, засыпала «жемчужинами» — глубоким поцелуем.

«Савва, вернись к нам!»

И так все было хорошо, да лучшего и не бывает: невозвратное вернулось!

Савва не может вспомнить, как он снова попал в гостиницу, как и не спросил себя, почему же он не остался у Божена? Помнит, лег и сейчас же заснул. И кажется, никогда бы не проснулся, если бы не такой зверский стук: ломится Колпаков: обедня отошла, все вернулись из церкви, обед подан.

«Трижды заходил твой земляк, — сказал Колпаков, — наведается попозже».

2

Весь день Савва ждет.

Ждать заманчиво, но и тяжко: нетерпение изведет и самое упорное «жду». И Савва изводился, ожидая: ему непременно хотелось сейчас же рассказать Виктору о своей встрече с Баженом: все так и вышло как было предсказано ночью: «Савва, вернись к нам!».

Заняться бы Савве на досуге делами — чего скрывать, давно заброшено отцовское, забыл он, кому должен, и кто у него в долгу, и в его торговой книге никаких записей.

На новый год пришло третье письмо от матери: мать умоляла Савву вернуться в Устюг; про отца ничего не знает, из Персии вести не скоры, и что она одна.

Савва не собирался отвечать, а о возвращении домой и мысли нет: Персия за морем, а Устюг, недаром и звался Гледень, на краю света. Письма матери были ему как с того света.

Поздно вечером, так и не дождавшись Виктора, Савва вышел на улицу. Заглянул на площадь: пусто: праздник. И пошел за город в поле.

Свежо и ясно. Осень обещала звездную ночь, а на рассвете холодной звездной пылью покроет поле. С каждым шагом становилось жарче, в пору ильинскому полдню. Или огонь — душа горит! — горячил, подгоняя ноги.

Показались звезды.

И Савва слышит знакомый оклик: это Виктор.

Виктора трудно было узнать, ничего от гостинного сына, не площадной лошадник: звезда ярче небесной се-

ребрилась, тая́ на его островерхой шапке. Он взял под руку Савву и они пошли в ночь.

В темном поле им светили дорогу звезды, не те верхо́вые падающие, а перелетные.

«Знаю, Савва, как ты меня ждал. По ожиданию судят о любви. Ты меня любишь. Хочу и я тебе ответить моей любовью. О любви судят также и по откровенности. Я открою тебе тайну. Слушай: в Устюге я не бывал и ни в каком родстве с Грудцыными, я сын великого царя, я царевич. Идем, я покажу тебе славу и могущество моего отца».

«Значит, правда царевич, а не самозванец!», подумал Савва.

Они спустились в овраг и пройдя по дну, поднялись на холм.

«Смотри, сказал Виктор, ты видишь?»

И Савва видит — и то, что он увидел, его поразило: еще во сне было бы понятно, но среди звездной ночи и этими глазами...

Глубоко, как глядя в пропасть, на версты в ширь и без конца до края такое раздолье, а посреди город — золотом и маковым цветом купальского огня блестят стены, башни, мосты и переплеты воздушных лесенок и площадки.

«Вот стольный город моего отца, создание его искусства. Пойдем, я поставлю тебя к его руке».

Савва следовал за Виктором, голова кружилась. И ему не пришло на мысль спросить себя: как это возможно, вся земля принадлежит московскому государю и откуда же взяться городу — столица могущественного царя?

И когда они приблизились к городским воротам, их встретили серебряные с алыми поясами, это была юная стража, лунные лица. Виктору они отдавали царские почести, и кланяются Савве.

И во дворе почетная стража, но не серебряная, а все в золоте с красными поясами, а лица розовой луны.

А когда они вступили в царские палаты, золотая про́низь и прорядь стен ослепили глаза.

«Савва, сказал Виктор, подожди тут, я доложу. А когда царь позовет тебя, подай ему свою рукопись. Мой отец

большой любитель затейливых почерков, твое ему будет по душе и ты будешь почтен великой честью. Ты, „Неволя“ (Савва), почувствуешь в себе такую волю, сам черт тебе не брат». И с тем же наглым смехом, памятном Савве, Виктор вынул из кармана кровью назнаменованную рукопись и сунул в руку Савве.

Свет от светящихся лиц заливает глаза.

Однажды в детстве Савва, купаясь, глубоко нырнул и не может выплыть. Так и тут. И когда Виктор вернулся и взял его за руки, Савва почувствовал, что не ногами идет, а плыл за ним под водой, и вот-вот вынырнет стать перед лицом могущественного царя — Князя Тьмы.

На изумрудном престоле, блистая царской одеждой, сидел он, царь над царями. А посторонь на меньших тронах, похожие на него, двурогие визири. А округ пестрый подол крылатая свита: синие, багряные, лиловые, зелень меди и смола черные («Многие языки служат моему отцу, как потом объяснял Виктор, персы, индеи, китай, эфиопы»). Все было ярко и преувеличенно огромно: лицо царя, как с монумента, мерить не человеческой мерой, а на дальнем расстоянии было б всем наглядно воочию.

Савва стал на колени и низко до земли поклонился. И услышал голос, звучал над ним как многотрубный четырехкопытный медный клич: это двурогие визири в голос за царем повторяют слова царя:

«Откуда пришел и в чем твое дело?»

Тут поземные бесенята, рыльце летучей мыши, лапы жигалка, сползшись, окружили Савву, щекоча под мышки и скорябая, дуют в уши.

Савва живо поднялся и, в змеей протянувшуюся длань царя, кладет свое кровавое рукописание.

«Я, Савва Грудцын из Великого Устюга, слышит Савва свой голос и не узнает, пустой издалека, я пришел послужить тебе твой раб до смерти (подсказывает Виктор) и после смерти».

Близко к глазам поднес себе царь Саввин листок и внимательно рассматривает. И все двурогие визири тянутся взглянуть: какой небывалый закорюсчатый заплет в единственном начертании: «Савва Грудцын руку приложил».

«Я приму этого юношу, говорит царь визирям, большой искусник, а будет ли он крепок мне?»

«Дай срок, ввертывается Виктор, он себя покажет. А подкрепиться не мешает».

И тут воздушные бесенята, рыльце поплавок, стрекотные лапы, хлопая в замшевые ладошки закружились, хвостя над Саввой. Савва нырнул и плывет.

«Куда мы?»

«Царь велел накормить и напоить тебя, говорит Виктор, не стесняйся!».

* * *

Савву выплеснуло и он попал в столовую. И с ним никаких ни поземных, ни воздушных.

Это была царская столовая и в то же время царская поварня. Резали, кололи, потрошили и свежевали. Лилась кровь, и перо летит. Шум невообразимый, толкотня невозможная. Все смешалось: люди, звери, птицы и бесы.

Черные бесхвостые обезьяны с приколытыми сзади розами прыгали и перепрыгивали по резаному, колотому и размозженному. В алых колпачках и алых от огня молочных халатах повара и поварята суетились у пышащей плиты, посвистывали, шептали и лязгали. И у всех, как у бесхвостых обезьян, приколоты были сзади на алое, но не алая, а желтая роза.

В глазах у Саввы, яичась, кровенилось.

«Раковый суп! — по-заправски возгласил Виктор, Грудцын, насыщайся!».

Савва, чувствуя волчий голод, навалился на миску: там в желтом плавали красные рачьи голово-груди, начиненные густым белым мясом личинок навозных жуков. Виктор то и дело наполнял порожнюю погорячее. Миска и Савва дымились.

На второе подали порядочную баранью заднюю ногу с рисом и навалили блюдо жареной картошки. И Савва съел три ноги, рис и всю картошку. А ему б все еще и еще, не может насытиться.

Тоже и пил он без счета и без разбору, мешал белое с красным и не мог утолить жажду ни квасом, ни брагой, ни медом. Остервенение и жадность напали на него.

«Много вин у моего отца, но такого я никогда не пивывал, и до чего все легко и вкусно!».

«Скажи, призрачно!», смеялся Виктор.

Савва протянул руку к гранату. Это был гранат невиданных размеров, с человечью голову. Ковырнул ножом

содрать кожу — и брызнувший малиновый сок едко ударил ему в глаза. А в ушах застрял сверлящий взвизг — над ним пошептались: «дурак!». Зеленые круги пошли в глазах, мутя.

Савва крепко зажмурился: «провалиться б!». И провалился. И видит кругом пустое поле.

* * *

Они идут полем. Над ними звезды, а впереди непроглядная ночь.

«Теперь ты все знаешь, говорит Виктор, но, по-прежнему зови меня братом. Я царевич, а буду тебе за меньшого брата: чего бы ты захотел, все сделаю для тебя. Только будь мне во всем послушен».

«Обещаюсь!», с легким сердцем сказал Савва, вспомнив вчерашнюю ночь, предсказанную встречу со Степанидой.

И когда пришли они в город, из глаз Саввы вдруг пропал его меньший брат царевич. Савва окликнул — никто не отозвался.

«А мне он своего креста так и не дал! — Савва опустил руку в карман и вздрогнув, отдернул. — какой острый нож!»

И ему чего-то страшно, в глазах жгучая мгла, и весело.

* * *

Савва уверенно вошел в их спальню.

Жаркая лампада. Колдующая тишина.

Божен спал. Спала ли Степанида? На шаги она встрепенулась, приподнялась. И с ужасом поглядела на спящего мужа.

Савва вынул нож и поднял руку:

«На-ка!»

Резкий блеск ножа или сверкнувшая угроза — Божен, не просыпаясь, повернулся лицом к стене.

«В последний раз. Пришел проститься, — сказал Савва и не пряча ножа, обнял ее, в последний раз дай мне твою жемчужину!». И поцеловал ее.

Она не сопротивлялась. Ее губы дрожали.

Гордо сказал он:

«Любовь меряется: как ждешь и откровенностью. Я дождался и открою тебе тайну: я сын великого царя, я царевич. И люблю тебя по-царски».

И смотрел на нее и не оторваться, с тоской.

«Как же ты без меня?» спросил он, но совсем по-другому, как бы в чем-то виня себя и раскаиваясь.

«Первого трудно, сказала она, а потом...».

Она не договорила, она там договорит. Он осталéл весь, только сердце заныло, и ударил ее ножом в живот.

Чувство удара было так переполнено, точно он сам себя полыснул, и его вывернуло. Он увидел себя, как он сует в карман окровавленный нож и никак не может попасть. И уж без расчета воткнул себе в ногу. И пошел.

Он идет, не чувствуя боли, и никакого любопытства что там. В дверях нагнулся, знает, низкий потолок. И по коридору к окну.

Звездная ночь.

Но когда выпрыгнул из окна и очутился на улице, звезды пропали. Ему показалось, кто-то еще следом за ним спрыгнул. Над головой свирепо крутила метель.

«Метель, подумал он, это метель крéстит и хлещет!»

Дороги не видно, а идет.

Он ли это или тот другой шел по полю с ножом. «Сам воткнул в себя, вынь!» — говорит. И он вынимает. И в карман сунул нож: «Ее кровь смешалась с моей!» И услышал знакомый призрачный шепот. Да никакая метель, это она неслась перед ним: навалилась горячим телом и всем ртом, обжигая, целовала его.

Савва очнулся на оклик.

«Что ты ни на какую стать, как дикий конь. Кричу, а ему и горя мало. Весь окровенился».

Савва вдруг почувствовал острую боль в ноге.

«Ничего, пройдет!» Виктор нагнулся.

И от его горячего прикосновения разлилось тепло; и никакой боли.

«В городе тревога, сказал Виктор, ты не знаешь, что случилось у Божена: Степаниду зарезали».

«Кто зарезал?»

«Разбойники».

Савва только вытянул по-гусиному шею, его стиснули сзади с боков два кулака и с такой силой, хребет переломится.

«Чего мы тут торчим в этом захолустье, беспечно сказал Виктор, тут со скуки умереть можно. Пойдем куда-нибудь в другое место. Погуляем, а захочешь, вернемся».

Савва на все согласен.

Он чувствовал, словно все у него вынуто и он пустой, окоченелый, без воли и ничего не хочется.

«Куда хочешь, я готов, сказал он, только как с деньгами? Пойдем в гостиницу, я заберу что еще у меня осталось».

«Брось, перебил Виктор, ты знаешь могущество моего отца, повсюду его поместья, и куда бы не пришли мы, деньги у нас будут. Идем!».

Виктор свистнул. И крепко, как крылом, ударил по плечу Савву, инда екнуло сердце так крепко.

И вмиг они очутились на Волге за две тысячи верст от соликамского Орла в Козмодемьянске.

III

1

Закормленный до отвалу, с утра до ночи в послеобеденной дреме, не скажешь, что город очень бойкий, волжская пристань и цвет благочестия и пример домостроя, Козмодемьянск.

И в это-то рыбное добротолюбие, как снег на голову, ни на кого не похожие, ни речь и наряд не наш, два молодца, писаные царевичи, и уж богаты! И пошел дым коромыслом. В Смуту такого не запомнят.

Воистину, «нечистый пребывает, еже хощет».

Савва и Виктор в гульбе — гуляют вовсю без очнутья, и удержу нет. Сыплется золото, льется вино, без умолку песни.

Какой соблазн для закупоренных, а живых человеческих чувств!

Где бы и в какой бы час ни появились приятели, Клим царевич да Пров царевич, так их величали, к ним тянутся, мухи на сладкую бумагу, и пойдет разгул. А на утро: у кого шея нáбок, у кого глаз подбит, поступай в фонарщики, а третий родителей не узнает или языка лишился, мычит коровой, чего доброго отелится. За молодежью, пример заразительный, пустились и старики, люди семейные, потерянные годы наверстывать. А за мирскими и духовные.

Одной едой и молитвой человеку сыту быть невозможно, неспроста и не выдумано: «воли хочу!».

Первые восстали черные попы, про белых не слышно:

храмы Божие пусты стоят, к обедни хоть не благовести, зря, ни старого, ни малого не добудишься; дьякона в „Архипы“ записались, певчие козлогласуют. За черными попами Губной староста: дня не проходит, чтобы ни жаловались на погром и увечье. За Губным старостой грозит Воевода: «доберусь до мошенников, у меня живо!». Да разве угроза помога: всех воров не переловишь, а пьяную глотку не заткнешь.

Никаких дел не водилось ни за Виктором, ни за Саввой: без них ничего не начинается, но всегда сухи выходят: на сплюй и в мордобое руки не мараны, — глядят, да потешаются, Клим царевич да Пров царевич.

В кабаке было пьяно и чадно.

Виктор стравил двух дураков — дурака с дураком, а сам вышел, будто по лошадиному делу. И какой-то из дураков стал бахвалиться и задирать. И ясно было, «набитый» и в спор лезть, мараться, слово за слово, задохнулся, да как саданет по уху. Вернулся Виктор, а «набитый дурак» на полу, не то чего ищет, не то отыскал и успокоился, и голоса не подает, значит, мертвое тело. И все видели, гогочут: «áй да, Клим царевич, вот это по-царски, хлопнул и душа вон!».

Виктор подозвал Савву на два слова — по «лошадиному делу». Да из кабака вон.

«Надоело», говорит Виктор.

«А мне постыло».

Только Савва и успел сказать, как услышал знакомый посвист. Зажмурился: страшно.

Виктор крепко взял Савву за руку и вмиг очутились они на Оке, от Козмодемьянска не ближний конец, в Павловом перевозе.

* * *

В тот день на селе был торг. Хмельные, невыспавшиеся они без цели бродили от телеги к телеге, от балагана к кабаку.

У самого громкого, где пропивалась выручка и подпаивали простодушие провести и околпачить, бросился в глаза Савве: стоит у дверей, босой, без шапки, в руке посох, а на нищего не похож, и не старый, а как Савва, и только не в одной, а во многих водах купан, белый — прозрачный, и плачет.

И это были не голодные и нищие слезы, это были

голубые, такой голубиной чистоты его небесных глаз. И Савву потянуло и он подошел к страннику узнать: о чем это так горько плачет?

Виктор по привычке играя в лошадника, пропал в толпе цыган.

«Брат Савва, услышал Савва голос, я плачу, мои слезы по твоей душе. Савва, кого ты называешь братом, и ты думаешь это человек? В пропасть ведет тебя. На тебе кровь».

«Кто ты?»

«Я Семен Летопроводец, ты помнишь? нет-нет, ты все забыл. Я юродивый Христа ради и Пречистые Девы Матери».

И блестя голубыми слезами, закуковал он, переводя кукованье в заупокой:

«Упокой, Боже, рабу твою, убиенную Степаниду, в месте светлом, месте прохладном, месте покойном, иде же все праведные упокоиваются!»

И с последним протяжным кукующим словом Савва почувствовал, как там у него где-то в пустом его сердце вдруг открылся и ключом бьет прозрачный источник и всеми каплями до капельки подымается единым рыданием. Пусть и душа продана и руки в крови, но эта зарыдавшая боль осветила и опамятовала призрачную пустоту сердца, отравленного любовью.

Савва вздрогнул: сквозь небесное голубое вдруг кольнуло его и бьющий источник погас: Савва встретился глазами с Виктором. Виктор был далеко, но глаза его горели и были тут, перед Саввой — в них полыхал жгучий гнев.

Савва поспешно отошел.

Но все равно, никуда не спрячешься и ничего не скроешь. Видя только сверлящие, тянущие к себе глаза, Савва, как крючком поддетый, вытянут был из толпы. И догнал Виктора.

Виктор с остервенением набросился на Савву:

«Хорош гусь, связался с оборванцем! Этот слезоточивый прощелыга, знаю я их, не мало пустил честных людей по миру. Видит на тебе богатую одежду, только этого и надо, небось, ничего не остановит! Они зорки, знают, где поживиться. Разжалобит тебя, а потом удавом удавит. Их припев: «мать пустыня», — доведет он тебя до пустыни.

И ты думаешь, он человек? И это человек Христа ради юродивый? Да что ему Христос, он сам Христос. Пришел в мир разрушить лепоту́ мира и создать свой: „прекрасная пустыня“ — грязь, нищета, жалоба, отчаяние, свету не видишь».

Савва, как онемел.

«Нет, тебя нельзя одного оставлять».

И Савва почувствовал, как пальцы когтями впились в него, а в ушах сверлящий холодный свист.

И уж не в Павловом перевозе на торгу, они стоят на площади в Шуе.

* * *

И видит Савва: высоко у дверей Собора Степанида. Она в дымчатом сером и, как из облака, спускается на землю.

Подошла к ним и с первым с Виктором христосуется. А потом подходит к Савве и поцеловала его в лоб.

Ревность и обида закипела на сердце у Саввы. И он плюнул ей в лицо. И отошел, не глядя.

Каменная сводчатая кладовая, под потолком железо. Как это страшно за человека очутиться в такой неволе: ни дверей, ни окон, холодный серый камень.

И когда Савва, глядя в свою серую ночь, погасил в себе последнюю надежду: «не уйти» — стена поднялась и открылся сад.

Степанида, но не та, не серое на ней, а коричневое, в роспуске на рукавах и подол пронизаны красным.

«С возвращением!» — говорит она и кружится, хочет подойти к нему, но так еще далеко. Так далеко, но голосом близко, и он идет ей навстречу, повторяя ее: «С возвращением».

2

Фома Грудцын вернулся из Персии в Устюг. Много вывез с собой кизильбашского добра: удачна была торговля и укрепилась дружба; Персию к рукам прибрать ничего не стоит, а какое богатство и народ сговорчивый: «Селамун алейкум!» и все тут.

Спрашивает Фома о сыне: жив ли Савва?

С горечью ему отвечает мать Саввы:

«От многих слышу, по отъезде твоем в Персию, до Соли Камской Савва не доехал, а застрял в усольском

Орле. Распутно живет, казну расточил, торговлю забросил. Писала ему и не раз звала домой, не ответил. И жив ли, не знаю».

Фома смутился: так не похоже на Савву, матери не ответил. И сам пишет в Орел Савве: не намеревался б ослушаться —

«Немедля вернись, соскучился по тебе, хочу тебя видеть».

Ждет Фома. О сыне только и разговору. И чего бы не затевал, на первое Савва и в мыслях и в слове. Стали Фому, труня, не в глаза, а за спиной звать Саввич: чужая беда, что и счастье, надоедают.

А Савва домой не показывался, а и вестей о себе не дал: как в воду.

По весне Фома готовил струги с товаром.

«Отыщу, говорит, из-подо дна достану, привезу сына домой».

И с первой попу́той отправился в Казань, а из Казани к Соликамску.

И как будет Фома в Орле, и прямо с пристани на Саввин склад. На дверях замок. Разбили, и как вошел, «то-то, думает, найду порядок!» и удивился: товары разложены по полкам, казна в целости, торговые книги подведены и счета выписаны. «Стало быть все неправда».

Да Саввы-то нигде нет.

И кого только ни спрашивает — и тому, кто скажет, сулит казну, не прожить — и всякий бы с радостью, да откуда взять, никому ничего не известно.

«Беспременно обещался быть к обеду, затверженно говорил Колпаков, а и к ужину не пришел. И в ночь, с Семенина дня, как быть греху со Степанидой, дома не ночевал. Злодеев всех переловили. На розыске воевода спрашивал о Савве, и как подвеся, огнем жиганули, в душегубстве сознались, а про Савву сказали: не знаем. С чего-то не поладил с Боженом».

Фома к Божену.

Встретились други — названные братья.

«Я жену потерял, сказал Божен, без хозяйки и в своем доме, как у чужих».

«А я потерял сына, сказал Фома, и не на что мне теперь казна, чужим не отдам, а в свои руки некому, все прахом пойдет».

Так ни с чем и вернулся Фома в Устюг. Жене все рассказал, — убивалась мать. А что ответит он там, скоро в последний путь, «сына, скажут, не уберег, куда пропал твой Савва!»

* * *

А Савва живет себе поживает в Шуе, и в ус не дует: о доме ни памяти, о матери, об отце ни речи, и только что по имени Грудцын, а как есть без роду и племени.

О ту пору была сложена притча «о Горе-злочастии», не о Савве ли этот горький сказ сказывает?

Затевалась война с Польшей. Сигизмунд, старый король польский, помер, наступило в Польше «межкоролевье» — для Москвы самое подходящее отобрать у поляков Смоленск. Война кончится для Москвы плохо, но кто же это скажет, чем все кончается. Было уверенно: Смоленск русский и без никаких.

По всем московским городам объявлен набор солдат. В Шую послан с Москвы стольник Тимофей Воронцов.

Всякий день на площади учил Воронцов охотников-новобранцев военному артикулу. Зевак, что на пожар, что на солдат, за ними дело не станет. Савва и Виктор, делать им нечего, ходили смотреть на ученье.

«Брат Савва, заговорил Виктор, то ли он заметил, как барабан оживляет Савву, то ли у него была еще и другая мысль, хочешь послужить царю? Через царей только и можно вылезть в люди. Не записаться ли нам в солдаты?».

Савва согласен. Надо же куда-нибудь деваться: безделье, что разгул, приедается. И то сказать, барабан ему по душе, а царская служба долг.

И оба записались в солдаты.

Воронцов не спросил, откуда и почему: охотники, что непомнящие бродяги и от хорошей жизни не заохотишься.

Не пропуская дня, ходят они на ученье. Дело пошло ходко и споро. За какой месяц Савва не только одолел солдатскую муштру, а превзошел старших. Конечно, не без Виктора, но об этом кому знать.

Из Шуи Воронцовских солдат погнали на Москву. И в Москве они отданы были под команду немецкому полковнику для полка иноземного строю.

Немецкий полковник Оттокар Унбегаун, охулки в руку не положишь, отличил из всех новобранцев Савву за

точные ответы и выправку. И в знак своего одобрения снял с себя свою расшитую драгоценным бисером немецкую шляпу и при всем честном народе под барабан нахлобучил на голову Савве. Все так и ахнули: наш устюжанин — Грудцын — и этакая на нем шляпенция: сияет, сам жар-птица. И поручил полковник Савве три роты в ученье.

«Брат Савва, говорит Виктор, содержать солдат, не свинью подкармливать, будет нехватка, ты только скажи, я достану и не на три, а на тридцать три роты. В твоей команде не бывать ни жалобы, ни ропоту».

Так все и случилось. Савва тайных денег не жалел и его солдаты не бунтовали. А в других ротах беспорядки, да и до порядка ли: с голода мрут, тряпье и рвань, стянет брюхо пояском, а все мелочи наружу.

И не зная, чем еще наградить Савву, немецкий полковник Оттокар Унбегаун, на шляпу Савве, поверх бисера, насадил зеленое мекленбургское попугайное перо, и приказал своим немецким солдатам, обращаясь к Савве, не «дукать» (по-русски «тыкать»), а как к начальнику «зикать» (по-русски «выкать»).

В немецкой полковницкой шляпе с мекленбургским зеленым попугайным пером, Савва на Москве всякому в глаза и под нос, от зевак ни проходу, ни отбою. Виктор, оруженосец Саввы, тоже нацепил себе длиннющую польскую саблю, гремит, что с горы с жестяной посудой катит воз. И в который дом ни придет и что бы ни сказал, везде Савву отличают, у всех он первый и всякому в пример.

* * *

Царский шурин, боярин Семен Лукьянович Стрешнев, во времени у царя, и кому не лестно с таким знаться, сам пожелал познакомиться с Саввой.

Савву поставили перед боярина.

И с первых же слов Савва очаровал вельможу.

«Хочешь, Савва, сказал Стрешнев, я приму тебя в свою службу и отличу из всех моих приближенных».

«Есть у меня брат, отвечал Савва, будет на то его воля, я с радостью послужу тебе».

А когда Савва рассказал Виктору о предложении Стрешнева, Виктор пришел в ярость:

«И ты хочешь отвергнуть царскую милость и служить его рабу? Чем ты ниже Стрешнева? О тебе говорит вся Москва, а скоро узнает и царь. И когда он увидит твою службу, он возведет тебя куда повыше Стрешнева. Да то ли еще будет! Помни, ты этим выскочкам не ровня, ты...»

«Клим царевич», подсказал Савва и горько усмехнулся.

Когда Виктор взбесится, все в нем в припрыжку и колючий. И шутки с ним плохи. Савве не подчиниться ему никак. К Стрешневу он больше не пошел и затея честолюбивого боярина не осуществилась.

Солдаты, обученные иноземному строю отданы по стрелецким полкам в дополнение. Савва и его оруженосец Виктор поставлены на Сретенке в Земляном городе в Зимине приказе в дом стрелецкого сотника Якова Шилова.

Подходило время к выступлению под Смоленск. И начинаются ратные подвиги Грудцына и его известность царю.

3

О Смоленских подвигах Грудцына рассказывали, как сказку.

Во главе московского войска стоял боярин Федор Иванович Шеин. В Смуту воевода в Смоленске знал он город, как свой двор в Москве на Болвановке. И все-таки перед выступлением поговаривали о лазутчиках проверить укрепления города и места, где стоят орудия.

Вызвался Савва, а подговорил его на такое опасное дело Виктор.

Рассказывают, что накануне Виктор водил Савву в баню: «покажу де тебе царские знаки». Нет никакого сомнения, в голове у беса было укрепить веру в свою нечеловеческую природу и всемогущество.

У Виктора оказался порядочный хвост, не похожий ни на какого зверя, цвет тела и этим тельным хвостом оплетает он себя, как поясом, а кончик спущен посередке от пупка вниз прикрывая детородное. К удивлению Саввы, никаких детородных не оказалось, а на ихнем месте, как у трехпечатных скопцов, звезда. «Ханская! заметил Виктор, золотой орды». А когда Савва, поддав пару, затеял потереть спину, Виктор честь-честью лег на лавку, — да тереть-то было нечего: прозрачная слюда прикрывала сзади от плеч

до хвоста и видно было, как он дышит, никакого хребта, и пяток в помине не было. Виктор будто бы заметил: «старайся, брат Савва, и у тебя впоследствии такое будет». И без веника, помоча в кипятке хвост, так хвостом настягал Савву, что тот и не помнит, как у стрельца очнулся, и к удивлению Шилова и Шилихи выдул залпом три бочонка молодого кваса и сожрал соленых огурцов без счета.

Наутро Виктор повел Савву на Красную площадь. И прямо на Лобное место. И став лицом к Покровскому собору, что на рву (Василий Блаженный) свистнул своим дьявольским свистом и вмиг очутились они в Смоленске.

Три дня провели они в городе, сами все видя, и никому в глаза. На четвертый день объявляют себя полякам. Поднялась стрельба: подбирай пóлы и беги. И тут вышла заминка: Виктор мог превращаться в любого зверя и птицу, а Савва, как есть, и все на него пальцем: этот!

Рассказывают, выскочили они из города и к Днепру: вода расступилась и они посуху перешли на ту сторону.

«Не иначе, как московские бесы в человеческом образе, говорили поляки, где ж это видано: Днепр расступился!»

И не такое еще бесовское действо, не три дня, восемь месяцев будут они чуметь в осаде, пока на выручку ни явится Владислав, новый король польский, и погонит нас взашей вон к Москве, отобрав обоз и все до одной пушки.

А когда московское войско 32.000 под барабан выступило из Москвы к Смоленску, Савва шел неразлучно с Виктором.

Виктор говорил Савве:

«Будут поляки вызывать на единоборство, выходи, всех одолеешь. Третий и последний копьем ударит тебя в стегно, не бойся, я тут и никакой боли».

И как будет московское войско передними рядами подступили к Смоленску и начались переговоры: думали, голыми руками возьмем поляков, да не тут-то, верх взял гонор.

Из города выслан был воин. И летопись пишет: «страшен зело, на коне ездя и искаше из московских полков противника себе». А кто осмелится против такого, идолище, посмотреть, душа в пятки?

«Будь, говорит, у меня воинский добрый конь, я бы вышел на брань против этого царского супостата».

Оповестили боярина Шеина. Велит дать Савве коня и оружие. И пожалел Савву: ни за что пропадет: так свиреп был и страшен польский воин.

Бесстрашно выезжает Савва. Бьются. Виктор черным колесом у стремени: то завьется, как дым, то заискрится. И польский исполин побежден. Савва привел его с конем в московский полк. Единый клич: «Грудцын!»

На следующий день выехал польский воин еще страшнее — заглянуть было б ему в зеркало, сам себя испугался б, страшилище! Но Савва не оробел и этого кокнул: и не человек, не камень, гора рухнула с коня на землю. И опять у всех: «Грудцын!»

И с третьим справился Савва, но этот напустился с такой яростью и, падая с коня, ранил Савву в стегно. Тут Виктор: он только подул и раны, как ни бывало. И все кричат: «Браво, Грудцын!».

Полякам зазор, московским на удивление.

И начался бой.

И где Савва с какого крыла поведет наступление, поляки бегут. Без числа сразил он поляков, а сам невредим.

Имя Грудцына заполняло Смоленск.

Боярин Шеин позвал Савву к своему шатру.

Будут потом говорить: боярин позавидовал Савве. И потом назовут Шеина «изменник» и казнят на Москве. Нет, в Смуту воевода Смоленска показал, что значит любить Россию, и причем зависть и о какой измене.

«Скажи мне, какого ты роду и чей сын?», спросил боярин Савву.

«Фомы Грудцына сын Савва из Великого Устюга», ответил Савва.

«Что же тебя толкнуло на такой отчаянный путь? удивился боярин, мне хорошо известен Фома Грудцын, безмерно богат. Как же ты оставил отца? Не по бедности же ты записался в солдаты или тебя преследовали по суду? Немедленно отправляйся в Устюг и помогай отцу. Ослушаешься, взыщу».

Савва отошел от шатра, «хороша награда!»

«Что ты такой печальный, говорит Виктор, коли Шеину не угодна твоя служба, вернемся в Москву».

И тут перечить нельзя.

И сказалось у Саввы тем же словом и с тем же чувством, как однажды у Степаниды, в церкви на пас-

хальной заутрени, матери — «как вы живете?» — «воли хочу».

«Воли хочу!» сказал Савва.

И темная печаль покрыла его с головой.

Виктор свистнул — и они очутились в Москве.

IV

1

В Москве Савва жил, как и до Смоленска, на Сретенке у стрелецкого сотника Якова Шилова.

Весь день с ним Виктор: приятель что-то задумывает, и не простое, не в шутку называя Савву «царевич».

«Мы им покажем!» — его постоянный отхрюк.

А на ночь уйдет. Сказывал, у него по всей Москве свои люди и где ему вздумается, там и проведет ночь. А просто говоря, ни на Щипок, ни на Зацепу ему и не для чего, а где обычно темная сила пребывает до третьих петухов, все вместе, туда он, распустя свой колючий хвост, и стреконет.

Под Смоленском имя «Грудцын» было у всех, орали, донесло до Москвы и повторялось и со всеми сказочными прикрасами и прибаутками, а между тем Савва никуда носа не показывал: Виктор скрывал его «до поры до времени».

Из Устюга пришло известие: с год, как помер Фома, а нынче зимой скончалась мать.

Казалось бы, чего Савве Москва, прямой путь в Устюг, как и боярин Шеин ему указывал: Савва единственный наследник несметных Грудцынских богатств: Волга и Кама и Персия, — последний в роде Грудцыных. Но когда об этом заикнулся Яков, Савва пришел в ярость и резко напрямик заявил сотнику, что в Устюг никогда не вернется, казна его не занимает, а умирать неизбежно.

«Так или иначе!» — и ножом замахнулся на перепуганного сотника.

Стрельчиха уверяла, что не Савва, а все мутит приятель, а этот приятель его, ли кум, ли свет черта, и под сапогами у него черные козловые копыта, а на голове железные, бараном завитые, рога.

С каждым днем Савва становился мрачнее, его глаза говорили всеми словами: не глядел бы на свет. Прежде

выйдет, хоть по двору пройтись, весна на дворе! А теперь, уж не неделями, а днями считай, Москва-река вскроется, а Яуза затопит огороды: пришла весна! а он из комнаты ни ногой.

«Ольга Кузминишна, обратился Савва к стрельчихе, и слова его, как вырезались из сердца, завтра Благовещение, будете выпускать птичку? и таясь, шепотом: было б мне душу освободить!»

На Пасху не пошел в церковь и не разговлялся.

«Мне все противно, сказал он, впрочем, все равно».

Смутные годы потрясений и всякой путаницы оставили по себе след в «черной немочи». У всех в памяти черная смерть Пожарского. И Шиловы болезнь своего знатного постояльца определили ходячим: «черная немочь».

Савва ни на что не жаловался, но уж подняться не мог: он весь день лежит. А ночь — какой там сон! — бессонная черная тоска.

Стрельчиха забеспокоилась: неровен час, помрет без покаяния. Но на все ее уговоры позвать священника — да Савва не верит: какая же это смертельная болезнь его черная тоска?

И Виктор подбадривает:

«Помирают, говорит он, от ран. Но ведь ты же не помер».

О душе не было речи. Да и о чьей душе разговаривать? У бесов — да с какого она конца, не наша. А у Саввы душа была запродана и находилась в надежных руках.

Виктор не мог не знать, что не только душой замыкается состав живого существа; и что расстройство души, запроданной или свободной, открывает путь тому, что над душой, высшему души, духу человека. Виктор беспокоился, хоть и виду не показывал, всегда беспечный или шутит или издевается: лечить раны это его, но лечить душу ему не дано.

Стрельчиха ухаживала за Саввой: не накорми, сам о себе не вспомнит. И все свое, о божественном. И до чего это бабы — тайное тайн — до петли человека доведет, и она же дорожку покажет в царствие небесное. И уговорила-таки Савву. Или и без стрельчихи до его душевного слуха дошло: не пора ли дать отчет?

* * *

Шиловы в приходе у Николы в Грачах на Сретенке, по соседству. Стрельчиха, незамедля, побежала в Грачи,

улучила Никольского батюшку Варнаву. А был этот Варнава, говоря по-книжному; «иерей леты совершен, муж искусен и богобоязлив зело», — и все попу на чистоту без утайки о постояльце, как денно и ночно мучается сердцем и страдает душою, и просит поновить.

2

В субботу отпев всенощную, Варнава, захватя запасные дары, явился в дом стрелецкого сотника Якова Шилова.

Савва лежит в оцепенении.

Или это летний вечер теплом и памятью заострил его мысли и помышления: все прошлое ясно, и какая темь!

Варнава прочитал покаянные молитвы, и велит всем выйти вон из комнаты. И когда сотник и сотничиха и все, кому случилось быть в тот вечер у сотника, вышли, Варнава проверил дверь и положа «начал», приступил к исповеди.

* * *

Савва приподнялся, хотел перекреститься, но его отяжелелая рука, не сгибая пальцев, только пошарила по одеялу.

А истерпевшийся и вдруг освобожденный голос зазвучал ясно — какие промытые звуки! — и ни разу не изменил себе, наперекор усиливающемуся шуму, переходящему в угрожающий вой, скрябь и злобную таратайку с зазыванием.

«Упокой, Боже, душу рабы Твоей, убиенной Степаниды, в месте светлом, месте прохладном, месте покойном, иде же вси праведные упокоеваются!»

> ...возможно ли меня простить изгладить из вечной памяти непрощаемое моей совестью между нами была тайна пути этой тайны привели нас к нашему концу и концы в воду сколько раз в отчаянии я говорил себе если бы мне разлюбить тебя таких слов ты не произносила и не могла ты хорошо знаешь для меня ты все нераздельно я был готов и не раз за тебя умереть а вот я тебя убил и если я ошибся я доверчивый по моей подозрительности не прирожденной а привитой и ты не та не так не то ты говорила и слова твои простые бесхитростно и без лукавства и твое молчание не было замалчиванием преступление мое еще глубже и вина непо-

правимее а мое раскаяние безнадежно если бы ты знала если бы ты поняла до самой глубины твоего сердца почувствовала как я любил и как люблю тебя и такую любовь нет закона можно или нельзя никакой власти запретить или позволить моя любовь самоцветна и ни перед чем не остановлюсь и не остановился ради любви к тебе душу продал и убил тебя и разве я похож и можно ли меня испытывать как и чем берутся на пробу другие что для них проходит незаметно для меня гроза ночь а в словах нет ничего та́к зря если бы это знала ты мне дала столько счастья и отравила лютой горечью без умысла конечно в твоих глазах я оказался как все я царевич а ты обрадовалась «клюкнуло» и за этот клевок я убил тебя а когда я думаю о тебе какою радостью овевает меня так любить как я люблю никто тебя не любил и не полюбит чувствует всякий но цвет и сияние чувства не одно я огонь а когда я вижу тебя в моих глазах две зари рассвет и вечерняя и одна ты в твоей власти изменить мою судьбу о простоте мечтал я и не думать и не мог отогнать мыслей мысли изрезали меня любовь безумна в ее каждом мгновении вечность все проходит но для меня ничего не пройдет «больше тебя никогда не увижу» ты сказала нет я душу мою положу за тебя и я ее отдал но твоей душой не овладел и убил тебя прощай я себе сказал и эта крышка закрыла для меня свет смириться мое сердце переполнено до краев ради моей любви я все приму но разве я могу смириться я не «грех» каяться тебе не в чем любовь безгрешна венец Степанида «грех» огорчить но обрадовать о таком грехе не слышно проснусь ли я или задумаюсь первая мысль о тебе как я люблю тебя смотри я сам по себе люблю цветы дышать и глядеть когда ты входишь с тобой целый сад деревья цветы трава ты всегда как в первый раз деревья цветы трава тихо льнут а твое «нарочно» шипы и колючие ветви люблю когда ты смотришь мне в глаза твой голос твои руки легкие ласкающие пальцы твою улыбку и твой глубокий взгляд там твоя прошлая бедность твоя неволя загубленная жизнь и наша жизнь я заживо погребенный

кожа на мне содрана надо смириться как ты смирилась из-под земли мне выхода нет хочу еще сжаться в моей подземной норе и гореть от боли «ты меня ни о чем не спрашивай не будет лжи» стало быть была ложь какая черная тоска и в этой темной одежде пойду в свой последний путь без тебя превращусь в черную змею но ждать-то мне некого жгучие острия огня тоска моей любви разлука умереть захлебнуться горбатая душа не могу не избуду твои слезы залили мои мысли гасят слова сними с меня мой грех в мыслях во сне под напевы песен о тебе вся ты во мне обман и моя любовь нет я обманывал самого себя ты мне не веришь я пропал сердце колотится защищаясь мой последний день и ночь свет кровь «с первым трудно, а потом»...

«А потом...» Савва не договорил.

«Я договорю, сказал кто-то, и больно кольнуло его в глаза, ты ошибся: она не такая, не то и не так, не то она говорила, она хотела сказать... она спрашивала *туда:* «что выше любовь или душа?». Ради чистоты души, ради спокойной совести — жить во лжи, таясь, невыносимо! Она пожертвовала свою любовь. А ты ради любви продал свою душу».

«Любовью не жертвуют, сказал Савва, любовь покроет и самый грех!» — «Смирись!» — И больно кольнуло его в глаза, весь он подобрался: было такое, вот расплющит.

Виктор тянулся за толпой похожих — синие, багряные, лиловые, зелень меди и смола черные, и все это сборище сновало в клубах дыма, урча и воя.

«А ты подлец! услышал Савва и вздрогнул: глаза Виктора сверлили его, окуная в лед и паля огнем. Думаешь, покаянием отвертеться, вы, люди, тварь Божия. Ведь этак можно все «честные слова» сгладить, всякий обман оправдать и от всего отречься. Скажите, пожалуйста, какое геройство, подлецы вы все неблагословенные, вам и разум-то дан, чтобы обманывать. А есть такое, чего ничем не сотрешь: кровь! Смотри: твоя кровь! И высоко над головами он поднял листок из записной торговой Саввы, тебе это так не пройдет, клятвопреступник!»

И как по расчищенному Виктор прошел сквозь дымящееся пестрое месиво и ухватил Савву за шею, поднял над кроватью:

«Царевич! ты самозванец, так на ж тебе!» и ударил Савву головой о стену.

И со всех концов потянулись к кровати щипатые, щелча в глаза и сдавливая горло. И смяв, подбросили его под потолок.

Протяжный вой тугим настилом все покроет. Утрамбовывая, вызвучивало с переливом: то ли это Савва смертельно болея, то ли его мучители в яри.

На крик сотник и сотничиха бросились к Савве.

Варнавы нет, а Савва на полу.

Он лежал навзничь: лицо потемнело, закаченные глаза, распухший прикушенный язык, и рот в пене.

3

«Бесноватый, надо вести в Симонов, отец Касьян отчитывает, ему виднее», говорит Варнава.

И как это он тогда от сотника ушел, чудеса!

«Все шло ладно, рассказывал Варнава, а как стал Савва заговариваться, поднялось не весть что, святых выноси: лавки, стол под потолок, посуда, книги влет, вой, свист, лекотня, впились в волосья, за рясу дергают».

«Бесноватый» в доме не весело. А пуще того, не дай Бог, помрет. Не быть бы в ответе? Что скажет царь, как узнает?

Счастье Шиловых: нашлась у них родственница, соседка. А была она вхожа к царю: родная ее сестра Акулина Ивановна, первая царская стряпуха и в большой чести́ у царя. Шилиха о Савве соседке и о Варнаве, как попу бесы в голове поискали. Федосья жалостная, пожалела Савву, а о Варнаве заметила: «не след попу с бесами связываться». А и то правда, доведись до греха, Шиловы ни за что пропадут, не скроешь: Грудцын не Лубяная сабля, ослóвят.

Никогда еще так нагло не орали на Москве «слово и дело Государево», как в посмуту при царе Михаиле Федоровиче: «слово и дело» та же «черная немочь», а выражалась не в грызущей тоске, а в неописуемом страхе попасться: у кого не в пуху рыльце, знай для отвода: вали на соседа.

Федосья, захватя укропа, — никогда не мешает гостинец, будь то родная сестра — козырем отправилась в Кремль.

И у царской плиты сестре все раскудахтала и о Шилове и о Шилихе и о Варнаве и о бесноватом Савве, и чтобы Акуля довела до ближайших царских синклитов, а те б царю.

«Грудцын не Лубяная сабля, да и за Саблю нынче взыщут».

«Не забудь, Феня, чесноку, сказала на прощанье Акулина Ивановна, Лукьяныч у нас из всех овощей его предпочитает: и сердцу, говорит, очистка, и дух чистый».

Редкий из синклитов без поры и времени не терся на царской кухне, будто глаза ради и безопаски от наговора — легче легкого подсыпать в кушанье отраву! — а на самом деле и старому и малому было в развлеченье с поварихами посудачить: у Акулины Ивановны как наподбор, все они крупичатые, губки бочоночком, а с голоса пеночка и пышет. Непременным завсегдатаем кухни всякому в знать: царский шурин боярин Семен Лукьянович Стрешнев.

В тот же день во дворце только и разговору, что о Грудцыне, смоленском герое бесноватом Савве, стоит у стрелецкого сотника Якова Шилова на Стрешне.

Судьбу Грудцына царь принял к сердцу и приказал: как будет смена караулов, послать в дом к стрелецкому сотнику по два караульщика.

«Болезнь у его черная немочь, да надзирают опасно, не то, от бесовской докуки обезумев, в огонь или в воду кинется».

И еще велел царь повседневную пищу посылать Савве, и возвещали б о здоровье.

С этого дня в доме Шилова хозяйничали стрельцы-караульщики, что твои бесы, сотничихе другая забота.

А бесам, что караул, что без караула, лишь бы мучить. А Савва мучимый бесами, и вилкой не поковырял разварную царскую телятину. И о каком здоровье извещать царя, хоть бы скорее конец!

Так все и ожидали: кончится: и Савва и Шиловы и родственница Федосья и ражие караульщики и потемневшие от злости бесы.

Говорили, Виктор не в обычай, днем его никогда не видно, а к вечеру объявится, и уж не скрывался, во всем своем бесовском обличии: протянешь ему руку здравствуйте! так он, окаянный, хвост свой колючий сунет тебе,

изволь потом в богоявленской воде руку вымачивать.

Стрелец-караульщик Харька Мышелов, озорной, пугая баб, рассказывал за ужином, будто Виктор, Харька видел собственными глазами:

«Уселся прямо на солнце, задрал беспятые ножищи, вывалил на стол свой астраханский хобот, ему де для просушки, лапой пошлепывает, мух отгоняет и пригогочет».

Ну, да у Харьки язык не перо, не кисточка, а самопис без обмочки.

Виктор, невылазно день и ночь в комнате Саввы, командовал над своей темной дружиной: их бесовское дело добросовестно подбрасывать Савву и, подпыром сбросив на пол, кулачить по чем ни попало.

С каждым днем бесы ловче проделывали над Саввой свои мучительные упражнения, а для Саввы тяжче.

* * *

Сегодня 3 июля, в Великом Устюге праздник, день Иоанна Юродивого. Этот день будет памятен Савве.

После тягчайших мук необычных, Савва, вконец обессиленный, крепко заснул.

В доме мертвая тишина.

Федосья побежала за Варнавой: все равно, и мертвого может поп, растормоша, поновить ради «христианской кончины живота». А сотник и сотничиха и с ними караульные стрельцы вошли к Савве.

Савва мертвый.

Стоят и смотрят: «прибрал Бог, царство ему небесное!».

И вдруг на оможенных глазах Саввы показались слезы. Не просыпаясь, он приподнялся, как бы что-то увидя, и отчетливо:

«Обещаюсь. Все исполню. Помилуй!»

И так это было страшно от мертвого слышать, на сотника и сотничиху напал столбняк, а стрельцы к Савве тормошить: охота дознаться с кем мертвец разговаривает. Но Савва только закатывал глаза, а сказать ничего не может...

Пришел Варнава с запасными дарами.

«Хорош покойник, сказал Варнава, дышит как здоровая лошадь!» А стрельцам попенял: «этак кулачищами и живого на тот свет немудрено отправить, а покойника беспокоить не годится».

И когда Савва проснулся, все его спрашивают, что ему виделось и отчего плакал.

«Видел я, сказал Савва, и, как во сне, слезы показались на его оможенных глазах, какая богатая багряная одежда на ней и вся она светится — это лицо ее, эти глаза ее. «Что с тобой, спрашивает, отчего так печален?» — «Ты сама знаешь, говорю, отчего я печален». Она улыбнулась и улыбка ее все озарила и свет теплом меня окутал. «Ты тужишь, как тебе выручить твою расписку». — «В моей любви к тебе». — «Я помогу, обещай мне, ты оставишь мир». — «Обещаюсь, помилуй!» И тут багор на ней вспыхнул изумрудом и разгораясь, переплавился в лазурь. И я услышал голос, этот голос я с детства помню, какое участие и какая нежность: «Савва на праздник в Казанскую ты придешь в мой дом — что на площади у Ветошного ряда. За твою страдную любовь перед всем народом я чудо явлю над тобой».

Варнава, положив «начал», запел молебен Казанской. Стрельцы подпевают догмат шестого гласа:

Кто тебе не ублажит
Пресвятая Дево.
Кто ли не воспоет
Твоего пречистого Рожества!

Федосья как с пожару выскочила от Шиловых и стремглав в Кремль. И там через воротных, дверных и палатных цепучей кошкой по лесенке на кухню к сестре Акулине. И не передохнув, о Саввином видении слово в слово:

«Приходи, говорит, Саввушка в Казанскую в мой дом на площади у Ветошного ряду, чудо явлю над тобой».

«А чеснок?»

И только тут вспомнила Федосья, что Стрешневский чеснок забыла у Шиловых на кухне.

«Я живой рукой. С рогожского огорода».

Но и до рогожского огорода, без чеснока к обеду все ближайшие царские синклиты узнали от Акулины Ивановны о Саввином видении. И на ужине Семен Лукьяныч сообщил новость царю.

«То ли еще! сказал царь, человек потемки, а судьбы Божии неисповедимы и скрыты».

Вся Москва дожидалась праздника Казанской.

* * *

В Казанскую 8 июля крестный ход в Казанский собор, что на площади у Ветошного ряда.

В крестном ходу за хоругвями и образами шел царь Михаил Федорович и святейший патриарх всея Руси, отец царя Филарет Никитич, а в стороне, без дороги, как царь и патриарх, путь перед ним чист, шел Семен Летопроводец — Сема Юродивый Христа ради и Пречистые Девы Марии. На царя и патриарха смотрели, не различая образов, как на икону, а на Сему смотреть в глаза кто посмеет? Вихрь света крутил над его головой и этот свет притягивал к себе все живое и остращивал волю.

С утра было грозно. Чего-то медля, но неуклонно из-за Воробьевых гор наплывали тяжелые тучи. Жара нестерпимая. А народу, как на Пасху: всякий час, всякая минута человеческой жизни чудесна, да не всякий день чудеса совершаются напоказ.

Царь до хода послал стрельцов на Сретенку, поставили б Савву на обедню в Казанский. А нелегко было исполнить царский наказ: Савву несли на ковре сменой — неимоверная тяжесть! Еще бы, будь один Савва, а сколько их понесло и понатыкалось на ковер последний часок поиграться с несчастной жертвой, а потом и «задушим».

* * *

В притворе собора положили Савву на ковер в сторонку.

Торжественно началась обедня.

Бесноватые, не замечая друг друга, и только чуя, томновали, прячась по углам в кругу сопровождавших: тоска — плывут глаза, горя какая пронзающая скорбь разжала губы, сжав бороздой надглазье!

Затаенно прислушивался затравленный Савва.

Битком набитый Собор, а все было молитвенно спокойно, даже дети не вскрикнули, и только за освещении даров как прорвало, вдруг заклокотало и пошло.

И под курлыканье, утиный кряк, песий подвой, воздыхания кукушки — «поймешь ли — понимаешь ли — помнишь?» — Савву подшвырнуло под хрустальное паникадило и наотмашь головой дернуло в окно — тонко беспомощно зазвенели осколки и Савва, падая на ковер, источно — лопнет грудь, так крикнул:

«Степанида!»

Это был кровью налитый голос — поднявшаяся из горла кровящаяся с содраной кожей рука...

И до самой Херувимской, обмерев, лежит пластом.

В Херувимской, в «иже херувимы» есть что-то напевно-колдующее. Мне видится саморазмывающийся замок и вот дверь настежь, смотри, какое заманчивое поле, синие незабудки, уведет, затянет — по пояс, по горло и оставит одни глаза, гляди: какой это страшный этот Божий мир, «иже херувимы тайно образующе».

И опять поднялось из всех затаенных углов раскованных беснующихся душ. И из всех кличей особенно внятно и не по себе, как в змеиный шип затрубили жабы.

Вся видимая и невидимая, вся растительная, каменная и кровавая клокотала сквозь, над и под, вверх и вниз. И над всеми голосами издалека, но всем слышно, да, это все слышали! непохоже и властно, не простою речью, а высокой, по-церковному:

«Савво! Савво! ста́ни и гряди семо в храм мой!»

И Савва, пробужденный непреклонным зовом, легко поднялся с ковра и, твердо ступая по хрустящему можжевельнику, идет через всю церковь. И став перед образом Божьей Матери в лучах глаз светящих из глубины пучинных скорбей за весь страждающий мир, за всех нас, не знай за что и зачем бедующих на Божьем свете, втянул в себя, точно с воздухом вбирая в себя всем ртом, свою потерянную душу.

Под сухой соломенный треск разорвавшегося небесного снопа, ударил над Москвой тысячагремучий чугунный гром. Казалось, но этого мало сказать, со всех Никольских и Варварских колоколен и кру́гом по Москве до Симонова, Донского, Новоспасского и Андрониева с напрасным звоном попа́дали на землю колокола.

И от верхнего церковного окру́га, перепархивая в воздухе, падает — смотрите! — упал к ногам Саввы листок. Савва нагнулся и поднял с пола, знакомый! из отцовской торговой книги. И удивительно: никаких завитков и росчерков подписи, стерто, сглажено — чистый листок бумаги.

Тут Савву окружили царские синклиты и Стрешнев выхватил из рук Саввы листок показать царю.

Царь и патриарх, взяв Саввино рукописание, и так и этак, то на свет посмотрят, то к глазам подведут.

«Да никак чистый листок!», сказал царь.
«Чистая бумага!», сказал патриарх.
И Савва слышит, памятное с детства:

Кто тебе не ублажит
Пресвятая Дево...

«Брат Савва, ты меня помнишь?» и тихо за руку.

Савва очнулся: глаза сияющие светом голубых цветов смотрят ему прямо в душу.

«Семен Летопроводец!» — воскликнул Савва, но это было, как на том свете.

«И из этого света уйдем!», и слезы взблеснули на сияющих глазах.

Они шли через всю церковь к выходу, юродивый и бесноватый. В дверях юродивый приостановился и, обернувшись лицом к образам, закуковал. И это его прощальное с миром какою горечью пронзило заоблачное ангельское «Свят-свят»...

И вся демонская сила бросилась, сломя голову, из церкви.

Впереди Виктор.

А какой оказался он маленький: детское тельце, молочный рот. Или таким представился? Прыгает на одной ножке, а рукою вплавь загребает воздух. Близко локоть, да уж куда там!

Этот выродок человеческого рода с перепéльным звяком вериг — непереступаемое застенье. Этот из демонов демон: победил непобедимое человеком страх и боль, и что перед ним какой-то бес, пусть даже первый.

СОЛОМОНИЯ

Ерогоцкая волость в сорока верстах от Устюга вверх по Сухоне, на погосте церковь Покрова Богородицы, при церкви поп Димитрий с женой Улитой, у них дочь Соломония. О ней рассказ.

Соломонии исполнилось четырнадцать. Непохожая, живи она в городе, ее прозвали бы монашкой. С детских лет полюбилась ей пустыня. Вечерами отец вслух читает Пролог — век бы слушать. Из всех житий ей по сердцу видения, особенно житие Феодоры. В доме «лицевое» — с картинками: двадцать одно воздушное мытарство и всех родов демоны по грехам разнообразно и ярко, и из всех ярче демоны торжествующих стихий: «блудодеяние».

Соломония далека от этих неминуемых, покоряющих человека, соблазнов, у нее и в мыслях нет, чиста и непорочна — редко, но такие родятся. Соломония мечтает посвятить себя служению Богу — идти путем полюбившейся ей Феодоры: как на сестру, смотрит она на эту богатую в пышной одежде, украшенной жемчугами и яхонтами, византийскую даму.

Но отец думал по-другому: надо было дочь устроить — и ее сосватали за пастуха. Матвей намного старше, угрюмый, да человек-то хозяйственный да трезвый — про пастуха шла хорошая слава. И родители очень были довольны.

* * *

В феврале сыграли свадьбу. После ужина молодые остались одни. Среди ночи поднялся Матвей по нужде и вышел в сени. В комнате было светло: лампадка — и

Соломония видела, как Матвей скрылся за дверью. И вдруг она слышит:

«Соломония — отвори!»

«Никто, как Матвей вернулся!». И сейчас же с кровати и к двери.

Растворила — а на нее ветром как дунет: и в лицо и в уши и в глаза — всю! всю! как огнем. И в глазах: стоит — синий, голова змея — и, синим пламенным жалом извившись, вжегся до самого сердца — яр и ужасен — погас.

Не помня себя, легла она на кровать — ничего не понимает. И тут входит Матвей, лег и заснул. И стало ей еще ужасней. И всю ночь до утра озноб колотил ее и тряс.

....

На третий день она почувствовала и уж боится думать: такое ощущение — лежит в ней этот синий — яр голова змея и перевертывается — до самого сердца. От тоски она места себе не находила и сказать страшно.

В девятый день, когда они легли спать, в комнату вошел мохнатый с когтями и, крадучись, к их кровати. Хотела крикнуть — пропал голос. А он очутился между нею и мужем, встал — синий, желвастый, высунул язык — пес, глаза пустые! — и сопя, обнял ее лапой. За полдень она очнулась и белый свет ей был страшнее зверя, который зверь был с нею ночь.

С этой ночи началась отчаянная жизнь.

Ложатся спать, погасят свет, улягутся — и уж какой-нибудь тихонько руку под одеяло, дышит над ней — и все молодые, не ровня Матвею, и ни одного-то она никогда не встречала, незнакомые и всякий раз новый. Всю ночь. И только под утро отпустит. В поздний час подымалась она и не смотрит — очень ее мучило: не может решиться сказать мужу.

А ночи — все то же, и хоть бы выпала одна, чтобы спокойно — не трогали. И она решилась — какая это была мука! — все выговорила: и о синем в его ярую ночь, и как засел в ней до самого сердца, и о мохнатом — о звере — «пес!» — и теперь эти — —

— Нет моих сил, не могу я так.

Матвей слушал угрюмо и ничего не сказал.

А уж они и не только ночью, а и днем в любой час. И не один — сколько перебывает их за день! — очередь.

И нисколько не стесняются: на глазах мужа — подойдет, обнимет — —

И ей стыдно и очень странно: что ж это Матвей? И однажды под большой праздник, когда нагло они к ней лезли, выкрикнула:

— На тебе креста нет, безглазый: с твоей женой, как с блядью — —, а ты... пес!

И тогда Матвей молча собрал приданое и с вещами отвез ее к отцу на погост.

Так кончился медовый месяц.

* * *

Родителям очень неприятно: дочь вернулась — «порченая».

И откуда могло статься: раньше ничего не замечали — тихая и богомольная.

«Не иначе, как злой человек из зависти».

Так и сам Матвей думал: «злой человек на свадьбе испортил». Но ему и обидно: вроде как обманули — а с порченой ему делать нечего — «категорически отказываюсь». И вот он ее с ее добром назад к отцу.

Мать ничего, но отец не выдержал — скандал и досадно: «этакий ведь пастух знаменитый!». Отец попрекнул и мать и дочь: мать за то, что не уберегла, дочь — за то, что свое счастье проглупала — другого такого мужа где найти?

«А как бы могла хорошо устроиться, — досадовал отец, — а вот отцу на шею села: чего с такой, порченая»?

....

Ничего не помнила, не замечала: смутная была ее жизнь.

Там у пастуха людно, здесь пустыня — лес, болото. Как бы обрадовалась она своей прежней девичьей жизни, своей комнате, своему окну на поле — в поле с цветами, цветами уводившими ее к звездам. Но она не одна — «они»: они приходят ночью из-за болота, они, как тот синий — голова змея — только маленькие скользкие — головастики. И не в одиночку, а стаей — обовьются, не отобьешься! — вся рубашка на ней изодрана. И всю ночь она мечется, как в жару. А выйдет утром в сени, и они за ней в сени, бесстыдные — никуда не скроешься. А другой раз вцепятся, подхватят — ни криком, ни просьбой

не остановишь! — да из дома в поле и гонят — полем, лесом, болотом — до реки и в реку.

Отец и мать сколько раз схватывались: слышат крик в сенях: дочь кричит! — кинутся в сени, а нет никого, и в комнате ее нет. Когда день, когда два пропадает: ее находили в лесу, в поле, на болоте.

* * *

Распаленная после ночи поднялась Соломония. В доме никого — все у обедни. Ее постоянная жажда, но в это утро: ничем не утолить. Присела она к окну — там поле, не смотрит, а взглянет — не видит.

Утро: еще солнце не жаркое. В легком воздухе колокол — «Достойно» — и как взблеск огонька: Троицын день, все стоят в церкви с цветами, а у нее — в руках васильки.

Подняла глаза — а поле все-то в васильках — «еще не поздно, поспеет!». Встала идти в церковь, а они — вихрем — ей на дороге: ни шагу.

Топча васильки, оттащили они ее от окна. И видит, другие — багровые — дымом шевелятся у стенки. И синие подбросили ее — и те багровые словили. Как играют в мячик, из угла в угол швыряли ее, и выше — с печки на полати. Расшвырялись — брякнули на стол, сделали петлю — и на шею, и, вздев жерновой камень на веревку, навалили на грудь ей; и на столе прогрызли дыру, в дыру просунули веревку; и со столом и камнем подняли на стропило — и она подвисла.

С камнем на груди она висела, а они под свист кружились — один на другом и три ряда вверх.

....

Соседи слышали стук и шум в доме. Дали знать отцу. Кончилась обедня, и сейчас же отец и мать домой. А в доме успокоилось. Вошли они в комнату: Соломония на полу — на шее веревка и около жерновой камень, и стол опрокинут. Высвободили из петли — она очнулась: все ее тело досиня избито, а ничего не болит, только жажда. И все помнит, только не скажет, как сорвалась.

С этого дня она ходила нагая.

Ее все боялись. И отец и мать. На ночь запрутся: за стенкой у нее вой и хляс, но еще страшнее стуки: стучатся в дверь. А наутро показывала — и в самом деле, копье: «они ей дали — заколи отца».

* * *

В месяц они пришли за ней. Они ластились, нашептывали, льстя ей:

«И разве ей такая жизнь? И это ли жизнь — в пустыне, в печали? — вот у нас».

Шелковые, щекоча, сняли с нее крест.

«Сатана наш отец, — шептали они, — он все создал, что есть живого, это он дал земле в ее трудах радость — любовь. Поклонись ему, и останешься с нами и твоя жизнь будет легка».

Она молчит.

Тогда растянули ее по стене: с раскинутыми руками она висела, прикованная к стене, и разъятые ноги ее прикованы. Громоздясь друг на друга, острым они кололи ее с шеи до ног: грудь, живот, руки и ноги. Перетрогали всю — ничего не забыто. И расковав, подхватили и понесли.

В осенней лунной ночи — птицы ли, листья — они неслись над землей и, окося луну, круто опустились на берег. Высоко впереди стоит она — внизу река блестит. И они ее столкнули: она о камень, перевернулась — черная вода. Подхватили — и в реку, и там глубоко — до дна, и глубже — в поддонные ямы.

По поддонным коридорам идет она, скользя по сырому дну — слепую ее тащили за руки. И в свете, прорезавшем тьму, она видит: глаза — и этот свет был от глаз. Она различает: какое бледное лицо, без кровинки! — и они снуют, шепчутся, называют Ярославкой, показывают на нее. Ярославка что-то говорит им и все они вдруг пропали.

«Своей волей?» — спросила Ярославка.

«Силой».

«Откуда?»

«С Ерги — Соломония».

И Соломония рассказала свою жизнь: свое детство и свой месяц с мужем.

«Не по тебе эта жизнь, не надо было выходить замуж! — и пожалела: — не ешь и не пей и ничего не отвечай, пропадешь».

«А как ты сюда попала?»

«Я другая, — сказала Ярославка, — я от матери».

И Соломония увидела: ее рот полон крови.

....

В эту ночь она зачала. И носила полтора года. И за это время они ни разу не тронули ее. Она ждала спокойно и все делала как мать перед рождением ее брата.

Когда пришло время, она упросила отца и мать оставить ее одну. И как только отец с матерью ушли к соседям, вошла в дом темная — деревянная, а глаза зеленые — трава и листья, и стала ухаживать за ней.

И родила Соломония шестерых: синие — головастики.

Их сейчас же лесавка взяла у нее и унесла на реку — и там положила под мост.

К вечеру вернулся домой отец с матерью, заглянули — дочь спит.

— Конечно, все одна блажь! — и спокойно сели ужинать.

А те из-под моста вышли да гуськом да к дому — и полетели в окна камни, земля, песок.

Поп с попадьей, как были, выскочили из дому да сломя голову — и с версту и больше бежали и только у соседей опамятовались.

— В доме, — говорят, — такое, живому человеку не выжить: все стекла повыбиты: и как еще Бог спас!

А те, расчистив себе дорогу, вошли в пустой дом и к Соломонии и увились на ней шестеро — змей. Пришла лесавка, принесла туис с кровью.

«Птичья, — сказала лесавка, — а брезгуешь, возьми человечью! — и дает ей нож: — зарежь отца».

«Дайте мне еще немного, не тормошите, — Соломония очень мучилась, — я все исполню».

И пересилив себя, она выпила крови и ей стало легче.

....

Три дня и три ночи прожил отец с матерью у соседей. А когда вернулись, в доме никого: синие унесли Соломонию и с нею ее шестерых.

И опять она зачала и родила двух. И ее унесли с детьми и вернули беременною. Она еще родила одного. И еще двух. Всякий раз появлялась лесавка, приносила ей из леса птичьей крови.

После рождения десятого и одиннадцатого они, как всегда, пришли за ней и унесли ее с детьми.

* * *

Их собралось большое собрание — пять кругов по четырнадцати: жевластые, отвислые, перетянутые и гладкие

и мохнатые и с бородавками, а посреди на троне сам — яр голова змея.

Соломония сидела напротив и чувствовала его пламень.

Синие, виясь, служили им. Принесли всех ее детей — одиннадцать и разместили около нее. И спрашивали, показывая на нее:

«Кто это?»

И те, как рыбы, давясь воздухом:

«Мама!» — гудели столы: всех забавляло.

И сам, взрыгнув, зевнул:

«Мама!» — он был доволен.

Приносили и уносили кушанья. Сами ели и ей полные тарелки. Но она не притронулась. И это заметили и недовольны:

«Чай, не падаль, — говорили, — у нас все из больших магазинов, самых первых сортов, парное и свежее».

Расхваливая уговаривали. Но она, как не слышит. И это обидело.

«Если и теперь она не будет повиноваться, мы ее замучаем».

И она испугалась:

«Все, что хотите, — сказала она, — воля ваша».

Перемигнулись, поддернулись. Появилась чаша с вином. Эту чашу ей дали: пусть обнесет собрание.

И с чашей она пошла по рядам. И каждый, кому подносила она, назвав свое имя, превращался в одного из тех, кто приходил к ней в ее отчаянный месяц, и глядя завлажненными глазами, требовал пригубить. Но она не пила.

Хмелея, вставали — кружились, под свист затягивали гнусавые песни. Все теснее окружают ее и, воркоча, выманивали в круг:

«Мама!»

С чашей она стояла перед троном — яр голова змея наливался кровью и пламень его прожигал до сердца.

«Сатана наш отец, — увиваясь шептали ей в уши — он все создал, что есть живого, это он дал земле в ее трудах радость — любовь. Поклонись ему и останешься с нами и твоя жизнь будет легка».

Но, как застыла, крепко держа в руке чашу — вино в ее чаше вскипало.

«Мама! — говорили, — хороша мама, она не кланяется нашему Богу, не хочет пить с нами, ее надо на сковороду».

«Зачем сковороду? вскипятим котел, бросим в котел, загнет ноги».

Сковородка или котел? сухой огонь или мокрый? — такое поднялось, забыли и из-за чего: желвастый на кольчатых, кольчатые на отвислых, отвислые на перетянутых, бородавки били гладких, гладкие дубасили мохнатых — землетрясение.

«Да святится имя мое!»
— вздрыгнул, ржа, змей — и пламень пла́нул из его уст —
— тьма — бездны — темнота —

....

Под свист подхваченная мотней, Соломония скользила по сырому дну поддонных коридоров, слепую тащили ее за руки.

Светя ей, встретила Ярославка:

«Соломония, — сказала она, — я должна научить тебя именам».

И стала называть демонские имена.

А Соломония заучивает.

Нелегка показалась наука: были такие — не выговоришь, и такие — сказать срам. Но Соломония все отчетливо запомнила. И на проверке каждое произнесла легко, как свое: все семьдесят.

«Я тебя отпрошу у них проститься с отцом и матерью, — сказала Ярославка, — эта жизнь не твоя жизнь, ты обречена».

И сказала о Соломонии — те согласились.

И на прощанье:

«Ты можешь открыть отцу свою тайну, не бойся, тебя не тронут, но тяжелую ты ношу возьмешь — ты не знаешь, какую власть имеют имена! — и погибнешь».

....

Синие вывели Соломонию на землю. Не бросили, как всегда, а окружив, повели болотом — они утопили бы ее в болоте. Да на счастье гроза — такая: гром и стрелы. Много их погибло — и болото как смолой покрыто. А она спряталась от них в яму. Но ее нашли, вытащили — и опять ударило. И тут уж они отскочили, да кто куда: жжет.

* * *

Сколько ни искали, не было Соломонии ни в лесу, ни на поле, ни на болоте. Думали, погибла. И встретили ее, как с того света.

Рассказала она отцу о именах — все перечислила — и отец записал все семьдесят.

И с того дня всякий день за обедней поп проклинал их в алтаре у жертвенника. А она слегла. И с каждым днем силы покидали ее. Истощенная, лежала она, ни ходить, ни подняться — смерть караулила ее под окном.

Так все и решили: конец ее мытарствам.

Так и сама она думала: пришло — скоро Бог приберет.

И видит она: на нее смотрит — и ей дышать легче — «Кто это, — думает, — вся в жемчугах, такая..?»

И та сказала:

«Богуславка! — и улыбнулась, — я Феодора».

И почувствовала Соломония, как силы налились в ней от этой улыбки и имени любимой Феодоры.

«Тебе тут не житье, Соломония, ты пропадешь, переезжай в Устюг».

Никто не верит: не узнать было наутро Соломонию. Она поднялась, она ходила, она разговаривала. Она рассказала отцу о Феодоре.

Шли сборы в Устюг. И больше всех озабочена Соломония: она торопит, ей все хочется поскорей. И когда все было готово, она вдруг изменилась:

— Не могу об этом и слышать.

И так уперлась — и откуда в ней, точно не человеческие силы держали ее. И пришлось везти силой.

* * *

В Устюге на соборной площади жила одна знакомая вдова попадья, тоже Соломония, у этой Соломонии ее и водворили.

Соборная церковь Богородицы ближе нельзя, недалеко и церковь Устюжского чудотворца юродивого Прокопия и другого юродивого Иоанна. В собор и к Чудотворцам водила попадья Соломонию к службе.

И первое время развлекало. Но не втянуло. И уж все ей не мило.

Одна дума, одно слово, одна просьба — домой.

До́мой! и о доме только и разговору.

Соборный поп Никита исповедывал ее и причастил. А ей — свету не видит: тоска — домой тянет.

— Все равно, хоть погибни!

Что делать попадье: она по усердию взялась водить Соломонию в церковь, больше она ничего не может. Пошла посоветоваться с Никитой. И Никита пожалел:

— Чего же, — говорит, — человеку здесь зря мучиться, отвезите к отцу.

* * *

И опять она дома в Ерге. День за днем. И как рукой — совсем поправилась. И этих пяти мытарских лет как не было. Она та прежняя — васильковая. И говоришь с ней, как с человеком, не блажит. И ест и пьет с отцом и матерью, не прячется.

— Хоть впору опять под пастуха! — смеется отец.

У попа шла дума, объявить Матвею и, как полагается, жене к мужу вернуться:

«Пастух-то больно знаменитый, быка осилит».

Тайком мать бегала к пастуху. И уж все соседи узнали. И одни ничего, говорят — «и слава Богу!» А другие не очень — губы поджав дакали: были на пастуха зарились — завидный жених, а кроме того — разочарованы — всегда ведь занимательнее, когда человек с треском погибает, чем когда тихо поднялся.

Сумерки — мечтательный час и в доме так уверенно и надежно, и вдруг слышат: со двора голос выкликает:

— Соломония полонянка!

И другой и третий:

— Полонянка — полонянка!

Защемленный, глухо:

— Соломония полонянка!

Так из вечера в вечер — восемь вечеров.

И в доме нахмурилось. Не то — не та Соломония.

Тревожно и жутко.

Перед сном прочитал отец правило и только что лег, а ему в самое ухо:

— Поп, отдай нам нашу полонянку, а мы тебе дадим денег сколько угодно.

Мороз по коже: искушение? Или за Соломонией ее прежние — выкуп?

И поутру на обедне истовее проклинал он их у жертвенника по записке.

И днем не беспокоили. А пришла ночь — тут как тут:

— Поп, отдай нам нашу полонянку!

И рука омлела крест положить.

— Нам ее отдали наши братья водяные, она обманула их и они нам говорят: «не можете ли вы унести ее в лес?»

Вот она какая притча: в лес требуют.

И повадились лешие: как ночь, под домом крик, рев, свист:

— Поп, отдай нам нашу полонянку. Добром не дашь — силой унесем.

И уж не знай, что и делать: на всех есть управа — именные! а эти лешие — нигде не прописаны.

....

Было освящение церкви на погосте. Из Устюга приехал соборный поп Никита с архидиаконом Галасием. В день освящения собрались гости... Весь дом с ног сбился: надо было хорошенько угостить начальство и перед своими не дать маху. Одна Соломония была безучастна, она даже к гостям не вышла.

За ужином ближе к ночи компания повеселела и все очень довольны, наступил час и, как всегда, дом окружили и начинают свою музыку:

— Соломония полонянка!

— Поп, отдай нам нашу полонянку!

— Полонянка — полонянка!

Архидиакон Галасий, по прозвищу Рыло, одним своим личным видом нагонял такой страх, старались не смотреть, когда читает, а норовили ему в спину, а уж про голос и говорить нечего — самый большой соборный колокол сквозь него жук, а маленькие как и не существуют. Галасий высунулся в окно и вступил с лешим в перебранку.

Так они такого ему наговорили, и не только чего такого он сделал секретного или о чем подумал таком, а и про такое, на что рука чесалась. За архидиакона вступились — и не обрадовались: всякому наговорили они обидного и всякого ущемили, изобличая публично в грешках и пороках или, как потом говорилось, «всю совесть обнажили до скандала».

Хозяин не знал, что и придумать, как и чем замять неловкость и прекратить безобразие: одни сидели надутые, другие брезгливо, третьи друг с другом перекорялись — вот-вот вцепятся и пойдет потасовка.

— Что, отец, хороша картинка? — спросил кто-то Никиту.

И в ответ архидиакон Галасий, выведенный в мол-

чанку, вдруг поднялся и став в «Многолетие», пустил зловеще:

— Преполовение! — и в этом слове, означавшем «перехватил», слилось и человеческое и лешее.

На прощанье, когда речь зашла о Соломонии и как оградить ее от нечисти, Никита не задумался:

— Чего ж, — говорит, — человеку здесь зря мучиться, отвезите в Устюг.

* * *

Злые дни — годы беспросветно; пять лет и пять месяцев, вот какой срок прожила Соломония в Устюге.

Она сделалась заправской порченой — «бесноватая Соломония!»

Всякий день, не пропуская ни одной службы, водили ее в Собор или к Чудотворцам. От пения у нее стоял шум в ушах и она ничего не различала, она только чувствовала: на евангелии, на великом выходе и на приношении даров падала она вместе с другими порчеными и кричала звериными и птичьими голосами: свиньей, собакой, голубем, кукушкой. И живот у нее раздувался, как у беременной перед родами.

«Демоны в ней трепещутся, как рыбы в мрежах!» — говорили в церкви люди опытные и любопытные ко всему чудесному и сверхъестественному.

Из всех порченых Соломония сделалась самая знаменитая.

Архидиакон Галасий и бесноватая Соломония! — для них приезжают в Устюг из Вологды, Архангельска, Вятки, Сольвычегодска и даже из Москвы посмотреть и послушать: Галасий-Рыло рявкал так, что стекла дребезжали, Соломония — глаз не отведешь, кричала по-птичьи и по-звериному.

Соломония выкрикивала непонятные и ни на что не похожие слова в перемежку с кощунством и срамными. Крик ее был чудесный и сверхъестественный: без содрогания нельзя было слышать и чем-то влек к себе, как музыка.

Демонские имена, врезавшиеся в память, из памяти проникли в сердце, жили в ней и с ней нераздельно, как птицы и звери. Это демонские имена — семьдесят — лешие, водяные, огневые — ядом войдя в кровь ее сердца, слились в одно имя и она ощутила его в себе, как тогда после ярой ночи: синий — голова змея — перевертывается

в ней — до самого сердца. И от этой чрезмерной напоенности огнем в ее голосе клокотало: и весенний зазывный гул и стоны летней ночи и резкий осенний переклик и все захлебывалось в вое и скрежете — свинья, собака, голубь, кукушка.

В месяц он встает в ней и перевертывается и, охваченная огнем она выбегала из дому в одной рубашке на реку. Ее настигали у самого края или вылавливали, а зимой вытаскивали из проруби.

«Если бы вернуть!»

«Если бы можно было вернуть?»

«Если бы вернуться домой!»

Всякий день, не пропуская ни одной службы, ее ведут в Собор или к Чудотворцам, там отведено ей особенное место, там над ней читают заклинательные молитвы и псалтырь, и она всегда под глазом и неотступными глазами терпеливо ожидающих чуда и любопытных, любителей чудесного и сверхъестественного.

И хоть бы один день без этого шума — пения и молитв, один день — одной, тихо — чтобы не трогали.

* * *

В феврале исполнилось десять лет с той ночи, а в памяти, как вчера. И содрогнувшейся памятью пройдя все десять лет за один миг, ее огненная тоска прожгла пространства — и видит Соломония: на нее смотрит — и по жемчужной одежде она узнала: Богуславка-Феодора.

И Феодора говорит ей словами из своего жития, с детства знакомыми и тогда совсем непонятными, а теперь, как для нее — к ней:

«Вот ты видела, Соломония, страшные, злые блудные мытарства. Знай же, как мало душ минуют их без напасти: потому что весь мир лежит среди соблазнов, и все люди сластолюбивы и блудолюбивы и помышления человека от юности устремлены на блуд и редко кто соблюдает себя от блудных мечтаний. Мало есть умерщвляющих свои плотские похоти — мало и проходящих свободно эти мытарства, но многое множество, дойдя до них, погибает: ибо лютые блудных дел истязатели похищают блуднические души и ниц влачат в ад, еще жесточе муча; и похваляются начальники блудных мытарств: «Мы, — говорят, — не в пример другим, с избытком увеличиваем огненное народонаселение ада!»

«Соломония, нет такого человека и ты выйдешь из этих мытарств ты не̇ виновна».

....

На Великом посту Никита допустил ее к причастию.

После исповеди она легла и крепко заснула. И проснулась от боли — не может терпеть и закричала: он, перевернувшись в ней, встал и, распирая ее, прогрыз насквозь левый бок. Сорочка ее была в крови — левый бок.

Благовестили к утрени — чуть светало.

Ее подняли и повели в Собор. Со стиснутыми зубами шла она: запах крови и какая-то невысказанная вина — какой-то неоткрытый грех...

Не подымая глаз, стояла она всю утреню, но под конец при возгласе: «Богородицу и Матерь Света песньми возвеличим!» она почувствовала его — и ей дышать нечем. И не помнит, как ее вывели из церкви. Вернулась она к обедне и когда к иконам прикладывалась, перед образом Благовещения, опять почувствовала — но он отпустил. И за апостолом — «апостола Павла чтение» — он перевернулся в ней с засосом и ее замутило и начало рвать.

И когда перед причастием священник сказал: «говорите за мной» и начал молитву: «верую Господи и исповедую...» — она молчала — и когда оканчивая: «вечери Твоея тайныя днесь», сказал: «в землю поклонитесь», — она не шелохнулась.

А когда подвели ее к чаше, она ударилась об пол — и как свинцом налита, насилу поднять могли, разжали ей рот — и проглотив причастие, она закричала.

Этот крик стоит в ушах:

— Сжег меня! сжег меня!

....

В эту ночь она видит: входят в комнату двое — —

«Веруешь ли ты в Христа?»

У одного в руке три кочерги: измученный, а глаза, как ручей:

«Веруешь ли ты в Христа?»

Другой с посохом странник: какая горькая бедность!

«Веруешь ли ты во Христа?»

А ей трудно рот разжать:

«Да!» – и голоса своего не узнает.

«Ты ни в чем не виновата! — и глаза, светя — ручьи —

тишиной окружили ее, — твори Иисусову молитву беспрестанно и крестись истово и разумно крестообразно: имя Божие покроет тебя и крест укрепит».

* * *

8 июля праздник Казанской и память Устюжского чудотворца юродивого Прокопия.

Накануне приехал с Ерги брат Соломонии Андрей. Рассказывал о доме: какие же события? все также стоит их дом, Покровская церковь, отец служит, мать хозяйничает — хорошо у них на Ерге.

— Только с Матвеем вот — бык его на рога поднял и насмерть зашиб: а какой был пастух знаменитый! Теперь другой: Максим.

Соломония безучастна, сама она ничего не спросила. Но что-то в ней случилось: к удивлению всех в первый раз за все годы сама вызвалась ко всенощной — «к празднику».

И пошла с Андреем.

В церковь не войти было, пришлось стоять на паперти. И она все просила брата поближе: ей хотелось послушать о жизни Прокопия. Медленно подвигались они с народом. И на Пролог подошли к самой раке Прокопия.

От свечей было жарко, но зато все слышно.

Если бы не такой шум в ушах! — мало чего она разобрала и только чувствовала —

> Прокопий из Старгарда «от немцев», богатый купец, приехал в Новгород с товарами из Любека. Встреча на Хутыни со старцем Варлаамом и происшедшая перемена в его судьбе. Все свое богатство он роздал нищим, домой в Германию не вернулся, нищим вышел странствовать по чужой русской земле. Так попал он в Устюг, тогда Гледень.
>
> Когда он был богатый, его уважали и ставили в пример его деловитость, когда он роздал богатство, его хвалили за беспримерную щедрость. Слава и честь сопутствовали его судьбе и ему было очень совестно перед другими: кругом неудача и грех. И теперь в Устюге он просто бродяга: ему никто не поклонится и его не похвалят. Но его совестливое сердце не могло успокоиться. Жажда правды толкала его в жизнь: он чувствовал, что во имя этой правды

он может и должен сказать и не только то, чего не надо делать, но и о том, что следовало бы делать, чтобы просветить свою жизнь.

И когда этот бродяга, появляясь всюду там, где был грех, посмел непрошенный встреваться в дела, обличая, — ведь и духовно и житейски он был гораздо выше, он понимал все извороты человеческой лукавой мысли! — ему дана была презрительная кличка: юрод — урод — выродок — дурак.

Презираемый ходил он среди чужих, ему некуда было постучаться, и не только к людям — собака не пустит в свою конуру.

Он не побоялся и изжил всякий страх и всякую боль: никакой человеческий суд, никакая зимняя стужа его не трогали. В этом был его подвиг: он добровольно все отдал и вольно принял на себя всю беду и грех мира. И стал творить чудеса. Силой своего духа он отвел каменную тучу и спас город. И уже его встречали не как опасного дурака — «юрода», а как «юродивого братца», который нечеловеческими средствами поможет человеку в беде: исцелит и утешит.

Он носил всегда три кочерги: и если вверх несет, значит, к благополучию, а вниз — к беде. Ночь проводил на паперти в Соборе. Поутру и вечерами его видели на высоком берегу Сухоны на Сокольей горе: он сидел на камне, благословлял зори — тучи — реку — лес и птиц.

По дороге в церковь к Михаилу Архангелу, проходя по Михайлову мосту, встретил он свою смерть.

И в июльскую ночь поднялась метель. И всю ночь на мосту он лежал под серебряным снежным покровом — так нашли его наутро: мертвый.

В глазах у нее заколебалось: свечи поплыли, резко сдвинулся гроб и три кочерги, грозя, поднялись на нее — она закричала: грудной ребенок кричал в ней! — и бросилась бежать из церкви.

Едва справились и в церковный двор ее, а там на травке положили — понемногу и отошла: домой просится. Но ее повели к другому устюжскому чудотворцу, к юродивому Иоанну.

В этой церкви меньше народу и войти было свободно.

Но она в самых дверях — нет, не хочет, домой просится. И ее ввели силой.

И она так ослабела — на ногах не стоит. Посадили у раки Иоанна. Читали Пролог. И она задремала.

> Прокопий помер в 1303 году, а через полтораста лет в 1458 г. пришел с Москвы «нищий человек» Иоанн и у всех расспрашивал о нем, записывал рассказы и заказал написать его образ; построил часовню на его могиле, перенес в нее камень и остался жить при часовне, приняв подвиг «юродивого Христа ради», но не кочерги, посох носил он — странник.

И чувствует Соломония: кто-то взял ее за руку — и ей тепло и спокойно. Она подняла глаза — какая-то из васильков смотрит на нее.

«Соломония, ты меня знаешь!».

«Не помню».

«Не помнишь, — и наклонилась, и еще ближе, — а помнишь всякий день ты приходила в мой дом?»

И что-то такое близкое почувствовалось и в этом цвете и в прикосновении, или это мать? откуда? — там, где каждый камушек ей встреченный и топанный: ни она так пройдет, ни он так не покатится, а лес в гуле и гуде слышишь, называет тебя — твое имя? а полем идешь, все цветы, все кочки к тебе — ты не чужой; и река — в волну ли, в затишье — идет и плещется не наперекор, а в лад с тобою, и сама земля тепла и мягка и пощадна — она молчит, а прикоснись, как забьется ее темное сердце! и звезды, вот уж, кажется, везде одни, нет, только с твоей земли — из звезд — вон она твоя!

И три серебряных звезды засветились в васильках:

«Муке твоей три часа».

И Соломония всплыла на поверхность сна.

Голос сквозь зуд:

«В ней семьдесят бесов и еще придут семьсот».

Другой наперерез:

«Чтоб двенадцать попов и читать двенадцать псалтырей».

И третий глухо — из-под:

«Три часа».

....

После всенощной взбудораженная она не легла, а все ходила по комнате. И сама с собой разговаривает. Андрей

караулил ее и слышал — говорилось такое, очень странно. Побежал к Никите. И Никита сказал чтобы вести ее в Собор.

И так измучили человека, куда уж вести, да и час поздний, но она не заупрямилась — очень была взбудоражена.

Никита поставил ее в приделе Иоанна Предтечи и спрашивает, какое такое ей было видение и кто это ей сказал: три часа? Она молчит. Видя, что так ничего не добьешься, Никита позвал другого попа Семена и начали над ней читать псалтырь.

И она, как всегда, безучастно и вдруг подняла голову и, вырвавшись, отбиваясь, закричала:

— Дайте мне сроку на три часа!

Андрей один не мог удержать. Какой-то взялся помочь и уж вдвоем вывели ее из церкви. А она все кричала:

— — три часа!

Пустая площадь, померкшая белая ночь, медная ушатая луна.

Соломония вырвалась из рук и ударилась о землю.

Синие и багровые катились волны, закручивались в тугие водовороты — жевластые, кольчатые, отвислые, перетянутые, и гладкие и мохнатые, и с бородавками и в пламенном пыху вздрыгая сам — яр голова змея — они шли, лягали и оплевывали ее — — и туча-на-тучу плыла голубая волна, звездами мелькали серебряные ризы и хоругви и в свист и проклятия вея васильками —

«Да святится имя Твое!»

— перелётно звон кадил — —

— озеро — облака — звезды — свет —

* * *

Как привели домой, как уложили в кровать — как сквозь сон — приходил Никита, благословя ушел, и еще кто-то читал над ней.

Тяжелый храпучий сон погружал в поддонье беспробудно — живот раздувался, как у беременной перед родами.

Три часа последней ее муки наступили.

Комната осветилась: впереди юноша со свечею и за ним с тремя кочергами — Прокопий, и с посохом странник — Иоанн.

«Соломония, обещаешь: никогда ни за кого не выходи замуж!» — сказал Прокопий и, обратясь к Иоанну что-то

говорит ему — и она увидела, не посох, копьецо в его руке.

И Иоанн наклонился над ней и подняв копьецо, глубоко разрезал ей живот, и рукой *так* — в рану. Что-то вынул и передает Прокопию.

И Прокопий, держа как змею, показал Соломонии:

«Вот! ты носила в себе».

Синий вился в его руке — она с болью узнала его — головастик.

Бросив на пол, Прокопий придавил его кочергой и взбрызнула капелька крови.

А Иоанн, наклонясь над ней, вынимал из нее одного за другим. И Прокопий давил кочергой. И она увидела: на полу в луже крови свернувшиеся, как пузыри — семь рядов по пяти.

«Половину демонской силы мы у тебя взяли, — сказал Прокопий, — совершенное исцеление ты получишь завтра в моем доме».

И поддонная тьма хлынула — погас свет.

....

Нечего было думать подняться, чтобы идти к обедне. На носилках отнесли Соломонию в церковь. В глубоком забытьи лежит она около раки Прокопия.

Часы ее муки исходили.

Иоанн, наклонясь над ней, вынимал из нее и Прокопию; Прокопий бросая на помост, прихлопывал ногой.

И новых семь рядов по пяти — расплющенные, бесцветная слизь.

«Теперь она свободна и чиста!» — сказал Иоанн.

И тогда Прокопий наклонился над ней: она была чиста.

И подняв кочерги вверх:

«Здравствуй, Соломония, до великого Божьего Суда».

— — —

Соломония открыла глаза — и сверху ей из окна солнечный луч.

— Я в церкви или мне снится?

— В церкви, — говорит Андрей, — читают евангелие.

И в первый раз услышала — и никакого шума! — поднялась — никакой боли! — стала — как ей легко! — и с каким простым открытым сердцем посмотрела вокруг — ее глаза ручьи, светясь и светя.

ПРИМЕЧАНИЕ

Из всех старинных русских повестей «Повесть о бесноватой Соломонии» XVII в. — самая демоническая и самая документальная — живая жизнь с живой верой, и только по своему необыкновенному матерьялу полна фантастики. Повесть известна по двум спискам — Костомаровскому и Буслаевскому, напечатана у гр. Кушелева-Безбородко в «Памятниках старинной русской литературы», СПБ. 1862—1864. А составлена повесть на основании исповеди Соломонии и свидетельских показаний. Устюжский поп Иаков в 1671 г. взялся за обработку этого фактического матерьяла для сочинения «о чуде устюжских юродивых Прокопия и Иоанна».

Поп Иаков держался «древляго благочестия», но дара любви протопопа Аввакума к «природному русскому языку» не имел и повесть о чуде исцеления бесноватой, насколько это было возможно, — уж очень материал-то живой, никаким высоким книжным слогом невыговариваемый, — написал книжно и довольно-таки путанно. Да и как было не спутаться? Много ли понимала бесноватая из того, что с ней происходило? Не больше понимал и духовник. Откровенная исповедь, и все, конечно, «просторечием», бредовая и притом сексуальная: сколько труда было Иакову перевести на приличную, т. е. на книжную речь всю эту «похабную» околесицу. Ведь это же редчайший случай — повесть о явлении фалла, принимающего разные образы, чтобы мучить свою жертву. А Соломония — жертва, принесенная фаллу.

Четырнадцатилетнюю девочку, духовно настроенную, выдают замуж за «пастуха» — повесть начинается с брачной ночи. Все ее существо с первого прикосновения потрясено, разодрано, — и вот фалл принимает зрительный образ «змия», потом «зверя», потом расчленился в незнакомых молодых людей и, наконец, в множество голых маленьких фаллов-«головастиков» и эти скользкие, навязчивые, неотступные головастики начинают свою «мученическую» работу.

И у потерпевшей и у записывающего духовника все свелось на бесов — «врагов рода христианского». Да, на какой-то грани эти фаллические демоны, вышедшие из семенной туманности этой жизни всего живущего, Розановской «Кукхи», Гоголевского «Вия», «Тарантула» Достоевского, да, враги, но как и почему и где начинается заклятая вражда, эти вопросы в голову не приходили ни духовнику, ни исповеднице. А между тем, даже в том виде, как вышла повесть в обработке попа Иакова, она глубоко символична и через символы дает на многое ответы.

И это совсем неспроста муж Соломонии — пастух: «пастырь» в языческом значении, т. е. одаренный в высшей мере семенным даром: и совсем незря и, конечно, не по городу Ярославлю имя той «Ярославки», которую встречает Соломония в своем видении поддонного царства «Вия» — «вверху которого, едва ли носится Дух Божий», и которой «это можно», а вот таким как Богуславка Феодора и как Соломония «этого не только нельзя, но и гибельно». Неспроста и все числа и сроки, упоминаемые в повести, и полна мистического смысла вся история с «демонскими именами» и «именем Божьим» — Иисусовой молитвой.

Поп Иаков, сочиняя о чуде, едва ли отдавал себе отчет о тех тайнах, о которых наговорил со слов «бесноватой». А пользуясь шаблонами, подвел под бесов эпизод с «лесными бесами», где никакого демонского духа, а просто озорство над подгулявшим духовенством и по подлости человеческой издевательство над несчастной бесноватой Соломонией.

Мелюзина
Брунцвик

ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ

Аромат цветов, дыхание земли, и свежесть моря — день жизни. Черный воздух, горечь звезд — ночь.

Звери днюют ночь и тем, не зверь и нé-люди, простор ночь.

Темный мир ночи человеку ясен в сновидении — как все непохоже на белый день! — и жизнь зверей и духов, не зверь и нé-люди, раскрывается закрытым глазам под колдующим покровом сна.

Сказку сказывает ночь, а сказочное дня из ночи.

* * *

Духи скрыты от этих глаз, зримы в образе живого дня: *оборотень*: как человек, как зверь, как растение, как вещь. Непохожие. Оборотнями входят духи в жизнь человека. Они окрашивают радужный цвет жизни своим горьким — цвет тревоги.

Природа звучит разнообразно, приглушить ее горечь и все сольется в голос — вертящаяся радуга — серый цвет.

С горечью — цвет ночи — идет в мире жуть.

Ночное — странное, неустойчиво и без навыка, как неожиданное, беспокойно.

Оборотень чуется встревожьем, а встреча — звери шарахаются, человек теряется.

* * *

Моим глазам в природе жизни — вижу: человек, зверь, растение, духи. А есть и еще: человек — человеко-зверь, человек — человеко-дух.

О человеке-звере в сказках.

Пиши биографии великих завоевателей, царей, «людоедов человечества» не литераторы, не историк клоп, а ученый зоолог, не надо было бы и заглядывать в сказки.

Растительное — человеко-дерево у всех на глазах, потому и не замечается.

О человеке-духе легенды.

Духи вне судьбы живого видимого мира, не родятся и не умирают — «им в грядущем нет желанья, им прошедшего не жаль» — игра в непостижимую игру. Но у каких-то духов, близких к человеку, неутоленное желание очеловечиться — русская кикимора.

Кельтские феи — человеко-духи, родятся, но смертный час для них заказан.

И жажда очеловечиться — умереть. как и у духов нерожденных, близких к кругу человека.

Переменить свою природу! — такое в каждом духе, обреченном без срока носиться над землей, а в ближайших к человеку, как и в человеке-духе, это желание переходит в страсть. Земля своей забыдущей землей, беспокойному сулит отдых.

Стать не самим собой! — под таким знаком проходит все живое на земле и над землей: смертному бессмертие, а бессмертному завидный человеческий конец.

Жан Дарас (Jehan d'Aras), задумав семейную хронику графов Лузиньян, взял в основу кельтскую легенду о фее Мелюзине. В хронике рассказ о родоначальнике Лузиньян — Зубатом Жоффруа (a grand dent), его отце потерянном Раймонде и его матери Есташ Шабо (Eustache Chabot) — Мелюзине.

Жан Дарас написал хронику по-латыни 1387—1393 г. Туринг фон Рингельтинген, Аугсбург в 1456 перевел на немецкий.

Первое издание Мелюзины немецкое в 1474, а по-французски 1478.

Повесть полюбилась и в 1489 ее читают по-испански; в 1491 — по-фламандски. В XVI веке о Мелюзине забыли и только с конца XVII зазвучал ее голос: в 1667 — по-датски, в 1760 — по-шведски и по-чешски.

Русская Мелюзина «прелог» с польского в 1677 году. Польский переводчик Мартын Сенник, русский — посольского приказу Иван Руданский.

Царевна Наталья Алексеевна, ученица Симеона Полоцкого, сочинила театр о Мелюзине.

Не касаюсь семейной хроники Лузиньян, военных подвигов детей Есташ Шабо, буду сказывать хоровой сказ о судьбе разлучной и разлученной — о опечаленной фее Мелюзине.

МЕЛЮЗИНА

Разлука!
Душа человека какие выносит мученья!
А часто нам выразить все их достаточно звука.
Стою, как безумный, еще не постиг выраженья:
Разлука.

Свиданье...
Разбей этот кубок—в нем капля надежды таится·
Оно-то продлит и она-то уводит страданье,
И в жизни туманной все будет обманчиво сниться
Свиданье.

(Слова Фета так близки моему о Мелюзине).

1

«Богат и славен» Эмери граф Пуату, его владений не обойти: на одном конце куры полночь поют, на другом пожар, горит закат, там рассветает ночь в зарю, а тут стал белый день — земля! и казну считать, не счесть. А был у него брат, не скажешь, граф, соседи, да земли-то у него только что под двор и что под садом. В этот яблоневый сад частенько наезжал старший: был он не по дарам в семье одинок: из детей только сын и дочь, а у брата под яблоней их что падалок. И пришла ему добрая мысль, разгружу бедного брата.

А бедный брат и говорит:

«Бери хоть всю дюжину, пожалуйста: самим едва прокормиться, а детям — ли в разбой, ли голодная смерть».

Эмери облюбовал себе младшего.

«Раймонд будет мне за сына, тебе не жалко?»

Отец ничего не ответил и не дожидаясь завтра, отвел из яблоневого сада свой палый яблок в графский замок.

Так начинается чудесная и жалостная история Раймонда, графа Лузиньян.

2

Свой, да не свое, а с чужим — и все по-своему: не Бертрам для Эмери, а Раймонд — первый. Говорили, никакой он ему не племянник и поминали палые яблоки брата. Да на слух мало в чем оправишься. И был грех или не было, ничего не меняет. «Грех» — эти цепи, чего в природе нет, сочиняется или для упрощения — пиши, не задумываясь! — или из зависти — мне не попало! Эмери в приемном сыне души не чаял.

Растет Раймонд любопытный под стать Эмери.

Эмери знался с астрологами, прошел глазами все звездные пути, знал больше за облачным туманом, чем здесь, на своей сырой земле. А среди его лесов были те же кометные пучинные гнезда, что и там среди ясных созвездий.

Дикий лес Куломбье. Среди леса источник. Заколдованное место. Что там чарует в лунные ночи и почему источник — «Утолимая жажда», только никто не скажет. Случалось, заблудится который, а добром не выбраться домой — какая это музыка и воздушная пляска душу сломит и мысли запутает?

«Вот бы взглянуть!» — тянет Раймонда опасная тайна.

«Когда-то всей этой землей, рассказывал Эмери, владел северный король Елинас. О его жене, королеве Прессине шла молва, волшебница. Она и была волшебница — она была фея, но об этом никто не догадывался. Есть в природе призрачные существа, образ и подобие человека, наделены властью над силами стихий, феи; феи — добрые и злые, потому что они люди. У Прессины было три дочери: Мелюзина, Палатина, Мелеас. Их поселила мать на потерянном острове — есть такой в Екосе, теперь потерянный — мать обучала их волшебству. Дружная была семья: дети любили отца, а еще больше волшебницу мать. Что случилось: потянуло ли человека к человеку или так написано, быть тому было? — Елинас изменил своей доброй фее. Ворожбой дети открыли матери тайну отца и она в гневе покинула Екос. И никто не знал, куда скрылась. Покинутые на свою волю, в отчаянии задумали сестры отомстить за мать. Чарами они заманили отца в Нортумбелян на гору Брюмбелуа — там и погиб король стиснут между скал. Прессина пришла в ярость, когда узнала о жестокой расправе над Елинасом и прокляла материнским проклятием разлучниц дочерей. Младшая Мелеас — стеречь сокровища отца и получит свободу, передав рыцарю, который явится к ней, как в путь идти освобождать Гроб Господен; Палатина заброшена в армянское царство — там в королевском замке стеречь ей сокола, вольную птицу, а старшая Мелюзина стережет источник — надо чтобы явился человек, который бы полюбил ее и во всем поверил — своей беззаветной верой он снимет с нее проклятие и освободит от чар. Но где такой человек?»

Раймонд слушал нетерпеливо. Его глаза отвечали: он и есть тот человек.

«Если бы только увидеть!»

«Мелюзина, Палатина, Мелеас — несчастные сестры! в раздумьи говорил Эмери, материнское проклятие неизбывно».

«Мелюзина!» с восторгом повторял Раймонд.

Эмери волхвует по книгам. Ему небесная тайнопись та же охота. Он любит небо и поле. И как задумает гонять зверя, и всегда с ним Раймонд. Не найдешь ему ровню: ловкий и смелый — сверстникам в зависть, матерому охотнику в диво, зверю гроза. Среди волков шли разговоры: зарежем! — а среди завистников: «изведем!»

* * *

Немые духи, чуткие звери, торопливые люди, что мы знаем о судьбе человека? — «Счастливый!» — Но разве счастье отнимают? — Счастье само уходит вдруг. Как без зова из пучины сердца бурей подымается скорбь.

* * *

Тайна — сокровенное мира и потемки, и свет от нее ярче луча жизни. Без тайны померкла бы жизнь. Тайна призрак, освети потемки, и она исчезла — и никакого смысла жить.

Тайна жало: горечь или медовый глоток.

Тайна безымянна.

* * *

Осенью гляжу в окно на пустые гряды. Галки и вороны, шарахаясь, стаей перелетают. Холодная вечерняя заря. Мне тоже холодно. Еще не скоро День всех святых — печи затопят в доме. Да все равно! Вот последнее слово жизни: «все равно».

3

Гнали дикого вепря. Раненый зверь убежал в чащу. Охотники разъехались вдогонку. Раймонд ни на шаг от Эмери.

Зимний день — ранние сумерки.

Они плутали по лесу и только к ночи выбрались на простор. Едут к развилью дорог, дыша морозом.

Луна подымалась. Скрипучий искрами дымился снег. Выкованные стужей звезды — литые цветы — вспыхивали узорною строчкой.

Эмери читает по звездам — смущен:

«Этой ночью раб убьет своего господина; убийца не будет наказан, а получит от потомка убитого награду и честь».

— Грозные вести, говорит Эмери и повторяет предвестие звезд.

«Звезды не лгут, но глаза ненадежны, легко обмануться!» беспечно заметил Раймонд.

Кони — вспугнутые птицы — вкрылялись черной дернью в сиянье ночи. Из лесу теплой рукой манил огонек: будет где обогреться, да и другие охотники не обойдут.

Покинутый пастухами костер.

Эмери стал у костра. Раймонд пошел собирать ветки. Огонь разгорался. По-зимнему в лесу немела ночь, и вдруг донесло — и треск и сап: загнанный вепрь, разъяренный, пенясь бежал на огонь.

Было б Эмери спасаться — живее полезай на дерево, туда не достанет. Но гордость сломила благоразумие: ухватя рогатину, Эмери нацелился на зверя. Вепрь уклонился и удар, направленный на зверя, отшвырнуло, и прямо в грудь — задохнувшись, Эмери упал. И тогда на лежачего вскочил вепрь.

Все это случилось на глазах у Раймонда. Он бросил собранные ветки и с яростью ударил рогатиной под правое плечо — и удар пришелся в сердце: не подняться вепрю! А под заколотым вепрем, обливаясь кровью, не шевелился Эмери: удар пришелся в сердце.

* * *

Что ты сделал? Ты убил Эмери? Невольно. Да не все ли равно — намечено вглядчивой мыслью или поднялась слепая рука: кровь. Оправдаться, сказать по правде, как было, но правда, ее захватали, твоя правда никого не убедит. Всякому в глаза: не клыки вепря, рогатиной растерзано сердце. Тебе никуда не уйти. Ночь не вечна.

* * *

Раймонд вскочил на коня и погнал без пути.

Месяц, исходя всем своим тревожным светом, поднялся так высоко, что казалось, не удержится на небе и полной шайкой выплеснет его на землю. Но звезды, спутницы и хороводы, зазубренной оградой, осетя, держат.

Конь и лунная дорога мчат всадника в пропасть.

4

Она окликнула его.

И на ее зов в отклик ясно прозвучал ручей:

«Мелюзина!»

Раймонд очнулся.

«Зову тебя не раз, сказала Мелюзина, но мой голос безответно падал. Ты что же? или со своим конем разговорился? Твой конь вывел тебя на верную дорогу».

И она взяла коня под уздцы.

Лицо ее лунной водой струится между черных берегов, глаза дремучая лазурь. У ее ног источник.

Раймонд сошел с коня.

«Кто утолит мою жажду!»

— Печаль погасила свет в твоих глазах, сказала Мелюзина, пей и умойся!

Раймонд жадно припал к ручью.

— Я все знаю, говорила Мелюзина, он не ошибся, правильно прочитал по звездам, его судьба нераздельна с твоей, ты убил отца.

«Эмери — отец?»

— Ты убил отца. Я тоже убила своего отца, и меня прокляла мать, а ты будешь почтен перед всеми. Звезды говорят правду.

«Как мне смотреть в глаза?»

— Я смотрю.

Она была не одна. Отсвечены от ее света похожие — ее тень — они окружали ее, ворожа. В их круговом движении веяла заботливая тишина.

— Тебе одна дорога, сказала Мелюзина, возвращайся домой. И как будут охотники ехать из леса и спрашивать друг друга о Эмери, где он? — и ты спроси. На вечерней заре его найдут в лесу у костра под убитым кабаном. Ваши зоркие глаза под саваном страха обнаружат на теле убитого тобой смертельные кабаньи клыки. А ты говоришь:

«как мне смотреть в глаза?» В чьи глаза? Кому? После похорон Бертрам станет одарять по душу отца. Ты был для Эмери ближе родного сына, всем известно, и чего ты не попросишь, твой брат тебе ни в чем не откажет. Ты укажи на источник и сколько от скалы покроет кожа оленя, пусть будет твоя земля. Олень отмерит твою долю, ты будешь богаче всех. И я буду твоей женой. Веришь ты мне?

«Верю, твердо ответил Раймонд, ты облегчила мне душу. Что я могу сделать для тебя?»

— Я несчастна. Ты один можешь освободить меня.

«Ты сняла с меня печаль, а я беру на себя все твое несчастье».

— Нет, жертва выше твоих сил. Я не прошу такого. Но в твоей власти сделать меня счастливой. Дашь ли ты мне клятву — никогда не нарушишь слова?

Раймонд затаился.

— Суббота, запомни! В субботу не спрашивай и не входи ко мне.

«И это все?» — подумал Раймонд с легким сердцем.

«Клянусь!»

— Ты убил отца, продолжала Мелюзина, тайна открыта мне и никому. Ты невиновен — твоя судьба. Но моя тайна — моя вина. Ты, защищая отца, не мог не совершить, что произошло, а я могла, заступаясь за мать, не делать так, что вышло. В твоей воле снять с меня мою вину. Суббота, запомни, в субботу не спрашивай и не входи ко мне.

«Клянусь!» горячо повторил Раймонд.

И вторя словам, журчал ручей:

«Суббота — в субботу не входи и ни о чем не спрашивай».

На мгновенье неизбежность неверной человеческой доли затуманилась, все показалось так просто — Раймонд глубоко вздохнул. Вещая Мелюзина задумалась.

* * *

Она покрыта проклятием матери. Мстя за неверность отцу, не поверила его любви. Какая вера снимет с нее проклятие? Вера испытывается тайной. Но есть ли такой крепости вера, что не сломится перед тайной? Где и в чем найдет себе человек покой,

неизбывно в тревожном круге неизвестного. Тяжко, но легче вынести самую горькую правду, чем дразнящее замалчивание — тайна невыносима. Любовь не сгорает, а накаляется до безумия. Во имя любви закрыть глаза и покориться — горе человеку, который возьмет на себя крест: «не спрашивай».

* * *

— Сдержишь клятву, расцветет наша жизнь. Запомни, не нарушай: погубишь меня и сам погибнешь.

«Клянусь!» в третий раз поклялся Раймонд.

Свое освобождение и мысль о освобождении другого подняли его силы над человеческим «могу». Или под чарами из подъемного пламени крепкая закалом и камнем уверена вырвалась клятва.

Она взяла его за руку.

Вздрогнув до всколыхнувшейся боли — ее рука, как глубокий ожог — он вскочил на коня.

Остеня́ бледным светом — гаснут луны — лунные спутницы Мелюзины вывели его коня на дорогу к замку.

* * *

Остановись! Мы знаем, ты не хотел — рука судьбы толкнула твою руку. Правда снимет с тебя твой невольный грех. Мера любви жертва. Но перед тайной немеет жертва. Ты поклялся ей верить — и она поверила твоей клятве. Мера человеческой веры тайна. Тайна не убьет любви, а веру разрушит. Ее проклятие в неосуществимом — ее освобождение обольщающий призрак. Ты ее погубишь, отняв призрачную надежду. И себя погубишь — с ее гибелью все потеряешь. На тебе кровь отца, кровь отца и на ней — вас обручила кровь. Но тайна разорвет и крепкие узы и подымет пожаром беззаветную любовь.

5

«Этой ночью будет: раб убьет своего господина, убийца не будет наказан, а получит от потомка убитого награду и честь».

Так по звездам и исполнится. Знают двое — Раймонд и Мелюзина, а для других глаз тайна. И что они видят эти глаза? Смерть Эмери от рогатины Раймонда свалили на вепря: клыком прободал в сердце.

Торжественное отпевание Эмери, по-королевски, а на площади перед Нотр-Дам всенародно жгли на костре виноватого вепря.

Душа человека подымалась на небеса под горестный орган в облаке ладана, легкая от боли постигала свою судьбу, мирясь со злою долей, но зачаден своей горелой шерстью загнанный вепрь выдирался из пламенной щели, хрюча свое: «за что это мне, Господи?» и обалдевал под жгучим тычком: «так тебе и надо».

Раймонд не спрашивал за что, ни как случилось? Потеря, нечем заменить, опустошена его душа, как бы руку ему отсекли и говорят, ступай! — и он идет. Только любовь так безутешна и покорна.

После похорон Бертрам граф Пуату решил из всех подданных отца первым наградить брата за его любовь и верность. Что есть на земле самое ценное, как ни земля, так пусть берет себе сколько вздумает — несметному графству урону не будет.

«Моя мера земли, сказал Раймонд, оленья шкура».

Бертрам не поверил — такая наивная скромность. Раймонд повторил — голос Мелюзины властно прозвучал из его потерянного: «разве за любовь и верность ждут себе награду?»

Не раздумывая, Бертрам согласился и запечатал своей печатью дарственную на землю: «Мера — оленья шкура».

Приближенные Бертрама смеялись: «дурак!». А вышло не до смеху, когда межевой мастер Василий Торский, ученый алжирец, по-карфагенски разрезав на тонкие полосы оленью шкуру, отмерил Раймонду оленью долю. И по разъезжей оказалось, Раймонд куда богаче Бертрама.

Бертрам не подосадовал на свою оплошность: мудрость Раймонда его покорила — с дураком и в мир ходи с оглядкой, а с разумным соседом и в заковырке найдется лад.

* * *

Что человеку надо на земле среди зверей с долей крота и дикого вепря? Что его подымет повелевать

над людьми и зверем? — Земля. Не слава — крылатая в глазах других, не талант — как часто одаренность слывет за ни к чему. Только земля: она и умудрит, она и links оталантит. Мудрая фея — талант Раймонда.

* * *

На земле за верной стеной — обвита черным плющом надежды. Какими огнями я могу осветить и эти глаза на меня и эти руки ко мне. Добро и радость однозвучны. Иначе как отличить человека от крота и дикого вепря?

Мудрая Мелюзина, попомни и научи. Забота не о себе заглушит боль о своем.

6

«Раб господина» сегодня господин явился Раймонд у Источника-утолимая жажда. Его конь по знакомой дороге перенес его из замка Пуату в заповедный Куломбийский лес.

Под баюкающий говор бежит со скалы прозрачная вода и в воде радугой окон церковь, раскрылись двери — выходит Мелюзина.

«Поздравляю, говорит она, какое богатство, сколько земли и все наше! А это мой дом!» показывает она туда — —

И он видит за церковью дворец. И следует за ней.

Он не спрашивал себя: откуда? — вчера, когда мерили землю, тут была дикая пустыня, пугало малодушных, а сейчас — он, как вепрь на костре, обалдевает.

Дворец — украшения — все прозрачно, каждый камень живет, и сколько парадных слуг — серебро, шелка и бархат.

«Я покажу тебе церковь!» говорит Мелюзина и звезда — глубокий рубин, вспыхнув, светя с ее лба, стелет красным воздушным ковром путь.

Перед образами задумчиво горят лампады, а под ними теплются ясные свечи. Облако ладана и шуршит лесной можжевельник.

Церковь полна народу. Идет всенощная.

Два хора и тенор канонарх — перелетные подхваты голосов.

С каким усердием молилась она: вымоленное закрепляла истовым крестом и глубоким поясным поклоном или в смутной тревоге умоляет продлить милость и не оставить, укрепив, и не покинуть.

На литии после благословения хлебов, вина и елея — священник благословил их — Мелюзину и Раймонда. И они обручились — жених и невеста.

Паникадилы озарили церковь.

«Пусть изобилие, огонь веселья, радость жизни да осветят землю!»

Если бы с воли донесло кричит филин, дикий крик отрезвил бы Раймонда, но была зима. И глаза не различают, нет и мысли, что у попа под епитрахилью гуляет воздух, а ноги куриные, и у молящихся только шейные позвонки — для виду. Но и зачарованный, он не может не спросить себя, откуда столько народу?

«Все, что ты видишь, было всегда, говорит Мелюзина, отвечая на его тайные мысли, страх сильнее чар, страх отводит глаза... Но тебе нечего бояться: земля и вместе со мной, все в твоей власти».

Она поднялась по ступеням к царским вратам и с амвона громогласно объявила, что не она теперь, а Раймонд господин над всеми.

Из толпы выступили и потянулись к Раймонду — шли с поклоном и присягали служить ему верой и правдой.

«И не такое еще увидишь, сказала Мелюзина, когда буду я твоей женой, а ты мой муж».

* * *

Набежавшая волна любви — мгновенье без начала и конца — кто может и чем удержать мое счастье: люблю?

Откуда вы печальные — тени моего счастья? Что было, то прошло, я читаю по вашим глазам. Какой горький конец моей любви! И я говорю не голосом, не сердцем, а изнывом моей души: зачем же дается человеку отравленное счастье: люблю?

Ты веришь, потому что любишь и не можешь не любить. Без любви во что же и кому верить? Без радости и без надежды одно отчаяние покроет твои глаза.

Ты любишь — кто любит, тот верит. И нет веры без любви. Какая жгучая и горькая моя любовь без веры — твой конец.

7

Сколько игралось свадеб на Руси, чего только ни порасскажут семейные хроники, сговорные грамоты, росписи и чин, а о звериной свадьбе читаю у волшебницы Кодрянской в ее сказках, но такой диковинной, как в Пуату еще не бывало: Раймонд женится на фее Мелюзине.

Крещенские рассказы о Источнике-утолимая жажда, о Куломбийском лесе, где ни живой души. а бродят дикие звери да тешится нечисть, кому забыть с первой молитвой и до отходной, знает в Пуату всякий.

Есть на земле чистые места — Святая Земля, Мекка и Медина, и нечистые: заколдованное близ Диканьки и в Куломбийском лесу Источник-утолимая жажда. А на свадебных приглашениях указано было для сбора именно это нечистое место: Источник.

Смельчаки, охотники до развлечений, притворились больными. На дверях повешено предохранительное объявление: «не стучите и не звоните, оба лежим без задних!» — потом пожалеют. Зато хвастуны и кичва, победив трусливый соблазн, прибыли с семьями точно в назначенный час и прямо в церковь.

Среди присутствующих мы заметили небезызвестные имена, близкие и дальние соседи:

Брёх, Курбат, Малявка, Враль, Цапка, Копыл, Мыкун, Мамза, Ушак, Ворыга, Кропот, Неклюд, Курюход, Коверя, Шаровка, Хухра, Харя, Рохля, Чулок, Клокуша, Глазун, Чупа, Молчан, Ревяка, Лазута, Тюря, Гневаш, Тутыка, Попко, Торх, Руккуля, Кухмыр, Докуня, Карзина, Ликур, Кувака, Таралыка, Дыляй.

Носы до переносья на Мелюзину.

Мелюзина — красная яблонь, в ее синей дрёме робкое счастье.

Раймонд — что в нем осталось от яблоневого сада? разряжен — приплюснутый грецкий орех со вздернутым носом. Когда это счастье бывало умным? — но его улыбка была прямо дурацкой: он принимал изъявления беско-

рыстной человеческой подлости почтенных, в оправе, льстивых прозвищ, людоедов.

Из оголошенной пряными хорами церкви, после венца обезьяньим гуськом перешли гости по циррозовым коврам во дворец.

Голова кружилась, трудно вообразить себе такое богатство — оно лезло из щелей, из-под пола, валилось с потолка, висло из стен и торчало из окон — свое и привозное.

Залы сверкали от драгоценностей.

И вот чего никто не мог вспомнить, какая в тот день была погода и освещение — наверно сказать, что никаких свечей и электрических лампочек, а что-то вроде электричества со вспышкой, я скажу, демонские светящиеся перемиги; а дышалось лесом, пускай по святцам в ту пору ходил Кузьма-Демьян с гвоздем, ковал реки.

Сытые ели по-волчьи. Все было так хитро и замысловато: не то вилкой тычь, не то развлекайся пальцем. Вина душистые кипрские, известно, на Кипре и пустая ягода ананас, завезли крестоносцы. Медовой волной лилось вино.

Музыка гремела, как лакированный тарантас по каменным московским мостовым — грохот, присвист и жиг. А хоры песельников подымались и падали в раскат по-цареградски, с воздыханием херувимской.

И когда взвились танцующие гирлянды, трудно сказать, балетные ли это танцоры или змеи — змеи вылуплялись из цветного воздуха и вышелушивались из воздушных цветов — о таких легких взвивах не мечталось и Вестрису.

Очарованные гости не хотели расходиться. Едва уломали. А которых и силком пришлось выпроваживать, по-родственному, и ни один из загулявших не вернется домой, не унеся веселую голову и подарок на память.

С подарками не все прошло гладко, но винить хозяев тоже не порядок, а вернее чудесный случай или перепутная хмелина.

Руккуле досталась брошка — камни играют, зажмуришь глаза, а дома, как раскрыли футляр и оказалось, никакой брошки и никаких бриллиантов, а рисовая папиросная бумага и на бумаге сидит лягушка — понадавили пальцем, мягкая, а заквакала не по-нашему.

Цапке полный сундук навалили добра, а на поверку —

гоголевский дедов зарочный клад: сор, дрязг, стыдно сказать, что такое, мой руки.

Но это еще будет наутро, на трезвую Руккулу и Цапку, а сию минуту дурьсон, окладистый мешок пустых надей и горьких чар.

И когда чары развеялись и огни разбежались всяк в свой темный куток, и Раймонд и Мелюзина остались одни — кто же это не знает, какое счастье, любя, остаться наедине!

Счастливая, словами она ничего не сказала, она только посмотрела с мольбой, а в ответ ей — огонь его глаз.

С этой ночи совершаются чудеса. И все «разыгрывается, как по нотам», как сказал бы чувствительный философ.

На рассвете Раймонд заглянул в окно — в этот первый свой весенний день — и видит: там, где вчера грозил дикий лес, смотрит в глаза чудесный город.

И разве это не чудо: город вырос за одну ночь!

Построить «обыденный» город, как это возможно без волшебства, но очереди перед банками — вкладчики запачканные известью, прямо с работы и все синдикальные, на чудеса не падки, ясно говорили, что Мелюзину не испугали никакие издержки.

Город назван был по Мелюзине Лузиана: Мелюзина значит мать Лузианы.

И громкое имя Раймонд — граф Лузиньян затмило знатные имена на дальний конец до Екоса, владенья короля Элинаса, отца Мелюзины.

* * *

Ах, попалась птичка, стой!
Не уйдешь из сети,
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете!

(Слышу детскую песню, но детских голосов не различаю — жуткая беспечность держит мою душу).

8

Несметные богатства Лузианы, откуда? — он не спрашивал. Но разве люди проходят мимо? Да, погибаешь,

невниманием подтолкнут, а поднялся, тут тебя чужой глаз ошарит: как и почему?

И мертвая сила — зависть окружила Лузиану.

«Счастливая жизнь» — как потом говорят, когда жизнь прошла. «Полнота любви» — а про это возможно и в настоящем.

Вот Раймонд и Мелюзина неразделимы, и жизнь их на зависть.

И мертвая сила — зависть вошла в Лузиану.

Мужество, кротость и набожность Мелюзины. Дети.

У феи родятся прекрасные дочери — феи. Сыновья — явление необычное. Оттого ли, что у Мелюзины не колдовство, не чары, этого в ней с избытком, а одна-единственная мысль заполняла ее душу — верой человека очеловечиться, за пять лет она родила десять сыновей: Ги, Одон, Уриан, Антуан, Реньо, Жоффруа, Фруамон, Оррибль, Тьери, Раймонд. Одного она отравила в колыбели: это был комок колючих волос со злыми глазами и клыки явственно прорезались в его молочном рту, она боялась, Оррибль убьет своих братьев. Рождение детей ознаменовывалось постройкой городов вокруг Лузианы: Мелль, Вован, Сен-Мексан, Партеней, Ля Рошель, Понс.

Сколько у Раймонда забот. Но это не бремя, тягостная нужда, черная забота, — это волшебное ожерелье, что подымает дух и силы.

Ни часа, ни минуты, занят делом, некогда было подумать.

За пять лет он был верен слову, крепко держал клятву, Мелюзина уверилась. Все, казалось, идет на человеческий лад, она чувствовала себя, как никогда, человеком.

* * *

Неподалеку от Лузианы построен был по желанию Мелюзины монастырь Меллезик: храм во имя Богородицы — Утолимая печаль.

Пять лет — век. Но есть ли на земле что-нибудь вечное, кроме надежды? Надежда Мелюзины освободиться от чар материнского проклятия сказалась в этом имени «утолимая печаль».

Меллезик — ее любимое.

И вот однажды летним безоблачным утром их счастливого дня — так потом передавать будут: примчался на

взмыленном коне староста из монастырской деревни — ужасные вести:

«По неизвестной причине в ночь сгорел монастырь — и люди и скот, и хлеб, как сдунуло».

«Бог покарал за грехи!» — в утешение объяснил простой человек.

— Зависть — поджог! крикнул Раймонд.

«Зависть гасят огнем!» искрой кольнуло его и гнев охватил огнем.

Цепок гнев: завистников — кто поджег монастырь, и как отомстить — пойдет глубже до самых корней сердца, где расплавленная чуется тайна.

Он вдруг в первый раз спросил себя о Мелюзине:

— Так что же такое суббота — что она делает в субботу и чего скрывает?»

И не гнев, Раймонд присмирел вдруг, а ужас: «недоговоренное, замалчивание — чего?» — ужас сжал его верное сердце.

Хорошо, что случилось не в субботу.

* * *

Стоит лишь коснуться несомненного и освобожденные мысли — им больше нет запрета! —
бросятся на живое неприступное передумывать,
чтобы подать свое решающее слово.
Мудрая Мелюзина, ты заботой отвлекла Раймонда от мысли — мысль беспокойная сила, она изведет, она растравит нежность любви. Любовь, угасая, заполняется мыслью.
Когда про свою любовь скажет себе человек: «грех», это значит, в его сердце нет больше любви: любовь бездумна, как и несомненное вне мысли. Раймонд коснулся тайны — и потайные двери мысли раскрылись.

* * *

В день освящения нового Меллезика «Утолимая печаль», когда после церковных торжеств, они дома остались одни, мир сошел в душу — как цветы и уверена была их любовь: поднявшись до вершин, солнцем покрывала, светя.

«Вот как мы любим друг друга, сказала Мелюзина, как прозрачен наш путь — ты и я!»

И он готовый повторить ее слова, вдруг замолчал: тайна погасила его ответное «да».

Если бы дано ему было, он ответил бы слезами — покорно.

На ночь она взяла серебряный песок от Источника-утолимая жажда и ворожа, присыпала ему к сердцу.

Успокоенный, он заснул, но поддонная его душа клокотала.

* * *

Глубоко под землей видит он себя. Кругом стена земля. Выхода нет и нет птицы-мечты, которая подымет из ямы и вынесет его на свет.

«Мне ее как позабыть!» говорит он глухой стене.

Глухо отвечает ему стена:

— Она тебя полюбила, потому что ты ей нужен, твоя клятва зажгла в ней страсть.

Черным прошло по его глазам. И он ослеп. И слышит: из розовой зари выплескивалась песня — ее голос. Беду она предвещала, остерегая, или вспомнила о нем — о их нераздельной любви, чего не вернуть.

И голос поднял его из ямы.

. . . .

«Ты не знаешь, где и на чем остановиться, говорит кто-то, каждый твой день забит, ты никогда не успеваешь, откладывая на завтра. Тебе надо проснуться. Ты хочешь знать тайну?»

Он не отвечает, насторожился.

«Ступай на реку, иди по берегу, будет омут, бросайся вниз головой».

«Страшно!» подумал он, но не мог сопротивляться, как будто говорилось не посторонним, а в нем. И он пошел и кинулся в омут. И очнулся под водой.

Он шел по хрустальному дну, как по улице. Под ногами, тонко струясь, играла вода. Навстречу ему Мелюзина.

«Это мой дом», говорит она.

И от радости он пробудился.

. . . .

И слышит: кто-то за стеной, их двое. Один говорит:

«иди ты вперед». А другой отвечает: «нет, не пойду!» И входят в комнату. Раймонд зажмурился. Он чувствует, вошла Мелюзина. И тот, кто с ней, спрашивает: «где он лежит?» Раймонд открыл глаза и ужаснулся: спутник Мелюзины он сам, в его руке нож, и приближается.

«Если ты спишь, ты меня услышишь, а проснешься, увидишь».

И он видит: звезда — рубиновая росплавь — змеей лучится из окна.

9

В пятницу с вечера начиналось.

Ее не узнать было, беспокойно бродит она по комнате, а нет такого уголка, где бы ей укрыться. Неизбежно.

В субботних превращениях было для нее что-то унизительное. Неся проклятие, она не может не превращаться, и это угнетало. А страх, заволоченный годами уверенности, никогда не покидает ее.

Она верила, что только любовь, готовая на всякую жертву и клятву, снимет с нее материнское проклятие. Но она понимала, что и самая беззаветная любовь человека хрупка и неожиданно может наступить разрыв.

Он ее любит и по любви своей верит, и по вере не нарушит клятву. А вдруг разлюбит и пропадет вера, и с верой клятва — и она пропала! А если и не разлюбит, какая человеческая любовь устоит перед тайной? Тайна задушит веру, а с мертвой верой отпадет и клятва.

Узнай он тайну — ее проклятие превращений, какой ужас охватит его и его любовь выдержит ли? — и она пропала. А если и не отпугнется — любовь безглаза! — все равно, клятва нарушена. Ведь только ненарушимая клятва снимет с нее проклятие, и неважно, превращается ли она.

«Если бы превратиться в человека, жить в земле и умереть в свой час! Умереть — отдохнуть в земле. Человек не может понять, что значит жить на земле без срока, всю тяготу без конца, нашу долю. И может ли человек — с началом и концом — выдержать безначальную клятву?»

И на нее нападает страх.

Скрываться перед любимым и тайной испытывать любовь, возможно ли выдержать?

«И тебе и мне?» говорила она, прислушиваясь к себе — к своей человеческой и нечеловеческой душе.

«Или во имя освобождения сердце человеческое бесстрашно?»

С тоской она прощалась с Раймондом, покидая его до воскресенья.

* * *

Мудрая Мелюзина, ты освободила человека и он тебе поверил. Ты взяла его тайну, а свою ему не открыла.

Его клятвой живет твоя мечта о свободе.

Мудрая Мелюзина, как могла ты поверить в ненарушимое человеческой клятвы? А твое проклятие в неосуществимой мечте. Наступил конец — мечтать тебе не о чем — твое проклятие неизбывно.

10

В субботу с утра гости: Бертрам, Жан Дарас и с ними приезжие иностранцы — Туринг фон Рингельтинген из Аугсбурга, Мартын Сенник из Кракова и Иван Руданский с Москвы.

О Лузиане чего только ни говорилось — сказочный город. А о чарах и волшебстве Мелюзины распространялись чудеса. Последнее из чудес: Ниоркские башни — рассказывают очевидцы, как Мелюзина набрала себе в фартук камней и ночью одна отправилась к стенам города, а наутро, видят две башни, ее волшебство. Кому же не любопытно взглянуть на фею?

Суббота заветный день. Гости обедали без хозяйки. Раймонд объяснил болезнью: Мелюзину нельзя беспокоить. Жаль, но что поделать! Особенно досадовал Руданский: путь с Москвы невеселое путешествие.

После обеда Жан Дарас, бывалый, пошел показывать иностранцам диковинки Лузианы, а Бертрам остался с Раймондом.

Эмери — воспоминания детства — несчастный случай на охоте — оленья шкура и чудеса.

«А что такое с Мелюзиной?»

— Нет, — сказал Раймонд, она принимает и не таких

еще чучел, недавно из Монголии пожаловал сам Кутыкта, а из Индии Обезьяний царь. Но суббота, это ее день.

«Стало быть, правда?..» Бертрам чего-то не договорил.

— Так повелось с нашей первой встречи. Суббота ее день. И что ж тут такого? И какой смысл мне накладывать лапу? Над Источником она построила себе часовню. В субботу с утра покидает дом, и весь день одна.

«Одна ли? Ты уверен?»

— Очень набожная. Я никогда не нарушаю ее одиночества. А в воскресенье опять мы вместе.

«Ты на меня не сердись, сказал Бертрам, я давно хотел поговорить с тобой.»

— О разделе?

«О вашей жизни. Стоит только послушать разговоры... ты скажешь не стоит обращать внимания. Но ведь откуда-то идет молва.»

— Зависть.

«Ты прав: там, где талант, жди у незавидных зависть. И это только подымает тебя. Ты обращал внимание на своих детей?»

— Как же, я их очень люблю.

«Впрочем, со стороны виднее».

— Что ты хочешь сказать?

«Говорю прямо: они не твои».

— Что?

Раймонд растерянно, как человек под неожиданной стукушкой. Его вдруг ударило: ведь и сам он не раз спрашивал себя, в кого? — ни малейшего родового сходства, никаких фамильных черт, ни в лице, ни в характере. Один Жоффруа чего стоит, такие страшные зубы.

«А чем, по-твоему, в субботу занимается Мелюзина, ты говоришь, молится...»

— Я не знаю, резко ответил Раймонд и задохнулся: догадка, о чем никогда не загадывал, втянула в себя воздух.

«Откуда у тебя такое богатство? Тут был дикий лес, пустыня. а за эти пять лет — да ведь это целое государство, твоя Лузиана. Да такое или снится или в сказках. Про нее говорят, волшебница, занимается колдовством. И не одна».

— С кем? — вскочил Раймонд, но как ногам удержаться, перед ним все кружится.

«Удивительное дело, столько лет вместе, на глазах совершаются чудеса, и никогда не спросит, как это возможно, откуда? И при этом всегда что-то замалчивается. И не проверишь? Называют одного из ближних к тебе, забыл, как его? Ну, кто у тебя на глазах?»

— Не вижу.

И тотчас все, кто чаще приходил в их дом, прошли перед Раймондом и он засматривает каждому в глаза. И странно, у всех оказывается одинаковые глаза, и этот единственный глаз всплеснул его — перед ним стоял с «вопиющими» глазами застенчивый Рольдук.

«Рольдук колдун? Невероятно. Но почему же в субботу, вдруг вспоминает, его никогда не видно?»

На столе лежал кабаний нож, подарок Бертрама, «на дикого вепря нынче с рогатиной не ходят»!

Раймонд схватил нож.

— Обоих! — он не сказал, а сверкнул, как нож.

«А ты не горячись. Мало ли что говорят. Коли всему верить, потеряешь веру».

Но Раймонд весь в шуму — «ты мне говорила неправду!» повторяя, — гнев жег его, шипя, — с ножом на кабана он вышел.

Бертрам за ним.

Дом опустел.

11

Прессина:

Дети, сестры мои! Моя неутоленная любовь — неутолимая жажда. Зачем вы меня разлучили? Я вам открыла глаза на тайны — вы открыли мне тайну. Измена погасила мою веру, но любовь не сжигается ни на каких пожарах. Мстя за меня, вы убили отца, вы отняли у меня мое — чем жить в вечном веке. Ждать мне нечего, а жажда жжет. Так будьте ж прокляты, разлучницы! мое проклятие на вас — стерегите свободу не для себя: сокровища, сокола, источник — для себя никогда не дождетесь, как мне не дождаться Елинаса. Моя кара, пусть будет вашей, дети, сестры мои!

Мелеас:

Бедная моя Мелеас, с какой кротостью ты проводишь дни, настороже. Пусть на вечный твой век не откроется

тебе твоя проклятая доля. Стереги отцовские сокровища, верь, рыцарь придет. Если бы ты знала, что нет такого рыцаря, а если бы и появился, не найти ему потерянный остров. В твое пробуждение ты почувствуешь — как я боюсь! — твоя кара твоей матери жаждет без утоления — ждать без надежды — жить нечем.

Палатина:

Что твой сокол? Ты не спросишь, зачем стережешь. А я в постоянной тревоге. Вижу твое отчаяние, вдруг да ты очнешься: перед глазами чужая воля и никогда не быть свободной. Стеречь вольную птицу — стеречь свою неволю. Твоя кара — кара твоей матери: память о любимом и никогда не встретить.

Мелюзина:

Обреченная стеречь Источник-утолимая жажда и никогда не утолить свою жажду — мое проклятие.

Она еще не знает свою проклятую долю, она верит.

Все кончено. О чем же мечтать? Я закрываю глаза: мне страшно, Господи, за что это мне — ее страдания — боль моя?

Рубиновые звезды — длинные черные космы окружили меня. В моих глазах одни раскрытые живые губы. Я мог бы коснуться рукою. Моя единственная надежда твоя любовь и верность.

Она убила отца за измену, а измена слову убьет твою надежду. Разлука станет стеною между вами. Крик отчаяния будет единственное твое слово.— взблеск разбитой мечты.

Раймонд нарушил слово. Подожжена, горит его любовь — идет с ножом. Мера любви жертва, но какая любовь нуждается в жертве? Веру меряет тайна. Перед тайной нет жертвы. Тайна сильнее любви. И голос ее не заглушить. Тайну можно только зарезать. Жалкий человек, ты пропал!

* * *

Крадучись, подошел Раймонд к часовне. Согнутый на прыжок — мысли сдунуты, чувства тлеют. В его руке горел нож, и уши точились бритвой. Не дыша, прислушался.

Вода плескалась — бежит ручей.

Глаза шарили стену. Крепкие стены, ни царапины. Глаза царапали камень. Счастье! — в двери царапнул ржавый гвоздь — нож вызвездил гвоздь. И пылающим лицом прижался к щели.

12

Она была одна.

Горбатая — под тяжестью скорби, она блуждала глазами: то ли ей мерещилась угроза, и бессильная обороняться, она искала, куда бы спрятаться или пропасть. И вдруг, как пойманная, она схватилась за сердце. Правый глаз ее налился кровью, левый запылал иззелено-синим огнем, от боли уши вытянулись, как у летучего мыша, и рот медленно расходился до ушей. Вспыхнув, она вскочила и ломаясь падала и опять подымалась, пылая.

Ее иззелено-синий глаз поднялся над кровавым. И колкой зеленью затопило все, вокруг.

. . . .

И когда Раймонд очнулся, в его глазах — он различает — стоит косматая и с ее лба повисла львиная лапа. Нож выпал из его рук. И львиная лапа пропала.

И он видит: плоское безглазье и над птичьим носом сел черный мохнатый паук, а изо рта вырезались клыки и длинный волчий волос колеблется на носу. Косматый зверь! — ноги грузно подымались скакать.

Это было так неожиданно и необычайно, у Раймонда прыгали глаза и ноги била дрожь. И вдруг снова — Мелюзина! ее глаза, и третий чешуйчатый глаз светился с ее лба. Облитая синим, сияя, она плескалась в ванне, но не заметно было ни ног, ни рук — огромная змея, виясь кольцами, вскруживалась и подымала воду.

Всеми чувствами, всем человеком переполнилось, Раймонд толкнул дверь — дверь легко поддалась — и вошел в часовню.

И на его глазах вспугнутая, метнулась змея к окну и ускользнула в ночь.

* * *

Тайны больше не было. Глаза открылись. Тайна только призрак.

Он стоит у скалы. Кругом пустыня. Не гремел ручей — источник ушел. Оттого и такая пустынная тишина.

И видит: испуганные глаза — на него глядит со скалы змея.

— Мелюзина! — с криком он протянул руки.

Она поднялась выше, грозясь:

«Не прикасайся!»

В его опущенных руках глядела бедность человеческой доли! — всем чужой и в мире ни души, кто бы любил его.

Вдалеке стороной мчались всадники: Бертрам, Жан Дарас, Туринг фон Рингельтинген, Мартын Сенник и Иван Руданский — сломя голову уходя с проклятого места.

А Раймонду некуда было возвращаться.

КОЛОВОРОТ

1

Раймонд убил Эмери, своего отца, не по замыслу, а невольно — по судьбе: где-то было начертано «преступление» — судьба Раймонда и Эмери нераздельна. Преступление — кровь приведет Раймонда к Источнику-утолимая жажда, окровавленный, он встретил Мелюзину с кровавой рубиновой звездой во лбу. Преступление — «несчастье» соединило с «несчастьем».

Мелюзина убила своего отца, но не невольно, как Раймонд, а задумав смертью отомстить отцу за измену матери. Значит, преступления могло и не быть. В гневе проклята матерью.

«Невольно», как бы под руку кто толкнул, нечаянно — действие роковое, и «в гневе» — вне себя — действие роковое, неизбежное. Раймонд не мог не убить отца, Прессина, мать Мелюзины, была не властна не проклясть дочь.

Общая доля-преступление — кровь соединила Раймонда и Мелюзину.

Мелюзина, по проклятию матери, стережет Источник-утолимая жажда. Стеречь и самой оставаться жаждущей — в этом и проклятие. Она утолит жажду Раймонда — чаруя, успокоит его душу и выведет его, растерянного и заблудившегося, на путь.

Звезды предсказали Раймонду богатство и честь. Мелюзина научит, как и чем добыть богатство: земля — мера земли оленья шкура.

2

Змеей любовью обвилась Мелюзина. Ее любовь и надежда неразрывны: любовь человека, его верность клятве

снимут с нее проклятие. Так, по словам проклинавшей ее матери.

Мелюзина потеряет свою фейную природу — ясное зрение и волшебство, заклятие (geis) и станет человеком, как люди, и никогда, ни в какую «субботу» не будет превращаться в чудовищ, зверей, птиц и змею.

Превращение — перемена образа — обнаружение природных свойств.

Материнское проклятие — пламень слова из огня гнева — невольно, вдруг, кровное «материнское» неизбывно. Мелюзина бессильна никаким заклятием (geis) расклясть проклятое. Проклятие — слово прожигает до пражил и пракостей, и прожженное ничем не оживишь.

Проклятие судьбинно-роковое: так и должно было быть и по-другому не будет — Раймонд убьет отца, а Мелюзине быть проклятой. Оба отмечены — избранные.

Бесполезно спрашивать по-человечески: для чего? Судьба творит по-своему, человеку непостижимо.

«Историю о Мелюзине» можно представить себе, как *испытание живой человеческой любви призраком тайны:* любовь, способная на все жертвы, не устоит, сохраняя всю свою силу, перед безжертвенным призраком тайны.

Есть степень раскаления любви и жертвой будет само любимое, огонь переплеснется и сожжет. Горячая заботливая рука задушит.

Раймонд, при всей своей любви, не может не нарушить клятву.

Да в этом все и проклятие: нет такого человека и не может быть, кто бы победил тайну — тайна сильнее любви.

Легенда раскрывает природу человека: жалкий человек!

3

Судьба не внешняя сила, это какое-то круговращение духовных сил живого, спаянного и проницаемого. По-человечески судьба безжалостна и беспощадна, но судьбы судеб в глазах человека запечатаны. Болваном родятся на свет, болванами живут на земле и нисколечко не поумнев, уходят в могилу, жалкий человек!

Судьба меряет срок, дает Раймонду и Мелюзине поиграть на своей воле.

Мираж судьбы: успокаивает и веришь и вдруг рассеется — стою над пропастью, и тянет из-зов — вниз головой.

Пять лет Раймонд держит слово, не нарушил клятву: суббота — «в субботу не входи и не спрашивай». Пять лет Раймонд верит Мелюзине: «Суббота ее день». Пять лет Мелюзина верит и надеется, что верностью своей клятве Раймонд освободит ее от проклятия превращений по субботам.

Пять лет прошло, срок кончился, и тут судьба берет свое. Предопределенное не в воле человека, как и способности человека: таким родился — оно дано.

В гневе ревности, а это значит, в пожар своей любви, — невольно Раймонд поднял нож на Мелюзину — на ее мечту превратиться в человека. Нож на кабана «случайно» дает ему Бертрам — подарок: «ты убил отца, убей мечту». «Случайно», что «невольно» — роковое.

Мелюзина открыла матери тайну о измене отца и в материнском проклятии тайна — разлучная тайна Прессины с Елинасом, Раймонда с Мелюзиной.

Самонадеянный хвастливый человек, хвастовство — признак бедности, теряет голову перед тайной. Этого Мелюзина не предвидела, она поверила, что ее освобождение возможно через любовь и беззаветную веру человека. Ее проклятие в неосуществимости мечты.

В «обетованной стране блаженства» в царстве фей, понятия не имеют о человеке, а кто ж из нас не знает, чего стоит человеческая клятва и как окорнаканы его чувства и силы.

4

Раймонд изменил слову, думая о измене Мелюзины и увидел, как изменяется ее образ — превращение ее фейной природы: воздушная, чарующая фея — чудовище-змея.

Тайна Мелюзины открылась Раймонду, но его тайна остается не раскрыта, про убийство Эмери знает одна Мелюзина.

Кровь отмщается. Месть удерживается ненарушимой клятвой. Но с нарушением слова все несчастья упадут на голову Раймонда.

Раймонд не мог не нарушить слова: ревность — сознание своего бессилия — его любовь и оказалась бессильной перед тайной.

Ушла Мелюзина и с ней ее единственная любовь — нет в мире никого, кто бы его так любил, перед ним пустыня, и некуда ему возвращаться — ушел источник и скрылся дом.

5

«Душа человека какие выносит мученья! А часто нам выразить все их, достаточно — звука» — крик Мелюзины. Все отчаянье ее в этом одном звуке. Мечта ее убита, надеяться ей не на что...

Кара Мелюзины жестче кары ее сестер: Мелеас ждет рыцаря, Палатина на стороже сокола, так и будет на их вечный век, а Мелюзина ждала человека, дождалась и потеряла, и на ее вечный век ждать ей нечего, разлука, как и для ее матери, разлука.

6

У кого хватит смелости или какая наивность испытывать любовь тайной. Тайна выше человеческих сил и никакая любовь не устоит перед скрываемым неизвестным. Любовь убить нельзя, но поджечь — и засветится в руках не благословение любимому, а сверкнет нож.

Так случится с Раймондом.

Раймонд сгоряча дал клятву Мелюзине «не спрашивать и не входить к ней в субботу». «Сгоряча», как и «нечаянно» и «случайно» — роковое веление судьбы, а не воли, необходимое, несмотря ни на что, вопреки всему.

Раймонд взялся за непосильное человеку, не выдержал, и пропал.

Мелюзине нет места среди людей, а Раймонду без Мелюзины пустыня — жить нечем и ждать некого.

И куда девалась мудрость Мелюзины, как могла она вынудить клятву неподъемную человеку? Или жажда освобождения глупит не один человеческий разум, а застилает и фейные ясные глаза.

Переступив кровь, Раймонд нашел дорогу в Куломбийский лес к Источнику-утолимая жажда: судьба-конь привела его.

Кровь вызвала Мелюзину — рубиновая звезда вспыхнула во лбу и осветила Раймонда: Раймонд очнулся.

Глаза в глаза: проклятая за убийство отца и отцеубийца.

Мелюзина вознесет Раймонда, но не для него, а для самой себя: она поверила, что через любовь и верность человека она получит свободу.

Раймонд ничего не знает, окружен тайной, которой не смеет касаться рыцарская любовь к Мелюзине. Он любит не для себя, а для нее и держит нерушимо клятву.

Загадав загадку: «суббота», Мелюзина ничего не открыла о себе — о своих превращениях, она знает, такого человек не вынесет, а если даже Раймонд, по своей любви — любовь тем и любовь, что не пуглива — мог бы и не такое вынести и не отступиться, все равно, важна загадка, неизвестное, о чем он клянется не спрашивать.

Мелюзина поверила в силу такой человеческой любви, которую не тронет никакая тайна. Мудрая Мелюзина, такой любви нет — любопытство человека при любви будет сильнее, чем без любви, когда может быть и все равно и самая загадочная тайна обходима.

7

Мелеас стережет сокровища отца — богатство, которое дает власть, но самой ей никогда не воспользоваться, она должна передать рыцарю. Палатина стережет сокола — вольную птицу, а сама всегда в плену.

Мелюзина сторожит Источник-утолимая жажда, но своей жажды ей не утолить и только из рук человека.

Рыцарь не придет, соколу не улететь, а человек не выдержит тайны.

Мелеас и Палатина заклятьі до вечного века: кончится земля и их существование переменится, — а Мелюзине обещан срок: явление человека и ее очеловечение.

Прессина может превращаться по своей воле, когда ей вздумается, принимать образы ей нужные, а Мелюзина осуждена превращаться в сроки — в субботу. Превращение обычное и легкое для феи, тягостно и унизительно по своему принуждению.

Мелюзина невольница. А освободит ее человек.

Приворожить человека она может. Но обойти тайну не в ее власти. Любовь человека распаляется тайной. Сама

любовь и разобьет клятву. Перед призраком сгорит и каменное слово.

Какая же судьба Мелюзины?

Превращения окончились, наступило воскресенье, но с Раймондом она разлучена, к людям вернуться ей заказано. Мелюзина попадает в круг «забытых Богом».

Ее сестры ничего не знают и ждут, а она знает и ждать ей нечего — без надежды до своего вечного века.

Разлучная и разлученная — жажда без утоления — печаль ночи — Мелюзина.

1950

БРУНЦВИК

Был в чешской земле король Брунцвик. Правил королевством разумно и честно в совете старшин и рыцарей. И по всей земле шла о нем добрая слава.

Но что-то было не так, и всякий раз говоря о Брунцвике, вспоминали старого короля Фредерика Штильфрида.

Этот любимый король, прозвище «Орел», весь свет облетел и все сокровища Праги его вклад: добыча из разных стран.

Брунцвик с детства не уставал слушать рассказы старого рыцаря Балада о подвигах отца.

И как, бывало, начнет Балад: «и велел Фредерик седлать тридцать коней и взял тридцать юношей и одного старого и поехал до разных незнаемых стран и земель»... — Брунцвик пробуждался: другие глаза, другой взгляд.

«Отец добыл себе орла, — скажет-заискрится, а мне давай льва!»

Брунцвик носил имя «пламенный», Brunst — пожар, и вправду беспокойный, в отца, а по судьбе сидень, из Праги ни ногой, да и на празднествах редкий гость; стража меняется, а он в своем доме бессменно.

Королева Неомения с неменьшим любопытством, а пожалуй горячее, принимала в слух рассказы старого Балада и мечтая о льве, выдумывала свои волшебные сказки.

Но назвать сиднем, ее никак нельзя было: вынужденно она оставалась в Праге, но в Праге не остановишь. У нее был верный рыцарь Ассирский князь Клеопа: из всех рыцарей она выбрала его за длинные ноги, правда, не очень гибкие, но все равно, с таким можно было смело появляться на улицах, в театрах и на собраниях. Клеопа по-собачьи засматривал ей в глаза, всегда готов в огонь

и в воду: Неомения была единственная, всем для ее рыцаря, а ее мечта о льве и волшебные сказки пустой звук.

Балад, в который раз вспоминая Фредерика — Орла, рассказывал:

«В канун похода на поиски орла, король обменялся с королевой перстнями: «когда через семь лет ты увидишь свой перстень, знай, я еще жив».

Этот перстень Брунцвик подарил Неомении.

Их было тридцать юных рыцарей и один старый, не спрашивая, узнаем: Балад. На зеленых конях, как розовый шиповник, они разъезжали по берегу моря. И когда появился на жарком, цвета лисицы, тонкоголовом коне Брунцвик, видят: подплыл корабль, и они вошли в корабль с конями.

И плывут.

Брунцвик впервые на море, все ему вдиво. Да и рыцарям вновь. И глаза их заволнило море. Один Балад, ему все видно, ведет корабль, но куда, и сам не знает. И так все было необыкновенно, плывут не замечая дня от ночи и до ночи.

Ночью поднялась буря. Натерпелись страху. Но самый страх стал поутру, когда сорвало корабль и стремглав понесся не по волне, а над волнами.

«Акшитова гора, промурчал Балад, пропали!»

Эта магнитная гора притягивала к себе издалека и кто попадет на гору, живому уйти безнадежно. Корабль пришибло к горе, назад забудь, вылезай.

Любопытство оказалось сильнее страха и пока держались запасы, ни о каком «как назад» не задумывалось.

Остров лесистый, деревья крепкие. А на деревьях люди, как птицы. И эти куролюди ни на какую приманку не идут и на вопросы не отвечают. Балад пробовал знаками объясняться, никакого внимания. Ни вреда от них, ни помощи — бесполезные люди.

Брунцвик, бродя по острову, увидел поле: гнилые корабли и кости. И заунывл: «общая судьба!»

И Балад заметил:

«Кто на страх не дерзает, желаемого не получит».

Всех коней съели и уж друг на друга нацеливаются. А к куролюдям подступу нет: на ухватку такой брык, коню не по ноге, и перьями в глаза. Делали попытку от горы откачнуться, да все ни к чему, назад тащит, береги голову, такая сила и не мчит, а вихрем свирепеет. И уж стали прятаться друг от друга: страшно попасться на глаза голодному — голодный человек зверее зверя, сожрет тебя без нюшки.

Брунцвик голодный похотливо смотрел, не найдется ли чего поесть и видит: на берегу голова — потрепанная баба с синя́ми в подглазье, и руки — избалованные с размытым розовым перламутром, а тело в чешуе рыба и вместо ног хвост.

«Злое ты или доброе?»

«Я такая, какой ты меня видишь. А что такое доброе и злое, я не знаю».

«Будет ли мне от тебя прок?»

«Часом можешь, а часом не можешь».

Брунцвик понял. Кругом один, и наклонился над жемчужницей. А на прощанье, нежно погладя теплый серебряный хвост, спросил как ее кликать? — должно быть, понравилась.

«Европа, — сказала она, — да ты меня больше не увидишь».

Балад сказал:

«Это сирена, не связывайся, добром от нее не уйдешь».

А не все ли равно, ведь и с острова не уйти.

В живых только двое: Брунцвик и Балад. Все же тридцать рыцарей погибли: съели друг друга без остатка, последний подавился.

«Я пойду и съем сирену».

«Сирену можно... помялся Балад, но не есть»...

«Когда бы Неомения знала!»

— Ты выйдешь отсюда.

«Мертвый».

— Живьем.

«Но кто меня спасет?»

— Птица.

«Орел!»

— Нагуй.

«Нагуй»... улыбнулся Брунцвик: в нем еще играла жизнь с живым смешно и горько.

— Он прилетает сюда за мертвечиной и что ему под руку попадет, Нагуй зоркий, ухватит и летит прочь. Так и тебя унесет. Лучше быть не знай где и иметь надежду, чем известно и наверняка погибнуть.

«А ты?»

— Мне не впервой, я — во вторую очередь. А на свободе мы еще встретимся.

Балад взял конёвую кожу, кровавым подскребком всю ее вымазал, и зашил Брунцвика и с ним его меч крепко в мешок.

Девять дней безвыходно сидит Брунцвик в мешке. Какое надо терпенье! Или свобода, как и любовь, не знает срока!

Только на двенадцатый день прилетел Нагуй, зацепил мешок и поднялся так высоко, куда не донесло Баладово «до свиданья» и не достиг магнит.

Нагуй летит в свои пустые горы. То, что человеку три дня, ему в три минуты. Брунцвику в мешке ничего не видно, но он чувствует: прилетели. Нагуй положил мешок в гнездо между детьми: уверен: мертвое стерво будет детям за шоколад. А сам полетел обратно на магнит за Баладом.

А птицам любопытно: что за воздушный пирог принес отец, да и проголодались. И как цапанули рвать мешок, Брунцвик выскочил, а они, глупые, думают, начинка, полетели на него, съесть.

Хорошо что меч, живо Брунцвик со всеми управился, и сам всех съел без остатка.

А были эти Нагуй птицы не маленькие и силы не малой: переносят, как перышко, горный камень, и у каждой по три когтя на лапе, и таких птиц водится мало, жадные и норовистые, друг друга изъедают.

* * *

Сыт на год, а идти куда? — пустые горы. Он вышел из гнезда и пустился бежать — страх клевал его, как птицы.

Девять дней и девять ночей бежит Брунцвик. И чем дальше, тем горы выше.

«Кто на страх не дерзает, желанного не получит!» вспоминается Балад, и по каким не пустым горам его ведет судьба или пропал?

С горы спуск в долину. Счастье Брунцвика — перемена: новые живые силы. И слышит шум. Прислушался — и прямо на голоса. И видит: лев-зверь и змея-дракон култыхаются врукопашь и так остервенели — изо льва клоками шерсть летит, а у змеи глаз навыкат и слеза течет. Змея одолевает льва.

Брунцвик с мечом — подскочил к змее. А было у змеи девять голов и из каждой головы огонь.

Рубит он головы, а сам озирается: льва боится. Лев видит помощь, лег на землю передохнуть. И без помехи, шесть змеиных голов срубил Брунцвик, но силы оставили его. Тогда вскочил лев и задушил змею.

Брунцвик на земле, лев на змее.

«Теперь моя очередь», подумал Брунцвик и поднялся. И пошел. «Пронесло!» Глядь, а лев идет за ним.

«От такой находки, чего доброго, без головы останешься!» А идет, не останавливается. И лев за ним.

«Залезу на дерево и перебуду, пока не уйдет лев».

И на первый каштан сиганул. И три дня сидит. И лев под каштаном. Лев не отходит и на лапы подымался и засматривал жалостно.

И вдруг как рявкнет.

Брунцвик от неожиданности кувырком и так головой о землю треснулся, память вышибло. А лев бежать.

И не успел опомниться, лев тащит в пасти коренья и тычет в руку. Брунцвик приложил к голове. И полегчало. Подняться — поднялся, а едва ноги передвигает: и стукушка чувствительно, и голод морит.

Лев, не отставая, потянул ноздрями и пропал. И где он там бегал, а вернулся — в зубах серна. И какой оказался умный: на глазах Брунцвика оторвал от серны кусок и себе в пасть и как в печке, зажарил, подает сернятину с львиной подливкой — о таком вкусном блюде Брунцвик и мечтать не мог.

Что же после этого скажешь: враг лев или друг? Бежать от него или вместе странствовать?

Желание Брунцвика исполнилось, льва он себе добыл — но не для странствования же по пустыне. Надо дорогу искать домой.

На дороге попалось высокое дерево. Залез он на самую верхушку — далеко видно. И увидел море, а на море белой полоской остров. И он пошел к морю.

А какое море — и вширь и вдаль. Веет прохладой. Есть прохлада в лесу, насыщает и влечет к вершинам, а на море, одушевляя, влечет вдаль за собой.

Никакого корабля. И он принялся рубить деревья: из бревен сделает плот и пустит на воду.

Лев гонялся за зверем. Ждать-пождать, нету. Брунцвик стал на плот, отпихнулся и плывет — лев тащит вепря и как увидел, плывет, бросился в море, да лапами за плот, а влезть не может. Брунцвик помог, и чуть было оба и с плотом вверх тормашками не угодили на дно.

Ночью на море холодно и чтобы согреться, лев положит голову на колени Брунцвику — да такого отопления не сыщешь.

Плыли они среди черных гор и вдруг глаза им ожгло, такой был яркий блеск по пути. И когда плот поравнялся с блестящей горой, Брунцвик ударил мечом и отшиб кусок — светящийся камень скатился на плот.

«Гора Коровий кулуб», вспомнил Брунцвик из рассказов Балада, и Балада он вспомнил: где-то странствует и жив ли?

А лев помалкивает, камень в лапах зажал, нюхает и удивляется: самоцвет!

А за Коровьей горой открылся город: набережная горела в самоцветах. Дома с перебросами и перекидами — воздушные сады. Все располагало на отдых и развлечение.

Брунцвика со львом, не спрашивая, пропустили в город.

Свободно проходил он со львом улицами, засматриваясь на диковинки. Но, когда проник во дворец и увидел короля и королевскую свиту, взяла его оторопь.

Король Алем в рост — горный волот, четыре пары глаз: зеленые спереди — озимый цвет и под теменем голубой бирюзы; руки рябиновая кисть и на каждой пятерне по десять, гнутых серпами, пальцев.

А стража: одноглазые, одноногие, рогатые, двуголовые, песьи, лисьи, свиные и пестрые. Лай, урч, шум, зук, помело.

Брунцвик хотел было на попятный и стал пятиться к выходу, но король заметил его и зыкнул. И вся челядь замолкла.

«Брунцвик! сказал Алем, я знаю твое имя и имя твоего отца. Волею ты пришел или нуждою?»

«Волею», ответил Брунцвик.

«Так будем жить в дружбе. Я пропущу тебя через железные ворота в твою землю, освободи мою дочь, мою единственную Африку. Ее похитил змей и живет она у змея на острове Арапии — пустынное море, куда корабли не заходят, а живут одни змеи».

«Ты знаешь мое имя и имя моего отца, меня не пугает что говоришь о своей дочери. Обещай пропустить меня через железные ворота и я добуду тебе твою дочь».

«Даю верное слово!» сказал король.

Три дня угощают Брунцвика. Уж и в душу не лезет, а все подваливают, и все такое невиданное, какой-то мармелад финиковый, но очень вкусное. И льва не забывают, что говорить, льва окормили подсолнухами. И пришлось отложить поездку.

Брунцвик велел снарядить корабль, взял запасов на полгода, погрузил льва, и с провожатыми отплыл на остров Арапию.

Дорога без приключений, только очень пить хотелось и отпаивались лимоном, да мало действует: теплый, а льда, по тем местам, не достать ни за какие деньги. Кое-как добрались до Арапии.

Брунцвик сошел с корабля, привязал канатом к цепной тумбе и со львом направился к воротам. Тут и начались передряги.

Трое ворот, три заставы.

У первых ворот на серебряных цепях два зверя: с лица человек, туловище коня, а хвост свиничий — «манитрусы».

Они поднялись и встряхнулись и весь город содрогнулся. Не будь льва, мечом не одолеть было.

Покончив с манитрусами, идут дальше.

У вторых ворот их встречают два зверя: остророгие «кляты». Бьются кляты одним рогом, а другой на хребте лежит и когда рог ему сломишь, пустит в ход хребтовый и тут только держись, раненый беспощаден; и каковы они на земле, таковы и на воде сильны.

И опять лев, его зубы колки и пырее рога, и этих зверей посшибал Брунцвик.

Третьи ворота.

Два страшные зверя — «нимфодоры»: по шерсти медведь, зубы коня, рога копытчика, а челюсти — не одного, двух схапнет, не поморщится, нимфодоров все звери боятся.

Не без труда проскочили и эти ворота и попали в город.

Улицы украшены, не Прага, а и на Москве такого не увидишь и повсюду золото и серебро, горы навалены золотые и серебряные.

И когда Брунцвик вошел во дворец и проник в королевские палаты, его встретила Африка.

Все в ней было величественно, в во́лота отца, и поверх платья поясом до полу два змеиные хвоста: на рудом ярь.

— Кто ты и откуда пришел и как твое имя?

«Я, Брунцвик, королевич чешской земли, меня послал за тобой твой отец король Алем».

Она удивилась:

— Как ты сюда попал, разве звери спят?

«И долго будут спать».

— Так беги скорей, пока не проснулись. А отцу скажи, что я здорова.

«Быть мне живу или умереть, хорошо ли будет или худо, но без тебя я не уйду».

Она внимательно посмотрела на него.

— Правда? и поцеловала его.

Брунцвик почувствовал, как будто чем-то приторно-сладким, она помазала его по губам. «Змеиный поцелуй!» подумал он, и погладил ее.

— Я дам тебе перстень, сказала она, отвечая ему, этот перстень — сила — бесстрашный, наденешь и не будет у тебя никакого страху. Но как ты хочешь вывести меня? Посмотри, я опоясана двумя заклятыми гадовыми хвостами. Всякий день он меняет их. От темной зари до рассвета он лежит со мной — его тело скользкое и горячо. Нет, беги, плохо будет.

И ему показалось, змеиные хвосты шевелятся, и стало страшно.

— Надень перстень!

И сама она горячий и влажный надела ему на палец. И сладкий яд он почувствовал на своих губах.

— Держись! крикнула она, твой час!

И что тут поднялось — зашатался пол и все передвинулось, буря ли, свист ли, все вместе — ползло, и падало с потолка, змеясь. И сквозь слекот и шлеп угрожающие дьявольские голоса.

И показался трехглавый змей-дракон.

Брунцвик взглянул, да это тот самый! — и змей узнал его.

«По твоей милости, воскликнул он, я трехглавый, а теперь покатится твоя башка. А вот и старый знакомый! И жалом змей показал на льва, этой матрешке без гривы бегать».

И он дыхнул огнем.

Но Брунцвик не дрогнул. И выхватив меч, метко ударил и с маху две головы счистил, а лев поднялся на задние лапы и, вскоча, задушил змея.

С Африкой вернулся Брунцвик к королю Алему. У Железных ворот встретил их король. И не знай, кому больше радовались: Африке, Брунцвику, льву.

Лев чего-то подозрительно забегал вперед и все обнюхивал.

«Хотим дочь нашу Африку дать тебе в жены!» сказал король.

И, не дожидаясь согласия, благословил Брунцвика и Африку всей своей десятилапой пятерней.

А у Брунцвика одно на уме: слово короля — пропустить через Железные ворота домой. Пробовал заговаривать, да у Алема один ответ: «погости, успеется!»

Подбиралась Африка к бесстрашному перстню: «у нее будет сохраннее». Но Брунцвик запрятал его в задний карман с «видом на жительство» и сговорной грамотой.

Лев сказать не может, но чего-то беспокоится, из комнаты на двор не погонишь, все около Брунцвика и в глаза засматривает.

Ее поцелуй медовый, ее втягивающий мура́шечий подмах, но что странно: почему она никогда не снимет пояс — змеиные хвосты? И даже на ночь? Она говорит: «украшение».

«Разве тебе это мешает? Ведь и ты не расстаешься со своим мечом».

Ночью он вышел из спальни и попал не в тот чулан. Чулан оказался пустой и только в углу под тяжелой паутиной старинный меч. И не раздумывая вложил он его в свои ножны, а свой меч поставил на его место. Вернулся и лег. Думает, что бы это значило — непростой меч?

Африка проснулась.

«Какой это меч в чулане?» спросил он.

Она повернулась к нему змеиными хвостами и не отозвалась. А как увидела, что он спит, сейчас же в чулан — и заперла на двенадцать замков.

Наутро Африка говорит:

«Ты поминал со сна о мече, тебе он приснился. Я знаю, о чем ты говоришь, но тот чулан за двенадцатью замками».

— А что же это за меч?

«Меч — самосек».

— Самосек?

«Не всякому он в руки дается, надо его заслужить».

— Какой же заслугой?

«Подвигом», сказала Африка.

— Я тебя освободил от змея, почему бы мне не владеть мечом?

«Освободил меня не ты, а твой лев: льву меч ни к чему. Ты от меня не уйдешь: моя любовь — бесстрашный перстень и беспощадней меча».

И когда Брунцвик это услышал, он понял свой приговор: живым ему не вернуться. Он обнажил волшебный меч и только подумал, как на его глазах невидимая рука подняла меч на воздух — и голова Африки молча упала с плеч.

И он видит, как ее змеиный пояс распался и поползли, налитые кровью, змеи.

С мечом выскочил Брунцвик из спальни и, не помня себя, к королю.

Король уже поднялся и перед зеркалом над ним трудились его чу́лые слуги: какой-то одноногий, жерляня и дуя, красил его узловатую и растопыренную пятерню, а псоголовый, подвывая, промывал розовой водой теменной бирюзовый глаз.

«Управиться с королем и уйти!»

Это решающее единственное желание свободы подняло

волшебный меч — и огромная голова волота, не мы́кнув, бацнулась об пол.

Брунцвик видел как королевская челядь, изумясь вытянулась рогом и беспомощно воет.

Под вой вышел он из дворца: на его пальце бесстрашный перстень, в руке меч-самосек — кто его остановит?

Лев неотступно следовал за ним.

Свободно прошли они через весь город. И распахнулись Железные ворота — путь чист.

Плывите! — Плывут. Но куда? — а море безмолвно.

Издалека музыкой манит остров.

«Не попытать ли счастья? — думает Брунцвик, — спрошу путь в Прагу».

И направил корабль к берегу — что за чудеса! весь берег танцует: танец, подымаясь с земли, стаей вьется над морем.

«Остров Трипатрита, — вспоминается Брунцвику, — вечное веселье».

И когда ступил он на берег, береговые с криком подплясывая, окружили его.

«Брунцвик! Победитель! как ты сюда попал? Ты будешь танцевать с нами».

И какой-то закорютчатоно́гой схватил его за руку и крепко сжал, припаивая. Со львом было проще: ему навязали на хвост погремушку и он, дымчатым сибирским котом, закружился.

Брунцвик знает: стоит только поддаться, и ничем уж не остановишь — нога в плясе безответственна. А высвободить руку не может. Кое-как левой вытянул меч — подумал — и видит: заковырчатоногой без головы сам собой волчком вертится и все круче, отдаляясь.

«Да правда ли им так весело или этот танец победителей неутолимая скачущая жажда покоя? — подумал Брунцвик, за гриву волоча ошалелого льва к кораблю.

И они плывут — без пути.

«Эмбатанис! — лучезарный город, цвет Коровьего кулуба — карбункул!» вспоминается Брунцвику из рассказов Балада.

Они вышли на берег и ходят от дома к дому. Какое благоустройство и всюду запасы, а ни души. И во дворце трон, свечи горят, а ни короля, ни стражи. И ничего не оставалось как, пожелав невидимкам всего хорошего, вернуться на корабль.

И когда они приближались к берегу, вдруг загремели трубы и человек по человеку стали показываться, как будто вываливаясь из воздушных дул. И улицы и площади наполнились людьми. И среди них, окруженный всадниками, король Астроил, люди же его зовутся «недоры», по-русски невидимки.

«С невидимками трудно ожидать добро: пырнет и скроется и не на ком взыскать!» — подумал Брунцвик и взялся за свой верный меч.

А они его увидели.

«Брунцвик! — говорят, — беззащитный, неразумный явень, зачем ты сюда пришел?»

«Как пришел, так и уйду», сказал Брунцвик.

А они его хвать и повели к королю.

«Гордый Брунцвик, сказал Астроил, ты хочешь здесь оставаться?»

— А что ты хочешь со мной сделать?

«Мыслью и гордостью своей ты не уйдешь из наших рук. Тебя мы укротим».

И повелел король Астроил привести огненного коня и велит четырем воинам посадить Брунцвика на коня.

Брунцвик, отскочив, выхватил свой меч и тотчас головы четырех воинов упали к ногам, пылавшего огнем, коня.

Тогда набросились со всех сторон — и ни один не сдобровал: меч оказался надсильнее насилья.

По знаку Астроила вмиг все как выело, пустая площадь: Астроил, Брунцвик и лев.

«Чего ты хочешь? спросил Астроил, с нами тебе жить не путь».

«Я и не собираюсь. Укажи мне путь в мою землю!»

— Я знаю, сказал Астроил, я тебя провожу.

И на королевском корабле с королем Астроилом поплыл Брунцвик домой.

Невидимки в дорогу пели песни недоров, выкликая попутье и махали невидимыми платками.

Ветер был полезный и такой силы, не окончили ужин, как домчало до Праги.

Брунцвик со львом вышли на берег, а король Астроил, по-приятельски простившись: с Брунцвиком за руку, со львом за хвост, поднял паруса и побежал в свое королевство недоров-невидимок, в лучезарный Эмбатанис.

Как обрадовался Брунцвик, очутившись в родном городе на родной земле. Семь лет прошло, а ничего не изменилось: улицы, дома, церкви.

Он шел со своим львом — он, победитель! — и все от него шарахались.

— Что это за человек с таким зверем, что хочет сделать он с нашим городом?

А другие говорили:

«Да это укротитель львов, будет показывать представление на королевской свадьбе».

За все семь лет не было о Брунцвике: ни от него вестей, ни о нем слуху, а королеве Неомении он снился мертвым, и король Астрономус, отец Неомении, решил выдать дочь за ассирского князя Клеопу, ее верного рыцаря.

Со львом без труда пройдя через толпу — только что молодые прибыли во дворец из церкви — Брунцвик оставил льва во дворе, а сам поднялся в королевскую пировую палату.

Неомения со своим князем Клеопой — ей стыдиться нечего: в королевской короне Клеопа был выше ее на три головы.

Увидев Неомению, как обрадовался Брунцвик и загрустил — горечь, как страх, клевала его сердце и он не защищался.

Каждому, кто входил поздравить, жених подносил кубок: одним серебряный, другим золотой. Брунцвику достался золотой.

И выпив, он снял с руки перстень Неомении и положил на дно кубка. А сам вышел и со львом, сквозь толпу через мосты, направился к заставе.

Где-то сказалось в нем решающее слово: «на земле

ему нет места, а на сердце человеческое бесполезен меч и судьбы не обойдешь».

«Не обойдешь!» повторял он вздрагивающими губами и, захлебываясь, шел своей волей открыто на свою судьбу.

А Неомения, увидя на дне золотого кубка перстень, узнала — Брунцвик, значит, жив. А любовь умерла, только любопытство.

Верный рыцарь не мог не исполнить ее волю: князь Клеопа поднялся из-за стола и вышел. Его место занял король Астрономус.

Проходил человек со львом — у всех на примете. Клеопа шел по горячим следам. И у заставы нагнал человека со львом. Было к ночи, рукам виднее. Клеопа протянул руки и, не обгоняя, приглушенным голосом окликнул:

«Король Брунцвик?»

— Я, ответил, не оглядываясь, Брунцвик.

И под мечом скостившихся рук он ткнулся на землю и не вздрогнув, прижался лицом к земле под тяжестью длинного человеческого тела, покрывшего его с головой: змеиным удавом лев задушил Клеопу.

Все свалят на разбойников.

А Брунцвика не опознают. Конечно, ни бесстрашного перстня, ни меча-самосека: кто-то не поленился, успел подобрать. Брунцвик пропал. А Клеопа — вот награда за верность!

И когда их освобожденные души летели в пространстве, забирая высоты с одним незадушенным чувством, любовью, что которая любовь и которая мука неразличимы, лев без оглядки бросился в город и, расшвыривая стражу, вскочил в королевскую пировую палату и улегся у ног Неомении. И тридцать дней ни на шаг не отходил от Неомении. Надоел порядочно, да и все его боятся. А гнать не велено.

А как лев протянул лапы и все с облегчением вздохнули, взялись за шкуру — чучелу делать. Подпороли у горла, а из шкуры лезет — вот никому не догадаться! — ни львиная душа, ни утроба, а старый рыцарь Балад: «Здравствуйте!»

Неомения, взглянув на такое пареное чучело, расхоталась. И своим детским простым смехом пробудила Брунцвика.

«Что мне приснилось, Неомения!»

«Мне тоже снилось, но я не верю в сны или понимай все наоборот».

ПРИМЕЧАНИЕ

Для каждого отдельного человека сновидение не обязательно, можно за всю жизнь не увидеть ни одного сна. А история человека без сновидений немыслима. Источник мифов или того, что называется «откровением» — сновидение. Погаснет память, сотрутся воспоминания и наступит конец человечества: жить больше нечем! Кто-то скажет, и это будет не человек: «жил на земле человек!» Или ничего не скажет: сновидения не-человека и его образ мыслей — тайна; вздрагивая брюхом, как собака, которой что-то снится, проворчит — и только.

Сновидение проникает сказку («Клад» в «Докуке и Балагурье», народная, и у Гоголя в «Пропавшей грамоте»), — сновидение в чуде («Чудо о Димитрии» — «Три серпа»), сновидение в легенде «Брунцвик».

«История о славном короле Брунцвике и о великом его разуме, как он ходил во отоцех морских с великим зверем львом и о прекрасной королеве Неомении» — сложилась в Германии в XIII веке, приурочена к Праге и приплетена к чешскому гербу: орел и лев (Штильфрид и Брунцвик). Первое издание в 1565 году. С этого издания в XVII веке сделан русский перевод. Брунцвик, как и Мелюзина, входят в русский круг любопытных к чудесному.

Старый рыцарь Балад, воспитатель Брунцвика — Балад — Гуверналь Тристана, Синибалд Бовы королевича, Очкило царя Соломона — рассказывает Брунцвику о подвигах его отца Штильфрида, «Как мы с ним добыли чудесного Орла». «А я добуду Льва!» Брунцвик только и мечтает сделать что-нибудь такое, как его отец.

Балад рассказывает не только о виденном «собственными глазами», а и читанное: Балад знает Александрию — деяния Александра Двурогого, Индию Пресвитера Иоанна — попа-царя, Откровение Мефодия Патарского, Косму Индикоплова.

В Праге какие львы! А пугливый Брунцвик и на улицу редко выходил, все в комнатах. И ему снится море — птица Ног (Нагуй) — Балад превращается во льва — лев служит ему.

Любопытно о природе сирен: все что хочешь, но есть нельзя: получается вроде котлет, если в фарш перелить воду, бросить катышок на сковороду, вспузырится, а ни на вилку и ложкой не подцепить — жалкий, расползшийся фьюк.

Текст повести и исследование М. Петровского в Памятниках древней Письменности, LXXV, 1888 год.

Брунцвика читала Московская Русь XVII в. и Петровская Россия XVIII века — читали не по-нашему, глухо и немо пробегая глазами, читали всем ртом: и брови ходят и уши в работе. И в XIX-м нашелся любитель — верный глаз! — переделал Брунцвика в сказку: сказка «о Игнатье царевиче и Суворе невидимке-мужичке». Сборник «Лекарство от задумчивости и бессонницы».

1949—1950

Тристан и Исольда

Бова королевич

ТРИСТАН И ИСОЛЬДА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все красное — прекрасно,
все новое — бело,
все, что лежит повыше — желанно,
все привычное — горько,
все недоступное — превосходно,
все известное — презренно.

Эти истины и мои неправдашние сны — пути моей мысли, когда я задумал по старым сказкам сложить свою о разлученной в жизни неразлучной любви.

Читаю старинные тексты XII в.: французский, итальянский и русский (XVI в.) из книги Веселовского: Из истории романа и повести. СПб. 1888, вып. 2. И конечно современный текст гимнографа (сладкопевца) Бедье. Но душой моих домыслов о Тристане и Исольде будут Ирландские повести (саги), Academia, 1920. Перевод и примечания А. А. Смирнова.

Я и огамом научился писать — кельтское начертание букв — бровки и реснички по ребрам вертикальной (V в. до н. э.).

После философской прорезающей музыки Рихарда Вагнера, какая еще музыка, не перекричишь. Но раз взялся за дуду, дуди и не обращай внимания. Тени Тристана и Исольды сами выговорятся музыкой, не зря же я их вызвал мучить мою немирную душу.

«Неразлучные до жизни — разлучены в жизни — неразлучны в смерти», говорят Друиды: они знают о бывшем и про будущее. Или для утешения выдумано это «неразлучны», надо же как-то осмыслить судьбу Тристана и Исольды, оправдать неутешное мировой «бессмыслицы»

и «безобразия» — музыкальным. Порядок, тишь-и-благодать беззвучны. Моя музыка — безответное, ни за что, ни зачем, мое мучительное терпение.

20-III-1953.
Париж.

ЕЛИАБЕЛЛА

Было так, судьба: не дано ему видеть отца, а мать — хранит в своем печальном имени Тристан.

Об отце со слов своего воспитателя Говерналя. О матери от него же. Много знать печаль, Тристан очень много узнает. Мудрый наставник Говерналь выдумывал по-своему и «привирал», как скажут о нем Беруль и Тома, они хранят древнюю кельтскую легенду с подкраской французским двенадцатым веком.

О любви — тут он прошел все углы моря — было ему за любовь, и любимое: феи, чары, ведуны, ирландские повести и учитель Мерлин. Первый навык Тристана направить себе руку не «огамом» кельтской по дереву резьбой, а по-нашему, пропись:

«Что более воды? — Ветер.
Что больше ветра? — Гора.
Что более горы? — Человек.
Что больше человека? — Хмель.
Что лютее хмеля? — Сон.
Что крепче сна? — Любовь».

Смолоду им повелевало одно желание, или ему убить или пусть его убьют, — отчаянная голова и пропадное сердце. Но когда он увидел ее — он вошел незаметно, были сумерки и никого — она читала и свет от ее лица освещал ей книгу: Елиабелла-Белоснежка! — он забыл все на свете: восторг осветил его душу, одна и нераздельно, это единственное имя Елиабелла, она вошла в его мысли, подмысли и в самое поддонное — прамысли.

Говерналь рыцарь королевы Елиабеллы.

* * *

Их было три брата — Мелеад в Елинасе, Марк и младший Перль в Корнуале.

Как-то осенью в хороший день взял Марк с собой Перля в горы. Перлю захотелось пить, а проезжали горный поток. Не слезая с коня, Перль нагнулся и упал головой о камень — потом говорили: Марк кулаком в загривок напоил любимого брата. Без Перля один вернулся Марк домой в замок Тантажиль.

С Перлем покончено, очередь за старшим Мелеадом.

Королева Елиабелла ходила на последнем месяце, ждала первенца и очень беспокоилась: недоброе предсказывали ей ведуны. Мелеад ни на шаг из дому, боялся; тоже скучал. Елиабелла сама уговорила его развлечься.

Мелеад поехал на охоту в лес Моруа, ближайший от замка. В полдень охотники задумали передохнуть, как раз холм, удобно расположиться. Было знойно, море отливало металлом и черные шапки слепили глаза. И видят, из дубравы вышла, совсем ребенок, закутана в листья, а глаза поляника, косоглазка, и прямо к Мелеаду.

— Хочешь, говорит, покажу какие — мой дом, мои владения? и ударила веткой по ноге.

Мелеад, оторопя, спрыгнул с коня.

Она подошла совсем близко, ореховый кулачок ее цепко вдавился в его руку. И они пошли, неразрывно. Пройдя несколько шагов, Мелеад обернулся: «Я сейчас!» Деревья затолкались и как не бывало.

И никто не осмелился следовать за королем. Сошли с коней. Расположились в тени на холму, вынули запасы, пили и ели, кто спит, кто клюет носом: ждут. А и вечер: пора бы. Ночью разбрелись по лесу. Лунный фонарь. Но никаких следов не заметно. Глушь, пропалые окнища, болото. Вернее не кликать — что еще откликнется: страшно. Ни с чем вернулись. Рассветает. Да скорее домой.

Дома темная весть: пропал Мелеад — увела лесная фея косоглазка.

Елиабелла выбежала из дому и на дорогу — лес Моруа. Близко от холма из дубравы вышел навстречу: на его плечах одежда тень и весь он держится на скрепе, вот подымется на воздух и без крыльев улетит. Елиабеллу трудно было узнать, но он назвал ее королева.

— Мелеад жив, сказал он, и весел, как никогда еще.

Она с надеждой — —

— Нет, этими глазами ты его не можешь видеть.

Мерлин исчез.

Ночь Елиабелла убивалась, клича. Какие голоса звучали в ее разлучной — звери в тоске шарахались, а глаза ее замученные увидеть видели лишь свое горе. Руки подымала она к звездам — вернуть ей. Звезды спускали ей свои поводья, но изменить свое течение они не могут. Руки ее судорожно натянули поводья и она упала навзничь лицом к звездам. С болью погасают звезды.

Светает. Печальный час. Туманы, — каркас ночи, — валясь и подымаясь, таяли.

Глаза ее резко переменились. И она видит: над ней склонилась в зеленом плаще, в ее руках — или это горсть розовой зари? и поняла: это ее дитя. И с ее последним вздохом из печали прозвучало имя: Тристан.

И она увидела не этими глазами, сквозь зарю лес, в лесу мокреть, под папоротниками Мелеад: его руки и его ноги притрушены листьями и ворох листьев на его груди, из листьев ореховые кулачки слепые шарят, рот его забит травой, или это кровь зеленая в заре? Она хотела окликнуть и поманить, но ее голос и ее руки остались на земле. И загребая в крылья туман, она плывет — печаль ее не печальная и труд ее нетрудный — беспредельно и бесконечно.

Фея Син, ей запретить ничего нельзя, ее узнали по ее зеленому плащу, принесла Тристана в дом, а Елиабеллу люди принесли.

Рассказывали, будто когда родился Тристан, у холма появились два рыцаря и хотели убить и похитить Тристана. Но когда, соскочив с коней, они приблизились к Тристану, Мерлин остановил их — пламя выскользнуло из его рта, острясь мечом. Перепуганные рыцари отступили и повинились: они из Корнуаля и не по своей воле, велено им от короля Марка.

Елианос остался без короля и королевы. Тристана увезли в Корнуаль к королю Марку.

Время сотрет имена: сегодня громко, а завтра не слыхали.

И дочь короля Андремо и Фелицы, сестры короля Артура, Белоснежка-Елиабелла, кто о ней вспомянет?

Не вспоминали о короле Мелеаде, забыли и королеву Елиабеллу, и только ее верный рыцарь сохранит Тристану образ его матери в нежеланный час ненужной разлуки:

Над твоими трудными бровями
над печалями неутоленных глаз
сияет месяц.
В руках поводья нахмуренных звезд,
Обод солнца — дуга.
И гулкие кони — черные вихри —
алчная ночь! — мчат по серебру дороги.

СИДОНИЯ

В Тантажиле в замке короля Марка начинает Тристан свою печальную повесть — славную по предсказанию Мерлина.

Марк объезжал свои владения, с ним был Говерналь. Миновав реку Брыкиню, остановились у источника Драгон. Тут появился Мерлин и обратил внимание на высокий камень с нарезанными именами.

— Три первых рыцаря, читал Мерлин, Гелиот, Ланселот, Тристан, и добавил: первый из них Тристан.

И когда потом, вспоминая встречу с Мерлином, Марк припомнил Говерналю слова Мерлина о Тристане, карлик Мядпауп тоненький — восковая свечка, алый колпачок, поклевывая воздух, выпискнул на ухо Марку:

— От Тристана беда, ты погибнешь.

Жена Марка Сидония, она из Нанта, дочь короля Малой Земли Гуе. У них сын Перль — по имени погибшего любимого брата Марка.

Тристан и Перль растут вместе. Они и спали в одной детской: к окну кровать Тристана, а за ней к двери Перля.

Нянька Петунья тоже не здешняя, бретонка, из Нанта, обоих детей любила, а Тристана еще и жалела: «без матери» его глаза изнывали печалью.

«Подойдешь к нему курточку оправить, он взглянет и улыбнется, на сердце захолонет: без матери!»

Призывали ворожейку: с чего-то куры не несутся? Ворожейка ошептала курятник.

Сидония следила — в Нанте у них не так ворожат: любопытно. Прибежали дети, а им уж как! Ворожея и детей, как кур, оглядела. И шепчет Сидонии, скосясь на Тристана:

«Твоего погубит!»

Слова капнули ядом и отравили мать: Тристан погубит Перля. Нянька не раз говорила Сидонии о Тристане: спит беспокойно.

К ночи как детей уложили спать, вошла в детскую Сидония: в ее руках серебряная фляжка.

— Покличет, сказала она, показывая на Тристана, няня попить, ты ему дай, и она подала Петунье серебряную фляжку, плакать не будет, заснет крепко! — и повесила сонную фляжку на кровать к ногам Тристана.

Среди ночи нянька вскочила от крика: кричал не Тристан, а Перль, спокойный всегда. Нянька вспомнила о серебряной фляжке и полную чарку Перлю. Перль отхлебнул, облизнулся вкусно, и затих. Она б и Тристану дала испить — вкусно! да спит крепко.

В неурочный час спозаранку в детскую вошла Сидония — судя по ее одежде, она, не раздеваясь, провела ночь. Она нетерпеливо оглянула комнату и сразу заметила: ее серебряная фляжка на столе у кровати няньки, а не над кроватью Тристана, стало быть побывала в руках. И метнулась к Тристану — Тристан проснулся и смотрит сквозь печаль, не соображая, зачем так рано? На шорох поднялась нянька. А Сидония к Перлю — и лицо ее вдруг почернело. Перль лежал не шевелясь, будто туго спеленутый или в гипсе и две тонкие запекшиеся жилки из углов рта резали ему подбородок.

Вопль разбудил и поднял весь дом: в доме несчастье — в Корнуале траур: помер королевич.

Почему-то ни ведунов, ни ворожеев не позвали — или никакой ворожбой не оживить выброшенное за забор жизни или ворожба могла ответить почему: Перль был здоровый мальчик.

В тот же день няньку Петунью прогнали со двора — не доглядела.

Тристан ни о чем не догадывался — а зачем-то смерть во второй обошла его? — Тристана удивило лицо смерти: срезанный подбородок. Печальная осень. Палый сад. Стена рябины.

В комнатах не сидится, он выбежал в сад и прямо к забору: Цетунья вернется! ему все кажется, нянька перелезет через забор. А за забором в щёлку: на сырой земле колья и прутья. Нет, не вернется! От забора он идет к пруду, смотрит в темную воду — зеркало вчера: нянька, одетая в дорогу, за спиной тяжелый мешок — добро, что успела — торопят — и чтобы скорей с глаз долой! Она вышла из детской — он притаился в коридоре, в комнату его не пустили, и вдруг печаль его глаз зачерпнула живую боль — это жало человеческой доли разлука тонкими острыми жилками прорезала душу и горячие слезы обожгли.

«Да как же это так, не мирясь все переламывается в нем, не вернется?»

Печальная осень. Палый сад. Стена рябины.

Долго стоит у забора к щёлке — колья и прутья. Выброшенное за забор жизни ни чарами, ни ворожбой не оживить — не вернется! И Перль не выйдет из-под земли играть с ним. Он поднял с земли суковатую палку и пошел по подсолнухам, сшибая тяжелые погнутые головы — последнее солнце. И под хлест ударов он подымался над землей, в глазах зеленело — разодрать себе рот, одеревенеть и ослепнуть!

* * *

В доме с полдня зажигали свет, а вечерами по-праздничному горела люстра.

Птицей-пугалом — в столбняке Сидония и вдруг взмахнет руками и крутя пойдет.

Марк ни слова.

Оба Перля погибли: брат — горе, а горше — сын.

Нахмуренный: потерять сына. Прогнали няньку: не доглядела, да и хороша мать без глаза на няньку — все можно свалить на другого.

Самая теплая комната в доме — у Марка. Посмотрите, что делается на воле — и самые крепкие стены просвищены вихрем. Тристан устроился на диване: книга с картинками: «Король Артур и его рыцари Круглого Стола». Карлика Мядпаупа не было в комнате или спрятался от бури под диван. Марк его покликал, — пить! — не отвечает. И тогда Тристан, оторвавшись от книги, побежал за вином.

Когда ждешь, всегда долго. А тут не пришлось, Тристан вернулся: такая быстрота очень просто: далеко не беги, а хватай: в руках серебряная фляжка со стола у Сидонии.

Карлик Мядпауп вылез из-под дивана, взглянув на фляжку, рукой зазонтил себе глаза: такой резкий серебряный блеск!

Тристан подал чарку.

Но судьба отклонила свою руку: неожиданно появившаяся Сидония выхватила фляжку из рук Марка.

О яде она открылась, но ни откуда и зачем, она молчит.

— Таких жечь на костре мало! крикнул Марк, взбешенный упорством Сидонии.

Сидония вдруг черная, как в то памятное утро, вышла. И больше не показывалась, как вовсе не было, хотя тайно она-то и была все для Марка.

В его мысли вселились подозрения. Он вдруг вспомнил, говорили про какую-то серебряную фляжку, дала няньке Сидония. И теперь сказалось: Сидония отравила сына. Но этого мало: она отравит и его. Зачем?

Карлик Мядпауп прицепил себе серебряный лоскут к подбородку, подбородок вымазал краской — кровь сквозь серебро, и собачонкой мягко обходил углы, лакал воздух и нюхал.

— Яд особенно пахнет: приторно и щекотно, такая природа, ответил карлик, когда Марк окрикнул: зачем?

«Такая природа, Марк продолжал свою мысль о яде, и конечно, она не одна, а об руку: кто-то ее снабдил ядом — заговор!»

«Заговор» разрешил все сомнения Марка. Принять меры предосторожности и оградиться от опасности его единственная забота — столб сузившегося круга мыслей и чувств.

Все проверялось: базар, вино и украшения и всякого, кто входил в дом, обыскивали. В доме появились чужие — наблюдает Тристан — о чем-то шептались и все с оглядкой.

Черные дни — бессонная ночь. Из углов страх, за дверью притаилось, в окнах грозит. Ветер воет. Музыка без лада из-под корней живого, и живых семян, утробный вопль и колыбельная. И сквозь из стен выворачивающий душу вой: Сидония не показывалась на глаза, но по ее вою все знали, что она тут.

Тристану велено было сидеть в детской, а вот неожиданно он вошел к Марку.

— Ты не добрый рыцарь! сказал Тристан, строго глядя сквозь свою печаль.

— Что?

И в ответ, заглушая вой моря и горе человека, прозвучало — не детский голос жгучий:

— Таких на костре огнем жечь мало!

Как бык поворачивает головой, его до боли выпученные глаза ищут — Марк искал запустить, и ничего не найдя, взглянул перед собой — рассечь пополам. Но не Тристан, стоял тонкой свечкой карлик и алый огонек кольнул в глаза.

На другой день Марк отослал Сидонию со всем ее добром в Нант к отцу, королю Малой Земли, к Гую.

Говерналь посоветовал Марку отправить Тристана во Францию к королю Парамонду в рыцарскую науку.

О КОРОЛЕ КЛЕВДАСЕ

Король Клевдас и королева Клотильда и их дети: сын Клодомир, дочь Кресиль.

Король и королева славились великой добротой, и подданные их не умирали, а незаметно в свой срок уходили под себя, оставляя теплый пепел.

Был у короля друг: сосед Аполлон, по доброте в Клевдаса. Без Аполлона никаких дел не делалось и праздники не справлялись. Жена Аполлона Глорианда добрая в Клотильду и сын Киндиес, ровесник Клодомиру.

У Аполлона случилось несчастье: его любимый повар Амос сбежал с любимой горничной Глорианды Аннушкой.

Первыми подняли тревогу Варвара, жена Амоса и конюх Алексей, муж Аннушки. И немедля бросились в погоню за беглецами. Строго было наказано изловить повара и поставить на стряпную: без Амоса — еда не в еду, его имя гласно: Амос-утешение — и стол не состолуется и кусок в рот не полезет. Да нечего было из сил выбиваться и голову ломать, к обеду настигли: любовь предусмотрительна, но не умна — сидят в канаве в обнимку, а белый поваров колпак из канавы сигнализирует. Аннушку зацапали, а Амос вырвался — стреканул с канавы в лес, только и видели его колпак, да и колпак сгинул.

Дело опасное: настигнуты с поличным — прелюбодеяние.

Аполлон пробовал замять: любовь огонек, приманит. Амос не лягушка по болоту скакать. Тоже говорил и король Клевдас и королева Клотильда, жалея, повторяла: «любовь все покрывает».

Вздыбилась Глорианда: она настаивала наказать беспощадно — по старому французскому закону сжечь прелюбодейку.

И уж как просил Алексей конюх: повар сгиб, жена перебесится и по-прежнему станет в стойло. Просила и Варвара: любовь заманка и капкан, — Амос с крючка не отцепится, вернется. Ну, погулял, придет в разум.

— Нет!

Глорианда как стала и не сдвинулась.

Злое сердце? — Нет. Откуда же это ожесточение и непреклонная жестокость?

На площади сруб.

В смертном, доска на груди — по черному мелом: «прелюбодейка» — она стояла лицом на всенародный позор.

«Не поминайте лихом!» — «Нас прости».

Ее подсадили в сруб на костер. Занялись дрова. И пламя красным окрасило мел — и Аннушка, прощай!

На другой день пропал Аполлон.

После обеда, отдохнув, пошел он в лес поразмяться: «соберу грибов к ужину». К ужину ждут, нету.

Поздно вечером на башню к Глорианде поднялся Кло́домир. И объявил: Аполлон не вернется.

— И искать нечего. Пропал.

Она все поняла — эта весть ей огонь — обожженная, вздрогнула. А он повторял вчерашнее, как всякий раз украдкой глаза в глаза: «люблю».

— Все мои мысли, мое сердце и душа!

Какая же еще стена? Он, только о нем ее мысли, им опеленуто сердце и душа ее нераздельна с его душой?

Чего же еще совеститься? Перед каким законом?

Она свободна.

И она поднялась навстречу — ее руки пылали.

И вдруг спохватилась: окно! надо закрыть окно. И быстро подошла к окну. Протянула руку к створам.

А навстречу ей ночь. Колыхая, обняла ее за шею и за окном опустила на землю.

Наутро обнаружили: Глорианда выбросилась из окна — с пятого на камни.

Решили: от отчаяния. А что человек может задохнуться от счастья, кому о таком задуматься?

Король Клевдас безутешен: потерять друга то же, что ослепнуть — барахтаться вничью — другим на смех и оскал, себе на горе. И все поиски бесполезны. Пропадать в лесу не впервой: заманит лесная фея — не выдраться, случай с королем Мелеадом, отцом Тристана. Так и успокоились — Аполлон сгинул без возврата.

Не поддался верный Хорт ловчий Аполлона. Хорт немало на своем веку встречал фей — и лесных, и полевых, и с болота — знает их повадки и обращение.

Я понимаю, Клодомир, но какая нужда фее в Аполлоне? Человек рассудительный и безо всякого воображения. Хорт был убежден, не фея, а дело рук человеческих.

Хорт, бродя по лесу, наткнулся в кустах — опрокинутое лукошко, на дне прилипли лисички, а от кустов примятый след. Он по следу — и все ясней ему: след говорит, убитого тащили за ногу — сапог, как борона, всковыкивал землю. И выбрался к Луаре. Так и есть: к берегу прибило мертвое тело. Выгреб на берег — одна нога в сапоге, другая — из чулка колючек — Аполлон! Как живой, мало в чем изменился: на виске набивка — блестящий косолапый рак пятится по вздувшейся багровой щеке.

Хорт по старому следу, ухватя за ногу приволок его в лес и у куста, где лукошко валялось — примета, вырыл яму, столкнул труп в яму, притрушил хворостом, а сам около на кочку присел: жалко ему Аполлона — хороший был человек, веселый!

Проходил мимо Клевдас: скучно, шагай в одиночку и смех и горе. Ступит шаг и остановится, ничего не радует. И слышит: воет. Прислушался: нет, не собака, а вроде по-собачьи. Пошел на вой и видит: сидит на кочке Хорт, плачет. Хорт показал ему на лукошко Аполлона, потом на самого Аполлона.

— Не фея, стало быть, а человек распорядился!

Но кто убил Аполлона? — Да только свой, о разбойниках не слышно, да и какая корысть? — вышел в лес по грибы, в кармане ключ.

И на другой день все читали: извещал король об убийстве Аполлона. Грозная концовка предостерегала:

«Кто знает убийцу, а не скажет, тому колом кара».

Садиться на кол — удовольствие на любителя, и из предосторожности — мало ли другой и не по злобе, а сдуру чего на тебя скажет или перевернет слово в нежелательном смысле — пошли шататься к королю со своим «не я и ничего не знаю, а если про меня кто скажет (перечень соседей) все неправда».

И надоели, что макароны. Убийство Аполлона оставалось тайна. Король не велел пускать добровольцев и попенял себя, что пугнул колом и застращал не в меру.

* * *

В те времена, когда в русских полуночных лесах зверю было непролазно, и редко встретишь человека, а реки текут без мели, сливаясь, а на полдне степи в море катили волной ковыля, гудя, на Западной Земле шла потасовка, наскакивали соседи друг на друга не по вражде, враждуют потом, а из молодечества: становись, кто кого!

Но и Запад и Восток — мир один: мир был прозрачней, воздух чист, свет яркий и взвучен, сказку не отличить от были и всегдашнее от необыкновенного, концы уходили в начала, верхушки в корень.

В городах на улице можно было встретить странных с далекими глазами, опоясанных мечом — образ сохранен Сервантесом — странствующие рыцари, по-русски «езжалые», они появились неизвестно откуда — «в поисках фортуны».

Подобно всем этим «езжалым» Дон-Кихотам появлялись на улицах непохожие, странно одетые, растерянные или в одну точку спруженные — их называли «дамуазель».

Рыцари в поисках фортуны, дамуазель — каждая посвоему неожиданный вопрос, несообразное поручение. Рыцарей от людей не отличишь, а в дамуазелях было что-то и нечеловеческое. Были среди них конечно люди, и были, что нетрудно было сказать: феи.

И таким всюду был доступ и никаких преград, караул не окликнет, двери сами распахнутся.

Вихрем вошла она в дом к королю. Клевдас сразу понял, кто она и почему ее пустили.

Не дожидаясь зачем, она объявила: готова все рассказать, если король исполнит ее просьбу.

Король согласен.

— Обещай исполнить все, о чем я попрошу.

— Клянусь, сказал Клевдас, говори.

— Аполлона убил твой сын.

Клевдас под обухом: невероятно!

И она повторила: ее голос идет сквозь, похоже говорит не она, а кто-то за ее спиной.

— Аполлона убил твой сын.

Клевдас очнулся.

— Клодомир?

И она по-другому, из себя настойчиво и непреклонно:

— Ты отдай его мне.

— Хорошо, — я отдам, но не живого.

И велел позвать Клодомира.

Клодомир пришел.

Увидя с отцом постороннюю, поклонился, и та ответила ему раскрытым взглядом, как знакомому.

Клодомир смутился.

— Ты убил Аполлона? — спросил Клевдас.

Клодомир молчит.

— Ты убил моего друга.

— Я убил Аполлона, ответил Клодомир.

— Зачем?

— Освободить Глорианду.

— Освободить?

— От костра.

— Так ты б ее убил! с гневом прервал Клевдас.

— Я об этом думал. Но когда убедился, она любит меня, как я люблю ее, я убил твоего доброго друга.

— Костер! крикнул Клевдас.

— Теперь мне все равно, покорно ответил Клодомир.

— Так беги, вырвалось у отца, но прозвучало: «так посиди».

И это было понято: тюрьма.

И его повели: убийца Аполлона. И она следовала за ним.

Восторг озарял ее щебечущие глаза, что они говорили, нам не понять, свет бежал перед ней, струясь.

В день казни Клодомира на площади, где сжигали убийц и прелюбодеев, она стояла перед костром, зарея сквозь зарево огня.

И все видели, как с последним пламенным вздохом пепла, она обернулась в огненную птицу, поднялась над погасшим костром и улетела. И тогда все поняли, что это была фея — немирная фея Мака.

* * *

На место Клодомира взял Клевдас себе за сына Киндиеса, сына Аполлона. Не откладывая, сыграли свадьбу: Кресиль, дочь Клевдаса вышла замуж за Киндиеса, сына Аполлона. Так округлилось горе и радость.

Свадебным подарком молодым от короля Клевдаса — всем памятно — была отмена старого закона о прелюбодеянии: любовь не виновата и жечь костром за любовь негодно.

Вернулся из бегов повар Амос: никого из хозяев в живых, перешел на службу к королю.

На свадьбе только и говорили что о невинной любви — новом законе — и о бесстыжем поваре: заткнул гостям нос какой-то ореховой повидлой с наваром из мелких дуль — добрый знак для молодых.

У королевы Крезиль было тринадцать сыновей. Старший, любимый внук Клевдаса, Парамонд, остался жить в легендарной истории: первый французский король.

БЕЛИНДА

Во Франции у короля Парамонда годы учения Тристана, Говерналь француз, ему и книги в руки — самая широкая программа: по-нашему Сорбонна, Филармония, Военное Училище.

Тристан живет во дворце Парамонда. Встреча с рыцарями на турнирах и на приемах у короля. Ученые и музыканты за ум, искусство и ловкость гордились своим иностранным учеником. Корнуальский принц у всех на виду, окружен восхищением, любимец короля Парамонда. Об руку с Тристаном идет Айлиль, племянник короля, такой же задумчивый и во всем успешный.

Из рыцарей, гости Парамонда, обращал на себя внимание ирландский великан, черный густой голос. Аморольт — Мориспольто, что означало, рассекает море. Этот

рыцарь смотрел свысока и по росту и сознавая, не найти ему равного себе ни на земле, ни на море.

Тристан вызвал Аморольта на поединок — Аморольт не принял вызов.

— И хорошо сделал, сказал карлик Роккетто, а не избежать: от Тристана тебе будет смерть.

Аморольт смеясь — какие страшные у великана зубы — поднял карлика в воздух и крутя — на память! — а карлик укусил его за палец — на память! — брезгливо шваркнул о пол.

Это было на людях и все заметили: великан принял шутку к сердцу.

Аморольт, не взглянув на Тристана, вышел.

— Эти шутки могут кончиться плохо! — говорили, не поймешь, о Тристане или о карлике, но все сочувствовали и карлику и Тристану.

Еще один рыцарь — все на него пялили глаза: черный щит и два меча, одним двух долбанул оттого, сарацин Паламед.

Этот черный рыцарь снисходительно и добродушно смотрел на молодых и из всех отличал Тристана. И Тристану он понравился и не приходило мысли, что когда-нибудь станет ему поперек дороги.

Аморольт и Паламед диковинки — рыцарям праздник.

Рыцарь Бербес — рыцарь королевны Белинды. У Тристана всегда на глазах: озабоченный и настороже, Тристан бельмо — ни для кого не тайна, кто в мыслях Белинды.

Белинда и Эмер неразлучны. Их не мог не заметить свысока Аморольт и сразу Паламед. На турнирах подруги опоясывали рыцарей и награждали победителей розой и стихами.

Тристан встречался на людях с Белиндой, эти встречи случались как-то само собой — дороги скрещивались — он чувствовал, она зовет его — из ее глаз тянулись к нему руки, и как горяча была ее рука, но ответных слов он в себе не различал, и если выбирать, он назвал бы Эмер.

Говерналь не раз передавал записки от Белинды: она просила о свидании. Но каждый раз Тристан уклонялся.

Говерналь, вспоминая свои любовные рыцарские подвиги, уверен, что это можно и ни к чему не обязывает.

Тристан не поддался.

Казалось бы записками дело и кончится, а оказалось, с этого начинается — Говерналю непредвиденно, а Тристану — прямо по башке.

Про Эмер говорят: семь зрачков или в ее глазах семь драконовых камней: в правом четыре и три в левом — сверкающая Эмер! Ирландка, она знала много всяких приворотов или, как в старину у кельтов, «гейсс», приворот наверняка.

— Научи, как это делается? спросила Белинда.

— Очень просто: ты его подкарауль и, врасплох ухватя за уши, скажи: «позор на твои уши, проклятие на голову, если меня не возьмешь!»

— И это все? — усумнилась Белинда; она ждала услыхать: лунная ночь или глубокая полночь и как у Гоголя кого-нибудь зарезать, да она готова и зарезать.

— Испытанный гейсс, — сказала Эмер, в древней повести о короле Конхобаре этим гейсс Дейрдре приворожила Найси.

— И что же дальше?

— Найси убили, а Дейрдре Конхобар решил выдать замуж, кого она назовет самым отвратительным, и в день свадьбы она ударилась головой о скалу и раскроила себе череп.

— Стало быть она любила Найси?

— Еще бы! Так я люблю моего Айли.

Накануне, как потом вспоминали, Тристан был особенно печален: его глаза заливала печаль.

— Как ты похож на свою мать! заметил Говерналь, любуясь.

— Что ты такой? — остановил Айлиль, — что-то случилось?

— Нет еще, ответил Тристан, со мной такое бывает: все, что во мне вдруг вижу перед собой, я оплетен и эта сеть звучит, и от этой музыки... он не договорил, а ему хотелось скрыться — пропасть.

И это чувство, похоже на вдохновение, было предчувствием завтрашнего дня.

Рано утром Тристан проходил коридором мимо комнаты Белинды и шел осторожно: шагами не разбудить. Вдруг дверь распахнулась и с поднятыми руками Белинда бросилась на него, стараясь схватить его за уши. От неожиданности Тристан резко оттолкнул ее — и она вскрикнула:

ярость и отчаяние вырвались в этом крике, заглушив все приготовленные слова приворота.

Пустой коридор затолкался народом — сбегались как на пожар. Белинда кричала, слов не поймешь, ворот сорочки разорван.

И около нее Тристан.

Нечего и спрашивать.

И сейчас же его схватили и с бранью повели в тюрьму — коноводил Бербес.

В тот же день попал в тюрьму Айлиль. Его никто не схватывал, как говорили о Тристане, а сам пришел в комиссариат и объявил об убийстве Эмер. У Тристана отобрали меч, а Айлиль без всякого оружья: Эмер нашли — задушена.

Король Парамонд был в глубокой печали: Айлилю и Тристану грозила казнь.

Говерналь в отчаянии: его защита Тристана вызывала насмешки, грозили и с ним расправиться: «учитель!».

Тристан на допросах молчал. И разве он мог говорить о Белинде? А его молчание было принято за признание. И его оставили: дело решенное: обвиняется в покушении на изнасилование дочери короля — смертная казнь.

Айлиль, признавая себя виновным в убийстве Эмер и говоря о своей любви к ней, молчит на вопросы, как могло такое случиться?

А было так: любовь исключает веру и при своей «неверной» природе доверчива. Недоверчивая Эмер — ее прием испытания: она поддразнивала, а доверчивый Айлиль принимал за правду все вымышленные рассказы. В поддразнивании есть что-то оскорбительное. И не из ревности, а из чувства унижения Айлиль воспаленными руками задул огонь семи драконовых камней.

Последнее пожелание Айлиля будет смерть, но суд и без его слов приговорил к смерти.

Обоих смертников Тристана и Айлиль развели по камерам ждать решение короля.

Парамонд вызвал к себе Белинду.

Белинда пришла.

— Ты знаешь участь твоего брата и Тристана? спросил Парамонд.

— Знаю.

— Одного из них я помилую: ты решай! — и он подал ей меч, — отомстить за обиду.

Белинда взяла меч.

— Нет, сказала она, без Тристана мне не жизнь.

— Ступай и объяви.

Белинду провели в тюрьму.

Она не зашла к Айлилю проститься, и прямо в камеру к Тристану.

Она долго смотрела в его глаза — искала ли в них ответ или прощалась? — и захлебнув его печаль, подала ему меч.

— Ты свободен.

И в тот день, когда на площади всенародно палач отрубил голову Айлилю, Тристан покинул Францию. И зарево печали заполыхало в его глазах.

А его мудрый спутник Говерналь чувствовал себя верх счастья: так все благополучно окончилось! И был доволен: годы у Парамонда не пустые — в науках и искусстве Тристану не было ровни, а приключение только к славе рыцарю.

И всю дорогу Говерналь будет рассказывать, вспоминая свои приключения, их было на тоненькую книжку, а больше читанные из рыцарских романов.

Недалеко от границы, как переправляться в Корнуаль, их догнал рыцарь Бербес. Письмо от Белинды: она просит Тристана вернуть ей меч.

Тристан передал меч Бербесу, память о своей свободе.

Так меч Тристана попал в руки Белинды. Меч был еще теплый теплотой Тристана. Она поцеловала меч и, отклонясь, ударила себя в грудь.

РАССЕКАЮЩИЙ МОРЕ

В недобрый час вернулся Тристан в Корнуаль. Состоялось его посвящение в рыцари. И торжество еще не закончилось, произошли события, перевернувшие строй жизни — и те, кто не замечал в себе привычку думать, задумались.

Как поутру заказное письмо, распишись, не отвертишься, так нагрянуло из Ирландии посольство, принимай. Не с миром, а угроза.

Верховный ирландский король Ленгиз в который и последний раз напоминает королю Марку о договоре с его отцом Феликсом — дань за семь лет — семь лет Марк кочевряжится, королю ждать надоело — «пусть каждый из них возьмет свою правду через меч на поле».

Во главе посольства Аморольт.

Среди рыцарей смущение: поединок с Аморольтом — кому охота идти на верную смерть и своей гибелью опозорить землю.

— Как бы ты поступил?

— Я?

Говерналь вдруг вырос как тогда, в первый раз увидя королеву Елиабеллу, — выбора нет.

— Я тоже думаю, ты добрый рыцарь.

Тристан объявил королю Марку, выступит против Аморольта.

«Сорвет себе шею и нас погубит, подумал Марк и, взглянув на Тристана запретить, поправился: — такие побеждают».

И когда стало известно решение короля: выступит Тристан, Корнуаль затаился. Хотели верить и жалели.

Один из четырех ирландских рыцарей Гарнот встречался с Тристаном на турнирах у Парамонда, был посредником между Аморольтом и Тристаном.

Произошла встреча.

Аморольт узнал Тристана. С каким презрением ошарили его глаза, казалось, вот повернется спиной — не стоит рук марать! — и вдруг весь переменился: вспомнил карлика Роккетто.

Это заметил Тристан и о себе подумал: смерть ходит около, неужто на этот раз не сдобровать?

«Какая чепуха, карлик! — выпрямился Аморольт, — одно мое прикосновение к его плечу, и он тростинкой погрузнет в землю!»

Место поединка ближайший остров Самсон. Будут только двое, без зрителей, не турнир. Один другому смерть, — не назидательных картинок безразличный скелет и не та, когда говорят «человек умирает», а именная: Аморольт или Тристан.

Гарнот на прощание сказал:

— Если Тристан убьет Аморольта, плохо будет для Ирландии, если же Аморольт убьет Тристана, плохо будет для всего света.

Гарнот глядел далеко.

В назначенный час Тристан приплыл на остров и увидя Аморольта, оттолкнул свою лодку:

— Довольно одной, вернется к себе только один из нас.

И начался поединок.

Кто не видел как колошматятся на улицах — эта кипящая всмятка и орех. Тоже и на иконах пишут, взгляните на единоборство Архистратига с Сатанаилом, как различить, который ангел, а который аггел, один заострившийся кулак.

Все смешалось — без лица, без рук, и чей это меч?

Где Тристан и где Аморольт?

И как одно, оба упали.

На земле, у копыт измученных коней — были бы руки утереться! — различаю: Аморольт с разрубленным черепом и Тристана плечо.

Тристан пополз. А Аморольт — раскинутые руки без выползу, а зацепиться за воздух — человек не птица.

Гарнот усадил Тристана в лодку Аморольта — багряный парус — победоносно плыви домой!

И тот, кто был победоносный Аморольт под черным парусом на корабле, поплыл к себе домой — злая весть!

Спор решен: победа за Корнуалем, а Ирландии — шиш, потри лоб — без дани и позор.

На пристань сбежался народ гуще мух на падаль. У всех одно имя Тристан — Тристан освободитель родины. Кто-то кричит:

— Да здравствует король Корнуаля Тристан!

Ни ответить, он глаз поднять не мог. Так и взяли с лодки и на носилках к королю Марку.

— Победитель!

Тристан раскрыл глаза. И Марк читает: «обреченный».

Ворожеи и ворожейки — все, кто в Корнуале все знает, день и ночь над Тристаном. Рана на плече — огонь, боль вгладывается глубже. Где и кто ему поможет? и пусть бросят его в море — нестерпимо!

Незваная — таких и нельзя ни покликать, ни отозвать, они приходят сами — она пришла, ее узнали по ее зеленому плащу — фея Син.

Она сказала: «В другой стране».

И пошла к морю.

И Тристана вынесли за ней и положили в лодку и с ним его меч.

Показала она на корзинку с едой, — этого не надо! И положила яблоко и серебряную ветку — ее звук — забвение.

Говерналь сунул под яблоко тетрадь, своей рукой написана: «Сын Елиабеллы».

Фея оттолкнула лодку.

И Тристан поплыл — «в другую страну».

И все видели — впереди лодки две ласточки, скованы цепочкой красного золота — рассекали воздушное море и по их отраженному свету — золотой игре — лодка, уплывая, рассекала море.

СЫН ЕЛИАБЕЛЛЫ

Ирландия. Замок Форгал. Король Ленгиз, королева Эмен, сестра Аморольта, королевна Исольда.

Исольде через мать открыта тайна врачевания. Над Аморольтом трудились обе, мать и дочь, но никакие травы и заклинания — магический «гейсс» — не вернули жизнь Аморольту: от великана ничего не осталось и все его необыкновенное от разможженной головы до крепких ног — земле, одна-единственная память осколок меча застрял в мозгу.

Потеря Аморольта для Ирландии непоправима. — Гарнот прав — таких больше нет и кому стать на защиту: из-за моря грозят викинги, да и у соседей развязаны руки.

Ненавистное имя: Тристан, произносилось с проклятием. И с таким ожесточением звучало Тристан у Исольды: только попадись ей в руки, она отомстит ему такою казнью, чтобы душа задохнулась, покидая измученное тело.

Тридцать дней Исольда лечит Тристана, тридцать дней неразлучны — Тристан и Исольда.

Тристан был ранен отравленным мечом, о яде не сообразили корнуальские ведуны и ворожейки, и Исольда не сразу определила. Леченье было трудное.

Исольда не догадывалась кому она вернула жизнь. А Тристан с первых слов понял, куда его вывело море, и все равно от смерти ему не уйти.

Дни проходят затаённо. Его еще ни о чем не спрашивают — «не беспокоят», но лишь подымется на ноги, тут и жди.

Исольда — вот она какая! — сперва он чувствовал горячие лучи ее рук, а когда раскрыл глаза, он видит солнце ее волос и свет ее глаз.

Пряными травами она мыла ему голову. И вдруг он почувствовал как ее свет проник и горячим разлился, наполнив все его тело — все его существо.

Он поднялся на ноги.

И этот день был первым днем его жизни — его рождение — неразрыв с Исольдой: Тристан и Исольда. И он сказал себе, в ее свете его жизнь и без нее ему не жить.

«В другой стране» ему обреченному открылась жизнь. Вернуть в жизнь могла и фея Син, но дала жизнь Исольда.

Отравленный меч — «гейсс» — приворот судьбы.

Он думал о ней и ждет ее. И если ее долго нет — а это «долго» все укорачивается — он беспокоится. Ею заполнено время. Его слова о ней. Молчание — про нее. Не разделить: Тристан-Исольда.

Любовь Тристана не осталась незаметной для Брагини. Брагиня — помощница Исольды, на Брагине и все заботы о Исольде. Преданная влюбленная в Исольду Брагиня объяснила себе очень просто: «Исольда самая прекрасная из всех во всем свете!»

А как вдруг переменился Тристан, услышав от Исольды о Паламеде: имя сарацына было произнесено не безразлично и у Тристана заныло плечо.

Исольда взглянула на него — в ее взгляде сквозь тревогу и сострадание вспыхнул ответный голубой огонек: она все поняла.

В Форгале праздник: объявлено четыре турнира. Съехалось много рыцарей. Первый победитель будет Паламед. Исольда раздает награды и принимает дары. В это время вместо Исольды будет навещать Тристана ее рыцарь.

В эту ночь ему снился черный сон. Черная-черная ночь перед воротами замка, из черного тумана чуть светясь выступают лица, пробираются к воротам на волю, он различает, но его никто не видит, а увидят — и ему не

сдобровать. И он барахтается в черной гуще ночи и никуда не скрыться.

И день, как эта ночь, казалось, никогда не кончится: она не пришла и не придет.

Томясь, он вдруг вспомнил свою чудесную серебряную ветку — дар феи Син все забыть. И серебро осветило ему память в ту обреченную ночь, когда умирая он плыл и как на рассвете завидя замок, как рукой он поднял ветку и зазвучало наполняя музыкой море до берегов, и там услышали и поспешили на помощь, но как его подобрали из лодки и перенесли в замок, он не помнит.

Где его серебряная ветка? И его меча не видно и тетрадь заслонил меч.

В час Исольды к Тристану вошел Гарнот. Тристан его узнал, но Гарнот не сразу. Гарнот, как и все, занят турниром, на языке черный щит Паламеда, его победа, имена рыцарей — Будас, Кен, Бодемай, Кажен, случаи и происшествия, это будет долго повторяться, забить время.

Гарнот все выложил, больше говорить не о чем.

Тристан молчит.

Гарнот вглядываясь:

— Сын Елиабеллы...

Тристан никак не отвечает, он только... его тетрадь цела, иначе откуда же «сын Елиабеллы?»

— Твоя мать из Елианоса — Елиабелла.

Гарнот припоминает: жена Мелеада, увела лесная фея. Мелеад брат короля Марка, Тристан?

Тристан посмотрел в упор — и печаль осветила память — Гарнот узнал его.

И это было так неожиданно и невероятно, чувство раскололось: обрадоваться? — Тристан не погиб, в чем был убежден Гарнот, и страх: неминуемая гибель.

— Твой меч тебя выдаст.

— Имени моего нет.

— Твой меч попал в руки Кушану, музейная крыса, по осколку Аморольта восстановит твое имя и ты пропал.

Тристан ошарашен: о своем расколотом мече он только что вспоминал, об осколке Аморольта в первый раз слышит, — прямая улика.

— Четыре турнира. Не до тебя. Не надо медлить. Ты выйдешь на прогулку — поверь мне, я все устрою! — и с прогулки не вернешься.

— А Исольда?

— Ей я все скажу. Ты согласен?

Тристан не отвечает, себе он ответил: «Лучше б убили меня».

Гарнот Исольде.

Какая грозная тень прошла по ее лицу — Гарнот испугался. Тристану конец! — но другая прозрачная тень сдунула злую: в первый раз ее чувству отозвалось слово: «люблю».

И когда Гарнот передал ей свою мысль о побеге — спасти Тристана — она ужаснулась: расстаться навсегда.

В ночь Гарнот вывел из замка к берегу моря. И как тогда на острове Самсон после поединка с Аморольтом, усадил его в лодку: «плыви домой».

Домой? Но где этот дом, куда плыть, покидая дом сердца? И боль нестерпимей отравленной раны. В его глазах Исольда сквозь сеть «никогда».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Долго ли, коротко ли плывет Тристан в своей утлой ладье по бурному морю.

Было ему — пусть бы волны зальют и опрокинут лодку и море поглотит его, или пусть ветер ударит лодку о камень и его раскроенный череп не соберет осколки дразнящей памяти. И нет ему на чем бы успокоиться, скрючен отчаянием.

А ведь это неверно, будто в отчаянии не до еды — ему захотелось есть.

В лодке, куда ни загляни, мешочки и свертки — о запасах заботилась Брагиня. Среди консервов на дне голландский сыр, под сыром тетрадь в синей обложке «Сын Елиабеллы», а на сыре меч. Меч оказался не тот доказательный, а архаический, зазубренный времен пиктов — Гарнот по спешке схватил что ближе лежало; впрочем, не важно чей — обличать больше некого.

Тристан навалился на сардинки.

Потом он стал глядеть по сторонам, замечая и небо и берега. Приходили слова, но записать-то нечем — ни стило, ни чернильного карандаша. Какие серые скалы — голый камень.

И видит — сорвалось зеленое облако и к нему, все ближе — и он узнал ее, это она положила ему в лодку серебряную ветку и яблоко — фея Син в зеленом плаще. Она наклонилась к нему и голос ее зазвенел серебром ветки.

«Ты на себе узнал, какая ваша жизнь: распря, вражда, война, разлука всегда и везде. Я поведу тебя в другую страну, мы этого не знаем, все по-другому».

Он поднялся и пошел за ней к краю — лодка остановилась — и спрыгнул в ее стеклянную лодку, и по вспенившимся волнам они помчались к закату.

Тристан очнулся: его лодка подходила к Тантажилю, — а на пристани народ, гуще мух на падаль, кричат:

— Тристан! Да здравствует Тристан!

В Корнуале праздник: день рождения короля Марка — столы. Распоряжается Андрет, племянник. Для Тристана этот двоюродный брат впервые.

Появление Тристана из «другой страны» встречено, как с того света. Поминалась фея Син — ее колдовство: воскрешение мертвого. Одни смотрели на него с любопытством, другие — со страхом.

Как о сне рассказывал Тристан о своем путешествии в Ирландию, повторялось имя Исольда, «всех прекраснее во всем свете».

Чудесное приключение в замке Форгал всеми было принято как доказательство силы волшебства и что может сделать фея если захочет, имя же Исольды произносилось совсем не в сказочном, а в житейском.

Ближайшие советники Марка были озабочены судьбой Корнуаля — кому Марк передаст королевство? Все были убеждены в гибели Тристана, а другой племянник Андрет из таких, что надо еще подумать, и наседали на Марка жениться. «Ты, говорили, бык добрый, тебе надо телку». Да и карлик Мядпауп — такая стала привычка обращаться к королю: «бык». Марк и сам подумывал, но где искать королеву, не в Нанте же — Корнуаль после победы Тристана самое могущественное королевство Большой Земли.

Загадку разгадал случай.

Поутру Марк возвращался с прогулки, над головой пролетали ласточки и уронили на землю — что-то блес-

нуло, Марк нагнулся и поднял золотой волос. «Судьба мне!» подумал он и спрятал золотой волос.

И когда вечером в кругу советников поднялся разговор о женитьбе: «ты бык добрый, тебе надо телку!» он вынул из кармана ласточкин золотой волос:

— Та, чей этот волос, и будет королевой.

Все потянулись посмотреть поближе, только это нисколько не решает, чей же?

— С головы Исольды, сказал Тристан.

И все одобрили: кому же больше.

Подумал ли кто, а может и подумал, да не сказалось: Тристану возвращаться в Ирландию, откуда он только чудом спасся: Ирландия гнездо обиды и сеть мести и в первую голову Тристана.

Марк рассказал о ласточках — судьба!

И Тристан подумал про себя — возвращение: разве не судьба? — И то, что казалось невозможным и никогда, вдруг сбросило отрицание «НЕ» и «НИ» — снова встреча с Исольдой.

Говерналя занимало новое приключение. Он понимал, как и все, сватовство — игра не веселая, но верил, как и все, в звезду Тристана. Тристан освободитель Корнуаля!

Тристан возвращался в Ирландию на верную смерть. И он был ко всему готов, лишь бы увидеть Исольду.

ТРИСТАН И ИСОЛЬДА

Посольство из Корнуаля взбудоражило Ирландцев. Тристан, победитель непобедимого Аморольта, ненавистное имя, вызывало раздражение и страх. У кого только не чесались руки и кто не искал себе надежное убежище, хоть под землю уйти, хоть на дно моря — у страха глаза известно.

Король Ленгиз от неожиданности развинтился и не соображает: убить ли Тристана, мстя за Аморольта, или самому вытягивай шею. А когда узнал, не с угрозой посол, а сватовство короля Марка, протянул гостю дрожавшие руки.

Исольда согласилась: родине жертва, сердцу тайная любовь.

Исольда дала согласие быть женой Марка, она поедет с Тристаном в Корнуаль, будет с Тристаном неразлучна, а как дальше, об этом она не подумала: неразлучное ослепило ее.

И когда о помолвке Исольды за короля Марка всенародно объявили, напуганные поняли, что все это значит и всем стало в дурацкую улыбку и в беспечное махай руками: Корнуаль соединялся с Ирландией, ни о каком вооружении не надо думать, трать на табак и чего хочешь.

Король Ленгиз не ударил в грязь: на празднестве в честь Тристана можно было видеть четырех королей Ирландии и много знатных рыцарей, и когда появился Агизо, король над ста рыцарями, мечи, щиты, шлемы наполнили стальным звоном и блеском серебряный зал.

А на турнире выступил Паламед.

Встреча с Тристаном оказалась роковой для непобедимого сарацина: черный щит упал перед белым Тристана.

Исольда — голубо-белый плащ, алый щит — всех прекраснее на всем свете, поцелуем увенчала победителя.

Сторонники Паламеда говорили, будто Паламед в угоду Исольде поддался Тристану, но что он себя покажет и овладеет Исольдой.

Какая-то не похожа ни на кого дамуазель, слепая, расталкивала всех, ища победителя, и повторяла «Самайн» и никто не понял, к чему поминался «день мертвых».

Начались сборы.

Тристан живет в королевском замке. С Исольдой неразлучен, как в опасные дни, когда неузнанный подымался волшебством Исольды от смерти к жизни. Отъезд откладывается. А скоро зима. Ленгиз беспокоится: что скажет Марк? да и подозрения: близость Тристана и Исольды.

Ленгизу снится сон: серебряный зал полон гостей, на троне в венке Исольда, все восхищаются и никто не смеет подойти к ней близко, входит Тристан и прямо к трону, поднялся на ступеньки и на глазах у всех сорвал венок с Исольды, но этого мало, грубо раздел ее донага и потащил за собой из залы.

Сон предвещал беду Тристану — так растолковали мудрецы, и гибель из-за Исольды.

Королева Эмен сказала:

— Любовь, какое это горькое счастье!

Говерналь и Брагиня у Эмен: оглянули в последний раз приданое запирать сундуки, Эмен подала серебряную фляжку.

— Марку и Исольде дать, когда будут в постели. Глотка довольно — слаще меду — довеку крепко. Да берегите, не разлейте, от духа станет.

Посольство провожал рыцарь Гарнот: он будет на свадьбе от короля и королевы. И не мог скрыть, поглядев на Исольду, как был бы он счастлив, когда бы вместо Марка был Тристан. Дважды в жизни прощался с Тристаном, желая счастья, а на этот раз — чего пожелать осужденному на казнь?

САМАЙН

Утро было серое зимнее. В полдень подул ветер, и в ранний вечерний час загудело море.

Канун Самайна — день мертвых.

Все, что на земле и под землей, на море и на дне моря разворотило, обнажив нутро — сердцевину жизни — ярое, негасимое и несказанное, в закрутье звучит — кипь, клокот, крик.

Бурное настежь и моего раскованного живого — сквозь дождевую проволоку — заслону моим глазам — гремит! — покачу подмоторной перекатью бурного взвыва — гремит!

Дикая пламень — сверканье кристалла — лебединые перья.

И этот ропот сквозь своевольное мое хочу, нет власти заглушить — терпенью конец — отчаяние крючит руки сорвать сердце. Под угрозой расправиться с жертвой и самому погибнуть.

Дикая пламень — сверканье кристалла — лебединые перья. Вымыть — размолоть — рассечь — обвить — обрушить, с головы до ног — сарафан!

Матросы на слова Тристана помянуть всех мертвых, затихли. И Тристан оставил палубу.

Тристан и Исольда.

Грохот драконовых камней. Единственная мысль: минует ли? Уши слушали и из себя слышали похожее — слова сгорали, и мучило молчать. В море ее тысячелетних

глаз вспыхивали драконы, его печаль изливалась смертной тоской.

Это я
я вздох
свист
буря
резкий ветер
зимняя ночь
крик
рыданье
стон
я твоя любовь, Тристан!
всегда и всюду.

Серебряная ветвь — белые цветы — звучит сквозь звяк и клокот буреморя.

— День мертвых, — говорит Тристан, повторяя только что сказанное матросам, — поминовение усопших матерей, сестер, отцов и братьев.

И вышел за вином.

Я вздох,
я свист
буря
резкий ветер
зимняя ночь
крик
рыданье
стон
я твоя любовь, Тристан!
всегда и всюду.

Исольда одна. В ее глазах не страх, терновый венок любви.

— День мертвых, любимых и любивших, моей сестры и моего брата Байле и Айлен.

Над твоими трудными бровями
над печалями неутоленных глаз
сияет месяц...

Рыцарь королевы Елиабеллы забился в угол под канат, шепча предсмертное — шум густого снега ему казалось,

вьются птицы, кружатся над кораблем поживиться парным мясом.

Брагиня — сложены крестом руки, она не прячется, она — на волю Божью:

«Ради моей любви к Изотте!»

А над головой — ад: еще один такой удар и корабль разнесет в щепы.

Видят ли они, или кажется, или уже в стране блаженных и среди сидов Тристан. Что говорит Тристан, невозможно расслышать: «Исольде дурно или...?» Говернапь соображает: «вино». И опять забота: матросы забрали все запасы на помин усопших. И что еще осталось, посуда опрокинута, впотьмах не разобрать, он схватил из груды — и то счастье — серебряная фляжка, и в руки Тристану.

С вином вернулся Тристан к Исольде —

— За всех усопших!

В слабом свете свечи блеснуло серебро и осветило память: Сидония, ее серебряная фляга — яд.

— В детстве мачеха меня хотела отравить, а по ошибке отравила своего сына.

Он налил две полные чаши.

— В жизни нам вместе не быть и только в смерти неразлучны.

Исольда все поняла, взяла чашку и поднялась.

— За всех усопших!

Серебряный яд был нежнее и тоньше всякого приворота, тянуло еще и еще до последней капельки — до дна.

Мелкие сухие листья, водопад листьев — цвет белой бронзы — и на душе легко и простор.

И руки их сплелись неразрывно.

«Если это называется смерть, пусть она длится вечность!»

А кругом со дна моря и сверху с неба разверзалась поднебесная насыпь, поддонные холмы и прибрежные бугры и могильники — час сидов, когда мертвые выходят из могил и разбредаются среди живых. С вечера были погашены все огни — новый живой огонь озарил кромешную ночь, вся земля запылала в кострах.

Над твоими трудными бровями
над печалями неутоленных глаз
сияет месяц.
В твоих руках поводья нахмуренных звезд.
Обод солнца — дуга
И гулкие кони — черные вихри —
алчная ночь! — мчат по серебру дороги.

Говерналь очнулся — его ударил сквозь скрежет, вой и пену самый человеческий голос — чистейший, чище ледяных ключей и звонче, кристальный по лесному куя. Странно, откуда? И не случилось ли какой беды с Исольдой?

Отведя руки, одну в левую сторону, другую в правую для равновесия, шарахаясь, дотащился до двери Тристана и заглянул в щелку. И ровно б в зубы его дернул нелегкий, от щелки откачнуло, глотнул и снова — влип.

Что он там увидел, а верно нечаянное что-то, только поматывая головой, он отлип, пятясь, отошел от двери и прямо на Брагиню.

И не нарушая окликом ее молитвы, лишь осторожным подщупом потянул ее за рубашку и как козу за волосяной ошейник, потащил к двери.

— Стой и смотри!

Брагиня прильнула к щелке и отшатнулась.

— Мы пропали!

Брагиня догадалась в чем дело, конечно, Говерналь в вине обознался! — но куда там проверить: все вверх дном и перебито в осколки.

— Оба мы пропали!

Какой это был печальный рассвет.

Буря угомонилась. И не о пропаде извывало море, колебая в одно неразделимое — Тристанисольда.

СУДЬБА

Это было во вторник — неделя Самайна — когда искалеченный бурей корабль вернулся из Корнуаля с Исольдой.

— Да здравствует Тристан! — встречали Тристана, и в это третье возвращение крик был еще живее: Тристан

победил Аморольта, Тристан победил свою смерть, Тристан привез из Ирландии солнце.

Марк, взглянув на Исольду, подумал:

«А и вправду, ее золотые волосы затмят золото солнца, а глаза — канул и не один век и не счесть миров чернее и самого черного напева».

Свадьбу разыграли по-королевски.

Тристан в тени. Всюду и все Андрет, имя с вылетом — дрет. И наперекор выкрикивается любимое «Тристан».

За свадебным столом Марк поневоле много пьет и киселеет. Размазывая слова, бахвалился — да и есть чем, такой королевы ни у одного короля и равной не будет, Исольда! И кого-то благодарил, отводя глаза от Тристана. И по-пьяному прорвало:

— Чего ты так смотришь, чай не в гроб кладут!

Тристан опустил глаза погасить печаль, а на сердце ныло.

Пир окончился без задних ног: гости расходились, держась передними за стенку, а кто ползком.

С пожеланием — песнями проводили молодых: карлик Мядпауп красным саксаганом сорóча передом вычмокивал воздух.

Марк, не дожидаясь церемоний, улегся на вспышенную кровать лицом к ковровой стене, и притворился, спит: чувствовал он себя неважно: под сомкнутыми веками плыло.

А еще долго величали новобрачных, дрязня быка и ободряя телку. Исольда и ее свита стояли у постели короля налегке — в длинных сорочках.

В комнате было жарко натоплено и по-церковному, дымясь, горели свечи.

И когда, наконец, после воя и прибауток наступило время оставить новобрачных и все свечи были погашены, Исольда вышла с Тристаном. А Говерналь, стоя за Брагиней, стал подпихивать ее руками под теплое место и выпихнул к краю кровати. А сам вышел.

Брагиня робко подложилась под одеяло, подогнула ноги, упираясь теплым местом в каменную стену, как ей кажется спина Марка. Если бы она легла навзничь, ночь прошла бы спокойно. Марк и на самом деле заснул, но пригретый Брагиней, повернулся на другой бок носом в спину Брагине.

В коридоре, у дверей спальни, примостился перед микро Говерналь.

Как всегда после взбудорада долго откашливался дом и когда успокоился, еще долго Мядпауп хихикал, потом принялся сурьезно икать. Говерналь прислушивался, но зачем-то стал вглядываться и заметил карлик таращится, а на локоть от карлика по одной линии Мядпауп, как если бы он был не карлик. Тут Говерналь сказал себе: «это предсонье» и незаметно заснул. И вдруг слышит: с эротическим вздохом «Изотта!». Говерналь очнулся, а ему взагривок и резче «Изотта!».

«Дура». Говерналь понял, встряхнувшись залихватски, как какой-нибудь «Paris vous parle» «звучно постелил в трубку: «Марк, король Корнуаля, на ирландской королеве Исольде «аженился!».

Завернутую в багряную парчу пронесли Брагиню в комнату Исольды.

И за окном поднялась неистовая воздушная мракобесь: свист в два пальца, урчанье грудо-брюшное, саксофон. Куда спать и даже натюкавшийся до поплавка, вскоча, вытаращил глаза, не знай бежать, или забиться в щелку.

Андрет, накинув на себя что-то неподходящее, высунулся по пояс из окна и крикнул прекратить безобразие и дать покой новобрачным:

«Завтрашний день всякому в глаза показана будет ирландская кровь непорочной молодой королевы Исольды».

И вправду, с утра началась демонстрация. Народу набралось, как на проводы осужденного на смертную казнь. Наряженные чучелами носили по улицам всем напоказ окровавленную сорочку Брагини, выплясывая под скрипку мелкой семенью, и совсем ни к чему тут и там выжигивалось из горлодёра в честь Исольды «да здравствует Тристан!».

С утра поздравители.

Марк был очень доволен и хвастал перед гостями, выхваляя достоинства жены: он поминал тесные Иверские ворота, достопримечательность Москвы, снесены в Революцию, а ноги Брагини сравнивал с копченым угрем. Быка подзадаривали.

Исольда слушала окаменев.

Весь день Брагиня не показывалась, она оставалась в комнате Исольды, она была особенно хозяйственна —

разбирала белье, вздыхая. А вечером, и это заметила Исольда — тихонько пела.

«Изотта, — сказал Брагиня, — может быть мне опять за вас пойти?»

Исольда ничего не ответила: наступил час — неизбежно. И это не по долгу клятвы — зарегистрировалась в мэрии, а по долгу любви — разлученная судьбой она своей жертвой будет неразлучна с Тристаном.

Долговая связь жертва — проклятие человеческой судьбы! Жертва Исольды по долгу любви к Тристану; Тристан исполнил свой долг: привез невесту Марку, — жертва не расставаться с Исольдой. Брагиня исполнила свой долг — ее жертва долг верности Исольде.

Редкий случай: жертва обернулась в удовольствие: в первый раз с недобрым чувством к своей Изотте — с затаенной обидой, с потайной жалобой судьбе, проводила Брагиня Исольду к Марку на свое завидное место.

Вся в себя, Исольда на нее не посмотрела. Она взглянула на Тристана — вся и какой поток печали ей ответил и проводил ее до двери спальни.

Была тихая ночь. На другой день неинтересно, весь дом непробудно спал, заснула и Брагиня. А Тристан все спрашивал: почему все так, а разве не могло быть иначе? И на почему не было потому что, а не иначе — только так.

ИЗМЕНА

«И с того часа их любовь не иссякла и от этой любви им было большое горе и нет человека, который бы поднял столько муки из-за любви, как Тристан и Исольда».

Эти слова я читаю на красном тисе, вырезаны «огамом» столбиком в виде бровок и ресничек, косых и поперечных. И во всех хрониках, писанных нашими буквами на бумаге и телятине (пергаменте) повторяется единодушно о перевернутой любви — о Тристане и Исольде.

Есть две смертельные болезни: любовь и ревность. Отравленный любовью неизбежно заболевает ревностью. Но ревностью заболевают и не по любви к другому, а только по самолюбию. Имя этой ревности — зависть.

Тристан в пламени любви и чего бы не случилось с Исольдой, пламень его не погаснет. Но о какой любви, когда говорят о Марке?

Исольда самая прекрасная во всем свете, корнуальская королева, а Марк король Корнуаля — и все ему завидуют и идет молва, не по носу табак. Но он уверен, он избранный: перст судьбы — ласточки бросили ему золотой волос с головы Исольды, а Тристан, рискуя жизнью, одолел все опасности — победил ненависть ирландцев, вывел корабль из пасти бурного Самайна и привез ему его суженую — единственную в мире Исольду.

Первое время — медовый месяц — гордо самоуверенно торчал королевский нос: король Марк и королева Исольда.

Когда Андрет говорил с Тристаном, глаза его, щурясь, наливались скорбью. Скорбь за бездарность: ему никак не угнаться за Тристаном и Тристан своим превосходством его унижает.

Надо устранить Тристана и тогда не будет сравнения: Тристан и Андрет.

Тристан и Исольда: когда он оставались одни, их руки невольно тянулись — их существо едино и нераздельно, разделенное судьбой при появлении на свет двух в земную жизнь: Тристан-Исольда — Тристан и Исольда.

А стало: Марк и Исольда — судьба. Но разве существо Тристана-Исольды покорно судьбе — непременно выбьется на свет.

Марк ничего не замечает. И на что ему жаловаться? Исольда по долгу жертвы во всем ему послушна. А замечает, кому до Исольды никакого, но кому мозолит глаза Тристан: о измене открыл глаза Марку Андрет.

Марк насторожился.

И Тристан с глазу понял перемену и в глазах и в голосе Марка: горло выдаст, как ни прячься. Да и Говерналь предупреждал: будьте осторожны.

— Ночные свидания в саду в беседке, — донес Андрет.

В поздний час Марк залез на дерево с ружьем — придут — угостит. Они пришли — а руки их, ветви дерева, потянулись друг к другу. Но тень Марка резко стала между ними. Тристан опустил руки.

— Я хочу просить тебя, Исольда, — он не сказал Изотта.

Она поняла и отошла за тень.

Тристан продолжал:

— Заступись! Вижу Марк в чем-то меня подозревает. Начинаю догадываться. Мне лучше вас оставить.

Тень метнулась и пропала.

Слышно было, как грузно сошел Марк с дерева, и шаги — из сада.

— Изотта, разве я могу покинуть тебя! Я живу, потому что ты есть на свете. Меня можно уничтожить, но моя любовь — —

Наутро Марк вызвал к себе Тристана: поручение — объехать Корнуаль и острова.

РАЗЛУКА

Дается человеку дар — любовь и с любовью дар — разлука: испытание любви.

Исольда одна. Скучно. Я говорю по-русски скушно. Надо затолочь время и ждать. Ждать — жить. Сроки возвращения откладываются. Невыносимо жить.

— Какая вы стали раздражительная, Изотта! — сокрушалась Брагиня, и говорила о Тристане.

В разлуке живет имя, маня и лаская, живее человека.

И все это на глазах у Марка. Как было не заметить, и без Андрета ясно — и как хорошо он придумал удалить Тристана. Он верил: разлука погасит, и не догадывался, что разлука — крепь.

Марк верил в свое счастье. Все ему дается без труда — «чужими руками» добавляет карлик Мядпауп: земля, власть, слава и Исольда.

Выдав за свой сон, он рассказал Исольде сказку о чудесной розе.

«Не в нашей земле, не близко, не далеко было королевство и в этом королевстве все было хорошо и красно. А всего краше — в королевском саду розовый куст.

— Королевство мое, объявил король, но розовый куст не мое. Кто сорвет цветок, тому и куст.

И кто только ни пытался взять цветок, да все мимо рук — не дается.

А пришел никому незнаемый из чужой земли рыцарь и сорвал цветок. Всем было в удивление, ждут: заберет

и куст. Но когда рыцарь потянулся за кустом — куст ему не дался».

— Неправда, сказала Исольда, — кто взял цветок, того и куст.

— В снах и в сказках чего не бывает, сказал Марк, но случается и в жизни.

Марк думал о Тристане: Тристан достал ему Исольду — розу, но сколько б ни протягивал руки, Исольда никогда его не будет.

Исольда думала о Тристане: Тристан взял ее розу и вся она — розовый куст — его.

И вдруг слова сказки: «чужой рыцарь взял розу» обернулись к ней ее тайной: не намек ли это на Самайн? и невольно выговаривается имя Брагиня. Знают тайну только двое, Говерналь не такой, а Брагиня, она не мудрая, сболтнула? Марк проверяет.

«Всего можно ждать!» — гнев вспыхнул и погасил память, а мысли закружились.

Исольда — кипела: не поговоря, не глядя, она посылает Брагиню в лес собрать целебных трав. А провожатым шепчет, они поняли: они все исполнят, из лесу вернутся с травами одни.

«И концы в воду!» договаривает Исольда беспощадно.

Брагиня ничего не подозревает; сердится Исольда, но Исольда всегда на нее покрикивала. В лесу встречая, каждую траву зовет по имени и стебли льнут к ней, по своему здороваются. «Убийцы» медлят: рука не подымается. Бродят скучные, зашли в такую деберь — сырой мох. Пора.

— Стой, говорят, прощайся с белым светом и прости нас: так нам велено.

Брагиня остолбенела: в ее глазах ее любимая Изотта — какая горькая расплата за любовь! Она заплакала — человек человеку слепой голодный зверь! И просит вывести ее на распутье.

— Привяжите меня к дереву — там ходят звери.

Они так и сделали: вывели ее на ростань дорог, скрутили ноги и руки крепко к дереву. Рады, не этой рукой, а лютый зверь кончит. И ушли.

Привязана, не выскочишь — так ей на роду написано! — но умирать кому хочется! — шорох, треск ветки ей жало, человек не пощадил, откуда же темному зверю?

Но это не лиса, не заяц, не волк, не медведь, а проезжал той дорогой — путь к королю Марку — рыцарь Паламед.

И видит, привязан к дереву человек, а не кричит. Подъехал ближе и узнал Брагиню. И она узнала непобедимого сарацина: черный щит, два меча.

Он освободил ее, спрашивает за что?

И она повторяет:

— Изотта, я не виновата.

— Да жив ли Тристан?

— Тристана нет, уехал по поручению короля Марка, не было кому заступиться.

Паламед продолжает путь к королю Марку и с ним Брагиня.

«С Брагиней покончено, языка больше не будет, бояться нечего» — эта гневная мысль успокоила Исольду, гнев остыл, и она одумалась: если бы Брагиня проболталась о Самайне, то как же ей утаить было о своей жертве? И разве Марк чем-нибудь намекал? И при мысли: она не так поняла сказку Марка и напрасно обвинила Брагиню, Исольта ужаснулась.

«Вернуть!» — и крик надежды: еще не поздно! — и молотом отчаяние: поздно, расправились!

«Тому, кто ей вернет Брагиню, она все отдаст!» — повторяла она.

Она нарядила погоню в лес, торопя и отчаиваясь и надеясь.

И ждет, как в лесу ждала Брагиня. Топот копыт очнул ее и вывернул: убийцы? или люди, посланные ею: поздно.

«Я все отдам, кто вернет мне!» — кричало в ней.

Но это были не убийцы и не с вестью поздно, она видит: Паламед и за ним — Брагиня.

И без света дом осветился — кто в жизни терял по своей вине невозвратно, и потерянное возвращалось, поймут о каком я говорю свете.

Паламед и мечтать не мог о приеме, как встретила его Исольда: он не Брагиню, он ее скрученную душу освободил.

Музыка. Начинаются танцы. Никогда не бывало в доме Марка такого веселия. Не узнать Исольды: далекая, недоступная, она вдруг со всеми своя — или это грех соединяет людей, или обрадованность человека, открытая дорога к человеку?

Марк и Паламед. Шахматы. Ноздревский задор. Выиграй: к чему рука коснется, твое.

Марк никогда не проигрывает.

Вокруг игры стена, любопытные. Подошла Исольда. Марк проиграл.

— Король Марк проиграл! — говорит Паламед. Поднялся и за руку Исольду: — мое!

— Король Марк проиграл Исольду.

Музыка. Танцуют. Звонче. Вскачь — из-под каблука взлет и плавь пальцев рук спружит:

«Паламед-Исольда!»

Вьется в вихрь.

Из света свечи — свечи гаснут — иссвет.

— Это я
вздох
свист
буря
резкий ветер
зимняя ночь
крик
рыдание
стон
это я, моя любовь, Тристан!

Зеленый плащ — зеленая волна — фея Син.

Исольда рыдает.

Эти слезы — пепел сожженных мыслей — безответный голос, эти слезы — сухая земля, голый камень.

Очнулась и пошла: зеленые драконы сверлят ей путь.

Это я
вздох
свист
стон

Исольда и Брагиня. Паламед прощается с Марком, Исольда прощается с Брагиней.

Карлик Мядпауп кричит вдогонку:

— Прощайте, будьте здоровы, пишите!

В свист и бурю росой проникает серебряная ветка, навевая — «как хорошо, мне ничего не надо!» И дом погружается в сон — поехали в страну блаженных.

И когда поутру в канун Белтене вернулся Тристан, его глазам предстало зрелище, подлинно Мамай ночевал. Не только подробностей, а и с чего началось, толком ни от кого, одно — слово в слово:

— Марк проиграл Паламеду Исольду и Паламед ее увез.

Марк жалко Тристану:

— Верни!

Тристан безразлично:

— Верну. — И вдруг, как в детстве, заступаясь в последний час Сидонии: «таких огнем жечь», вся печаль его вспыхнула костром: — «я верну Исольду не тебе, а для себя!»

БЕЛТЕНЕ

Всю ночь Брагиня, как и все в доме, крепко спала, а Жучок не спит: где Исольда? На каждый шорох он бросается к двери, прислушивается. Нет, не она и медленно возвращается к кровати Исольды в свой уголок. И на каждую воздушную поветь он подымал голову и вчуивал. Нет, это не Исольда. Он еще себе не говорит: потерял, но смутная мысль о потере беспокоит.

Поутру Жучок через все комнаты выбежал из дому, обошел двор. И за ворота по следу на дорогу. И побежал. Бежит дольше чем мог — звери знают свою крайнюю меру — а куда там догнать! И назад шел, дыша. И виновато вернулся в комнату.

Брагиня плачет. И он понял, оттого она плачет: Исольды нет и не вернется. И комком подступало к горлу: не вернется.

Вчера, как ехать с Паламедом, Исольда переоделась, на полу около кровати ее скомкнутое белье. Жучок забился в самую середку. И не может передохнуть — так колотится сердце.

«Исольда, освободи меня, спаси — в чем виноват я, прости меня, Исольда!»

Завтра Белтене — праздник 1-е мая. Брагиня собралась пойти посмотреть на костры, как через огонь прогонят скот и будут по искрам и пеплу гадать. Покликала Жучка. Не слышит. Куда запропастился? Еще раз: Жучок! — не откликнулся. «Пойду одна».

В полутьме, проходя мимо кровати Исольды, наступила на брошенное неубранное белье — и отдернула ногу: показалось на мягкое наступила: змея? Зажгла свет и, отведя руку, ворох встряхнула — и не змея, Жучок мягко, черной бархатной куклой, упал на пол.

— «Жучок!» — наклонясь, дотронулась она погладить. Но он не пошевельнулся: из его глаз глядела смертная тоска.

Потом скажут со слов Брагини: собака нанюхалась в Самайн любовного зелья и дня прожить не могла без Исольды: тоска задушила: «звери верней человека».

Да правда ли сила любовного зелья случайная: Жучок был с Исольдой на корабле в Самайн? Есть что-то покрепче, перед чем бессилен и самый верный любовный отворот: разлука, эта извечная неразрывность жизней: Жучок и Исольда, Тристан и Исольда.

* * *

Как все случилось, какие были проводы и были ли после выигрыша, все стерлось в памяти. И не музыка — светлое серебро· ветки — чары забвения, а счастье от счастья. Паламед все забыл — в его глазах Исольда, его Исольда — цель его жизни и подвигов.

Невероятно! Выигрыш — судьба. И что еще невероятней: Исольда покорно приняла. Он не смел сказать с ней ни слова, не решался посмотреть ей в глаза, он только чувствовал ее — свое счастье!

Ночь — черный щит темнее ночи и с серебряным блеском конь.

Встреча: рыцарь Гирляндет.

Рыцарь Гирляндет, отчаянный забияка, в поисках фортуны не пропустит случай и даже во сне, ляжет отдохнуть, а над головой повесит на шесте щит — вызов.

Паламед узнал Гирляндета: этого забияку он и без меча сшибет, только сунься.

И вот судьба! Гирляндет своим корявым мечом разрубил гордую голову сарацина.

Не веря себе, он ухватил мечи Паламеда — венец его славы! — «да заодно, подумал, заберу и эту», он был уверен, бродячая дамуазель, но когда увидел, что это сама Корнуальская королева, испугался. Да скорее грех с рук, еще скажут, похитил! отвез Исольду в ближайшую башню

и сдал на руки дамуазель — хозяйке башни. Завтра же он победитель Паламеда поедет к королю Марку известить: спас королеву.

И когда на счастливой дороге Тристан наехал на убитого рыцаря и узнал Паламеда, отлегло на сердце, но где Исольда?

Едет он, не зная куда.

Глубокий вечер. В лицо ему гарь — зажигают костры. Где Исольда? И чудятся всякие страхи — страшные мысли и он не может отвязаться, едче гари. И вдруг потянуло зеленой волной и он из горечи увидел зеленый плащ — фею Син.

— Туда, показала она, — я тебя провожу.

Он повернул голову по руке феи и увидел башню.

— Там ты найдешь Исольду, сказала фея.

Он повернул в сторону — в его глазах башня.

Надо было совершиться на тайных путях жизни: Исольде потерять Тристана, Тристан нашел ее.

В этой башне они вместе проведут ночь — канун Белтене, эта башня будет им, как канун Самайна был для них корабль.

Фея Син поднялась к ним: эта башня ее владение, они ее гости.

— Я могу из камня сделать овцу, а из папоротника вепря, — говорила она, — превращу воду в вино, засвечу солнце, месяц, звезды.

Тристан подумал: «лунная ночь». И когда проговорилось в нем его желание, он увидел через окно голубые всадники окружают башню и входят в ряды их другие всадники — козлиные головы.

Ярко светила луна.

— Завтра я должен отвести тебя к Марку, — говорит Тристан, — наша последняя ночь.

И печаль его глаз синим потоком заливает ее бездонный из веков встрепенувшийся взгляд.

И они плывут в лунной волне нераздельные, разделенные на земле: Тристан и Исольда.

* * *

Утром в день Белтене приехал к Марку рыцарь Гирляндет, победитель Паламеда: сворочена скула и фонари под глазами. Ночью с мечами Паламеда, проезжая сквозь

костры, он встретил рыцаря Генелона и, как водится, вызвал на поединок. И тут вышло некстати — неожиданно Генелон скувырнул его пошарить носом и как победитель завладел мечами Паламеда да и его меч себе прикарманил.

Гирляндет приехал к Марку сообщить о Исольде: похищенную королеву он отбил у Паламеда: Паламед убит, а Исольду он отвез в ближайшую башню.

Гирляндет нарисовал на блокноте башню и стрелками — куда — повернуть с дороги.

Андрет, Брагиня и Говерналь в сопровождении Гирляндета немедленно отправились в поиски за Исольдой.

И вправду, на дороге наткнулись на убитого Паламеда — и черный щит не огородил от смерти — тут же стоял его конь. Повернули в сторону к башне.

Но сколько ни искали, не нашли башню. Так и вернулись одни — без Исольды.

Не возвращался и Тристан.

ПЛАВАНИЕ ТРИСТАНА И ИСОЛЬДЫ

Они плывут — открытое море.

— Я знала, ты найдешь меня и опять мы будем вместе.

— Все мои мысли о тебе, Изотта.

И на них глянул остров. Они вышли на берег.

Пустынно. Ветер, скрипя, завивает песок.

— Смотри, какой след! показала Исольда.

А это был след не простого зверя: лапа собаки с острым лошадиным копытом.

Дальше идут — тот же след. И им стало страшно.

— Мне было страшно, а вдруг я потеряю тебя.

— А мне: не найду тебя.

И они вернулись на свой корабль. А когда они шли, страх подхлестывал, оглянуться не смели.

Со всех сторон острова на разноцветных конях скакали всадники — кони желтые, зеленые, красные смешались. И каждый всадник рвется перепрыгнуть на соседнего коня, кричит: мне желтого! я хочу белого!

— Это демоны?

— Нет, это люди.

И поспешно отплывают.

— А след мы так и не узнаем чей.

— След наш. Мы заглянули в наше прошлое: конь-собака.

И они плывут.

Тихий свет моря и светлая тишина вокруг.

— Ведь это все наше всегда что было и что будет.

— А в жизни не бывает. Или на миг, или во сне. Все живое на свете несчастно.

И снова остров — башни, здания, блеск кровель.

И как только они ступили с корабля на землю, их окружила стража, надели цепи и повели в тюрьму.

Остров зовется Плачежный: здания — тюрьмы; кто попал на остров, дорога — тюрьма. Правит островом Ораш Набон — черный король, и его двадцать сыновей — ораши.

Злой обычай: рыцарю, попавшему на остров — поединок: победит, голову долой; а женщине, если окажется краше других, пожизненно тюрьма.

Исольда — всех прекраснее на всем свете, горькая ее доля, Тристан — победитель Аморольта, что его ждет, кроме смерти?

Тристан вызывает всех орашей поочередно. Все убиты. Он убил и черного короля Набона. Сквозь кровь он проникает в тюрьму к Исольде. И с Исольдой покинул остров.

Они плывут.

Плыть, избежав опасности, каждую жилку чувствуя, счастье.

— В тюрьме я никогда не покидала тебя.

— Перед смертью ты стояла, глядя из глубины и лицо твое наливалось светом.

— Разлука не грозит нам.

— И открывается жизнь.

— Мы родились пройти горький путь: ждать встречи и расставаться встретив.

— И жгучая память.

И существо каждого из них выплескивается друг в друга — миг нераздельного существования.

И глаза их канут.

Показался остров.

Богатство зданий, разнообразие форм и красок: любопытно. А попасть непросто: стоит остров в море на одной

ноге, только и можно подплыть, а как взобраться? Они осмотрели ногу и им в глаза дверка. Туркнулись — не заперто. И вошли в ногу и по лестнице поднялись на остров.

Правит островом королева Скатах.

Все ее подданные скопцы, и только ее брат без печати, Даре.

И всякий, кто прельстясь «лепотой» исхитрится попасть на остров, не мог избегнуть ножа Скатах. Та же участь ждала Тристана.

Они жили в королевском замке. Все им было предоставлено — полная свобода, но покинуть остров не было возможности — дверь у лестницы спуск по ноге на волю день и ночь караулит стража.

С каждым днем королева Скатах выказывала все большее внимание к Тристану, а брат ее Даре жадными глазами встречал Исольду.

И однажды королева сказала Тристану:

— Твоя судьба печаль, я дам тебе другие глаза и выведу из череды. Ты станешь свободен и сам себе выберешь судьбу.

В ее руке блеснул нож, — а была она необыкновенной силы поляница, но Тристан не присел, как другие жертвы Скатах, а поднялся — вырос, вырвал нож из ее рук и кровавясь ударил этим ножом, как свинью под горло. И обожженный кумачом исторгшегося вскрика выбежал с ножом к Исольде.

У Исольды был Даре — Тристан не видел его глаз, а спину — и под ножом Даре, не пискнув, упал к ногам Исольды — кровь залила ее ноги.

В красном пожаре, с поднятым ножом, угрожая, выскочили они на волю.

Морские кони мчат, рассыпают свою белую гриву, не остановятся, без оглядки — это путь моей воли, моего на своем.

Голубым облаком упал плащ с плеч Исольды, белая шитая золотом сорочка завилась в волне и уплыла.

И Тристан увидел себя перед ней: ее губы — блеск — красный сафьян и голубеет луч — бездонные глаза — желанный для любимого, грозный для недруга. А спиной к нему, но он видит, как будто стоит перед ней — фея Син, в ее руке намыленная губка.

И они очнулись во дворе замка.

По концам двора четыре дома — серебряные стены крыты лебедиными перьями. Перед замком девять орешен, из-под корней средней орешни выбивает ключ и бежит пятью потоками. С орешен падают в потоки орехи. Лососи — их пять — сгрызают орехи, а скорлупа плывет.

— Напейтесь! — слышат голос феи Син.

Они утолили жажду.

Навстречу зеленеет берег.

— Ирландия!

К берегу стеклянный мост. Как перейти: ноги скользят — шаг относит назад. Да это рыба!

И оба раскрыли глаза.

В окно башни ярко светило майское утро.

— А долго же вы спали! — говорит фея Син.

— Как долго?

— Прошло два Самайна, два лета, второй Белтене. Пора возвращаться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращение Тристана с Исольдой встречено в Корнуале с тем чувством восторга, с каким встречают любимое и повсюду слышалось:

«Да здравствует Тристан».

Даже больше, чем всегда: были убеждены, Тристан погиб. Двухлетняя неизвестность приписывалась его подвигам: Паламед, похитив Исольду, завез ее на край света и хотя в те времена на географических картах не значилось ни Руси, ни России, поминали о Москве, употребляя выражение Западного мира: «Тристан вырвал Исольду из рук красных палачей».

Говорили и о Драконе — у Дракона Тристан вырвал ядовитый язык и положил себе в карман, отчего чуть сам не погиб — спасла Исольда. Говорили самое невероятное, украшая славой любимого Тристана.

Не так встретил освободителя Исольды король Марк: «Два-то года где-то пропадали!» — он не верил ни в Москву, ни в Дракона — «басни для объяснения черных дел». В его памяти слова Тристана: «освобожу не для тебя, а для себя».

Карлик Мядпауп подвязал себе на голову оленьи рога, будто по моде, и смеялся под нос, нарочно попадаясь на глаза Марка.

Тристан уверял Марка, будто нашел Исольду в башне вчера, когда зажгли костры.

Даже Говерналь, закусив губу, старался не смотреть на Тристана: так невероятно это «вчера, когда зажгли костры».

А когда Тристан рассказал свой сон-плавание, Говерналь заметил: — остров Ораш в Ирландии, живут великаны, но о скопческой королеве Скатах ни во французской, ни в итальянской редакции ничего нет похожего — а только в русской.

Говерналь начинал верить, что все это действительно было во сне. Но что снилось Исольде? И разве не может сниться один и тот же сон двум разъединенным в жизни, а не в существе? про это и Тристан не спросил себя. Не упоминалась, и забыта фея Син — которой ничего нельзя было запретить.

Исольде Марк ничего не сказал: он был доволен, вернулась! ведь пустили слух, будто он проиграл Исольду Паламеду. Теперь язык прикусят: королева в Корнуале. А Тристану он приготовил назавтра свое грозное слово: навсегда из Корнуаля — путь Сидонии, Малая земля — Нант.

Исольда весь день просидела, нагнув голову к коленям.

Говорили, королева тужит по своем Жучке.

Брагиня достала другого пуделя — черный, как Жучок, подсовывала Исольде: служил перед ней, уставясь добрыми глазами, Исольда как не видела — она ничего не видела — горе заполнило ей свет.

Назавтра Марк через Андрета объявил Тристану свою волю: изгнание — немедленно и чтобы без комедий.

И как когда-то у короля Парамонда после истории с Белиндой, Тристан с Говерналем тайно покинули Корнуаль.

СОЛНЕЧНЫЙ ПАРУС

В Нанте Тристан женился. Не по-настоящему, как это по-людски женятся, а по бумагам. Разве можно было поставить рядом с Исольдой прекраснейшей во всем свете и любимой больше, чем любящий любит себя.

Тристан женился на имени: племянницу короля Гуя звали Исольда. В отличие от красной Исольды ей дали кличку: «белоручка». Не потому чтоб ее руки дóбела пылали, а просто, она не мыла посуду и пальцами в ордюр не лазила — из богатой семьи.

Самому повторять любимое имя Исольда и слышать повторяемое в доме — Тристану воздух.

Исольде было лестно: жена Тристана. Глубоко затаив обиду, она шла за Тристана на безбрачную жизнь.

Крепкая бретонка, мать называла ее «моя ласточка», а сами ласточки различали как домашнюю птицу, ее губы сравнивали с пурпурной наперстянкой, но в них не чувствовалось никакой влаги, резиновые.

Брат Исольды Каетан, еще с пухлыми губами подростка и мечтой сделаться рыцарем львиного знака, не расставался с Тристаном. Тристан рассказывал ему о Красной Исольде. Воспоминания яркие, горячие стали Каетану приворотом крепче и бесповоротней любовных заклинаний.

Каетан влюбился в Исольду — его мыслями овладела единственная дума о ней, она ему снилась во сне и представлялась в предсонье и он повторял за Тристаном: «Исольда! Увидеть Исольду!» Но это неисполнимо: море разделяло их.

На неисполнимое отвечают другим бесповоротным: смерть. Каетан принял столовую ложку или по старине рог сильнейшего яда: персидский: «шуша». И в предсмертном бреду повторял за Говерналем: «темная могила, долгая память». Говерналь, разыгрывая самоубийство, ухаживал за ним.

Наш мудрый аптекарь Бургос никогда не отказывал влюбленным и с большими предосторожностями не попасться, отпускал граненый флакон с персидской наклейкой «Шуша» — как кашельного суропу — приторную микстуру: сладость ошеломляла без последствий.

Каетан победил смерть, стало быть, свидание с Исольдой не неисполнимо, в чем он уверил Тристана.

Встречая вечер Тристан говорил себе, что вот и еще день канул в вечность — приблизил день встречи, которая непременно будет: без этой веры он не мог бы прожить минуты.

Он воображал себе эту встречу: «сразу у меня и слов не будет передать все, что эти дни-годы передумал и

перечувствовал «во сне снилось и слышал, слушая музыку — из недр жизни».

Во сне ему снилась ее душа: сотканная из тонких облаков нежных и чистых — поле — цветы — свет — тишина; с какой любовью она глядела на него и любовь в словах молчания.

Тристан всякий день писал письма Исольде. Письма — имена, в разнообразии имен — звук, образ и окраска его тоски.

В Нант нередко наезжал рыцарь Исольды Гарнот, с Гарнотом отправлялись письма в Корнуаль.

Женитьба Тристана, чего Тристану в голову не приходило, понята была Марком, как знак «остепенился» — Исольда — «белоручка» королевского рода! И подумывал, не вернуть ли Тристана в Корнуаль: имя Тристана громко.

Но, когда он сообщил Андрету, Андрет не задумываясь сказал:

— Если ты это сделаешь, я насильственно свергну тебя с престола!

— Не буду, не буду, — Марк поднял руки, обороняясь, и виновато присмирел, хотя Андрет бить не собирался.

Карлик Мядпауп пристально смотрел на Марка, совком высунув язык.

Андрет правил Корнуалем, а король Марк — ему остались: корона без встреваться и для забавы карлик.

— Вот ты мне пророчил: Тристан меня погубит. Ты все врешь.

— Да ты давно погиб, — отвечал карлик, своим совком дразня.

— И что за дурацкая привычка высовывать язык?

— Он у меня от времени сам вылезает. Мы с тобой отставные.

— Я тебя прогоню как собаку.

— Я не собака.

— Ну пес.

Карлик, выпуча глаза, убирал в рот совок, и снова высовывал, дразня.

А и вправду незавидная доля была короля Марка, всем командовал Андрет, а королева Корнуаля с того дня как Тристан покинул Корнуаль, голоса ее на приемах и праздниках не слыхали. Исольда затворница.

С Исольдой одна ее верная Брагиня. Ее называла Исольда святой черничкой — «девственница-мученица», что всегда вызывало смущение: время не изгладило памяти о первой брачной ночи.

С утра, как когда-то в Ирландии, обе были заняты с больными: они лечили волшебными травами — наука матери Исольды королевы Эмен; вечерами читали старинные ирландские повести, память о родине, и письма Тристана. Всякий день, всякий час, а мысленно всякую минуту повторялось имя Тристан. Это имя стало для Исольды стеклянным мостом из Корнуаля в Нант.

Из Нанта Тристан предпринимал путешествия — это разрешалось — по Малой Бретани и на острова. Ездил к королю Артуру и к Ланцелоту, участвовал в собраниях «Веселого Братства». Тут он встретил рыцарей, которых с детства знал поименно из своей первой книги: «Король Артур и рыцари Круглого Стола».

С болью прислушивался к рассказам о Исольде — рыцари бывали всюду и в Корнуале.

Его волновала всякая подробность. «Золотые волосы Исольды потемнели!» — замечание сразу приблизит Исольду: сравнивая с какой он прощался и ту, с какой он встретится, он чувствовал, как живое, и что ждет чего еще, сам не смея спросить.

* * *

Гарнот приехал в Нант, как всегда на краткий срок. И задержался, не собираясь возвращаться в Корнуаль: любовное приключение — какой же рыцарь без приключений!

Тристану Гарнот поверил тайну: жена Сегурандеса. И был убежден, шито-крыто. Но разве возможно что-нибудь скрыть в Нанте: чужая тайна — единственное развлечение, на что и звери падки. Тем более замешан иностранец. И Сегурандес, как говорили, принял надлежащие меры предосторожности.

Поле любви — широко и просторно, но и заставы. Кому, а Тристану как не знать! Свидания стали не безопасны. Гарнот попросил Тристана пройти вместо себя на разведку. В условленный час Тристан пошел. И наткнулся на Сегурандеса. Сегурандес поджидал у дверей и на стук, приняв за Гарнота, встретил Тристана копьем.

Тристан, как однажды Жучок с поля, дыша, добрел до дому.

Рана была не тяжелая — пырнул! — на турнирах на такое не обращают внимание, но копье было отравленное — Тристан слег и не подымался.

Единственное спасение — Исольда: тайна яда: отравленный меч Аморольта «за родину» и отравленное копье Сегурандеса «за друга» — в ее власти.

Давно был готов корабль, задержка из-за Гарнота, но теперь он немедля едет и вернется из Корнуаля не один, а с Исольдой — «во что бы то ни стало».

Он думал о Андрете: какую подымет против поездки Корнуальской королевы к ссыльному в Нант.

Тристан думал не о Марке — «короля не спросят», ни о Андрете, — «так его Исольда и послушает!» — он думал о Исольде: долг и любовь, что возьмет верх? ее любовь — как я люблю ее».

— Если Исольда... если ты без нее вернешься, подыми черный парус.

— Что за ерунда, — сказал Гарнот, — черный парус! Да у меня и нет такого.

Гарнот простился — верная любовь.

Исольда, ее брат Каетан, Говерналь, Сегурандес, без вины виноватый «обознался», и его жена не отходили от Тристана.

Дни ожиданий: боль и тоска.

Всякий день Каетан и Исольда бегают на пристань и подолгу следят за морем — им все кажется на горизонте машет белый парус. И уверенно возвращаются домой:

— Чуть-чуть видно белым облаком.

Тристан открывает глаза — белым облаком в его глазах плывет надежда.

Желание и надежда приближают сроки.

Любовь сильнее долга — корабль Гарнота вышел из Карнуаля, плывет Исольда и с ней Брагиня, везут волшебные травы на яд.

К ночи на море буря. Вдруг закипело — гремит.

Эти перебойные песни, звучащие сверла в первородное, преисподнее — бездонное нутро, густое всасывающее и затягивающее в свои бескрайние недра и стоголосый выплев — выплеск в крутящий вихрь.

Стук копыт, треск ремней, скрип колес, щелк бича шум колесниц, громыхание — звон — цепи, мечи.

Это я
я вздох
свист
буря
резкий ветер
зимняя ночь
крик
рыдание
стон
я всегда и всюду
моя любовь Тристан.

— Исольда.

— Я могу засветить солнце, луну, звезды.

— Солнце.

Всю ночь никто не сомкнул глаз.

К утру затихло.

Каетан побежал на пристань.

На горизонте в рассвете белым крылом мелькало — корабль.

Каетан вернулся. Наконец-то дождался — он верил:

Белый парус — Исольда.

Задремавшая под утро Исольда очнулась: Исольда — ее она увидит! — и сердце ее сжалось и для мысли: «Исольда спасет Тристана», — не осталось места.

А время идет и никаких гудков и на улице тихо. Не стало сил ждать. Бессонная ночь колола глаза: повалиться и заснуть.

Каетан остался стеречь, а она вышла.

Море сверкало, сковано золотом — литые бороздили дороги, колыхая ширь. В глазах рябило. Она приставила зонтиком руку и вглядывалась. И видит и поняла, то не заколоденое золото — остров, плывет корабль. Она опустила руку — солнце ударило ей в глаза и она различает: корабль — черный парус.

С ужасом — она говорила себе и повторяет: «черный парус». И словами чувств выговаривается: вестник смерти.

Она вернулась. В глазах ее чернело. Потом скажут, она обманула Тристана: обидой очернила белый парус.

— Черный парус! — говорит она слепым голосом, не различая ни себя, ни встречный отклик.

«Исольда не приедет!»

Так понял Тристан. И боль — но это не рана, ни точащий яд, — больше ждать нечего.

«А вдруг все это было неправда?»

И с этой последней мыслью Тристан почувствовал, как чьи-то проворные пальцы забивают ему рот ватой. И он задохнулся.

Больше о Тристане я ничего не знаю. Я знаю, нет, все это была правда, под белым парусом Исольда приехала на корабле Гарнота. И дорога горя привела ее в дом смерти. Она несла надежду на жизнь. Но когда она увидела Тристана — глаза его ей не ответили, печаль перелилась горестью и остеклела — «больше ждать нечего», в ней все содрогнулось и огонь ее чувств задушил дыхание жизни. Она пришла поднять и сама упала.

— Изотта! — и Брагиня с ужасом повторила: Изотта.

Но туда — за стену совести не донесет человеческий голос.

Сумерки овеялись зеленым — в зеленом плаще показалась фея Син.

Она властна зажечь солнце, луну и звезды, но мертвого ей не воскресить, и не надо.

Она сказала:

— Разлучница-смерть заступилась: Тристан и Исольда неразлучны.

Она коснулась белых цветов своей серебряной веткой, — и музыка, захлебнув в звуки светлым серебром, развеяла сумрак, зажигая в человеческом сердце мечту о потайной любви человека к человеку — какая жгучая пламень в тонком пламени любви, обреченной судьбой на разлуку до самые смерти.

* * *

В Корнуале на королевском кладбище две могилы — два камня. Между камнями земля, но сплетшиеся ветви верхушек надмогильных деревьев говорят о одной могиле: Тристан и Исольда.

Над твоими трудными бровями,
над печалями неутоленных глаз
сияет месяц.

В руках поводья нахмуренных звезд
Обод солнца — дуга.
И гулкие кони — черные вихри —
алчная ночь: мчат по серебру дороги
Последний отзвук.

Последнее слово, переживший Говерналь, слепой, один приходил на могилу — до последних дней. Когда-то Брагиня сажала розу, а он бегал с лейкой за водой, а теперь выполоть траву не видит.

Стерлись надписи, упали камни, сравнялся холм. Тристан и Исольда музыкой расцветили мир, растворились в чувстве жизни и звучит через века. А о судьбе помирившей могилы — след человека, что жил на свете, хранит память ирландская повесть о Байле и Айлен.

БАЙЛЕ И АЙЛЕН

Байле единственный у Бауна, непохожий среди других: увидя раз, нельзя было не полюбить его, та же и молва о нем — Байле добрая слава. Но из всех горячее и крепче полюбила его Айлен, дочь Лугайда. И для Байле Айлен единственная была на свете. И они сговорились встретиться в Росе-на-Риге и там заключить союз любви.

Из Эмайн Махи Байле пошел на юг. Миновав гору Фуат, достиг Трайг-Байли и вышел на долину Ауфтене. Тут его спутники выпрягли коней из колесницы и пустили пастись на лужайке, а сами расположились отдохнуть.

И когда их глаза переходили в край марева сна, вдруг видят: страшилище-человек приближается с юга. Этот призрак двигался наклонясь левым боком к земле, стремительно несся над землей, как ястреб, ринувшийся со скалы, как ветер с зеленого моря.

— Живей подымайтесь, — крикнул Байле, — спросим куда и почему так спешит?

— Спешу в Туайг-Инбер, — отвечал призрак, — и нет у меня других вестей, кроме одной: дочь Лугайда Айлен полюбила Байле, сына Бауна и направлялась на свидание с ним заключить союз любви, когда воины из Лагена напали и убили ее. Как предсказали друиды: не бывать им вместе в жизни, но в смерти они будут вместе вовеки. Вот моя весть.

Страшный призрак рванулся и полетел. И не было силы удержать его.

Байле упал на землю без дыхания мертвый.

Вырыли ему могилу, насыпали вокруг вал, поставили каменный столб и начали справлять поминальные игры.

И выросло на могиле туисовое дерево, верхушка похожа на голову Байле, потому и место зовется Трайг-Байли.

* * *

А страшный призрак направился на юг к Айлен, проник в ее лиственный дом.

— Откуда ты явился? — спросила Айлен.

— С севера Ирландии из Туайг-Инбер, — отвечал человек-страшилище.

— Какие вести несешь ты?

— Нет у меня других вестей, из-за которых стоило бы печалиться, кроме одной: в Трайг-Байли видел я уладов, справляли поминальные игры. А сперва они вырыли ему могилу, насыпали вал вокруг, поставили каменный столб на могиле, вырезали имя: Байле, сын Бауна, из королевского рода уладов — ехал к милой своей любимой, которой отдал свое сердце. Но не судьба была им вместе быть в жизни, живыми увидеть друг друга.

И страшный призрак унесся.

Айлен упала мертвой.

Ее погребли как Байле.

И выросла на ее могиле яблонь, верхушка яблони, видна словно б голова Айлен.

* * *

Прошло семь лет, друиды срубили тис с головой Байле, и из ствола выпилили доски и на досках на ребрах «огамом» записали о деяниях и о любви уладов. Тоже сделали ведуны лагенды с яблоней Айлен и на яблоновой доске на ребрах «огамом» записали повесть о любви.

Справлять канун Самайна собрались у Кормака, сына Арога. На праздник были принесены записанные доски. Кормак велел подать их себе.

И он взял их — одну в левую, другую в правую лицом друг другу: тис Байле и яблонь Айлен. И одна прыгнула к другой — и они соединились, как жимолость обвивается вокруг ветви. И нельзя было разъединить их.

Так и сохранили их, как другие драгоценности в сокровищнице Темры, столицы Ирландии.

Сказал Айдор Светлый:

Благородная яблонь
Айлен-Исольда
Несравненный тис
Байле-Тристан.
То, что хранят как древние песни
Не понять неразумному слуху.

БОВА КОРОЛЕВИЧ

ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ

Все начинается с книги: ночь, молчание. На улице сочиняется, но не сочиняют. Песня складывается не по «вдохновению», а из книги.

Имя Бова (Buovo d'Antona) — впервые прозвучало на границе Франции и Германии в XIII в. в устном сказе (chanson de geste). Повесть вызвала сочувствие слушателей. Сказ подхватили и разнесли по соседям: из Франции Бова попал в Италию, Англию и Скандинавию.

Устная передача, основанная на записи, переходит в книгу, обработанная и устроенная в форме повести. Французская редакция — 1330 г., итальянская — 1250 г. Рассказом повесть вошла в XVI в. в Историю предков и потомков Карла Великого — королевича Франции (Re di Francia). С итальянского сделан был перевод на сербский, с сербского на белорусский («Познанский сборник» 1580 г.). Имена Бова, Лукопёр ходили в народе в Смутное время, когда складывалась сказка о «славном, сильном, храбром и непобедимом витязе Бове-королевиче». Редакции русской сказки известны конца XVII в.

Бова покорил Русь своей беспримерной отвагой — «один на всех!» и сказка о Бове-королевиче сделалась любимой русского народа.

В 60-х годах XVIII в. переписчик сказки мог «кормить свою голову», п. ч. «походу на нее было против всех книг». Сказка была признана выражением народного духа, русского происхождения.

Радищев, а за ним Пушкин (1816) откликнулись на Бову.

Сказка не только печаталась, а рисовалась. И в редкой и в курной избе не встретится — в красном углу образа, а на стене картинка из жизни и трудов Бовы-королевича. Бова продержался до революции 1905 г. и ушел «текстом» к ученым исследователям.

Имя Бовы никого не смутит — все знают, но сказку о Бове никто не помнит. И только крепко держится: сказка русская, народная. И какая может быть речь о Франции и Италии. И еще сказка русская народная и по содержанию занимательная и веселая.

Когда я писал мою повесть о Бове, одновременно рисую, я показывал картинки и объяснял, читать по рукописи мне не по глазам. Один из собеседников большой книжник, сказал: «откуда это? — и сам ответил: восточное, татарское что-то. Другой ие менее просвещенный, тоже Бову с Орды повел — воображаю как подскочил бы его дядя историк — на «источниках» собаку съел! А третий — энциклопедия! — на мое «измучился над Мелюзиной, кончу, за Бову примусь!», заметил: «Это будет легче». Я понял: «и мучиться не придется, веселая история».

А между тем, Бова, не зная, как Эдип убил своего отца, не зная «правды» о матери, кладет живую в гроб. И близко связанные с ним, гибнут: любимые собаки отравлены, невольно спасая его; дурочка, просидевшая за него в тюрьме 30 лет, «пошла и не вернулась». Пуликан, спасая Друзиану, съеден львом. И сам он, уйдя из жизни — крепь жизни любовь! — обращенный покаянием к Богу, как-то погибает «напрасною смертью». Да, эта трагедия не уступит Мелюзине, — какой страждующий мир на «святой земле».

Моим главным источником — исследование А. Н. Веселовского «Из истории романа и повести». Вып. 2, СПБ, 1888 г.

I

1

Добрый старый король Гвидон нажил себе имя — Гвидон Дантона! — а пропустил жизнь.

Город Антон — из городов поискать. На площади три памятника: серебряный Пушкину за его чувствительные стихи мудрой деве — «дурочке» Зое; золотой Радищеву за гимн — славяно-русским слогом по Буало — гимн славе, силе и могуществу Бовы; медный Пуликану — стоит на задних, передними служит.

Город Антон ночью, как днем, светло, фонари горят: вору застава, жулику тын. В хронике ни грабежей, ни увечья. Уверенная жизнь. Праздники чаще буден. А королевские приемы невидаль и у султана: пестро, нарядно, музыка и стол. Со всех концов везут товары и едут гости на поклон к Гвидону. В календарях и географиях первым мировым городом называют не Рим, не Москва, а Антон.

О деяниях Гвидона богатая литература, а еще больше несет его память. Годы идут, трамбуют и самые яркие воспоминания, а хвастовство тупится. И на угодливых глазах осчастливленных и сам с собой Гвидон скучает.

Скучно? И это когда все есть, а чего-то — самое главное — не видно, пропало или вовсе не было. Он дожил до воспоминаний, забывается и слепнет — как же так случилось, не женился — он король! Но какой же король без королевы?

И глаза его прояснились.

Кто из невест краше Брандории — прекрасная королевна Брандория! — ей и быть королевой Дантона.

За Брандорию сватался Додон из Магандца. Додон не чета Гвидону, под стать Брандории.

Гвидон про это знает, но однажды он сумел, справился с отцом Додона, та же участь ждет сына, если посмеет — королевская воля и слово все сокрушит, не согнуться!

И повеселел.

Прервав слово на переносе, он отложил в сторону свои военные мемуары, многолетний труд, выбрал потверже лист, — и черные по сини вдавились буквы, не грозя, но едва ли придет кому мысль, прочтя, сказать: нет.

Среди рыцарей самый молодой, любимый Ричард — с него Фукэ напишет своего Сент-Этьена.

— Путь тебе, Ричард, в Дементиан к королю Оттону, сказал Гвидон и вручая письмо, уверенно, петушком, назад ты вернешься — с королевной!

Если бы Гвидон сказал: «поди и принеси яйцо Кощея (в яйце — душа)!» — Ричард, верный рыцарской клятве, не задумываясь, пошел бы за бессмертием на смерть.

2

Оттон не Кощей бессмертный, уламывать пустое дело. Оттон за облаками — Гвидон Дантона зять. Староват, из ума выжил, но возрастом меряют скот, а ум ни при чем, какой-нибудь бродяга, ума палата, а дурак. С Додоном Брандория обручена — поменялись кольцами: «кольцо — верность слову», но это считается среди мещан, а можно и разобручиться.

Прекрасная королевна Брандория, ты слышишь? А про это ты чуешь; злая молва — суд народа — назовет тебя позорным именем Милитриса (meretrice). Но кто это сказал, какой провидец, «Суд народа — суд Божий»? Неправда! суд народа — ложь.

Брандория вошла к отцу непреклонна: ей все известно, Оттон повторил о Гвидоне.

— Я люблю Додона, сказала Брандория.

Ричард, свидетель встречи, вздрогнул: его пронзило так просто сказано бесповоротное «люблю».

— Люблю! повторил с хохотком Оттон, недаром прозвище «кирбит», по-персидски «сера», кто любит, тот любится, а замуж выходят...

И с тем же шипучим хохотком, подскоча, сорвал с ее пальца обручальное Додона — кольцо покатилось к ногам Ричарда.

— Да ты что же думаешь, я на твоей матери женился любя? и мечтательно повторил, кто любит, тот любится.

Сердце ее вепрь, ни «да» и ни «нет», тут не спрашивают и не выбирают, Брандория вышла.

И «в последний час свиданья», как поют цыганы, когда пришел Додон прощаться, в цыганском зное — эта «злая тоска-разлука» и «моя безоглядная воля» — в звонкую торопящую «чёрынаю» ночь мудрое слово отца о любви венчало не золотым, а кровью кованным кольцом любви навек.

В «последний час» забрезжило утро — если б собрать все тени и весь широкий и горбатый пепел ночи и угасить свет!

В то же утро Брандорию отвезли из Дементиана в Антон.

Ричард, исполнив свой рыцарский долг, поклялся клятвой сердца быть рыцарем до смерти бессчастной Брандории.

Свадьбу сыграли по-антоновски светло и звучно. Все дальние и ближние съехались в Антон — короли и королевы, принцы и принцессы, князья и княгини. И только не видно было среди гостей Додона.

А без него Брандории веселые огни, как чад, а музыка взвой сердца.

Гвидон на седьмом небе — не горностаевый король, а порфирный — король с королевой.

3

Не по дням, а по часам растет Бова, как растет не по дням, а по часам черна-черней — тоска у Брандории — у его матери.

Счастье! никогда не в одиночку — повалит, не остановишь. Не узнать Гвидона.

Куда девалась скука! Нашел забаву: сын растет, Бова королевич. Подданные не знают куда деваться от щедрой награды: тешась в военные игры с королевичем, король засыпал золотом и орденами — слова благодарности исчерпались, а медали некуда вешать.

Бове исполнилось три года, а скажешь не три, а тринадцать — три Теризу, молочному брату, сыну воспитателя Синибалды, кормила и Бову и Териза Джаконда.

Под богатырской ли звездой он родился, или это любовь творит чудеса — ни в отца, ни в мать, сам по себе, разве что глаза — неутолимые Брандории.

Привязался королевич к отцу королю. А взял Бову Гвидон мемуарами. И чем заковыристей история, тем пристальней глаза и веселее внимание, что масло в огонь, вздувает рассказчика. На приемах возьмется Гвидон за слово: «Православные христиане...» — плетет-путает и завязнет, а с Бовой полон рот горохом набит, словами так и стреляет.

Что Гвидон, что Бова — неразлучны.

«Пойдет сын в отца, говорят, дай подрастет, покажет, весь мир завоюет!»

* * *

Любви нет срока, а терпенью наступит конец.

Говорит Брандория Ричарду:

— Ты меня любишь, Ричард?

— С твоего первого слова: «люблю».

— Ты рыцарь короля.

Ричард низко опустил голову, шея его вытянулась под жгучей пилой, а терпит.

— Я больше не могу, слышишь?

Ричард понял, и посмотрел в глаза Брандории. Что-то болезненное прорезало его крестом со лба до подбородка.

Она смотрела, испытуя.

«Исполню», сказал Ричард, и это его «готов» вышло из глуби несомненно.

— Ты поедешь в Маганедц, говорила Брандория, скажи Додону, пусть освободит меня: в субботу в Селяравенском лесу он встретит Гвидона. Лес не выдаст.

«Додон мне не поверит: я рыцарь Гвидона».

— Убеди его, покажи, как ты меня любишь. Я больше не могу.

И слезы подхлестнули рыцаря короля — со всей решительностью Ричард вышел: любовь или клятва?

— Ловушка! окрысился Додон, как только Ричард разинул рот, передавая волю Брандории, король Дантона убил моего отца. Селяравенский лес! Теперь хочет зама-

нить меня и взять голыми руками. Какая порука твоих шпионских слов?

«Моя жизнь».

— Твоя жизнь мне под хвост! Когда мою отщелкает эта старая лисица. Ты рыцарь Гвидона и я поверить? твоя рыцарская клятва...

Гордо ответил на истину Ричард:

«Есть выше клятвы».

— Что же может быть выше?

«Выше клятвы, выше чести, выше правды — любовь. Тот, кто любит, тот поймет. Любовь разрешает клятву».

Додон велел посадить Ричарда в тюрьму: заложник. И раздумался.

И не расклятая любовь рыцаря, а свидание с Брандорией и отвага укрепили его решение попробовать счастье.

С братом Дан-Альбригой он готовится на опасное дело. В субботу тайно из Магандца они выступят с войском и к вечеру займут Селяравенский лес.

4

Нарядная — дорогие камки и бархат — отражена в зеркале, колдовском осеннем озере, оглядывает себя Брандория, чаруя и чаруясь. На сердце костер, а на лице мороз и синей прорубью глаза. Не золото на голове, а серебряная корона — чиста и непорочна, как «в последний час свиданья». Даст ли ей свободу вечерняя заря?

Прекрасная королева Брандория, кто тебя не узнает, а я по серебру короны, и твою душу — сияющий белый свет — венец твоей бесчастной доли.

Нетерпеливой своенравной королевой она вошла к Гвидону.

По разбросанным по полу «Мемуарам» Гвидон, с подвязанным обезьяньим хвостом, скакал на потеху Бове вокруг стола, представляя обезьян — живая иллюстрация походов в Обезьянье царство.

В стороне у окна согнулся Синибалда с красным карандашом на метком отлете — проверяет диктовку.

На всю жизнь Брандории, каким теплым огнем взблеснули глаза сына навстречу ее тоске — ее крику лопнувшего терпения.

Брандория кричала:

— Зверины! хочу кабаньего мяса! и пересохшими губами втай Гвидону: я беременна.

Обезьян, застигнутый врасплох, теребил хвост: «Беременна!» — он не ослышался, но невероятно, чудо, которого он никогда не ждал, «даже в мечтах».

«Зверина — кабанье мясо!» тут ничего нет невероятного. За кабаном будет ему всего ближе Селяравена: в лес он поедет сию минуту и к вечеру на ужин будет зверина.

Не дожидаясь обеда, Гвидон и с ним два старых охотника поспешили в Селяравенский лес.

* * *

Есть что-то оскорбительное для человеческой воли: время, погода и сроки жизни. До вечера, казалось, не дождаться, а вечер не дожидаясь сам придет.

Вечерняя заря — последний солнечный луч — последнее дыхание дня, Додон занял город и королем вошел во дворец.

А Гвидон остался в лесу, зверине королевским мясом на ужин. Найдут обезьяний хвост — хвост от выделанной шкуры и в разваре несъедобен — его с честью и похоронят — память о старом добром короле.

* * *

Счастье всегда скороспешно и торопит. Блеск счастья слепит, а счастливая мысль стрекочет на одной счастливой, без раздумья.

Надо было, хоть для приличия, выждать сорочины, а объявлена была свадьба: Додон и Брандория.

Не заметила Брандория, что на венчанье с образом шел перед ней не Бова, а Териз. Она не хватилась, что на свадебном обеде нет ни Бовы, ни Синибалды.

Она вспоминает, как появившийся во время пира, освобожденный из тюрьмы Ричард шептался о чем-то с Додоном, и Додон громко сказал Дан-Альбриге: «Справимся!». Но с кем, она не задумалась.

Счастье — броня. И правда ли это, будто счастливая душа нараспашку?

* * *

Додон легко овладел Антоном. Растерялись. Ссориться друг с другом куда проще, чем обороняться. Додон ко-

роль Дантона! Но память о старом короле — привольная жизнь! — а что-то сулят новые порядки? Додона никто не знает — очнуло и самых, для которых все равно, тревогой.

Неуверенность сговорчива. Синибалде удалось собрать войско. Он решил сопротивляться. Он пойдет в Сумин, ближайшая крепость, и из Сумина выступит на Антон гнать Додона. А королем Дантона объявить Бову.

С Бовой вышла заминка. Синибалда оглядел все погреба и курятники, нет Бовы.

Бова спрятался в конюшне.

Он еще не мог понять, что произошло, он чувствовал, что произошло страшное и неповторимое: убит отец! А мать вышла замуж — жена убийцы! И все, начиная со «зверины» — крик матери идет, как по сговору. Между кем? Синибалда, Ричард. Имени мать не называется, но все в нем выговаривало это единственное имя. И не заглушить. Один выход: пропасть.

Не Синибалда, любимые выжлы напали на след — Бова нашелся. Нечего было и уговаривать, одно слово: «месть» — освободило душу.

Синибалда забрал Бову, Джиаконду, Териза, брата Огена, служил в Префектуре; с ними оказался Ричард, рыцарь Гвидона. И на третью ночь после королевской свадьбы, войско Синибалды вышло из Антона окольными путями к Сумину.

И все было ничего, шли в скрытии и не шумели. Горланы, по совету Огена, завязали себе полотенцами рот, оставив щелку, не задохнуться. А наутро, когда развязались и пересчитывали друг друга, смотрят, Ричарда нет: пропал дорогой.

«И пропадать ему нечего, заметил Оген, Ричард шпион».

Ричард вернулся в Антон. От Ричарда стало известно точно путь Синибалды, количество бунтовщиков и что среди них Бова.

Додон, немедля, снарядил погоню и вместе с Дан-Альбригой кратчайшей дорогой вслед за Синибалдой. И застиг врасплох.

Войско расположилось на отдых. И увидя Додона, кто как на коней спасаться.

Бова упал с лошади и первым из бунтовщиков попался в руки, что Додону и требовалось.

Было к ночи. Решено переждать до утра. Додон угощал своих. В его шатре всю ночь музыка. Так под музыку и заснул.

И снится ему, как бы он на поле. Все поле желтые цветы, мелкие, как одуванчики, а не одуванчики, золотее золота — в глазах играет. И не один он в поле, он вдруг заметил, как из золотого облака отделился и плывет к нему весь в белом. И сам он видит себя в белом. «Скорей бы рассвет!» подумал Додон и пятится. А укрыться негде — кругом золотое поле. А то облако — тот в белом все ближе и все быстрее — синие Брандории глаза, а не Брандория, в упор. Да это Бова! догадался Додон и смертельный ужас сковал его. Он протянул бы руки: «спасите!» — но не успел сказать, как, острым сверкнув, ударило его в грудь и острие пронзило сердце. И желтые цветы окрасились кровью.

Додон проснулся — и было такое чувство, как приговоренный — оно придет и неизбежно, враг его — Бова.

Брезжило утро — желтая заря. В рог трубят: пора!

5

Страшную весть привез Дан-Альбрига: Додон решил бесповоротно избавиться от Бовы. Поверил ли Додон вещему сну или, сном прикрываясь, простое соображение: с устранением Бовы — имя его треплется среди бунтовщиков — устраняется претендент.

Додон извещал Брандорию о судьбе ее сына: обречен на смерть.

Сердце дрогнуло — взорвало, хмельную от счастья, душу.

— Пусть выдаст мне сына, сказала Брандория, я сама с ним расправлюсь.

И мысли ее, цепляясь друг за друга, скручивались на одной: спасти сына. И когда Ричард — верный рыцарь! — привез Бову в Антон и передал на руки счастливой матери, она велела посадить сына в тюрьму. И пять дней сидит Бова под замком за решеткой. Знает, держит его в тюрьме мать. И ему ясно, что убийство отца по уговору матери с Додоном.

«Что же это такое? Что со мной будет?»

Через пять дней победителем вернулся Додон. От войска Синибалды не осталось и половины, Синибалда вскочил в Сумин и затворился.

— Страх не велик от падали. А с Бовой покончено?

Есть упорные мысли, не выговариваются, она хотела сказать: «Бова наш сын», а сказала свою первую мысль:

«Завтра все будет кончено».

* * *

Когда зашло солнце, она позвала Зою — из всей челяди Зоя была любимая и тайная.

Есть в природе отчего сердце радуется — Зоя и была такая, оттого и звали ее «дурочка». Дурочка глядела и видела, глаза ее одаряли желаемым, и много знала посвоему, не всякое у нее поймешь — и кажется, так плетет — так цветы плетут, не глядя, конечно, на нашу меру и спрашивать нечего, очень мудрено. С такой можно все говорить, все поверить — не выдаст: стена! только стена слов не откаменевает, а у ней и без слов, ответом будет свет.

Брандория дала ей му́ку — замесить две лепешки; и еще дала яд — слаще меда! — замесить в тесто. И когда лепешки были готовы, она подала Зое и, глядя куда-то под землю, сказала:

— Снеси в тюрьму сыну.

И Зоя с такой же самой улыбкой — эта улыбка, как цветы цветут! — как войдя на кухню, так и с отравой спускалась по лестнице во двор.

Завидя ее, выжлы почуяли, куда идет, и с медвежьей припрыжкой за ней: соскучились! Она не отгоняла, она, показывая на лепешки, что-то говорила, убеждая, и они понятливо кивали ей.

Когда она вошла в тюрьму, выжлы кинулись наперегонку к Бове, облапили, лаская. Бова взял у Зои лепешки, но куда там удержать!— лепешки выскочили из рук и упали на землю. А выжлы подумали: им награда! и с жадностью набросились — «слаще меда!».

— От матери гостинец! — сказала Зоя и посмотрела на него своими сияющими глазами — а у него только и осталось, что глаза, пылая.

Что она хотела ему сказать, какую весть? — и какая радость вдруг осветила тюрьму!

Выжлы, проглотя свои последние кусы, с визгом катались по земле, давясь: и перевернувшись на спину, не дыша, мелко вздрагивали, лапы кверху.

Бова все понял... да не все он понял, и закрыл глаза, остолбенев.

Она взяла его за руку и, как слепого, повела — распахнула дверь.

— Иди, сказала она, а я за тебя.

И это он запомнит: «я за тебя».

Широкими глазами глядя, вышел на волю.

Та ночь была звездная, тени скрытные, иди куда хочешь, дорога не выдаст.

Ощупью прошел Бова двор и пустился бежать.

* * *

Ночью таясь вышла Брандория во двор и к тюрьме — так все пять ночей подходила она к решетчатому окну, горюя.

У двери спят выжлы, но не похоже, что спят они, а как брошенное полено, одеревенели и лапы кверху. И она все поняла.

И к окну.

Зоя сидела, наклонясь над столом, глаза ее открыты — и в каждом по звезде цветет, играя. Она спит и дума ее бродит по сонным дорогам.

— Что ты говоришь, Зоя?

«Заколдовали счастье».

— Чье?

«Мое — вы».

И в ней отвечает другой знакомый голос.

— Я расколдую кровью: убью отца и мать.

— С кем ты говоришь? Брандория с тревогой заглянула глубже: Зоя была одна.

«Он вышел на дорогу». Зоя улыбнулась и звездные цветы в ее глазах погасли.

Брандория тихонько отошла. В двери торчит ключ, тускло светясь на черном. Она заперла дверь тюрьмы и с ключом по еще не остывшему следу.

Звездная была ночь — пути и перепутья неразгаданных загадок.

Она остановилась — лицом к лицу с тайной — судьба ее сына. И осеняя крестом, ее материнская рука поднялась

к зениту — и были пальцы ее как звезды и упали синей звездой до подножия белого камня и широко вызвездили от живого окна тюрьмы к притаившейся стене дворца.

Прекрасная королева Брандория!

II

1

Матрос к матросу:

— Что это, зверь или птица?

«Где?»

«На берегу, видишь, там, ровно б пляшет?»

Спустили лодку.

А Бова, кричать голосу нет, бегает как угорелый, руками машет — по-утиному.

Его и закаляпали.

— Твое счастье! И как тебя нелегкая, тут и зверь пустынник.

И когда вернулся на корабль морнар и Бову поставил, собрались все матросы: и за допрос:

— Какой веры, татарской — татар не велено брать — или христианин?

— «Крещеный», сказал Бова.

— Имя?

— «Зовут Ангусей».

— Ангусей? Все дружно захохотали, англичанин!

— «Отец пономарь, мать прачка», продолжал Бова выдумывать ответы.

— Ты что же, украл?

«Меня обокрали».

Бова рассказал правдоподобно, как нес он от матери белье, навстречу ярыжка, остановил, сверил по счету белье и отнял; возвращаться домой страшно: мать прибьет, отец отколошматит.

— А что ж ярыжка?

— Ярыжка? Бова улыбнулся, как Зоя, ничего.

— Твой ярыжка дурень, на тряпки польстился, а тебя упустил. Морнар погладил Бову пальцем со лба по губам.

Матросы спросили, кому владеть находкой. Всю ночь разыгрывали Бову. Говорили по-русски. Бове непонятно

о чем, и только отдельные слова — Синибалда всему учил, но ругаться и сам не умел, кроме «к черту» и то легонько.

Бова не спрашивал: «Что со мной будет?» Что еще может быть, когда родная мать хотела его отравить?

Шел корабль, коробля волну, убаюкивал.

— Я всем вам буду служить! говорит Бова в голос волны. И заснул.

И видел во сне ярыжку, которого никогда не видел, черный, страшный, как старый морнар, черным пальцем ласково гладит его со лба по губам.

— Разлупайся, говорит он, приехали: Армянское царство.

2

Все матросы на палубе и с ними Бова.

В Антоне всегда ветерок, а тут как в натопленной комнате. Пристань забита народом — не цветы, а волны чирикающих лоскутов. И один, поблескивая золотым шипом, кубариком перекатывается и пестрая волна уступает волне.

— Смотри, вон их король! махнул сосед Бове.

«Ожидайте королевских послов», — отшелестелось по кораблю.

Ввечеру нагрянули послы — со щупом и цаплями. Бова! а товар мимо глаз, а было на что позариться, три часа любовались.

И доносят королю, что есть на корабле ни с кем несравним — затмится «солнечная луча», отшибло взглянуть на товары.

На следующее утро пожаловал король. Перед ним товары враскладку, сами лезут в глаза — смотрит, не видит, а на Бову сквозь.

Король Зензевей в диком восторге:

— Покупаю.

Матросы уперлись:

— Наш, не продажный.

А корабельщик заломил цену, и королю подумай, триста литров золота — три обезлиона на обезьяньи, целое состояние, жилой дом с абрикосовым садом.

Зензевей и на такое пошел.

— Беру. Получайте.

И золотом осыпался корабль. А Бову выдали королю

— Изумительно! потрясающе! повторял король, ныряя вкруг Бовы и павлином опахивая.

Одно покоробило: незнатное происхождение — если бы хоть слесарь или электротехник, а то бесполезное «пономарь», а мать «прачка»! — тоже и имя: Ангусей! — для птиц годно, человеку на смех. Правда, имя можно переделать: дворецкий, первый человек в государстве, тоже Ангусей, а зовет себя Ангулином, а родословную разве что подложными бумагами и все-таки только подделка, не оригинал.

И когда шли они с корабля, король с Бовой, вся дорога глядела на Бову. И как будут ближе ко дворцовым воротам — и как увидела королевна Друзиана, вышла навстречу.

Бова, взглянув на Друзиану, вдруг что-то вспомнил — и это было как в сури недавнего — свет улыбающейся Зои — или любовь никогда не приходит с ветру, а из огненной памяти вдруг. И его потянуло к ней. И он глядел на нее, без ворожбы ворожил.

— Отдай мне его! сказала отцу Друзиана.

— Не проси, невозможно.

Зензевей, не хотя при Бове, объяснил по-армянски, что, мол, в частном порядке он тебе будет за столом прислуживать, но официально место его на конюшне, смерд.

3

На Благовещенье, чтимый армянами праздник, к Зензевею съехались гости. За обедом прислуживал Друзиане Бова. Гости на него любовались, а всех больше сама Друзиана.

И когда Бова поднес ей на десерт блюдо, любимое Зензевеем — печёные яблоки со жженным сахаром, она, заглядевшись, уронила салфетку.

Бова стал на колени.

Друзиана нагнулась — лицо его пылает, глаза так близки — и она поцеловала его.

И этот тайный поцелуй розовой яблоней зацвел на его губах, а она вся цветет.

Когда гости поднялись из-за стола и, по обычаю пира, Друзиана поцеловала своего слугу, все глаза обратились на королевну — как заря над колыхающейся ночью, занялась она и играла, обещая ясный день. И у всех было о ее слуге — откуда такое чудо, поглядеть, не надо и музыкантов, свободно и легко.

* * *

День и ночь Бова на конюшне. Конюшня каменная. Зензевею спокойней: боится, украдут. Конюха его не замечали. Но Бова не одинок: с конем скажешь больше. Редкий день не заглянет Друзиана: она приходила любимых коней проведать.

Бова отпросился у Зензевея в поле по траву. И был ему день-воля. Вернулся в венке. Зашла на конюшню Друзиана и как увидела, какой на его голове венок и сейчас же:

— Отдай мне!

— Я раб твоего отца, не могу тебе дать, — сказал Бова и поднял руки к венку, заграждая.

— Нет, ты мне его отдашь! Я хочу носить.

Ее слова — это то же, что на поле встречный ветер: и не поддамся и не в силах уклониться — Бова сорвал с себя венок, бросает к ее ногам и так крепко ударился рукой о косяк, упал кирпич ему на голову. И кровь живым цветком заалела на его лбу.

В венке вернулась из конюшни Друзиана, на ее голове полевые цветы, а в глазах алое поле.

У Бовы остался ее платок.

4

То утро останется памятью для Бовы и для Друзианы. По городу разнеслась весть: из Задонска едет король Маркобрун сватать Друзиану.

Зензевей в парадной форме вышел встречать завидного жениха. Маркобрун в кругу своих рыцарей, из всех отличишь по силе и блеску, очаровал Зензевея.

Оповещали, что вечером турнир. Турнир живее скачек, расслабленного заманит, и только кому ноги не служат: вереницей весь город потянется занимать места.

Перед турниром зашла на конюшню Друзиана. Она была в венке из полевых цветов — вчерашний Бовы — они не вянут, как вещие сны.

Бова посмотрел на нее с тревогой.

— Если бы мне коня и оружие!

— Ты еще молод! Друзиана, не отрывая глаз, любовалась, ты будешь из всех рыцарей отличен, ты всех осилишь, ты мой единственный!

И заспешила: там ее ждут — ей награждать победителей.

— Ты всегда на одну минуту, с грустью сказал Бова.

Сидеть на конюшне не было тяжче тюрьмы, а он знает что такое сидеть в тюрьме. И тревога за судьбу Друзианы — невеста Маркобруна! И ненависть к этому Маркобруну. Забыл о Додоне, убийце отца и о матери стерлось. Ревность. Ревность подняла его и выгнала из конюшни.

В городе было тихо, а гул говорил о жизни там — да жизнь и была там, где была Друзиана.

Бова на турнир опоздал. Он не видел как началось. Он пришел на заключение рыцарских игр, когда на свирепом, ряженом, золотошитом коне выехал Маркобрун и ждет — кто из рыцарей, пустая самонадеянность, сыщется против него. Маркобрун славился, как непобедимый.

И никто не решался.

А это поддавало прыти и фуфору, кобеня гордого всадника.

Из тюрьмы вышел Бова — ни шлема, ни оружия — в руках конюшенная жердь.

Кругом смех. И кто-то сказал: «машталер», это означает «конюх». Но смех оборвался, когда этот конюх, высоко подняв жердь, взвился драконом и удар острее и вернее жала сшиб всадника с седла — Маркобрун упал.

Друзиана сняла с себя венок и надела на голову Бовы.

И кто больше радуется — победитель или зрители победы? Толпа неистовствовала, обалдевая. А трезвые говорили: «Нет, не простой человек, этот машталер!». Рыцари почтительно. А Маркобрун, оправившись, подал руку.

Бова вернулся на конюшню, поставил на место жердь. И не сняв с головы венка, увенчанный Друзианой, заснул.

И пять дней спит Бова.

Это и есть богатырский сон — рост сил. И день идет за днем, как проходит за годом год.

5

Чем не красен гордый поляк Задонский король Маркобрун! Зензевей счастлив до банного пота, посмотрите, какая угодливая доброта в его глазах: Задонское королевство — три Армянских, будет где Друзиане повластвовать. А Маркобрун не знает чем и угодить Друзиане, «по уши влюбился» — лучшей жены ему не найти.

Вечер особенный: обручение. Город иллюминован. Музыка до хрипоты.

А когда дворецкий Ангулин провозгласил здоровье жениха и невесты, ответили не пушки, а завыла сирена.

Двери распахнулись и зеленая толпа сарацин с шипящими факелами ворвалась в зал. Зеленые змеи обвились вкруг стола.

— Войско царя Салтана с царевичем Лукафером подступило под город.

Царь Салтан пишет:

«Брат Зензевей, беру твою дочь за моего сына. Волей не дашь, взял силой».

Оторопь и под вой сирены стучат зубы.

Зензевей надел очки и обойдя стеклами, у всех на глазах разорвал грамоту. Маркобрун обнажил меч.

Тогда зеленый великан Кохаз, ущемив ногой Зензевея, выбил кулаком меч из рук Маркобруна. И скрученных веревкой поволокли из дворца в стан Лукафера.

Друзиану не тронули.

А с моря подходили корабли и волной выплескивались на берег войска царя Салтана.

Ничего хорошего не ожидалось или, говоря по-сарацински: «повесил трубку».

Дворецкий Ангулин объявил правительницей Друзиану. Готовятся к осаде.

6

Она разбудила его.

— Ты ничего не слышишь?

Бова, просыпаясь:

— Ржет конь. Какие мне сны снились!

— И снов не надо, мы живем как во сне.

Друзиана рассказала, что творится и о судьбе отца.

— Если бы мне конь и меч! сказал Бова.

Она посмотрела на него: прошло пять дней, а его не узнать — богатырь!

— Есть у отца конь по тебе: Ронделло короля Галацо, я дам тебе коня.

— Твой отец меня купил, я...

— Неправда! Открой мне, кто ты!

Глядя в глаза Друзиане, ей он не может говорить неправду, Бова поднялся:

— Я Бова королевич, сын короля Гвидона.

В первый раз произнеся свое имя, он вышел на свободу и перед ним открылся простор.

Друзиана указала ему, где стоит на конюшне Ронделло. И когда он привел коня, она подала ему меч.

— Рыцаря Аливера — меч-кладенец.

Бова, взяв меч, стал было подвязывать себе на шею, как раб.

— Не так, Друзиана отвела его руку, ты мой рыцарь, я опояшу тебя.

И опоясав мечом, она поцеловала его — печать посвящения.

На конюшню въехал Ангулин — он все видел.

— И тебе не стыдно? крикнул Друзиане, королева! а он — мерзавец!

Бова не отвечая, толкнул дворецкого — с разорванным рукавом Ангулин упал. А поднявшись, ворча, поднял руку ударить.

Бова вскочил на Ронделло — и конь, расшвыривая дорогу, выехал из конюшни.

* * *

За стеной, опоясывая город, стояли сарацины. Перед полками разъезжал царевич Лукафер.

А был Лукафер не великан, не карлик, а весь как вылитый металлический и щит его из драгоценных камней сверкал.

И когда Бова, припоминая рассказы Гвидона о поединках, сделал тройной круг, ударил кладенцом, щит не рассекся и только гвозди посыпались. Но второй удар кладенца — и непробиваемый камень не выдержал, расщепился: Лукафер беспомощно упал, а кладенец в руке Бовы горячий заалел.

Всадники окружили Лукафера: ранен смертельно, не

подняться. Он и не поднимался, лежал на земле металлическим стержнем. И другие, соскочив с коней, наклонясь, птицами клевали его, но он не шевельнулся — бездыханного не отдышишь.

Бова пробился к шатру Лукафера. Брошены — скорчились в углу два связня: Зензевей и Маркобрун.

— Отворяйте ворота встречать королей!

И Бова погнал сарацин к морю.

* * *

Разорванный рукав не прощается: Ангулин ждет: вернется Бова, он ему голову намылит, да и шею — соскучилась по нем веревка. И не разорванный рукав, а поцелуй Друзианы — он видел собственными глазами! — жжет и возвращает память на конюшню. И за упреком «какое унижение для королевны» скребло по больному: «почему не я?». И растравляя свое ревнивое сердце, унижаясь, он соглашался — это было смирение, под которым сучится кулак! — пускай Друзиана будет за Маркобруном: судьба! — а Бова женится на его родной сестре Анаиде. И об этом он всем говорит, «на случай».

* * *

Разбив сарацин — только счастливцам, в числе них был и зеленый великан Кохаз, удалось вскочить на корабли — победителем возвращается Бова.

Ангулин готовит ему встречу.

За ворота вышел Зензевей — жалко было смотреть на короля: и Кохаз помял и пять суток влащен веревками, весь изрубцованный; теплое время, в осеннем пальто.

— Ты за меня дал триста литров золота, сказал Бова, я тебе отслужил.

Бова подал королю непробиваемый драгоценный камень из пробитого щита Лукафера.

— Ты свободен, сказал Зензевей, иди куда хочешь. Или останься, послужи еще мне.

Королевская была встреча Бове — Ангулйн постарался! стреляли из пушек. Но праздник отменен: Зензевей совсем расстроился, придворный доктор Зернов прописал лежать по крайней мере неделю и поменьше разговаривать; не лучше было и с Маркобруном: прихварывал и жаловался на бессонницу, видно, прошлась по нем лупка не рыцарская.

А Бове не до праздников, он пошел к себе на конюшню, лег и заснул.

* * *

Сонного пырнуть ничего не стоит, а сонному переход в другой мир легкая развязка, еще поблагодарит.

Так думал Ангулин и подсылал своих на конюшню: кого с подушкой, кого с кинжалом. Но ни душить, ни зарезать смельчаков не оказалось: на дело хохоры, а сделать — поджилки трясутся.

Бова и сонный был страшен, а перед страхом кто устоит? Страшнее страха злая память — Ангулин не отчаивался: он свое возьмет.

А был среди придворных один топтун, постельничий Орлоп, с морды вылитый король. Зензевей, встречая Орлопа, пугался — «уберите зеркало, крикнет, и что за манера, под морду суете, ровно б я баба губы себе мазать!» А Орлоп чем виноват, что в короля вышел: игра природы.

И осенило Ангулина, вызвал он Орлопа.

— Тебе ничего не стоит, сказал дворецкий, ложись, я тебе покажу где, будто отдыхаешь. Я вызову с конюшни этого «машталера», понимаешь, будто король требует. И как явится, он непременно явится, ты ему дай письмо, чтобы, скажешь, немедленно ехать к царю Салтану и передай в собственные руки.

А в письме пишет:

«Брат Салтан, принимай гостя по-хорошему: это тот самый, что убил твоего сына».

В ваточной золотой короне улегся Орлоп, письмо под одеялом.

Разбудили Бову: зовет король.

Бове откуда знать, да еще спросонья.

И Орлоп, а в глазах Бовы Зензевей, ему письмо к царю Салтану дал — и чтобы немедленно отправляйся.

Орлоп ловко сыграл короля и подкашлянул по Зензевею и жалко поморгал. Он и сам поверил, что он король.

Бова нарядился послом — золотые штаны. Просил Ронделло, дали лошадь: «Ронделло государственная собственность! можешь коня испортить!», а кладенец не возбраняется «можешь взять: стали ничего не станет».

Так с Друзианой и не пришлось проститься — чем свет выехал Бова, путь не близкий в Рагильское царство, смерти не чая, на верную.

III

1

Конь говорит Бове:

— Будь я Ронделло, домахнул бы тебя за день, а я и в месяц не справлюсь.

— Ничего, отвечает Бова, буду смотреть по сторонам.

— Я тоже конь любопытный.

— Так и доедем.

Едет Бова день, едет другой, а Рагильской земли и деревца не видать. Пустыня. Бове впервой на просторе, ему и неволя вольна. Поубралась еда, не ропщет, только коня жалко. И вдруг подумалось: не плутуем ли.

— Нет, говорит конь, я конь не перепута, только ты меня не бросай.

— Дотянешь ли?

Конь не отвечает.

На дороге дуб.

— Дотянул, говорит конь, слезай.

Под дубом чернец странник: не то молится, не то так чего-то лямкает. Бова вгляделся, корку жует. Слез с коня — корка ссадила его. И к дубу.

— Далеко ли Рагильское царство? — говорит Бова в корку.

Чернец догадался и целую краюху ему в руку.

— Чего далеко, показал пальцем, видишь, сады, конь у тебя добрый, ввечеру будешь на месте.

Бова уплетает за обе скулы. И видел и сады и мечети, а о коне забыл.

— Мне бы испить, запросилась съеденная краюха, а чернец все понимает, полный ковш подал:

— Прямо из Иордани, ангелами возмущенная.

Бова отхлебнул — вода, как хлебный квас! — и полез прямо на дуб. А с дуба выше, а с выши разлистился листом по листьям и шелестит. И шелестел, пока не свернулся желудем, и упал на землю.

Бова раскрыл глаза: над ним дуб, а ни чернеца, ни коня — и меч стянул.

Изволь на своих на двоих! хорошо поспал!

Бова поднялся и пошел: к утру поспеет.

Хорошо что грамота цела. А что бы ему в золотых штанах с пустыми руками — не знает что свое горе несет.

2

Воскресный день, народу стена: делать нечего.

Золотые штаны обратили на себя внимание. Вокруг Бовы кольцо глаз, уши и носы. Бова спрашивает, как ему царя повидать не милостыни, дела для: грамота от короля Зензевея — в собственные руки немедленно. И одни говорят: царь у обедни, а другие — траур: сына убили, никого не принимает. И дорогу показывают.

И не один ждет Бова, а гурьбой. Не успел он оглянуться, как приплюснуло ко дворцу — пришли. И там он спрашивает, вернулся ли царь от обедни?

— Зачем, говорят, от обедни, вот он на крыше сидит, бороду себе рвет, горюет по сыне.

На крышу Бова не полезет: «Подкараулю, когда царь будет спускаться». И на шаги поднял он грамоту над головой — и как раз под бороду царю угодил.

И увидел: из-за спины царя глядит на него Кохаз, в руках меч.

— Ты убил Лукафера? спросил Салтан.

— Я — отвечает Бова.

И в ответ на его «я» королевская свинцовая печать с визгом его по глазам.

Бову скрутили и повели: впереди зеленый великан Кохаз с мечом.

Воскресный день. Площадь шипела чернее чернослива, народ валил валом: кому не всласть — Кохаз будет голову рубить.

Царевна Мальгирея, дочь царя Салтана, стояла у окна — воскресный день! — и как увидела, ведут на казнь — этакий богатырь! И к отцу:

— Отдай мне его!

— Он твоего брата убил, говорит Салтан.

— Но мой брат убить его хотел. Я приведу его в нашу веру: такой нам будет кстати.

Салтан и сам не дурак, много ль на свете таких земля носит, будет надежный и верный защитник... И отпустил Бову — велел его держать во дворце у царевны.

Бову переняли на Сенной.

Как приговоренному, так и помилованному одна встреча: кому не сласть заглянуть в лицо человека, вырванного из рук смерти. Разливаясь черным ягодным соком, толпа

провожала Бову до дворца. И всю ночь глаза в белую стену.

Говорили, будто бы царевна, оставшись наедине с Бовой, с первого слова поставила вопрос ребром: или неминучая смерть или «переходи в латинскую веру и уверуй в нашего Бога Ахмета — и я спасу тебя».

Оставшись с глазу на глаз с Бовой, Мальгирея с первого слова: «Я спасу тебя! подняла с лица покрывало: женись на мне».

Бова молчал, любуясь: на него глядел мрамор, но не мороз под белым камнем, огонь кипит.

Пять дней прожил Бова во дворце — неразлучен с царевной.

Отец спрашивает:

— Привела?

— Нет.

— Так пусть ведут на казнь.

— Нет, я добьюсь.

Не забыл Бова о Друзиане, но и не вспоминает: глаза и слух на белоснежку.

— Сокровище мое, мне без тебя нет жизни, сказала Мальгирея, ты это помни.

Бова, таясь:

— Не забуду.

— Я освобожу тебя! и долго смотрит в глаза.

И велит она отвести Бову и посадить в башню.

Это была высокая из черного камня, семьдесят ступеней, на дне змеи — змеиная башня.

* * *

«Любовь —змея!» — так выговорилось у Бовы несказавшимся словом вподтай и почему-то вспомнилась мать, тюрьма под ее окном. Или мысль, ужаленная змеей, вела к отравленным лепешкам.

Когда Бова, зажатый скользким камнем, очнулся на сыром полу, и всматривается в кругом кишащих красных и зеленых змей, вдруг из угла на него сверкнуло — это была, конечно, белая змея. И блестит: кто кого? И если первый он на змею, белая змея задушит его. Он протянул руки и ужасаясь глазами, пошел, топча красных и зеленых.

А была то не белая змея, а меч, прислонен к углу.

Какими руками он его поднял, этот меч — путь на свободу. И терпение его укрепилось.

Дни за днями. Мечом запугана башня. Не Бова, змеи плачут: за что погибаем в змеиной башне?

А Салтан потерял терпение: нет, закоснелый православный не обратится «в латинскую веру и не уверует нашему Богу Ахмету». И посылает царь своих казаков взять Бову из башни и казнить смертью.

И всякий, кто спускался к нему в башню, был ступенью к его свободе.

По живой лестнице вышел Бова из башни на волю.

Дорога к морю. Удастся — еще поживем; схватят — судьба.

* * *

Зареет заря. За ночь накрасовавшиеся звезды погасли и в звездном зеркале — в море покой и свежесть. Поутру море спит и только волна с волной — перегудывают.

— Почему так дорога жизнь?

А ей отвечает другая волна:

— Как знать, что такое не жить? — выбора нет.

— А я думаю, не потому, спорит третья волна, жить значит встречаться, конец встречаем — и человек умирает — нечем жить!

Желтой змеей полз Бова по сырому песку: в глазах корабль. Восходит солнце. И змея поднялась — золотая. Просится Бова на корабль. И не хотят пускать: этот его страшный меч? Но это не страх — это свобода. Это восход красит по стали алым!

И змея ползла — меч отобрали, а Бову под локти на корабль.

IV

1

Ехать-то метили в Армянское царство, а угодили в Задонское: на море всякое бывает, почему и зовется «море житейское».

Так пусть и будет Задонск — не по своей воле, по бурной — судьба! Город на ладони, а подступись-ка:

корабли — пристань размачтена. Попытай прорваться! Нацелились, да стрелой без поворота — и наскочили на камень. Люди спаслись, а товары и все золото ко дну.

Если б сумели отвести воду в морях, можно было б открыть подводные золотые прииски, не самородные, а обедованные. Но кому тут до золота, когда забота вся ли голова на плечах держится и мозговые винтики целы.

Выбрались на берег кого в чем застало, и что при себе было то и есть, а у кого за пазухой ветер гулял, иди по миру.

От рыбаков узнают, что нечего было дурака валять, к пристани соваться: понаехало кораблей со всех стран — как рыболовных, так и зверобойные десятками попадаются — гости короля, король Маркобрун женится. И еще узнали, что берет Маркобрун себе в жены армянскую дочь короля Зензевея, королевну Друзиану.

И не то это правда, не то дополнение, будто бы год, как находится королевна во дворце жениха.

«Королевна назначила срок: год. Завтрашний день играют свадьбу».

С горечью слушает Бова — горьким залито, ничего еще не решается, растерянный.

— Торопитесь в город, там по случаю такого дня подают щедрую милостыню.

Таких, как Бова богорадцев, оказалось с круг. «Море взыскало, земля помилует!» И пошли. И не то слепцы Лазаря петь, не то головосеки по разбойному делу.

В лесу разбрелись.

Бова идет один, с глазами вызворот, не глядя куда. Мальгирея! — змеиная любовь спасает, жаля. А Друзиана? — что значит срок год, какая вера, что он вернется. Но какая же вера без любви? Ее вера — любовь и вернула его в срок. И что ему делать — как сказаться?

Если бы не стукнулся лбом, он прошел бы мимо.

На дороге дуб. Под дубом чернец-странник.

«Тот ли это вор? — Бова вгляделся. Тот самый — на постном обветренном глаза вразбежку: белки не выдадут».

— Ты меня узнал?

А у чернеца на губах не по-нашему «отче».

— Не обманешь, мерзавец! И у Бовы вдруг блеснуло: живо! скидывай с себя свою паршивую рухлядь, бери взамен понарядней!

Чернец проглотил свое «от лукавого» и гадливо отшвырнул:

— Не мешай — бандит.

— Скотина! — только и мог сказать Бова и вздернул ему чуню на голову.

И каково было взаимное удивление: под чернецом поблескивал меч.

И как обрадовался Бова: его меч-кладенец.

— Не сокрушай мне ребра! шавкал чернец по-церковно-славянски, я тебе пригожусь.

— А зачем забыдущим зельем меня опоил? Зачем моего доброго коня увел?

— Доброго! ощерился чернец, от твоего коня ни хвоста, ни копыт, ты его не кормил.

— А за меч, спасибо, сберег! сказал Бова и бережно поднял свой меч.

И снова Друзиана жарко обняла все его исподволье, и одно желание вскричало: скорее! увидеть!

Чернец покорно снял с себя свой полукафтан-полурясу — одежда странников.

Бова нарядился чернецом — коротковато и жмет, известно, к чужому платью надо приноровиться.

А чернец легко надел его золото, — в каждую штанину три ноги влезет. — Красное море! раздуло и блеском помаргивает.

— Красавец! Такого тебе ни один портной не выдумает. А это что у тебя, какие иорданские яды? — И вытащил из рясы три мешочка.

— Владей, — сказал чернец, твое счастье! И кому без яда дается счастье! В этом мешочке белое зелье, белее снега, умойся и станешь черен; а это черное, чернее угля, смоет черноту, как и не было; а в этом узелке серый порошок, серее пепла, — забыдущее, кто его размешав с водой или с вином или хоть мало укусит — три дня беспробудно спал.

— И им ты, мерзавец, меня опоил?

— Не тычь, обиделся чернец, забирай добро и до свиданья.

Бова выкрасился белым зельем в чумичку и, в знак мира, черными граблями потрепал чернеца, ровно коня, по лошадиной гриве.

— Свидимся ли?

И пошел.

И ему послышалось вдогонку — или это ветер? — чего-то жутко:

«Еще и в последний!»

И когда Бова зашел за деревья, чернец огляделся: «красавец!» — успеть бы до вечера схорониться, и каким надо быть дураком не позариться! стащит с ног золото да еще и стукнет: помалкивай! — завод известный. И щеголять безо всего, в участок заберут, и бумаг никаких. И чернец полез на дуб.

2

Бова вошел в город.

Его не смущает ни его одежда, ни то, что он черный и должно быть страшный. Он уверен: с ним его кладенец — его путь и защита. Если бы ему Ронделло.

У фонаря трое зевак.

Проходит Бова.

— И зародится такое в природе, а говорят, народ мельчает.

— Странник! Крестом да ногами правду ищет. Святой человек.

— Святой! Отца убьет, мать заживо в гроб заколотит, знаем.

Захлестнутый праздной толпой, шел Бова за народом, обгоняя.

Кто-то из встречных крикнул:

— Кто ты такой?

Бова остановился, его поразило: ног у человека не было, висели скрученные гимнастические веревки, и вместо рук деревяшки, обтянутые ножной кожей.

— Я с французской земли, сказал Бова, спасся от кораблекрушения.

— Не спасешься! крикнул встречный.

И у Бовы замелькали в глазах веревочные деревяшки — или человек, перекувырнувшись, ударил его или от белого зелья в глазах пляшет?

— Ты скоморох? опять кто-то остановил его и полез на него верхом садиться.

Бова оттолкнул и увидел, с толпой вынесло его ко дворцу — дорога кончилась. А что дальше?

Он поднялся по черной лестнице на кухню.

— Подайте милостыню ради Бовы королевича!

— Такого в святцах нет, сказал набожный повар, ты или дурак или кощунствуешь! — И ударил Бову сковородкой.

Другие повара заступились:

— Не видишь, какой он черный, не нашей веры. Ты не туда попал. Милостыню все получают, и ты индеец! Ступай под окно к королевским палатам: королевна Друзиана сама всех одаряет: завтра королевская свадьба.

И показали дорогу.

Повара Бова не винил — откуда? Имя «Бова королевич» знает одна Друзиана, да Маркобрун — неудача въедается в память крепче успеха.

* * *

И когда Бова увидел Друзиану, тугой мурашчатый жгут потянул его со спины к земле — тут бы вот набожному повару ударить его по лбу и Бове было бы не подняться.

Но Бова овладел собой, выпрямился. Расталкивая очередь, подошел и стал у окна.

С закатившимися глазами слепца произнес он:

— Подайте милостыню ради Бовы королевича!

И посмотрел ей в глаза.

Имя, впервые громко прозвучавшее, окликнуло ее исподдонным окликом резко, как из тьмы вырвавшийся блеск. И она, вздрогнув, опустила глаза.

Сзади напирали. Но Бова стоял крепко, как врос.

— Странник, сказала Друзиана, и пристально посмотрела, ты знаешь это имя? Приходи вечером ко мне, дорогу укажут.

Бова отошел.

И слышит: сквозь толпу нищих голос Друзианы — и услышал как за ее голосом ржет конь.

Ржал ли конь и вправду или это вывернутое памятью: с именем Друзиана почудился Ронделло?

А народ бежит, кричат:

— Конь сорвался.

— Какой конь?

— Королевны.

Вечер не скоро. Да что скоро. Скора беда. Беда вошла в город. И бегут, кричат под шпа̀ром:

— Конь сорвался.

— Какой конь?

— Королевны.

Бова ходил по улицам убить время, прислушивался.

Рассказывали, что ровно год, как привезла королевна вместе с приданым коня. И стоял конь за двенадцатью дверями, на двенадцати цепях. И такое поверье: сорвется конь, быть беде. Конь сорвался. И унять его нет возможности. Сколько изувечных развезли по больницам?

«Ронделло, кому больше, думает Бова, я укрощу его».

* * *

Нетерпеливо — глаза, как вскрыленная птица.

— Что ты знаешь о Бове? встретила Друзиана.

— Год вместе сидели в тюрьме.

— Если бы не твое лицо, чернота, но твой голос, я бы сказала...

— Я и есть Бова...

— Не верю.

Бова поднял себе волосы со лба — туда не задела краска: висок, ясен шрам.

— Твой венок.

Друзиана как во сне: слова не складываются, голос пропал.

Вошел король.

— Вот что натворил твой конь.

Маркобрун, не замечая странника, встревоженный, беспомощно: улицы пустеют, люди прячутся, подумаешь, наводнение, сколько передавил народу и нет никого кому унять.

— Я уйму, — сказал Бова.

От неожиданности Маркобрун вздрогнул и смерив с ног до головы страшилище, невольно:

— Хорош Бова королевич!

— Я уйму! повторил Бова.

И посмотрел дерзко.

Маркобрун вспомнил о своем узнике Пуликане — существо кроткое, но которого все боялись.

«А этот не побоится!»

И видели как вышла из дворца королевна Друзиана и с ней чучел-странник, но побоялись следовать за ними.

— Ронделло, сказал Бова, по голосу я узнал его.

— Я взяла его с собой, я знала, ты вернешься.

— Но как ты могла знать?

Друзиана не отвечала — молча вела его.

* * *

Когда вошли в конюшню, бесившийся Ронделло стал перед Бовой на колени и вытянув совком конские губы, поцеловал взмыленным поцелуем.

— Мой верный Ронделло! твоя любовь чуем, не видя, узнала меня.

— Ничего о тебе не зная, я ждала тебя, и, как конь, она поцеловала его.

Бова проглотил ее кипящий поцелуй.

— Но как ты мог покинуть меня?

— Со мной рассчитались.

Бова рассказал о письме Зензевея к Салтану.

— Подлог! — сказал Друзиана, месть Ангулина. А как отец тужил по тебе — ты спас ему жизнь.

— Ты спасла мою жизнь!

И на глазах Друзианы, Бова черным зельем смыл с лица черную краску.

— А в этом узелке забыдущее.

Бова объяснил Друзиане силу этого зелья — как сам он по дороге к Салтану проспал свой кладенец.

— Кладенец я вернул, а Маркобрун проспит свою свадьбу.

* * *

К ночи в город вошел праздник. Попрятавшиеся высыпали на улицу. Во дворце огни.

Друзиана пришла сказать свое последнее слово: год кончился — вышел срок, она готова стать женой Маркобруна.

Слово заливается вином, крепкое вино.

Она наполнила две чаши:

— За нашу свадьбу.

И чокнув чаши, она пригубила, а Маркобрун пьет полным ртом — до дна.

И ловя себя и царапаясь за скатерть, полез под стол.

Друзиана вернулась к Бове на конюшню.

— Спит, сказала она.

— На здоровье! Ждать год — надо отдохнуть. А нам в дорогу.

В конюшне нашлось много всякого дорогого платья — королевские конюха щеголи! Бова снял с себя рухлядь дубового и нарядился выездным весь вывозжинный мишурой позументом — «красавец!» улыбнулся Бова, заглянув в лохань.

В ночь они покинули Задонск.

А когда через три дня, как однажды по дубом Бова, проснулся Маркобрун под столом, все было кончено: Бова с Друзианой поженились — Маркобруну нос.

На суженой лесной свадьбе за певчих были птицы, за свечи звезды, а провожатые — крупное и мелкое зверье, не толкались и никого не давили — все шло по мудрому строю природы.

3

В ярости Маркобрун не растерялся. Он был уверен легко справится с беглецами: «вора и мерзавца» прихлопнет на месте, а с Друзианой — но он еще не думал, что делают с безответной любовью, он только чувствует, как горечь вероломства отравила его чувства и мысли. Ему представлялось все очень просто: за три дня далеко не уйти было — и там, где любовная буря, какая может быть предосторожность, бери голыми руками. А кроме того он не сомневался в своем Пуликане, которого и Ронделло не обгонит и на которого меч-кладенец не рубок.

Пуликана держали в тюрьме под замком безвыходно. На люди пускать было его опасно.

Есть в природе собака-птица, имя ей в бестиариях «поскуда» — вестник маяты и неуживчивости — под знаком этой поскуды все неудачники, в их числе самонадеянный Маркобрун. А бывают, редкое явление, человек-собака.

Пуликан с лица по пояс человек, а ниже от пояса — пес и не какой-нибудь дог, а обыкновенная шавка. Из верных источников уверяли, что его мать благочестивая вдова, кроткая и незлобивая, хороший человек, а отец — пес, любимая собака ее покойного мужа, о котором она тосковала, как не меньше ее тосковал и пес о своем любимом хозяине. Безутешность и соединила их, и все

вышло само собой, безо всякого намеренного любопытства попробовать, что произойдет. А произошел Пуликан.

Пуликан, или как в сказке Полкан, добрые умные глаза и услужливый. Конечно, какая же может быть у зверя повадка. Сидя в тюрьме и не собака, одичаешь. А собаку, которой непременно надо побегать, а изволь сидеть, как за книгой ученый, потянет кусаться.

Скорость бега у Пуликана не уступит ветру и ни один конь не мог перегнать, а чёк скока за версту слышен, сравнить с приближающимся мотором.

Этот Пуликан и был выпущен из тюрьмы гнать во всю, настичь беглецов и пойманных привести в суд. А ему за то обещана была свобода.

* * *

Без оружия, жердь в руках, Пуликан в три скока обогнал мчавшуюся погоню и приближался к венчальному лесу.

Друзиана по чёкоту догадалась и разбудила Бову. Она знала силу Пуликана и опасность.

Бова вскочил на Ронделло и выехал навстречу. И ни на шаг, предупреждая, поднял свой кладенец. Пуликан скокнул через меч — вихрем пронеслось над головой Бовы и он свалился на землю. И тогда Пуликан вскочил на Ронделло. Конь, почуя собачье мясо, в бешенстве понесся в лес. Шерсть горячила его. Он вдирался в самую чащу. Деревья зелеными ножами резали и полосовали коня и чумели всадника.

С исцарапанной мордой, весь исколотый и занозы торчат, Пуликан не выдержал и поворотил коня назад к Бове с повинной.

— Глупый ты, сказал Бова, а еще собака, благодари Бога, что морда сидит на башке, хоть и всмятку.

А Пуликану совестно: не перед Бовой — что ж, поклевал Бова носом землю, не велика беда! а совестно перед Друзианой: так-то за добро отплатил — по-человечески!

Друзиана за год у Маркобруна не раз посещала тюрьму, где проводил дни ни в чем не повинный узник. Друзиана единственный человек, перед кем Пуликан за доброе сердце ни в чем не таился, и она узнала от него всю его силу и все его горе.

Друзиана молча, не упрекая, вытаскивала из него занозы.

— Я богатырь, сказал Пуликан, и ты, Бова, богатырь, давай мириться.

И помирились.

Ронделло, косясь, не фурчит, но долго еще вздрагивал, тоже бока помяты — лесная богатырская прогулка оставила след. «Богатырь! вздрагивал конь, а зачем хвост себе приделал?».

* * *

Жалко было расставаться, а пришлось: лес, где наконец настигло счастье, прощай!

Когда Маркобрун узнал о измене Пуликана — было о чем задуматься: Бова — не валяется, а если с ним еще и собака, дело не с пальца. И сам выехал с войском.

Маркобрун сулил большую награду, кто приведет ему на цепи неверного пса: поимщику была обещана небольшая светлая комната, за отопление и электричество платить не надо и всякий день обед из одного блюда и, тоже даром, газ и стирка без просушки и без глаженья, по воскресеньям две баранки — а на такое, по себе скажу, кто не позарится: кури и лодарничай.

4

Рассказывают, что по дороге, как идти из леса к морю, встретился беглецам город Костер. На карте не найдете, переименован: есть заштатные города, есть забытые. О Костре никто не помнит. За князя в этом Костре ходил посадский мужик Урил, по простоте переделавшийся в Орла, данник Маркобруна.

Слышит Орел по дороге грём, чокот и свист, и для безопасности велел сторожам запереть накрепко ворота и заложить засовы и никого не пропускать — ни пешего, ни конного.

Первым доскочил до Костра Пуликан, стучит: «пропускайте!». А воротники ровно б оглохли: кто цыгарку крутит, кто с дрёмой воюет, носом себе в колена — время ночное — живому сон, мертвому упокой. Стучат. И досадно и любопытство — и сторож отозвался к забору лбом: «пропусков нету, кулачишь по-пустому!» А Пуликан, что ему ворота, что городьба, перескочил через забор и

без разговоров разогнал хвостом мужиков. Ворота растворились и в город въехал на Ронделло Бова с Друзианой. И прямо в Земскую избу: «проводите к вашему князю!» Орел видит, с такими гостями много не поразговариваешь, не то, что выпроводить, а и принять как-нибудь будет неладно, встретил вежливо с почтением и приютил у себя на квартире.

А был ему от Маркобруна указ — подозрительных задерживать неукоснительно или самому быть в казни. Гости, как видно, располагались провести ночь.

«Тебе бояться нечего, успокаивал Бова Урилу, мы тебя не выдадим!» и показал на свой кладенец и глазом на хвост Пуликана.

И только что Урил с Урилихой улеглись, а сторожа расколотушились и все ночные собаки спят, ломится в ворота Маркобрун со своим войском: «отворяй, все равно влезем». И вперлись. Орла и двух его сыновей забрали, а мужиков не тронули.

Бова собрал мужиков в Земской избе: «надо выручать Урилу!» Да и Урилиха вопит: был де нам Орел отец родной, воровали, вора пальцем не тронет, ослобоните!

И пока Бова мужиков настраивал и воинские приемы показывал и приводил к присяге, смотрят — идет Орел, руками машет: «отпустили». И с площади в Земскую избу все, кто обучался ратному строю, все побежали. И там Орел плёл дуракам всякую небылицу и басни рассказывал, и те поверили.

А было так: допрося, приперли Орла — выдай им Бову с Пуликаном, отпустим, а не выдашь и тебе и твоим детям не видать Костра да и друг друга не узнаете, рассадим поодиночке на вечное заточение! Орел согласился и его отпустили.

Ночью Пуликан слышит — его кровать за перегородкой — улеглись хозяева и шепчутся: Орел рассказал жёне как было и сомневается. «И выдадим, говорит Урилиха, чего стесняться? Ты только посмотри на этого с хвостом — один грех!»

Пуликан к Бове. И не дожидаясь когда зацапают, запер Орла с Урилихой. А Бова вышел к мужикам и кто с чем — ночное дело — за ворота. Врасплох напали на маркобруново войско, сыновей Орла отбили — и от войска ничего не осталось: одни разбежались, другие спрятались,

а кто, расставшись с белым светом, идет по темным лестницам, а куда и сам не знал.

Бова выпустил Урилу и передал ему сыновей. А Урилихе — ей бы стало голову долой, да рук марать не хочу. Пуликан помянул ей свой хвост, что с хвостом которые люди, благороднее бесхвостых стерьвь.

— По детям стосковалась! — просила прощенья мать.

Простившись с Орлом, Бова, Пуликан и Друзиана покинули Костер и вернулись на старые места — в лес: гнаться за ними некому.

5

Быть уверенным — вот в чем счастье человека. И какое мне дело до завтра, если сегодняшний день крепок. Будет потом вспоминаться с горечью, пусть! горечь и откроет мне, что и у меня был мой счастливый час.

В лесу жили счастливо — в душу: Бова и Друзиана.

Много в хозяйстве помогал Пуликан: выдумщик и отличный повар.

Пуликан говорил, что «только с вами я свет увидел!»

— Все тебя боятся, день и ночь на цепи, ни от кого не слышал доброго слова. Будь я охотничья собака, я знал бы как мне ответить. Но ведь моя мать христианка, я ни какой-нибудь чучел поганый, обряди меня во фрак — я человек!

Бова обращается с Пуликаном по-товарищески: не оборвет и не цыкнет. Друзиана всегда бывала внимательна: любимыми котлетами накормит и вымоет и хвост расчешет да еще и цветок заплетет: собачий хвост с полевой гвоздикой — умора и чего-то жалко.

* * *

Когда пришло время Друзиане, покликал Бова Пуликана — Бова всегда его кликал по-собачьи: Полкан.

Пуликан на кухне — стряпал собачье кушанье удивить Друзиану: рассольник на протертых языках мелких птиц с перепелиными лапками. А когда, вытирая губы, выглянул на оклик к Бове, Бова объявил ему, что его присутствие неудобно.

— Сам понимаешь, тайна рождения в мир человека. Когда будет нужно, я тебя поличу.

Пуликан отставил кастрюлю, прикрыл крышкой — рассольник готов — и покорно вышел.

Он уходил в глубь леса.

Ему было обидно.

«Чай, не сглажу, ворчал себе под нос, не Гвидон. Это Гвидон Пушкина напугал, вареная испарина, уши ослиные».

У Друзианы родилась двойня: два сына. Одного назвали Ричард, другого Синибалдом.

За няньку им заделался Пуликан — лучшей не сыщешь. Он и купал их и ели они под его глазом с его лап и спать налаживал: что угомон, что дрёма охотно идут на собачью сказку. А какие дудочки на все птичьи пищики и по-совиному пугать.

Дети не отпускали от себя Пуликана, висли на его плечах и за хвост не больно дергали.

Пуликан был счастлив.

В своих утренних перескоках — всякий день Пуликан обскакивал на версты — заметил он, что на море появились армянские корабли.

Маркобрун, порастеряв под Костром все свое войско, просил помощи у Зензевея против «вора». Возможно, Зензевей, узнав, что «вор» Бова, еще подумал бы, но как раз о ту пору внезапно, «не приходя в сознание», как писали в армянских газетах, он помер, и королем Армении объявил себя Ангулин, а Ангулину случай насолить Бове и отобрать у «мерзавца» краденую Друзиану.

Бова решил сам один расправиться с Ангулином, а Пуликан останется в лесу охранять детей и Друзиану.

На Ронделло со своим кладенцом поехал Бова в Костер к Орлу. И подобрав себе из орловых мужиков половчее, двинулся к морю воевать армянские корабли.

* * *

Друзиана говорит Пуликану:

— Ты, Полканушка, хоть бы отдохнул. Так и человеку не гораздо, день-деньской на ногах, не присядешь. Поди, отдохни, я за детьми посмотрю.

Пуликан выбрал себе на поляне прохладную лужайку. И разлегся. Это ль не подлинное счастье: после трудов выспаться хорошенько! — и блестящий рой лесных мух завился над его головой, убаюкав, полакомиться на даровщинку.

А проходили теми местами львы. Шли они по голодному делу и как увидели: Друзиана с детьми за воротами — погода хорошая! — и не рассуждая к ней полакомиться.

Крик разбудил Пуликана — кричала Друзиана! — вскочил на лапы и, не отряхнув с себя прилипший лакомый рой, скоком с поляны и прямо на львов.

Одного льва он замертво сшиб, на другого нацелился, а лев хап его за хвост и надсадясь, вместе с хвостом втянул себе в пасть.

По пояс Пуликан засел во льве во львином соку варится с шерстью, с мухами, а человечье торчит изо льва, во все стороны мельницей ходит.

Еще сколько-то ма́хов поработал Пуликан руками — не может выдраться — и задохнулся. А у льва глаза на лоб — и тоже задохнулся.

Видит Друзиана спасти нечем, и страшно. Как она верила, что Бова вернется и ее любовь отмерила срок год — чудо совершилось: в срок Бова вернулся. А теперь, когда ей одной так страшно? Или чудеса ходят по своим дорогам и в чуде не бывает чуда? Бова не возвращается.

Она забрала детей и пошла к морю.

* * *

Бова с костровскими мужиками шуганул армянские корабли, много ль доберется их до Армении: будут помнить. И с войском обратно в Костер к Орлу. Попраздновал с неделю с мужиками и прощайте.

Возвращается Бова в лес — домой, то-то будет рассказов, а какие везет подарки.

Входит он в дом — ни души. Он назад во двор — никого. Покликал — мухи жужжат и падаль. Он за изгородь — и в глаза ему лев — брюхо вздуто и глаза ползут.

Он что-то понял и ищет, еще неуверен, живы ли дети и где Друзиана. Идет дальше. И все понял: на него глядело выросшее из земли, из раскрытой львиной пасти, как из чащи, лицо человека — черная движущаяся кисея спускалась с выклеванных глаз до запекшегося подбородка — в этом диком цветке он узнал Пуликана.

И лес, который дал ему столько счастья, а счастье дается раз, отвернулся от его бесчастья. По чужим дорогам ходил он и дорога привела его назад — в пустой дом: Друзиану и детей съел лев, и лев съел Пуликана!

И Бова покинул лес.

«В этой жизни умирать не ново» догонял ветер голосом дурочки Зои: «да и жить, конечно, не новей».

Он вдруг ее вспомнил и ее песню и свою, отравленную материнским ядом, ночь — и горькой желчью закипела месть. И какой еще цветок расцветет на покинутой любовью земле? — месть!

Месть — его новая жизнь.

V

1

На своем Ронделло въехал в Сумин Бова — на его малиновом закат горит.

Стража разбежалась. Были убеждены несомненно, что это сам Додон. И по городу пронеслась грозная весть о внезапном нападении Додона: «прячьтесь, где можете, а если возможно, бегите!»

И не успела передвинуться часовая стрелка, как окрестный лес: под чарами страха необычайное расположение: изо всякого дупла торчала — то рука, то нога, то блестящим выплавом плешь. А в городе из печных труб флюгером клетчатые юбки и полосатые штаны — как известно, спрятать лицо считается гарантией безопасности.

По улицам бегали беспризорные собаки. Собачьи конурки брались с бою и были забиты всех сортов сукном, шелка и ситца — шевелящаяся материя сигнализировала о безвыходности. И тут и там можно было видеть приплюснутые шляпы, они сидели на корточках вдоль тротуара отморившими свой век осенними мухоморами.

Синибалда, непремиримый враг Додона, эмигрант, на которого Додон давным-давно наплевал, как на вещь не стоющую внимания, Синибалда, посвящавший весь свой государственный досуг изучению сравнительных грамматик, в минуту смертельной опасности залез под кровать.

На кровать всею крепостью уселась мужественная Джиаконда, а сбоку на кровати грозно лежал кладенец, музейная копия, меч в чехле, предназначен на случай насилия: Джиаконда решила защищаться до последней капли крови.

Териз, молочный брат Бовы, на чердаке умяк между коваными сундуками; дядя Оген, который при Гвидоне служил в антоновской префектуре, разместился в погребе между маринованных грибов и моченых дуль и яблок.

Бову поразила пустынность улиц ровно в оккупацию в Париже, собаки и странное украшение домов: развевающиеся на трубах бабьи юбки, и ему показалось, над водосточной трубой из воронки рогулей ноги — на одной чулок спустился, другая на подвязке — и та, которая на подвязке держится непреклонно, не допуская никаких поползновений, а со спущенным игриво беспокоится.

На соборной колокольне у Симеона Столпника пробило три часа. Бова подумал: «и это среди бела дня! неужто Додон успел-таки опустошить город!»

Подъехал ко дворцу — та же пустыня. И не у кого спросить, дома ли хозяева. Оставив Ронделло на дворе у крыльца — бояться нечего, кому коня тронуть, Бова вошел во дворец. Лестница сама привела его к комнате Синибалды, где чувствовалось живое: кто-то сдавленно кашлял. Из предосторожности Бова обнажил свой меч.

При появлении Бовы Джиаконда резко поднялась и не сняв чехла подняла и держала перед собой тяжелую копию кладенца, ее зубы защелкнулись стрелкой, грудь подымалась до подбородка, а подбородок отбрыкивался.

— Заклинаю тебя Богом живым, наконец произнесла она, тяжело передвигая слова, ты, принявший образ нечестивого короля Додона, да воскреснет Бог, рассыпься!

Бова не рассыпался.

— Я Бова королевич! сказал Бова и улыбнулся, рассмотрев копию в чехле.

— Бову королевича я собственной грудью кормила, а ты проклятый Додон или его нечистое...

— Джиаконда, перебил Бова, но ведь это было тридцать лет тому назад.

— Перекрестись!

Бова перекрестился.

— Я Бова королевич! повторил он, глядя в недоумении на свою кормилицу: не рехнулась ли?

Синибалда вылез из-под кровати — кашель душил его немилосердно. Джиаконда положила копию на кровать и подозрительно оглядела «мнимого» Бову. Синибалда, откашлянув последние саднящие буль-бульки, мерил мелкой

мерой — поле зрения мыши — свалившегося на его голову «богатыря»: поразительное сходство с Додоном, а не Додон! И как обрадовался: глаза! — на него смотрела Брандория.

— Надо известить Териза! засуетился Синибалда. И вместо телефона схватил подзорную трубку:

— Кто говорит? надсаживался Синибалда до петушиного писку, ничего не слышу. Приехал Бова, королевич Бова. Брандория — Огенвиллы — первая буква. Бова. Вылезай!

— Не кричи, я сама пойду, сказала Джиаконда, — легко напугать: у дяди может сделаться сердечный припадок, а Териз с перепугу еще стреляться вздумает: при нем всегда карманный самопал.

Джиаконда вышла.

Синибалда шарил по столу: ему хотелось закурить, а мундштук куда-то спрятался.

— Да вон он! показал Бова, присаживаясь к столу, а что с архивом отца?

— Все бумаги я передал в верные руки, Синибалда все еще недоверчиво посматривал на Бову, моему душеприказчику Константину Ивановичу Солнцеву.

— Который это Солнцев? из уроков Синибалды Бова помнил имя: король-солнце.

— Солнцев! друг Солончука и можно сказать родственник, оба из Индии, имена мифические.

— Не пропадет?

— Мифические! повторил Синибалда, среди бумаг обнаружены очень ценные документы. Наш добрый старый король Гвидон, твой покойный отец, Синибалда покосился на Бову, свободно говорил на обезьяньем и начал обезьянью грамматику. Пользуясь его матерьялом я приступил к синтаксису и надеюсь в ближайшее время...

— Идут! вернулась Джиаконда, а из-за ее плеч показался Териз.

Бова только что не говорил: «рассыпься», — так трудно было узнать в этом верзиле нежного робкого молочного брата. Высунувшееся разбойное дяди Огена не вызвало никаких недоумений: дядя Оген, хоть и родной брат Синибалды, но по рождению «темная личность».

В табак сразу вошла пыль и маринованное.

После дороги баня.

С Бовой пошел Териз: он все еще не был уверен: Бова это или Додон. Все решит баня, у Бовы, как бывает родимое пятно, была одна «выдающаяся» особенность, с детства запомнил Териз.

И когда вернувшись из бани, Териз шепнул матери, во дворце все ожило: сомнений не было: Бова.

Бова смеялся:

— Вообразить себе Додона! Да ведь я один въехал в город. Подумайте какое же вторжение — без войска, даже без свиты.

Вечером на балконе пили чай. Бова в чистой малиновой сорочке, Синибалда королем в чьей-то мифической музейной короне — короля Галацо. И Териз. Разливала чай Джиаконда. Разговор не прерывался: не Бова, говорил Синибалда о своем заветном — не о мести Додону, а сравнительная грамматика.

Териз, показывая на Бову, торжественно объявил с балкона о прибытии в Сумин королевича и что опасаться нечего.

— Бова королевич освободит Сумин — прогонит из Антона — насильника, вора и мерзавца Додона.

Улицы зашумели — жизнь восстановилась. Все были очень довольны, и только ссорились, обвиняя друг друга: кто первый поднял тревогу — пустил слух о Додоне. Лес очищался, трубы задымились.

2

В Сумине Бова собрал войско. И с войском выступил освобождать родной город Антон.

А Друзиана не погибла, как думал Бова: Друзиана дошла до моря и там ее и детей приняли на корабль, и жила она в Рагильском государстве у царя Салтана, никем не узнанная: жизнь ее была трудная: прачка — ходила по домам на большую стирку и брала себе на дом стирать.

Бова ничего не знает, похоронил Друзиану, а с Друзианой свое счастье. Ему не о ком думать и некого ждать. Место освободилось. И все его мысли перешли на отца, убитого Додоном. Ненависть к Додону и к матери заполнили его пустыню. Только и жил он местью — огонь, который грел и держал его на ногах.

Бова на своем Ронделло шел в войске Синибалды мстить Додону. Под городом встретит суминцев войско Додона. И начался «кровопролитный» бой.

Всем в глаза два всадника: и про того и про другого говорили, что это Бова, а другие, что это Додон — так они были похожи. И только одежда отличала их: Бова в малиновом, Додон в голубом.

Бова узнал Додона и погнался. Додон не мог Бову вспомнить, но был поражен: лицо Бовы он где-то видел и эти глаза — Брандория глядела, но не с любовью, необычно, и безотчетно тревога охватила его.

Малиновое и голубое замелькали на разных концах, дразня друг друга и не сливаясь. Но столкновение неизбежно.

Бова нагнал Додона — малиновый и голубой слились. И выблеснул один рогатый меч.

Бова или Додон.

С рассеченной головой упал Додон — и все залило — один малиновый цвет.

Битва между войсками не могла продолжаться. Застлало глаза. Войско Додона затворилось в Антоне. Войско Синибалды отошло с Бовой в Сумин.

3

Со всего Антона были призваны врачи: они сделали все, что было в их науке, но больному легче не стало. И они отказались.

И было объявлено — за короля распоряжался его брат Дан-Альбрига — что всякий, кто знает или слышал, как лечить от головной боли, пусть явится к больному королю: свободный вход во дворец и обещана награда.

Додон очень мучился.

И было бы не преступлением отравить его — окончить ядом страдания человека. Но кто решится расправиться с чужой жизнью? Если найдется хоть один человек, для кого эта жизнь дороже своей: для Додона таким человеком была Брандория.

Бова и Териз, выкрасились, черные, в наряде халдейских магов, беспрепятственно вошли в Антон. И их привели к королю.

Бова осмотрел рану — глубину своего тяжкого кладенца. Разбереженный Додон раскрыл глаза — в их мути плыла последняя и с болью по-детски выговорилось: «спасите!».

— Тебя спасет тот, кто тебя ранил, сказал Бова, обнажил меч, приноровился и с силой ударил поперек.

Отсеченная голова подскочила на подушке и спокойно улеглась: правый глаз залило кровью, а левый остановился ожидая: «спасите!». — Из раскрытого рта черная полоска, а губы вздрагивали на огонек — в руках Териза полыхала свечка. И оба от неожиданности отшатнулись, — туловище без головы, вдрыгнув, подбросилось, а ноги, сбивая одеяло, пустились бежать, и левая, переметнув правую, крепко ударила Бову в грудь.

С остервенением Бова подсунул руку под подушку и мокрую, как дыню, гадливо выпростал отсеченную голову.

На столе на серебряном блюде ваза: синие розы — «мать». Териз выдернул блюдо и Бова шлепнул голову и синим прикрыл сочившийся рот — «поцелуй!».

Подняв над головой блюдо, он вышел. Ему памятно, какими комнатами из комнаты отца к матери.

Он шел отплевывая — с блюда капало на него и на пол. Вслед шел Териз со свечой.

В дверях Ричард, крестом раскинув руки загораживая, Бова отшвырнул бы его ногой, но дверь раскрылась — и Бова узнал мать.

С какой ненавистью встретил он льющуюся синь ее прорубленных изнывших глаз.

Брандория уронила платок.

И как однажды с блюдом печеных яблок перед Друзианой, он стал на колени, держа перед собой блюдо — голову врага. И мать, как Друзиана — она узнала сына под безобразящей краской — и поцеловала его.

И этот поцелуй был ему, как приторный крысиный яд. Он срыву поднялся и шваркнул к ногам матери кишащее ржавью блюдо.

И, как бесясь, все отплевывая, побежал через комнату матери комнатами на кухню и на кухне к лестнице — по каменной лестнице во двор.

Небо сияло звездами.

«Куда?» — он очнулся и спросил себя. И кто-то ответил: «Домой». Он остановился, озираясь. «Ко мне! услышал он ясно, меня! в тюрьме!»

Низко наклонившись, точно кланяясь, он вошел в знакомую тюрьму. Ему показалось, даже без света, Зоя все также сидит у стола как помнит ее в последний раз и серебро струится по ее плечам.

— Ты свободна! слышит свой голос, но что она ответила, прошелестев, он не слышит — вскипая, стучит и рвется вон — на свободу.

4

Когда стало известно о убийстве Додона, город всполошился: бросились ловить халдейских магов и, как в таких случаях бывает, хватали кого ни попало.

Теризу удалось бежать. И Синибалда с войском вошел в Антон. Все было как приготовлено. Встречали — раскланивались — ни стычек, ни из-за спины.

И Синибалда провозгласил Бову, сына короля Гвидона.

— Бова король Дантона!

Первый королевский указ: награда Зое — тридцать лет за Бову просидела в тюрьме.

Бова предлагал выдать ее замуж за Териза. Но не в Теризе остановка, а в Зое. Какая уж там свадьба. Говорили, что дурочка спятила с ума, которого «у нее никогда не было», прибавляли. Дурочка кликала выжлов, она их повсюду искала, и руку протягивала лепешкой. Она повторяла: «кушайте, сама месила на сладком яде». И благодарила. Или станет и куда-то глядя горько заплачет. Сквозь ее слезы трудно было понять и только отдельные слова: «убила отца», «мать меня спасла», «убила родную мать», а Бове она сказала: «не я спасла тебя, спас тебя яд».

Так ничего и не придумали.

А за наградой Зое последовал указ о награде матери: казнь — Брандория приговаривалась к смерти за убийство короля Гвидона и за покушение на жизнь сына: отравленные лепешки.

Синибалда советовал: «сжечь», Териз: «разволочь конями», а Оген: «замуровать между стен, чтобы падал на голову дождь, долбил череп и лють ломила кости».

Бова велел приготовить гроб.

Дорогими камками и бархатом обили гроб. Не отбиваясь, без побоев, покорно легла она в гроб и нарядная в синем бархате лежала она в гробу.

Она была бледнее купавы — мертвой белизной бела; над черными распущенными по плечам косами, светила серебряная корона, а из глубины погруженных в отчаяние глаз, сквозь их прозрачный саван, горя вымелькивало: «спасла любимого сына, а судьбу и бичом любви не повернешь: без любви пристало ли жить? легче живой лечь в гроб!» и пальцы желтые на синем, костяшками впивались в золотой крест.

Свинцовой тучей надвинулась крышка и судорога улыбнула белые губы. Слышала громовые молотки — заколачивали гвоздями крышку. Оторвавшийся кусок бархата упал на ее лицо и закрыл окаменевшую улыбку — таращась белками, она широко раскрыла рот, ловя языком воздух: «дышать нечем, спасите!»

— Верный рыцарь, обратился Бова, показывая на Ричарда, тебе дадут заступ, твой последний долг, зарой прекрасную королеву Брандорию!

Спотыкаясь о ковры, вынесли гроб. Вслед Ричард. Назад с кладбища он не вернется. Не увидят и дурочку Зою: пропали.

И в городе начались праздники — величали нового короля — Бову королевича — «Бове слава не минется и до века!»

КОНЕЦ

В повестях о Бове его конец рассказывают по-разному: все возможно — просто кончить жизнь, не такой.

Слава о короле Дантона Бове обошла весь свет — о его отце Гвидоне не забыли, но и не распространялись.

Французский король Пипин Короткий гостем бывал в Антоне, называют и семиградского короля Пассамонта.

До поры до времени тешит слава, насладившись, как когда-то Гвидон, заскучал и Бова: король без королевы.

Бова вдруг вспомнил о Мальгиреи.

Эта белоснежка — змеиная любовь! — ему спасла жизнь. Какую ему еще искать королеву!

Синибалда, давно мечтавший попрактиковаться по-турецки, поехал сватом в Рагильское государство к царю Салтану.

Имя Бовы громко — Салтан сговорчив. Зваться его дочери королевой Дантона, это ль не честь? И пускай примет православную веру — разницы с латинской никакой, «только мы еще веруем нашему Богу Ахмету, а они не веруют».

С большим приданым привез Синибалда Мальгирею в Антон. А как была она довольна и Синибалда доволен: напрактиковался.

Наскоро окрестили Мальгирею в Маргариту и без всяких консисторских проволочек, без оглашения, обручили Бову с Маргаритой.

И начались приготовления к свадьбе. Всякий вечер в королевском дворце гости: угощает жених.

Все эти годы, как не думая, не чая, очутилась Друзиана в Рагильском царстве у царя Салтана, у кого только ни спрашивала, а ничего не могла узнать о Бове. С приезда Синибалды слышит: Бова жив и собирается жениться на дочери царя Салтана, на царевне Мальгиреи. Долго не раздумывая, нарядилась она скоморошкой, и на том же самом корабле, на котором Синибалда вез Мальгирею, приехала с детьми в Антон. Поселилась за городом. И стала посылать детей на вечеринки во дворец.

Предсвадебные вечера — какая скука! все надоели друг другу, жених и невеста томятся. Появление детей обратило внимание, и особенно короля.

Бове они чем-то напоминали его погибших близнецов, съеденных львом. И их ответы удивляли его: откуда эти чужие дети так много знают о Друзиане и о нем самом? Друзиану не называя, они говорили, как о своей матери, хотя мать их была скоморошкой. И его потянуло посмотреть на эту скоморошку. Дети повели его за город в табор. И он не узнал Друзиану в вымазанной плясунье. Потом разговорились и он одно понял, что эта скоморошка говорит ему о том, о чем могла бы сказать только одна Друзиана. «Откуда ты все это знаешь?» — спросил Бова и нетерпение и оторопь охватили его. «От Друзианы, я ее тебе приведу!» И она вышла. Смыла с себя краску, надела свое платье и в королевской короне назад к Бове. Не узнать нельзя было: Бова нашел Друзиану. И в тот же день королевой Дантона была объявлена Друзиана.

А с Мальгиреей-Маргаритой пришлось расстаться: Бова решил отправить ее к отцу «за ненадобностью».

Все было готово к отъезду — Териз проводит ее к Салтану — она вошла к Бове проститься.

— Без тебя мне не жить! сказала она и змеей обвилась вокруг него, целуя.

А последним прощальным поцелуем задушила.

* * *

По другому рассказу не менее правдоподобному, Мальгирея-Маргарита и не думала душить Бову, да и не к чему было душить. Она вышла замуж за Териза. Териз не Бова, не родной, а молочный, и все-таки брат Бовы. Не на людях, в домашней жизни, она называла Териза Бовой и, говорят, была счастлива.

Бова возвел Териза в князья.

Правда, в королевской жалованной грамоте читают: «князь» — а ни для кого не тайна, что в геральдических списках рукой Бовы прибавлено: «обезьяний» — «князь обезвелволпал». Териз не обижался, но Салтан был недоволен. Салтану все равно, обезьяний или антоновский — князей полна Казань!

У Бовы был долг: не Маркобрун: Маркобруна трогать не надо, проспал свой меч-кладенец — Друзиану, да и костровские мужики пощипали, лежачего не бьют, но мерзавец Ангулин живет в свое удовольствие — король Армении!

Под начальством дяди Огена было снаряжено войско — поход в Армению. Огену велено вышибить Ангулина из королевского дворца Зензевея и на Соборной площади повесить всенародно. А как повесишь мерзавца, объяви королевой Друзиану, а самому тебе ходить во дворецких (временно — до Петрова дня).

Высадка окончилась успешно. Армяне при имени Друзианы поголовно с женами и детьми перекинулись на сторону Огена, Оген привез веревку с повешенного, хвастал, что собственноручно, чему мало кто верил: у Огена тряслись руки. Всем было известно: Синибалда помешался на грамматиках. Оген спятил на полицейских распоряжениях: подписывая бумаги, не обращая внимания чистый лист, оберточная или газета.

С Ангулином повесили и постельничьего топтуна Орлопа: из боязни самозванца. Бова не одобрил: топтун был робкий, пахло от него вымытым бельем и никто на него никогда не жаловался.

Все исполнено — счастье расколдовано — дом, сыты, обуты, одеты, семья. Благополучием и кончается сказка. На картинке: оба в королевских коронах, справа Бова, слева Друзиана, а по сторонам под ними два балбеса: их дети.

Сказка — то, чего не бывает, а повесть — к добру или к худу — то, что есть.

Друзиана старше Бовы на двадцать лет. Дело не в годах, а каким трудом заполняются годы. Жизнь у Салтана в Рагилье далась ей нелегкая — ходить по стиркам, это не «лавуар» — «самомой». Потом отзовется.

Недолго покоролевствовала Друзиана — и во второй похоронил Бова свою «Дружневну».

Он велел приготовить гроб.

В гробу, обитом дорогими камками и бархатом, она лежала в его любимом малиновом, две золотые королевские короны — Армении и Антона — ее могущество и вдохновение украшали ее хрупкую безмятежность.

Это была Друзиана — такой она себя никогда не видела — отживший все свои силы человек.

Бова вспомнил, как стоял он тогда у гроба матери, над измученным, но живым человеком.

И сравнение мертвого и живого в гробу, задумало его встревоженную мысль.

Всеми делами королевства занимался Дан-Альбрига. Дан-Альбрига приехал в Антон еще при жизни Додона и не покидал Антон даже в смуту после убийства брата. Он первый присягнул Бове.

Бова на своем Ронделло с кладенцом не имел равного себе — он мог покорить весь мир, но в государственных делах он был «швах», как выражался о нем его воспитатель Синибалда, знавший из грамматики все языки, как живые, так и мертвые.

Дан-Альбрига ввел Бову в «положение дел», с этого и пошло и скоро стал первым человеком в королевстве: доверенный Бовы.

Со дня похорон Друзианы, Бова совсем отстранился от дел, и никого не встречал.

«Змеиная любовь» Мальгиреи, ее змеиная башня и его освобождение натолкнуло его — тогда он почему-то вспомнил мать и опять вспомнил и спрашивает: «тюрьма, где я сидел по воле матери, не та же ли змеиная башня

Мальгиреи. И как Мальгирея, мать задумала меня спасти или Додон меня убил бы, как и отец Мальгиреи».

И в ответ прозвучали Зоины слова: «Убила родную мать — мать спасла меня!»

И он, как замурованный между стен, — дождь долбит череп, лють ломит кости.

Дверь отворилась — и вошел чернец.

— Я к тебе послом! чернец распахнул рясу — на его ногах висели золотые лоскутья, — отдай мне свой кладенец. К чему он тебе?

— Откуда ты? Бова узнал его.

— Со Святой земли, откуда ж!

— И опять пойдешь?

— Я за тобой пришел.

Чернец вынул турецкую папиросу и задымил.

— А это не грех? почему-то спросил Бова.

— Можно, сказал чернец, какой это грех! Есть две святыни — дар человеку: «любовь и грех». Грех так же свят, как любовь. Любовь соединяет человека с человеком, а грех — единственный путь человека к Богу, единственная связь с Богом, тоненькая нитка тянется, куда других путей нет — горячая нить, пылающая слезами раскаяния.

— По-твоему воровать? Бова вспомнил о кладенце и о коне, украл чернец.

— Почему по-моему? А сам ты, разве не вор?

— Я любил Друзиану.

— А мне полюбился твой кладенец.

Чернец поднялся. Бова молча ждал что будет: ему показалось, что чернец неспроста подходит к нему и озирается, как намечая: «какие же властные цепкие руки!» подумал Бова и отстранился.

— Раскаянием не поправишь. Попробуй, разве можешь поднять из гроба свою мать? А если бы мог — она простит: «потому что я люблю, я прощу». Но там, какая любовь и какая милость — там не прощается. В этом все, вся боль — вся раскаленность раскаяния. Прощается не там, а что еще за этим «там», где разберутся, кто виноват, что ты таким явился в мир. Раскаяние ничего не поправит. И разве ты есть среди людей? Твое место — и он крестом раскинул руки — «Крестным древом просвети и спаси мя!» Пойдем.

Бова покорно поднялся.

— Погаси свет. Шапку надень. На дворе дождь, Ангусей!

* * *

Бова пропал. Имя его перешло в сказку. А по святой земле бродит странник не Бова, а Ангусей. А кончилось как-нибудь очень просто — судьба бродяг: тот же чернец, позарясь, подаяния выпало больше, лишняя корка, — сонного укокошил, что звучит как упокоил.

Говорят, его чернец был подослан Дан-Альбригой убить Бову — месть за брата. После исчезновения Бовы, Дан-Альбрига сделался королем Антона.

Дети Бовы воспитывались за границей: перед ними открывалось блестящее будущее: один сделался король Французский, а другой король Английский.

О Петре и Февронии Муромских

Муром город в русской земле, на Оке. Левый высокий берег. И как плыть из Болгар с Волги, издалека в глаза белыми цветами земляники, из сини леса, церкви. На Воеводской горе каменный белый собор Рождества Богородицы, за городом женский монастырь Воздвижение. Городом управлял муромский князь Павел. К его жене Ольге прилетает огненный летучий Змей.

I

Как это случилось, Ольге не в разум. Помнит, что задремала, блеск прорезал ее мутный сон, она очнулась и в глазах кольцом жарко вьется и крылом к ней — горячо обнял, и она видит белые крылья и что с лица он Павел.

Всем нечувством она чует и говорит себе: «не Павел», но ей не страшно. И это не во сне — не мечта: на ней его след и губы влажны. А когда он ее покинет, она не приберется — так и заснет, не помня себя. День — ожидание ночи. Но откуда такая тоска? Или любить и боль неразрывны? Или это проклятие всяксго сметь?

А вот и среди дня: она узнала его по шуршу крыльев и как обрадовалась. И весь день он ее томил. И с этих пор всякий день он с ней.

Видит ли его кто, как она его видела или для них он другой — Павел?

Она заметила, слуги, когда он сидит с ней, потупясь отходят или глядят, не глядя: мужу все позволено, но когда на людях, это как в метро всос соседа.

И у всех на глазах с каждым днем она тает.

Постельничий докладывает князю:

— С княгиней неладно: день ото дня, как вешний снег...

Павел ответил:

— Кормите вдоволь.

Павел зверолов: поле милее дому. Простые люди живут тесно, а князья — из горницы в горницу дверей не найдешь: муж у себя, жена на своей половине, муж входит к жене, когда ему любо, а жена ни на шаг.

На отлете птиц он вспомнил о своей голосистой и нежданный показался в горнице Ольги. Ужас обуял ее при виде мужа. И, как на духу, она во всем призналась. Слово ее потрескивая горело: ветка любви и горькая ветвь измены.

Павел смутился: огненный Змей, известно, прилетает ко вдовам, но к мужней жене не слыхать было.

— И давно это?

— На Красную Горку.

И он вспоминает: в последний раз он был у нее на Святой, стало быть, после.

— И вы это делаете?

Она вскинула глаза — чиста! и виновато потупилась.

— Да ведь это большой грех.

И на слово «грех» она вздрогнула от клокота ответных слов — и голос пропал.

— Надо принять меры, сказал он не своим голосом глухо и без слов грозно, так — что рука поднялась, но не ударила.

Досадуя, вышел.

Не звери и птицы, которые звери рыскали и птицы порхали в его охотничьих мыслях, огненный Змей кольчатый шуршал белыми крыльями.

«С чего бы?» — и ему жалко: плохо кончит. Зверю от рогатины не уйти, и на птиц есть силки, но чем возьмешь Змея? И он видит ее и Змея, и все в нем кричит зверем: как ты могла допустить себя до такого? — но себя он ни в чем не винит: он зверолов, свалит медведя.

* * *

В Муроме ходил беспризорный, звали его Ласка — Алексеем. Таким представится Нестерову Радонежский отрок в березовом лесу под свежей веткой, руки крепко

сжаты, в глазах лазурь, подымется с земли и улетит. Ласка глядит сквозь лазурь из души, ровно б у него глубже еще глаза, а скажем, большому не в сказ — такое растет среди лесов на русской земле. Мимо не пройдешь не окликнув: Ласка! А какие он сказывал сказки, и откуда слова берутся! про зверей, о птицах лесовое, скрытое от глаз, и о чудесах и знамениях о звездах. Летом — лес; зима — Воздвиженские монашки присматривают. Бывал и в кремле на княжеском дворе: Ольга любила слушать, как он рассказывает, от него она знает о Змее — огненный летучий. Змей, бумажные крылья — чудесная сказка!

Павел встретил Ласку в лесу.

«Божий человек, подумал Павел, спрошу о жене».

— Надо ей на волю, сказал Ласка, она у тебя в темнице. Ты ее возьми с собой.

— Не в обычай, сказал Павел, да ей и дома не на что жаловаться: сад у ней и пруд, бобры и лебеди.

— Воли нет.

— А что ты знаешь о огненном Змее.

— Огненный Змей летит на тоску. Белые крылья, зеленые у Дракона и сам как листья зеленый, Егорий Храбрый его на иконах в брюхо копьем проткнул.

— А на огненного — где его смерть?

— Откуда мне знать! Пускай сам скажет.

Прямо с охоты, не заходя к себе, Павел незаметно в горницу к Ольге.

Она сидела расставив ноги и улыбалась, а глаза наполнялись слезами. И вдруг увидев Павла, поднялась, дрожа.

Павел посмотрел на нее гадливо.

— Перестань, слушай. С этим надо покончить. Дойдет до людей, ославят: жена путается со Змеем. Один человек мне сказал, огненный Змей не Дракон, копьем в брюхо не пырнешь, а сам он тебе скажет, откуда ждать ему свою смерть. Слышишь. Ты подластишься к нему и выпытай: от чего тебе смерть приключится?

Она слушала, озираясь: она искала глазами другого Павла, которого не боится.

— Большой грех. И я за тебя отвечаю перед Богом.

— Я спрошу, говорит она безразлично и черные кольца катятся из ее глаз.

* * *

На другой день канун Рожества Богородицы — муромский престольный праздник. Ко всенощной он ей не велел, а пошел один в Собор. Он думал о ней с омерзением и нетерпеливо ждал ответ. Он видел ее, как она ластится, выпытывая — и закрывал глаза, передыхая и потом тупо молился, прося защиты: он ни в чем не виновен. И наутро, отстояв обедню, не мог утерпеть и сейчас же к Ольге. После огненной ночи — и это под такой праздник! — она крепко спала. Грубо растолкал. Она таращила глаза перекатывая белками: верить и обозналась — который Павел?

— Что он сказал?

Она поняла и, по-птичьи раздирая рот — слова бились на языке, но не складывались, мучая.

— Что он сказал? — повторил Павел.

И она закусив губы ответила нутром, раздельно приглушенным, не своим, посторонним голосом, рифмуя:

— Смерть — моя —

от Петрова плеча
Агрикова меча.

Павел вошел гордо: он знает тайну смерти — но что значит «Агрик» — Агриков меч? он не знает. И имя Агрик вкогтилось в его змеиную мысль, притушив кольчатый огонь летучего Змея.

* * *

О Агрике жила память в Муроме.

Старожильцы памятуя сказали: «Знаем, помним, за сто лет от отцов слышно: проходил из Новгорода к Мурому Агрик и брат его Рюрик». А о мече — который карлик Котопа сковал меч, точно не сказали, уверяя на Крапиву. А Крапива ничего не помнит.

Другие вспоминали Илью, свой — муромский, богатырскую заставу — на заставе, помнится, среди русских богатырей, стояли два брата — Агриканы — оба кривые: один глядит по сю, другой по ту.

Когда всех богатырей перебили и остался один Агрикан, собрал мечи и сложил в пещере, а свой Агриков, в свой час, вручил Добрыне.

Третьи знахари сказали:

«Точно, к Добрыне в руки попал Агриков меч. Этим мечом он вышиб душу Тугарина Змеевича. И в свой час замуровал меч: явится в русской земле богатырь, откроется ему меч. А где замурован, кто ж его знает». И эти своротили на Крапиву, а Крапива впервой: Агриков меч! Не дай Бог прослыть знающим: затормошат и потом на тебя же в требе.

Агриков меч есть, но где этот богатырь кому владеть?

* * *

Был у Павла брат Петр. На Петра и Павла именины в последний птичий пев, когда в песнях колыбеля припевают: «ой ладо».

А был Петр не в Павла, не скажешь охотник, да ему и птицу вспугнуть духу не хватит, пугливый и кроткий. У бояр на смётке: помрет Павел, уж как под Петром будет вольготно — каждый сам себе князь!

Петр всякий день приходил к Павлу. Жили они в честь прославленным в русской земле братьям Борису и Глебу. От Павла к Ольге проведать. На тихость Петра глаза Ольги яснели, как при встрече с Лаской.

Перемену Петр заметил, но не смел спросить. А Ольга и Павел перед братом таились.

Когда узнал Павел тайну Змеиной смерти: «от Петрова плеча, Агрикова меча» — его поразило имя брата, и он открылся Петру.

— Я убью его! вскрикнул Петр: не узнать было его голоса: решимость и отвага не по плечу: он поднял руку клятвой и гнев заострил ее мечом.

Но где ему найти меч.

* * *

На выносе Креста, Петр стоял у праздника в Воздвиженском монастыре. Агриков меч неотступно подымался в его глазах, как подымали крест — в широту и долготу креста. Его воля защитить брата подымала его вместе с крестом над землей высоко.

Всенощная кончилась. Пустая церковь. А Петр стянутый крестным обручем, один стоял у креста: «Агриков меч» вышептывали его смякшие губы — «дай мне этот меч!

пошли мне этот меч!» — и рука подымалась мечом: «Агриков меч!».

И погасли свечи и последние монашки черными змеями расползлись из церкви. Сумрак окутал церковь глубже ночи и цветы от креста с аналоя дохнули резче и воздух огустел цветами.

Взрыв света ударил в глаза — Петр очнулся: с амвона Ласка со свечой и манит его. И он пошел на свет.

— Я покажу тебе Агриков меч, сказал Ласка, иди за мной! — и повел Петра в алтарь.

И когда они вошли в алтарь Ласка поднял высоко над головой свечу:

— Гляди сюда, он показал на стену, ничего не видишь?

В алтарной стене между кереметей из щели торчало железо. Петр протянул руку и в руке его оказался меч; на рукоятке висела ржавь и липло к пальцам — кривой кладенец.

Это и был Агриков меч.

* * *

Не расставаясь с мечом, Петр провел ночь у монастырских стен: домой боялся, было полем идти — отымут. Осенняя ночь серебром рассыпанных осколков свежестью светила земле, а ему было жарко: Змей жег его — как и где подкараулить Змея? И на воле не находя себе места, он прятался за башни, глядя из скрыти на кольчатую ночь — не ночь, а Змея. Только синяя заря развеяла призрак и благовест окликнул его: мерным пора «к нам!».

* * *

Не помнит как выстоял утреню, часы и обедню. Никаких песнопений — в ушах шипело, и глаза — черные гвозди, еще бы, всем в диво, князь Петр, в руке меч, — искал Ласку, одни черные гвозди. Зубами прижался к золотому холодному кресту и обожженный вышел.

* * *

Павел только что вернулся из Собора, когда вошел к нему Петр с находкой.

— Агриков, сказал Петр, кладя меч перед братом.

Павел недоверчиво посмотрел на ржавое оружие.

— Где ты его достал?

— Агриков, повторил Пётр.

И оставив меч у брата, вышел — по обычаю поздороваться с Ольгой.

Не задерживаясь со встречными и не заглядывая в боковушу, Петр вошел к Ольге. И что его поразило: Ольга была не одна: с ней сидел Павел.

Петр поклонился ей, но она ему не ответила, в ее глазах стояли слезы, но она не плакала, а улыбалась, пристукивая каблуком: то-то заговорит песенным ладом, то ли закружится в плясе. Такой ее Петр не видал. И как случилось, что с ней Павел, которого он только что оставил? Или Павел обогнал его?

Таясь Петр вышел.

Навстречу один из слуг Павла. Петр остановил его.

— Брат у себя?

— Князь никуда не выходил.

— Тише! погрозил Петр, не спугнуть бы! и сам поднялся на цыпочки: он вдруг все понял.

Павел сидел у себя и рассматривал диковинный меч.

— Ты никуда не выходил?

— Никуда! — не отрываясь от меча, ответил Павел.

— Но как могло случиться, а я тебя только что видел с Ольгой.

— Ты меня видел?

— Он сидит с ней. Он знает свою смерть — Петр показал на меч — он нарочно обернулся тобой: я не трону. Дай мне меч, а ты останься.

— Осторожно! — Павел подавая меч, — расколоться может.

С обнаженным мечом Петр вышел от Павла.

Крадучись — не спугнуть бы! — подошел к дверям Ольги. Не предупредя, переступил порог.

В его глазах Ольга и с ней Павел. Задохнувшись, подошел ближе. И оглянул. Нет, это не чудится: это Павел! И странно: сквозь Павла видит он окно, в окне золотая береза. И догадался: огонь! — огненный Змей.

Они сидели тесно: губы его вздрагивали, а она улыбалась.

Петр подошел еще ближе и ноги его коснулись ее ног. Вскрикнув поднялась она — и вслед за ей поднялся Павел.

В глазах Петра резко золотилось и он сам поднялся в золотом вихре и ударил мечом по голове Змея.

Кровью брызнул огонь — сквозь огненный туман он видел как Павел, содрогнувшись, склонился к земле, оро-

шая кровью Ольгу и Ольга, как и Павел, склонясь, клевала землю.

Петру мерещилось кольчато-кровавое ползет на него, душит грозя и он махал мечом, пока не разлетелся меч на куски и куском железа его очнуло.

Со Змеем покончено — в мече нет нужды: Агриков меч отошел в богатырскую память.

* * *

Муромский летописец запишет, теперь всем известно: жена князя Павла Ольга, к которой прилетал огненный летучий Змей, захлебнулась змеиной кровью, а князь Петр, змееборец, от брызнувшей на него крови весь оволдырил, как от ожога.

Говорили, что волдыри пошли по телу от испугу, и от испугу саданул Петр Ольгу. Так думал и Павел, но брату не выговаривал «чего, де бабу укокошил», как между бояр говорилось с подмигом. Павел был доволен, что Петру она под руку попалась: какая она ему жена — змеиная!

За Петром осталось: змееборец. Так он и сам о себе думал, терпеливо перенося свою телесную скорбь — безобразие: исцарапанный, скривя шею и корча ноги, скрехча зубами, лежал он, на его груди горел струпный крест, жигучий пояс стягивал его, и глаза и рот разъедала ползучая сыпь — кости хрястают, суставы трескочут.

Муромские ворожеи, кого только ни спрашивали, ни шепотом, ни духом, ни мазью, ни зельем не помогли, хуже: спина и ноги острупели и зуд соскреб сон. От слабости стало и на ноги не подняться.

Тут и говорят, что в рязанской земле водятся колдуны старше муромских: везите в Рязань.

А говорил это Ласка — кому еще знать.

И решили везти Петра в Рязань: почему не попробовать — рязанские колдуны, на них и посмотреть страшно найдут жильное слово заоблачно и поддонное — шаманы!

II

Петр на коне не сидит, его везли. Путь не веселый: и больному тяжко и людям обуздно. Недалеко от Мурома в Переяславле решили остановиться и попытать счастье.

Приближенные Петра разбрелись по городу, выведывая есть ли где колдуны лечить князя. Гридя, княжеский отрок, в городе не задержался, вышел за заставу и попал в подгороднее Ласково.

От дома к дому. Видит, калитка у ворот стоит раскрытая, он во двор. Никто его не окликает. Он в дом. Приоткрыл дверь и вошел в горницу. И видит за столом сидит девка — ткет полотно, а перед ней скачет заяц. Он на зайца взарился: диковинно такой заяц — усами ворочит, не боится, скачет. А девка бросила ткать и прихорашивается: экий вперся какой серебряный.

— То-то хорошо, сказала она с досадой, коли двор без ушей, а дом без очей.

Гридя оглупело глазел то на нее, то на зайца.

— Старше есть кто? робко спросил он.

— Отец и мать пошли плакать в заём, говорила она, с любопытством оглядывая дорогое платье заброжего гостя, а брат ушел через ноги глядеть к навам.

— К навам, повторил растерянно Гридя, загадки загадываешь.

— А ты чего не спросясь влез, строго сказала она, а будь во дворе пес, слышит шаги, залаял бы, а будь в доме прислуга, увидит, что кто-то вошел и предупредит: — вот тебе про уши и про глаза дому. А отец и мать пошли на кладбище, будут плакать о умершем, эти слезы их — заёмные: в свой черед и о них поплачут. А брат в лес ушел, мы бортники, древолазы: полезешь на дерево за медом, гляди себе под ноги, скувырнешься — не подняться и угодишь к навам.

— К навам, повторил Гридя, к мертвым. И подумал: «не простая!». А как тебя звать?

— Февронья.

«И имя замысловатое, подумал Гридя, Февронья!». Я муромский, служу у князя, и он показал на гривну — серебряное ожерелье — приехал с князем: князь болен: весь в сыпи.

— Это который: змееборец?

— Петр Агриковым отсек голову огненному летучему Змею и острупел от его змеиной крови. Наши муромские помочь не могут, говорят у вас большие ведуны. А звать как не знаем и где найти?

— А если бы кто потребовал к себе твоего князя, мог бы вылечить его.

— Что ты говоришь: «если кто потребует князя моего себе...». Тот, кто вылечит, получит от князя большую награду. Скажи имя этого ведуна и где его найти.

— Да ты приведи князя твоего сюда. Если будет кроток и со смирением в ответах, будет здоров. Передай это князю.

И как говорила она в ее словах была такая кротость, как у Ласки, и улыбнулась. Гриде стало весело: князя Петра его приближенные любили за кротость.

С каким запыхавшимся восторгом, как дети, рассказывал Гридя Петру о Февронии какая она, среди боярынь ни одна с ней не ровня, и о загадках и о зайце — заяц на прощанье пригладил себе уши, ровно б шапку снял, — будешь здоров, сказал Гридя, повторяя слова Февронии о кротости и смирении.

Петр велел везти себя в Ласково.

В Ласкове послал Петр Гридю и других отроков к Февронии: пусть скажет к какому волхву обратиться — вылечит, получит большую награду.

Феврония твердо сказала:

— Я и есть этот волхв, награды мне не надо, ни золота, ни имения. Вот мое слово: вылечу, пусть женится на мне.

Гридя не понял скрытое за словами испытание воли; ничего неожиданного не показалось ему в этом слове.

С тем же восторгом он передал слово князю.

«Как это возможно князю, взять себе в жены дочь бортника!» мелькнула поперечная мысль, но он был так слаб и страждал.

— Поди и передай Февронии, я на все согласен, пусть скажет что делать.

И когда Гридя передал Февронии: «князь на все согласен», Феврония зачерпнула из квашни в туис «шептала» и подув, дала туис Гриде.

— Приготовьте князю баню и пускай помажет себе тело где струпья, весь вымажится — и подумав, нет, один струп пусть оставит, не мажет.

У Гриди и мысли не было спрашивать почему, он смотрел на Февронию беспрекословно, а заяц ему погрозил ухом.

— Да не уроню, сказал Гридя, в обеих руках держа туис и осторожно вышел.

Пока готовилась баня, все отроки и слуги собрались у князя. Всех занимал рассказ Гриди о Февронии, ее колдовстве, о зайце, о птицах — птицы перепархивали в воображении Гриди — а больше всего ее загадки. Уверенность что князь поправится улыбнула и заботливую сурь и сам Петр повеселел.

«Да чего бы такое придумать, сказал Гридя, она все может. Давайте испытаем».

— Я придумал, сказал Петр и велел подать ему прядку льну. И, передавая Гриде, сказал:

— Отнеси ей и пусть она, пока буду в бане, соткет мне из этой прядки сорочку, порты и полотенце.

Феврония удивилась увидя Гридю.

А он весь сиял: то-то будет. И положив перед ней на стол прядку льну, повторил слова князя.

— Хорошо, сказала Феврония, ты подымись-ка на печь, сними с гряд полено и сюда мне.

Гридя снял полено и положил перед ней на лавку. Она оглянув, отмерила кусок.

— Отруби.

Гридя взял топор и отрубил меру.

— Возьми этот обрубок, сказала Феврония и скажи князю: за тот срок, как очешу прядку, пусть сделает мне станок, было б мне соткать ему сорочку, порты и полотенце.

Зайцем выскочил Гридя. А там ждут. Положил перед Петром обрубок, как перед Февронией прядку: изволь станок смастерить, пока она очешет лен.

— Что за вздор, сказал Петр, повертев обрубок, да нешто можно за такой час сделать станок.

Но кому ж не понять, что не меньший вздор и Петрова задача: соткать ему из прядки за банный час сорочку, порты и полотенце. И Петр дивился не столько мудрости Февронии, сколько уразумев свою глупость.

Балагуря, с одним именем Февронья — а ее мудрость у всех на глазах — приближенные Петра пошли в баню, а Петра несли на носилках.

Все было, как полагается: Петра вымыли, выпарили и на полок подымали и с парным веником выпрыскали, потом положили в предбаннике и прохладя квасом и

мочеными яблоками, все тело и лицо и руки вымазали наговорным.

Но где какую болячку оставить без маза? Решили ту, где будет незаметно. А чего незаметней задничного места. Спросить было у Февронии, да понадеялись на очевидность и оставили заразу на этом месте.

Ночь Петр провел спокойно — ему только пить давали: морила жажда. Или это гасло змеиное пламя. Наутро он поднялся легко. Тело не зудит — очистилось, и лицо чистое и руки чисты — не узнать.

Пронесло беду. Казалось бы, надо исполнить слово Февроньи. Но как всегда бывает, когда наступает расплата, человек возьмет на себя что полегче и пожертвует тебе, что не нужно или то, добытое без труда.

Покидая Ласково, Петр послал Февроньи подарок — благодарность: золото и жемчуг. Она не приняла. Молча рукой отстранила она от себя драгоценности, а на губах ее была печаль: «несчастный!».

На коне вернулся Петр в Муром.

На Петра диву давались: вот что может колдовство: пропадал человек, а гляди, не найдешь ни пятнышка. Чист, как перо голубя.

Шла слава на Руси: есть ведьмы киевские и ведьмы муромские, а бортничиха Феврония больше всех. Имя Феврония вошло с Петром в Муром, и отозвалось, как имя Ласка, недаром и село ее зовется Ласково.

Петра поздравляли. В Соборе отслужили молебен. В Кремнике у Павла был пир в честь брата-змееборца.

Началось с пустяков: кольнуло. Не обратил внимания. Потом чешется, это хуже. А наутро смотрит: а от непомазанного вереда ровно б цепочка. Думали от седла. А про какое седло, на лице выскочил волдырь. Начинай сначала.

Петр с неделю терпел, поминал имя Феврония, винился — да ведь раскаяние что изменит? — «Согрешишь, покаешься и спасешься!» — какой это хитрец, льстя злодеям, ляпнул? Грех не искупаем. И только воля пострадавшего властна.

Петра повели в Ласково.

Неласково встретила Феврония. Сдерживая гнев, она повторила свое слово. Петр поклялся. И опять его повели

в баню и на этот раз всего вымазали. И наутро поднялся чист.

Ласковский поп обвенчал Петра и Февронию. И Петр вернулся в Муром счастливый.

* * *

Пока жив был Павел, все шло ничего, женитьбу Петра на бортничихе спускали. Но после смерти Павла, когда Петр стал муромским князем, поднялся ропот: «женился на ведьме!».

Всякому било в глаза, по кличке Петр муромский князь, а княжит над Муромом «ведьма». И не будь Февронии, все было б по-«нашему»: Змееборца живо б к рукам прибрали: по душе ему с Лаской сказки сказывать, а не городом править. Разлучить Петра с Февронией другого нет выхода.

В городе Феврония княгиня, в доме хозяйка. Что плохо лежит само в руки лезет — на княжем дворе всякая вещь на своем месте, хапуну осечка: известно, бортничиха, не господский как — попал. Порядок спор, но и тесен.

Слуги поворачивали. И чтобы душу себе встряхнуть стали Петру наговаривать.

Стольничий, старый слуга, с подобострастным сокрушением, порицал Февронию: не знает чину — из-за стола поминутно вскакивает, без порядку хлеб ест, а тарелка стынет.

— И что за повадка: по обеде поклон положить забудет, а крошки со скатерти дочиста все соберет, и чего для? Ровно нехватка в чем, или в обрез?

За наговариванием — подозрительное любопытство.

Обедали врозь, каждый у себя. Петр велел подать два прибора и сесть Февронии с ним. И замечает. Да ничего особенного, Ласка до сих пор не научился, ест без вилки пальцами, а Феврония ровно б с детства за княжеским столом обедала. Но, когда оставалось только лоб перекрестить, она поднялась и стала собирать со скатерти крошки. И Петр поднялся и за руку ее, развел ей пальцы.

— Что ж мы нищие? сказал он с упреком и взглянув отдернул руку: на ее ладони не крошки, дымился ладан.

И вся столовая наполнилась благоуханием, ровно б поп окадил. Или это улыбка ее расцвела цветами и из глаз, таких напоенных, зрелых, источался аромат.

— Нет, наша доля мы слишком богатые, сказала она.

Петр не знал куда девать глаз от стыда: и как он мог что-то подумать. И с этих пор что бы ему ни наговаривали на Февронию его не смущало: вера в человека гасит всякое подозрение легко и открыто и самое загадочное и непонятное.

* * *

Бояре свое думали — каждым годом власть Февронии сказывалась до мелочей, до «хлебных крошек» княжества, негде рук погреть, не люди, рабы. И как устранить Февронию. И бабы бунтуют: первое место бортничиха и им, природным, кланяться и подчиняться — не желаем. И пилили мужей: глаза де пялят на Февронию и мирволят.

Осточертенелые бояре ворвались к Петру в Кремник.

— Слушай Петр! Ты наш змееборец! Рады служить тебе за совесть. Убери княгиню: Февронию не желаем. И мудровать над нашими женами не позволим. Пускай берет себе, что ей любо, казны не пожалеем, и идет куда хочет: в Муроме ей не место.

Петр не крикнул, «вон»! Он вдруг почувствовал себя таким ничтожным перед навалившейся на него силой и беззащитным и, тише чем обыкновенно, ответил:

— Я не знаю, спросите ее. И как она хочет.

И у бояр кулаки разжались: изволь, хвастай умом, хорош! — сами ж говорили: Петр брат его не Павел, из змееборца хоть веревки вей, и показали как на Павла: решай. Будь Петр один, другое дело, но за такой стеной, не устоит и кремник.

Со стыдом разошлись бояре.

«Поговорите с ней!». А ты попробуй, она тебе ответит. Головоломная задача.

А бабы ноют — а это пожечше: по-морде-в-зубы — у каждой одна песня: Февронья. Сами-то сказать ей в лицо не смеют, боятся, ведьма, а ты за них отдувайся — извели. И надумали бояре порешить хитро и разом.

* * *

В Городовой избе просторной, как княжеский двор, всем городом устроен был пир. Пригласили князя Петра и Февронию — честь за главным столом первое место.

Ели и пили чинно. А как хмель распустился в свой цвет, спряталась робь, голос окреп, залаяли псами. Друг друга подталкивают. Хороводились.

И прорвало:

— От имени города Мурома, поднялся бахвал к Февронии и все поднялись и пошли, как боровы — исполни, что мы тебя попросим.

И Феврония поднялась, она все поняла, но спокойна.

— Слушаю, отвечает Феврония, я рада все исполнить.

— Хотим князя Петра, отчеканил ободренный согласием Февронии, смельчак. Петр победил Змея, пусть Змееборец правит нами, а тебя наши жены не хотят. Не желают под твоей волей ходить. Возьми себе добра и золота, сколько хочешь и иди куда хочешь.

— Хорошо, я исполню ваше желание и жен ваших, я уйду. Но и вы исполните чего я попрошу у вас.

— Даем тебе слово без перекора, все исполним! загалдели враз.

— Ничего мне не надо, никакой вашей казны. Об одном прошу, дайте мне князя Петра.

Переглянулись.

И в один зык подвздохом:

— Бери.

У каждого прошло: «поставят нового князя и таким князем буду я».

Петр поднялся.

— В законе сказано: кто отпустит жену, не уличив в прелюбодействе, а сам возьмет другую, прелюбодействует. Мне с Февронией с чего расставаться!

— Согласны! рявком ответили бояре, ступай с ней.

Феврония вышла из-за стола, собрала со стола крошки. Зажав в горсти, вышла на середку. И подбросила высоко над головой — хряснув посыпались дождем драгоценности — золото, серебро, камни, украшения.

— Вашим женам, пускай себе великанются. А вам — глаза ее вдруг вспыхнули, загорелись и горели, не переглядеть и рысь зажмурится, не солнечный огонь, а преисподний огнь: будьте вы прокляты! Не болить вам, не менить.

Она взяла Петра за руку. И они покинули пир.

* * *

Нагруженные муромским добром плыли суда по Оке — путь на Волгу в Болгары. Петр и Феврония покинули

Муром, плывут искать новые места. Долго будет, белыми церквами провожая, глядеть вслед им родной город. И за синей землей дремучих лесов скрылся.

В нежарком луче перетолкались толкачики. Зашло солнце. С реки потянуло сыростью.

Ночь решили провести на берегу.

И раздумался Петр: хорошо ли он сделал — покинул родной город? И из-за чего? И с упреком посмотрел на Февронию.

— Не ропщи, сказала Феврония, она без слов поняла, будем жить лучше прежнего, ты увидишь.

Петр не мог не поверить — в голосе Февронии была ясность. Но точащее сожаление не оставляло: «Если бы вернуться!».

На рогатках из крепких ветвей укрепленных в землю, подвешен был котелок на ужин.

— Смотри, эти сухие ветви, сказала Феврония, а наутро, ты увидишь, вырастут из них деревья, зазеленеют листья! — и она, осеняя дымящиеся от пара черные рогатки, что-то шептала и дула.

Ночь пришла, не глядя, темная как лес, колыбеля сном без сновидения. Или такое бывает, когда всю душу встряхнет — все двери захлопнутся: без памяти — мрак.

Утро пробудило надеждой и первое что заметил Петр, и это как во сне, на том месте где укреплены были рогатки и висел котелок, перебегали люди и что-то показывали, кивая головой. Петр подошел поближе. И это было как сон и всем как будто снится, так чудесно и не бывало: за ночь сухие ветви ожили покрылись листьями и подымаются зелеными деревьями над котелком.

«Так будет и с нами?» подумал Петр и посмотрел на Февронию.

И она ему ответила улыбкой, с какой встречают напуганных детей.

И когда стали погружаться на суда плыть дальше, видят на реке показалась лодка, белые весла, поблескивая на солнце, руками машут — или стать за бедой не могут или не успеть боятся.

— Да это никак с Мурома? — Так и есть: причалила лодка, вышел боярин, шапку долой, низко поклонился.

— Я от города Мурома, с трудом передохнув, проговорил он оборотясь к Петру, и всех бояр кто еще на

ногах и голова уцелела. Стало вам скрыться с глаз, как в городе поднялся мятеж: всяк назвался муромским князем и знать ничего не хочет: сколько дурьих голов, столько и шалых поволю. В драке немало погубили народу, да и сами погибли. В городе лавки в щепы, дома глядят сорванными с петель дверьми, в Кремнике нет не окровавленного камня. Ласку укокошили, зверь не трогал, а человеку под руку попался и готов. Вернись, утиши бурю! Будем служить тебе! И, обратясь к Февронии, еще ниже поклонился — прости нас и баб наших, вернись!

Вот оно где чудо, какой чудесный день — у Петра все мешалось и не было слов на ответ. Феврония приказала судам повернуть домой — в Муром.

III

Повесть кончена. Остается загадка жизни: неразлучная любовь — Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Петр и Феврония.

Петр управлял Муромом нераздельно с Февронией. Про это запишут, как о счастливом годе, время Муромского княжества, канун Батыя.

Сроки жизни наступали.

Петр постригся в монахи, приняв имя Давид, и оканчивал дни в городском Богоявленском монастыре. Феврония под именем Ефросиния за городом у Воздвиженья, где в алтарной стене замурован был Агриков меч.

Расставаясь, Феврония сказала: Смерть придет за тобой и за мной в один час.

Петр в своей келье ничего не делал, он не мог, и своей тоской заторопил срок. Ему показалось, в окно заглянула Ольга и манит его: он освободил ее, теперь ее черед. Так он это понял и послал Февронии сказать:

— Чувствую конец, приди и вместе оставим землю.

Феврония вышивала воздух: деревья, травы, цветы, птицы, звери и среди них любимый Заяц — они по шелковинке каждый брал себе ее тоску.

— Подожди немного, ответила она, дай кончу.

Но час не остановишь, срок не меняется. И чувствуя холод — самое лето, а мороз! — он и во второй раз послал.

— Последние минуты. Жду тебя.

Но ей еще остались пустяки — вынитить усы зайцу.

— Подожди.

И в третий раз посылает:

— Не жду, там — —

Она воткнула иголку в воздух — пусть окончат.

— Иду.

И душа ее в цветах и травах, вышла за ограду встречу другой неразлучной, вышедшей в тот же час за ограду.

25 июня 1228 года
на русской земле.

Еще при жизни у Рожества в Соборе Петр соорудил саркофаг, высечен из камня с перегородкой для двоих:

«Тут нас и положите обоих», завещал он.

Люди решили по-своему: князю с бортничихой лежать не вместе, да и в иноческом чине мужу с женой не полагается.

Саркофаг в Соборе оставили пустым, Петра похоронили в Соборе, а Февронию особо у Воздвиженья.

С вечера в день похорон поднялась над Муромом гроза. И к полночи загремело. Дорога до города из Воздвиженья вшибь и выворачивало — неуспокоенная, выбила Феврония крышку гроба, поднялась грозой и летела в Собор к Петру. Полыхавшая молнья освещала ей путь, белый огонь выбивался из-за туго сжатых век и губы ее дрожали от немевших слов проклятия.

Наутро в Соборе гроб Петра нашли с развороченной крышкой пустой и у Воздвиженья тела Февронии не было.

Петр и Феврония лежали в Соборе в саркофаге рядом без перегородки.

И всякий раз на Москве, в день их смерти, Петра и Февронии, на литии лебедь-колокол разносил весть из Кремля по русской земле о неразлучной любви, человеческой волей нерасторжимой.

Григорий и Ксения

— Есть на земле другая земля — не первозданная, а дело рук человеческих — воли самовластной души — места заколдованные: на счастье, на гибель, на тихость.

«Вижу три свечи — иссвечают землю. И вижу пламень: черное пламя; мигающие дразнящие огоньки; тихое, тихое мерцание. И там, где легко дышится, и там, где зарыт клад, и там, где неминучая гибель».

— Светящиеся уголки земли не случайны. Без жертвы не покажутся: надо неизбежно задавить живое существо. Прообраз — Голгофа.

«Злорадство — гибель; золотой клад; тихость, так на мой глаз и чувство».

— Можно гадать для чего, но судьба обреченного: почему и зачем я назначен погибнуть, или чтобы кто-то угодил с головою в яму — гиблое место. Или, чтобы кто-то обогатился — клад. Или чтобы кто-то нашел покой «измученной душе». На судьбу нет решенья.

«„Судьба́“ — последнее решающее слово жизни. Покорному судьбе, покоряясь, как не обойти спросить о судьбе самой Судьбы̀ — такая темь и путы».

— Творят волю судьбы на белом свете вестники Судьбы — Судицы: Судицы нарекают долю человеку — даром любви соединяют человека с человеком — «суженый» и «суженая». Они же и разъединяют. Но властна ли Судьба, разъединив суженое — разделить силу любви? Любовь неразделима и цвет ее неувядаем.

*

Как с душой человека — расцветает и светит не спуста, так и земля — ее щебнистую скрябь умягчает труд человека. Боль красит душу и землю освещает боль. Пути со временем потеряются, но крестный путь не запроторится вовек.

— Есть на земле другая земля. Крепость ее призрачна, счастье взблеснув погаснет. Гиблое место запустеет, тихость переродится в казнь.

«Для создания святого места на земле: трое обреченных: Григорий — Ксения — Ярослав. Вестуньи-судицы распределили долю: три дара:

Ярославу — власть, любовь, преступление;

Ксении — мудрость, любовь, разлуку;

Григорию — любовь, разлуку, свет».

I

В княжение великого князя Тверского Ярослава Ярославовича совершилось на Руси — в пропащей: земля была развоевана, раздроблена, города разрушены, русская земля — татарский улус, царь Неврюй.

У князя Ярослава отрок, из всех отроков любимый, Григорий, и Григорий любил Ярослава и был ему во всем верен. Однолетки — и двадцати еще не исполнилось. И так непохожи: Ярослав и Григорий. Крепь леса и воздушное перелесье.

Случилось Григорию по поручению Ярослава, приехал для сбора княжьей дани в село Едемоново на Волге, в сорока верстах от Твери.

Остановился у Солунского пономаря Афанасия. Дом близ церкви Великомученика Димитрия Солунского — показное место села Едемонова. Пономарь славился своей церковной начитанностью, а больше по своей дочери Ксении.

Ксению называли мудрой, другие — блаженной, третьи — дикой, дурочкой. За свою рассудительность —

мудрой, за непохожее на других, глаза и голос и движения блаженной, а за странность — загадочность ее ответов неожиданных и не привычных — дикой — «дурочкой».

С первой встречи Ксения признала Григория и это сказалось в ее покорном взгляде — и он, взглянув на нее — глаза его вдохнули всю ее — по заговорному сказать, всю, «с мясом, кровью, печенью, с перепеченью». Ее образ наполнил собой его потрясенную душу. И простые ее слова не скорлупа, наливались для него зрелой ягодой. Не отрываясь он глядел на нее, ожидая — вот скажет — и чувствует как заиграет на сердце.

Так ли она смотрела? Но с каждым днем отсвет ее глаз — он узнавал свой трепет.

Оба они ни слова, но каждый почувствовал без слов: люблю.

Григорий открылся ее отцу и о своем решении жениться.

Афанасий не знал, что и ответить: приближенный великого князя и дочь пономаря.

— Я упрошу князя, он не откажет, даст разрешение на брак и я останусь у вас жить.

Последнее слово — за Ксенией.

И когда Афанасий рассказал Ксении о разговоре с Григорием, о его решении жениться, Ксения сказала, и ответ ее прозвучал веще — как только произносятся слова в осенении.

— Сделай все так, как он просит, положись на волю его. Бог повелел — это судьба. И будет так.

Никому из товарищей Григорий не открыл свою тайну, исполнив поручение князя, вместе с другими сборщиками он покинул село Едемоново.

Вот насадил Бог рай на берегу реки Волги при царе Неврюе.

Когда Григорий уехал, Ксения сказала отцу и матери:

— Я люблю Григория, тяжело мне будет с ним расстаться. Но судьбы не обойдешь. Судьба повернет посвоему: не он будет мне мужем, но тот, кого Бог мне укажет.

II

Когда Григорий рассказал Ярославу о встрече с Ксенией и просит разрешение повенчаться с ней, Ярослав опечалился.

— Дочь пономаря — сказал князь — не ровня тебе. Если уж ты задумал жениться, возьми из своего круга. Тебя засмеют, а меня осудят и нам придется расстаться.

Слова Ярослава огорчили Григория, но воля его взяла верх: расстаться с Ксенией — не могло быть и мысли, без Ксении ему не было жизни.

— Ксения любит меня и другой суженой мне не надо.

И он повторил свою просьбу и она выговаривалась — жить или умереть.

И Ярослав согласился.

Рассказами о Ксении, о ее необыкновенном: мудрая, блаженная — Григорий увлек Ярослава. Ярослав больше не отговаривал, он сам вызвался: во всем поможет любимому отроку — сыграть свадьбу громко — чтоб помнилось всю жизнь. Григорий поедет по Волге, а по берегу свадебный поезд на конях с музыкой и песельниками.

Вечером счастливый Григорий поехал в Едемоново венчаться, а Ярослав велел своим сокольничим приготовиться наутро к охоте. В ту ночь Ярославу снится — он на охоте, и вот любимый его сокол, разогнав всех птиц, положил к его коленям голубку, как поется в свадебной песне — лицо ее сияло счастьем, а в глазах блестели слезы.

Пробудился Ярослав с затаенным чувством, что это значит: голубка? Наутро выехал с ястребами и соколами в ту сторону — куда накануне поехал Григорий справлять свадьбу — и весь день тешился охотой.

Григорий с дружками приплыл до села Едемонова. Не дождавшись поезжан от князя послал с пристани к Ксении сказать, чтобы все было приготовлено к венцу.

Ксения ответила, что все будет сделано и она известит его, потому что о его приезде вестей не было. Дома она сказала: «сват приехал, а жениха еще нет — задержался на охоте, но он будет здесь». Родные очень удивились, о каком женихе? Но она не говоря ничего, принялась готовить почетные дары.

Весь день провел Ярослав на охоте, ночью в поле приснился тот же сон, что и накануне: его любимый сокол принес и положил на его колена голубку. Лицо ее сияло счастьем, а в глазах горели слезы. Этот вчера затаенный сон, томящий, встрепенул его, он чувствовал себя приподнятым и легким.

Григорий ждал весь день и ночь прошла в ожидании. И наутро никаких поезжан от князя не было. «А что, если князь раздумал и перемыслил свое решение и потребует вернуться к себе!» И не дожидаясь извещения от Ксении, отправился с дружками в село в дом Афанасия. Все было готово, но Ксения просила не спешить: она ждет гостя, из всех он будет первый и дороже всех.

А Ярослав велел пустить всех своих птиц — ястребы и сокола закружили над его головой, эта бурлящая сила подымала его. Немало лебедей досталось на добычу, удачная охота. Все птицы-победители слетелись, а любимый сокол не возвращаясь летел в сторону. И погоней за ним Ярослав.

— Чье село? — спросил он.

— Село Едемоново, — ответили ему — великого князя Ярослава Ярославовича, церковь Димитрия Солунского. — И Ярослав увидел своего сокола. Сидит на куполе у креста, приглаживая перышки охорашивается.

— Село Едемоново — вдруг вспомнил Ярослав — свадьба Григория — и направился к дому пономаря Афанасия.

Около дому собралось много народу, смотреть, как пойдут в церковь жених и невеста.

Григорий сидел с Ксенией, когда Ярослав показался среди любопытных. Ксения сказала: «Встаньте, идите встречать великого князя». А был он, как и его приближенные, в охотничьем платье. Все поднялись, винясь, что не встретили его. Ярослав просит, чтобы сели.

Григорий и Ксения у всех на виду — подходит минута, сейчас поведут их в церковь. Григорий сиял от счастья, желание его исполнилось и любимый князь неожиданно явился к такому счастливому часу. Ксения, сверкнув, сказала Григорию: «Отойди от меня. Дай место великому князю, моему жениху, а ты был сватом моим». Ярослав взглянул на Ксению: голубка его сна! — сердце его

загорелось и мысли смешались: «Уйди ты отсюда, — звернул он Григорию, — ищи себе невесту».

Григорий поднялся.

Что он чувствовал? Руки его окованы, на ногах кандалы, за спиной колода. И пошел. Какой медленный путь, потерянный — из жизни. Какая пронизывающая печаль провожала его — прощальный взгляд Ксении. В дверях толчея — затеснили. Было так, будто его подняли на воздух и, раскачав, ударили о стену. Стена проломилась. Колода сорвалась и придавила его. Но он высвободился и пошел, сквозь — «Повинен смерти!» На него набросились и отовсюду потянулись засученные руки. Его били, почем-ни-попало. Из глаз сыпались искры. Извиваясь, он держался, не падал. И чья-то верная рука ударила ножом в грудь. В его глазах, сквозь густую черную пелену — он видит свое вырезанное сердце. Черным пламенем пыхнуло в лицо и отхлынуло вслед к столу.

Ярослав занял место Григория. И в песнях величая жениха и невесту повели в церковь на венчание.

У всех был в глазах великий князь тверской и никто не заметил, как прихлопнутый вышел из дому Григорий — в какую темную ночь, на край пропасти. Рука не подымалась обороняться и глаза не глядели на свет.

*

— Что стоит ваше суженое слово? На талой музыке тлеющей песни я вижу искаженные лица и слышу и различаю их голоса.

«Судьбинные вестуньи,
И та, которая одарила любовью,
и та, осудившая на муку — разлучная,
и та — с пылающей свечой, овевая
пламенем измученную душу».

— Я зажгла его сердце любовью.
— Я разбила его сердце разлукой.
— Я осенила его душу.

«Три доли даны человеку.
Первая доля — на счастье — встреча —
Любить.
Другая — несчастье — разлука.
И третья — дар света».
— Пламень моего исевеченного сердца
пронижет темную землю.
— Буря моего сердца — неугасимое пламя,
свет моей любви проницает зори.

III

Никогда не было столько народу у Димитрия Солунского — долго будет памятна свадьба великого князя.

Перед образами поцелуй любви — венчальной памятью закрепил союз на единое тело и единомыслие. Новобрачные вышли из церкви, красуя погожий день сиянием любви на весь мир перед небом и солнцем.

Сокол сидел на куполе у креста и неприманчиво другим, на оклик Ярослава, опустился на правую руку князя, трепетным глазом оглядывая молодых.

День и ночь на Едемонове пир пировали. Величальным песням не слышно было умолку до зари.

Наутро Ярослав вспомнил о своем любимом отроке и почувствовал себя виноватым.

Не поправимо. И ему хотелось объяснить, как все случилось, рассказать свой суженый сон и убедить: если может, простить его. И велит привести к себе Григория.

Нигде не нашли.

Ярослав подумал, а что, если кончил с собой? И приказал искать по берегу и в колодцах.

Ищут — нет нигде.

На обыске у одного крестьянина нашли одежду Григория. Крестьянин признался: поменял княжеский отрок свое дорогое на крестьянскую ветошь, просил никому не сказывать.

— Ухожу, говорит, в пустыню, там этого не надо. —

Жалостно смотреть было, как человек отчаялся в жизни.

Ярослав велел обыскать всю окрестность. И где-где ни искали, в лесу забирались в самые дебри — нет нигде, пропал человек.

Три дня пробыл Ярослав в Едемонове. Его «райское блаженство» было б полно, если бы не печалила мысль о Григории: вспоминался любимый отрок, винил себя в его гибели. И еще беспокоила мысль: как встретят в Твери его выбор — великая княгиня дочь пономаря.

Ксении он рассказал о своем сне.

Она все поняла.

— Все было так, — сказала она — как тому должно было быть — и печаль покрыла ее слова: или вспомнила она о Григории — свою единственную любовь, или принять наперекорную судьбу человеку не просто.

— Возьми меня с собою, — сказала она — не бойся.

IV

Со свадебной свитой, которая сопровождала Григория, отправил он Ксению на том же самом судне в Тверь, а сам с охотниками поехал берегом.

Тешась охотой он прибыл в Тверь раньше Ксении и велит боярам выйти навстречу великой княгине.

Выбор Ярослава принят был единодушно, никакой вражды, весь город собрался к церкви Михаила Архангела встречать великую княгиню, дочь пономаря. Ксения пришлась по сердцу и было в городе большое ликование на много дней.

Жизнь пошла своим чередом под великим князем Ярославом Ярославичем и великой княгиней Ксенией Афанасьевной.

V

Дорогами без пути шел Григорий, покинув Едемоново.

Ярослав — это он понял, ведь и сам он с первого взгляда полюбил Ксению; но что толкнуло Ксению любя, вдруг разлюбить? И откуда такая горькая печаль покрыла ее прощальный взгляд?

Когда Григорий, решив жениться, говорил Ксении и ее отцу, пономарю Афанасию, что будет жить с ними в селе Едемонове, — это означало его уход из жизни, сулившей ему первое место и почет среди великокняжеской дружины.

И теперь, когда его прогнали, в отчаянии он решил уйти от жизни людей, где ничего нет верно и самая клятва любви — ни во что.

Принять свою долю и покориться, изжить боль — кручинно и сердцу надсадно.

Григорий поселился в лесу; с людьми ему было б неладно, а звери его не трогали. Боль его поднялась над землей и выговорилась туда — молитвой.

— Кому и о чем молиться человеку, над которым только что распорядилась судьба: все дав, грубо отнять?

— Есть в мире для человека в несчастии единственное прибежище — мать.

Григорий, выброшенный из жизни, раздавленный — молился Божьей Матери, прося направить, указать ему путь — дело кругом обездоленному.

И живет человек в пропаде.

VI

Он просил открыть ему тайну его жестокой доли.

Его молитва к Богородице — вопль настойчиво и неотступно.

И в звоне леса и в реве зверей — повторялись за ним слова его пронзенного сердца.

Случилось однажды, в лес забрели люди и увидели, среди деревьев хибарка. И на хибарке крест. Кому б это? Любопытно. И натолкнулись на Григория: откуда, кто он, и как на их земле поселился?

Григорий только кланялся, ничего не отвечает и так они его и оставили, ничего не добившись.

Григорий испугался, оставаться тут опасно: теперь его отыщут — диковинка любопытна.

И он бросил свою хибарку и пошел — куда приведет дорога.

И дорога привела его на устье Тверцы. Места знакомые, недалеко Тверь.

Он назад. И не помнит, как дошел до своей покинутой хибарки.

Он понял, далеко уходить нечего, но и оставаться на прежнем месте нельзя. И он решил перенести свою хибарку в глубь бора. Так·и сделал. В бору безопасно.

В ту ночь на новом месте отдышавшись, уверенный, с единственной молитвой: пусть будет открыта ему тайна его жестокой доли и забылся.

Чистое поле в глазах — не бор, а чистое поле — чистое, пронизанное светом. И свет колеблясь звучит:

О Тебе радуется, Обрадованная,
всякая тварь, слава Тебе.

Пробуждение осенило и сказалось: на этом месте будет дом Пресвятой Богородицы — монастырь Рожества Богородицы.

И на другую ночь он увидел во сне Богородицу.

Издалека он ее увидел с краю, она приближалась. И он узнал ее: она была не Владимирская, не Боголюбская, в простом крестьянском платье Ксении, в руках узелок и посох — странница.

Со скорбью смотрит она на него.

— Поставь церковь и монастырь, — сказала она. Рожества Богородицы — подумал он.

— В честь Успения, — сказала она. — Тебе поможет Ярослав — обратись к нему.

При имени Ярослава Григорий вздрогнул и проснулся; бор шумел и золотой луч солнца сквозь деревья.

VII

Пробуждение было ужасно. Он хотел скрыться в еще более тайном месте — идти просить великого князя о помощи — он не мог. Но за день раздумался — убежать значило бы ослушаться Богородицу.

В тот день в бор зашли по казенным делам слуги великого князя. И сразу узнали Григория и обрадовались: какую весть они принесут Ярославу — три года в безвестности и вдруг нашелся: то-то обрадуется Ярослав, все это время он, не забывая своего любимого отрока, винил себя в его гибели. И прямо ко двору великого князя.

Ярослав узнал Григория и радость осветила его.

Григорий поклонился: прости меня, огорчил тебя.

И рассказал о своей печальной жизни — три года. И о видении Богородицы и о словах Богородицы.

— Прости меня, огорчил тебя, — повторил он и до земли поклонился.

— Наша жизнь была печальной, — сказал Ярослав — три года. Теперь ты снял с меня печаль.

И он просил Григория вернуться ко двору, но Григорий отказался.

И когда Ярослав задумал угостить его, он не прикоснулся к кушаньям, а попросил хлеба.

Ярослав пообещал расчистить место, где укажет Григорий, и поставить церковь — монастырь во имя Успенья.

И все исполнил.

Собралась братия, и среди монахов был Григорий, под именем Гурий.

На освящении храма присутствовал Тверской великий князь и великая княгиня Ксения.

VIII

Монах Гурий недолго прожил в монастыре: исполнив назначенное ему, он ушел из жизни, там оттрудить свою земную долю.

У Ярослава родился сын — назвали Михаилом — среди русских князей под татарским игом Михаил Тверской — громкое имя (с гордой мечтой объединить русскую землю).

Вскоре вслед за любимым отроком умер Ярослав.

Ярослав помер по пути из Орды, перед смертью постригся в монахи под именем Афанасий.

Пока не подрос Михаил, тверским княжеством правила Ксения: она и внушала сыну гордую мечту собрать русскую землю и свергнуть татарское иго. В последние годы своей жизни Ксения ушла в монастырь (Софийский) и постриглась, приняв имя Мария.

До смерти она заботилась о Отрочем монастыре Григория. Почасту бывая на службе, украшая первую могилу — свою единственную любовь.

Любовь не захряснет и разлученная, я вижу — печаль-

ными путями приведет к встрече — путы судьбы рушатся. Ксению встретит Григорий и они узнают друг друга.

На семью Ярослава упала тень проклятия.

Судьба ее сына Михаила Тверского — горькая участь: его задавила Москва, а прикончили татары.

В Орде его связали, забили в колоду, заковали, бросили со всего размаха о стену: стена проломилась. На него набросились и наносили удары, чем попало, били головой о землю, топтали нещадно пятами — убийца Романец выхватил нож и вонзил его в грудь и вырезал сердце.

Круг счастия

Книга о царе Соломоне

Два любимых образа русского народа:
Никола Угодник и премудрый царь Соломон:
Никола милует, Соломон посужáет.

Много я читал о царе Соломоне — любимое имя русского народа. И мои четыре повести идут от векового голоса русской земли: русская сказка, русская повесть и две легенды о построении Храма. Повесть (Царь Соломон и красный царь Пор) я, — и без этого не могу, — «модернизировал»; легенду о «летучем верблюде» перенес в средние века, а апокриф о Китоврасе, «амплифицируя» и «интерполируя», нарядил в византийское одеяние.

Все элементы повестей народные, я их, как камушки, подобрал и насадил на золотой оклад к образу царя Соломона. Мои догадки и мое слово, в этом все мое искусство.

ЦАРЬ СОЛОМОН

У Давыда царя был брат слепец Аскленей. Аскленей был женат. И жили две царские семьи: Давыд царь со своей царицей Версавией, да Аскленей, царский брат, со своей Рогулой, вместе в одном дворце.

Перед дворцом стояло дерево высоты неподступной с золотыми плодами, и на том дереве жена Аскленея устроила себе ложе и там принимала своего друга.

Подозревал Аскленей жену и как влезать ей на дерево, охватит, бывало, охапкой дерево и не отходит. Но Рогула свое дело знала и всегда пустит наперед друга, а уж за ним и сама.

* * *

Сидел раз Давыд царь с царицей у окошка, любовались на чудесное дерево с золотыми плодами, а жена Аскленея не видит царя с царицей и свое дело затеяла: подсадила друга и сама за ним полезла.

Топчется Аскленей под деревом, охватил охапкой, а поймать все равно ничего не поймает — слепец.

Жалко стало Давыду царю брата слепца.

«Я Господу Богу помолюсь, — сказал Давыд царь, — прозреет брат, усечет главу у неверной жены».

«Не усечет, — говорит царица, — спустится она на землю, три ответа даст: на слово ему три слова найдет, вывернется».

А царь Соломон во чреве царицы и говорит:

«Плёха по плёхе и клобук кроет».

Испугалась царица, только виду не показала: учена.

Давыд царь молился, просил за слепца у Господа Бога, вернул бы Господь зрение брату.

И прозрел слепец — открылись глаза у царского брата. Увидал Аскленей жену свою Рогулу и друга ее на дереве, кричит:

«Спускай-ся!»

Сам кулаки сучит, машет над головой: изувечит он жену, не отделаться так и другу.

Слезла с дерева Рогула.

«Стой, — говорит, — подожди, что я тебе скажу, — да в сторону его и отвела, — слушай ты, неразумный, тридцать лет ты сидел без глаз, и сидеть бы безглазому тебе до самой твоей смерти, а я согрешила над твоей умной головой, тебе Бог и открыл глаза».

Ну, у Аскленея тут руки и опустились: с чуда закона не спросишь.

А вдруг тем временем слез с дерева и улепетнул жив, цел и невредим.

* * *

Отлучился Давыд царь по царским делам — поехал судить да рядить свои дальние земли.

Царица дома осталась и без царя принесла сына — царя Соломона.

Думает себе царица:

«Какой это мне сын будет? Если и во чреве моем говорил такое, а вырастет, и не так еще скажет: убьет он меня».

И напал страх на царицу. Взяла она сына своего царя Соломона кузнецу царскому и отнесла, а себе у кузнеца взяла кузнецова сына.

Вернулся Давыд царь домой, ничего не знает, а царица помалкивает. Да так кузнецова сына за своего и принял — за царя Соломона.

Ребята растут: у царского кузнеца — царь Соломон, у Давыда царя — царского кузнеца сын.

Пойдет Давыд царь с сыном на прогулку, полюбится мальчонке какая местность, и все одно у него:

«Эко, батюшка, скажет, — место красивое, нам бы тут кузницу ставить».

Известно, кузнечонок.

Пойдет куда царский кузнец с царем Соломоном, приглянется царю Соломону красивое место, и все-то у него по-своему, по-царскому:

«Батюшка, — скажет, — нам бы здесь город ставить да людей селить».

* * *

Стали слухи носиться, стали говорить Давыду царю о царском кузнеце и о царе Соломоне, догадывался Давыд царь, что дело нечисто.

И спрашивал царь царицу — ничего не добился; спрашивал царь Аскленея брата, — «не видел, не знаю»; спрашивал царь жену Аскленея Рогулу и друга ее, — «ничего не помнят».

Помолился Давыд царь Господу Богу. Да с помощью Божьей и решил сам все дело проверить: испытаю царя Соломона. И посылает за царским кузнецом.

Пришел царский кузнец, мужик как мужик. Давыд царь говорит кузнецу:

«Приди ко мне, кузнец, завтрашний день, не наг, не в платье, и стань не вон, не в избу».

Поклонился царский кузнец Давыду царю, пошел себе в кузницу. Уж и так думал и этак, а ничего не может придумать. Позвал царя Соломона и рассказывает, какую загнул Давыд царь загадку.

Царь Соломон и говорит:

«Глуп ты, кузнец, вот что. А ты надень на себя невод, а на ноги лыжи и иди пятками к сеничному порогу, а носками к избному».

Кузнец так и сделал.

«Ах, кузнец, кузнец, — сказал Давыд царь, — не твои это замыслы. Это замыслы царские».

Через некоторое время снова посылает Давыд царь за царским кузнецом.

Пришел царский кузнец.

«Возьми, кузнец, у меня быка, да чтобы через тридцать дней бык отелился».

Ничего не поделаешь. Взял кузнец быка, поклонился Давыду царю, повел быка в кузницу.

Закручинился кузнец, уж и так думал и этак, а ничего не может придумать. Позвал царя Соломона и рассказывает, какую задал задачу Давыд царь.

«Глуп ты, кузнец, вот что. Быка мы съедим, а придет пора, бык отелится».

Убил кузнец быка, сварили быка и съели с косточками.

Прошло тридцать дней, настала пора телиться быку.

Царь Соломон и говорит:

«Истопи нынче баню, кузнец, да ложись на поло́к и зверем реви, да что есть мочи реви, будто ты телишься».

Кузнец так и сделал. Истопил баню, лег на поло́к и заорал.

А Давыд царь знает: тридцать дней прошло, надо от кузнеца ответ взять. И послал царь своих царских слуг к кузнецу о быке наведаться.

Идут мимо бани царские слуги, а кузнец ревет зверем:

«Тошно мне стало, тошно, караул, батюшка, спасите!»

Да так и выводит, ну, как по-настоящему.

Царские слуги в баню: лежит кузнец на полке́, орет, что есть мочи.

«Что ты, кузнец, разорался?»

«А приношусь, стало быть», — стонет кузнец.

«Что ты, дико́й, когда это мужик приносился?»

А кузнец и говорит:

«Мужик не приносится, так и бык не телится».

Вернулись царские слуги к Давыду царю, рассказали о кузнеце.

«Не кузнеца это затеи, — говорит царь, — это затеи царские».

И готовит Давыд царь обед для ребят, созывает ребятишек со всего своего царства, чтобы из всех самому отличить царя Соломона.

А царь Соломон научил ребят:

«Скажет Давыд царь: — «Который царь Соломон, пусть вперед садится» — так вы бросайтесь все разом, и, хоть разорвитесь, кричите: «Все цари, все Соломоны!»

Так ребята и сделали.

Вышел к ним Давыд царь: «Который, — говорит, — среди вас царь Соломон, пускай наперед садится».

«Все цари, все Соломоны!» — как загалдят ребята, да разом за стол и расселись.

Так Давыд царь и не узнал, который царь Соломон. Одно узнал Давыд царь, что сын — не его сын, и надо искать своего сына — царя Соломона.

Ребята растут: у царского кузнеца — царь Соломон, а у Давыда царя — царского кузнеца сын.

Собирал царь Соломон ребят по возрасту: затевает игры всякие, судит-да-рядит товарищей.

И прошла слава о царе Соломоне, о его премудрых потешных судах. И уж большие, старики, приходили на царскую кузницу совет и суд просить у царя Соломона.

Шла старуха с базара, меру муки купила. Несет старуха муку, молитву шепчет. И вдруг потянул ветер, выхватил у бабки муку. И унесло муку ветром.

Пошла старуха к Давыду царю: на ветер суд просит, — последнюю копейку истратила на базаре, больше негде ей взять.

«Кто мне отдаст муку?»

Выслушал Давыд царь старуху и говорит:

«Как я, бабушка, Божью милость могу обсудить?»

А старуха не уходит: на последнюю, ведь, копейку муки купила.

«Ни муки, ни копеек нет больше!»

Не уходит бабка, мышиная такая старушонка-шептуха.

Тут царские слуги и говорят Давыду царю:

«Пошли, — говорят, — за царским кузнецом, его мальчонка это дело обсудит».

Велел Давыд царь привести царского кузнеца, — да чтобы кузнец и мальчонку захватил.

И пришел царский кузнец, пришел и царь Соломон.

Рассказал Давыд царь царю Соломону о старухе, как унесло у нее муку ветром: просит бабка суда.

«Как ты, Давыд царь, — говорит царь Соломон, — не можешь рассудить такого дела? Дай мне свою клюку, твой скипетр, царскую порфиру, и я сяду на твой престол, буду судить».

Посадил Давыд царь на свой царский престол царя Соломона судить старуху и ветер.

И собрал царь Соломон весь народ, сколько ни было в городе, всех от мала до велика, и всю царскую семью — царицу и царского брата Аскленея, жену его Рогулу и друга ее.

«Кто из вас нынче поутру ветру молил?»

Какой-то тут и выскочил корабельщик:

«Я, — говорит, молил попутной посо́бны».

И велел царь Соломон корабельщику отсыпать старухе меру муки.

Отсыпал корабельщик старухе меру муки. Пошла бабка, понесла муку, Бога благодарила за царя Соломона — за премудрый суд.

И дивился народ царю Соломону.

Тут царица призналась Давыду царю, что ее это сын, царь Соломон, а сын — не их сын, а царского кузнеца.

Давыд царь простил царицу, царскому кузнецу царскую кузню в вековечный дар отдал, а на царя Соломона свой царский венец надел:

«Пусть царь Соломон судит и рядит все царство — все народы — всю русскую землю».

ПРЕМУДРЫЙ ЦАРЬ СОЛОМОН И КРАСНЫЙ ЦАРЬ ПОР

I

В Божьем граде в Иерусалиме был велик царь и благочестив — царь Давид. Состарился царь, а детей все нет. Взмолился царь Давид к Богу: нет ни сына, ни дочери — некому по нем в Иерусалиме царствовать. И услышал Бог молитву: родила царица Версавия сына — царя Соломона.

И был Соломон прекрасен и мудр.

Воспитывал царевича дядька Очкило, верный и добрый царский слуга. Днем царевич с дядькой, на ночь у матери.

И случилось ночью, лежит Соломон, не спится. Потушила свет, улеглась царица Версавия. И слышит Соломон, будто кто-то вошел в палаты, приподнялся он с кровати — от лампад все видно: мужик! А это друг ее любезный, — Мураш, посадкий мужик.

«Ты мне люба и мила и всегда я рад быть с тобой, только боюсь я твоего паршонка, царя Соломона: стану тебя целовать, а он так в глазах у меня, как гвоздь».

«Ах, любезный друг, если ты боишься царя Соломона и из-за того только не можешь со мной быть, я его хоть сейчас — я дам ему смертную отраву».

И успокоила царица дружка. Осмелел Мураш. Тут царевич соскочил с кровати:

«Мужик ты несытый, — закричал он на Мураша, — не по себе виноград щиплешь, сад батюшкин крадешь, чужое поле пашешь, и на краденой кобыле ездишь».

Да из палаты вон — к дядьке Очкилу, да на койку к старику: насмерть перепугал:

«Что такое? Что, царевич? Приснилось ли тебе? Или тебя няньки прогневали?»

«Ой, сбережатый мой дядька, страшное видение мне во сне было: привидилось мне, вошел в палату зверь лютый и стал мою матушку кусать. Встрепенулся я и увидел: лесной зверь медведь вошел в конюшню, сел на любимого царского коня и ну по конюшне ездить».

Очкило по старости лет и неопытности житейской ничего не понял: и какие такие медведи и причем конюшня?

«Ты, царевич, на ночь о медведях не думай, они тебе и не будут сниться».

Наутро царь Соломон, как всегда, занимался до обеда с дядькой, а после обеда к отцу.

«Батюшка, — сказал царь Соломон, — отгадаешь ли, что я тебе скажу?»

«Слушаю», сказал Давид царь.

«Насадил царь виноград, — начал царь Соломон, — все дерева виноградника цвели, а плода от них не было. А цвело в винограднике одно дерево пышнее всех, и дерево принесло плод — червленое яблоко. Положил царь яблоко на золотое блюдо, день смотрит на яблочко да любуется, на ночь в золотой ларец кладет. И однажды, когда сторожа уснули, вскочил в виноградник смердящий скот козел и прогрыз любимое царское дерево.

«Мудра твоя речь», — сказал Давид царь: царь тоже мало чего понял, а вернее, ничего.

А царица Версавия, Мурашу в угоду, только и ждет случай извести царя Соломона.

В ночь уехал Давид царь на охоту. Ночью притащился Мураш к царице в ночевку. Шушукались, а потом и целовались. И велела ему царица обойти тайно Иерусалим — «и отыщи ей отрока, похожего на царя Соломона и приведи немедленно».

Мураш рад-радехонек, смекнул, кирлатый, и ждать себя не заставил: чуть только свет, вернулся, ведет кузнечонка — как раз вровень царю Соломону, однолетки.

Царица тайно Очкилу:

«Сослужи мне, Очкило, верную царскую службу: возьми ты моего сына, царя Соломона, поди с ним на теплое море, заколи его на берегу, вынь сердце, да испечешь, и принеси мне, а тело — в море».

Перепугался старик:

«Матушка-государыня-царица, помилуй царевича и меня, раба своего. Проведает Давид царь, велит меня казнить горькою смертью».

«Не хочешь? Все равно наговорю царю, не избежать — будет тебе горькая смерть».

«Единородного сына...?»

«Не сын он мне, пащенок и супостат. Знать не желаю. Есть у меня сын избранный: будет при старости моей питатель, и по смерти душе моей поминок.

И выводит кузнечонка:

«Вот сын мой — царь Соломон!»

Очкило поглядел на кузнечонка: «куда-а! — царь Соломон?»

«Матушка-государыня, читал я в старых книгах, пишут: не рожен — не сын, не окуплен — не холоп, а вспоя, вскормя, ворога не видать».

«Слушай, Очкило, жизнь или смерть?»

Поклонился Очкило и пошел — едва в дверь попал: обезглазишь.

Встречу царевич:

«Что ты плачешь, сбережатый мой дядька?»

«Как мне не плакать, царевич, я и сказать не смею».

«Говори, не бойся!»

«Ах, царевич, грозила мне матушка твоя, царица Версавия, горькою смертью. „Выбирай, говорит, дядька Очкило, жизнь или смерть?“ Велит свести тебя на теплое море, — заколи, вынь сердце, испечешь и принеси ей, а тело — в мо-ре!»

«Воля матушки, — сказал царь Соломон, — что хочет, то и делает. Не тужи, дядька, будем жить!»

Мешкать нечего, взял Очкило старый свой нож, на медведя когда-то с Давидом царем хаживал. И пошли.

Вперед царевич, за царевичем Очкило. Старик и шапку надеть забыл. Не смеет он царской воли ослушаться и царевича больно жаль.

И увязалась за ними собачонка Ритка — Ритка слизал сметану, хватились, он вырвался да бежать. На воле весело: игрался Ритка.

Дошли до моря.

Пустынный берег.

И говорит царевич Очкилу:

«Не убивай меня, сбережатый мой дядька, ты возьми вместо меня Ритку, заколи, вынь сердце, испеки, снеси моей матери, а я пойду. Вернусь или не вернусь — судьба».

Старик и рад и боится: что он царице-то скажет?

«Принесешь царице риткино сердце: заколол, скажешь, сына твоего, царя Соломона, а тело — в море».

Попрощался царевич и пошел, куда глаза глядят.

Остался на берегу Очкило да Ритка. Уж и измучился бедняга, гоняясь за собачонкой — не понимает, глупая, играется, не поддается. Насилу-то сграбастал. Прищемил между коленок, за уши держит, как зайца.

А Ритка почуял и не лает, а только смотрит, точно говорит, и так жалобно:

«Сбережатый дядька, не режь! Ну, что ж, слизал я сметану, ну, накажи. Не режь! дядька!»

Очкило за нож —

«Глупая, ничего-то ты не понимаешь».

Ритка амкнул.

И готово — отлетела звериная невиноватая душа — и только на ноже след жизни, вот столечко крови!

Вынул старик риткино сердце, а сердце все бьется, не понимает, — у старика руки дрожали. Развел огонек, на угольях испек сердце. И домой.

В сумерки вернулся Очкило. Царица не может усидеть на месте.

«Где, где его сердце?»

Очкило положил перед ней черный комочек — риткино сердце.

«Заколол твоего сына, царя Соломона, сердце вынул, а тело — в море».

Царица ухватила уголек — руки жгло ей черное сердце:

«О, лютое! о, злое!»

Вернулся Давид царь с охоты! много зайцев привез — удалась охота. Отдохнул и посылает за Очкилой, пусть приведет сына, царя Соломона.

Оторопел Очкило и к царице:

«Матушка-государыня, царь царевича требует».

«Поди и скажи: сын, мол, твой болен — мозг у него взбунтовался».

Пошел Очкило к царю, сказал царицыно слово:

«Мозг у него взбунтовался».

Давид царь, как был, соскочил с престола да бегом. А у царицы на ее постели кузнечонок: еле дышит, бедняга, очень перепугался.

Взял царь кузнечонка на руки, — а не признать царевича.

«Милый сын мой, — заплакал Давид царь, — погиб я. Мудрость слов твоих помутилась, речистый язык заградился, очи погасли. Нет мне радости, нет упования, печаль пришла на меня».

И оставил царь кузнечонка, сам облекся в черные ризы, наложил на себя пост — помилует ли Бог сына, вернет ли разум, — и многую милостыню раздал ради сына, царя Соломона.

II

Пустынным берегом шел царь Соломон. В сумерки показалась дорога. И привела его дорога в Египет.

На гумне старик молотил рожь и с ним три сына.

Присел царь Соломон на ржаной омет: ему все видно и слышно, а сам он в скрыти.

«Любимые дети, стар я и мать у вас в годах, — сказал старик, — хочу разделить мое имение, чтобы по смерти моей меж вами не было злобы. Есть у меня золото и серебро — первая доля. Есть скот и кони — вторая доля. Есть хлеб — доля третья. Кто мне скажет цену золота и серебра, и от чего сотворены, тому моя казна. А кто скажет: который конь честнее всех, и с которой скотиной человек разговаривает и в которую входит и спит, тому мои кони и скот. А кто скажет, сколько в котором хлебе зерен, тому весь хлеб».

Выслушали дети отца, а ответа не умеют дать. Стоят, опустив цепы. А который помоложе, отошел к омету.

«Что ты печальный такой?» спрашивает царь Соломон.

«А как не печалиться? Отец разделил нам свое добро: казну, коней и скот, и хлеб — что кому достанется. Мудреную задал загадку, — надо мудрый ответ дать. Да ничего не придумаем».

«Пустяки. Я все слышал. Могу на все ответить».

И взмолился стариков сын к царю Соломону:

«Помилуй нас, троих братьев, дай нам мудрый ответ, раздели нас».

«Вы назовете меня своим большим братом?» спросил царь Соломон.

И тот пошел к братьям. Братья согласны. И повели они царя Соломона в дом:

«Вот наш большой брат!»

Старик стал расспрашивать царя Соломона, откуда он и кто его отец? и мать?

«Я из Божьего града Иерусалима. Родитель мой певец, моя мать — блудница; он по горло сидит в воде, просит пить, а напиться не может».

Подивился старик ответу.

«Ну, садись, будешь нам за родного сына, а нашим детям — большой брат».

Сели к столу, поужинали.

И сказал царь Соломон старику:

«Мудрено ты, отец, поведал своим детям о имении. Не могут они ответить, я за них. Первая загадка: золото и серебро: золото от царских очей, золото украшение и честь; серебро — от звезд, серебро — непорочный венец, а стало, и золото и серебро, под рукою кривды от неправды мздой — одних богатит, других разоряет, одного ведет на татьбу а другого на обман. Вторая загадка: о коне и скоте: говорит с конем человек, а покоряются кони коню-осляти, ослик всем коням голова; скотина же, в которую входит человек, — овн: шуба, шапка, рукавицы — все из овчины; а на которой скотине спит человек — мякинная птица гусь; из перьев подушка, из пуха — перина. Третья загадка о хлебе: счет хлебу — зубы: сколько человек откусит — столько зерен в куску, постольку и пожует».

Отец и сыновья задумались.

«Киньте жребий, — сказал царь Соломон, — кому что будет».

Братья кинули жребий.

И досталось: старшему хлеб, середнему казна, младшему кони и скот.

«Старший брат, ты будешь хозяин, а ты — купец, и ты — меньшой — солдат. Вы будете счастливы, только помните: живите не воровством и не клеветой».

«У меня есть две дочери, — поклонился старик, — а им, которая кому женой будет?»

Вошла старуха-мать, а за ней Дуня и Соня.

И сказал царь Соломон:

«Дуня — попадья, Соня — губернаторша».

Стали старик и старуха на колени:

«Скажи твое имя».

«Соломон».

«Будь же, Соломон, наш наставник».

«Я буду пасти ваши стада».

И остался царя Соломон жить в египетской деревне. Днем скотину пасет, вечерами с ребятами потешные суды судит.

И о судах царя Соломона шла молва — не было от века мудрее отрока! — шла молва из Египта, докатилась до теплого моря до Божьего града Иерусалима.

Смущал Давида царя кузнечонок.

Затеет с ребятами игру, понаделают деревянных молотков и колотушек, примутся на лавке ковать. Только и игры, что куют.

И раздумался царь Давид: да сын ли его этот кузнечонок? А тут молва из Заморья о премудром отроке в Египте. Не его ли это сын Соломон в Египте? Тоже кузнечиха зачем-то на царской кухне торчит. Нет ли тут подмены какой?

Призвал Давид царь Очкилу:

«Скажи мне всю правду о моем сыне, о царе Соломоне. Вижу не сын мне этот кузнечонок. Где мой сын, царь Соломон?»

Не устоял Очкило, во всем царю повинился.

«Согрешил я, достоин смерти».

И рассказал о царице Версавии, как задумала царица погубить сына, и о теплом море, где зарезал он собачонку Ритку и о печеном риткином сердце.

«А откуда взялся кузнечонок и куда пошел царевич, про то я ничего не знаю».

«Отыщешь мне царя Соломона, жив будешь, — сказал Давид царь, — не отыщешь: смерть!»

И велит Давид царь Очкилу, захватя с собой царскую золотую карету, да людей смышленых, немедля ехал бы в Заморье.

«Не отыщешь царевича, — повторил царь, — смерть».

Услышала царица Версавия, что царь Соломон жив и Очкило поехал за ним в Египет, очень испугалась. Долго не думая, подсыпала она кузнечонку в гурьевскую кашу подсахаренного зеленого яду. И кузнечонок, сладкой каши поевши, протянул бы ножки за милую душу, да счастьем случилась на кухне кузнечиха, парным молоком его и отпоила. И увела с собой в царскую кузню. Так пропал с глаз кузнечонок к удовольствию царицы.

А посадский мужик Мураш, со страха перед царем Соломоном, залез в царицын гардероб, там и удавился.

III

Как велел Давид царь, так Очкило и сделал: подобрав товарищей посмышленей; да захватя царскую золотую карету, пустился на поиски за царем Соломоном. И много городов объехав, плутал в пустыне — горя-то, горя натерпелся, волоча по пескам тяжелую золотую карету, а нигде не мог найти царя Соломона. Отчаялся старик, повернул было к дому — на свою смерть: «не отыщешь царевича, — смерть!» и угодил как раз в ту самую египетскую деревню, где стоял Соломонов «сплетень-город» и за потешным городом паслись стада.

С первого слова наговорили Очкилу столько всяких чудес о премудром отроке и его потешных судах, сомнений нет, что египетский отрок и есть царевич. А чтобы не вышло и еще какого обмана, решил Очкило тайно самому испытать и самолично удостовериться.

Тайно подступил Очкило под Соломонов сплетень-город.

Пришла к царю Соломону корова, жалуется на быка: выбил рогатый из-под коровы теленка.

«Заступись, накажи, царь, Буя. Бычок мой погиб!» жалобно мычала Касатка.

Скликнул царь Соломон из стада быков. И судил Касатку с Буем. И приговорил быка к казни. Ухватя за рога, поставил его к столбу.

Избодали Буя быки.

Истерзанного, простил его царь Соломон. И пошли назад в поле быки и с ними Буй и Касатка.

Очкило вышел из своего тайника.

«Признаешь ли, царевич, твоего сбережатого дядьку?» — да в ноги.

Как не признать старика:

«Очкило!»

И царь Соломон стал расспрашивать о Иерусалиме, о царе и царице. А Очкило ему о кузнечонке: «гурьевской кашей объелся!» — и о посадском Мураше: «нашли в гардеробе под царицыным сарафаном, притворился мертвым!» — и о себе, как сам он с золотой каретой плутал по пустыне — «сколько горя натерпелся, раз чуть волки не съели».

«Велено от царя отыскать тебя: не отыщу — смерть!»

«Скажи Давиду царю: „сын твой царь Соломон жив и в третье лето будет в Иерусалиме, а явится втайне“».

И как ни упрашивал Очкило домой немедленно ехать, царь Соломон стал на своем.

Так и вернулся Очкило домой один с царской золотой каретой. А царь Соломон в тот же день покинул Египет. Путь ему в глубокую Индию к красному царю Пору.

IV

За красоту лица и мудрость полюбился царь Соломон красному царю Пору. И велено было царю Соломону быть у царицы в кравчих.

Царица души не чаяла в кравчем. Она подарила ему золотой царский перстень красного царя Пора. И жил с нею царь Соломон, как муж. И еще дала она ему три самоцветных камня: в ночи, как свечи, горят, днем сияют, как солнце. И много казны: золота, серебра, слоновых зубов и пестрой парчи.

И когда прошло три года, снарядил царь Соломон корабль и отплыл в теплое море.

«Гость-заморянин из чудесной Индии с дорогими товарами!» облетело по улицам Иерусалима.

И никто не узнал в чудесном индее царя Соломона.

Давид царь велел явиться к себе во дворец индейскому гостю. А царица Версавия послала на корабль своих сенных прислужниц осмотреть товары царя Соломона. Царь Соломон показал самоцветные камни. И захотелось царице самой взглянуть на диковинки.

Царь Соломон от царского стола прошел к царице.

«Слышала, — сказала царица, — у тебя на корабле самоцветные камни».

«Есть, царица, три камня».

«Продай мне».

«Один камень Давиду царю, другой я оставлю себе, а третий...»

«Продай мне!»

«Третий — той, что проведет со мной ночь».

И положил перед царицей самоцветные камни: в ночи, как свечи, днем сияют, как солнце.

Она его за руку:

«Гость-заморянин, я согласна!»

Царь Соломон затаился.

«Гость-заморянин, или жаль тебе камня?» и потянула его за собой.

Царь Соломон шел за ней, не подымая глаз.

«Чего ты боишься?» и, обняв его и целуя, села с ним на свой одр.

Но царь Соломон не отвечает.

И она взяла его за руку — и к себе на грудь:

«Гость-заморянин!..»

«Я ею вскормлен», сказал царь Соломон, касаясь груди.

Она подвинула его руку себе к чреву.

«Гость-заморянин!..»

«То мой терем, сказал царь Соломон и, отдернув руку, поднялся, — смотри, я не гость-заморянин».

Встрепенулась царица.

«Я твой сын, царь Соломон».

И обняв мать, сел с нею.

Не подымая глаз, затаившись, сидела она. А он не находил слов.

Сенные прислужницы заглянули было в царицыну палату звать царицу чай пить, да скорее на попятный.

Шепнули царским лакеям. И облепили холуи дверные скважины и щелки. Донесли Очкиле. Проверил дядька: в самом деле, сидит царица, обнявшись с индеем. Да к царю.

Не верил Давид царь царице Версавии, только виду не показывал: силой любовь не возьмешь. А тут как обухом: схватил он меч и, не помня себя, за Очкилой в царицыны палаты.

«Царь! — стал царь Соломон, — я не гость-заморянин... батюшка, я сын твой, царь Соломон».

И силы оставили Давида царя, меч выпал из его рук, и сам он лежал, распростертый на земле, как мертв. А когда очнулся, воззвал он к Богу — благодарил за сына, что спас от напрасной смерти и вернул его в дом.

Весь Божий град Иерусалим сошелся в царский дворец с дарами на поклон царю Соломону.

И перед лицом всего народа возвел Давид царь царя Соломона на свой царский престол, подал в руки скипетр:

«Радуйся, царь Соломон!»

И трижды повторили за царем:

«Радуйся, царь Соломон!»

И была радость по всему Божьему граду о царе Соломоне.

V

Говорил Давид царь царю Соломону:

«Есть у Волота, цареградского царя, дочь-царевна Милена: будет она тебе жена».

Царь Соломон слышал о красоте цареградской царевны и полюбилось ему царское слово.

Был послан в Царьград дядька Очкило. И привез Очкило невесту. Повенчался царь Соломон с царьградской царевной Миленой. И стали они жить-и-быть в любви и мире.

Раздумался царь Соломон и послал красному царю Пору его царский перстень, тайный подарок царицы.

Опечалился царь Пор: обманул его царь Соломон! Царицу удалил от себя и затеял отомстить царю Соломону.

И спрашивает красный царь Пор своих индейских князей и верных слуг:

«Кто из вас достанет мне жену царя Соломона — царицу Милену. Хочу отомстить царю Соломону!»

До трех раз обращался красный царь Пор: и никого не нашлось — один царю ответ:

«Царь Соломон мудр, не отнять у него царицы».

А был у красного царя приближенный, хитрый человек, псоглавец Гусюк. И говорит псоглавец:

«Я могу это дело сделать... Снаряди мне корабль, дай мне золота-серебра, да еще нужны мне твои жемчужные перчатки. Я привезу тебе царицу Милену».

Царь Гусюка послушал: снарядил псоглавцу богатый корабль, дал и свои жемчужные перчатки. И отплыл Гусюк на теплое море.

Весь Иерусалим собрался на берег. Удивились богатому индейскому кораблю и псоглавому корабельщику.

Не случилось в ту пору в Иерусалиме царя Соломона: задумал царь строить великую Божью церковь — храм Соломонов и жил царь на Тивириадском море у мудрецов: учился небесным и подземным наукам. В Иерусалиме осталась одна царица Милена.

Донесли царице Милене, что среди товаров есть на индейском корабле перчатки, не простые перчатки, а жемчужные:

«Ни чьим рукам, царю и царице носить».

Как не соблазниться, не захотеть такой. диковинки? Пошла царица на корабль.

Гусюк разложил перед ней товары, вынул и жемчужные перчатки.

«От красного царя Пора».

«Почему ты называешь царя красным?»

«Нет его краше».

«А есть у красного царя царица?»

«Была. Да обманула со своим царем Соломоном. Царь ищет себе невесту».

«С царем Соломоном... Я ничего не знала. Я иду за красного царя Пора».

«От него за тобой и послан».

«А как уйти от царя Соломона?»

«Это уж мое дело».

«Он всюду настигнет».

«Я дам тебе забыдущего зелья: тело твое обомрет, как мертвую увезу тебя».

Царица на все согласна: она ничего не знала — она отомстит царю Соломону.

Гусюк дал ей забыдущего зелья.

Вернулся в Иерусалим царь Соломон, а царица Милена: лица на ней нет, свернулась, как заяц. Затужил царь Соломон, а ничем не поможешь. Сказали, из Индии гость — хитрый человек. Позвал Гусюка, просит помочь. Но и псоглавец ничего не может:

«Что рождено, помрет».

«Что рождено, то страждет!» воскликнул царь Соломон.

Он не хотел верить. «А что, если жива?» И, раскалив железо, клещами прожог ей руку. Мертвая не пошевелилась.

«Что рождено, помрет!» повторил псоглав.

Обрядили ее по-царски, в жемчужном гробу вынесли в белую церковь.

На третий день в ночь подкараулив, когда царь Соломон вышел из церкви, навел псоглавец на сторожей мертвый сон и проник в белую церковь.

Утром, в день похорон, прибегает Очкило к царю:

«Царица пропала. И псоглавец со своим кораблем скрылся: пал туман на теплое море, хватились, а его и след простыл».

Ударился царь Соломон о землю, соколом полетел под облаки — и в небе не нашел царицу; обернулся лютым зверем, пустился по полям и пустыням — нигде нет царицы; нырнул щукой в море — и в море ее нет.

«Что рождено, помрет!»

И он растерзал на себе одежды и, сорвав с головы царский венец, смял его, как ком глины.

Молодящим зельем оживил Гусюк царицу Милену. Невестой спешила царица Милена к красному царю Пору. Плыл корабль быстрее ветра.

И была радость в чудесной Индии у красного царя Пора.

И вот приезжает из Индии посол с письмом от царя Пора.

«Брат Соломон, — пишет красный царь, — ты взял мой царский перстень и с ним мою жену, теперь мой черед — я взял твою царицу».

Легко с попутным ветром переплыл царь Соломон со своим войском теплое море.

А как трудно было идти по пустыне — трехглавые змеи, слоны и скорпии преграждали путь в чернокаменный Просиян город — матерь индейских городов, где царствовал красный царь Пор.

Победив все напасти, стал царь Соломон под городом в скрытии.

«Стойте, ждите, слушайте, — сказал царь Соломон своему войску, — протрублю в первый раз, седлайте коней; протрублю во второй раз, садитесь на коней; в третий раз затрубит труба, спешите. А не услышите третьей трубы — возвращайтесь домой в Иерусалим».

И, сбросив с себя царское платье, нищим, каликой-перехожей, один пошел в великий и чудесный город.

Золотом стенных забрал и башен в драгоценных камнях сиял Просиян город, грозно сверкали хрустальные оконца царского дворца, крытого золотом.

Громко сказал царь Соломон под окном царицы:

«Подай калике-перехожей милостыню ради красного царя!»

Знакомый голос. — Царица Милена велит привести калику.

«Подай калике-перехожей милостыню ради красного царя!» повторил царь Соломон, оставшись один на один с царицей.

«Царь Соломон, ты зачем?» горько сказала царица Милена.

Тихо сказал царь Соломон:

«Чем ты прельстилась?»

«Царь Соломон, тебе живу не быть».

«Я пришел за твоей красотой», — сказал царь Соломон по-разбойному.

Царица Милена, как стряхнув с сердца обиду, с пущей горечью и полна любви:

«Царь Соломон, зачем ты скрыл от меня?..»

«Неудержимого не удержишь».

«Царь Соломон, твоя смерть идет».

Рассмеялся царь Соломон:

«Не моя, а его».

«Царь Соломон, как я люблю тебя».

Каликой-перехожей нищим стоял перед ней царь Соломон. И было им одно желание и сердце было им одно — на радость.

Громом загремели шаги.

Царица Милена открыла сундук. И когда в палаты вошел царь Пор, она стояла одна. Скрыв царя Соломона, не могла она скрыть — она вся полыхала.

«Я красный царь, но ты краше».

«Что ты любеешь меня? — воскликнула царица Милена, — царь Соломон пришел».

«Его костей ворон не соберет...»

«Царь Соломон!»

И вышел на ее зов царь Соломон, не царь, нищий, калика-перехожий, он взял ее за руку:

«Моя жена».

«Была бы твоей, была бы в твоем царстве».

Царь Соломон не пошевельнулся: крепко и непреклонно рука с рукой и сердце билось, как одно сердце.

«Какой ты хочешь смерти?» — тихо сказал красный царь.

«Твоя царская воля».

«Я велю тебе голову снять или размечу по улицам, утоплю в стоячей канаве, или хочешь красную смерть?»

Еще тише сказал царь Соломон:

«Дай мне красную смерть».

Высоко на каменном помосте поднялась виселица — три оселка — золотой, серебряный и шелковый.

«Царская грозная смерть поставлена красным царем Пором на премудрого царя Соломона!» возвестил палач.

И весь Просиян город сошелся к помосту смотреть на красную смерть премудрого царя Соломона.

И когда ступил царь Соломон на помост и поднялся на третью ступень —

«Красный царь, прикажи дать рог — любил я в рог трубить!» — сказал царь Соломон.

Палач подал ему серебряный рог.

И затрубил царь Соломон:

«Седлайте коней, спешите к царю!»

И поднялся на шестую ступень:

«Красный царь, дай мне еще раз в рог поиграть!»

Палач подал ему серебряный рог.

Еще звонче запела труба:

«Поспешайте, не жалейте коней!»

«Чего медлишь? Три петли: выбирай по душе — золотая, серебряная, шелковая», — оборвал палач.

Царь Соломон взошел на последнюю, седьмую ступень. Оглянул Божий мир в последний раз. И увидел из-за черной кремлевской стены стальной лес.

«Красный царь, позволь мне в последний раз!»

Палач подал ему серебряный рог.

И тихо заиграл серебряный рог.

И еще светился, тая, последний его звук, как в серебряную тишину ворвался лязг и тупой бубенчатый тык: Соломоново войско из-за черной кремлевской стены оступило каменный помост. И завизжала кроворуть. И кого как — как помелом промело.

Первым вскочил на помост кузнечонок — нынче царский кузнец Вакула.

«Здравствуй, названный брат, царь Соломон!»

И царь Соломон сошел с помоста.

А на его место на всенародную казнь поднялся красный царь Пор.

«Красный царь, горька твоя смерть!» — сказал на прощанье царь Соломон.

«Премудрый царь Соломон, жизнь на земле еще горше».

Это было последнее слово красного царя Пора.

И качались три петли на каменном помосте — золотая, серебряная и шелковая — красный царь Пор, псоглавец Гусюк и индейский палач.

А народ кричал — весь мир:

«Здравствуй, царь Соломон!»

С царской короной красного царя Пора и с царицей Миленой вернулся царь Соломон из чернокаменного Просияна города в Божий град Иерусалим строить великую Божью церковь — храм Соломонов.

ТЯ́БЕНЬ

Храм Соломона — чудеса мира. Не человеческими руками построен — его строили люди и демоны.

А основание храма — самородные камни, их таскали с моря: лица носильщиков уходили за облака, и видны были только ноги огромных цапель; цапли, натащив кам-

ней, прошлись по городу мароканским маршем и пропали. Им на смену слетелись все восемь ветров, поднялись над камнями, дули наперерез, бесновались. А улетели ветры, бегут от застав звери: сколько есть зверей на земле и от птиц — поют, рычат, лают (чего-то говорили по-своему, да одному понятно строителю!) и разбежались, кто под куст, кто в лес. Тут вот и явились демоны — и началась стройка.

Строитель привлекал все новые нездешние силы: демонская много легче и гибче человеческой и звериной. Самые ответственные спецы были демоны: на собрании у царя сидели они за особыми железными столами обок с учеными и писателями, и им прислуживали демоны низшего разряда — бесы в смокингах «красной свитки».

Очень все было странно — жутко: необычно. Точно в предгрозье и вдруг — такой шум, тряс, белиберда, как в грозу (на ухо кричи, ничего не слышу!).

Китоврас, могущественный из демонов, указал способ тесать камни «шамиром». И работа пошла в тишине, для слуха незаметно (муху слышно!). А глаза́ понемногу привыкли и к поблескиванию и к вспышкам электрических огоньков, когда «само собой» на леса́ подымались камни и катили из пустыни платформы с камнем без проводников и шоферов.

Понемногу наладилось и с продовольствием. «Режим экономии», вызванный затратами на постройку храма, проведен был блестяще: «пищевой отдел», как самый соблазнительный, поручен бесчувственным демонам — общественные столовые, рестораны, отели, бистро, все обслуживали демоны. И, конечно, был ропот: «едим чертятину!». Но демоны оказались искуснейшими поварами и изобретательными мэтрдотелями: из падали такое суфле тебе сделают, само в рот прыгает — «вареники Пацюка», как любимые Гаргантюа жареные свинные кишки с кашей, — а из дохлятины подадут эскалоп, только очень все перчат и потом весь день пить хочется.

Была еще с китом страсть, не дай Бог.

Давал царь Соломон банкет — затеял всех рыб и какие есть морские звери, всех накормить до отвалу — так и объявил: «жри, сколько влезет!». И вот объявляется кит, самый обыкновенный кит с Белого моря, тут и пошло: сколько ему в пасть провизии ни кинь, все одно: «есть

хочу!» — того и гляди тебя сглотнет. Весь запас ему и перекидали, царю-то и неловко: приглашал водяных гостей, а угощать нечем. А кит отплыл на середку, да как пустит струю, весь Иерусалим обдал, кричит: «Благодарю Тебя, Господи, Ты один насыщаешь меня». Срам-то какой! Конечно, против Бога человеку никак.

* * *

На рождественские каникулы работы прерваны на неделю. В сочельник выпало много снегу и к святому вечеру небо очистилось — Диккенсовы звезды. А в окнах на елках зажглись огоньки. И Диккенс-Гоголь-Рабле и елочный свет чудесного Вейнахтсбаум почувствовались таким домашним «немудреным» — а и вправду мир сошел на землю. По церквам ударили к полунощной мессе. И со всех концов Иерусалима потянулись гнездами и черной вереницей, без свечей сияя: «Дождались — святой вечер!»

И озорная орава вышла прогуляться — вот они — впереди Унис. И всякий со своей затеей:

«Залезть на колокольню к колоколам и оборвать веревку или так запутать, что звонарь...»

«Курлыкать под псалмы и орган...»

«Без толку толкаться в проходах на соблазн и раздражение молящихся...»

«На кухню! и там наплюю в кутью, ха?»

«Не стоит рук пачкать. Идемте к царю Соломону. Я придумал, мы и его, премудрого, прижмем к ногтю!»

Унис коноводил — китоврасья порода! — знали его и на стройке: «умница, говорили, очень только озорной». Это он на царской скандальной кормежке киту вместо зерен сколько мешков камней в глотку всадил, — «форменным образом безобразник».

«К царю Соломону!» повторил Унис.

Всем очень понравилось: «искушать царя Соломона». И на радостях — «как это весело, чтобы премудрого к ногтю» загалдели бесы и в драку «понарошку». А как размеришь, где кончается «нарошка»? А другой и не понимает, и не то, чтобы не понять, а если больно, хоть и понарошку, а все равно отбрыкнешься: а это сейчас видно — заметили и уж не спустят.

А был такой вонючий бесенок Сакар: ему, глупому, больно, он и лягнулся, ну и здорово же его отдули: так

носом в снег, — вот тебе, фискала! Поднялся Сакар — а те уж далеко — и только следом искра-снег.

«Ч-ч-ч-ер-ти!»

И поплелся домой.

Орава, не дыша, на пяточках, подступила к освещенному царскому окну: огонь надувался ярко-красный, — черти дымились. И какой-то горлан, для безобразия затянул по-весеннему: так весна, дыша озоном, сардинками, макрелью и селедкой, кричит под окном:

Нантские сардинки!
Свежие сардинки!

Унис мигом к окну, бесшумно «шамиром» вынул стекло и высунулся к царю Соломону.

Царь Соломон только что вернулся из церкви и один разговляется: кутья, мед, миндальное молоко. В одной руке ложка, в другой весы.

Унис на локотках:

«Чтой-то вы делаете?» (На Униса это произвело глубокое впечатление.)

«Ем».

«А весы?»

«Я взвешиваю все то, что ем и потом все, что откладываю на землю. Мера».

Унис хохотнул себе в кулачок:

«Премудрость! До этого еще никто не додумался, ни Аристотель, ни Маймонид: чтобы есть и взвешивать. Царь Соломон, для тебя нет тайн, ты все знаешь — пустыни, пропасти, норы, ничего не скрыто».

А и вправду, царь Соломон все знает; и где он только ни был, весь мир осмотрел.

— А на небеса ты никогда не лазил, — Унис поштопорил носом, — почему?»

Царь Соломон отложил в сторону медовую ложку. Перстень на его пальце вспыхнул всеми огнями: камень ветров, камень зверей, камень земли и воды, камень демонов — над всеми он властен.

«Но может ли человек проникнуть через ту потаенную дверь — туда? Китоврас может, он демон, но я, всемогущий, я человек?» — вспомнился царю Соломону кит: скандал.

«Небеса — это! — там все по-другому, там нет нашего „ничего“ и без этого, не взвешивают!» Унис огоньками насмешливо подмаргивал, резал, разрывая пространство наперекрест.

Царь Соломон догадался, не простой это бес: чего-то затевает. И надо от него отделаться поскорее.

На письменном столе лежала разрисованная цветами кожаная сумка, принес художник: «своей работы».

«А скажи, пожалуйста, бес-иваныч, как тебя...»

«Унис!» выфлейтил бес.

«Можешь ли, Унис, влезть в эту сумку?»

«Га! — попался Унис, — еще как, и все наши».

«А ты покличь: мне это очень интересно, как вы рассядитесь с вашими обезьяньими хвостами».

«Хвосты у вас!» — огрызнулся Унис и пальцем чего-то там сделал за окошко, какую-то двусмысленную фигу.

И царь Соломон не успел поставить весы на место, вся комната наполнилась бесами.

«Товарищи! — скомандовал Унис, — царь Соломон хочет, чтобы мы залезли в эту сумку и расселись... ха!»

И стал тонеть — стал в иголку, тоньше иглы и первый блестящим прутиком скользнул в сумку.

И вся орава подобралась: кто гвоздик, кто кнопка, кто зажим, кто просто блестка — и один за другим, а то и группами, посовались в сумку.

«Мы все залезли!» — пискнул из сумки Унис.

А посмотреть, ну никак не скажешь, разве где зеркальце, чуть отдулось.

И опять какой-то горлан закликал из сумки: весна!

Нантские сардинки —
Свежие сардинки!

Царь Соломон позвонил царскому кузнецу. И сейчас же царский кузнец Вакула принес засмоленную бочку из-под селедок. Положили в бочку сумку с чертями; на бочку крестообразно железные обручи. Припечатал царь Соломон своей царской соломоновой печатью. И с Богом:

«Снесешь, брат Вакула, на Иордань и там норови в самое глыбкое, пускай поорут на здоровье!»

И сел к столу доедать кутью.

На первый день Рождества Костоглот хватился: где его бесенята? Обедни кончились: пора бы. Ждет к обеду —

как вымерли. И вечер — чай пить! — не возвращаются.

А этот бестия Сакар обрадовался! — все порции сожрал и поминутно молчком за дверь бегает.

«Да куда ж они запропастились!» — забеспокоился Костоглот.

А Сакар, что он знает? — одно:

«Пошли искушать царя Соломона».

«Вот негодяи!»

«А чего ж! — Сакар сгорбился по-унисьи. — Со всякой дрянью только руки пачкать, а царь Соломон — это дело».

«Дело-то это дело, а и нарваться легко! — а сам подумал, — Унис, его рук дело; если шею не свернет, этот со временем себя покажет».

И велит Костоглот Сакару: оденься поприличней и завтра ж идти на разведки и дознаться, куда их нелегкая?

«Да руки-то хорошенько вымой, черт знает что! Сказано вилкой есть, а не пальцами».

Костоглот не раз у царя во дворце на собраниях обедал, а случалось, и позавтракает запросто, если спешка: Костоглот, трубочный мастер из Тира, на стройке десятник. Демон, а не отличишь от инженера.

Сакар не Унис, красную строку от обыкновенной не отличит, но не без сметки. С царем ему делать нечего, это он знает, царь Соломон так шуганет, не обрадуешься, а вот на царицу — на эти дела он мастак.

И как поутру вышел и все прямо и прямо — да обежал царское окно, а вот под это и стал прохаживаться под царицыным окном, покрикивает, как стекольщик:

Стекло вставляй!
Стекло вставляй!

А как в сочельник царский кузнец Вакула бочку-то с чертями гробастал на Иордани топить и как-то неловко в дверях задом зашел (кузнец нескладный!), бочкой стекло у царицы и просадил. Царица слышит Сакар орет, и велела стекольщика к себе привести.

И как демонскую рожу-то он высунул да голубем глянул на царицу, так ее всю и развернуло. И уж про

стекло разговору нет — да и нет у Сакара никакого стекла, один резец.

И стал бес ее охаживать (ну, ей Богу, как паук муху!). И голос переменил: «ю-ю-к» какой-то — «скажите, да не знает ли, или кто видел, и по каким рейсам» к царю Соломону в сочельник, он встретил: — «шла партия французских эскамотеров?»

«Французские эскамотеры! — смеялась царица, — да просто алатырники бесы. Царь Соломон с фокусниками не очень-то церемонится, живо их к ногтю: поедят на Святках в Иордании свежих нантских сардинок».

Сакар паук, выпустил липкий оселок и отбежал. Дразнится. И опять все ближе и туже.

Царица все ему и выложила: и про царского кузнеца Вакулу и как бочкой стекло высадил.

А Сакару того и надо: нащекотал усы, да только рожу его и видели.

«Ах, ах, стекло!» — кричит царица.

А он уже вона где — и следом снег, ис-кры!

Костоглоту идти на выручку, больше некому. И уж остервенел же демон: праздники, в театр пошел бы, а тут изволь.

«Виданное ли дело: с самим царем Соломоном! — мысленно упрекали он бесов, — царь Соломон только что на небо не лазил! И попадет же стервецам, дай только из бочки выйдут!»

Обернулся он селезнем, нырнул в Иордань на самое дно, ухватил клювом бочку, выкатил волной на берег — так и хряснулась о камень, а крепка! — сорвал Соломонову неистребимую печать, «раскрестил» железный непобедимый крест, вытряхнул сумку, да как откроет — пуфф!

«Черти голландские!»

А они друг за другом, один на другом, ну, подмоченные стрекозы.

И в теплую погоду если, на дне-то моря не очень поскулишь, а зимой, ей Богу, никакого терпенья, одна мука.

Черти прыгали и от удовольствия и чтобы разогреться.

Костоглот дал каждому по стукушке, а Унису еще и подшлепник.

«Сам делай все, что хочешь, твоя воля, но и ответ неси, других не путай, шельмец!»

А Унис только всего, что по этому месту себя погладил — он свое дело сделал: царь Соломон, хочет он, или не хочет, а впросак попался.

* * *

Целый день царь Соломон все один. Хоть бы праздники поскорее кончились. Скучно.

Прежнее время, захочет, бывало, и полетит — но он облетел весь свет и нет уголка на земле, где бы он ни был и все-то он знает, (а как это любопытно, когда еще чего не знаешь!). А что на небе, там? — он не знает. Это верно, бесы правы, он не летал на небо, он не знает.

Вот и бесов нет, на дне в Иордани, голубчики, запечатаны Соломоновой печатью, крепко сидят в селедочной бочке, а мысль не запечатаешь: она — это тот же Унис лезет в окно, шамиром бесшумно разрезает преграды.

Да, и в самом деле, где он только ни был: и у муравьев в их царстве, с самой муравьихой разговаривал — Madame Bonneau, видел ангела смерти — вот уж ничуть не страшный! Да и вправду, земные тайны для него открыты, но что на небесах, там? Если бы хватить ему на небо!

И день и другой, а все то же, не выходит эта мысль из головы: «залезть на небо».

На третий день Рождества, как бесам из бочки выскочить, мудрость оставила царя Соломона: он вдруг все позабыл — кита позабыл!

«Чего, в самом деле, полечу-ка я на небо!»

И зовет царь Соломон своего горбатого тябня — первый из зверей, самый близкий ветрам, окрыленный, как птица, а бесчувственный, как демон.

«Сослужи мне верную службу!» говорит царь Соломон тябню.

«Хорошо, — отвечает тябень, — садись на меня. Куда хочешь?»

Сел царь Соломон на своего крылатого верблюда.

«На небо!»

Тябень взвился — и полетели.

Первое небо летят — ну, ничего! Второе небо летят — что-то по-другому, не наше. А как стали приближаться к третьему, а там — огонь и вода — розы и лилии.

И тут ангелы — не ангел смерти — а многоочитые и многокрылые, да как шуганут:

«Смертному ни на пядь!»

И с этой-то высоты грохнулся царь Соломон на землю.

Хорошо еще тябень, не простой зверь, крылатый верблюд — ему ничего не вредит и ничто не берет, а то долго ли до греха, и не то, что шею свернешь, а и черепок напополам.

И слышал царь Соломон: над самой его головой на колокольне в городе Клионе, эк, его куда дряпнуло, в Бретань! — часы Рождество на колоколах играют:

Днесь божественный Младенец
родился
Пойте гобои, гуди волынка.

СОЛОМОН И КИТОВРАС

— — тогда наступило время спросить о Китоврасе. И демоны открыли царю Соломону, что видят его в глубине пустыни у трех колодцев. И задумал царь Соломон, как ему овладеть Китоврасом.

Строитель Хирам сковал железную цепь и железную гривну; и на гривне было выгравлено заклятие: во имя Божие. И стала та цепь нерушима: на человека и на не-человека, зверя и демона неволя.

И о том подумал царь Соломон, как эту цепь использовать. И посылает он куропалата Вифония с синкеллами в пустыню к трем колодцам, и велел везти за собою вино и мед, и овечье б руно взяли.

* * *

Углубившись в пустыню, куропалат Вифоний нашел три колодца, а Китовраса нету. И как указал царь Соломон, Вифоний и его синкеллы вычерпали воду из колодцев и, заткнув жерла руном, налили в два колодца вино, а в третий меду. А сами за камень, караулить.

И в самый полдень, это как бабочка в окно бьется, в тишину пустыни затопало копытом, а лицо обдало налетевшим жаром. И видят: стрелой крылья несутся: по

пустыне — все больше, все ближе — и вот уж замелькали копыта. И увидели: он самый! — напруженные крылья, крепкие конские ноги, а лицо человека: приник к колодцу. Насторожились: цепь в руке у Вифония крепко, только бы себя не выдать.

Китоврас высоко поднял голову — и от углов рта из растрескавшихся губ не вино, кровь густой полоской запеклась к подбородку.

«От вина ума не прибудет!» — сказал Китоврас.

Но жажда была нестерпима.

И, опустя крылья, Китоврас воскликнул:

«Вино веселит сердце человека!»

Жадно хлебнув из колодца, он пошел ходить от колодца к колодцу, не может остановиться. И до самого донышка все три колодца — выпито, вылизано, вынюхано — ни столечко вина, и мед прощайте!

И такое почувствовал море-по-колено, чего тут разговаривать —

«Как, все, что имеет начало, имеет и конец? — вздор! А из «ничего» он на самом себе очень даже видит «чего»... И вы взаправду думаете, что целое всегда больше своей части? Ничего подобного».

Не Китоврас, маленькая птичка, цепкие лапки, и наперекор всякой самоочевидности он, Китоврас, в ней — с нею стремится к «невозможному». Но китоврасьи крылья окаменевают, с копыт отвалились птичьи лапки, и в глаза ему сонный сыплют песок. И он камнем канул в такую деберь, ничего не поймешь, да и незачем. И такой пошел храп — удовольствие: сама пустыня, няньча, притаилась.

Тогда Вифоний вышел из-за камня и, надев железную цепь на шею Китоврасу, укрепил цепь: ну!

Китоврас очнулся. На шее — цепь. Но разве есть на него такая цепь? И хотел было освободиться.

«И имя Божье с заклятием на тебе», сказал куропалат Вифоний.

И видя на себе «имя Божье», Китоврас пошел за Вифонием кротко.

*

Нрав его был таков: он не ходил путем кривым, а правым. И когда вошел в Иерусалим, перед ним расчищали

путь, сносили дома, потому что шел без заворота, напрямик.

На углу дом вдовы. И несчастная, не видя себе пощады: последнее отнимают! — с горечью воскликнула:

«Я одинокая, пощади!»

Китоврас подобрался, но не свернул с дороги: дом уцелел, но Китоврас сломал себе ребро.

«Мягко слово — кость ломит, жестко — гнев воздвигает», — сказал Китоврас и пошел дальше.

А когда вели его базаром, какой-то, приторговывая яволочные сапоги, из кожи лез, требовал — «за ценой не постоим, только подай такие, чтобы семь лет без сноски!»

Китоврас, заглянув в глаза покупщику, усмехнулся.

Окруженный толпой зевак, сидел на земле странно одетый человек — и одни протягивали ему руку, другие подавали записки; и из его слов можно было понять, что он предсказатель: прорицает судьбу.

Китоврас приостановился и захохотал.

Навстречу шла свадьба. Скрипач впереди высмычкивал такой разумор, такие корчил усердные рожи, вырожива ногами, и самые благонамеренные гоготали, как стервецы, и молодые были навеселе, и провожатая свита пьяна и довольна.

Китоврас отвернулся — все это видели — и слезы показались на его глазах.

Какой-то весельчак, на взводе, не обращая внимания на пожарных, ни на отряд саперов, возглавлявших путь Китовраса и куропалата с синкеллами, шарил перед собой руками, топчась на месте.

Китоврас, поравнявшись, взял его под руку и, ничего не говоря, — какой уж там хмель, разом все выскочило! — под ручку вывел на дорогу.

Так кончилась дорога — путь загадок — из пустыни от трех колодцев в город вселенной, Иерусалим.

* * *

Китовраса поместили во дворце у куропалата. Любопытных отбою нет, к дворцу не проткнешься.

Но страх сильнее любопытства. Музыканты, развлекавшие Китовраса, чувствовали себя не по себе и выбирали такие пьесы, чтобы играть без нот, и капельмейстер Фараон

махал палочкой, как попало. Впрочем, Китоврасу совсем неважно, были бы это только распахнутые окна туда — музыка.

В залах дворца хоть и часовых не ставь. Заходил спафарий Зеркон и префект Дардан — «по экстренному делу», забегали эпитомоторы из распространенной иерусалимской газеты получить информацию, но со страху — такой понесли вздор — куропалат больше не велел пускать.

Один только строитель Хирам, «сын вдовы», прямо из мастерских явился во дворец к куропалату познакомиться с таким необыкновенным явлением природы: конь-и-человек-и-птица, овеянный музыкой и мудростью, Китоврас.

Путь Китовраса — про это все узнали, весь Иерусалим, но кто осмелится спросить Китовраса?

Сам Вифоний со своими синкеллами ходил около, но не то, что спрашивать, а и в глаза взглянуть Китоврасу норовил, будто ища чего-то, смотреть в копыто.

«Что смешного, — спросил строитель Хирам Китовраса, — человек выбирал себе обувь, прочную на семь лет!»

«Семь лет! — сказал Китоврас, — да ему всего и жизни-то, дай Бог, семь дней».

«А твой смех над прорицателем?»

«Хорош пророк! — сказал Китоврас, — говорит людям о тайнах, а не догадывается, что тут же под его ногами скрыт в земле клад».

«А твои слезы?»

«Мне было жалко смотреть, — сказал Китоврас, — через тридцать дней новобрачный помрет».

«А что тебе дался тот забулдыга?»

«Добрый, верный и веселый человек, и такому следует услужить».

С полуопущенными крыльями, подогнув ноги, окаменев, загадочно смотрел Китоврас.

Строитель Хирам передал царю Соломону ответы Китовраса.

И сказал царь Соломон:

«Вот кто подпишет: человек, как трава, поутру цветет и зеленеет, а вечером подсекается и иссыхает, все есть суета».

И велел проверить путь Китовраса — вещую силу его слов.

Над городом спустился сумрак. В надвигавшейся ночи на востоке замелькали белые, зеленые и красные огни: к горе Мории, где будет воздвигнут единственный, отличный от всех построенных человечеством храмов, храм Соломона, подкатывали, управляемые демонами, тяжелые грузовики с лесом. Дул ветер, рассекая и пеня огни. И на мгновение высоко вспыхивали серные шесты и с потрясающим гулом гасли.

«Отчего меня не зовет к себе царь Соломон?» — спрашивает Китоврас.

И Вифоний, глядя демону в копыто, не мог не сказать, как оно было, без всяких дипломатических закрут:

«Стесняется: вчера перепил, голова трещит».

Китоврас поднялся, взял камень и положил на камень.

И сейчас же донесли царю Соломону:

«Камень на камень».

«Велит мне опохмелиться» — понял царь Соломон и приказал подать себе бутылку крепкого кипрского. Выпил с наперсток. И без никакой головы опочил.

На другой день до вечера ждет Китоврас. И когда Вифоний, в продолжение дня под всякими предлогами не выходивший к нему, высунул нос для проверки, Китоврас спросил:

«Чего же не ведете меня к царю?»

«Опять грех, — сказал Вифоний, глядя ему в копыто, — был сегодня у царя персидский обед, переел перцу».

Китоврас поднялся и снял камень с камня.

И об этом сейчас же донесли царю Соломону:

«Снял камень с камня».

«Велит сесть на диету», — понял царь Соломон.

И на ужин сварили царю овсянку, и с сухариком, а потом горячего крепкого чаю — и никаких перцов!

Рано утром вошел к Китоврасу куропалат Вифоний, наряженный во всей своей белой парадной форме, и с ним синкеллы, расфранченные в белом, и сонм всяких придворных лакеев с горящими свечами, с музыкой, певчими и актерами.

Глядя в копыто, Вифоний объявил Китоврасу, что царь зовет его к себе.

Китоврас поднялся. И, выбрав три прута — мерой в четыре полуметра, с прутьями в руке пошел за Вифонием кротко.

Много было приемов у царя Соломона, но такого еще не бывало.

Звездная палата битком набита: и не простые, все цари, и князья, и принцы — арабские, армянские, грузинские, персидские, индейские, китайские и обезьяньи — пленные и союзники.

Много видели диковин на приемах у царя Соломона, но такого дива еще не видывали.

Китоврас, глядя прямо, молча положил перед царем три прута конец к концу буквою: Т

И царь Соломон разгадал знак. Царь Соломон понял, какой тайной владеет Китоврас. И обратясь к приближенным, сказал:

«Он говорит: «Тебе Бог дал вселенную, а все тебе мало, ты взял и меня».

С полуопущенными крыльями, подогнув ноги, окаменев, загадочно смотрел Китоврас.

«Не для себя я тебя позвал, — говорит царь Соломон, глядя в глаза Китоврасу, — тебя привели, чтобы спросить, ты один знаешь, чем тесать камни Святая Святых, не повелено мне тесать железом — и ты знаешь, почему».

И в зале наступила тишина — какие воеводы, какие стратеги, какие арабские, грузинские, армянские, индейские, китайские и обезьяньи князья и принцы, все молчок. И только блеск драгоценностей, шурша, сквозит.

И вот, как развернувшийся луч или вдруг раскрывшееся звездное небо, музыка — ясный клич.

«Есть камень у птички, — провещал Китоврас, — чудесный ноготь, зовут шамир; в глубине в пустыне, на скале гнездо птички».

И Китоврас поднялся.

Под музыку, с горящими свечами — куропалат Вифоний, синкеллы, пестрые придворные лакеи, музыканты, певчие, актеры — повели Китовраса из царского дворца во дворец куропалата.

* * *

День за днем — привык куропалат к своему пустынному гостю и перестал стесняться.

Китоврас ладный, ничего не требует, пить пьет, а едой не прельстишь, и хоть бы раз какую ра̀кушку пожевал и хлеба не просит. Китоврас смирный, подожмет ноги да

так и окаменеет, и хоть ори ему на ухо, ровно глухой, только странно так смотрит.

Музыканты совсем осмелели, и если кому нужда, высморкается, а первое-то время носом действовали и в музыке некстати шмыргом лишняя нота попадала, ну, тогда не до нот было. И певчие тоже освоились и раз даже хором плясовую хватили — а уж как их стращали!

И синкеллы без всякой опаски всякое утро чистили Китоврасу копыта и лощили и замшей терли, как собственные свои сапоги.

И не от Китовраса Вифоний с ног сбился, — дело мудреное: от царя куропалату наказ — идти в пустыню и там подкарауль птичку и принесешь чудесный камень «шамир».

По указанию Китовраса строитель Хирам отлил такое белое стекло и этим стеклом должен Вифоний, как вылетит птичка, заделать гнездо, чтобы потом птичке — что находится в гнезде, она видит, а в гнездо не попасть. Вот какая загвоздка!

Китоврасу открыты тайны земли,
Знает и птичка чудесный камень.
Но не та ли судьба, что и мне, человеку?
Человеку открыта тайна воспоминаний.
Но та же беззащитность и на глазах повязка:
Кто это скажет, откуда явился, и куда суждено
предстать?
Мне. — Китоврасу. — И птичке.

Достигнув скалы в пустыне, заметили гнездо птички. И когда вылетела из гнезда птичка, отрядил Вифоний из своей свиты самых цепких.

И когда взобрались смельчаки на скалу, на самую верхушку, видят, что гнездо с птицами, сбросили вниз подъемную лесенку, вскарабкался к ним Вифоний. И «самолично», как писали потом эпитомоторы, описывая «деяния куропалата», Вифоний заделал белым стеклом гнездо и спустился благополучно на землю.

И уж не хоронясь, под скалой ждут птичку.

Птичка вернулась, слышит — пищат птенцы, вытягивают к ней шейки, ее видят, а ей в гнездо не попасть. Бросила она корм и улетела.

Тут и дышать перестали: вот-вот вернется птичка, камушек принесет разрезать стекло и освободить детей, — не проморгать бы чудесный камень! И сейчас же с себя все долой, разостлали одежду по земле — теплое время! — и притиснулись друг к дружке, и уж не разобрать, который куропалат и где синкеллы — тельный ковер.

И птичка не заставила себя ждать, живо слетала куда-то и летит обратно, в клюве — камушек. И как до гнезда долетела — ну! они как гаркнут — птичка испугалась и выронила камень.

И камень попал прямо в голову куропалату. Вифоний сейчас же хвать, зажал в кулак, да скорей на своего дромадера. А за ним и синкеллы. И поскакали.

И на радостях не помнят, как «нюдистами» и в город въехали.

Люди-то смотрят и глазам не верят: среди бела дня такое купальное представление. Хорошо еще что полицейским известны были куропалатовы приметы, а то бы не миновать — в комиссариат.

И царь потом пенял куропалату: «сану-де неприлично». И за царем и всякий и так и дружески.

«Ты бы, Вифонтьич, — соболезновал префект Дардан, — хоть бы веничком прикрылся: чего теперь послы скажут!»

А сам Вифоний, воистину, «в глубину брошенный», будучи и в платье, приличном сану, а держался как в купальне, придерживаясь рукой — вечная память о птичке и чудесном камне.

* * *

Тридцать дней, как из глубины пустыни от трех колодцев пришел Китоврас в город вселенной Иерусалим, и не узнать стало Иерусалима.

На горе Мории, куда дороги завалены ароматными крепкими деревьями — драгоценным матерьялом будущего Храма, началась постройка. Шамиром бесшумно тесали камни — основание Храма: три соприкасающихся друг с другом квадрата, означают три мира — три тайны. И воздвигались леса, окружая посолонь будущий Вход, Святилище и Святая Святых.

В литейной мастерской строителя Хирама дымились трубы и ночью разливалось зарево, ненасытно глотало тьму, разгоняя демонские пугалы. В мастерских сплавляли

металлы для двух величайших столпов — эти столпы станут у входа в Храм: лучезарный и легкий Иакин, знаменующий душу Рождения, и угрюмо-темный тяжелый Боаз, знаменует душу Смерти. Там плавили медь, мешая огонь и воду для создания «литого моря» — это «море» будет в южной части Храма, где в Святилище высится семисвечник, это «море» — лилия, поддерживаемая литыми волами, расположены крýгом, как двенадцать листьев «мировой розы», как двенадцать знаков небесного круга.

Непохожие, странные люди, их вывез с другими мастерами из Тира строитель Хирам, «ковач всех орудий из меди и железа», — эти иностранцы с дерзкими лицами, черные от работ, расходясь от мастерских по домам, горланили жуткие песни под электрические вспышки демонских огней.

Я вышел на твердую землю,
За спиной захлопнулась дверь.
Стена — куда б не повела дорога —
И снова замкнутая дверь.

Стою на твердой земле —
Моя воля, моя мечта.
Свободно на свой страх творю.
Я, Хирам, Соломон.

В ознаменование начала работ царь затеял пир.

Два имени гремели в Иерусалиме: строитель Хирам, осуществлявший замыслы царя Соломона, и загадочный Китоврас.

За тридцать дней загадки Китовраса оправдались — об этом много говорили, больше, чем о «столпах» и «литом море» Хирама. Спинак, шофер, торговавший себе сапоги на семь лет, помер ровно через семь дней, как предсказал Китоврас; под хиромантом Индаком, прорицавшим будущее, нашли в земле клад, как сказал Китоврас; портной Асхолий — тот самый новобрачный, которого пожалел Китоврас, действительно через тридцать дней Богу душу отдал, а подвыпивший сапожник Пастила — его вывел Китоврас на дорогу — взятый с дороги для «протрезвления» префектом Дарданом, оказался и добрым и веселым

человеком, и, как известно, префект Дардан шутить не любит.

И за то, что вещая сила слов Китовраса не пустое слово, и за бесшумный камень шамир, а без этого чудесного камня не могла бы начаться постройка Храма, за все это царь пожаловал: велел на входе будущего Храма написать образ Китовраса.

И как же быть пиру без Китовраса! И Китоврас был приведен к царю во дворец и поставлен перед троном царя — видимо всем.

С полуопущенными крыльями, подогнув ноги, окаменев, загадочно смотрел Китоврас.

«Брат Китоврас, — сказал царь Соломон, — я вижу сила твоя не-человеческая, но и не больше силы человеческой: я тебя взял».

«Брат Соломон, — говорит Китоврас, — власть дается по силам. Если хочешь видеть силу мою, сними с меня железную цепь, дай мне перстень с твоей руки, и ты увидишь».

Тогда, по знаку царя, спафарий Зеркон снял цепь с Китовраса — Китоврас поднялся, опущенные крылья его дрожали.

И царь — а это все видели — царь снял перстень и подает Китоврасу.

И наступило — это как серебряная молния в грозное клубящееся затишье вдруг: Китоврас на глазах у всех взял перстень, поднес к губам и проглотил. А распахнув крыло, крылом ударил царя Соломона и закинул его в конец обетованной земли.

«Я, рожденный от непорочной земли, воздуха, огня и воды, я — царь Соломон!» воскликнул Китоврас.

И бел-пурпурно-лилово-красный свет завесой окутал его.

И все видят: на троне царь Соломон и царица пóдает ему яблоко.

«Как вы меня любите?» обратился Китоврас к пирующим.

И все ответили одним голосом с единым чувством:

«Безгранично, бесповоротно».

«И легко умрете за меня?»

«Готовы: беззаветно, ты наш царь Соломон!»

И захохотал Китоврас.

Так не хохотал он и над прорицателем, что сулил доверчивым клады и не видел у себя под ногами клад.

А в распахнутые окна под хохот Китовраса ворвалось беззазорно — это те, странные, непохожие, иностранцы с дерзкими лицами, ходили по улицам:

Это будет последний
И самый решительный бой...

И строитель Хирам очнулся. Глаза его встретились с глазами Китовраса. И Китоврас оборвал хохот, горько улыбаясь. И от этой улыбки вся горечь судьбы поднялась в сердце Хирама. И он увидел, как под царской одеждой Китовраса вздрагивали конские крепкие копыта.

Ночью над Иерусалимом разразилась гроза — в грому слышался стук и лязг раскрывавшихся каменных челюстей; молнии-птицы, вия змеиным хвостом, клевали землю; с ременным хлестом взвивался и падал дождь.

А там у моря, закинутый на конец обетованной земли, на пустынном берегу, под тихо-плывущими звездами очнулся царь Соломон кругом один:

Аз
Екклезиаст
бых царь над Израилем
в Иерусалиме.

ОБЪЯСНЕНИЯ

I. Царь Соломон. Сказка.

Я пользовался народной сказкой из сборника Н. Е. Ончукова, Северные сказки. Записки Имп. Рус. Географ. Общ. по отделу этнографии. XXXIII т. № 46. СПб. 1908.

Давыд царь, ведь это ж царь Алексей Михайлович по его «тишайшему складу». «Гадания царя Давида» — самая распространенная книга на Руси. Я думаю, что «Рафли» и «Гадания царя Давида» одно и то же.

М. Н. Сперанский, Из истории отреченных книг. I вып. Гадания по Псалтири. Памятники древней письменности и искусства, CXXIX, 1899.

II. Премудрый царь Соломон и красный царь Пор. Повесть.

В основе моего рассказа: «Повесть о царе Соломоне». Летописи Рус. Лит. и Древн. М. 1862 г. О царе Поре: В. Истрин, Александрия русских хронографов. М. 1893 г.

III. Тя́бень.

«Тя́бень» — якутское, по-русски «верблюд». Но этот верблюд не только с караваном по пустыне идет и ноздрей песок роет, но может и летать, не угнаться и демону.

Я пользовался якутской сказкой из книги Г. И. Потанина «Сага о Соломоне», Томск, 1912 г., и мусульманскими легендами о построении Храма Соломона.

IV. Соломон и Китоврас.

Легенда о Соломоне и Китоврасе первоначально в Сборнике ветхозаветных книг: «Палея» — рукопись конца XIV—XV вв. Эта легенда русский извод талмудической легенды из Агады о Асмодее.

Путь Асмодея из Иерусалима на Волхов в Новгород и на Великую во Псков не прямо по «китоврасьи», а кру́гом — через Византию.

Асмодей (вавилонского происхождения), появившись в Византии, обернулся крылатым кентавром и в образе кентавра вышел к болгарам. И у болгар получил имя Китоврас. И уже Китоврасом проник на Русь.

Болгарский Номоканон XVI в. упоминает апокриф о «Соломоне и Китоврасе» — «басни и кощуны». А русский индекс комментирует Номоканон: «все лгано, не бывал Китоврас на земле, но эллинстии философи ввели».

И вопреки уверениям благочестивых людей, что никакого Китовраса нет и не было, и отеческому предостережению, что за чтение подобных басен и кощун взыщется на том свете, Китоврас засел на Руси прочно.

На медных вратах главного входа Святой Софии в Новгороде в XIV в. (1336 г.) появилось изображение Китовраса: крылатый кентавр держит в руке царя Соломона, и подписано: «Китоврас меце братом на обетованную землю зря». А Иван Грозный (XVI в.), перенес эти медные врата под Москву в Александровскую слободу. И до сего дня в городе Александрове в Успенском монастыре красуется Китоврас видимо всем. И все смотрят и удивляются: «если хочешь видеть силу мою, сними с меня железную цепь и дай мне перстень с твоей руки и ты увидишь».

О Китоврасе: Акад. А. Н. Веселовский, Сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине, СПб. 1872 г. (Собр. соч. т. VIII, II ч. 1921) И. Н. Жданов, Сочинения I т., СПб. 1904.

Текст сказания у Н. С. Тихонравова, Памятники Отреченной русской литературы, СПб. 1863, т. I и у А. Н. Пыпина, Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевым-Безбородко, СПб. 1862, вып. III.

Я ввожу дважды ХОР и называю по имени строителя Храма — Хирам.

О театральных действиях о Соломоне и Китоврасе я нашел в примечании Бессонова, Собр. песен П. В. Киреевского, М. 1872, вып. IX. Ванька Каин (Иван Осипов) в 40-х годах XVIII в. в Москве на Каменном мосту давал масленичное представление — народное игрище о Соломоне и Китоврасе, собственного сочинения: Ванька изображал Китовраса, — и вдруг я вспомнил, — я играл царя Соломона.

1

СУДОВЕ ПРЕМУДРОГО ЦАРЯ СОЛОМОНА ВКРАТЦЕ

«Бысть царь Соломон премудры
Премудростми и притчами
и гаданми»

(В Толковой Палее — восемь судов XVI в.
В списках XVII в. — шесть).

Суд первый.

XVI—XVII вв.

«Во дни Соломона царя бысть муж, имея три сыны; умираяй муж той и призва к себе все три сыны своя». Зарыто в земле сокровище «три спуда, сиречь кувшины». По смерти отца сыновья отрыли сокровище: верхнее — золото, ниже — кости, а в основании — персть. Царь Соломон: старшему — золото; середнему — скот и челядь; меньшому — винограды, нивы и жито.

Второй суд.

1494 г.

«Идоша три мужи, некия еврейстии на путь, имущи на себе чересы (пояса) свои полны злата».
На ночлеге зарыли в землю. Один из путников ночью вынул «чересы» и зарыл в другом месте.
Царь Соломон рассказывает повесть:

«Один отрок, обручившись с девицею тайно от ее родителей, уехал в другую землю и там женился. Родители девицы выдают ее замуж. Невеста открывает жениху тайну обручения. Жених не хотел нарушить чужого права и отправился со своей невестой к ее первому обрученнику. Тот согласился уступить. И они поехали домой. На дороге разбойники. Она рассказывает атаману о себе; атаман отпустил их, не ограбив».

Соломон: «Кто вам из них по душе?»

Двое сказали: «бескорыстный и правдивый отрок», а укрывший «чересы»: «разбойник».

Соломон укорил его за сочувствие разбойнику, и тот сознался.

Суд третий.

«Во дни Соломона царя бысть муж богат в Вавилоне и не имяше детей; изжившу же ему половину дней своих и постави себе раба в сына место». Посылает его торговать, и раб, разбогатевши в Иерусалиме, стал считаться в «болярех». А у его приемного отца родился сын. Отец помер. А сын отправился в Иерусалим. «Раб» обедал у Соломона. «Отрок» подошел к нему и ударил его по морде. И объявил, что ударил раба отца своего.

Соломон для проверки велел привезти из Вавилона плечную кость его отца, и пустить кровь сыну и рабу; кровь раба не пристала к кости, кровь сына осталась на кости.

Суд четвертый.

«Во дни Соломона царя бысть муж имеяи шесть сынов, а седьмую дщерь». Умирая, отец отказал дочери тысячу золота, а имение старшему сыну. Остальные дети заспорили. Соломон велел принести правую руку отца их. Пятеро сыновей хотели взять руку, а старший не допустил их к могиле.

Соломон присудил имение старшему.

История в Gesta Romanorum (в «Римских деяниях», XVII в.). В Le Jugement de Salomon — Соломон велел стрелять в мертвого и старший сын выстрелил, и Соломон отказал ему.

Суд пятый.

«По сем же Соломон царь помысли, испытать хотя, что есть смысл мужески и что есть женски, и призва болярина своего, от своих ему предстатель, имя ему Декир, и рече наедине ему». Соломон обещает разделить с ним царство, если он «усекнет» свою жену. Декир не поддался. А жена его за царскую милость готова была, да ничего не вышло.

«Соломон же царь славный повеле вписать в сборник повесть сию и сказа вельможем своим о том, яко дивится им, и рече царь: «Обретох в тысящи мужей мудрыи многи, а жены не обретох. Во тме ни единой мудрыя, — во всем свете».

Суд шестой.

«И в то время сотвори Соломон царь пир велик боляром своим и велможам и всем отроком своим». Спор двух женщин за ребенка. (В III-ьей книге Царств).

2

О СУДЬБАХ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА С АПОКРИФАМИ

«Книга бытия небеси и земли» — «Очи палейные»
состав. в Византии, а в Россию — XIII в.
Историческая Палея Изд. А. Поповым в
Чтениях Общ. истории и древностей
Российских, 1881 кн. 1
«Палея толковая» (по списку 1406)
Труд учеников Н. С. Тихонравова
Вып. I—II, М., 1892—1896
(на С. вост. России)

«И дал Бог Соломону мудрость, весьма
великий разум и обширный ум, как
песок на берегу моря. И была мудрость
Соломона выше мудрости всех сынов
Востока и всей мудрости египтян»
4-ая Книга Царств, IV, 29—30

3

ПОВЕСТЬ О ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА О МУЖЕСКОМ ПОЛУ И ЖЕНСКОМ

О МУЖЕ ПОДОБНА

Пятый Суд Соломона

Соломон, премудрый царь, помысли испытати, какова мудрость мужа и целомудрие, такоже и жены хотя искусити. Призва некоего ему предстоящего сынъклита от великих, именем Даркира и глагола ему:

«Любезнейший Даркире! Веси, яко над всеми люблю тя: наипаче же мне возлюблен будешь, аще повеленное мною сотвориши, и велицей чести надо всеми сподобишися».

Даркир же глагола ему:

«О царю, аще повелиши, сотворю волю твою».

И яко обещася, рече ему царь:

«Се повеление мое, да усечеши главу жены своея. Аз же дам ти от дщерей царских, паче же и сопрестольник мне будеши». Даркир же о сем ужасен бысть, обаче повинуется сотворите волю цареву. Царь же даст ему преострый свой меч:

«Сим, рече, соверши повеление мое, и егда главу жене отсечеши, на извещение ко мне да принесеши».

Даркир же возмущашеся и жалостию препобеждашеся, страха же царска наипаче бояшеся, взем же меч у царя и прииде в дом свой и обрете жену свою спящу и по обою страны ея дети, младенци суща. Видев же сия и восплака и рече в себе:

«Како уткну мечом сожительницу мою, толико ми лет с нею поживше?

Кто же ли по смерти ее утешит детища моя и вскормит я? И аще сия сотворю чтись ради земного царя, но что отвещаю царю царем и Господу Господем?»

Отложи сотворити повеление царево.

Призва же его царь и глагола:

«Сотворил ли повеленное мною?»

Даркир же рече:

«О великий царю! лучше ми есть самому при всей твоей воли быти, неже сожительницу мою умертвити и младых же чад матери лишити».

Царь же якобы разъярился, зане преслушал повеление его и часто презрел, повелел его послати в иной град.

Призывает же жену к себе и глагола ей:

«Воистину ты еси добрая в женах, прекрасная и премудрая, и мною прелюбезная; но как еси за таковым мужем? достойна венцу цареву! Но аще что реку тебе сотвори волю мою. И аще волю мою сотвориши, будеши мне прелюбезная царица и всем царству владетельница».

Она же, окаянная, рече:

«Еже аще глаголеши, царю, сотворю волю твою!»

Глагола же ей:

«Сия воля хотения моего, да внегда муж твой приидет во град и в дом свой, ты же яко радуйся приходу его, напоив его вином, отсещи ему главу; аз же тебе дам острый меч, да без замедления дело скончаеши».

Она же, бесом подустрекаема, вознепщевá, яко сбудется си все, еже царь рече, обещася со усердием повеленное исполнити.

Послав же царь, повеле мужу ее без всякого страхования к себе быти и во своем ему чину пребывати, яко же и прежде. Видев же и разуме царь яко жена готова мужа своего погубити, даст ей меч зело претуплен и глаголет:

«Иди, превозлюбленная! сотвори волю мою, да многу добру госпожа будеши».

Она же мнев, яко острый меч и принесе его в дом свой.

Даркир же по цареву велению прииде в дом свой, совещание же жены своей не ведяще; жена же ласкосердствующи и, яко бы во много времени не видавши его, воздыхающи, слезящи и лобызающи, яко да вскоре вкусит брашна и на одре да возляжет, яко да ослабу вскоре от печали приимет, ничего не содевающе, еже бы еси вскоре желание совершити и жене царю быти.

Даркир же, не ведая злых мышлений жены своея, и вкусив брашна и испив мало вина, вскоре возлег на одре и успе.

Жена же, виде его спяща и храплюща, вземши меч; наложивши на гортань мужу своему. И яко жена, не имея обычая мсчом, яко пилою сюду и сюду проводити, и ничто же успе, яко притуплен бе меч.

Муж же вскоре вскочи от сна, мня яко некое дьяволе злохатрство мечтуется; жена же мало утаившися.

Даркир же паки вскоре возлег и успе. Жена же его, любоначальством несытства одержима, паки нача мужа мечом по гортани сюду и сюду преводити, и паки ничто же успе, но вельми ему досади, мало мечом не удави. Даркир же вскоре услыша и трепеща вскочи и повеле же и свещу принести. Видев жену свою с мечом стоящу, ужасеся ужасом великим и рече одержим к жене:

«Что сицево зло умыслила еси надо мною, и за какое зло убити мя хощеши?»

И мало ю наказав, ничто же сотвори, но поведася сия царю. Царь же, разумев, каковы жены к прелести готовы и злонравны, како ни Бога убоясь, ни мужних седин устыдеся, ни чад помилова.

И рече царь:

«Обретох в тысящий много мужей мудрых, жены же мудрыя не обретох ни во тме единыя».

И глагола Даркарю, да ничто же ей зло сотвори.

4

СКАЗАНИЕ О ПРЕМУДРОСТИ ЦАРЯ СОЛОМОНА О ЮЖСКОЙ ЦАРИЦЕ И О ФИЛОСОФЕХ ЗАГАДКИ

1494 г. (Хронограф)

О южской царице

и бысть царица южиская иноплеменница
именем Малкатьшка. Си преиде искусит
Соломона загадками.

XVII в.

Малу же времени минувшу, прииде к нему некая царица от юга с философы своими, хотяше царя Соломона искусити, и принесе ему дары многие, злато сусальное и палицы еловые. В един же день призва ее царь Соломон к себе, хотя слышати реченная от нее премудрости; царица ж приде к Соломону с философы своими. И рече ей царь Соломон:

«Повеждь ми, царица, которых зверей или скота или птиц мяса хощешь ясти, да повелю ти доспети».

Царица же рече:

«От тех зверей доспей ми потребу, что нази летают меж неба и земли, костяные крыле имеют, на небо не взирают, гласа не имеют».

Соломон же поразумев, что царица хощет

осетрины

ясти, повеле поваром своим осетрины доспети.

Царица же втай повеле порядити молодцы и девицы, красные, острищи и в мужские порты облещи; и постави их пред царем Соломоном и рече:

«Поведай ми, Соломоне, который полк молодцы, а которые девицы?»

Тогда Соломон повеле слугам своим принести орехов и пред ними посыпать, и повеле им грабити.

И начаша молодцы по своему чину орехи грабить и в корваны своя кладуща; девицы же начаша грабити и в рукав сыпать.

Тогда Соломон разуме, кое молодцы и кое девицы, и все царице рассуди.

Она же отыде в свою землю и подивись велми премудрости Соломонове; пришедши же ей во свое царство, и нача мыслити с философы своими, кого послати к царю Соломону и что глаголати. И посла царица слугу своего, рекше:

«Пришли, Соломоне, бесного с бесным, а умного с умным».

Соломон же той разумев, посла ей
вина со скоморохом,
и философа с книгами.

Она же подивись премудрости его.

И призва ю Соломон к себе. И приде тогда царица; и возва ю за обед. Отшедшу же обеду царь Соломон седяше з боляры своими и философы, царица ж против седяху со своими философы, и хотяше искусити Соломона, и рече:

«Что есть четыре статьи — сухо, горяче, мокро, студено — ими же весь мир состоится?»

Отвещав Соломон:

«сухо — весна
горяче — лето
мокро — осень
студено — зима».

И рече царица:
«Аще соль изгниет, то чем ее пособить, дабы не изгнила?»
Соломон же рече:
«Рогом конёвым».
Она же рече:
«А коли у коня рог живет?»
Соломон рече:
«А коли соль гниет?»
Царица же рече:
«А коли мертвец восплачется, чем его утешити, дабы не плакал?»
Соломон рече:
«Мгляное яйцо дати ему».
Она же рече:
«Како можешь во мгле яйцо сделать?»
Соломон рече:
«А коли мертвец плачет?»
Царица рече:
«А коли нива прорастет ножи, чем ю пожать?»
Соломон рече:
«Со всего света собрать росу, и в том сшить рукавицы, тем ю пожати».
Она же рече:
«Како можеть в росе рукавицы сшить?»
Соломон же рече:
«Коли вырастает нива ножи?»
Царица рече:
«Что есть не гниющее на земли?»
Соломон рече:
«Душа человеческая».
Царица рече:
«Что лутче всего на сем свете?»
Соломон рече:
«Правда».

Царица рече:

«Кому подобна милость Божия?»

Соломон рече:

«Солнцу: солнце сияет на злых и на (добрых) благия, тако и Бог милует праведные и грешные!»

Царица рече:

«Есть в земли нашей кладезь велми чюден, самороден и далече от града нашего стоит, — чем ево приближати?»

Соломон рече:

«Ужищем песчаным привести его ко граду».

Философы же царицыны рекоша:

«Госпоже царице, не мощи нам против Соломона и его мудрецов».

И тако царица отойде с мудрецы своими, дивяся Соломону.

5

ПЕРСИДСКАЯ ЗАГАДКА

ЗАГАДКА ПЕРСКАГО ЦАРЯ ДАРИЯ К СОЛОМОНУ ЦАРЮ

Дарий, царь Перский, послал к Соломону, мудрому царю, написав загадку:

Стоит щит,
а на щите заець
Прилетев, сокол взял зайца
и тут сяде сова

И отгадаешь загадку, дам ти три кади сребра.

Соломон же, не имея что рещи послу и сяде един в полате, попелом главу свою посыпает, и распусти власы своя долу. И по мале же времени Соломон царь мудр повеле созвати многия беси и рече им:

«Кто может ли от вас отгадати, дам ему треть сребра».

И рече бес об одном оце:

«Щит, царю, Земля твоя
а на нем заец — правда стоит
а прилетев Сокол взял Зайца, то есть ангел Господень
взял правду на небо.
и туто сяде сова, то есть кривда,
а зависть человеческая начаше учение».

Какой умница одноглазый бес!

Соломон же царь посла к Дарию царю:

«Загадку отганул, а ты пришли серебро».

Не по мнозе времени и привезоша сребро от Дария к царю Соломону. Соломон же царь повелел обратити кадь вверх дном и насыпати бисеру и дати кривому бесу. И рече бес:

«Чему, царь, се криво имеешь, а правды, царю, не имеешь?»

И рече царь:

«Крив еси бес, сам себе криво судих: правда взята на небо, а на земли в нас кривда осталась».

6

СКАЗАНИЕ О СВ. ГРААЛЕ

ПОТИР ЦАРЯ СОЛОМОНА В СВ. СОФИИ ЦАРЕГРАДСКОЙ

XIII в.

Есть же в святой Софии потирь от драгого камения Соломона дела, на ней же суть писмена еврейска и самарейска грани написани, их же никто же не можаше ни прочести, ни сказати.

Възем же ю философ почет и сказа:

«Есть же сице первая грань:

I. Чаша моя, чаша моя, прорицаи дондеже звезда,
В пиво буди, Господи, первенцу, бдящу нощию.

По сем же другая грань:

II. На вкушение Господне сотворена древа иного
Пий и упийся веселием и возопии аллилуйя.

И по сем третия грань:

III. Се князь, и узрить весь сънем славу его и
Давыд царь посреде их.

И по сем число написано
Девять сот и девятеро

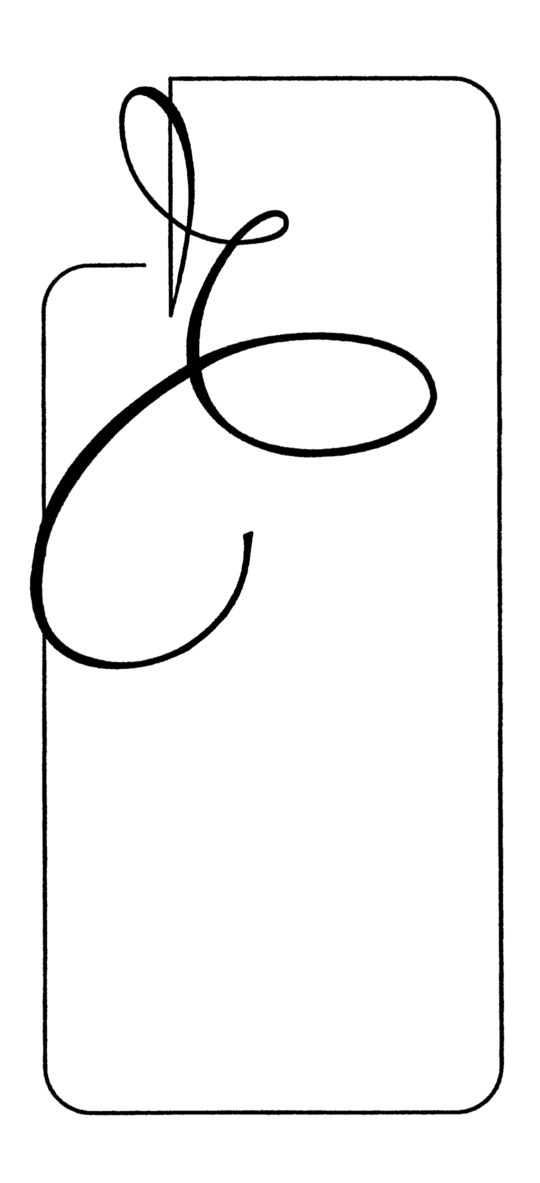
909

(Пространное житие Константина философа)

Возрадовався заец, выбився из тенета
воли своей; тако ся возрадовал книго-
писец Алексей, написав эту книгу
о царе Соломоне.

о-о-о-о-о-о-о

ПРИЛОЖЕНИЯ



Образ Николая Чудотворца

Алатырь – камень русской веры

А камень камнем мать алатырь
потому что тот камень лежит на Волге реке
в устье у моря у теплого, а всякая рыба к тому
камени сходится на вешний Николин день;
а которая рыба потрется около того камени —
и на ней будет знамя, потому тот камень —
камнем мать.

Голубиная книга

ОБРАЗ НИКОЛАЯ-ЧУДОТВОРЦА

1

Св. Николай Мирликийский разделяет судьбу трех великих змееборцев: Федора, Георгия и Димитрия. Никаких исторических данных о жизни их на земле нет.

Николай-чудотворец есть явление духовного мира, как Федор-Тирон-Стратилат (1), Георгий Победоносец, Димитрий Солунский: явление их есть изъявление силы Архангела Михаила. И часто заступают один другого, но из всех образ Николая-чудотворца выражает во всей полноте сущность Архангела.

В житии «Николая Сионита» (VI в.), известного в русской агиографической литературе, как «Иное житие», упоминается «мартирь», т. е. церковь или часовня над могилой св. Николая и «никольские русалии» — 6 декабря, праздник с процессиями, посвященными когда-то Артемиде-Елейтере, крестный ход из Мир за город по дороге к пристани на эту могилу. От VI века известна церковь в Константинополе во имя мучеников Приска и Николая (2), соединенных в VII в. в одно имя св. Николая. От VIII в. изображение Николая-чудотворца (3). Вот и все. И только сказки и сказочные чудеса.

И чтобы принять их не за «сплетение басен», а как действительно живое и действующее — ведь сказки и есть символы животворящего духа! — надо или родиться с детским зрением и слухом, еще не оторвавшимся от духовного мира (4) или периодически, как диета, беспокойным испытующим «оводом» (Сократ) омолаживать свое трезвое — свое гордое, а как часто просто одряхлевшее «разумное» мышление, бесспорный и в себе несомневающийся «ум» (Гоголь), чтобы «вдруг проснуться к самому себе» (Плотин).

Если не сделаетесь, как дети,
— «не исполнитесь светлого простодушия и ангельского младенчества» —
не войдете в царство духа (5)!

По агиографической схеме, выработанной в Византии в IX веке (6), в Похвалах и Величаниях, начиная со Слова, приписываемого Андрею Критскому, духовное родословие Николай-чудотворец ведет от Авеля, Эноса, Эноха, Ноя, Авраама, Исаака, Иова, Иосифа, Моисея, Аарона, Давида, Ильи, Елисея, Иоанна — и силою своего духа он всех превосходит. И ставят его выше ангелов над архангелами в ряд с Богородицей: Богородица и Никола — «новый Спаситель».

2

Николай-чудотворец среди святых перед престолом Господним первый, а для человека — универсален.

У всякого святого своя «специальность» по дару и благодати, и в своем деле от святого бывает помощь: Косьма и Дамиан, Кир и Иоанн, и Пантелеймон — врачи, Федор, Димитрий, Георгий — военачальники, Симеон — снотолкователь, Флор и Лавр — коневоды, Фомаида — от блудной страсти, Нифонт — от бесов, Вонифатий от пьянства, и много еще святых имен — «поборников» — сколько есть бед и напасти, страстей и пожеланий в человеке. Николай-чудотворец одарен всем, и помощь от него людям во всем и забота его о всех. Выше праотцов, пророков и апостолов, мучеников и святых, выше ангелов, над архангелами в ряд с Богородицей: Богородица «надежда рода христианского» и Никола «заступник» — между Христом и людьми — «Новый Спаситель».

3

«Новый Спаситель» — такое имя — ἄλλος σωτήρ — сказалось в Византии в IX в.: «златословесный» ритор и панегирист Никита Давид Пафлагонский, автор жития Игнатия; Иосиф гимнограф, автор семи канонов; хартофилакс Великой Церкви Георгий, друг Фотия, митрополит Никомедийский; Федор Студит; император Лев Мудрый; и в Словах и Гимнах от IX—X в., приписываемых Проклу (V в.), Роману Сладкопевцу (VI в.) и Андрею Критскому (VIII в.). И утвердилось в высочайшем и бесподобном прославлении чудотворца в Константинополе — церквами, монастырями, иконами и бесчисленными образками. А из Константинополя в Сицилии, Калабрии и Апулии — в Венеции, в Генуе, в Пизе, в Равенне, в Беневенте, в Палермо, в Бари и, на латинском и греческом перекрестке, в Неаполе; из Константинополя же на Балканах, в Романии (Малой Азии), в Сирии, в Палестине, в Месопотамии и в Египте.

И то же скажется в России, принявшей из Византии вместе с христианской верой и вознесенный на высшую ступень славы блистающий образ Николая-чудотворца — в Киев поговоркой крепко и образно: «Що буде якъ Богъ·помре?» — «А Микола святый на що!» — а в Новгороде Никольскими церквами, и их столько, «сколько дней в году», а на Москве, где из сорока сороков — из тысячи престолов тридцать Никольских, как в Старом Риме, и сто приделов во имя чудотворца, на Москве — «у всякой бабы свой сказ про Николу» (7).

4

Как и что, о роде и племени Николая Мирликийского, и о нем самом по книгам нигде ничего документально не значится, и имя его ни в каких исторических деяниях не зарегистрировано.

Но это отсутствие документальности ни в какой мере не отрицает его земного существования. Исторические документы вовсе не создают духовного центра и ничего не именуют: ведь можно регистрироваться хоть всякий день в хронике «событий и происшествий» и все равно, сколько бы о тебе ни накопилось матерьялу, от тебя ничего не останется, и имя твое пройдет без всяких последствий, и был ты на свете или не был, безразлично. А кроме того,

явление духовного мира, выражающееся в образах сказки или легенды, живет своей жизнью вне истории и географии и не нуждается ни в какой статистике и хронологии. И если бы случилось «доказать» явление духовного мира исторически, что ж! — только от этого к его жизни ничего не прибавится и не убавится.

Первое житие (8) Николая Мирликийского написано в начале IX века в Константинополе архимандритом Михаилом. В IX в. по Михаилу патриархом Мефодием: Слово, посвященное Феодору и Похвала с чудесами. А по Слову Мефодия к Феодору неаполитанским дьяконом Иоанном по-латыни.

Первые жития состоят из житейных символов, означающих особенную благодать и духовность святого: благородные родители, младенец принимает у матери правую грудь, а в среду и пятницу только один раз, чудесное избрание в епископы; затем следуют чудесные повести VI в., сложенные при Юстиниане: о трех невинно-осужденных военачальниках и о трех несчастных сестрах; рассказ VII в. о чудесной помощи в голодный год и не менее чудесный случай со сбавкой налога; разрушение в Мирах храма Артемиды и посмертные чудеса. Никаких имен, никакой хронологии, одно-единственное историческое имя — император Константин из IV в.

В X в. Синаксарное житие, в котором сообщается о присутствии Николая Мирликийского на Никейском соборе; «Компилятивное» житие (Vita compilata) (9) замечательное тем, что вся историческая часть — имена и деяния и место действия взяты из жития Николая, архимандрита Сионского монастыря, епископа Пинарского, жившего в Ликии в VI в. и о котором в в. 565 г. (10) написано житие, связанное с культом архангела Михаила; в этом «Компилятивном житии» имя Николая Пинарского растворяется в имени Мирликийского, и мирликийские анекдоты связываются с пинарской историей. В X в. житие, написанное Метафрастом, классическое житие, составленное на основании всех предшествующих. В XII в. Александрийское житие (Vita Licio-Alexandrina), составленное по житию Николая Пинарского, но с именем Мирликийского. И в XII в. сирийское житие — «Николай-странник», приуроченное к началу VII в. царствованию Ираклия, с заключительной предсмертной молитвой по образцу молитв палестинских мучеников — это «духовное житие» Николая-чудотворца, особенно любимое и распространенное в России в болгарской редакции, известно по спискам XV—XVI в., (11) житие, имевшее для России огромное значение: эпизод о помощи римлянам в борьбе с персами послужил основанием легенды о видении Тихона, слуги Головина, перед взятием Казани и создал образ Николы Можайского, собирателя и заступника за русскую землю.

Все жития по духу связаны друг с другом и представляют собой раскрытие сущности образа Николая-чудотворца.

Что принадлежит Николаю Пинарскому, зарегистрированному в VI в., и что Николаю Мирликийскому, жизнь которого без всяких исторических данных приурочивается к IV в., и было ли их двое — Пинарский и Мирликийский, или кто-нибудь один, такие вопросы, вполне законные и нужные для исторического исследования, не имеют никакого значения при рассмотрении явления духовного мира: был и есть и будет единый образ Николая-чудотворца.

Из всех житий, проникнутых общим веянием Архангела, одни, объединенные именем «иного жития» и Метафраста, описывают земное — человеческое, и для них есть византийский образ Николая-чудотворца, общеизвестный, сохра-

нившийся в Менологии Василия II (X в.) (12), и другое единственное — «Николай-странник» описывает силу чистого духа, и образ его закреплен в Шартрском соборе — витро: с сирийской миниатюры работа французского мастера (XIII в.) (13) — юноша с чудотворными глазами воскрешает детей.

5

За пять веков с VI в. по XIII из житий, чудес, слов и величаний отпечатлелся образ Николая-чудотворца, украшенный всей чудесностью, какая разлита была в горчайший век в Византии. Взята была вся духовная сила от подвижников и чудотворцев современных и бывших: милосердное сердце Иоанна Милостивого, александрийского патриарха (VII в.), доброта и жалостливость к человеку Филарета Милостивого (IX), чудеса Иоанникия Фифинского, (IX в.), победившего дракона и не только победившего, а прожившего с ним зиму в одной пещере, прорицателя судьбы и ее сроков, властителя над стихией — запрещавшего огню и буре, воскрешавшего мертвых и омрачавшего глаза людям, когда хотел быть невидимым, и чудеса другого чудотворца Стефана Саваита (IX в.), который ночью переходил Иордан с воздетыми к небу руками и из рук вылетал огонь, распространяя свет. Я называю самых ближайших ко времени прославления Николая-чудотворца. Гонение на веру — спор и расправа монофилитов с монофизитами (VII в.) и иконоборчество (726—787 и 814—842), постоянная опасность от внешних врагов — персы, авары, славяне, арабы и болгары — плен и разорение углубили этот образ. И художники по верному чутью, не прибегая ни к какой истории и археологии, а в обстановке своего времени под своим небом и на своей земле живописно сохранили образ чудотворца для всех времен и народов: Фра Анжелико, Франческо Песеллино, Джентиле-да-Фабнано, Пахер, Жан Фукэ, Жан Бурдишош, Жерар Давид, Дюрер, Моретто-да-Брешио, Отто Ван-Веен, Ян Стеен Кранах-старший, Корнелий Шут, Симон Вуэ, Репин (14). А беспризорная человеческая доля и неверная, вера и молитва овеяли чудотворный архангелов образ невечерним светом.

6

Явление Николая-чудотворца на земле приурочено к IV в. (270—341 г.) при императоре Константине Великом. Родина Ликия в Малой Азии, родился в Траголоссе в горах к северу от Мир; рукоположенный в священники, заведывал постройкой храма св. Сиона в Фаррао, из Фаррао переведен в Патары. Местослужение епископом город Миры, похоронен в Сионском монастыре в Фаррао, откуда мощи его через семьсот сорок шесть лет в 1087 г. перевезены в Апулию в г. Бари.

Пережив Диоклетианово и Максимианово гонение, Николай-чудотворец выходит из тюрьмы по Миланскому эдикту. Миланским эдиктом христианство объявляется государственной религией. В 325 г. первый вселенский собор в Никее и «действие» с Арием. В 326—327 г. обретение Креста Господня в Иерусалиме матерью царя Константина, царицей Еленой, в 335 г. освящение храма на месте Голгофы и установление праздника Воздвижения.

И вот у подножия честного и животворящего креста Господня, воздвигнутого видимо для всего мира, становится Николай-чудотворец, отмеченный благодатью с первых дней своей жизни, как избранный, получивший посвящение на Святой

земле от Архангела Михаила, а при избрании в епископы — омофор из рук Богородицы, евангелие от апостола Петра и посох от апостола Андрея, открытое к человеческой беде, «облеченное во Христа» милосердное сердце с тайной милостыней, с заступничеством за невинно-осужденных — и накормить голодного и облегчить налог, освободить из тюрьмы и плена, утешить опечаленного и утишить и самую свирепую бурю — кротко принявший гонение за Христа «бескровное мученичество», просветленный телесно, как ангел, являющийся в сновидениях людям — дар высочайшей чудесности (15), посекший во имя Христа священный кипарис — жилище демона — и открывший на горе источник или низвергший Артемиду-Ейлейтеру — спасительницу и утвердивший заушением Ария Христа-Спасителя равночестна и соприсносущна Отцу в Пресвятой и Неразделимой Троице, становится у креста видимо всему миру, как сам крест, и не просто святой и угодник Божий, а как замещающий Христа на земле — «Новый Спаситель», к которому воззовет весь мир в великой нужде.

7

«Новый Спаситель» — не второй Богочеловек, не Сын Божий, единственный Спаситель, принявший грехи мира, Свете Тихий, озирающий землю до самой тайной завязи жизни; «Новый Спаситель», замещающий Христа на земле, — человек, рожденный от человека, человек избранный из сотворенных Богом людей, человек с открытым и готовым на помощь сердцем, со всей теплотою сердца светящего и согревающего, с внимательными глазами — ясным зрением и внимательным чутким слухом к самой тихой жалобе и к самой скрытой замаскированной скорби, предстательствующий перед Спасителем за грешного и бедующего человека с его загадочной и превратной судьбой.

«Христос» — это очень высоко и исключительно. Во времена гонений на христианство — во все времена бывшие и будущие от «язычников» или от своих же, — у всех мучащихся за Христа, такая пламень уверенного сердца и через страду такое озарение духа, в котором ощутимо и осязательно присутствие Христа с Его вольными крестными страстями; как ощутимо присутствие Христа — «Христос воскрес!» — в России в пасхальную ночь и не только чистому сердцу, но и простым грешным людям, пришедшим в «двенадцатый час»; как откровенно это Христово чувство здесь, на западе, когда в рождественские сумерки на зимнем туманном небе зажжется над пронизанной сыростью бесснежной землей чуть видная звездочка, а в окнах загорятся елочные свечи — «Дево днесь Пресущественнаго рождаеть!» — ясно в глуби многозвонного органа звучит древний друидический подземный голос, славословящий засиявшее на Востоке Солнце Праведное.

«Христос» — это очень высоко и очень требовательно. И только на высоте духа среди избранных глаза обращены ко Христу, и через подвиг или особой благодатью чистое сердце видит Христа и слова сердца прямо Христу.

И «запазушный» благостный Христос — о нем у Лескова в рассказе «На краю света» — Лесков его называет «русским» — этот «притоманный» (т. е. домашний, уверенный), «приоборкающий» (воркующий) голубком под теплой пазухой, проникающий под банный полок без ладона чудной прохладой тихой (в дусе хлада тонка) — — но ведь это только очень по-русски выражено и русским обставлено, а открытое-то совсем не простому человеку, а избранному

с младенчества, о. Кириаку, когда он еще в детстве «в жару веры молился и даже запотел и обессилел».

Но для простого-то человека в обыкновенной жизни среди терпения и труда жизни, с вечной жалобой и тревогой, и как часто в сущности с пустяками, которые только кажутся очень важными (все по разумию и неразумению человека, а таких большинство!), с вечным голодом и жаждою утешения и с верой в скорую неотложную помощь — ну, хотя бы немного! только сейчас! сию минуту! — «Ольга тихо стала перед образом (Нерукотворенный образ Спасителя с подписью: «Прiидите ко Мнѣ всѣ труждающiеся и Азъ упокою вы»), большие глаза ее были устремлены на лик Спасителя — это была ее единственная молитва, и если бы Бог был человек, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно» («Вадим» Лермонтова) — нет, не ко Христу — именем Христа человек не смеет и называться! — Христос очень высоко и недоступно, и часто просто язык не повернется, а к Николаю Мирликийскому чудóтворцу — к «батюшке Николе Угоднику», как прозвучит торжественное имя святц по-домашнему кровнородственно в России.

Жизнь Николая-чудотворца приурочена к царствованию Константина Великого, к началу новой эры — свободного исповедания христианской веры.

Новый христианский мир, свободный от гонений, скоро почувствовал «среди тины лжи и неправды», в постоянной тревоге и волнении, «не находя нигде правды», терпя преследования и обиды от властей и сильных (16) — и как не почувствовать! — что быть христианином — держать на устах и даже в мыслях имя Христово, это еще ничего не решает в человеческой жизни; что можно исповедывать христианство — носить крест и соблюдать все церковные правила, а иметь черствое сердце или, просто по тесноте жизни, занятое своим и закрытое для других, или суровое «справедливое сердце» — — — А надо пощады, отзывчивости, внимания — такая жизнь идет на земле, очень жить трудно, опасно, неуверенно — и еще — ведь есть же в ком-нибудь мужество и бесстрашие перед людьми, кто рассудит и заступится, и не только перед людьми. И носителем такой человечности и человека сделался Николай-чудотворец — «Новый Спаситель», замещающий Христа на земле, предстатель перед недосягаемым Судией-Христом, заступник за все бессчисленные немудреные жизни, за человека, о котором после смерти не останется никакой памяти, но который в свой судный час и на всеобщем суде должен дать ответ за свои дела на земле и, может быть, пожаловаться на свою заслуженную, но для живого-то все равно тягчайшую судьбу: что вот оставили его без внимания, во всяком случае в мире он не встретил никакого участия.

«Христос» — это очень высоко и невместимо или очень трудно. Истинное исповедание Христа в духе и поклонение не на этой горе и не в этом храме. Но простым-то людям, связанным душой и телом с этой вот жизнью — с землей (а на нее со Креста упали капли Христовой крови и зацвели цветами!) грешному, нарушающему все заповеди, человеку, спаянному со всем этим миром: с небом, где горят вещие звезды, и с землей, на которой цветут звезды — цветы, человеку, который видит, что видит, человеку без последствий — —?

Все величайшие храмы, построенные по символу креста на кресте, посвящены Богородице — во имя Божьей Матери и на Востоке и на Западе: Рождество Богородицы, Благовещение, Успение. Светя тремя чистейшими непорочными звез-

дами (17), окрыленная архангелами — Михаилом и Гавриилом, вошла Богородица в Христову церковь, не как символ, а как осязаемо-живое и всем близкое — Матерь Божия. «Имя Божие» — Великая церковь Hagia Sophia — св. София Премудрость Божия, повторенная за Константинополем в Фессалониках, в Киеве и в Новгороде, тоже очень сложно и недоступно и невместимо или очень трудно, осталась историческим памятником, с чудесной легендой о построении (18). И в доме Богородицы — в Христову церковь вошел Николай-чудотворец.

На Западе, где именем его окрещены города, деревни, горы, леса, поля, скалы, долины, торги, рынки, мельницы, кузницы, он — молодой епископ с жалеющими глазами Песталоци, покровитель детей, невест и моряков, в руке три яблока или три кошелька, или благословляющий детей, и еще как сказочный дед с осликом, нагруженным подарками, в компании с Фуетаром (St. Fouettard), Рупрехтом, Крампусом или Никодимом или просто с ангелом и арапом, появляется он на зимнего Николу и в туфли у камина кладет подарки — так прошел он все дороги, пути и тропки Италии, Франции, Англии, Бельгии, Нидерландов, Германии, Чехии с мешком гостинцев, с игрушками и погремушками (19). А в России, которая пересказала все его византийские жития, как свои, как русского святого, и византийские его чудеса, как совершившиеся на русской земле, в России он — или грозный архангел с мечом, или архиерей чудотворец, или простой священник — «Никола Милостивый», которому после Богородицы первому поклон.

8

Явление Николая-чудотворца на земле приурочено к IV в. — время жизни Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Оригена, Антония Египетского, Кирилла Иерусалимского, Афанасия Александрийского, Амвросия Великого, первые годы жизни Иоанна Златоуста и Блаженного Августина, время создания Нового Рима и начало царства — над миром варваров — святейших, божественнейших и благочестивейших Византийских Императоров, а в Старом Риме, городе монастырей и монахов, начало нового римского единства мира с вознесенным над миром наместником Христа на земле.

Дух житий, из которого выкрылился образ чудотворца, уводит к V—VII в. — к культу архангела Михаила, распространенного в местностях, пограничных с Ликией, родиной Николая-чудотворца, и на другом конце в Апулии в Бари, месте упокоения Николая-чудотворца, около горы Архангела — monte Gargano, отмеченной первым явлением архангела Михаила (439 г.).

Вторжение арабов (20) и гонения на веру — время страды углубляет и укрепляет веру в чудотворца. С половины IX в. — прославление.

Николай-чудотворец — первый святой в Византии, прославляемый в Великой Церкви и имя его во всех менологиях, календарях, святцах и бревиариях — 6 декабря, и слава о нем во все концы земли —

«до Индии и Британии и даже до варваров».

Из Византии — в греческую Италию, из Италии в Испанию, Францию, Англию, Нидерланды и Германию; из Византии же в Киев и Новгород.

А от русских — «русской верой» (21) —

> Россия, которую вырастил Никола от Куликова, Казани, Сибирского царства и до Нарвы;

Россия, где нет города, где бы не было его чудотворной иконы, явившейся на осине, на березе, на камне, на болоте, на реке, на озере, а написанной на дереве, холсте, камне, или резной любимой; Россия, где он явился тремя образами: грозным архангелом — *Никола Можайский,* собиратель и строитель русской земли: в одной руке архангелов меч, в другой церковка в ограде — кремль; и чудотворцем — *Никола Зарайский* с простертыми руками, как крылатый, благословляющий с евангелием; и человеком — *Никола Великорецкий,* поясной образ, с прижатыми руками, благословляющий и с евангелием — простым человеком, которого ничуть не страшно, но перед которым совестно;
Россия, где праздновали Николу не один раз в году, как на его родине в Византии, и не дважды, как у его мирового гроба в Италии, а трижды: Рождество Николая-чудотворца летом, успение — Никола зимний и пересение мощей — Никола травный, и справляли праздник не день, не три, а восемь дней — «Никольщина», да кроме годовых справляют еще и седмичную службу — всякий четверг вместе с ликом апостолов;
Россия, где по зеленям и нови весенней земли в девятую пятницу носили вокруг города образ Николы и Михаила Архангела и за народом шло стадо;
Россия, где поморы меряли путь волей Николы: «можно, говорили, за час, а то и дня мало, как изволит!» — и где милостыню просили «ради Матери Божьей и Николы»;
Россия, где слепцы по дорогам пели стих о чудесном Василии, сыне Агрикове, а дети славили Николу, как Рождество:

Микола, Микола святитель,
Можайский, Зарайский,
морям проходитель,
землям исповедник.
А знают Миколу
неверные орды,
а ставять Миколе
свечи воску яры,
кануны медвяны.
А ему, свету, слава,
слава — держава
во всю его землю,
во всю подселенну,
слава до ныне
и века аминь.

Россия, где о нем сложены сказки единственные, каких нет ни у одного народа, от которых свет и веет теплотою сердца и милостью;
Россия, где с верой в Николу на свет рождались, и он вошел, как сама судьба в святочную подблюдную песню, а перед его образом горели неугасимые свечи и поклон ему не в пояс, а до земли —

«Пресвятая Богородица, спаси нас!»

(так — протяжно — так начиналась перекличка сторожевых стрельцов на кремлевской стене, когда на ночь запрут ворота)
I: «Пресвятая Богородица, спаси насъ!»
II: (въ ближнемъ притинѣ): «Святіи московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ!»
III: «Святый Никола-чудотворецъ, моли Бога о насъ!»
IV: «Всѣ святіи, молите Бога о насъ!»
V: «Славенъ городъ Москва!»
VI: «Славенъ городъ Кіевъ!»
VII: «Славенъ городъ Владимиръ!»
VIII: «Славенъ городъ Суздаль!»
(и такъ всѣ города: Новгородъ, Ярославль, Ростов, Казань — —)
I: «Пресвятая Богородица, спаси насъ!»
II: «Святіи московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ!»
III: «Святый Никола-чудотворец, моли Бога о насъ».

так — русской верой — образом Николы Можайского, Зарайского, Великорецкого и бесчисленными чудотворными образами этих трех икон, именующихся по месту явления, по чудесной помощи или по своему пребыванию — улице, селу, слободе, городу, краю — Никола на семи лужках, Никола, что на вскосе или на усохе, Никола-обручник, Никола-ратный, Никола Мясницкий, Батуринский, Ипатовский, Корельский, Колпинский, Гостунский, Рыхловский, Одринский, Арзамасский, Радовицкий, Мценский, Крупицкий, Дворищенский, Мокрый — из России:
хозарам, болгарам, половцам, мере, веси, муроме, эстам, карелам, лопарям, мордве, черемисам, зырянам, вотякам, вогулам, остякам, мещере, самоедам, татарам, кумыкам, башкирам, киргизам, туркменам, сартам, алтайцам, якутам, чувашам, уйгурам, калмыкам, бурятам, гольдам, тунгусам и чукчам — всему великому и малому — христианскому, шаманскому, исламскому и буддийскому — туранскому миру, всей поднебесной и полуночной земле: белый старик — Белун — грозный судия карающий и милостивый — русский Бог — Микола — с а г а н — у б у н г у н!

Еще ходит Никола по погребу —
Слава...
Еще ищет неполного —
Слава.
Что неполного, непокрытого —
Слава.
Кому явится, тому сбудется —
Слава.
Скоро сбудется, не минуется —
Слава.

И сколько молитв поднялось над землей и не в зазвездные ильинские выси — престолу Господню — а сюда, очень близко, к ходящему по земле человеку, сердцем открытому даже к беззвучной человеческой жалобе, первому среди святых, Николаю-чудотворцу, заменяющему Христа на земле, «Новому Спасителю», который непременно услышит, поймет и поможет —

Милостивый наш Никола,
где бы ты ни был, явись!

Sancte Nicolae
ora pro nobis!

Именованіе твое едино воистину призываемо —
градъ спасенія всѣхъ! (22).

9

Чудотворный блистающий образ Николая-чудотворца — «незаходимая звезда пресветлого солнца» — это есть иссияние солнечного лика Архангела: меч, крылья, пламенное сердце, к которому повлеклось человеческое сердце, — меч крылья и пламень архангела.

Ведь один из всей силы небесной над архангелами архангел, один с небесного круга, став у Креста, не мог, горя и светя, любовью к Христу, принять Его муку, не мог исполнить закон: отойти от Креста и восславить Бога, и в отчаянии в Голгофскую ночь бросил на землю пламень-копье (23). И в последний час — в кончину мира — только отрекшись от своего высочайшего дара «человечности» крылатым схимником (24) он победит Сатанаила и призовет землю на суд.

И когда подняли на Голгофе животворящий Крест, кому же стать у Креста видимо, как сам Крест? — только Архангелу. И кто может стоять рядом с Богородицей у престола Господня? — только Архангел, ее водитель по мукам, сам увидевший с Богородицей всю страду, мира, человечесую муку (25).

И в Христову церковь с Богородицией мог войти только Архангел — молитвенник и предстатель, Божий посланник и тайный хранитель, борец карающий и грозный с Сатанаилом, водитель народов, дух стихий, ангел источников и Океана, начальник рая, первосвященник неба, заместитель Бога, сшедший с небес открыть человеку путь общения с верховными силами через воздух, воду, огонь (мыслью, чувством и волей), вождь воинства Господня архистратиг Михаил. (26)

«Архангел Михаил — ангел хранитель и водитель Николы».

Явление Николая-чудотворца есть изъявление архангела Михаила —

человѣкъ сый небесный
равноангеленъ на земли явился еси:
море повинуется,
воздухъ слушаетъ,
языки покоряются (27)

10

Пяти лет он вступил на путь Господен. Ни вина, ни мяса не вкушал он. От воскресенья до воскресенья только хлеб и вода. Лик его был светел — Дух Божий почил на нем и ангелы слетали с небес, служили ему. На ногах его сандалии, в руке крест и на устах песнь Богу.

С первых лет он изучал Божественное писание. Молчаливый, днем на глазах у людей, ночь — один на молитве.

*

Четырнадцати лет он оставил Ликию и ушел в пустыню. Странником пришел он в Кесарию Филиппову и там провел три года в подвиге, очищая и украшая душу божественной добродетелью.

В то время случилась война с персами. Персидские войска были непобедимы, и римляне бежали в горы. Судьба обреченного города до слез тронула Николая. Он стал на молитву и молился о милости к обреченным. И когда поднялся с земли и, простирая руки к небу, трижды повторил: «Господи — помилуй!» — голубь слетел к его рукам.

«Ибранник Божий, — сказал голубь, — твоя молитва дошла до Бога!»

И тогда в облаках, окутанный светящимся облаком, появился он среди римского войска.

— Знамение креста сотворите на ваших лицах и меч врага вас не коснется! — услышали голос.

Но никто его не видел.

— Кто ты? — недоумевая, спрашивали, не веря ушам.

— Я Николай, раб Божий.

И в облаках — всем видно — засиял крест.

— Бог Николая, помоги нам! — воскликнули воины и, осеняя себя крестом, вышли в бой.

Персы были нобеждены. И римские начальники и вельможи искали Николая, чтобы достойно отблагодарить его, но нигде не могли найти и никто не видел, как он покинул Кесарию.

*

Он пришел в Малую Армению и странствовал год и девять месяцев. Из Армении удалился в Сирию.

В Апамее славился храм архангела Михаила. Особенно чтимая святыня, куда сходился народ. Во время службы пришла в церковь — она сразу обратила на себя внимание: необыкновенно воздушна — можно было подумать, что это призрак: лицо ее таяло. Перед ней расступились, но она никогда не замечала, устремленная в свое — в свой мир.

Молча стояла она, но когда запели хором, закричала — ее голос выделился из всех голосов:

— Николай, избранник Божий, что ты испытываешь меня?

И спрашивали вокруг: о ком это кричит бесноватая? кто такой этот избранник Божий Николай?

И опять закричала:

— Не видите его? Вот он стоит по ту сторону притвора. Сто дней, как всякий день, и нынче в этом храме.

С нечеловеческой силой расталкивая народ, она, не касаясь земли, пронеслась через всю церковь к тому месту, где за народом стоял Николай.

И все увидели: юноша с посохом-крестом в руке — он был так же прекрасен, как эта, только она очень измученная. Она стояла перед ним — брат и сестра.

Николай поднял свой посох-крест, и она упала к его ногам:

— Избранник Божий, — кричала она, — умоляю, не посылай меня в глубокую пропасть.

И все видели: Николай, наклонившись над ней, вложил ей в рот мизинец:

— Тебе говорю: скажи, как ты вошел в нее?

И услышали голос и всем стало жутко: такой это чужой был голос:

— Я увидел ее, она лежала под яблоней, и позавидовал ее красоте и вошел в нее.

— Так ступай в безводную песчаную реку, — властно сказал Николай, — и будь там до свершения века.

И в ответ храм наполнился плачем: казалось, плакали сами камни — глух был демонский плач.

И тотчас бесноватая поднялась и посмотрела, как от сна пробудилась.

Николай положил ей руку на голову:

— Иди спокойно, — сказал он, — больше не коснется тебя демон.

И лицо ее вдруг заалело — совсем еще ребенок! — и с какой радостью к каждому, всех и все видя, она пошла. И в хоре зазвучала эта нахлынувшая радость.

А следом за ней вышел Николай.

*

Он шел по дороге к Кипру. Чуть светало, когда он переправился на остров. И странная ему была встреча: сорок пять прокаженных ждали его на берегу.

— Избранник Божий, — хрустели голоса, — мы знаем, ты пришел от Бога, исцели нас!

И когда взошло солнце, Николай взял сосуд с елеем и нардом и помазал каждого с головы до ног:

— Солнце праведное, Свете от Света, взгляни на них!

И велел идти им к Дамаску на реку Фарфу и трижды окунуться.

Прокаженные сделали так и вернулись чистые. Об этом стало известно, и собрался народ, славя его чудеса. Тогда он покинул Кипр и пошел в Антиохию.

В Антиохии, прожив двенадцать дней у старцев, он побывал на родине святых. А из Иерусалима вышел в большой и трудный путь — в Рим.

*

В полдень, когда он шел по пустыне, накаленный воздух вдруг разверзся и он увидел: в осиянии пламенных колец глаза: глаза, как звезды, волосы золото, зубы молнии.

— Я ангел Света!

И пламень, исшедший из уст, овеял знобящим кольцом. И эта знобящая мертвая пламень, коснувшись сердца, открыла глаза:

— Я тебя знаю, — сказал Николай, — ты враг Божий.

И в ответ демон простер руки:

— Мой свет тебя ослепляет.

— Как ты смеешь называться светом!

— Я иду творить на земле правду.

И в кипящем, закручивающемся кольцами огне открылось черное сердце: обольщение, ненависть и смерть.

— Заклинаю тебя великим именем твоей муки, — Николай поднял свой посох-крест и назнаменовал воздух и землю, — скажи твое имя?

— Я Велиар, — сказал демон, — я уничтожу всю тварь! — и простертые руки окаменели в изумруды.

И раскрывшаяся бездна поглотила его.

От набежавшего облака спустился белый ангел. И повел Николая по бездорожной пустыне, указывая путь в Рим.

Со светильниками вышли встречать его в Риме. Вместе с папой он вошел в собор апостола Петра. Там в алтаре он молился три часа. И храм наполнился благоуханием.

Посвященный папой, прожил он четыре месяца в Риме, служа в соборе апостола Петра.

*

Из Рима он пошел в Александрию. И, странствуя по Египту, дошел до Иордана. И там прожил пять лет.

От воскресенья до воскресенья он съедал три зерна и, трижды окуная руку в Иордан, черпал себе воды. Дух святой укреплял его, и было лицо его подобно солнцу.

Случилось ему быть по ту сторону Иордана в ассирийском (28) городе, и позвал его один из важных ассирийских архонтов Назарах, прося помолиться о единственном сыне; юноша нигде не мог найти себе места, ни на чем успокоиться — демон гнал его в пустыню.

При виде Николая, весь содрогнувшись, с криком он упал на землю.

— Кто послал тебя портить творение Божие? — спросил Николай.

— Человек.

— Где же этот человек?

— Он помер.

— Почему же он послал тебя?

— За грех его родителей.

Юноша, хрипя, давился и серая пена кипела на его губах.

Николай велел принести восемь медных цепей и камень. И когда цепями заковали юношу и навалили на него камень, Николай поднял свой посох-крест и, трижды осенив камень, сказал:

— Ты свободен.

И юноша вышел из-под камня, как из могилы, и свет ему показался мил, земля легка и люди живы.

*

Николаю исполнилось тридцать лет. Пройдя Аравию, Либию и острова, он вернулся в Ликию. Странником вошел он в город Миры: с его лица и рук капало миро и весь город наполнился благоуханием.

Сам этот воздух творил чудеса. Вся жизнь переменилась: улеглись раздоры и стало на уме не то, чтобы какую гадость сделать, а как помочь или чем обрадовать другого.

А он ходил по улицам молча, только смотрел и касался; и от его взгляда и прикосновения неуспокоенные утешались, слепые прозревали и парализованные вытягивались и подымались на ноги.

О жизни Ликийского странника дошла весть до патриарха Святой Церкви. И, созвав отцов и старцев, патриарх отправился из Иерусалима в Миры Ликийские посмотреть на человека, «жизнь которого чиста перед Богом и он творит чудеса». Николаю же было открыто, что патриарх Святой Церкви идет в Миры, и он вышел ему навстречу.

И увидев Николая, патриарх обнял его, как апостола Христова, а все бывшие с ним упали к ногам Николая, видя лицо его, как лицо ангела.

В соборной церкви Ирины патриарх облек его в архиерейские одежды и поставил епископом всей Ликии.

*

А когда пришло ему время отойти к вышним силам, слетели с небес ангелы Божии. Увидев ангелов, улыбнулся он и сказал:

— Вот — исполнились мои дни.

Из круга выступил архангел Михаил и показал ему печать Божию. И, увидев печать Божию, Николай поднялся на свою последнюю молитву:

о всех, кто прибегнет в нужде к имени его —
— пусть Господь исполнит желание сердца их!
и о тех, кто терпит от сильных мира —
— пусть Господь ради него даст им силу для борьбы!
и о тех, кто застигнуть в бурю и призовет его —
— пусть Господь утишит волны!
и о тех, кто от чистого сердца построит храм во имя его —
— пусть Господь облегчит их долю!
и о тех, кто напишет его образ или повесть его жизни —
— пусть Господь украсит их нищую жизнь!
и о всех больных, бездомных и отчаянных —
— пусть Господь не оставит их и укрепит!
и о всей твари Божьей с ее суровой судьбой
и кратким веком —
— Господи — помилуй! — трижды повторил он, простирая руки.
И с последним словом ангел смерти
вынул его душу, и понесли ее ангелы на небеса.
А тело его на одре лежит, как солнце.

11

В списках отцов Никейского собора имя Николая Мирликийского не числится. В двух греческих и одном арабском рядом с Ейдемосом патарским, который первоначально стоял, как единственный ликийский епископ, вписан и Николай Мирликийский; греческие списки относятся к XIII в. В коптском, сирийском и армянском его имени нет.

В первых житиях (IX в.) нет упоминания об участии Николая Мирликийского в Никее. Впервые говорится в Похвале Никиты-Давида Пафлагонского (нача-

ло X в.). И затем в позднейших житиях: в Синаксарном, в Компелятивном и у Метафраста.

О «действе» с Арием впервые в Похвальном Слове X в., приписываемого Андрею Критскому (650—726).

Вот из Слова те слова, которые послужили основанием для рассказа о «оплеухе»:

«Решительной рукой схватив меч веры, он нанес Арию удар, до корня вырвав его из сообщества Савеллия» (Encomium Andreae Cretensis, 5, 25).

А через четыре века этот «меч веры» превратится в мордобой: «из ревности к вере по щеке хлопнул».

«И когда удаленный с собора без митры и паллия служил он мессу в честь Пресвятой Богородицы и оплакивал свою потерю, вот на глазах у всех приблизились к нему два ангела: один возвратил ему митру, другой паллий» (Petrus de Natalibus † 1370. Catalogus sanctorum et gestorum eorum ex diversis voluminibus collectus. Lugduni 1508 fol. VII).

Или по греческой версии XV в.:

«Движимый божественной ревностью поднялся он и дал такую затрещину Арию, от которой тот весь содрогнулся». И за это, как нарушивший закон — ударил в присутствии императора — он был выведен, «и бив его, бросили в темницу». И в ту ночь избитому закованному узнику явился Христос и Богородица. И Христос дал ему евангелие, а Богородица дала ему святительский омофор. И тотчас оковы упали с его рук и ног» (Монах Дамаскин, Великое собрание святых или Великий Синаксарь при царе Константине. Месяц декабрь, 1468. Афины, 1896 стр. 171—190, по-гречески).

А еще через век — в XVI-м: за «меч веры» посаженному в тюрьму Чудотворцу ариане в отместку дочиста бороду спалили, но она у него на другой же день во время обедни внезапно опять выросла чудесным образом. (Рассказ русинского патриарха в Бари 1597 г. и ссылки на греческие тексты францисканского патера из греков Rossano, у Antonio Beatillo в его «Historia della vita», 1620).

*

«Еще же повѣдаю вамъ о милости Христовѣ и Пречистой Его Матери къ св. чюдотворцу Николѣ. И еще онъ коли живъ былъ на семъ свѣтѣ, на своемъ престолѣ въ градѣ Мирѣ, при велицемъ цари Константинѣ, и бысть прьвый вселеньской съборъ на окаянного и проклятаго Арія, на зломысленника Христова. Было тамо въ Никеи на томъ святомъ соборѣ, на пръвомъ съборѣ, святыхъ отецъ 300 и 18, а св. Николае былъ съ св. отцы въ томъ же числѣ. Царь сѣлъ слушати, а свитіи отци почали спиратися съ окаяннымъ еретикомъ Аріемъ, покладаа ему чюдное и святое писаніе о Христѣ Іисусѣ Сынѣ Божіи, сътворители небу и земли, противу его еретических словесъ, почали ему уста затворяти писаніемъ св. пророкъ и св. апостолъ, а онъ, еретик Арій злочестивый, непрестанно хулы глаголя на Господа нашего Іисуса Христа Сына Божия. И св. Николае вставъ, удари его по лицу окаяннаго и злочестиваго Арія. И тогда вси св. отци почали роптати съ великимъ гнѣвомъ на св. Николу о томъ удареніи и почали всимъ собором снимати съ него санъ святительскы, и разжегше плиту, почали ему браду припаливати, глаголя: «не годится намъ,

святымъ сущимъ, рукою деръзку быти; дръжимъ святое писание и божественное въ нашемъ разумѣ, тымъ намъ годно бити злочестивыхъ и окаянныхъ еретиков». И какъ докончавше събора и препрѣвше окаяннаго Арія, и отъ церкви отлучили и прокляли, и за тымъ почали всѣмъ съборомъ снимати святительскій санъ съ св. Николы, и уже хотятъ приступити к нему, и в той часъ узрѣлъ самъ царь Константинъ и вси св. отцы: Господь нашъ Іисусъ Христосъ изъ облака подаетъ св. Николѣ Еуангеліе, а съ другія страны Пречистая Мати Христа Бога нашего подаетъ ему амфоръ свой. И какъ тое великое чюдо увидѣелъ царь и вси св. отци събора того, благословили его и не сняли съ него святительскаго сана и сами ся благословили у него».

*

В России, «оплеуха» — а что «действо» несомненно было, это мог видеть всякий: белый омофор с красными кистями, отобранный у святителя в Никее, хранился в Москве в Патриаршей ризнице! — это «ударение» воспринято было двояко. Одни, как у Лескова в «Полунощниках» именно за этот поступок уважали святителя: они увидели в оплеухе похвальный волевой акт — правило веры — пример непримиримости и активной борьбы: «святитель безо всяких просто треснул мерзавца!» И если бы оказалось, что Арию плюхи не дано, «так не надо никому и назидации». Другие же — и это, конечно, вольнодумствующие, — поняли эту плюху, как действие осудительное, выражение человеческого, свойственного простому человеку, но никак не угоднику: «святитель погорячился». Так в «Словѣ о бражникѣ како вниде въ рай», любимом чтении XVII, бражник пристыжает Николу этой «оплеухой» (Кушелев-Безбородко, Памятники старинной русской литературы. СПб. 1862). Были и третьи, которые нисколько не одобряя оплеухи — действие, за которое поделом из епископов в шею гонят — — увидели в ней не слабость человеческую, а сознательное отречение: Никола из любви к Христу готов был пожертвовать своим епископским саном.

«Видите ли, братіе, и прімимемъ въ разумъ, какъ святителю не велятъ рукою дързку быти, виноватого не велѣно своею рукою бити, а кто виноватѣе окаяннаго Арія? Св. же Николае за едино ударенiе святительства сана хотѣлъ остати своего, что бы не самъ Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ и Пречистая Его Мати указали ся царю и св. отцемъ того св. събора, и для того чюда предивнаго милостію Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой его Матери тоже онъ опять сталъ святитель. Того ради пишутъ на иконахъ образъ св. Николы и Спасовъ образъ въ облацѣ и Пречистой Его Матери надъ нимъ во облацѣ».

Но что особенно полюбилось в России, это последствия «оплеухи»: то, что святителя посадили в тюрьму и разжаловали. И это выразилось в представлении Николы-милостивого в его образе «Николы Великорецкого» — он совсем не похож на чудотворца архиерея (образ Николы Зарайского) и не то, что нет митры, в греческом изображении епископы всегда без митры, нет, в самой посадке: это какой-то заштатный, запрещенный, штрафной священник, «смердович», как это сказалось в московской любимой легенде о «Трех иконах», и с таким легко и просто можно разговаривать — все сказать и о всем попросить: допустит, выслушает, поймет и исполнит.

С точки зрения вочеловечения духовного образа — приближения его к человеческому сердцу, проникновению в самую кровь до восчувствия: «плюха» для Николы — этого «образа кротости» — тоже, что Гефсиманская ночь для Христа, агония Голгофы для Богородицы, демонский век жизни для Иоанна Крестителя (29), отречение для Петра и сомнение для Фомы, единственного апостола, глазам которого было открыто вознесение Божьей Матери, единственного из апостолов, кому при вознесении своем отдала Богородица свой пояс, и которому в первый день Пасхи на вечерне посвящено евангелие: «аще не вижу на руку его язвы гвоздинныя и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра его, не иму вѣры».

Эта «плюха» — «ударение» еще теснее породнила архангельский образ Николая-чудотворца с человеком, и самого его очеловечила. Из зарегистрированных в истории явлений Николая-чудотворца знаменательно его явление праведной Юлиании (30) в образе Николы Зарайского.

Юлиания, посвященная Богу, избранная с детских лет, выходит замуж и становится матерью. Наивные люди смотрят на нее, как на примерную домоправительницу. Какое горчайшее недоразумение! Родиться в мире посвященной и очутиться в роли хозяйки. И вот демоны — тут им ход свободен: начались терзания. И чтобы облегчить ей борьбу, явился Николай чудотворец. Конечно, Николай-чудотворец, который понимает: «Господи, что я наделал?»

*

«Никея» — это пример, как в веках раскрывается духовный образ, и еще пример того, каким ярко-живым и резко-действенным, живописным и изобразительным может быть символ, выражающий явление духовного мира. Чего ж ярче и резче Никеи с «оплеухой»! Одни одобряют, другие отрицают, третьи объясняют; одни, ссылаясь на историю, доказывают, что такого действия никак не могло совершиться, потому что святителя и на соборе не было, или, если он и присутствовал, то оплеуха позднейшее измышление, другие подделывают документы — списки отцов Никеи — чтобы доказать, что не мог не быть на соборе и пускай с «духовным мечом веры», но был.

Но те и другие — а спор, потому что все это очень живо — в сущности напрасно стараются: для оправдания своего мнения они пользуются доводами, приложимыми к историческому явлению, а никак не к явлению духовного мира. Только в сказках и легендах живет и образно выражается явление духовного мира.

Николай-чудотворец был в Никее на соборе, ударил Ария; выгнанный с собора и лишенный епископства, избитый, заключен в тюрьму, и в тюрьме ариане выжгли ему бороду. Явление Спасителя с Евангелием и Богородицы с омофором. А на другой день во время обедни два архангела возвратили ему митру и паллий, а к концу обедни борода выросла.

*

Образ Николая-чудотворца завершает лик змееборцев: Федора, Димитрия, Георгия — изъявление духа и силы архангела Михаила.

Борьба с драконом — Артемидой-Елейтерой — первый акт, завершающийся посечением священного кипариса в Плакоме или повержением статуи Артемиды

в Мирах (реквизиция храма) — победой над стихией (элементами) и после этого чудо в Каркове и Арнабанде: очищение источника и открытие источника. Борьба с Сатанаилом (Велиаром) — с Арием, отвергающим божественность Христа — второй акт, заканчивающийся «действием»: через отречение («оплеуха» победа над самоутверждением и обожествлением человека. И третий акт: тюрьма — последнее очищение сомнением и раскаянием — без маски, которую сняли с него ариане, выжгя ему бороду, — откровенно и получение даров: из рук Спасителя евангелие — «и ины овцы имамъ, я же не суть отъ двора сего и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышать: и будетъ едино стадо, и единъ пастырь», а от Богородицы омофор и наутро за обедней от архангела Гавриила митра и паллий. И заключение: в обычном своем образе с бородой простым человеком-странником — выходит он из церкви и совершает чудо в Хоне «разделение воды» перед святилищем архангела Михаила и воскрешение зарезанных детей (31).

Вот какой круг! и как же иначе его выразить, чтобы чувствовалась жизнь в самом ее трепетном и рвущемся сердце.

12

Когда составилось из разных житий и чудес классическое Метофрастово житие Николая чудотворца, «Мудра нѣкая вещь живописецъ рука»... (32) много чего совершилось на белом свете.

Вселенские соборы уставили православную веру; отцы церкви растолковали, чему и как надо верить, учители составили торжественные службы и молитвы — Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст — гонимые ариане обратились в гонителей и рассеялись; манихеев сменили павликиане, павликиан богомилы, монофилиты смешались с монофизитами, земля тронулась — пришли с востока новые народы, заговорили на непонятных языках, переделались царства, и от Мир Ликийских — места служения чудотворца — смотрите: одни развалины. Дважды их разрушали арабы: в 808 г. Хумид, адмирал Гарун-аль-Рашида, и потом в 1034 г. — и не осталось камня на камне. И только в Фаррао, под Мирами, в Сионском монастыре, в уцелевшем Соборе неугасимая лампада: четыре старика монаха стерегут могилу чудотворца.

Дорога в монастырь через пустыню болотом — из Андриаки за сутки поспеешь, что от Москвы до Сергия Троицы. Почитают святителя моряки — не найти такого головореза, чтобы не помянул угодника! — и по всем морям во все концы до Индии идет слава о чудесах мирликийского чудотворца, да и самое имя Миры живет только в его имени.

Перенесение мощей Николая-чудотворца совершилось через 746 лет после его смерти. Но это было не торжественное перенесение, на которое мог претендовать только Константинополь, и однажды была сделана попытка — затея императора Василия Македониняна, но безуспешно. Мощи тайно увезли барийцы в апреле 1087 г. — в Апулию в Бари, куда они прибыли 9 мая в воскресенье. А венецианцы, ничего не зная о барийцах, в первый крестовый поход в 1097 г. перевезли мощи в Венецию и поставили в монастырь на Лидо.

Гроб нашли глубоко под землей и определили по истекающему из него благоуханному миру. (33)

Почти одновременное перенесение мощей в Бари и в Венецию толкуется

так, что барийцы знали житие Николая-мирликийского, написанное Михаилом и другое Мефодием и по Мефодию по-латыни дьяконом неополитанским Иоанном, и перевезли Николая Мирликийского, а венецианцы знали «Иное житие» — житие Николая Сионитского, и перевезли мощи Николая Сионитского и дяди его Николая Акализского. Но это ничего не значит: один есть образ Николая-чудотворца — и те и другие с одинаковой верой перевезли мощи Николая Мирликийского. Но местом упокоения могла быть не Венеция, а Бари — только Бари у Monte Gargano, под сенью архангела Михаила.

О перенесении мощей в Бари есть русская повесть (34), написанная современником, а Киевский митрополит Ефрем составил службу. И как в Бари, так и в Киеве стали праздновать 9 мая. А это объясняется тем, что русские участвовали в перенесении мощей, а кроме того между русскими и латынянами не было той розни (35), какая исстари была, по мотивам совсем не религиозным (36), между греками и латынянами, и с разделением церквей (1054) перешедшая во взаимную вражду.

По камушкам Андрея Первозванного пошел Никола на Русь и по таким же апостольским камушкам во Францию, в Лотарингию и к Океану. И первые крестоносцы (1091—1096) выступили под знаком Николая Чудотворца. Бари — сделался центром паломничества: Петр Пустынник († 1115) св. Ансельм Канторберийский (1033—1109), св. Годефруа, епископ амиенский, св. Бернар (1091—1153), св. Бруно (1035—1161), св. Франциск Асизский (1182—1226), св. Бригитта (1302—1373), св. Бенуа Лабр.

И есть над входом в собор св. Николая в Бари (XII) изображение рыцарей на конях без подписи, а над входом собора в Модене тоже изображение и подпись: «король Артур со своими рыцарями».

13

С XI в. знают в России Николу. И в веках он стал для России «русским Богом», — и «русская вера», проникнута именем св. Николы. По глубокому благоговению к нему простые люди до XVIII в. не назывались его именем.

До Батыя на Руси был один образ Николы: Никола Мокрый; изображен в зеленой ризе. В Киеве у св. Софии стоял этот образ. И первое на Руси чудо совершилось при перенесении мощей в Бари на Днепре: утонувшего мальчика нашли на полатях (хорах) в св. Софии перед этим образом, и ожил. Это чудо одновременно с чудом в Нанте — исцеление бретонского (кельтского) мальчика Конана (37). И тот же самый Никола в ризе морской травы явился на Ильмень озере на острове Липно: водой с этого образа был исцелен Мстислав, сын Владимира Мономаха. Образ поставили в Новгороде в церкви на дедовом Ярославовом дворе и вокруг образа в клеймах изобразили чудо о Мстиславе и назвали Николой-Дворищенским или Липенским.

С Батыя три образа: Никола Можайский, Никола Зарайский и Никола Великорецкий.

Самый распространенный саморусский, а пришедший с запада (38) — резной «архангел» — Никола Можайский: грозный — в одной руке меч, в другой церковка в ограде — кремль (или вместо меча, как пылающий меч — свечка). Пять неугасимых лампад перед ним. Его видели пушкари в ночь, как брать Казань, и Ермаку он явился в Сибирском царстве. Таким стоит он в

Москве на Никольских воротах, сторожит русское сердце — Кремль: Наполеон, покидая Москву, велел взорвать ворота — и разворошил башню: гора — один кирпич! а его не тронуло и фонарь цел. Все цари «великие государи» от царя Ивана и даже Петр, все ходили к нему в Можайск на поклон.

И он же под названием «Радонский» у Николы на Угреши под Москвой — явленный: явился Димитрию Донскому перед Куликовым. И он же келейный — перед Сергием Радонежским. И на сторожевых постах по окрайным монастырям-крепостям везде он, Можайский, только там зовется «Ратный». И вся Сибирь ему кланяется — московскому с испачканными кровью губами от приносимых ему жертв — «русскому Богу».

По правилу VIII Вселенского собора резные изображения святых запрещены — «поклоняются де болвану» и синодальным постановлением 1723 года велено было убрать из церквей всех резных и «сидящих» — и много чего повынесли из русской церкви, а его не тронули.

Другой образ Николы — Никола Зарайский, чудесно принесенный из Корсуни из церкви апостола Иакова: Никола изображен во весь рост, благословляет и с евангелием, только руки не прижаты, а простерты — и от приподнятой ризы (фелони) у него, как крылья. А вокруг деяния, и среди чудес: изгнание демона из колодца (Чудо в Каркове) (39). Слава о нем с Батыя — память о рязанской княгине Евпраксии: при вести о гибели мужа она бросилась с терема вместе с сыном. А наивысшее прославление в Смутное время. Обложенный окладом и в ризе — дар Василия Шуйского — глядит, как призрак, и трепетно и жутко смотреть: «чудотворец». Таким явился Никола праведной Юлиании и только таким мог бы явиться «бесноватой» Соломонии (40).

И третий образ Николы находится в Вятке — Никола Великорецкий (Хлыновский): поясной с прижатыми руками, благословляет и с евангелием. Это — человек, с лицом простого человека и чудодейственными глазами, в которых тонет вся беда и неверная доля человека, и из которых льется теплый свет острадания — «Никола Милостивый». Любимый образ Ивана Грозного, почасту гостивший на Москве — приносили с Вятки; список с него у Василия Блаженного в Покровском соборе и собор-то звался не Покровским, не Василием Блаженным, а любимым именем: Никола Великорецкий.

У всякого Николы своя милость и каждому своя молитва: грозный — Можайский в обиду не даст русскую землю, и правого помилует и виноватого накажет; крылатый чудотворец — Зарайский, какое угодно, чудо сделает; милостивый — Великорецкий не турнет от себя и самого последнего, всех примет и успокоит.

*

На Руси были распространены все жития Николы: «Иное», Метафраста и сирийское, неизвестное на западе, «Николай-странник». В России обращались все чудеса, как совершенные при жизни, так и по смерти, вошедшие в греческие собрания (41) и затем переработанные по-латыни, и три возникших на западе: о воскрешении зарезанных детей, о трех сосудах и о обманутом еврее. (42)

Чудеса пересказывались на московский лад, как свои московские легенды.

Особенно любимой была легенда о трех сестрах, одаренных Николой — Praxis de tribus filiabus (43) — у Николы Гостунского под Иваном Великим изображено это чудо, и не было на Москве невесты, которая бы не зашла помолиться Николе-обручнику; затем «чудо о ковре» — — Thauma de stromate, как свидетельство о необыкновенной милости святителя к последней жертве бедняков; еще «чудо о трех иконах» — Thauma de patriarcha: иконы эти, по преданию, хранились в Большом Успенском Соборе — Спаситель, Богородица и Никола; по рассказу, цареградский патриарх иконоборец обозвал Николу «смердовичемъ», т. е. низкого происхождения — чудо особенно любимое Иваном Грозным; и «чудо о трехъ купцахъ, отъ поганъ потопленныхъ» — Thauma de tribus Christianis, сверхъестественная история из чудес чудесная. (44)

Поминались и местные чудеса — всякие «новыя прощи», т. е. исцеления: по-русски простить и исцелить одно и то же; или такие чудеса, которые были закреплены иконописцами. Все, кто побывал в Теребеньской пустыни (Бежецкого уезда, Тверской губернии, село Теребени), помнят чудесную живую летопись на стенах собора: (45)

1657 г. — чудесное избавление от пожара соборной церкви, в которой стояла древняя чудотворная икона святителя Николая.

1664 г. — повторение того же;

1705 г. — чудесное исцеление одной женщины от глазной болезни;

1707 г. — чудесное исцеление портного мастера, за воровство наказанного болезненным недугом, и раскаявшегося;

1709 г. — исцеление устюжского воеводина сына, одержимого недугом;

1712 г. — девицу, не обретавшуюся долгое время в доме своем, святитель Николай представляет в дом ее;

1802 г. — чудесное исцеление от болезни крестьян в сельце Пхове г-жи Гликерии Федоровны Козляиновой;

1804 г. — Бежецкий помещик Куминов наказывается во время бежецкого крестного хода в городе Бежецк за дерзкие и хульные слова и, по раскаянии, в виду всех, исцеляется;

1815 г. — исцеление расслабленного руками и ногами в городе Бежецке на реке Мологе.

Но больше всех книжных чудес и «прощъ» ходило по русской земле сказок о Николае чудесных, от которых веяло и светило теплотой сердца, состраданием и милостью, и вера в Николу входила в душу русского народа — с нею на свет рождались, а образ Николы — тройной — сливался в один образ милостивой судьбы.

И до чего эта вера в Николу была крепка и надеянна — подлинно русская вера — камень русской веры.

*

Был в Москве один подрядчик: Мыслин. Или, как называли его простые люди, прислуга и дворники, Смыслин. У него и лавочка — гастрономический магазин: купец. Росту — под Петра, а живот выпятился, утюгом торчит самостоятельно из-под длинного до пят сюртука, растительность по лицу редкая,

как у мамонта, а голова примаслена, волос конский с проседью, под скобку. Уважал старину, церковный староста и большой делец — Смыслин. А имел он всякие дела с соседом. Сосед фабрикант Лев Семеныч или как звал его Мыслин по-русскому Лен Силеныч, — с вида он, ну как Мыслин, только все наоборот: тощий, маленький, борода крепкая, а на голове голо, как коленка. И была у них большая дружба. Лев Семеныч взял Мыслина своей деловитостью и порядком: всегда аккуратный расчет и никогда в товаре нет подмены и все точно, что скажет, то исполнит, и сговорчивый, не канительщик, и в делах большое понятие имеет, дело свое любит, иметь дело с таким одно удовольствие, а кроме того, еще и хороший человек. И так полюбился Мыслину сосед, всем он его как пример выставляет, и всегда к слову помянет, даже и некстати. И одно горе: Лев Семеныч — еврей.

Если, скажем, Мыслин, а за душой делов у него без счету всяких, и было и есть в чем каяться и даже вот под конец-то жизни, не постыдясь взрослых сыновей и памяти покойницы жены, он еще раз женился и совсем на молоденькой да и одурел, всем и каждому только и рассказывает, срам! расхваливая молодость своей жены или, как сам выражается, «Настя — Иверские ворота!» — но он и в одури своей памятует и крепко верит, что без покаяния кончина его живота не наступит, он — староста церковный и, чуть что, попа скликнуть ничего не стоит, и притом же он о своей душе загодя распорядился, записано в духовной на помин и в церковь, а будет случай, в делах Бог поможет, и еще накинет, и ему — его Мыслиной душе и в царствии небесном местечко найдется: отведут какой угол в прохладе с праведниками упокоеваться. А вот Лев Семеныч, жизни он правильной и этими глупостями не занимается и сыновья у него при деле и дочерей устроил и в доме чисто, полный порядок, а место ему на том свете известно: в ад — все равно, в ад: на самом горячем припеке горящую бруснику голыми руками заставят собирать или в москворецкой проруби, посадясь, изволь ртом чертям лягушек ловить.

А если, скажем так, чего не дай Бог, помрет Мыслин без покаяния, а сыновья еще и обманут, о душе воли его не исполнят, и придется ему угодить в тартары, и засадят его в смоляной котел кипеть — и опять же никак не в тот, куда Льва Семеныча, потому что он, Мыслин, крещеный и нигде в писании не говорится о смесении, сказано: «обителей много», а, стало быть, мучиться заставят в одиночку и не обмолвишься словечком, в несчастье с приятелем.

По закону так выходит. И Мыслин верует и не сомневается в законе. И не то, что не хочет примириться, а ищет он какой-ни-на-есть довод в вере же, по которому и еврею Льву Семенычу угол в царствии небесном найдется, а если уж в ад кромешный тому и другому, то по крайности вместе, в один котел лезть кипеть.

Тут-то вот русская вера — Николина вера — вера в Николу, который не то, что выше закона, но... который может и сам, чего хочешь, — «в два счета под закон подведет», — и в которого нельзя не верить, встрепенула все существо Мыслина от его мамонта до утюга ненасытной утробы.

«Если Лев Семеныч признает Николу, дело сделано и беспокоиться нечего!»

Мне надо было по какому-то делу к Льву Семенычу. И я застал Мыслина. Я не раз встречал его у Льва Семеныча, но на этот раз он поразил меня своей необыкновенной торжественностью, меня он не заметил.

«Лен Силеныч, — говорил Мыслин, — я понимаю, вы, как еврей, не признаете Христа, это так полагается, — и вытягивая мамонтову голову и вобрав в себя весь свой утюг: — Лев Силеныч, я понимаю, но... а Никола Угодник..?»

*

Оса на Каме — Пермская земля. Кто жил в Осе, не позабудет!

Возможно ли представить себе здесь, на этой полосе Океана — в Европе — на сыром и монотонном побережье, какая такая зима — белое царство — санный путь через Каму, и никто ничего не знает о весне, когда каждый день, замечай: сегодня взбухло и отяжелело небо и снег осел, завтра показались проталины, а вот, глядишь, и первый цветок — глазам не веришь, прямо из-под снега, потом загремят ручьи, и половодье — река пошла! — воистину, всеобщее воскресение из мертвых. А лес, где не один, а сколько их леших «хозяев» ведут несводимый счет деревьям, неподсчетным человеку, и в знойное лето пожар — оранжевое солнце сквозь гарью затуманенное на версты небо. А сумерки — самое сокровенное, что есть в переменчивом лице часов, когда душа напоена, чувства напряжены и мысль мечтательна.

Оса — Камская Оса — родина зимы, весны, дремучих лесов, лесных пожаров и волшебных сумерок.

Вокруг Осы татарские деревни и из всех Елпачиха — татарский «цик». Вам всякий укажет кантонного начальника Одутова, получившего за свою рассудительность русское прозвище Микулая Микулаича в честь Николы, который, как известно, и русского и татарина в обиду не даст и рассудит по справедливости. А кроме Одутова в Елпачихе вам не миновать Хассана, самого беднеющего, всего-то и есть одна лошадь.

Базарный день — суббота, шумно, как в праздник. На базарной площади собор и в соборе всегда народ: русский ли, татарин, не обойдут, поставят свечку Николе.

Хассан поставил свечку и, глядя неотступно на образ, сказал:

— Микулка, отдай лошадка — сделай милость отдай — пожалиста отдай — !

И, колотя себя в грудь, повторил — и не один раз. И жалобно:

— — бидный буду — милай!

И вышел из собора. И те, кто его знал, и кто ничего не знал, поняли, что у человека отняли лошадь — да, у Хассана украли его единственную лошадь, и теперь ему конец и никак не поможешь, сам начальник Микулай Микулаич ничего не придумает и останется одно — и он верит — он жаловался Микуле, чтобы «Микулка вошел в его положение: вернул лошадь».

Хассан, не глядя, только в себя — со своей бедой с лошадью и всесильным чудодейственным Микулой, выходил из ограды на площадь.

По площади мимо собора вели привязанных к телеге лошадей — Хассан остановился: нет, такой другой нет, это его — в лошадях, привязанных к телеге он узнал свою единственную. И с криком бросился к телеге.

Весь базар поднялся:

— Хассан нашел свою украденную лошадь!

И конокрада задержали, а Хассану — лошадь.

«Микулка отдал!» (46)

Когда игумен Даниил, первый русский паломник в Святую Землю, возвращался в Переяславль, возвращался из Святой же Земли в Лотарингию крестоносец Альберт де Варанжевиль. По дороге он остановился в Бари, где нашел своего земляка: был этот земляк сторожем у гроба Николая-чудотворца. Пожил Варанжевиль в Бари, стал собираться домой и ночью приснился ему Николай-чудотворец и велел взять с собой частицу мощей — палец: «Aufer tecum partem digiti benedicentis». Этот «перст, одоление приносящий» — первую святыню Лотарингии привез Варанжевиль. Сначала он хранил его у себя в замке, а потом в церкви Notre Dame de Port, сооруженной на опушке леса у реки Мерть (Meurthe). И с этого времени начинается паломничество в St. Nicolas de Port или St. Nicolas de Varangéville. Церковь оказалась мала, в 1105 г. построили новую во имя св. Николая, которая просуществовала, не раз перестраиваемая, до конца XV в.

А в 1495 стали строить собор, создание Симона Муасэ (Simon Moycet), законченный в XVI в. (1550 г.) (47)

Чудесное избавление из плена Кюнона де Решикур (Sir Cunon de Réchicourt) 5 декабря 1240 и чудо, совершившееся на море в 1254, когда Людовик Святой возвращался из крестового похода, укрепили славу Чудотворца. Но кроме этих чудес и всяких местных «прощъ» с Варанжевилем связана легенда о воскрешении зарезанных детей: место чуда между Нанси и Варанжевилем. Это чудо стало любимым изображением Николая Чудотворца для художников и поэтов: Робер Васе (Robert Wacet †1175), Hilair, ученик Абеляра, Marie de France. И выразилось в народной песне. (48).

Il était trois petits enfants
Qui s'en allaient glaner aux champs.

S'en vont un soir chez un boucher:
— Boucher, voudrais-tu nous loger?
— Entrez, entrez, petits enfants,
Y a d'la place assurément.

Ils n'étaient pas sitôt entrés,
Que le boucher les a tués,
Les a coupés en petits morceaux,
Mis au saloir comme des pourceaux.

Saint Nicolas au bout de sept ans
Vint a passer devant les champs;
Il s'en alla chez le boucher:
— Boucher, voudrais-tu me loger?

— Entrez, entrez, saint Nicolas,
Y a d'la place, n'en manque pas.
Il n'était pas sitôt entré,
Qu'il a demandé a souper.

— Voulez-vous un morceau de veau?
— Je n'en veux pas, il n'est pas beau!
— Voulez-vous un morceau de jambon?
— Je n'en veux pas, il n'est pas bon!

Du p'tit salé je veux avoir
Qu'y a sept ans qu'est dans l'saloir!
Dè que l'boucher entendit ça,
Hors de sa porte il s'enfuya.

— Boucher, boucher, ne t'enfuis pas,
Repens-toi, Dieu te pardonnera.
Saint Nicolas alla s'asseoir
Dessus les bords de ce saloir.

— Petits enfants qui dormez là,
Je suis le grand Saint Nicolas.
Et le saint étendit trois doigts,
Les p'tits se r'lèvent, tous les trois.

Le premier dit: — J'ai bien dormi!
— Et moi, dit le second, aussi!
Et le troisième répondit:
— Je croyais être en Paradis.

Il était trois petits enfants
Qui s'en allaient glaner aux champs. (49)

На празднике перед собором разыгрывали «jeu» и миракли, посвященные Николаю Чудотворцу (50). Паломники шли со всей Франции, из Швейцарии и Германии. Св. Бернар (St. Bernard abbé, 1153), Жанна д'Арк (1429) ходили на поклонение в Варанжевиль: а Жуенвиль (Le Sire de Joinville, 1254) принес серебряный корабль в память чуда на море с Людовиком Святым.

В Тридцатилетнюю войну в 1635 г. зимой швейцарцы разрушили город: в 1630 году жителей было 16.000, а в 1650 — всего 3.000. Запустело место и только остался один собор.

Не было человека, который не знал бы Варанжевиля, это, как Лурд.

*

По камушкам Жуенвиля, сопровождаемый доброй улыбкой от всех, кого я распрашивал о дороге — St. Nicolas, он так тесно связан с детьми! — сначала в Нанси, а оттуда по трамваю в Варанжевиль.

Какая пустыня! — так были в XI веке пусты Миры Ликийские. В собор вошел я за детьми, а детей вела собака. Как это трогательно: умный пес, как нянька, дети больные. Собаку я погладил: «умница», говорю, а детей — не решался: в коросте. И пошел за собакой. Собака остановилась — а это придел, стоит Николай-чудотворец: такой как при входе в собор, только совсем ма-

ленький, серебряный, и тут же в витро чудеса: чудо о Василии, сыне Агрикове, а какой нарисован ветер, надул щеки — это когда Василий поднялся на воздух от эмира домой лететь. А серебряного кораблика, дар Людовика Святого, давно нет, еще в XVIII в. украли, был и другой взамен, такой же серебряный, и его украли.

Это я потом узнал, и еще, что паломничество совершается весною, но что процессии с 1905 г. запрещены: и нет уже такого праздника, как раньше.

И за главным престолом большая статуя: Николай-чудотворец, и везде над детьми. А там, должно быть, на престоле и частица мощей — его палец.

Походил я по всему собору — большая ветхость, и много нужно, чтобы поправить, наверху и разглядеть трудно, стекла разбиты.

У «чуда с Василием» на больших картонах молитвы: их читают паломники.

И эти молитвы совсем как наши — один на земле Никола — и я вспомнил одну из тех, что сложилась на Руси в трудные годы:

«Любимая братія, рустіи сынове и дщери, воздвигнемъ сердца и руцѣ и помолимся св. чюдотворцу Николѣ съ чистою вѣрою и воскликнемъ внутрь великимъ гласомъ глаголюще тако: св. Николае, умоли о насъ Пречистую и съ Нею умоли Христа Бога нашего, чтобы насъ грѣшныхъ православныхъ христіянъ избавилъ оного поганыхъ насилія и онаго закона, и освяти церкви христіянскіа и утверди ихъ нерушимы до скончанія вѣка, и намъ ты подай твердый разумъ во единомъ крещеніи стояти до скончанія вѣка нашего, поклонятися намъ и славити единосущную Троицу, Отца и Сына и св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

ИСТОРИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

1.

Образ Николая-чудотворца возник из слияния двух образов: Николая Мирликийского и Николая Сионитского Пинарского. Чтобы изобразить Николая-чудотворца, надо установить эти два образа: легендарного Николая Мирликийского и исторического Николая Сионитского Пинарского. История Византии (Шлюмберже, Кулаковский, Успенский, Васильев, Диль) и история византийской литературы (Krumbacher, Geschichte der byz. Litteratur, 2 ed. München, 1897) дадут те жизненные (матерьяльные, духовные и литературные) условия, при которых возник этот чудотворный образ.

Собирание матерьялов о Николае-чудотворце началось с XV в.

В 1751 г. первое большое издание текстов. Сделано это издание архиепископом Сан Северина в Калабрии *Фальконием* — Nicolaus Garminus Falconius.

Sancti confessoris pontificis et celeberrimi thaumaturgi Nicolai Acta primigenia nuper de tecta per Nic. Carminium Falconium metropolitam ecclesiae Sanctae Severinae in Brutiis Ulterioribus. Ab eodem Latine reddita et cum recentioribus aliis s. Nicolai Actis Graeco-Latine cum suis notis edita et smo dno uro Benedicto XIV pontifici optimo maximo dedicata Neapoli 1751.

Греческие тексты: 1) Vita Nicolai Sionitae, открытое в Ватикане в 1720, 2) Praxis de stratilatis, 3) Praxis de tributo, 4) Vita per Michaëlem, приписываемая Фальконием константинопольскому патриарху Мефодию, 5) собрание шести чудес, состоящих из Thaumata Tria и Thaumata post mortem из Encomium Methodii, 6) Encomium Andriae Cretensis, 7) Thauma de imagine Nicolai in Africa, 8) Vita per Metaphrasten (51).

Латинские тексты: 1) Vita per Iohannes diaconus на осиовании трех рукописей, 2) Thauma de Basilio в латинской обработке, 3) Никифора о перенесении мощей в Бари, 4) О перенесении мощей в Венецию.

В 1913 г. новое большое издание текстов о Николае-чудотворце принадлежит *Густаву Анриху* — Gustav Anrich.

Hagias Nicolaos, der heilige Nikolaos in der griechishen Kirche. Texte und Untersuchungen, von Gustav Anrich. Band I: die Texte. Teubner, Leipzig, 1913, XVI-464 S. Band II, Prologomena. Untersuchungen. Indices. Teubner, Leipzig-Berlin, 1917 XII-592 S.

Греческие тексты: 1) Vita Nicolai Sionitae и три приложения, 2) Praxis de stratilatis — 3 списка и 2 приложения: a) из Синайской рукописи по-немецки с русского, напеч. архимандритом Антонином в Т. К. D. А., 1873, № 10—12, 241—288 стр., b) Paraphrasis Ambrosiana — греческий текст, c) из латинской

версии Vita Nicolai Sionitae, 3) Praxis de tributo — 2 списка, 4) Vita per Michaëlem, 5) Metodius ad Theodorum, 6) Encomium Methodii, 7) Thaumata Tira: Thauma de Demetrio, Thauma de Basilio adolescente, Thauma de Nicolao monacho; и два приложения: чудо св. Георгия соответствующее чуду о Василии, и две латинские вариации чуда о Василии, 8) Синаксарные тексты — два, 8) Vita Compilata, 10) Vita per Metaphrasten, 11) Vita Acephala, 12) Краткое житие с чудесами: Praxis de stratilatis, Thauma de Demetrio retractatum, Thauma de navibus frumentariis retractatum, Thauma de Iohanne et Thamaride, Thauma de presbytero Mitylenesi, Thauma de Petro scholario, и некнижные параллельные тексты, 13) Vita Lycio-Alexandrina, 14) «Николай-страннию» — два списка и два приложения: Praxis de arbore retractata и Praxis de stratilatis retractata, 15) Thaumata de imagine Nicolai in Africa, Thauma de presbytero Siciliensi, Thauma Catanense, Thauma de Nicolao Claudo, Thauma de Leone paralytico, Thauma Eiripence, Thauma de Antonio monacho naufrago, Thauma de pastore fure, Thauma de trecentis numismatibus, Thauma de uvis, Thauma de numismate uno, Thauma de thesauro imperatorio, Thauma de colibis, Thauma de duce Cappadocio (с армянского), Thauma de stromate (с русского), Thauma de patriarcha (с русского), Thauma sepulcro (с русского), Thauma de servo liberatio (с русского), Thauma de tribus christianis (с русского), 16) Encomium Neophyti с приложением, 17) Encomium Andreae Cretensis, 18) Encomium Procli, 19) Translatio Barim Graece, 20) Testimonia.

Из русских изданий текстов:

В. О. Ключевский, Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871 г. «Слово иже во святыхъ отца нащего Николы, о житіи его и о хожденіи его и о погребеніи», — по рукописи XV—XVI в. («Николай-страннию»).

Архимандрит Антонин, перевод Vita Nicolai Sionitae из собрания Фальконія Т. К. Д. А. 1869 г. июнь; перевод Синайской и Палестинской рукописей (Sinaiticus и Hierosolymitanus) Т. К. Д. А. 1873, декабрь; перевод Никифора и Иордана «Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Ликии в Италию». Т. К. Д. А. 1870. II ч.

Архимандрит Леонид, Посмертные чудеса свят. Николая архиеп. Мир Ликийского чудотворца. Памятн. древн. русской письменности XI в. (По пергаментн. рукоп. конца XIV в. библиот. Троице-Серг. Лавры, № 9). СПБ. 1888. Памятники древней письменности № 72. Изд. Общ. Л. Д. П. и И.

Гр. Кушелев-Безбородко, Памятники старинной русской литературы, СПБ. 1862.: «Чудо о нѣкоемъ половчанинѣ».

Русские матерьялы: «Службы и житіе св. Николая Чудотворца». М. 1640; самое полное в 1680, Киев. Д. Ровинский, Русские народные картинки: кн. III №№ 1564—1604, А. Вознесенский и Ф. Гусев, Житие и чудеса св. Николая Чудотворца и слава его в России. Изд. И. Л. Тузова, СПБ. 1899 г., стр. 723.

2.

Особенно потрудились для прославления Николая-чудотворца два барийца: *Антонио Беатилло* (52), оставивший семитомное собрание всяких чудес, свидетельств и слов — и *Путиньяни,* которому принадлежит последнее слово в критике источников о Николае-чудотворце.

Antonio Beatillo — Historia della vita, miracoli, translatione e gloria dell'illustrissimo confessore di Christo San Nicolo il Magno arcivescovo di Mira,

composta del Padre Antonio Beatillo de Bari della Camp. di Giesu. Neapel, 1620 (1633, 1642, 1645, 1659, 1672, 1696, 1701, 1705).

Nic. Putignani —

1) Vindiciae vitae et gestorum S. Thaumaturgi Nicolai archiepiscopi Myrensis secundum acta antiqua et animadversiones in acta primigenia Falconiana auctore Nic. Putignano. Regalis Ecclesiae S. Nicolai Barensis canonico. Neapoli 1753.

2) Vindiciae vitae et gestorum. Diatriba II. De sacro liquore ex ejus ossibus monante. Accedunt Iohannis archidiac. Barensis historid tranlasionis ejusdem sancti, Jos. Sim. Assemani in Systema Falconianum animadversiones ac de Regalis ecclesiae S. Nicolai Barenis origine specimen, auctore Nicolao Putignano ejusdem ecclesiae canonico ac Generali Vicario. Neapoli 1757.

3) Istoria della Vita de'miracoli et della translatione di gran taumaturgo S. Niccolo arcivesco di Mira, scritta da Niccolo Putignani Canonico e Vicario Generale del Regio priorato della medesima citá. In Napoli 1771.

Вслед за Беатилло самостоятельная работа *Леонардо Перино*, ректора Коллегии в Пан-а-Муссон († 1638). Vita S. Nicolai, Myrensis episcopi, Lotharingiae patroni, collecta ex probatis autoribus distributeque scripta a Leonardo Perino, a soc. Jesu, Dotore Theologo Stannensi. Jussu principis Nicolai Francisci a Lothar, episcopi Tullensis. Mussipont (Pont-a-Mousson), 1627.

А из современных следует выделить книгу аббата Марэна: L'abbe Marin, Sain Nicolas, eveque de Myre, Ed. J. Gabalda, Paris, 1917.

3.

Критическое исследование легенд и документов о Николае-чудотворце начинается в конце XVII в. Начало положено французским историком *Тилемоном* (1637—1698) и французским ученым священником, библиотекарем в Париже *Байэ* (1649—1706):

Le Nain Tillemont, Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique de six premiers siecles, VI. 1699.

Adrien Baillet, Les vies des saints, 1701.

А из протестантских ученых *Людвиг Крель* — Ludwig Christian Crell, ректор Лейбцигской Николаевской гимназии: Ad panegyricum solemem in schola Senatoria Nicolaitana ipso Nicolai die VI Dec. 1718 celebrandum invitat Ludw. Christ. Crellius, scholae Nicolaitane rector.

Матерьялы Тилемона: греческий текст Метафраста (Vita per Met.) из Венецианских Миней, латинский текст из собрания Сурия (53), латинское житие, написанное неополитанским дьяконом Иоанном (Vita per I. d.) — рукопись, и две повести о перенесении мощей в Бари — архидиакона Иоанна из собрания Сурия (1618 г.) и Никифора — рукопись.

Метафраст (Vita per Met.), как источник для определения времени жизни Н. Ч., ненадежен: Н. Ч. не мог быть заключен в тюрьму в Диоклетианово-Максимианово гонение и получить свободу от Константина, так как с 312—320 не было никаких гонений (Диоклетиан 245 — (284—305) — 313; Максимиан Дай 311—313 г.; Эра мучеников 303—311). Упоминаемое Баронием (54) Лициниево гонение 316 г. ни на чем не основано, а выдумано с целью выйти из затруднительного положения. Н. Ч. не мог до Константина поклониться в Иерусалиме Кресту Господню и Гробу Господню, так как и Крест и Гроб были

открыты в 326—327. Возможно, что Н. Ч. участвовал на Никейском соборе (325 г.), но почему-то о нем не упоминает ни один церковный писатель его времени и даже александрийский патриарх Афанасий (298—373), перечисляющий всех выдающихся епископов. Дьякон Иоанн (Vita per I d.), хотя свободен от несообразностей Метафраста, но то, что дает его житие, мало вероятно. Н. Ч. никак не поместить ко времени Константина (274—306—337), он жил или раньше или позже, во всяком случае до Юстиниана (527—565). Сведения Никифора и архидиакона Иоанна о перенесении мощей в Бари достоверны, достоверно и чудесное миро, появляющееся в те времена от гроба Н. Ч., но сомнительно, чтобы было оно и теперь (55).

Матерьялы Байэ: Vita per Justiniani (56), излагающее Метафраста, сочинения Беатилло (57) и Бралиона (58). Эти материалы считает он плачевным источником для определения жизни и деятельности Н. Ч. Не заслуживает доверия и Михаил (Vita per Michaelem), которого Беатилло произвольно считает современником Иоанна Златоуста (347—407), также не достоверно и житие, написанное Мефодием, правильно отожествляемое им с Иоанном, неополитанским дьяконом. Достовернее Слово Андрея Критского, но подлинность Слова не доказана.

4.

Против критики Тилемона-Байэ выступил Le Quien и Дон Жозеф де Лиль:

Le Quien, Oriens christianus I, 1740. Dom Joseph de l'Isle. Prieur Titulaire de Horville, Ordre de St. Benoît, de la Congrégation de S. Vanne et de S. Hydulphe. Histoire de la vie, de culte, de la translation des reliques et des miracles de St. Nicolas par R. P. Dom Joseph de l'Isle. Nancy, 1745.

Le Quien означает время жизни Н.-Ч. при Константине и, ссылаясь на Евстратия Константипольского (60) (при патриархе Евтихии †582), утверждает, что Н.-Ч. был среди отцов Никейского собора, и имя его находится в арабском списке отцов собора. Первым архиепископом Мирликийским он считает дядю Н.-Ч. Николая Акализского, его преемником был Н.-Ч., который умер в 341 г.

Жозеф де Лиль рассказывает житие по Метафрасту, пользуется и Словом Андрея Критского. Не Кресту Господню поклонился Н.-Ч. в Палестине, а месту, где стоял Крест. О древности культа Н.-Ч. свидетельствует упоминание его имени в литургии Иоанна Златоуста (V в.) и церковь в Константинополе при Юстиниане (VI в.).

5.

С изданием текстов Фальконием (1751 г.) наступает новый период в критике источников о жизни Н. Ч.

4 декабря 1726 г. Фальконий открыл в Ватикане Vita Nicolai Sionitae. Прочитав в рукописи позднейшую вставку о смерти Николая Сионитского — 6 декабря, он был уверен, что нашел первоначальное житие — «acta primigenia» Николая Мирликийского чудотворца. Николай-чудотворец жил не при Константине, а при Юстиниане (527—565), он не был епископом Мир, а архимандритом Сионского монастыря около Мир, потом епископом Пинары. По смерти, мирский архиепископ Филипп перенес его гроб из Сионского монастыря в Миры в Собор и потому стал называться «мирликийским».

Упоминание в житии Н. Сионитского мартиря св. Николая около Мир и Никольского праздника — μαρτύριον τοῦ ἁγίου Νιχαλάου; Ροσσάλια τοῦ προπάτυροζ ἡμῶν τοῦ ἁγίου Νίχολάου — Фальконий толкует так, что церковь около Мир была в честь св. Николая, одного из сорока себастских мучеников как двум из сорока — Николаю и Приску была воздвигнута Юстинианом церковь перед воротами Константинополя или же церковь около Мир была в честь Николая Кузикского; Никольский праздник — розалии — праздновался не в Мирах, а в Сионском монастыре — это была память о дяде Н.-Ч. Николае Акализском, строителе Сионского монастыря.

Автором жития — V. N. S. — считал брата Артемия. Год смерти Н.-Ч. — 551 г. Артемий пользовался документами о дяде и о племяннике, но его произведение дошло до нас не в первоначальном виде: ничего не говорится о Пинаре. А такая несообразность, как чудо после рождения: когда купали его, стал и стоял два или три часа — не принадлежит Артемию, а позднейшая вставка.

Разбирая другие тексты, Фальконий считает, что в истории со стратилатами была сделана подделка — перенесение действия из Юстинианова времени в Константиново; подделка относится к VII в.

При своем отвращении к «чудесному» Фальконий видит везде позднейшие вставки в жития: о «чудесном питании» в V. p. Mich., тоже и чудо о Василии (Thauma Tria); а в чуде о Димитрии — просто сон.

Общее заключение Фалькония: надо из легенд выделить все невероятное и согласовать существование двух св. Николаев: Николая из Мир при Константине и Николая из Пинары при Юстиниане.

*

Русский последователь Фалькония архимандрит Антонин, настоятель православной миссии в Иерусалиме (†1899) был соблазнен, как его учитель, «поддельной рукописью». В открытых им рукописях — Палестинской и Синайской, (XI—XII в.) жития Николая Пинарского он прочитал, как мирский архиепископ Филипп перед смертью ставит Николая епископом не Пинарским, а Мирским, и отсюда вывел о существовании двух Николаев, епископов мирских: один при Константине, другой при Юстиниане. И оба Николая делят чудеса св. Николая.

6.

С критикой Фалькония выступили: неаполитанский епископ Саббатини, 1753, Путиньяни, 1753, и Иосиф Ассемани, 1753.

De actis divi Nicolai ut sinceris ac genuinis ex Vaticano codice exscriptis ac nuper vulgatis historico-critica dessertatio, auctore D. Ludovico Sabbatini de Anfora, congregationis Piorum Operariorum ac sancte. Aquilanae ecclesiae episcopo». Neapoli, 1753.

Kalendaria ecclesiae universae, studio e opera Josephi Simonii Assemani, Bibliothecae Vaticanae praefecti. Tom V, Romae, 1755, tom VI, 1755.

Саббатини считает, что acta primigenia не заслуживают никакого доверия, видит подделку: отсутствие хронологических данных и описания смехотворных

историй с демонами и видениями. Н.-Ч. был Мирским епископом, а не Пинарским и настоящие акты о нем неизвестны.

Путиньяни идет тем же путем, как Саббатини. Acta primigenia — противоречия и путаница. Или Vita N. S. написана на основании Метафраста для прославления Николая Пинарского или это в своей первоначальной форме описание жизни Н. Пинарского. Невежественные переписчики, отождествляя Н. Пинарского с Николаем Мирликийским, переработали эту первоначальную форму, перемешав данные о двух Николаях, которых надо различать.

Из отдельных замечаний Путиньяни: Фальконий приписал Слово Андрея Критского Льву Мудрому, Praxis de stralitatis не является вставкой у Евстратия Константинопольского; в VI в. церковь при Юстиниане посвящена Н.-Ч., а не одному из сорока мучеников, в числе которых нет имени Николая.

Ассемани считает, что отождествление Николая Мирликийского с Н. Пинарским абсурд. В V. N. S. упоминается о мартире св. Николая около Мир и это говорит о почитании Н.-Ч. в Мирах и о его существовании. Мартир не мог быть в честь кого-нибудь из сорока мучеников, а в Константинополе церковь при Юстиниане посвящена не одному из сорока, а мученикам Приску и Николаю, память которых празднуется 7 декабря. Николай Мирликийский и Николай Пинарский два разных лица.

На этом кончается критика. И только спустя полтараста лет появляется ученый труд Густава Анриха: собрание текстов и исследование.

7.

Пожелание ФальКония очистить легенды от «невероятного», т. е. от «чудесного элемента» однажды соблазнило церковные круги. Это было в XVIII в. вскоре после критики Тилемона-Байэ.

Папа Бенедикт XIV (1675—1740—1758) учредил комиссию из кардиналов для подготовки реформы Бревиария — Breviarium Romanum (1508): папа хотел дать возможно выдержанный в библейском стиле молитвенник, очищенный от апокрифического или сомнительного матерьяла. Проект комиссии, представленный в 1747 г. папе, устранял для Николина дня на основании критики Тилемона-Байэ все чтения о истории святого, взятые из собрания Момбриция, Липомана, Сурия, как подозрительные и не представляющие современных свидетельств о святом. Папа оказался мудрым — реформа не осуществилась.

Другое дело исторические словари — и отсутствие в них Николая-чудотворца вполне законно.

8.

Из русских: архим. Антонин, напечатавший свои переводы и исследование в Т. К. Д. А. 1869, 1870, 1873: арх. Леонид, наместник Троице-Сергиевской Лавры, издав. труд Ефрема. епископа Переславского по Рукоп. XIV в., напеч. Общ. Л. Д. П. и И. 1888 г. № 72, у Ключевского в приложении к книге «Древнерусские жития святых, как исторический источник». М. 1871 г. напечатано житие «Николай-страннию». Книга А. Вознесенского и Ф. Гусева, Житие и чудеса св. Н.-Ч. Изд. И. Л. Тузова, СПб. 1899 г. дает описание церквей и чудотворных икон Н.-Ч. — если бы не так запутано и «словесно» — 723

страницы! матерьял богатый. Любопытна статья проф. Е. В. Аничкова, Никола Угодник и св. Николай. Зап. Неофилологического Общ. СПб. 1892 г.: Аничков ставит вопрос о двух Николаях, но не в смысле Путиньяни-Ассемани, а о Николае историческом и Николе легендарном. Русские сказки о Николе: А. Н. Афанасьев, Русские народные сказки, под ред. А. Е. Грузинского. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1914, Народные русские легенды. Изд. Соврем. Проблемы. М. 1914; П. А. Бессонов, Калики перехожие, М. 1861 г. вып. 3; Д. Н. Садовников, Сказки и предания Самарского края. Зап. Им. Рус. Географ. Об. по отд. этногр., XII т. СПб. 1884; Н. Е. Ончуков, Северные сказки. Зап. Имп. Рус. Географ. Об. по отд. этногр. XXXIII т. СПб. 1908; Д. К. Зеленин, Великорус. сказки Пермс. губ., Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отд. этног. XLI т. Пгр. 1914; Борис и Юрий Соколовы, Сказки и песни Белозерского края. Изд. Отдел. Рус. Яз. и Словес. Имп. Акад. Н. 1915 г.

В книге Гусева и Вознесенского в приложении указана обширная библиография: статьи и заметки, особенно ценные о Никольских церквах.

9.

Западная литература о св. Николае: U. Chevalier, Repertoire des sourses historiques en moyen âge, Bio-Bibliographie II2, 1907, col. 3341—3344.

Из известных произведений следующие после большой литературы XVIII в.:

Ida Hahn-Hahn, Légende de Saint Nicolas. Tours, 1885, G. Mancel, Saint Nicolas, legende et iconographie. Caen, 1858. Abbé Husson, vicaire de St. Nicolas-de-Port, Notice historique sur la vie de St. Nicolas archévêque de Myre et patron de la Lorraine. St. Nicolas, 1852. Abbé Jules Laroch, Vie de St. Nicolas, évêque de Myre, patron de la jeunesse. Paris, 1886 et 1893. Abbé Marin, chanoine honordire, Saint Nicolas, évêque de Myre. Paris, 1917. «Les saints». J. Gabalda Ed. Auguste Marguillier, «L'art et les saints», Saint Nicolas. Henri Laurens Ed. Polyc. Kayaata, archimandrite de l'Eglise grecque catholique de Marseille. Vie de St. Nicolas de Myre 1901. Emil Badel, Vie de saint Nicolas, évêque de Myre, patron de la Lorraine. Abbeville, 1894.

Eugen Schnell, Sanct Nicolaus, der helige Bichof und Kinderfreund, sein Fest und seine Geben. Brünn, 1886. Joh. Praxmarer, Der hl. Nicolaus und seine Verehrung. Münster o. J. 1894. M. A. von Hengel, Sint-Nicolaas en het Sint-Nicolas feest, 1831. Felix Timmermans, St. Nicolaus in Not. Nürnberger Bilderbücherverlag. (Очень хорошая повесть).

Stokes, «Nicolaus of Myra». Smith and Wace Dict. of christian biography. IV, 1887. The Children's library of the Saint. Saint Nicolas of Myra. Ed. by Rev. W. Guy Pearse, C. R.; R. Jackson, London.

Achil Lega, Vita di S. Nicoló di Bari archivesco di Mirra, patrono della gioventu studente. Faenza, 1858. Gaetano di Pretorio, Vita, translazione, miracoli e novena di S. Nicola. Padova, 1884. Raffaele d'Addosio, Combendio storico della vita e dei miracoli del gran taumaturgo S. Nicoló. Bari; 1887. D. G. Meoni, Compendio della vita di S. Nicolo di Bari. Firenze, 1888. Pasquale Singoriello, Storia della vita, miracoli, translazio ne e culto di S. Nicola, del sacerdote Napoletano Pasquale Signoriello. Terza ed., Napoli 1872.

10.

Последнее слово, которому давность немного не два века, о двух Николаях: есть Николай Мирликийский и есть Николай Пинарский, и их нельзя путать и сливать в одно. Николай Мирликийский, о котором единственное упоминание в житии Николая Пинарского, написанном в 565 г. (Густав Анрих) и Николай Пинарский, о котором сохранилось фактическое житие. Один из источников о Николае Мирликийском Слово Андрея Критского (VIII в.), в подлинности которого усомнился еще Байэ, только приписано Андрею Критскому, а составлено в X в. (Густав Анрих), кроме того «похвальные слова» обыкновенно сочинялись, когда не было под рукой исторического матерьяла (Наблюдения Лопарева).

Я не думаю, чтобы кто-нибудь, подобно Густаву Анриху, стал еще заниматься исследованием о историческом св. Николае — раскрывать подделку, широко практиковавшуюся в агиографической литературе, и изучением стилей освобождать громкие литературные имена от авторства, приписанных им сочинений — занятие увлекательное, но в богатой критической литературе о св. Николае дело не первостепенное, а только подробность. Есть другой вопрос: как этот духовный образ, так вознесенный людьми и так приблизившийся к человеку, выразился в иконографии? И тут слово принадлежит России, создавшей единственные чудесные сказки о Николе, а по собранию икон превосходящей все западные страны, осененные именем св. Николая.

6.2.1925—20.8.1929.

Paris.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Hip. Delehaye Les legendes grecques des saints militaires. Bruxelles, 1909.

2) Procopius, de aedificiis I, 6 (Tom. III p. 193 ed. Dindorf). Ю. Кулаковский, История Византии. Т. III, Киев, 1915 , стр. 84, 85.

3) Synodus Nicaena II anni 787, Actio quarta: I. D. Mansi, Sacr. conciliorum nova collectio, Tom. XIII p. 33 (Рассказ епископа Мирского Феодора).

4) «Кто не родится свыше, не внидет в царство Духа».

5) «die Kindheit Jesu». Zwei apoktyphe Evangelium. Ubersetzt und eingeleitet von Lic. Emil Bock. Michael Verlag, München, 1924. Н. В. Гоголь, Переписка с друзьями: Светлое Воскресение. Лев Шестов, На весах Иова. Изд. Совр. Зап., Париж, 1929, Н. А. Бердяев, Философия свободного духа.

6) Хр. М. Лопарев, Греческая жития святых VIII и IX веков. Прг. 1914 г. ч. I. О «специальностях» святых есть у Лескова в «Соборянах»: Лесков, Соборяне. Изд. З. И. Гржебина, Берлин. 1924. Стр. 157. Очень ценные примечания А. В. Амфитеатрова.

7) А вот до чего крепок и жив образ Николы — единственный исконной русской веры:

Темною ночкою по русскому полю
Бродит Ильич с чудотворцем-Миколою.
Шел Владимир сын Ильин в простой сермяге,
От подков каленых тихий перезвон,
Отдавали сосны с елями ему поклон.
Володимер, сын Ильин, тяжелый заступ брал,
Волю вольную в земле искал...
Я. Шведов, Разлив. М. 1925.

8) Текстами и их исследованием я пользовался из труда Густава Анриха: «Hagios Nicolaos» Der heilige Nicolaos in der Griechischen Kirche. Texte und Untersuchungen von Gustav Anrich. Band I Die Texte (S. XIII — 464); Band II. Prolegomena. Untersuchungen. Indices. (S. XII — 592). Verlag und Druck B. G. Teubner, Leipzig. Berlin, 1913, 1917.

9) Все обозиачения житий беру из книги Густава Анриха.

10) Дата установленная Густавом Анрихом. Ассемани ошибочно отнес Н. Пинарского ко времени Юстиниана Ринотмета (668—685; 705—711).

11) В. Ключевский, Древнерус. жития святых, как исторический источник. М. 1871 г. стр. 217—220.

12) Воссоздание такого образа по «Иному житию» и Метафрасту: А. Ремизов, Три серпа. Изд. Таир, Париж, 1929, т. II; посмертные чудеса воспроизведены в I т. «Трех серпов».

13) О духовной жизни Шартра: Dr. Dr. Karl Heyer, Das Wunder von Chartres. Verlag von Rudolf Geering, Basel, 1926. Воспроизведение Шартрского Собора дано в Альбомах Е. Увэ: Etienne Houvet, Monographie de la Cathédrale.

14) Auguste Marguillier, Saint Nicolas. Paris, Henri Laurens.

Как пример правильной безархеологичности художника, у Гоголя в неоконченной повести XVII в. про Остраницу: сцены из Священного Писания — «Авраам, прицеливающийся из пистолета в Исаака; св. Дамиан, сидящий на колу».

15) В Слове Фесалоникского митрополита «мистика» Николая Кавасила (1371) обращено особенное внимание на явление Николая-чудотворца во сне императору Константину в легенде о трех невинно-осужденных военачальниках: он говорит о его неземной телесности, не связанной ни местом, ни временем, которые, как у Христа, была живым откровением будущей просветленной телесности.

16) Ю. Кулаковский, История Византии, Киев, Т. I. 1, 2, 3. 1913—1912—1915.

17) Н. П. Кондаков, Иконография Богоматери. Т. I. СПб., 1914.

18) О построении св. Софии Цареградской — легенда о русском мальчике, которому ангел открыл имя храма, см. А. Ремизов, Трава-мурава (Византийские легенды) «Имя и страж». Изд. С. Ефрона, Берлин, 1922).

19) L'Abbe Marin, Saint Nicolas, Paris, 1917.

20) По вере Магомета — архангел Гавриил посредник между ним и Богом: появление в мире арабов совершается под знаком архангела Гавриила.

21) А. Вознесенский и Ф. Гусев, Житие и чудеса св. Николая Чудотворца. Изд. И. Л. Тузова, СПб., 1899 (стр. 723).

«Знаете, если у нас что и делают иногда, так это по инстинкту, а не сознательно. Николай-чудотворец делает...» Из воспоминаний о Достоевском А. И. Майкова (А. К. Горностаев, Рай на земле, Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров, 1929).

22) 2 к. п. IV тр. 1.

23) Апокриф о Михаиле архангеле — Ангел Мститель. А. Ремизов, Звезда-надзвездная, YMCA PRESS, Paris, MCMXXVIII.

24) Богомильская легенда о Тивериадском море. Эпизод относится к началу сотворения мира. Проф. Йор. Иванов, Богомилски книги и легенды. София, 1925. А есть икона: страшный суд — на конях два крылатые всадника: один в схиме — архангел Михаил, другой — Сатанаил.

25) Апокриф: «Хождение Богородицы по мукам».

26) Эпитеты Архангела. Проф. О. А. Добиаш-Рождественская, Культ св. Михаила в латинском средневековье. Литограф. изд. 1920 г.

27) 2 к. п. I тр. 2 (6.XII), 1к. п. VIII тр. 2 (9 V).

На перекрое века — 6 декабря 1273 г. — произошла встреча Николая-чудотворца и Фомы Аквинского. Этот день был решающим днем для св. Фомы. Избранный среди людей — doctor angelicus — св. Фома незадолго до своей смерти, служил мессу в Николин день в Неаполе. И ни для кого не осталось скрытым, что за мессой произошло что-то: св. Фома вдруг изменился — лицо его просветлело и из глаз засветились лучи. С этого дня он больше ничего не

писал и не диктовал. Когда же один из приближенных братьев спросил: «разве он не закончит такой великий труд, как Summa, для хвалы Бога и просвещения мира?» — ему ответил св. Фома: «Я не могу, так как все, что я написал, кажется соломой сравнительно с тем, что я увидел и что открылось мне». (Karl Heyer, Thomas von Aquino. Das Goetheanum, 1926, № 11, 12, 13). И также на рубеже веков встретился Франциск Асизский с St. Nicolas на западе, и Сергий Радонежский с Николой в России — и благодать архангела почила на них: на Франциске и Сергии.

28) В оригинале «ассирийском городе», так писали в начале XII в. вместо сирийского Gusrav Schlumberger, L'épopée bysantine à la fin du dixième siècle. E. de Boccard, Ed. Paris 1925 p. 247 (Lettre de Jean Tzimiscès à Ashod III).

29) Апокриф «Звезда-надзвездная» и «Ангел-Предтеча» (богомильская легенда) А. Ремизов, «Звезда — надзвездная», YMCA PRESS, Paris MCMXXVIII.

30) Житие Юлиании Лазаревской написано ее сыном Дружиной Осорьиным, муромским губным старостой, 1614 г. Кушелев-Безбородко, Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862.

31) Легенда, возникшая на Западе в XII в., место действия в Лотарингии в Варанжевиле, а перешедшая в Россию, русскими приурочена к Никее: случай когда возвращался Никола с собора.

32) «Σοφόντι χρῆμα ξωράφων χειρ...»

33) Арх. Антонин, Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Ликии в Италию. Перевод описания Никифора и Иордана (первой половины XIV). Труды Киевской Духовной Академии, 1870 г. II ч. 396—427; Translatio Barim latine auctore Nicephore Barensi. Falcone, 131—139, Putignani, Istoria di S. Nicolo, 551—568, Analecta Bolland., t. IV, 1885, 169—192; Translatio Barim, auctore Joanne archidiacono Barensi. Putignani, Vindiciae, t. I, 217—252, Surius, Vita Sanctor. Acta Sanct. Bolland, 9 mai; Translatio Venetias, anno 1100. S. Nicolai, alterius ejusdem avunculi Nicolai, et Theodori martyris. Ed. P. Riant.; Recueil des historiens des Croisades (Hist. Occid. V. 253—292). Boll. Bibl. hagiogr. latina, t. II, 872.

34) В. Ключевский, Древнерус. Жития святых, как исторический источник, М. 817. Пресв. Макарий, История русской церкви, т. II, 138—139. Архиеп. Филарет, Обозр. I.

35) Проф. И. А. Шляпкин. Палеография. Лекции. СПб. 1905—1906 гг. стр. 29, 30. напр. «Поученіе о варяжеской вере» (XI в.), полное нетерпимости, не принадлежит Феодосию Печерскому, а митрополичьему греку Федосу; «Путешествіе въ Святую Землю игумена Даніила» (1107—8) — рассказ о том, как пели православные, а потом и латинские попы «начали верещати свойскы» и указание на то, что православные кандила над Гробом Господним зажглись, а латинские не зажглись — позднейшая вставка Московского периода. «Рядом с такими фактами, — говорит проф. Шляпкин, — непонятны похвалы благочестию латинца князя Балдвина, да и сам король Иерусалимский Болдвин относится с замечательною терпимостью к русскому игумену Даниилу и присутствует вместо латинской на греческой службе при сошествии огня».

36) Gustav Schlumberger, L'épopée byzantine à la fin du dixiéme siècle. E. de Boccard. Ed., Paris, 1925 p. 230—240. (Déposition du patriarche Basile).

37) Конан-сын Алэн-Фержана (Alain Fergent,), второго герцога Бретани из дома Корнуаллиса, его мать Эрменгарда. «Histoire de la Bretagne» par Arthur le Mogne de la Borderie. Rennes-Paris MDCCCXCIX t. III, p. 34.

38) А на запад попавший с востока — персидский. (?)

39) А. Ремизов, Три серпа. Изд. Таир СПб., 1929, т. II, стр. 35.

40) А. Ремизов, Русская повесть о бесноватой Соломонии. «Воля России» 1929, № V—VI.

41) Архимандрит Леонид, Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мирликийского чудотворца. Памятники Древней Русской Письменности XI в. Труд Ефрема, епископа Переяславского (по рукоп. XIV в.). Общ. Люб. Древн. Пис. и Иск., 1888 вып. LXXII (Bibl. Nat. — 4°. Z. 226. Paris).

42) Из собрания Legenda aurea, Jacobus de Voragine (†1298) и Speculum historiale, Vincent de Beauvais (†1264) Miroir historial. Nouvelement imprime á Paris par Nicolas Couteau. Et fut achevé d'imprimer le XVI-e jour du moys de mars d'an mil cinq cents Легенда об обманутом еврее (Juif volé) перешла в XV в. в миракль: «Miracle de Monseigneur saint Nicolas d'un juif prêta cent écus à un chrétien á XVIII personnages, а в России эта легенда с XV века ходила в списках — «чудо св. Николая о злате, от жидовина некоему христианину взаим даном».

43) Эту легенду выделял Фома Аквинат. St. Thomas d'Aquin, Sum. Theol.: II-a, II-ae q. CVII art. III ad. 4. И у Данте: Purgatorio, ch. XX, v. 31—33.

Esso parlava ancor della larghezza
Che fece Nicolao alle pulcelle,
Per condurre an onor lor Ciovinezza.

44) De Artemide (Вне закона), De Demetrio (О Димитрии), De Nicolao claude (Крестик), De Leone (Надоел), De imagine cruente (Проби-лоб), De sepulcro (О золотом гробе), De pestore fure (Пастух напутал), De Hymnograph Joseph (Гимнограф Иосиф), De monaco Nicolae (О монахе Николае), De Petro scholario (Схоларий Петр), De presbytero Mitylensi (О Христофоре), De Ioanne patre (Сквозь бездну), De thesauro imperatorio (Лютня), De Servo liberato (Освобожденный), De Basilio (О Василии), De Abul-Abba (Абул-Абба), De imagine Nicolai in Africa (Эстурган), De Saraceno (Хордадбе), De imagine Nicolai in Eurasie (Айдар — русская легенда), Глаза (сербская легенда) — главные посмертные чудеса Николая-чудотворца, все же бесчисленные будут только вариантами. А. Ремизов, Три серпа. Изд. Таир. Париж 1929 т. I. И чудеса при житии: Paxis de arbore retractata (Кипарис), Praxis de stratilatis (К стенке), De navibus frumentariis (Продовольствие), Paxis de tributo (Налог), Praxis de nautis (Кораблекрушение), А. Ремизов, Три серпа. Изд. Таир, Париж, 1929. Т. 2.

45) В 1929 г. монастырь закрыт.

46) Сказки о Николе собраны в книге А. Ремизова, Звенигород-окликанный. Изд. Алатас. Париж, 1924 г. Рассказ о Хассане передал мне Николай Всеволодович Дмитриев, председатель «С.-Петербургского Общества Народных Университетов», а в Париже — «Парижского Народного Университета».

47) Emile Badel, Guide de pélerin et du turiste à Saint-Nicolas de Port. Nancy, 1893.

48) Легенда о воскрешении зарезанных мальчиков: Jacobus de Varagine (†1298), Legenda aurea rec. Th. Graesse, 1846; St. Bonaventure (1221—1274), le Docteur séraphique, Deux sermons, Opera, omnia. Lugduni 1668, t. II. Jean Bodel, Li jus de S. Nicholai, publié par Monmyrqué; avec quatre autre «Jeux» en latin

ayant trait aux miracles de Saint Nicolas, et «Li livres de Saint Nicholay» de Wace. Paris, 1834. Jeu sur l'image de Saint Nicolas. P. de Julleville, Les misteres, II.

49) Жили-были три маленьких мальчика
Они ушли в поля сбирать колосья.

Однажды вечером пришли они к мяснику:
— Мясник, можно у тебя переночевать?
— Входите, входите, маленькие дети,
Место, конечно, найдется.

Едва они вошли,
Как мясник их убил,
Разрезал их на мелкие куски,
Положил в бочку с солью, как поросят.

Через семь лет Святой Николай
Проходил вдоль полей;
Он пошел к мяснику
— Мясник, можно у тебя переночевать?

— Входите, входите, Святой Николай,
Место есть, места хватит.
Как только он вошел,
Спросил поужинать.

— Хотите кусок телятины?
— Не хочу: кусок скверный.
— Хотите кусок ветчины?
— Не хочу: ветчина плохая!

— Хотел бы я солонины,
Которая семь лет лежит в бочке!
Как только услышал это мясник,
Бросился бежать.

— Мясник, мясник, не беги,
Раскайся, Бог тебя простит.
Святой Николай пошел и сел
На край бочки.

— Маленькие дети, спящие здесь,
Я — великий святой Николай.
И святой протянул три пальца,
Детишки все трое встали.

Первый сказал: — Я хорошо выспался!
— Я тоже; сказал второй.
А третий ответил:
— Я думал, я в раю!

Жили были три маленьких мальчика,
Они ушли в поля сбирать колосья.

50) 1478 в присутствии Рене II, дюка Лотарингии, разыгрывали «le jeu fête du glorieux Saint Nicolas», которое продолжалось 5 дней. Lepage, Le théâtre en Lorraine.

51) До издания Фальконием: Метафраст (X в.) был напечатан в декабрьской книге Великих Венецианских Миней в XVI в. (1562 г.); Слово Андрея Критского (†720) — S. patris nostri Andreae archiepiescopi Gretensis cognomento Hierosolymitani orationes selectique canones et triodia ed. Fr. Combefis, Paris 1644 и Слово Льва Мудрого (886—992) — Leonis Aug. oratio in laudem S. Nicolai, ed Petrus Possinus S. J., Tolosae, 1644.

До Фалькония «Житие составленное дьяконом Иоанном» издано Момбрицием — Baninus Mombritius, Sanctorium seu vitae sanctorum (до 1480), editio nova curav. monachi Solesmenses II, 1910 p. 296—309 и перепечатано у Липомана — Lipomanus Vitae ss. priscorum petrum II (Ven. 1553).

52) Краткое изложение соч. Беатилло у Бонафеде: Atti di S. Nicola il Grande, Discorso Istorico dei P. Giuseppe Bonafede Luchese, Chierico Regolare della Congregarione della Madre di Dio. Neap. 1639, Mail 1670, Ferrara, 1727; по Беатилло и у Бралиона, La vie admirable de St. Nicolas, par le Père de Bralion, prestre de l'oratoire. Paris, 1646, 1652 и 1859, редакт. кн. Августин Голицин; и сочинение Бутти, 1686, французское издание «La vie et les miracles de Saint-Nicolas archeveque de Myre, traduite de l'italien en Français. Fribourg en Suisse, 1711.

53) Surius, De probatis sanctorum vitis ad 6 dec. Ed. 1618, p. 182—188 — перепечатка из собрания Липомана — Historiae Aloysii Lipomani, episcopi Veronesio de vitis sanctorum, Paris II, Lovanii 1568, 1571.

54) Martyrologium Romanum Gregorii XIII jussu editum. Auctore Caesare Baronio Sorano, 1586 и Baronius, Annales ecclesiastici, 1588 (Кардинал Бароний 1538—1607).

55) О мире или о «манне» от гроба Н-Ч. X. Bardier de Montault (1830—1901) Oevres complètes XIV, 1899, p. 74 дает естественные объяснения этой чудесной «манне», не прекращающейся и до сего дня.

56) Leonardo Cuistiniano (†1446), его сочинение в собрании Липомана, у Вицелия — G. Vicelius, Hagiologium seu de sanctis ecclesiae Historiae, Mogunt, 1541 и у Рибаденейры — P. Ribadeneira, Flos sanctorum I, Colon., 1700.

57) Беатилло приурочивает пребывание Н-Ч. в Палестине к 314 году: ангел показал Н-Ч. чудесным образом скрытый на Голгофе Крест Господен. Смерть Н-Ч. — 345 г.

58) По вопросу о «оплеухе» Арию Бралион не находит упоминания ни в актах Собора, ни в древних источниках.

59) Сочинение Le Quien — один из главных источников для Полн. месяцеслова Востока арх. Сергия, т. II. М. 1876.

60) L. Allatius, De Symeonum scriptis diatriba, Paris, 1664

Очень всем я благодарен, кто помогал мне в моей работе и особенно: *С. П. Ремизовой-Довгелло,* помогавшей мне при разборе и толковании славянских текстов, *М. И. и Вл. Н. Лосским* — при пользовании греческими текстами, *К. В. Мочульскому* — за латинские, *Мирке Претнару* — за сербскую историю

и словенские песни, *С. Ю. Кулаковскому, Н. А. и Н. Д. Набоковым* за чудесный снимок с витро Шартрского Собора, изд. Ed. Houvet и другие картинки с изображением Николая-чудотворца, положившие начало моему Никольскому альбому. Помяну с благодарностью покойного *Владимира Васильевича Диксона* (†17.12.1929), который добывал мне книги по истории Византии и Бретани и делал для меня выписки.

. . . .

О Николае-Чудотворце исторических матерьялов нет, есть только легенды. И надо было «воссоздать» эти легенды, из которых выступил бы живой образ, самый человеческий из человеческих — Никола. Легенды собраны в моей книге. «Три серпа» Изд. Таир, Париж, 1930 г.; сказки в моей книге «Звенигород окликанный», Из. Алатас, Париж, 1924 г.

То, что пишется, пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, *что* пишется. И если результат работы хоть в какой мере приближается к замыслу, задача исполнена. А понятно это или непонятно, к делу не относится, потому что, как нет одного понимания, так нет одной оценки — на всех не угодишь.

2.III.1931.
Paris

О ЧЕЛОВЕКЕ, БОГЕ И О СУДЬБЕ: АПОКРИФЫ И ЛЕГЕНДЫ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

«...и он воскликнул к Спасову образу, как к живому:
— Господи, видишь, я изобразил лик Твой, каким ты был на земле!
И внезапно столп огнен стал вверху над образом, и был тихий глас:
— А ты когда меня видел?»

Алексей Ремизов. «Лей иконописец»

Место и время рождения и детства Алексея Ремизова — Замоскворечье, рубеж 70—80-х гг. XIX в. Ближайшее окружение — московская купеческая среда. Это были потомки крепостных крестьян, мастеровых, талантом, силой характера и, одновременно, жестокостью и лукавством сумевших переиграть суженое им «Горе-злочастие», «выломиться» из массы и добиться иной доли. Они достигали жизненных благ, а вслед за этим следовало столь же сильное стремление к благам духовным — к образованию, к накоплению не только материальных богатств, но и произведений искусства, к меценатству. Именно тогда в Москве бурно развивались промышленность, торговля, и одновременно начался расцвет коллекционерства. Это было время, когда формировались известные художественные собрания, такие, как впоследствии переданная в дар городу Москве «Третьяковская галерея», когда складывались знаменитые частные библиотеки, как, например, библиотека Н. А. Найденова, в дальнейшем вошедшая в состав фондов Российской Государственной библиотеки. Неустанный труд, постоянное стремление к действию, энергия и упорство в достижении целей — таковы были «заветы» отцов, воспринятые и преумноженные потомками удачливых выходцев из народной среды.

Но та же среда оставила им в наследство и другие «заветы» — покорность судьбе-Доле, смирение, долготерпение с фаталистической надеждой на авось, небось и чью-то высшую волю, которой дано право судить и распоряжаться человеком. На практике это проявлялось во множестве судеб, сломанных волей отцов или чужих «злых людей». Те, кто имел такую

«долю», влачили существование или уходили от реальности в разные виды саморазрушения, «загула», наиболее традиционным видом которого было пьянство.

По сути, эта полярность была проявлением коренных черт русского национального характера, в котором начала древние, восходившие к временам складывания русской народности, соединялись с началами, истоки которых лежали в восприятии и аккумуляции христианского вероучения.

Антиномичные грани национального характера ярко проявились в характерах ближайших родственников писателя — Найденовых и Ремизовых. Если судьбы его дяди — Н. А. Найденова и его отца — М. А. Ремизова были яркими примерами реализации действенных, волевых начал, то жизнь его матери была воплощением как бы фатальной тяги к страданию и погибели.

Сколь бы ни были противоположны формы русского национального характера, одной из его первооснов оставалось православие в том его виде, как оно было воспринято народным миросозерцанием. При этом, если в сфере обрядности было необходимо следовать жестко установленному канону, то мифологическое по типу мировосприятия народное сознание было свободно в осмыслении, развитии, приспособлении к своему понятийному уровню, духовным запросам и дальнейшему распространению сведений о лицах, событиях, явлениях, о которых лишь кратко упоминалось или вообще не говорилось в Священном Писании и Предании. Часть дополнительных, неканонических знаний была воспринята народным сознанием через древнерусскую литературу из наследия Византии, которая, в свою очередь, заимствовала многое из достояния эпохи раннего христианства. Другая часть являлась результатом собственного, большей частью, фольклорного творчества.

На Руси, а затем в России в народе были популярны «душеполезные» устные, а также книжные рассказы и повествования религиозного характера. Русские ученые XIX в. назвали их, по аналогии с средневековой западноевропейской традицией, *«легендами»* (от лат. «legenda» — то, что должно читать). Известный филолог А. Кирпичников отмечал: «В южнославянских землях и в древней России довольно многочисленные легенды, переведенные с греческого, а также составленные по образцу их, переписываются в продолжение ряда веков, но изменяются только в незначительных подробностях, и большинство их остается памятниками чисто книжными. Таковы сказания, повести, притчи, приповести <...> Только некоторая часть книжных легенд <...> проникает в народ. Но проникает глубоко и переделывается или в духовные стихи, или в духовные сказки, иначе называемые народными легендами, которые по свойствам своей легко по-

движной формы и способу передачи значительно дальше отходят от своих источников»[1].

Особым видом религиозной легенды были *апокрифы* — разнообразные по жанру произведения, признававшиеся церковью неканоническими и включавшиеся в индексы (списки) запрещенных книг. В апокрифах рассказывались многочисленные, изобилующие новыми подробностями истории о лицах и событиях Ветхого и Нового Завета (например, о детстве Богоматери и Христа, о его сошествии во ад, о посещении апостолом Павлом ада и рая, а пророком Исаией — семи небес, о видении монахом Григорием грядущего Страшного Суда и Второго Пришествия и т. д.). Апокрифы также сохраняли память о воззрениях, концепциях религиозных и философских учений, признанных церковью еретическими. То были «отреченные» представления о Боге и его вечном противнике дьяволе, о сотворении вселенной и мира, о создании тварей земных и человека. В Древней Руси апокрифы пользовались большой популярностью, многократно перечитывались и переписывались, служили источниками сюжетов икон и храмовых росписей. И в послепетровское время они продолжали воздействовать на фольклор и литературу.

С детства Алексей Ремизов находился в атмосфере повседневной жизни православной купеческой семьи, истово исполнявшей положенные церковные обряды. Одновременно он впитывал в себя разнообразные сведения и представления народного христианства, которое составляло существенную часть миросозерцания и его домашних, и, в особенности, «людей из народа» (прислуги, фабричных, монахов Андроникова монастыря, ближайшего к дому семьи Ремизовых), с которыми Алексей постоянно общался. «Всякий раз, — вспоминал Ремизов, — как приезжала кормилица из калужской деревни на побывку к мужу, она заходила к нам <...>. Жесткими пальцами гладила она меня по носу <...> И мне было приятно, и я подставлял ей свой сломанный нос. Нянька <...> качала головой: „За озорство покарал Бог, и останешься таким до Второго пришествия, Страшного Суда Господня!". Я представлял себе „страшный суд" очень далеким, — „когда я буду, как нянька", но всякий раз при упоминании о „суде", о котором я наслушался из Четий-Миней, меня охватывало горькое живое чувство: „кончится мир" — „кончился мир!". Покаранный за озорство <...>, я как бы присутствовал на Страшном Суде и гладил себя пальцами по носу, как меня гладила кормилица»[2]. Такими — органичными и естественными — были первоистоки последующих ремизовских «фантазий» — «воспоминаний» о своем присутствии, как оче-

[1] Кирпичников А. Легенда / Энциклопедический словарь изд. Брокгауз и Эфрон. СПб., 1896. Т. XVII. С. 455.

[2] Ремизов А. Подстриженными глазами. Париж, 1951. С. 31.

видца или участника, в момент свершения события, давно минувшего или лишь чаемого в далеком грядущем. Услышанные рассказы — легенды, апокрифы, духовные стихи о жизни ветхо- и новозаветных лиц, о страданиях мучеников за веру и подвигах ушедших от мира праведников — стали для Алексея основой личностного восприятия и «очеловечивания» догматических абстракций, сложных для детского миропонимания.

Качественно новый, идущий от разума, «научный» этап освоения народного христианства наступил для Ремизова тогда, когда он, увлеченный революционным деянием и стремившийся «пострадать за правое дело», оказался в 1901 г. в вологодской ссылке. Там начался процесс пересмотра его отношения к методам насильственного переустройства мира, процесс, который совпал со знаменательным знакомством с товарищем по ссылке, впоследствии известным историком П. Е. Щеголевым. В Петербургском университете молодой ученый занимался изучением апокрифических сочинений, сохранившихся в древнерусской литературе. Именно он — один из наиболее многообещавших учеников академика А. Н. Веселовского — открыл для Ремизова книгу своего учителя — «Разыскания в области русского духовного стиха» (СПб., 1880—1891). Это исследование было, одновременно, своего рода энциклопедией, в которой были собраны и интерпретированы сведения о многообразных легендах, существовавших в народе как в виде письменных апокрифических памятников, так и в виде разнообразных фольклорных форм — духовных стихов, плачей, календарной обрядовой поэзии. В частности, в значительном количестве пересказанных или приводимых в подлинниках легенд были отражены теогонические, космогонические, эсхатологические и др. представления средневековой ереси богомилов — наследников и последователей древних религиозно-философских учений гностиков. Согласно дуалистическим верованиям богомилов, Бог и Сатанаил принимали равное участие в создании мира и человека, а после того все сотворенное оказалось во власти более активной силы — Сатанаила. Знакомство с такими воззрениями пришлось на период мировоззренческого кризиса Ремизова. В то время, когда другой вологодский знакомый начинающего писателя — Б. В. Савинков, придя к выводу о необходимости энергичного деяния, обдумывал создание эсеровской Боевой организации, впоследствии потрясшей Россию серией громких террористических актов, Ремизов сознательно отошел от революционной деятельности, подведя под этот свой шаг философскую базу — включив революционное насилие, как подвид, в категорию мирового Зла. Но отвергнув прежние догматы, недавний революционер не находил объяснения причин и путей избавления людей от безмерных страданий. Он искал решения вечной проблемы теодицеи — «оправдания» Бога, допускавшего существование и торжество Зла.

В результате религиозные воззрения самого Ремизова приобрели еретический характер, что нашло выражение в его раннем творчестве, в частности, в романе «Пруд» (1-я редакция — 1902—1903) и сборнике «Лимонарь» (1907).

Создание «Лимонаря» пришлось на 1906— 1907 гг. — время трагического финала Первой русской революции. Вошедшие в сборник ремизовские авторские апокрифы повествовали о природных процессах и явлениях — об образовании месяца и звезд; о зарождении вихря и грома; о сотворении человека и животных; о возникновении болезней. Но рассказ о природных явлениях был лишь первой понятийной ступенью повествования. Следующей ступенью был миф — рассказ о перво-событиях и перво-героях — о царевне Иродиаде, обреченной на вечную безумную пляску; о гневающемся Пророке Илье, так и не способном узнать день своей памяти; о Богородице, чья золотая пряжа и похитившие ее соколы каждую ясную ночь видны на небе. Но существовал и третий уровень обобщения — все мифологические легенды были частными проекциями единого целого — онтологической концепции автора, нашедшей завершенное выражение в финальном апокрифе «О страстях Господних».

Согласно тогдашним ремизовским религиозно-философским воззрениям, восходившим к богомольским и другим еретическим учениям, а также к гностикам, Бог создал мир и устранился от него, предоставив дальнейшее деяние своему «собрату»-антагонисту. Последователи ересей, изучением которых занимался писатель, отрицали догмат о Пресвятой и Неразделимой Троице, в которой Бог был един в трех ипостасях. Согласно православному догматическому богословию, «Образ существования Бога как Отца выражается в понятии нерожденности; как Сына — в понятии рождения Его от Отца; как Св. Духа — в понятии исхождения Его от Отца»[1]. Одним из вопросов, затрагивавшимся еретическими учениями, был вопрос о соотношении Человеческого и Божественного в природе Сына Божия, о сути его смерти и судьбе его плоти. В некоторых учениях такого рода утверждалось, что она, как всякая земная плоть, была подвержена гниению.

В ремизовском апокрифе «О страстях Господних» Бог-Отец допустил распятие Сына Божьего, а в конце отдал Его во власть смерти и торжествующего Сатанаила. Кульминацией апокрифа была картина вселенски торжествующего Зла: «На вершине у подножия престола встал Сатанаил и, указуя народам подлунной <...> на ужасный труп в царской одежде, возвестил громким голосом: /— Се Царь ваш!/ А с престола на метущиеся волны голов и простертые руки смотрели оловянные огромные очи

---

[1] Лепорский П. И. Троица / Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 3. С. 393.

бездушного разложившегося тела. И в ярком свете <...> — скелет в терновом венце»[1]. В ремизовском апокрифе (в том его первоначальном «доцензурном» виде, как он был создан автором[2]) не происходило главного мирового события — Воскресения Христова, и, тем самым, не совершалось искупления первородного греха. Весь сборник был целостным текстом — притчей, которая повествовала *о революции как проявлении деяния, но деяния мирового Зла.* Последний апокриф «Лимонаря» заканчивался безнадежным плачем потерявшей сына Богородицы. Таким образом, в теогонии раннего Ремизова Бог-Отец оставался бездеятельным потому, что он был равнодушен к судьбе сотворенного им мира, а Богородица, так же как Сын Божий Иисус Христос представали трагическими страдательными фигурами. Активно и деятельно было лишь мировое Зло, воплощенное в Сатанаиле и его присных.

Однако подобная безнадежно-пессимистическая концепция ремизовской теогонии постепенно начала меняться за счет поиска и обретения Божественных воплощений деятельного Добра.

С середины 1900-х гг. у Ремизова сформировалось и в каких-то сущностных чертах осталось неизменным до конца его жизни представление об особой роли Богородицы как Божественной заступницы за мир и людей. Внимание писателя привлекло знаменитое «Хождение Богородицы по мукам». Как отмечал исследователь апокрифических сказаний о Богородице В. Сахаров, «главный предмет апокрифа есть изображение ходатайства пред Богом Пресв. Богородицы за грешный род человеческий. <...> В Древней Руси апокрифы, подобные *хождению Богородицы,* пользовались широким распространением и имели массу читателей <...> Текст легенды *хождение Богородицы* дал содержание миниатюрным изображениям; но особенно повесть эта послужила обильным источником для возвышенной национальной поэзии древней Руси»[3]. «Хождение Богородицы» нашло отклик и в новой русской литературе. Достаточно указать на значение этого апокрифа в религиозно-философской концепции позднего творчества Ф. М. Достоевского. Это наиболее ярко проявилось в романе «Братья Карамазовы», где Иван точно пересказывал сюжет «Хождения Богородицы» перед изложением своей легенды о Великом Инквизиторе: «...плачущая Богоматерь падает пред престолом Божиим, и просит всем во аде помилования, всем, которых она увидела там, без различия. Разговор ее с Богом колоссально интересен. Она умоляет, она не отходит,

[1] Ремизов А. Лимонарь. СПб., 1907. С. 102—103.

[2] О корректировке, внесенной Ремизовым в текст апокрифа по требованию Вяч. Иванова, см. коммент. к циклу «Лимонарь». С. 665 наст. изд.

[3] Сахаров В. Апокрифические и легендарные сказания о Пресвятой Деве Марии, особенно распространенные в древней Руси. СПб., 1888. С. 109—110.

и когда Бог указывает ей на пригвожденные руки и ноги ее сына и спрашивает: как я прощу его мучителей, — то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора. Кончается тем, что она вымаливает у Бога остановку мук на всякий год от Великой пятницы до Троицына дня, а грешники из ада тут же благодарят Господа и вопиют к нему: „Прав ты, Господи, что так судил“»[1].

Основой *ремизовского* прочтения древнего текста стала ключевая фраза, сказанная Богородицей в процессе моления за страдающих в аду: «Хочу мучиться с грешными!». В тексте-источнике Божия Матерь в конце концов покидала ад и возвращалась в рай, занимая свое место рядом с Богом. У Ремизова же она совершала деяние, осуществляя свое пожелание-угрозу. Так как Бог не прощал «забытых» им или «забывших» его, то *Богородица отказывалась от рая и оставалась в аду* — «мучиться с грешными». В меняющейся ремизовской теогонии Богородица стала первой Божественной силой, которая активно вмешивалась в человеческую судьбу, была заступницей за людей перед Богом и, если была бессильна избавить род людской от страданий, то принимала их и на свои плечи.

С середины 1910-х гг. важной составляющей художественного творчества Ремизова стал излюбленный в народном христианстве сюжет явления Воскресшего Христа людям в прежнем человеческом облике — его ежегодных в период от Пасхи до Преображения странствований по земле для наблюдения за их делами. До Ремизова в русской литературной традиции этот сюжет наиболее программно и значимо прозвучал в стихотворении Ф. И. Тютчева:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
<...>
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя[2].

Одновременно с обращением писателя к сюжетам народных легенд о земных странствиях Христа в творчество Ремизова вошел образ одного из постоянных спутников Спасителя — второго Божественного заступника и ходатая перед Богом за

[1] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1976. Т. 14. Кн. V. С. 225.

[2] Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Под ред. П. В. Быкова. СПб., 1913. С. 126.

человека — Святого Николая Угодника. Как отмечал писатель в своем исследовании-эссе «Образ Николая Чудотворца»: «„Христос“ — это очень высоко и очень требовательно. И только на высоте духа среди избранных глаза обращены ко Христу, и через подвиг или особой благодарностью чистое сердце видит Христа и слова сердца прямо Христу. <...> Но для простого-то человека в обыкновенной жизни среди терпения и труда жизни, с вечной жалобой и тревогой, и как часто в сущности с пустяками, которые только кажутся очень важными (все по разумию и неразумению человека, а таких большинство!), с вечным голодом и жаждой утешения и с верой в скорую неотложную помощь — ну, хотя бы немного! <...> надо пощады, отзывчивости, внимания — такая жизнь идет на земле, очень жить трудно, опасно, неуверенно — и еще — ведь есть же в ком-нибудь мужество и бесстрашие перед людьми, кто рассудит и заступится, и не только перед людьми. И носителем такой человечности и человека сделался Николай-чудотворец — „Новый Спаситель“, замещающий Христа на земле, предстатель перед недосягаемым Судией-Христом, заступник за все бесчисленные немудреные жизни, за человека <...> вошла Богородица в Христову церковь, не как символ, а как осязаемо-живое и всем близкое — Матерь Божия. <...> И в дом Богородицы — в Христову церковь вошел Николай-чудотворец»[1].

В легендах Христос и Николай Угодник вместе бродили по русской земле, деятельно вмешиваясь в повседневную народную жизнь, помогая крестьянину в его труде, во взаимоотношениях с друзьями и врагами, в жизни и в смерти.

Начиная с середины 1900-х гг. и до конца жизни Ремизов создавал свои варианты легенд о Св. Николае Угоднике. Отдельные журнальные и газетные публикации концентрировались в циклы, наиболее законченным из которых стала книга «Николины притчи» (1917).

Если в народных легендах Никола выступал как верный соратник и последователь Христа, то их взаимоотношения в ремизовских рассказах были сложнее и драматичнее. Не случайно «Николины притчи» открывались эпиграфом: «— А що буде, як Бог помре? / А Микола Святый на що?». Ремизовскому Христу были присущи черты Судии, сохранявшего Божественный ригоризм в своем отношении к человеку. Ремизовский Никола зачастую не соглашался и полемизировал с Христом. Позиция сострадания и милосердия к мающемуся на земле люду противостояла позиции Высшей справедливости, подразумевавшей окончательный приговор — Последний Суд над человеком. Такова, например, суть конфликта Христа и Николы в легенде «Никола Милостивый». Странники переночевали у бедной сол-

[1] Ремизов А. Образ Николая Чудотворца. Париж, MCMXXXI. С. 20—23.

датки, а наутро Господь повелел голодному волку съесть единственную кормилицу солдатки — корову. На упрек своего спутника в несправедливости Христос ответил, что поступил согласно Божественному Промыслу: «нет ей талана на сем свете, пусть бедует до времени»[1]. Потом они нашли бочку золота, и Богочеловек отдал его богатому мельнику, снова ссылаясь на Божественные предначертания. После того Господь показал Николе райский сад, где они встретили солдатку, и змеиный колодец, где мучился богатый мельник. Это — *тот* свет, где каждому воздано по его грехам или добродетелям. Но ремизовский Никола, как и его народный прототип, весь обращен к страждущему *этому* свету — к земле, где он неустанно помогает людям не только переносить, но и преодолевать свою горькую долю. В сконцентрированном виде это выражено в легенде «Никола Угодник». Господь собрал всех святых на праздник, и лишь Никола опоздал на него. На вопрос, чем он был занят, Святой ответил: «Все с своими мучился <...> пропащий народ: вор на воре, разбойник на разбойнике, грабят, жгут, убивают, брат на брата, сын на отца, отец на сына! <...> Велел мне ангел Господен истребить весь русский народ, да простил я им, <...> больно уж мучаются»[2].

По Ремизову, Богородица и Никола Угодник — действенные заступники, вечные посредники между максималистским в своих требованиях Богом и далеким от совершенства человечеством.

С самого начала творческого пути кроме художественного познания сущности и качеств «Божественной вертикали» писателя интересовала и пересекающая ее «человеческая горизонталь». В его художественном мышлении присутствовала подвижная система координат, определяемая парадигмами: Бог — человек; человек — человек; человек — Бог.

С 1910—1912 гг., когда в Санкт-Петербургском Археологическом Институте Ремизов вместе с женой С. П. Ремизовой-Довгелло постиг премудрости русской палеографии — чтения старинных славянских манускриптов, а также вошел в круг ученых-медиевистов, для него мир легенд и апокрифов расширился за счет того множества текстов, которые сохранились только в рукописной традиции. Среди памятников древнерусской литературы примечательное место занимали повести и сказания о ветхо- и новозаветных лицах, в которых раскрывались тесные контакты между Богом и Человеком в перво-времена после сотворения мира. В апокрифах эти соприкосновения двух разновеликих сил носили характер интимно-близкий, психологически доступный восприятию современного человека. Характерный пример — апокрифическое сказание из цикла о праотце

---

[1] Ремизов А. Николины притчи. СПб., MCMXVII. С. 65.

[2] Там же. С. 12.

Аврааме — «Прием и угощение трех странников», основанное на библейском сюжете явления Аврааму трех странников-ангелов, в новозаветной традиции толкуемых как символ Троицы (вспомним знаменитую икону Андрея Рублева). В апокрифе мистическая символика Ветхого Завета трансформировалась в понятные читателю перипетии истории, почти анекдота о безуспешных проделках зловредного противника Бога: «Авраам так любил принимать странников, что, если не было странников, не хотел и садиться за стол и часто по два и по три дня оставался без пищи. Так как дьявол, желая досадить Аврааму, заграждал странникам путь к нему, то он сам [т. е. Авраам. — *А. Г.*] выходил на дорогу встретить странников»[1].

В древних текстах человек представал не только покорным исполнителем высших предначертаний, но и личностью, в полной мере реализующей дарованное ему Богом право свободы воли как свободы выбора между Добром и Злом.

В поисках людей, «творящих дело души своей», Ремизов обратился к сборникам рассказов о жизни и духовных подвигах раннехристианских подвижников — Патерикам и Прологам. В них представала яркая, полная драматизма и психологической остроты картина борьбы героев с бесовскими искушениями, предстающими в разных ипостасях человеческих страстей и слабостей. Так, в рассказе «Едина ночь» великий грешник князь Олоний решал переменить свою судьбу — спасти свою душу — и выдерживал долгую ночь дьявольских испытаний. Монахиня — героиня рассказа «Покаяние», поддавшись искушениям, вела грешную жизнь в миру, но перед смертью решала вернуться в монастырь и умирала на его пороге. Ангелы и бесы спорили над ее телом: куда — в рай или ад должна попасть ее душа. Победа оставалась за ангелами, указавшими своим противникам на ее раскаяние. В рассказе «Ученик» прославленный старец позавидовал другому черноризцу, временно поселившемуся в его летней келье и добившемуся успеха как блестящий проповедник. Недовольство переросло в зависть, и старец велел пришельцу освободить занятое обиталище. Но его ученик, действуя как бы от лица наставника, попросил странника не уйти, а, наоборот, поселиться вместе с ними в теплом зимнем пристанище. «И виде Господь дело ученика того, вложил в ум старцу свет свой и разверзся разум ему, умилился старец <...> и угощал странника <...> и полюбил его»[2]. В древних сюжетах Ремизов нашел источник реализации одной из главных, по его мнению, евангельских истин: «вера без дела мертва». Духовное деяние, нравственное изменение себя и мира — вот, по мысли Ремизова,

---

[1] Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877. С. 57.

[2] Ремизов А. Весеннее порошье. СПб., 1915. С. 139.

путь к Преображению и Воскресению. Призывом к такому деянию заканчивался его рассказ «Святая тыковь» — об исчезнувшем Св. Граале — бесценном сосуде с Христовой кровью, способном спасти человечество. Что же делать людям, утратившим «Святую тыковь»? — Рассказ заканчивался ответом на этот вопрос: «Веруй и обрящешь, веруй, ступай — делай, ступай — трудись, стучи, ищи и найдешь, бодрствуй, молись, толкай и тебе откроется, и ты увидишь — воскрыленная подымется на небеса святая тыковь с кровью Христовой и тогда свершится всему миру спасение»[1].

На протяжении 1910-х гг. Ремизов занимался переработкой древних сюжетов религиозных легенд и апокрифов, неустанно разыскивая их в старинных рукописях и старопечатных книгах. Так, например, в 1912 г. он писал своему другу — основателю Костромского Романовского музея, знатоку-книгочею И. А. Рязановскому: «Дорогой Иван Александрович! Покорнейшая просьба к Вам: спишите, пожалуйста, *„слово святого Евагрия, еже не судите ближнему“* 26 сент<ября> [речь идет о Проложном тексте. — *А. Г.*]. Это ведь о том, как принес душу ангел старцу, осудившему человека? Если затруднит переписывать слово в слово, как там, то по-русски напишите. Я хочу соединить два рассказа в один»[2]. Создавая свои варианты древних легенд, Ремизов считал своим нравственным долгом возвращение современному читателю того *душеполезного* в высоком смысле этого слова чтения, которое в начале XX в. оказалось для многих недоступным из-за языкового барьера между древней и новой литературой. Он тоже «творил дело души своей», хотя при публикации таких текстов далеко не всегда находил понимание со стороны редакторов газет и журналов.

Для Ремизова народное христианство было одной из духовных основ народного взгляда на происходящие события мировой и русской истории.

Первая мировая война, в которую в 1914 г. вступила Россия, предстала в его творчестве сквозь призму средневекового христианского символизма, который оставался живой составляющей народного миропонимания. Реальная война оценивалась Ремизовым, как жестокая бойня народов. Но у нее было и иное обличье, опиравшееся на давнюю русскую традицию мечтаний о восстановлении православия на захваченных неверными землях, о воскресении канувшего, как Китеж, полного знаменитых святынь Царьграда. Именно в это время появился цикл ремизовских легенд о строительстве цареградского Храма Св. Софии. В письме к И. А. Рязановскому от 18 сентября 1914 г. Ремизов обращался к нему с просьбой: «Как я Вам буду благодарен за

---

[1] Ремизов А. Весеннее порошье.. С. 113.

[2] РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 32. Л. 35.

присылку сказаний о взятии Царьграда. Очень трудное время настало — единственная надежда на такие сказания, их напечатают»[1]. В ремизовских повествованиях Храм Св. Софии — православная святыня, реально перестроенная в мечеть, существующая только в народной памяти, в духовных стихах и сказаниях, — представал как нетленная ценность, думы о которой поддерживали дух русских воинов.

Новое революционное действо — Февральскую революцию 1917 г. Ремизов с самого начала осмыслял в категориях, сложившихся еще в период предшествующей революции, также пытавшейся принудительно учредить «Царство Божие на земле». Писатель видел происходящее как бы сквозь призму отношения к нему двух главных Божественных заступников русского народа: Богородицы и Св. Николая Угодника. В известной дневниковой записи от 11 июня 1917 г. он отметил: «Божия Матерь, как воплощение совести, хождение ее по мукам и есть образец того, что никогда неосуществимо царствие Божие при наших условиях на нелегкой земле» (Дневник. С. 438). По Ремизову, творимое в стране представало как дело, противоречившее истинным народным чаяниям, поэтому вечные заступники России, скорбя, отступались от нее.

В Дневнике писателя наряду с записями о его жизни, с заметками-оценками политических событий фиксировались, в частности, в виде вклеенных газетных вырезок, сообщения о повсеместно учащавшихся актах вандализма над церковными святынями. Среди них особое место заняли свидетельства о надругательствах над иконами Св. Николая Угодника, совершавшихся и в провинции, и на московской Красной площади.

В ночь с 23 на 24 июня 1917 г. Ремизов имел видение, записанное в Дневнике:

«Распростертый крестом лежал я на великом поле и телом был я велик. В темноте горячей лежал я и вдруг стужа стрясла все мои члены. Голос услышал я из тьмы, старый дедов голос.

— Собери-ка, родимый, косточки матери нашей России.

И я подумал:

вот и я лежу п[отому] ч[то] я тоже кость от кости матери нашей России.

И стал я загребать кости — их великое множество тут и часы и самовары, загребаю, ой, не собрать всего.

А собрать надо, ч[тобы] вспрыснуть живой водой.

— Собери-ка, родимый, потрудись! — опять слышу голос.

И вижу: это Никола Угодник скорбный стоит над Русью» (Дневник. С. 465).

Февральская революция и ее логичное продолжение — октябрьский большевистский переворот — изначально осмыслялись

---

[1] РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 32. Л. 41.

Ремизовым в апокалиптических категориях, как начало Страшного Суда, свершаемого Богом над погрязшей в грехах Россией. Таков смысл его другого ночного видения, датированного июлем 1917 г.:

«Снилось мне ([1 нрзб.]) комната с двумя окнами, посреди зеркало. Я причесыв[ался] пер[ед] зерк[алом], выглянул в окно и вижу на небе огромный ключ, а у окна женщину с девочкой.

— Посмотрите на небе ключ?

Та смотрит, а ключа уже нет, исчез, а на его месте Б[ожья] М[атерь] такая же, как ключ, железная.

— Посмотрите Б[ожья] М[атерь] теперь!

А в это время и Б[ожья] М[атерь] исчезла, а стоит Христ[ос] золотой с огромным посохом и говорит:

— Становитесь на колени, сейчас будет конец света.

И тут же [?] люди оказали[сь], стали на колени.

А небо потемнело» (Дневник. С. 483).

Ремизов видел в происходившем проявление телеологически обусловленной судьбы России, которой суждено пройти путем страдания и через покаяние очиститься от грехов и быть прощенной. Однако для Ремизова принципиальным было то, что Бог оставил человеку свободу воли, предоставил ему выбор — покориться чужой воле или сопротивляться ей. Сам он противодействовал неприемлемым ему силам сначала средствами, доступными ему как писателю — своими произведениями, а потом осознанным действием — отъездом за границу.

В годы эмиграции эволюция художественного самопознания самого Ремизова и изменение читательской аудитории были причинами нового поворота в реализации его постоянного интереса к народным легендам. На рубеже 1920—1930-х гг. он создал несколько книг, являвшихся обобщениями одной из магистральных тем его творчества — темы Божественных посредников между Богом и человеком — Богородицы (книга «Звезда-Надзвездная», 1928) и Св. Николая Чудотворца («Звенигород окликанный», 1924; двухтомник «Три серпа», 1927). В значительной степени эти книги состояли из новых редакций дореволюционных ремизовских легенд.

Особое место в эмигрантском творчестве писателя заняло научно-художественное эссе «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (1931), представляющее собой уникальный компендиум легендарных и исторических сведений о Св. Николае, изложение истории его почитания, вхождения Святого в пантеон русского народного христианства. При работе над этой книгой Ремизов пользовался огромной по объему справочной литературой и советами крупнейших славистов-медиевистов, таких, как, например, Пьер Паскаль и Борис Унбегаун. Последний считал, что, по сути, ремизов-

ское произведение по праву может быть защищено как докторская диссертация.

Финальный крупный цикл произведений, названный Ремизовым «Легенды в веках», был создан в 1947—1957 гг. и в совокупности представлял собой последнее художественное размышление писателя о человеке, Боге и о судьбе. В его состав вошли «Повесть о двух зверях. Ихнелат» (1947—1949), «Савва Грудцын» (1949), «Брунцвик» (1949), «Мелюзина» (1949—1950), «Бова Королевич» (1950—1951), «О Петре и Февронии Муромских» (1951), «Тристан и Исольда» (1951—1953), «Григорий и Ксения» (1954—1957). Основной темой цикла была тема утраченной, но бессмертной любви. Она возникла из горечи личной утраты — смерти жены, но позднее из темы воспоминания о земной любви-страсти трансформировалась в размышления о сути Любви Небесной.

Алексей Ремизов прошел долгий и непростой путь в своем отношении к Богу и миру. После периода бессознательно, органично воспринятой веры у него был период бунта, неприятия Бога, допускающего торжество Зла. В дальнейшем он заново искал пути к Богу, и на этой дороге спутниками Ремизова стали вечные сочувственники страдающему миру — Божия Матерь и Св. Николай Чудотворец. Постепенно писатель пришел к приятию и «оправданию Добра» — Бога, судящего человека, которого Он же наделил свободой воли. Последней книгой писателя, опубликованной незадолго до его смерти, была «Круг счастия. Книга о царе Соломоне» (1957). Она повествовала о судьбе знаменитого библейского мудреца, испытавшего и тяжелое детство, и страстную любовь, и моменты торжества и славы, и горечь изгнания. Эта финальная книга-парабола была символическим размышлением писателя о коловращении своей судьбы и заканчивалась спокойным приятием всего совершившегося.

Одним из последних авторских апокрифов Ремизова стала его дневниковая запись 1951 г.: «В последний путь — конца дороги не вижу и только знаю, там где-то по пути будет калитка — сад — деревья — книги. Войду, конечно, а назад — стена зеленая в небо — »[1].

А. М. Грачева

---

[1] РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 65. Л. 27.

КОММЕНТАРИИ

ЛИМОНАРЬ сиречь: ЛУГ ДУХОВНЫЙ

Впервые опубликовано: Ремизов А. ЛИМОНАРЬ сиречь: ЛУГ ДУХОВНЫЙ. СПб.: ОРЫ, 1907. 133 с.

Прижизненные издания: Лимонарь. Луг духовный / Шиповник 7; Лимонарь. Луг духовный / Сирин 7.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст — корректура «Лимонаря» <отрывки — «Тридневен во гробе», Примечания> (Кор.-Шиповник 7) — ИРЛИ. Ф. 79.

Текст-источник: Веселовский. Разыскания I—XVII.

Дата: 1907.

Время работы над Первой редакцией «Лимонаря» — 1906—1907 г. *«Лимонарь»* (греч.) — «Луг духовный». Это — название сборника повестей и рассказов о жизни подвижников и благочестивых мирян, составленного духовным писателем Иоанном Мосхом (к. VI—нач. VII в.). «Лимонарь» Ремизова возник как продолжение увлечения писателя апокрифическими сочинениями, содержание и идеи которых он воспринял, в основном, через текст-исследование Веселовского. Этот научный труд уже был использован Ремизовым при работе над романом «Пруд» (1-я ред. — 1902—1903). С последним цикл «Лимонарь» связан как общностью текста-источника, так и единой философской концепцией, основанной на пессимистической и гностической трактовке событий ветхо- и новозаветной истории. Ремизовский сборник имел также притчевый характер символического осмысления революции 1905 г. До публикации Ремизов читал тексты из «Лимонаря» на литературных собраниях у Ф. К. Сологуба («Гнев Ильи Пророка»), на Башне у Вяч. Иванова («Гнев Ильи Пророка», «О страстях Господних. Тридневен во гробе»). Последняя легенда вызвала резко негативную реакцию Иванова. Ремизов читал ее на Башне 18 марта 1907 г., на Страстной неделе. Впоследствии М. Сабашникова вспоминала: «В эти дни Ремизов читал нам свое новое произведение „Страсти Господни". В этом произведении с небывалой силой словесно и ритмически было изображено демоническое начало мира. Писатель, казалось, ликуя, сам себя отождествлял со злом. Заключительные слова: „Но у креста стояла Мать, Звезда Надзвездная..." не являлись достаточным противовесом. Ад торжествовал победу. Когда Ремизов дочитал до конца, поднялся Вячеслав и возмущенно сказал: „Это кощунство, я протестую". Ремизов, и без того уже сгорбленный и много претерпевший в жизни, сгорбился еще больше и молча ушел вместе с женой» (Сабашникова-Волошина М. В. Зеленая змея / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб., 1993. С. 165). О продолжении истории с последней легендой вспоминал М. Гофман: «По

поводу одного рассказа „Лимонаря“ произошел скандал, чуть было не перешедший в настоящую ссору. „Лимонарь“ Ремизова с его ритмической прозой приводил нас обоих [имеются в виду Вяч. Иванов и М. Гофман. — *Ред.*] в восторг. Я часто бывал у Ремизова, который читал мне новые рассказы из „Лимонаря“, и я приносил их Вячеславу Иванову. Помню, я как-то пришел к Алексею Михайловичу, и он прочел мне новый рассказ — „О страстях Господних“, который произвел на меня громадное впечатление. Я сейчас же побежал на „башню“ и хотел прочесть эту вещь Вячеславу Иванову. — А она действительно хороша? — Изумительна! Может быть, это лучшая вещь в „Лимонаре“! — Ну так сдайте ее в набор, — сказал Вячеслав Иванов, очень бегло просмотрев рукопись. Я сдал ее в набор и вскоре принес корректуру. Вячеслав взял ее, пошел в свою комнату и через четверть часа влетел в столовую, где сидел я, со страшным криком <...>: — Как вы смели без моего ведома сдать в набор такую гадость! <...> этот рассказ богохульство, гадость и никак не может быть напечатан в моем издательстве!.. Чего-чего он только не кричал. <...> покричал-покричал, потом успокоился, но остался при своем мнении. Я заказал отпечатать рассказ в нескольких экземплярах, кажется в 25, заплатил за это и принес их А. М. Ремизову. Ремизов был очень взволнован и сказал мне слова, которые я навсегда запомнил: „Модест Людвигович, я вас люблю и потому даю вам совет: держитесь подальше от меня, потому что я приношу людям несчастье“» (Гофман М. Петербургские воспоминания // Воспоминания о серебряном веке / Сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М., 1993. С. 376—377). Желая увидеть свое произведение в печати, Ремизов исправил текст легенды. В письме к Вяч. Иванову от 22 марта 1907 г. он изложил суть предлагаемой правки: «Сделал такие изменения: // стр. 11 после слов: „ибо Сам Сатанаил пребывал там... воинством“ // прибавил // *Демонской силой Он отвел глаза человекам и всей подлунной, погрузил души их в бесовский сон, — и темный бесной сон сковал вселенную ужасными видениями* // далее пробел, которым и отделяются видения: „Вскинулись, взбросились бесы, совлекли со Христа плащаницу“ и т. д. // стр. 15 сверху 7 строка Зачеркиваю: „видя без милости погибающий род человеческий“ // стр. 16 В фразе: „Так два дня, две ночи безумствовал Сатанаил“ и т. д. зачеркиваю „над телом Христовым“ // стр. 18 В фразу: „А рядом с Богородицей“ и т. д. вставляю: // как встать заре и взойти воскресшему солнцу и *Ангелу явиться отвалить от гроба камень — настать светлому дню Христова Воскресения,* Она не отходила от Креста — неутомимая Смерть прекрасная и т. д. // Посылаю Вам в таком виде на Ваше усмотрение. Мне кажется, что теперь вполне ясно, что все это было сатанинское наваждение. Посылаю примечания“ (Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. ст., примеч. и подгот. писем А. Ремизова А. М. Грачевой; подгот. текстов писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 91—92. Далее: Иванов. — С указанием страницы). Целью авторских исправлений было завуалирование еретической сути легенды. Ремизов «закамуфлировал» апокалиптические картины торжества Зла под «сатанинские наваждения». Приведенное письмо Ремизова подтверждает, что первоначальная концепция апокрифа была иной, и именно в таком виде он логично завершал цикл. Ср. также указанный М. В. Козьменко факт более детализированного описания бесчинств сатанинских сил в хранящемся в РГАЛИ раннем автографе легенды «Гнев Ильи Пророка» (Козьменко М. В. «Лимонарь» как

опыт реконструкции русской народной веры // Алексей Ремизов. Материалы и исследования. С. 30—31). Первоначально в сборник не входила легенда «Вещица», вставленная в него в процессе публикации «Лимонаря» в изд-ве «ОРЫ». См. приписку Вяч. Иванова к письму Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Ремизову 1907 г.: «„Вещицу“, Алексей Михайлович, приносите. Ничего, что не лимонарно. Так, значит, нужно, чтобы было посолонно» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 7). Известный исследователь апокрифов А. И. Яцимирский дал положительную рецензию на сборник, отметив его значение в процессе «всеобъемлющего синтеза народного мифологического миросозерцания» (Исторический Вестник, 1908, Апрель, Т. CXII. С. 1095). Подробнее о Первой редакции «Лимонаря» см.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 47—70.

При включении «Лимонаря» в Собрание сочинений (Шиповник 7; Сирин 7) Ремизов кардинально переработал и его состав, и идейно-философскую концепцию. Новый состав сборника: «Никола Угодник», «О безумии Иродиадином», «Попрание клятвы Адамовой», «Мария Египетская», «Гнев Илии Пророка», «Властелин», «Притча Златоустого», «Злоубийца», «Царь Диоклетиан», «Иов и Магдалина», «Вещица», «Страсти Сатанинские», «Страсти Пресвятыя Богородицы», «Страсти Господни», «Светло-Христово Воскресение», «Кузьма и Демьян», «Рождество Христово». Сборник был расширен за счет включения переработок ветхо- и новозаветных апокрифов и патериковых рассказов. Его религиозно-философская концепция стала более оптимистической, близкой к ортодоксальному православию. Она также утратила прежний притчевый характер, ориентированный на революцию 1905 г. Ремизов разослал экземпляры седьмого тома Собрания сочинений ряду видных медиевистов (М. Н. Сперанскому, И. А. Шляпкину, А. А. Шахматову и др.) и получил от них благодарственные письма. Исключение составило письмо Шляпкина, который и в новой редакции отметил еретический характер легенды «Страсти Господни» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 242. Л. 1—2 об.). В ответном письме от 23 февраля 1912 г. Ремизов вновь, как ранее Вяч. Иванову, подробно доказывал своему критику, что все это только бесовское наваждение, что «чем чудовищнее Сатанинское действо, тем картина ярче — искушение сильнее, соблазн безнадежнее, победа крепче и полнее» (РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 2013. Л. 3). Как вспоминал Ремизов, он, по совету Шахматова, подал два тома Собрания сочинений («Посолонь» и «Лимонарь») на соискание Пушкинской премии Императорской Академии наук. «Но президент Академии Наук в. к. Константин Константинович, К. Р., автор „Царь Иудейский“, мое ходатайство отклонил, поставя свою резолюцию на „Посолонь“ и „Лимонарь“ — „не по-русски-де написано“. Трудно было поверить. С ведома Шахматова я послал повторные экземпляры. Пушкинскую серебряную медаль присудили Поликсене Сергеевне Соловьевой (Allegro) за книгу стихов» (Встречи. С. 13—14).

В настоящем издании публикуется Первая редакция «Лимонаря», наиболее целостно отражающая ранний этап обращения Ремизова к жанру религиозной легенды.

О БЕЗУМИИ ИРОДИАДИНОМ, КАК НА ЗЕМЛЕ ЗАРОДИЛСЯ ВИХОРЬ

Впервые опубликовано: Ремизов А. ЛИМОНАРЬ сиречь: ЛУГ ДУХОВНЫЙ. СПб., ОРЫ, 1907. С. 5—25.

Прижизненные издания: О безумии Иродиадином, дата: «1906» / Шиповник 7. С. 23—34; О безумии Иродиадином, дата: «1906» / Сирин 7. С. 23—34; Ремизов А. Пляс Иродиады. Берлин, 1922. 138 с.

Рукописные источники и авторизованные тексты: «„О безумии Иродиадином“. Сказка», Б. д. — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 17. 11 л.

Текст-источник: Веселовский. Разыскания VII («Румынские, славянские и греческие колядны»), XVI («Легенды об Ироде и Иродиаде и их славянские отражения»).

Дата: 1906.

С. 5. *Перемиловский* Владимир Владимирович (1880—?) — педагог, переводчик, многолетний друг Ремизова. В 1907 г. — студент славяно-русского отделения историко-филологического факультета Петербургского университета, писавший под руководством проф. И. А. Шляпкина кандидатское сочинение «К вопросу о ближайшей родине русской редакции апокрифа „Сон Богородицы“». Помогал Ремизову в изучении апокрифической литературы. Об их взаимоотношениях см.: Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемиловскому. Подгот. текста Т. С. Царьковой, вступ. ст. и примеч. А. М. Грачевой // Рус. лит., 1990, № 2. С. 197—235.

О безумии ~ вихорь. — Название основано на тексте-источнике (Веселовский. Разыскания VII. 221; XVI. 309. См. дарственную надпись Ремизова жене 1923 г. на изд. 1922 г.: «Иродиада — бело-алая писалась на Кавалергардской. Первый раз читал у С. К. Маковского, в нее много вложено „науки“ — книг от востока и до запада» (Каталог. С. 23).

Спохватились ангелы ~ спали волхвы. — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский. Разыскания VII. 250, 247.

С. 6. *У седого Карачуна ~ Младенец.* — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский Разыскания VII. 240.

С. 7. *...удоноши ~ петухи...* — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский. Разыскания VII. 111.

С. 10. *...прядет свою пряжу — осеннюю паутину — Богородичны нити.* — Ср.: «...прядет, ее нити — осенняя паутина, которую в Германии зовут нитями Богородицы» (Веселовский. Разыскания VII. 220).

С. 11. *Несется неудержимо ~ пляшет плясея проклятая.* — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский. Разыскания VII. 222.

О МЕСЯЦЕ И ЗВЕЗДАХ И ОТКУДА ОНИ ТАКИЕ

ХРИСТОВА ПОВЕСТЬ

Впервые опубликовано: Ремизов А. ЛИМОНАРЬ сиречь: ЛУГ ДУХОВНЫЙ. СПб., ОРЫ, 1907. С. 27—32.

Прижизненные издания: Мария Египетская, дата: «1906» / Шиповник 7. С. 43—46; Мария Египетская, дата: «1906» / Сирин 7. С. 43—46; Месяц и звезды / Звезда-надзвездная. С. 53.

Текст-источник: Веселовский. Разыскания VII («Румынские, славянские и греческие колядны»).

Дата: 1906.

С. 12. *О месяце...* — Текст Ремизова основан на тексте румынской песни: «Богородица прядет на зеленой тропе, ведущей к вратам рая, прядет золотые

нити на одежду своему сыну; откуда ни взялись соколы, похитили пряжу; Богородица посылает Ивана Крестителя, пусть разыщет соколиное гнездо и принесет ей, а соколят возьмет себе. Это выше моих сил, отвечает святой: соколы унесли *золотую нить* высоко, под небеса, свили из него гнездо — *золотой месяц*, а соколят негде взять: из них поделались дробные звезды <...> иные отождествляют луну с ликом Марии Магдалины, заступившей место Божьей Матери» (Веселовский. Разыскания VII. 225).

С. 12. *Гофман* Модест Людвигович (1887—1959) — поэт, критик, литературовед. Ремизов познакомился с ним в начале 1900-х гг., но их большее сближение и дружба семьями относятся к периоду парижской эмиграции. В 1907 г. Гофман был секретарем издательства «ОРЫ» и способствовал публикации сборника «Лимонарь».

Мария Египетская, преп. (VI в.) — раскаявшаяся блудница, проведшая 47 лет в покаянии в пустыне, без одежды, покрытая лишь своими длинными волосами. Память 1 апреля. (Здесь и далее даты церковных праздников даются по старому стилю). Ремизов заменяет этой Марией упомянутую в источнике *Марию Магдалину* — одну из жен-мироносиц, преданнейшую последовательницу Иисуса Христа, память 22 июля.

...где стоит цвет солнца, творя суд над цветами... — Ср. «...где солнечный цвет стоит у врат рая, творя суд над цветами» (Веселовский. Разыскания VII. 23).

С. 13. Ты *видишь те серые горы ~ там ангелы ~ столпились на Западе ~ всякий день по захождении солнца они идут к Богу на поклонение и несут дела людей ~, добрые и злые.* — Ремизовская переработка текста-источника — прочтение его сквозь призму христианской символики. Ср.: «Видишь ли ты, или не видишь те серые горы? Не по себе они серые, а от овец. У овец черные ягнята; то не ягнята, а пастухи, опирающиеся на клюки, закутанные в капюшоны. Овцы пойдут на восход солнца <...> увенчают себе головы (цветами)» (Веселовский. Разыскания VII. 254—255).

ГНЕВ ИЛЬИ ПРОРОКА,

ОТ НЕГО ЖЕ СОКРЫЛ ГОСПОДЬ ДЕНЬ ПАМЯТИ ЕГО

Впервые опубликовано: Ремизов А. ЛИМОНАРЬ сиречь: ЛУГ ДУХОВНЫЙ. СПб., ОРЫ, 1907. С. 33—62.

Прижизненные издания: Гнев Ильи Пророка, дата: «1906» / Шиповник 7. С. 47—61; Гнев Ильи Пророка, дата: «1906» / Сирин 7. С. 47—61.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Беловой автограф под загл. «„Гнев Ильи Пророка, от него же сокрыл Господь день памяти его..." Сказка», Б. д. — Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 8. 16 л.; Черновой автограф, «22 октября 1923» — ЦРК АК. Кор. 13. Папка 1. 28 л.; Печ. текст — авторизованная машинопись, <1920-е> — ЦРК АК. Кор. 13. Папка 1. 28 л.

Текст-источник: Веселовский. Разыскания VI («Духовные сюжеты в литературе и народной поэзии румын»); VII («Румынские, славянские и греческие коляды»); VIII («Илья — Илий (Гелиос)?»).

Дата: 1906.

С. 13. *Кузмин* Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, композитор. Знаком с Ремизовым с начала 1900-х гг. В 1906—1907 гг. был духовно близок кругу Вяч. Иванова и жил у него на «Башне».

Знаток гностических учений. Автор музыки к пьесе Ремизова «Бесовское действо над некиим мужем, а также прение Живота со Смертью» (Премьера в театре В. Ф. Коммиссаржевской 4 декабря 1907 г.).

С. 13. *...пропастная глубина, высота поднебесная.* — Ср. запев былины «[Про] Саловья Будимеровича»: «Высота ли, высота поднебесная / Глубота, глубота акиян-море...» (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. изд. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилова. М.; Л., 1958. С. 9).

На четвертом ~ небе ~ словно огненный поток, в васильках. — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский. Разыскания VI. 24—25, 27, 33, 32, 33, 28.

С. 14. *Земля! Ты будь мне матерью. Не торопись обратить меня в прах!* — Ср.: «Земля, земля! Отныне будь мне матерью, не торопись обратить в прах!» (Веселовский. Разыскания VI. 31).

С. 15. *Склоненная пречистым ликом над книгой живота и смерти опочивала утомленная Богородица ~ Походил Иуда ~ хотел ~ от источника умыться...* — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский. Разыскания VI. 28—29.

С. 16. *Забрал Иуда солнце, месяц, утреннюю зарю ~ И наступила в раю такая тьма...* — Ср.: «Июда прокрадывается в рай, и пользуясь сном св. Петра, крадет райские ключи, похитил месяц, солнце и утреннюю зарю, престол Господа, купель Сына, траву босилька [так! — *Ред.*] и райские цветы, крест и миро — и все это принес в ад, который приукрасился, тогда как в небе настала ночь» (Веселовский. Разыскания VII. 264).

С. 17—18. *Спрашивает Господь: — Кто возьмется из вас, преподобных, принести мне похищенное? ~ один вызывается Илья Пророк. ~ не по тебе такое оружие.* — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский. Разыскания VII. 264.

С. 18. *Господи, я от моря поднял облака ~ Ты послал за мной огненную колесницу и коней огненных...* — Цитата из исследования (Веселовский. Разыскания VIII. 309—310), состоящая из приведенной Веселовским контаминации обширных цитат из Библии (3 Цар. 16; 30—19; 1—13; 14; 1—2).

С. 19. *И корчится небо ~ лопается небо. ~ Падают черти ~ за спины людей.* — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский. Разыскания VIII. 338, 321, 311, 327.

...разоряются пастбища ~ козлы. — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский. Разыскания VIII. 347.

С. 20. *Ты унимаешь руду-кровь.* — См.: Веселовский. Разыскания VIII. 312.

Две белые лани ~ падают мертвыми. — См.: Веселовский. Разыскания VIII. 348.

Задавлены пчелы ~ нет густой ужинистой ржи. — См.: Веселовский. Разыскания VIII. 320.

С. 21. *Наступает Архангел ~ И поражает ~ Илью в десницу.* — См.: Веселовский. Разыскания VIII. 328; 325.

С. 22. *Порешил Всемогущий ~ десницу его онегодить и навеки не открывать день памяти его.* — Неточная цитата из источника (См.: Веселовский. Разыскания VII. 265).

В бездне бездн ~ прикован на цепи Иуда ~ Зацепили за пуп плясуна ~ качаться над раскаленными каменными плитами. — Неточные цитаты из источника (Веселовский. Разыскания VII. 277, 197).

ОТЧЕГО НЕЧИСТЫЙ БЕЗ ПЯТ И О СОТВОРЕНИИ ВОЛКА.
СЛОВО ЕГОРИЯ ВОЛЧЬЕГО ПАСТЫРЯ НИКОЛЕ УГОДНИКУ

Впервые опубликовано: Ремизов А. ЛИМОНАРЬ сиречь: ЛУГ ДУХОВНЫЙ. СПб., ОРЫ, 1907. С. 63—72.

Прижизненные издания: Страсти Сатанинские, дата: «1906» / Шиповник 7. С. 111—116; Страсти Сатанинские, дата: «1906» / Сирин 7. С. 111—116.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Беловой автограф — «„Отчего нечистый без пят и о сотворении волка. Слово Егория Волчьего пастыря Николе Угоднику". Сказка», Б. д. — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 17. 5 л.

Текст-источник: Веселовский. Разыскания II. («Св. Георгий в легенде, песне и обряде»); VIII («Илья — Илий (Гелиос)?»); XI («Дуалистические поверья о мироздании»).

Дата: 1906.

С. 23. *Егорий волчий пастырь.* — Точная цитата из источника: «Егорий <...> волчий пастырь» (Веселовский. Разыскания VIII. 333).

...шли однажды лесом Егорий да Никола... — Источник обрамляющего сюжета — Веселовский. Разыскания II. 43—144.

...почему Нечистый твоих волков боится? — Источник основного сюжета — Веселовский VII. 330—333.

С. 25. *...сорвался из глины волк, бросился на Сатану ~ догнал его волк, схватил за ноги и откусил ему пяты.* — Ср.: «Господь сотворил человека из земли, дьявол <...> слепил волка <...> Господь <...> оживил волка, а тот тотчас сорвался и побежал за дьяволом; дьявол от него, полез на дерево, но волк его догнал и откусил пяты» (Веселовский. Разыскания XI. 94).

ВЕЩИЦА, ИМЕН КОТОРОЙ ДВЕНАДЦАТЬ С ПОЛОВИНОЮ.
ИЗЪЯВЛЕНИЕ

Впервые опубликовано: Ремизов А. Лимонарь сиречь: ЛУГ ДУХОВНЫЙ. СПб., ОРЫ, 1907. С. 73—90.

Прижизненные издания: Вещица, дата: «1906» / Шиповник 7. С. 101—109; Вещица, дата «1906» / Сирин 7. С. 101—109; Голяда / Литер. альм. «Струги» (Берлин), 1923. Кн. 1; Вещица-Голяда / НРС, 1955, № 15597, 9 янв.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Беловой автограф под загл. «Вещица. Сказка», Б. д. — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 6. 14 л.

Текст-источник: Веселовский. Разыскания VI («Духовные сюжеты в литературе и народной поэзии румын»).

Дата: 1906.

С. 25. *В Гадояде, в стране стеклянной...* — Источник сюжета — варианты богомильской молитвы св. Сисинию против трясовиц (См.: Веселовский. Разыскания VI. 40—53).

С. 28. *Сисиний ~ великий воин, побивший много побоищев, победитель Пора, царя индейского...* — Ср. в источнике: «Великий воин был св. Сисиний. Одолевал Сириан, Измаильтян и Татар» (Веселовский. Разыскания VI. С. 44). О царе Поре см. легенду Ремизова «Премудрый царь Соломон и красный царь Пор». С. 562—577 наст. изд.

С. 30. *....Сисиний ~ видит, идет по пустыне некая женщина ~ схватил ее ~ стал бить и колоть...* — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский. Разыскания VI. С. 48.

С. 30. *...Сисиний ~ изрыгнул на ладонь материнское молоко.* — См.: Веселовский. Разыскания VI. 43.

Скажи же, проклятая, имена твои! — Ср.: «Скажи же проклятая, премерзкие имена твои» (Веселовский. Разыскания VI. 44).

Мора ~ Голяда. — Неточная цитата из источника (Веселовский. Разыскания VI. 50—51).

О СТРАСТЯХ ГОСПОДНИХ. ТРИДНЕВЕН ВО ГРОБЕ

Впервые опубликовано: Ремизов А. ЛИМОНАРЬ сиречь: ЛУГ ДУХОВНЫЙ. Спб., ОРЫ, 1907. С. 91—106.

Прижизненные издания: Страсти Господни, дата: «1906» / Шиповник 7. С. 127—135; Страсти Господни, дата: «1906» / Сирин 7. С. 127—135.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст — НР-Шиповник, дата-автограф: «1906». — ИРЛИ. Ф. 79.

Текст-источник: Веселовский. Разыскания XI («Дуалистические поверья о мирозданьи»); XII («Безразличные и обоюдные в Житии Василия Нового и народной эсхатологии»); XVIII («Вещания Вёльвы (Vǫluspá) и новейшая экзегеза»); XIX («Эпизоды о рае и аде в послании новгородского архиепископа Василия»); XX («Еще к вопросу о дуалистических космогониях»); XXIV («Видение Григория о последних днях»).

Дата: 1906.

С. 30. *О страстях Господних...* — Название апокрифа взято из исследования В. Сахарова «Апокрифические и легендарные сказания о пресвятой деве Марии, особенно распространенные в древней Руси» (Тула, 1888), где рассмотрен сборник апокрифических сказаний «Страсти Христовы» (С. 89—109). Текст Ремизова тематически, идейно-философски и эстетически базируется на пересказанных и цитируемых Веселовских апокрифических памятниках: «Беседа трех святителей», «Енох», «Слово о древе крестном», «Никодимово Евангелие», «Слово Палладия мниха», «Хождение Богородицы по мукам», «Хождение апостола Павла по мукам», «Слово Мефодия Патарского о царствии язык последних времен», «Видение Григория» из «Жития Василия Нового», книг Св. Писания «Откровение святого Иоанна Богослова» и «Евангелие от Марка».

С. 31. *Распяли Его на кресте леванитовом ~ где клали венок, там сыпались слезы.* — Близкий к тексту пересказ и цитация — Веселовский. Разыскания VII. 240, 243, 244, 240.

Разрушающий храм и в три дня созидающий! Спаси себя. Если ты сын Божий, сойди с креста. Других спасал, а себя самого не может спасти. Если он царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в него. — Близкие к тексту цитаты из Евангелия (Мк. 15; 29—32).

Радуйся Царь Иудейский! — Цитата из Евангелия (Мк. 15; 18).

С. 32. *Боже мой, Боже мой! Для чего Ты оставил меня?* — Цитата из Евангелия (Мк. 15; 34), приведенная со значительным семантическим изменением: заменой заглавной буквы на строчную в местоимениях, обозначающих Иисуса Христа.

...небеса, свившись как свиток... — Образ из Апокалипсиса (Отк. 6; 14).

Стал Սатанаил перед Крестом и смотрел на Христа ~ Друг против друга, как царь и раб, как брат и враг, как царь и царь, как брат и брат, как

спаситель и покинутый... — Ср. изложение взглядов богомилов в записи Евфимия Зигабена: «Сатанаил и Бог-Сын — братья; творчество первого неба и земли приписано Богу-Отцу; лишь после падения своего Сатанаил пытается создать новое небо, освобождает землю из-под вод, производит зверей и растительность. Его участие в деле сотворения человека ограничивается телом <...> Он не равносилен Богу-Отцу, хотя считается сильнее брата-Христа» (Веселовский. Разыскания IX. 37).

С. 33. *...пришел к Пилату некий богатый человек из Аримофеи, именем Иосиф ~ и, привалив большой камень к двери гроба, удалились.* — Вольный пересказ евангельского текста (Иоан. 19; 39—42, 20; 1).

Демонской силой Он отвел глаза человекам ~ и темный бесной сон сковал вселенную ужасными видениями. — Вставка в первоначальный текст апокрифа, сделанная после замечаний Вяч. Иванова (см. преамбулу к «Лимонарю»).

...разделили пречистое тело: плоть — земле, кровь — огню, кости — камню, дыхание — ветру, глаза — цветам, жилы — траве, помыслы — облакам... — Переложение цитируемого Веселовским апокрифического сказания о создании Адама (Веселовский. Разыскания XI. 48).

С. 33—34. *И вот в полночь ~ раскрылось все небо, и воспылало над землей ярое солнце ~ Выволокли демоны тело Христово из нового гроба и, убрав Его в дорогие царские одежды, вознесли на высочайшую гору на престол славы. ~ А с престола ~ смотрели оловянные огромные очи бездушного разложившегося тела. ~ видно было, как распадались составы, и под одеждой колебалось затхнувшее мясо...* — Текст Ремизова — построен как зеркально перевернутое отражение «Видения Григория». Ср.: «Посреди града высокий холм, пламенеющий, как раскаленное железо либо медь; на нем крест, сияющий огнем, освещая воздух <...> Вот, с высоты <...> спустился на огненных крыльях юноша, что-то уготовляя, будто престол царю <...> Новые сонмы спускались с высоты <...> среди них виден крест, <...> искривившийся и испускавший божественный свет, точно солнце днем. Дойдя <...> до места, где уготован был Господен престол, он стал в высоте, видимый всем воскресшим из мертвых <...> на светлом облаке, испускавшем неизреченное благовоние, явился Господь наш Иисус Христос. <...> Он воссел грозный на престоле славы» (Веселовский. Разыскания XXIV. 189, 193, 196).

...неслась на борзых конях колесница и в колеснице — скелет в терновом венце. — Образ заимствован из текста-источника. Ср.: «бóльшая часть этих преданий уже сложилась, не выключая <...> позднейшего: о взятии Ильи на небо в огненной колеснице. <...> эти легенды смешались у позднейших Евреев с их представлениями о пришествии Мессии» (Веселовский. Разыскания VIII. 303).

...иссякли источники ~ солнце померкло. — Неточная цитата из «Слова на второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа» Ефрема Сирина, процитированного в кн.: Сахаров В. Эсхатологические сказания... С. 149.

С. 35. *А рядом с Богородицей ~ молодая жена ~ неутолимая Смерть прекрасная.* — Смерть, приходящая к праведнику в облике прекрасной женщины — образ, заимствованный Ремизовым из апокрифа «Смерть Авраама» («Егда скончашеся дние Аврааму, приступи къ нему смерть лѣпотою» (Апокрифические сказания. Труд ордин. акад. Н. С. Тихонравова. СПб., 1894. С. 13). См. в наст. изд. ремизовский пересказ этого апокрифа — «Авраам» (1915).

С. 35. *...и Ангелу явиться отвалить от гроба камень — настать Христову дню — Пасхе.* — Добавление Ремизова, внесенное в первоначальный текст после замечаний Вяч. Иванова.

Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое! — Цитата из Евангелия — возглас благоразумного разбойника, распятого с Христом (Лк. 23; 42).

Примечания

Примечания Ремизова состоят из пересказов или прямых цитат из текста: Веселовский. Разыскания. Ссылки на дополнительные источники ремизовских текстов в основном ложные и заимствованы из подстрочных примечаний Веселовского. Например: *примеч. Ремизова к стр. 51* «В Болгарии рассказывают, что Илья заставляет умерших цыган делать град из снегу и пускает его летом на поля грешников. Там же, в Болгарии живет поверье: будто души детей родившихся по смерти отца помогают Илье преследовать ламию. Ламия пожирает жито». *Текст Веселовского:* «Ламия, пожирающая жито <...> В Болгарии рассказывают, что Илья заставляет умерших цыган делать град из снегу и пускает его летом на поля грешников; либо: что души детей, родившихся по смерти отца, помогают Илье преследовать ламию» (Веселовский. Разыскания VIII. 326—327).

С. 36. *...«Белые цветы».* — В экземпляре издания Первой редакции «Лимонаря», хранящегося в ИРЛИ РАН, рукой Ремизова добавлено: «Другие припевы: „Виноградье красно-зеленье мое!“ / „Святый вечор!“ / „Ой, Коляда, Коляда!“».

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ

Впервые опубликовано: 1) **Забытые Богом** / Заветы, 1912. № 8. С. 43—44; 2) **Забывшие Бога** / Там же. С. 44—45 — как две отдельные легенды в цикле «Бисер Малый» 3) **Преисподняя** — под заглавием «Ангел — страж муки» в цикле легенд «Цепь златая» / Альм. «Сирин». № 1. СПб., 1913. С. 257—258.

Прижизненные издания: [две отдельные легенды в цикле «Бисер Малый»]: **Забытые Богом** / Ремизов А. Подорожие. СПб., 1913. С. 189—191; **Забывшие Бога** / Там же. С. 192—193; **Ангел — страж муки:** 1) Сб. «Волны вечности в русской литературе». Киев, 1914. С. 317—318; 2) в цикле «Цепь златая» / Сб. «Весеннее порошье». СПб., 1915. С. 158—160; **Хождение Богородицы по мукам:** 1) Дни (Берлин). 1922. № 7. 5 ноябр. С. 13; 2) Перезвоны (Рига). 1927. № 33. С. 1038—1041; 3) Звезда надзвездная. Stella Maria Maris. Paris: YMCA PRESS, MCMXXVIII. С. 66—69; 4) Голубиная книга. Hamburg, 1946 [Изд. без ведома автора]. С. 19—27.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Черновой автограф — <Хождение Богородицы по мукам>, графические планы-схемы, <1910-е> — РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 16; 2) «Слово пресвятой Богородицы велми душеполезно о покои всего мира XII в.», <1910-е> — РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 4-4 об., 3 об., 5 об., 6 об., 8 об., 7 об., 5, 3, 13 об.; 3) Беловой автограф в составе НР-Звезда Надзвездная, «1928» — ЦРК АК. Кор. 16. Папка 31.

Тексты-источники: 1) ПСРЛ III. С. 118—124; 2) [Компилятивный пересказ «Хождения Богородицы» с включением точных цитат из древнерусских источников] // Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. 249 С. — Далее: Сахаров. Эсхатологические сочинения.

Дата: <1911—1922?>.

Публикуется по изданию 1928 г.

Основной текст-источник — ПСРЛ III. Первоначальными этапами художественного «освоения» текста Ремизовым являются автографы, представляющие собой конспекты диалогов Богоматери и архангела Михаила, а также рисунки — топографические планы «Хождения». В 1910-е гг. ремизовские переработки «Хождения» существовали в виде диптиха из 2-х легенд («Забытые Богом», «Забывшие Бога») и отдельной легенды «Ангел — страж муки» (позднее: «Преисподняя»). В 1922 г. Ремизов провел незначительную стилистическую и пунктуационную правку и объединил три легенды в одну — «Хождение Богородицы по мукам». В последующих публикациях незначительная правка того же типа была продолжена. Начиная с 1910-х гг., идеи и цитаты из «Хождения» являются составной частью многих произведений Ремизова на «современные» темы.

С. 45. *ЗАБЫТЫЕ БОГОМ* — название раздела взято из пересказа древнерусского «Хождения» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Богоматерь посещает ад <...> Там есть, между прочим, один презанимательный разряд грешников в горящем озере: которые из них погружаются в это озеро так, что уж и выплыть более не могут, то „тех уже забывает Бог“ — выражение чрезвычайной глубины и силы» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1976. Т. 14. Кн. V. С. 225). Ср. текст источника: «нѣсть памяти о немъ отъ Бога» (С. 122).

И тьма не разошлась по слову Богородицы... — здесь и далее основа текста — пересказ источника 1) Ср.: ПСРЛ III. С. 119.

«*...пока не взойдет Солнце новое, светлее семи солнц*». — Ср.: „...дондеже явится сынъ твои благы(и), паче [в источнике буква «земля» под титлом = 7] солнцъ свѣтлійши“ (ПСРЛ III. С. 119).

«*Что же молчите, не отвечаете?*» — *воззвали ангелы...* — Ср.: «и рекоша ангели стрегуще: „почто не глаголите?“» (С. 119).

«Не поднять нам глаз!» — Ср.: «отъ вѣка нѣсмь свѣта видѣли» (ПСРЛ III. С. 119).

С. 46. *Авраам ~ «Стена необоримая!»* — Близкий к тексту пересказ источника (ПСРЛ III. С. 119).

Павел — восхищенный на третье небо... — Ремизов вводит в контекст своего произведения апокрифическое сочинение «Хождение апостола Павла по мукам», в котором Павел свидетельствует, что ангел «възведи мя на третее небо», где обитают праведные (Хождение апостола Павла по мукам // Памятники отреченной русской литературы. Собр. и изд. Н. Тихонравовым. Т. I. СПб., 1863. С. 47 — Далее: ПОРЛ-I с указанием страницы), а потом показал ему мучения грешников. Апокрифический текст основан на словах апостола Павла: «Знаю человека во Христе, который ~ в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает, — восхищен был до третьего неба» (2 Кор. 12; 2).

С. 46. ...*ни Авраам, ни Моисей, ни Иоанн, ни Павел ~ ни один из сходивших во ад, не приходил в темную муку отчаяния.* — Имеется в виду содержание апокрифических сочинений: «Смерть Авраама», «Исход Моисеев», «Вопросы св. Иоанна Богослова о живых и о мертвых», «Хождение апостола Павла по мукам».

«Вот они: те, кто не веровал ~ за то здесь и мучатся!» — Неточная цитата из источника (ПСРЛ III. С. 119).

И тьма упала на грешников... — Ср.: «и паки тма нападе на нихъ» (ПСРЛ III. С. 119).

Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим! — Возглас дьякона на повечерии перед молитвой к Пресвятой Богородице.

ЗАБЫВШИЕ БОГА — название раздела взято из источника: «забыша Бога» (ПСРЛ III. С. 119).

И сказал Михаил ~ на север. — Близкий к тексту пересказ источника (ПСРЛ III. С. 119).

С. 46—47. *А там ~ великое из огня и пламени ложе ~ «Это те, кто в Христову ночь к заутрене не вставал...» ~ «если дом у кого загорится ~ на том нет греха».* — Близкий к тексту пересказ источника (ПСРЛ III. С. 120).

С. 47. ...*течет река огня ~ смола кипит; некроток червь — неусыпающий ~ скрежет — страх ~ непрестанные слезы ~ трепет.* — Конспективный цитатный пересказ Слова Палладия Мниха «О втором пришествии Христове, о страшном суде и будущей муке». Ср.: «...для мучения грешников, река огненная, и „туже суть ~ и иныя муки различныя ~ смола горящая, иное же червь ядовитый, не усыпаяй ~ туже суть скрежетаніе зубомъ и тьма кромѣшная, и плачь неутѣшимый, ~ смрадъ ~ и трепетъ ~ и страхъ неисчетенъ и ужасъ неисповѣдимъ"» (пересказ исследователя и точная цитата из Слова Палладия Мниха — см.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения. С. 155).

«Лучше бы было, да не родиться в мир человеку!» — воскликнула Богородица... — Ср.: «„Лучше бы не родиться человеку тому", сказала Богоматерь» (Сахаров. Эсхатологические сочинения. С. 195). Эта же цитата выписана Ремизовым на полях его «конспекта»-плана «Хождения» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 16). Ср. в источнике: «добро было человѣку тому, да ся бы не ражалъ» (ПСРЛ III. С. 120).

...*и занесли Богородицу ~ в преисподнюю ~ шла Богородица в преисподнем городе...* — Возможно, отражение представленного в «Божественной комедии» Данте деления на верхний и нижний ад. Последний начинается с города Дита (песни VII и VIII).

...*небо медное...* — Традиционная в народной мифологии характеристика «того света».

С. 48. ...*встретила стража Богородицу. ~ «Как стали мы у очага мучительства, свет покинул нас ~ хотим помочь и не можем, помоги нам, Матерь Божия!»* — Ср.: «и видѣвше пресвятую ангели стрегуще, и возопиша (вси) едины усты, глаголюще: „~ благословимъ тя и Сына Божія, ~ яко бо отъ вѣка не видѣхомъ свѣта ~" И паки возопиша вси единѣмъ гласомъ, глаголюще: „радуйся, благодатная Богородица ~ мы убо видимъ грѣшныя мучащіяся, и зѣло скорбимъ ~ добрѣ есте пришли во тму сію, да ны видитъ како ны есть мука; помолись, пресвятая, со архистратигомъ» (ПСРЛ III. С 122).

С. 48. *«Хочу — мучиться — с грешными!»* — Ср. в источнике: «И рече пресвятая ко архистратигу: „при едино(и) молитвѣ молютися, да вниду и азъ, да

ся мучу со крестьяны, и понеже нарекоша(ся) чада сына моего". — И рече архистратигъ: „почиваи въ раи". — И рече пресвятая: „молютися, и подвигни воинства [7]-ми небесъ (и) вся воинства ангели, да ся помолимъ за грѣшники, не бы ли насъ услышалъ Господь Богъ и помиловалъ ихъ" <...> и воздѣ руцѣ свои ко благодатному Сыну своему, и рече: „помилуи, владыко, грѣшныя, яко видѣхъ я, (и) не могу терпѣти, да ся мучю (и) азъ со крестьяны" (ПСРЛ III. С. 122).

СВЕТ НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ

Впервые опубликовано: Ремизов А. Весеннее порошье. СПб.: «Сирин», 1915. С. 99—128.

Тексты цикла «Свет неприкосновенный» публикуются по изданию в «Весеннем порошье» с исправлением опечаток.

В сборнике «Весеннее порошье» три цикла «Свет неприкосновенный», «Свет невечерний» и «Цепь златая» составлены из произведений, в основе которых лежали средневековые религиозные легенды, апокрифы и патериковые рассказы о раннехристианских монахах. Рецензенты особо отметили эту часть сборника. «В книге, — как писал критик Далецкий, — подлинно на всем печать весенней свежести и благоуханной чистоты чувства» (Новый журнал для всех, 1915, № 4. С. 59). С. Парнок, опубликовавшая рецензию под псевдонимом «Полянин А.», подчеркнула, что «у Ремизова чудесный дар расколдовывания и выявления <...> тех частиц теплоты и света, которые от солнца заимствуют все живое. <...> Все, до чего коснется он, полно стремления „вернуть Богу дары Его"». Говоря о трех легендарных циклах, критик особо отметила художественное совершенство ремизовского языка: «аскетичность языка <...> тем изумительней и чудесней, что Ремизову доступно все роскошество русской речи. <...> Ремизов *оркестрирует* свою фразу с искусством истинного музыканта, — исключительной меткостью в расстановке слов он достигает полной передачи не только голоса своего, но и тончайших своих интонаций» (Северные записки, 1915, № 7-8. С. 263—264). В. Голиков назвал сказания циклов «самым драгоценным камением и самыми благоуханными кринами цветника райского и древлего благочестия». Но в то же время он счел их не только чуждыми, но даже враждебными «той архаической наивной набожности, которая создала подлинные апокрифы и мистические лики древних икон» (Вестник Знания, 1915, № 12. С. 797). Т. Ганжулевич, подчеркнув яркую индивидуальность писателя, тем не менее сомневалась в жизненности и художественной перспективности подобных произведений: «Возвращение к прошлому <...> живых ростков искусству не даст; оно может дать лишь временный подъем художественного творчества» (ЕЖ, 1915, № 6. С. 136). Анализируя три легендарных цикла, Ганжулевич назвала произведения цикла «Свет невечерний» «наименее удачными». По ее мнению, «Ремизов, снимая мистический покров» с апокрифических сказаний, «лишает их духа жизни. Недаром так отрывочны и незаконченны те образы, которые дает в этих легендах автор» (Там же. С. 156).

В конце сборника «Весеннее порошье» Ремизов, как обычно, сопроводил текст авторскими примечаниями, основная часть которых относилась к трем легендарным циклам. Поскольку в настоящем издании эти циклы публикуются автономно, один за другим в соответствии с последовательностью их публикации в составе «Весеннего порошья», то редакция сочла целесообразным привести

ремизовские примечания — фактически авторские указания на тексты-источники — целиком перед комментариями, сделанными к трем циклам в данном издании.

<Примечания Ремизова>

«Стр. 99[1]. — *Любовь крестная.* — Памятники старинной рус. литерат., изд. гр. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860 г., вып. 1, стр. 123.

Стр. 104. — *Отрок пустынный.* — Вып. 1, стр. 201.

Стр. 108. — *Древняя злоба.* — Вып. 1, стр. 203.

Стр. 112. — *Святая тыковь.* — Рукописный Коломенский пролóг XVI в. из собрания Ивана Александровича Рязановского (Кострома): «...и святому чюдотворцу Николе Мокарьевъ сынъ положилъ есми сия прологи в домъ великому чюдотворцю Николе к Мокрому на посаде на Коломне на поминание душъ родителей своихъ при благовѣрномъ великомъ князи Васильи Ивановичи всея Руси и при епископѣ Тихоне коломенскомъ, а при по...» (л. 1—10) «лѣта 7204 (1696) сия книга града Коломны церкви Обновленiю святаго храма Воскресенiя Христа Бога нашего, да церкви Iоанна Богослова, да Николы чюдотворца, что на посаде на Покровской улицы, а подписана сия книга мѣсяца маия въ 21 день на памятъ святаго i равноапостолом великаго царя Констинтина i матери его Еленны, а сия книги любити аки камению драгое i аки бисер многоцѣнны, православнымъ кристияномъ на утвержение, а еретикомъ и развратником крестиянския вѣры уста заграждати» (л. 15—71) «сию книгу прологъ продала старица Пелагея» (л. 71 об.—73) «куплена стана Балахоннскаго села Бреляковскаго деревни Бѣлыя Рамени у Iвана Федоровых Хадоевых, а дана два руб. i десять ал., а купил сiю книгу, глаголемую пролог Суждальскаго оуезду Ворешмы слободы Спаски Шестьни деревни... больших Петръ Иванов, а подписал своею рукою» (л. 109—314) «в сей книзе шесть сотъ 12 листов» (л. 607). Пролог этот без первых листов, начинается с 4 сентября, а оканчивается 28 февр. О св. тыкови см. под 12 сент. л. 27. В великих Макариевских Четий-минеях — 12 и 13 сент. Изд. Московской старообрядческой книгопечатни. М. 1913 г.

Стр. 114. — *Украш-венец.* — О хождении Христа с своими учениками (лужская сказка) в предисловии Ф. И. Буслаева. Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным. Летопись рус. литерат. и древности изд. Н. С. Тихонравовым. М. 1859 г., кн. 2, стр. 99.

Стр. 117. — *Сердечные очи* — Памятники, изд. гр. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860 г., вып. 1, стр. 273.

Стр. 120. — *Едина ночь.* — Вып. 1, стр. 91. Рукописный ржевский сборник XVIII века из собрания А. Ремизова (Петербург): «Ис книги Зерцало Великаго о покоянiи нѣкоего князя зѣло полезно и о иереи, еже его как исправити, зѣло дивнно» (л. 121). Сборник Кирила-Белозерского монастыря № 9/1086 XV в. «Слово о авве Сисоѣ».

Стр. 129. — *Свет невечерний.* — Патерик синайский — лимонарь, творение Иоанна Мосха (в начале VII в.). Русская рукопись (конца XI или начала XII в.) в Москве в Синодальной библиотеке, а напечатана у акад. И. И. Срезневского. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. LXXXII. Сборник II отделения Имп. Акад. Наук.

---

[1] Нумерация страниц соответствует страницам книги «Весеннее порошье» (1915).

Стр. 141. — *Цепь златая.* — В. Мочульский. Следы народной библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса. 1893 г., Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевым-Безбородко, вып. III, СПб. 1862 г. — «Слово Адама во адѣ к Лазарю», «Вопросы св. Варфоломея», А. И. Успенский. Переводы с древних икон В. П. Гурьянова, М. 1902 г., В. Н. Успенский. Переводы с древних икон А. М. Постникова. СПб. 1899 г., Т. С. Рождественский и М. И. Успенский. Песни русских сектантов-мистиков. Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. Т. XXXV, СПб., 1912 г., Псалмы от уныния и стихи — рукописный сборник XVIII века из собрания Ивана Александровича Рязановского (Кострома). Рукописный сборник на пергамине XIV века — «Громовник призрѣнскаго протопопа» из собрания Михаила Ивановича Терещенко (Киев)» (Ремизов А. Весеннее порошье. С. 319—321).

ЛЮБОВЬ КРЕСТНАЯ

Впервые опубликовано: Северные записки, 1914, № 1. С. 48—52.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 99—103; Воля России (Прага), 1923, № 2, под заглавием «Любовь» в цикле «Цепь золотая»; Перезвоны (Рига), 1925, № 7—8; НРС, 1954, 19 дек., № 15576, под заглавием «Любовь».

Текст-источник: Легенда о братстве. / ПСРЛ I. С. 123.

Дата: 1913.

Критик В. Голиков назвал «Любовь крестную» «апофеозом всяческих альтруистических тенденций» (Вестник Знания, 1915, № 12. С. 797).

С. 54. *Стамех* — желудок.

ОТРОК ПУСТЫННЫЙ

Впервые опубликовано: Огонек, 1914, № 1, под загл. «Отрок пустынный. От Старчества». С. 2—3.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 104—107; Воля России (Прага), 1922, № 1, сент., под загл. «Отрок».

Текст-источник: О бесовском писании. / ПСРЛ I. С. 201.

Дата: 1913.

С. 55. *Асаф старец, да Меркурий старец.* — В тексте-источнике имена старцев и отрока отсутствуют.

...забрел отрок в пустыню. — В тексте-источнике отрок — сын одного из старцев.

С. 56. *Да и сами того не замечая, перешли к делам житейским ~ Асаф пришел в чувство первый.* — Пример психологизации Ремизовым текста-источника, ср.: «и абие в забвении беста, и житейскою повестию впадоша в празднословие, и довольно о сих неподобных беседующим им, един от них в чювство прииде...» (С. 201).

С. 57. *О, пустыня моя прекрасная!* — Цитата из духовного стиха «Царевич Иосаф».

ДРЕВНЯЯ ЗЛОБА

Впервые опубликовано: Северные записки, 1914, № 1. С. 54—57.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 108—111; Путь (Париж), 1926, № 2; НРС, 1955, № 15632, 13 февраля.

Текст-источник: О бесе Зерефере / ПСРЛ I. С. 203.

Дата: 1913.

«Горько старцу», — писал о «Древней злобе» критик В. Голиков, — «что „древняя злоба новой добродетелью стать не может". — Это не благочестивая ли тоска нашего века о том, что не вырвать из мира зла с самым его корнем?» (Вестник Знания. 1915. № 12. С. 801).

С. 58. *Зерефер.* — В литературной игре Ремизова в «Обезьянью Великую и Вольную Палату» кличку «бес Зерефер» носил Вл. Ник. Княжнин (наст. фам. Ивойлов, 1883—1942) — поэт, лит. критик, библиограф. См. об Ивойлове-«Зерефере»: том. 3 наст. изд. С. 310, 639.

С. 59. *Алчущего* — алкать — сильно желать.

СВЯТАЯ ТЫКОВЬ

Впервые опубликовано: Речь, 1913, 14(27) апреля, № 102. С. 4, под загл. «Святая тыковь (От пролога)».

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 112—113; Путь (Париж), 1926, № 2, под загл. «Святая тыква. Le Sant Graal»; НРС, 1955, № 15632. 13 февраля, под загл. «Святая тыква («Грааль»)».

Тексты-источники: 1) Рукописный Коломенский пролог XVI в. из собр. И. А. Рязановского (Кострома), 12 сентября. Л. 27 (см. об этом в примечании Ремизова, с. 677 наст. изд.) (в наст. время местонахождение книги неизвестно, исследование проводилось по изд.: Пролог. М., Синодальная тип. 1877, проложный рассказ от 10 сент.); 2) 12 и 13 сентября. Житие и жизнь св. мученика Варипсава / Жития и поучения святых из Великих Миней Четий // Приложение к журналу «Златоструй». М., 1913.

Дата: 1913.

3 апреля 1913 г. Ремизов обращался в редакцию газеты «Речь» с просьбой выслать гонорар за «Святую тыковь», что позволяет уточнить дату создания текста.

В рецензии на «Весеннее порошье» В. Голиков писал о «Святой тыкови»: «Это — наши надежды, труды и искания — „всему миру спасения", наша жажда утолить земное сердце последним правосудием — конечным торжеством правды над неправдой, установлением социальной гармонии, идеальных общественных отношений» (Вестник Знания, 1915, № 12. С. 801).

С. 60. *Святая тыковь.* — Св. Грааль. См. о нем коммент. к «Круг счастия. Книга о царе Соломоне». С. 773 наст. изд.

С. 61. *Варипсава* (II в.) — святой мученик. Память 10 и 13 сентября.

Веруй и обрящешь, веруй, ступай — дела ~ и тебе откроется. — Перефразированная цитата из Евангелия «просите, и дано будет вам, ищите, и найдет; стучите и отворят вам» (Лк. 11; 9).

УКРАШ-ВЕНЕЦ

Впервые опубликовано: Речь, 1913, 25 дек. (7 янв.), № 353. С. 4—5, под загл. «Украш-Венец (Народное сказание)».

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 114—116; Воля России (Прага), 1922, № 3(31) (Венец).

Текст-источник: Лужицкая сказка, пересказанная в предисловии Ф. И. Буслаева к «Русским народным песням, собранным П. И. Якушкиным» / ЛРЛД, кн. 2. С. 99.

Дата: 1913.

С. 62. *Святой вечер* — 24 декабря, вечер накануне праздника Рождества Христова (25 декабря).

...по изгудованному ранними гудками тракту в мир от Скорбящей. — Автор переносит действие сказки на рабочую окраину Петербурга. Вероятнее всего, имеется в виду церковь Божией Матери Всех Скорбящих Радости (1898) «на стеклянном заводе», стоящая на берегу Невы (Шлиссельбургский проспект, бывший Шлиссельбургский тракт, д. 58).

СЕРДЕЧНЫЕ ОЧИ

Впервые опубликовано: Северные записки, 1914, № 1. С. 52—54.

Прижизненные публикации: Весеннее порошье. С. 117—119; Простая газета для города и деревни, 1917, № 13, 23 ноября. С. 2.

Текст-источник: Новгородскій суд и святый Варлаамъ / ПСРЛ I. С. 273.

Дата: 1913.

С. 63. *Церковь святой Софии — Неизреченныя Премудрости Божия* — собор святой Софии в Новгородском кремле, построен в 1045—1050 гг.

Преподобный Варлаам Хутынский — в миру Алекса Михайлович, новгородец (?—1192 или 1193) — основатель Спасо-Хутынского монастыря (1192), расположенного рядом с Новгородом Великим.

Великий мост — мост в древнем Новгороде через реку Волхов с Софийской на Торговую сторону, место совершения казней — осужденного сбрасывали в Волхов.

...в дому святого Спаса — т. е. в Спасо-Хутынском монастыре.

С. 64. *...поновил* — поновить — исповедовать и причастить.

ЕДИНА НОЧЬ

Впервые опубликовано: День, бесплатное прил. к № 350, 1913, 25 дек. Стб. 3—10, под загл. «Едина ночь / «от великого зерцала» (рассказ)».

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 120—128; Окно. Трехмесячник литературы (Париж). 1923, № 1, под загл. «Алазион»; Возрождение (Париж), 1954, № 34, сент.-окт., под загл. «Алазион».

Автографы: Черновые наброски, загл. рукой неуст. лица: «Бесы». Б. д. — РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 4. Л. 129. Впервые опубл.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 98—99.

Тексты-источники: 1) Легенда о покаянии князя / ПСРЛ I. С. 91—93; 2) Знамение. Слово о авве Сисое. — Из сборника Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086, сделанный для Ремизова список рукой В. Г. Геймана / РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 4. Л. 22 об.

Дата: 1913.

В основе произведения лежит «Легенда о покаянии князя», опубликованная в ПСРЛ (С. 91). Эта же повесть, по-видимому, находилась в рукописном сборнике собрания А. Ремизова (см. авторские примечания к «Весеннему порошью» —

С. 677 наст. изд.). Кроме этого Ремизов воспользовался выписанным из сборника XV в. «Словом о авве Сисое», которое ему предоставил Василий Георгиевич Гейман (1887—1965) — историк, источниковед, палеограф, археограф, много лет проработавший в Отделе рукописей Публичной библиотеки. Гейман неоднократно консультировал Ремизова по вопросам древнерусской литературы. В письме от 3 ноября 1913 г. Ремизов спрашивал его: «Если делать примечание, как надо сказать о «Слове о авве Сисое»? <...> Этот сборник в Духовн<ой> академии или в библиотеке публичной? Откуда вы узнали, что века XV?».

«Слово о авве Сисое» представляет собой патериковый рассказ об ученике аввы Сисоя, скрывшим свои грехи и бежавшим от старца в Александрию. В дороге ему встретился бес, который искушал его, но исчез при упоминании имени аввы Сисоя. После этого ученик возвратился к старцу и поведал ему все, что с ним приключилось. Описание беса из этого рассказа Ремизов перенес в свое повествование, выведя его под именем Лазиона.

Критик Т. Ганжулевич, в целом критически отозвавшаяся о легендах «Света неприкосновенного», назвала «Едину ночь» лучшим рассказом цикла. Она писала, что здесь «фантастика народная слилась с фантастикой гоголевской школы и подчинила себе автора» (ЕЖ, 1915, № 6. С. 156).

С. 65. *Сысой* — имя священника заимствовано из «Слова о авве Сисое».

С. 67. *Аналой* — высокий столик с покатым верхом. Употребляется для богослужебных книг и икон.

Мутчики. — В черновых набросках «Бесы» на лл. 1, 29 содержится описание «топографии ада» и шествия бесов — описание, которое, как установила А. М. Грачева (Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 97), основано на тексте из апокрифического сборника «Лицидариус» (ответы на вопросы об аде и о необычных обитателях индийских земель). Так как текст «Бесы» дополняет и проясняет текст повести «Едина ночь», приводим его полностью:

«Пришли бесы с // 1) озера огненного, где душу вшедшие никогда никак не прохладятся и выйти не могут // с пути в ад. // 2) из тьмы, полной дыма // 3) из земли забвенія (забытія), где души вшедшие погибают, никогда не поминаемы Богом // 4) из тартара — из вечного мучения, где во все часы плач и скрежет зубом и студень люта // 5) — геенны — из вечного огня, из адского, перед силой которым (так! — *Ред.*) наш огонь — тень // 6) — кребоуса от драконов и змия, где полно огненных драконов // от червей, которые никогда не умирают // 7) — варатрума от черного Зинутія (раскрытие), где издревле сидят души // 8) — блата стикса из безвеселия вечного // 9) — ахеронта из пещи огненной // 10) — флагитона от смолы и серы горящей и [от] где так студено, что всякую адскую горячину [пер] обращает в лед. // 11) с 1-го неба, что между землей и луной воздушная луковь <1 сл. нрзб.>. // 12) длинные и голенастые, как журавли // 13) бесы — пятки вперед обращены и пальцы на каждой руке и ноге по восмьнадцати, а головы песьи и ногти, очень остры и лают как псы // 14) одноокие // 15) имеют одну ногу, а рыщут так быстро, как птица, а сядет где, полетывает <?> своею ногою // 16) без голов, глаза стоят в плечах, а вместо уст и носа имеют 2 дыры на груди. // 17) плавающие по морю и пожирающие люди <?> // 18) уд осла, копыты к<а>к у коня и 2 рога, голени как вол, рот до ушей, а вместо зубов кость, голос же человечий // 19) 2 уха длиною с сажень и когти с кем захочет бороться, [сложит по] распростерт одно ухо по хребту, а другим борется храбро на воде и на земле //

20) грудь как у дикий вепря, уета от уха до уха. Никто не может победить // 21) голова, как у человека, а тело львово, голос птичий, полохлив и один [р] // 22) с виду лисица и светел, как корбункул камень, сечет, как меч // 23) червь, а две руки длиною в сажень, слона поймав влечет в воду // 24) блещут, как свечи горят // 25) синьцы (эфиопы) // 26) упырь <?> и бреха <?> // И скрылись за горы, в бездны преисподние, в смолу кипучую, в полючий жар».

С. 68. *...из горького тартара* — из ада (в древнегреческой мифологии тартар — подземное царство, преисподняя).

...от черного зинутия — зинутий — бездна.

...от огненной жупельной пещи — печь, в которой горит сера или смола, предназначенная для казни грешников.

Лазион — имя героя древнерусской повести «О бесовском князе Лазионе» (ПСРЛ I. С. 207—208). В ремизовской мифологии это прозвище носил крупный землевладелец и промышленник-сахарозаводчик, владелец издательства «Сирин», меценат ремизовских изданий 1910-х годов М. И. Терещенко (1886—1956).

погинул — погинуть — пропасть, исчезнуть.

С. 70. *В червчатых красных одеждах...* — червчатый — темно-красный, багряный цвет.

С. 71. *Малюты.* — Здесь в иносказательном значении — слуги-воины; слово образовано от имени приближенного царя Ивана Грозного Малюты Скуратова, одного из руководителей опричнины, активного организатора опричного террора. С его именем связаны жестокости и казни времен Ивана Грозного.

С. 72. *Железокостна.* — В письме В. Г. Гейману от 3 ноября 1913 г. Ремизов спрашивал: «Никак не могу понять слова желѣзокотно. Правильно ли вы прочитали? Спросите у кого, кто знает, правильно ли прочитано слово и что означает?» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 428. Л. 1).

Чермноока — красноглаза, от чермьный — красный, багряный.

...под голку — голка — шум, мятеж.

Зук — звук.

Потылища — спинной хребет.

Мытарев глас. — Ставшие молитвой слова «Боже, милостив буди мне, грешному», которыми молился мытарь из притчи о мытаре и фарисее, рассказанной Христом своим ученикам (Лк. 18; 13).

Жадала — жадать — сильно желать.

Безукорен — безукорный — безупречный.

Взрачен — взрачный — красивый, приглядный.

Государю-царю многолетство // Чтецу калачик мягкий. — Подражание устойчивой форме традиционного завершения сказки.

СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ

Впервые опубликовано: Ремизов А. Избранные словеса (От лимонаря) / Русская молва, 1913 [с иным порядком последовательности рассказов в цикле]: 1) «Ученик» под загл. «Добрый устав» — № 244. 17(30) авг. С. 2; 2) «Авва Агиодул», с подзаг. «Поведал Авва Петр, пресвитер лавры святого отца нашего Саввы) — № 244. 17(30) авг. С. 2; 3) «Нищий» — № 246. 19 авг. (1 сент.). С. 2; 4) «Чистое сердце», под № 4 с подзаг. «Поведал авва Полихромий, новыя лавры пресвитер» — № 246. 19 авг. (1 сент.). С. 2; 5) «Блюдущий», под № 5

с подзаг. «Поведал авва Полихроний» — № 246. 19 авг. (1 сент.). С. 1; 6) «Крепкая душа», под № 6 с подзаг. «Поведал един от отец» — № 246. 19 авг. (1 сент.). С. 2; 7) «Покаяние», под № 7 с подзаг. «Поведал старец» — № 246. 19 авг. (1 сент.). С. 2.

Прижизненные издания: Ремизов А. Свет невечерний / Ремизов А. Весеннее порошье. СПб.: «Сирин», 1915. С. 131—139.

Тексты цикла «Свет невечерний» публикуются по изданию в «Весеннем порошье» с исправлением опечаток.

В основе цикла «Свет невечерний» — рассказы из Синайского патерика — одного из древнейших сборников, состоящих из кратких повестей о подвижниках. Составлен палестинским монахом Иоанном Мосхом (ум. в 622 г.), который монашествовал в пустыне подле Иордана, жил в Иерусалиме, Александрии, обошел множество монастырей Египта, Синая, Сирии, Малой Азии, собирая рассказы о почитаемых старцах. Воспоминания о встречах, рассказах и беседах с различными людьми послужили материалом для книги «Лимонарь» («Луг духовный»). Переведен на славянский язык в X веке.

Критик В. Голиков отмечал в своей рецензии на книгу «Весеннее порошье»: «Притчи «Света невечернего» живописуют образцы христианских доблестей духовных, чистых сердцем и крепких душ, подвигов веры, смирения, уроки высокого нравственного назидания. Тут иноки и святители иконописные — и в славе их, и на путях искушения» (Вестник Знания, 1915, № 12. С. 801).

АВВА АГИОДУЛ

Впервые опубликовано: Русская Молва.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 131.

Текст-источник: Патерик Синайский. Слово 14-е / Срезневский-III, LXXXII. С. 57.

Дата: <1913>.

С. 75. *Авва* — «отец» (арам.), почетное именование авторитетного, опытного монаха, «старца».

Лавра — монастырь (с греч. — населенная местность, обнесенная стеной). Впервые появилось в Палестине, где монахи были вынуждены собираться в большом числе и ограждать свои жилища стенами из опасения нападений со стороны бедуинов.

Игумен — настоятель монастыря.

Герасим — один из знаменитых подвижников V в., родом из малоазийской провинции Ликии, основал скит на берегу реки Иордан. Умер 4 марта 475 г.

Канонарх — клирик в монастыре, являющийся руководителем церковного пения.

Било — в раннехристианской церкви деревянная или металлическая доска, ударами в которую созывались верующие к богослужениям.

НИЩИЙ

Впервые опубликовано: Русская молва.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 132; Перезвоны (Рига), 1925, № 7/8; НРС, 1954, 19 декабря, № 15576.

Текст-источник: Патерик Синайский. Слово 11-е / Срезневский-III, LXXXII. С. 56.

Дата: <1913>.

С. 75. *В лавре в Пургии* — правильно Пиргии (от «пиргион» по-гречески — башенка, келейка). Пиргийская лавра находилась подле Иордана.

Риза — одежда.

С. 76. *Вретище* — власяница, также рядно.

Колугер — правильно калогер или калугер (*греч.* добрый старец) — монах.

ЧИСТОЕ СЕРДЦЕ

Впервые опубликовано: Русская молва.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 133; Воля России (Прага), 1923, № 2; Перезвоны (Рига), 1925, № 7/8; НРС, 1954, 19 декабря, № 15576.

Тексты-источники: Синайский патерик. Слово 5-е / Срезневский-III, LXXXII. С. 55.

Дата: <1913>.

С. 76. *Ныне имамы умрети* — нынче я умру.

БЛЮДУЩИЙ

Впервые опубликовано: Русская молва.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 134; Звено (Париж), 1925, 7 декабря, № 149, в цикле «Плетешок»; НРС, 1955, 3 апреля, № 15681.

Текст-источник: Патерик Синайский. Слово 18-е / Срезневский-III, LXXXII. С. 58.

Дата: <1913>.

С. 76. *Монастырь Пентуклии* — Киновия Пентуклы (Пентаклии) или киновия Плача находилась на самом берегу р. Иордан, в том месте, где, по преданию, сыновья Иакова на пути из Египта с мощами отца, перейдя Иордан, остановились и сотворили плач.

КРЕПКАЯ ДУША

Впервые опубликовано: Русская молва.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 135; Перезвоны (Рига), 1925, № 6; НРС, 1954, 19 декабря, № 15576; Вестник русского студенческого христианского движения, 1958, № 50.

Текст-источник: Патерик Синайский. Слово 309-е / Срезневский-III, LXXXII. С. 85—86.

Дата: <1913>.

С. 76. *Александрия* — город и порт в Египте, на берегу Средиземного моря. Один из центров распространения христианства.

ПОКАЯНИЕ

Впервые опубликовано: Русская молва.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 136; Воля России (Прага), 1923, № 2 (в цикле «Цепь золотая»); Звено. Еженедельный литературный журнал

(Париж), 1925, 7 декабря, № 149; НРС, 1955, 3 апреля, № 15681; Возрождение (Париж), 1955, май, № 41, под загл. «От патерика. Покаяние».

Текст-источник: Патерик Синайский. Слово 303-е / Срезневский-III, LXXXII. С. 81—82.

Дата: <1913>.

С. 77. *Солунь* — город и порт Салоники (Фессалоники) в Греции, основан в 315 г. до н. э. В Византийскую эпоху второй по значению город после Константинополя.

УЧЕНИК

Впервые опубликовано: Русская молва.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 137—139; Воля России (Прага), 1923, январь, № 2, в цикле «Цепь золотая»; Перезвоны (Рига), 1925, № 5, в цикле «Чертог твой». Из книги «Плетешок»; НРС, 1953, 15 марта, № 14932, в цикле «Великопостное».

Текст-источник: Патерик Синайский. Слово 307-е / Срезневский-III, LXXXII.

Дата: <1913>.

С. 77. *Черноризец* — монах.

С. 79. *...иждену его* — прогоню его (от ижденеть — изгнать).

Разверзся — от разверзаться — раскрыться.

ЦЕПЬ ЗЛАТАЯ

Впервые опубликовано: Ремизов А. Цепь златая / Альм. «Сирин». СПб., 1913—1914, № 1—3. Состав цикла: 1) «Божие солнце» — С. 241—243; 2) «Адам» — С. 244; 3) «Страсти Адама, первозданного человека» — С. 245—247; 4) «Ангел-благовестник» — С. 248—249; 5) «Ангел мститель» — С. 250—254; 6) «Ангел погибельный» — С. 255—256; 7) «Ангел — страж муки» — С. 257—259; 8) «Странник прохожий» — С. 260—262; 9) «Прекрасная пустыня» — С. 263—264.

Прижизненные издания: Ремизов А. Цепь златая / Ремизов А. Весеннее порошье. СПб.: «Сирин», 1915. С. 144—165.

Тексты «Цепи златой» были объединены в цикл уже в первой публикации в журнале «Сирин». Впоследствии цикл вошел в сборник «Весеннее порошье». Далее все составлявшие его тексты, уже без выделения в особый цикл, были включены в «Звезду надзвездную».

В отклике на первую публикацию цикла критик А. Редько отмечал, что «тяжкою и непостижной предстает в «Цепи златой» судьба человека, и только жалость людей друг к другу» спасает мир от отчаяния. «Любить-жалеть человека и оставить вопрос о смысле и оправдании жизни вне попыток познания, — вот та философия, которую нашел в золотых россыпях народных сказаний ювелир А. Ремизов» (Русское богатство, 1913, № 12. С. 380). Рецензент В. Голиков назвал образы «Цепи златой» «филигранными поэмами в прозе». По его мнению, Ремизов сохранил «стиль старинной иконографии только в подробностях, но в общем обогатив его, и даже заслонив тонкостями современной живописной техники, глубокими переживаниями своей утонченной индивидуальности, углубленным постижением мистического и символического смысла древних слов и ликов» (Вестник Знания, 1915, № 12. С. 802).

С. 81. *Цепь златая.* — Название древнерусского сборника относительно устойчивого состава, содержащего толкование на Священное Писание, отрывки из хронографов, патериков, постановлений церковных соборов, таким образом, являющегося своеобразной хрестоматией энциклопедического содержания.

БОЖИЕ СОЛНЦЕ

Впервые опубликовано: Сирин.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 143; Воля России (Прага), 1926, № 6/7, под загл. «Солнце»; Звезда надзвездная. С. 11—12, под загл. «Солнце».

Текст-источник: Беседа трех святителей / Мочульский В. Следы народной библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса, 1893. С. 67.

Дата: <1913>.

АДАМ

Впервые опубликовано: Сирин.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 144; Воля России (Прага), 1926, № 6/7; Перезвоны (Рига), 1926, № 19, под загл. «Слово Адама»; Звезда надзвездная. С. 13—14.

Текст-источник: Беседа трех святителей / Мочульский В. Следы народной библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса, 1893. С. 102.

Дата: <1913>.

С. 84. *Михаил, Гавриил, Уриил, Рафаил* — архангелы.

На полунощие — на север.

На полудние — на юг.

Аз, добро, мыслете — название букв старославянского алфавита.

СТРАСТИ АДАМА

Впервые опубликовано: Сирин, под загл. «Страсти Адама, первозданного человека».

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 145—147; Звено (Париж), 1924, 4 февраля, № 53, под загл. «Плач Адама»; Звезда надзвездная. С. 19—22, под загл. «Плач Адама».

Текст-источник: Слово Адама во аде к Лазарю / ПСРЛ III. С. 11—12.

Дата: <1913>.

С. 84. *Верея* — от вереи — столбы, на которые навешиваются ворота.

С. 85. *Давид* — царь израильско-иудейского царства (конец XI—ок. 950 г. до н. э.). Его поэтические произведения составили основу библейской книги Псалтырь.

Лазарь четверодневный. — Согласно Евангелию, брат Марфы и Марии, которого Христос воскресил на четвертый день после смерти (Иоан. 11; 17—46).

Друг Христов. — В евангельском рассказе о воскрешении Лазаря говорится, что Иисус «любил Марфу и сестру ее и Лазаря» (Иоан. 11; 5) и прослезился, когда подошел к гробу Лазаря (Иоан. 11; 35).

С. 85. *Патриарх Авраам ~ заколоть хотел он сына своего Исаака возлюбленного* — Авраам, повинуясь Богу, собрался принести в жертву сына своего Исаака, но, когда он уже взял в руку нож, его остановил голос ангела с неба (Быт. 22; 1—14).

«Тобою, Аврааме, благословятся вся колена земная» — (Быт. 12; 3).

Ной праведный. — Согласно Библии, десятый и последний из допотопных патриархов, за свою праведность избран Богом и назначен продолжать род человеческий после потопа.

Пророк Моисей — (ок. 1200 г. до н. э.), вождь и законодатель еврейского народа, пророк и первый священный бытописатель.

Иоанн Предтеча, Креститель Господень от Ирода поруганный — пророк, предсказавший пришествие Христа и крестивший в реке Иордан многих евреев, в том числе Иисуса Христа. Согласно Евангелию, Иоанн Креститель был посажен в темницу за то, что обличал царя Ирода, жившего с Иродиадой, женой своего брата. Во время празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады Саломея танцевала перед собравшимися и угодила своим танцем царю. В награду она по наущению матери попросила у Ирода голову Иоанна Крестителя. По приказу Ирода Иоанну отрубили голову и принесли ее на блюде дочери Иродиады (Мар. 6; 21—29).

С. 86. *Пророки Твои, Илья и Енох* — израильский пророк Илия (IX в. до н. э.) боролся против язычества. Енох, один из патриархов израильского народа, так же как и пророк Илия, был взят на небо живым и освобожден от вызванной грехами прародителей смерти. Согласно эсхатологическим представлениям, перед концом света пророки Илия и Енох вернутся на землю.

АНГЕЛ БЛАГОВЕСТНИК

Впервые опубликовано: Сирин.

Прижизненные издания: Волны Вечности в русской литературе. Киев, 1914. С. 322 (начальный фрагмент текста); Весеннее порошье. С. 148—149; Перезвоны (Рига), 1926, № 17, под загл. «Благовещенье»; Звезда надзвездная. С. 27—28.

Текст-источник: Вопросы Варфоломея к Богородице / В. Мочульский. Следы народной библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса, 1893. С. 234.

Дата: <1913>.

С. 86. *Вертоград* — сад.

Радуйся, обрадованная, Господь с Тобою! — Ср.: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою. Благословенна Ты между женами» (Лк. 1; 28).

Убрус — платок.

Круг — христианский символ Бога.

Квадрат — древний знак земли. Комбинация квадрата с кругом символизирует единство земли и неба.

Птица-феникс — сказочная птица, в старости сжигающая себя и возрождающаяся из пепла молодой и обновленной; символ вечного возрождения.

Радуга — символ — знамение Завета между Богом и землею. В изображениях Страшного суда радуга образует трон Христа-Судии и иногда трон Девы Марии. Будучи трехцветной, символизирует Троицу.

Змей — символ плодородия, мудрости и целительной силы.

С. 86. *Голубь* — христианский символ Святого Духа.

Василиск — мифический чудовищный змей, способный убивать взглядом. По народным представлениям, вылупляется из петушиного яйца, поэтому может иметь голову петуха, туловище жабы, хвост змеи.

Честнейшая херувим и славнейшая воистину серафим. — Ср. слова из молитвы ко Пресвятой Богородице «Достойно есть»: «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим».

С. 87. *Десница* — правая рука.

АНГЕЛ МСТИТЕЛЬ

Впервые опубликовано: Сирин.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 150—155; Звезда надзвездная. С. 42—47.

Текст-источник: Вопросы Варфоломея к Богородице / Мочульский В. Следы народной библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса, 1893. С. 233—234.

Дата: <1913>.

С. 87. *Голгофа* — гора, на которой был распят Иисус Христос. Находилась вне стен Иерусалима. Служила местом казни преступников.

Слава долготерпению Твоему, Господи! — Припев, повторяющийся после чтения каждого из 12 Страстных Евангелий на утрени Страстной Пятницы (совершается вечером в Страстной Четверг).

Силы небесные, все девять чинов предстояли Ему... — На основании Ветхозаветных и Новозаветных писаний установлено разделение ангелов на три иерархии, с подразделением каждой из них на три лика. Высшая иерархия: Серафимы, Херувимы, Престолы. Средняя иерархия: Господства, Силы, Власти. Низшая иерархия: Начала, Архангелы, Ангелы.

С. 88. *Разбойники Сафет и Фемех ~ Милостиве Господи, помилуй мя падшаго!* — Согласно Евангелию, с Иисусом были распяты два разбойника. Один, вместе с окружавшими их воинами, ругал и поносил Иисуса, другой же увещевал и сказал Иисусу: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» Иисус ответил ему, что уже ныне он будет с ним в раю (Лк. 23; 39—43).

И вот во мгновение два ангела подвели под руки старца ~ прощаю твой грех. — Согласно христианским догматам, Иисус Христос своей смертью на кресте искупил грех первого человека Адама и освободил человечество от наложенного на него первородного проклятия.

С. 89. *Сын Божий ~ продан за тридцать сребреников...* — Иисус Христос был предан первосвященникам Иудой, одним из ближайших своих учеников, за тридцать сребреников. Сребреник — серебряный сикль — монета, равная четырем драхмам.

С. 90. *Вятший* — наибольший.

Архистратиг Михаил — один из семи архангелов, вождь небесного воинства в его борьбе с темными силами ада.

Пение столповное — древнее пение, основанное на осьмогласии.

Тороки — слухи Духа. — Тороки — перевязки на волосах ангелов, позволяющие немедленно улавливать повеления Бога.

С. 91. *Зазубрив тьму, как молонья, ударило копье в храм ~ видеть и разуметь.* — Ср. в Евангелии: «И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли» (Мф. 27; 51—52).

Капетазма — церковная завеса.

АНГЕЛ ПОГИБЕЛЬНЫЙ

Впервые опубликовано: Сирин.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 156—157; Воля России (Прага), 1926, № 6/7, под загл. «Покажу вам дьявола»; Звезда надзвездная. С. 48—49.

Текст-источник: Вопросы св. Варфоломея / ПСРЛ III. С. 109—112.

Дата: <1913>.

С. 91. *Гора Маврия* — возможно, имеется в виду гора Мория, на которой находился храм Соломона.

С. 92. *Гора Елеонская* — (или Масличная) гора, находящаяся к востоку от Иерусалима. С Елеонской горы Иисус Христос вознесся на небеса.

Сатанаил. — По апокрифическому преданию имя ангела, пожелавшего сравняться с Богом и за гордыню сверженного с небес.

Вольный гоголю... — Ср. в апокрифической повести «О тивериадском море»: «Егда не бысть неба ни земли, и тогда бысть одно море тивириадское, а берегов оу него не было; и сниде Господь по воздуху на море тивириадское и виде Господь на мори гоголя пловуща, а тот гоголь Сотанаилъ» (Веселовский. Разыскания XI. С. 47).

С. 93. *Вежды дивия* — глаза вепря.

Ризы червлены — красные одежды.

Трус — землетрясение.

<АНГЕЛ — СТРАЖ МУКИ>

СТРАННИК ПРИХОЖИЙ

Впервые опубликовано: Сирин.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 161—163; Воля России (Прага), 1926, № 6/7, под загл. «На землю»; Звезда надзвездная. С. 50—52, под загл. «Воплощение».

Тексты-источники: Рождественский Т. С., Успенский М. И. Песни русских сектантов-мистиков / Записки русского Географического общества, т. XXXV. СПб., 1912.

Дата: <1913>.

Произведение создано по мотивам песен русских сектантов-мистиков (хлыстов, скопцов, новоиерусалимской общины и др.). Тематически и образно произведение Ремизова близко к песне под № 226:

«Мы у мира жили, — страсти видели,
Как душа с телом расставалася:
Ты прости-прощай, тело грешное,
Я в тебе прожила, как в тюрьме прожила.
Тебе, тело, в сырую землю идти,

А мне — душе Богу на ответ идти,
Пред Господом быть на собраньице.
Праведным душам царство небесное,
А грешным — мука вечная,
Мука вечная, бесконечная».

С. 93. *Странник прихожий.* — Ср. в песне сектантов-мистиков: «Ты куда идешь, скажи мне, странник // С посохом в руке? // Дивной милостью Господней // К лучшей я иду стране» (Песни русских сектантов, № 567).

Горел семигранный венец... — Образ, неоднократно встречающийся в песнях сектантов. См., например, в песне № 570:

«Красно солнышко закатилось,
Душа с плотию разлучилась.
Господь душу принимал,
С неба ангела послал.
Ангелы с неба слетали
Со седьмигранным венцом...»

См. также песни № 79, 261, 262.

С. 94. *Где рай твой прекрасный, пресветлый день!* — Ср. в песне: «Где рай мой прекрасный, // Пресветлый мой день. // О, как я был счастлив, // Когда обитал я в нем» (Песни русских сектантов, № 501).

Премудрые девы радостно встретили душу, кротко стояли они со свечами; Премудрые девы стояли со свечами, «Христос Воскрес!» запели, с крестом поклонились. — Ср. в песне № 513:

«Его девы встрели
И «Христос Воскрес» запели;
Они в радости встречали,
Все стояли со свечами,
Со крестом поклонялись,
В сердцах свечи засветились».

Втай-река — река, символизирующая в песнях сектантов скопческую общину, которая противопоставляется всему остальному миру, представленному в образе Шать-реки.

ПРЕКРАСНАЯ ПУСТЫНЯ

Впервые опубликовано: Сирин.

Прижизненные издания: Весеннее порошье. С. 164—165; Воля России (Прага), 1926, № 6/7, под загл. «В мир»; Звезда надзвездная. С. 75—76.

Текст-источник: Царевич Иосаф (духовный стих) / Бессонов П. Калики перехожие. М., 1861—1864. Вып. 1. № 49. С. 213—214.

Дата: 1913.

ТРАВА-МУРАВА. Сказ и величание

Впервые опубликовано: Трава-мурава. Сказ и величание. Берлин, изд. С. Ефрон, 1922. 192 с.

Автографы: Беловой автограф («Примечания») — Собр. Резниковых; Беловой автограф (карта Царьграда, копия рукой Ремизова из книги «Путешествие

новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. Издание археографической комиссии. СПб., 1872. Стб. 175—176). — ГЛМ. Ф. 19. ОФ. 3482.

Печатается по изданию 1922 г. с исправлением опечаток.

Сборник состоит из 19 текстов: «Святая Великая Божия Церковь София Премудрость, Присносущное Слово», «Имя и страж», «Литеры пророчественные», «Лей иконописец», «Отрок Финогенов», «Мария Египетская», «Милый братец», «Авраам», «Царь Соломон», «Аполлон Тирский», «Царь Аггей», «Дар рыси», «Царица Майдона», «Город обреченный», «Три брата», «Дела человеческие», «Последний царь», «Царство ангелов», «На земле мир». Впоследствии повесть «Царь Соломон» вошла в книгу «Круг счастия. Книга о царе Соломоне» и в настоящем издании публикуется в ее составе. Часть научных материалов для комментария к следующим текстам: «Мария Египетская», «Милый братец», «Авраам», «Царь Аггей», «Дар рыси», «Царство ангелов», «На земле мир», были любезно предоставлены Е. Д. Конусовой, за что приносим ей нашу благодарность.

«Трава-мурава» создавалась в годы первой мировой войны и февральской революции и содержит аллюзии на исторические события этих лет. В дарственной надписи на экземпляре «Травы-муравы», принадлежавшем С. П. Ремизовой, Ремизов вспоминал, что книга писалась «в самый кипень и неизвестность, дай думал, допишу строчку, потом к окну подойду, это 23—27.II.1917 г. вся революция ведь прошла под окном (для меня) и вся книга овеяна Россией» (Каталог. С. 23). Тема страдания, сквозная для творчества Ремизова, звучит в сборнике особенно сильно. Мир построен на крови, наполнен страданиями, и через них необходимо пройти, «оттрудить свой грех», чтобы очиститься. Молитвами Богородицы, святых праведников и каждого человека прощен будет мир.

По неустановленным причинам Ремизов не смог опубликовать свои комментарии и примечания к книге. Сохранился его автограф — наборная рукопись «Примечаний» с корректорской правкой. В настоящем издании публикуем данный текст в конце книги согласно авторскому замыслу.

СВЯТЕЙШАЯ ВЕЛИКАЯ БОЖИЯ ЦЕРКОВЬ СОФИЯ ПРЕМУДРОСТЬ, ПРИСНОСУЩНОЕ СЛОВО

Впервые опубликовано: Лукоморье, 1916, № 15/16. С. 8—9.

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 5—7.

Автографы: Беловой автограф с правкой — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 13.

Тексты-источники: 1). Сказание о создании святой Софии / ЛРЛД III. С. 3—34; 2). Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. Издание археографической комиссии. СПб., 1872. Стб. 13—174; 3). Предисловие и примечания П. Савваитова / Там же. Стб. 1—12, 55—188.; 4). Странник Стефана Новгородца (1348—1349) / Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб., 1849, т. II, кн. 8. С. 51—56; 5). Путешествие дьякона Игнатия в Царьград и Иерусалим (1389—1391) / Там же, с. 97—107; 6). Путешествие дьяка Александра в Царьград (1391—1396) / Там же. С. 72; 7). Путешествие иеродьякона Зосимы в Иерусалим (1419—1420) / Там же. С. 60—69; 8). История о разорении

последнего святаго града Иерусалима и о взятии Константинополя столичного града греческой монархии из разных авторов собранные. Против 1-го тиснения четвертым тиснением напечатана. В Санктпетербурге 1765 года; **9).** Успенский Ф. И. История Византийской империи. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1914. Т. I; **10).** Житие Марии Египетской (краткое) / Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием // Памятники славяно-русской письменности. Изд. Имп. Археографической Комиссии. М., 1910. 1 апреля; **11).** Житие Марии Египетской (распространенное) / Там же.

При работе над циклом Царьградских сказаний Ремизов в той или иной мере использовал весь круг вышеназванных источников, при этом для отдельных текстов конкретные источники были основными. В дальнейшем в комментарии к текстам указывается основной источник, дополнительный круг источников специально не оговаривается. Далее: порядковый номер источника с указанием страницы.

Дата: 1915.

В цикл Царьградских сказаний вошли следующие тексты: «Святейшая Великая Божия Церковь София Премудрость, Присносущное Слово», «Имя и страж», «Литеры пророчественные», «Лей иконописец», «Отрок Финогенов», «Мария Египетская».

Создание цикла сказаний о Царьграде Ремизов задумал осенью 1914 г. В поисках текстов ему помогал историк И. А. Рязановский. В письме к нему от 29 ноября Ремизов делится с другом трудностями, возникшими при работе над циклом: «Спасибо Вам <...> за выписки о Царьграде. Не знаю, как — с какого конца зайти к ним». (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 32. Л. 42). Работа, по-видимому, подвигалась медленно, а в письме 30 марта 1915 он писал: «Буду у вас в среду 1 ап<реля> час<ов> в 6 веч<ера>. Если не откажете, положим начало Царьградской повести» (Там же. Л. 43). О том же в недатированном письме: «<...> хочу вас просить к себе на Таврическую, посидеть, подумать о св. Софии» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 33. Л. 72).

Очевидно, цикл был создан к концу апреля. Ремизов сообщал И. А. Рязановскому 30 апреля 1915 г.: «Разговаривал я с «Лукоморьем», можно будет издать две книги: роскошное издание о Софии и обыкновенное, куда войдет все остальное» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 32. Л. 44). Но в те годы цикл Царьградских сказаний не был издан отдельной книгой. В августе 1915 г. в 32-м номере журнала «Лукоморье» появился «Лей иконописец». «Отрок Финогенов» под заглавием «Детищ Финогенов» вышел в январском 4-м номере «Лукоморья» за 1916 г., а остальные сказания были напечатаны в пасхальном номере 15/16 (апрель). Полностью цикл сказаний о Царьграде был опубликован только в «Траве-мураве».

С. 99. *Святая София* — храм Святой Софии Премудрости Божией в Константинополе (в средневековых русских текстах — Царьград, ныне г. Стамбул, Турция). Сооружен в 532—537 гг. Анфимием из Тралл и Исидором из Милеты. Выдающееся произведение византийской архитектуры. После завоевания Константинополя турками в 1453 г. был превращен в мечеть (Айя-София).

Горé — на верху.

Терем — купол.

Воздушные уболы — «воздушные улицы, галереи».

Kivie eleison! — (*греч.*) Господи, помилуй!

С. 99. *Трапеза* — «престол», в православной церкви — четырехсторонний стол, стоящий посредине алтаря и служащий местом совершения евхаристии.

Константин — Константин I, Великий, Флавий Валерий (ок. 285—337), византийский император. Основал Константинополь в 326 г. и в 330 г. перенес туда столицу Римской империи. С его именем связывается официальное принятие христианства Римско-Византийской империей.

Поволочитая завеса — занавес из паволоки, дорогой ткани, находящийся за царскими вратами и прикрывающий алтарь.

Тридцать малых венцов ~ цена неоцененного. — Символическое обозначение тридцати сребреников, за которые Иуда Искариот предал первосвященникам Иисуса Христа (Мат. 26, 14—16).

Ночью светит самоцветный камень с надвратной стены из чела, от Спаса Великого. — В «Путешествии новгородского архиепископа Антония» говорится: «На стране же дверий стоит икона велика: а на ней написан царь Корлей о софос <император Лев VI Мудрый (886—911). — *Ред.*>, а у него камень драгий в челе и светит в нощи по святей Софеи» (2). Стб. 68—69).

Полаты, полати — верхние галереи, находились на южной, западной и северной сторонах внутри храма. Отсюда слушали богослужение патриарх, императрица и ее приближенные и тому подобные лица.

Пока не заклеплют к заутрени в било — До IX в. в Византии вместо колоколов употреблялись била и клепала. Била (или кандии) — деревянные доски, а клепала — железные или медные полосы, согнутые в полукруг.

Диакониссы — в древней церкви лица, обыкновенно старицы, назначенные для надзора за женщинами-христианками, и получившие для этого служения посвящение. При Константинопольской церкви было 40 диаконисс. Служение диаконисс прекратилось в IX—XIII вв.

Бобиевые — См. авторский коммент. С. 183 наст. изд.

Трояндофиловый цвет — См. авторский коммент. С. 183 наст. изд.

Градарь — См. авторский коммент. С. 183 наст. изд.

Пославил — См. авторский коммент. С. 183 наст. изд.

С. 100. *Алойный* — См. авторский коммент. С. 183 наст. изд.

Там на месте царском ~ молилась Богородица. — Ср. в «Путешествии новгородского архиепископа Антония»: ... у ольтаря на правой странѣ, ту есть моромор багрян <...> И по странам того мѣста огражено мьдію <...> на том бо мѣсть молилася святая Богородица к Сыну своему и Богу нашему за родъ христіяньскій то же видѣл святый поп в нощи, страж нощный» (2). Стб. 79).

Там, в заалтарном притворе ~ свердлы и пилы. — Ср. в «Путешествии новгородского архиепископа Антония»: «Во притворе же за великим олтарем вчинены во стене гроба Господня верхняя доска, и посох желѣзен ту же, и свердлы и пилы, имиже чинен крест Господень» (2). Стб. 80).

Там у камня — на нем сидел Христос, говоря с Самарянкой. — В Евангелии рассказывается о том, как Иисус Христос у колодца попросил пить у женщины из племени самарян, с которыми иудеи не общались (Иоан. 4, 6—9). По свидетельству русских паломников, камень от этого колодца находился в храме св. Софии.

Чадь — См. авторский коммент. С. 183 наст. изд.

И я, пришедший ~ от святого Мамы, витания русских. — По свидетельству летописцев, русские путешественники в Константинополе жили в монастыре

св. Маманта (V в.): «<...> приходящіи Русь да витают у св. Мамы, и послет царство наше, да испишуть имена их...» (ПСРЛ, I, 13).

С. 100. *Витание.* — См. авторский коммент. С. 183 наст. изд.

Роман — преподобный Роман Сладкопевец (VI в.), уроженец Сирии, знаменитый византийский поэт и гимнотворец. Был священнослужителем в Константинополе.

Славил Всепетую, Всенепорочную, Всеблаженную, Деву Обрадованную, Матерь Света. — Здесь перечисляются многочисленные Богородичные эпитеты из разных песнопений Православной Церкви.

Слава Премудрости! Слава создавой дом свой! — Ср. надпись на иконе «Св. Софии Премудрости Божией»: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь» (Прит. 9,1).

ИМЯ И СТРАЖ

Впервые опубликовано: Лукоморье, 1916, № 15/16. С. 9—11, под загл. «Имя и страж νενικα σε, Σαλομῶν».

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 8—17.

Автографы: Беловой автограф с правкой — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 11, под загл. «Νενικα σε, Σαλομῶν» «Имя и страж»), конец отсутствует, фрагмент текста до слов: «а, бывало, как петушки-огоньки».

Тексты-источники: Византийская легенда чуда явления ангела / 1). С. 21—22.

Дата: 1915.

С. 100. *Царь Иустиниан* — Юстиниан I (ок. 482—565) император Византии (Восточно-Римской империи). Правил с 527 по 565 г. При нем строился храм св. Софии в Константинополе.

...триста и шестьдесят пять приделов и след. — Придел — дополнительное помещение в храме с алтарем. В древности его пристраивали («приделывали»), откуда и название. Придел посвящается празднику или святому. По свидетельству русских путешественников, в св. Софии было 365 приделов.

...круглый год, как на цветной пасхальной неделе, видимо всем и открыто... — В первые века христианства алтарное пространство в храме оставалось открытым, его отделяла лишь низкая каменная ограда. Позднее алтарь стала закрывать «завеса», которая после богослужения задергивалась. В современной церкви в течение всей пасхальной недели завеса не задергивается и алтарные врата не прикрываются.

...колоколов не знали, — в колокола испокон звонят латыни... — Колокола были введены в западной церкви приблизительно с VII в. В Византии первоначально употреблялись била и клепала (см. С. 683 наст. изд.). Лишь во II пол. IX в. первые колокола появились в Софийском соборе в Константинополе.

...и тьма его не объяла — Ср.: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоан. 1, 5).

С. 101. *...стол, — на котором столе в великий четверг вечерял Христос со ученики своими...* — О том, что упоминаемый в Евангелии стол «тайной вечери» хранился в Софийском храме, свидетельствовали многие русские паломники.

...Ольги княгини русской <...> когда взяла дань, ходивши к Царюграду... — Равноапостольная княгиня Ольга (ум. 969), одна из первых насадительниц

христианства на Руси. В 955 или 957 г. приняла крещение; по преданию, ее крестил византийский император Константин Багрянородный. Княгиня Ольга дважды побывала в Константинополе.

С. 101. *...трубы ерихонские ~ когда пали стены Ерихона.* — Иерихон, древний город в Палестине, близ Иерусалима. В Библии рассказывается, как город подвергся нападению евреев при их вторжении в землю Обетованную. Стены Иерихона пали сами собой от звуков священных труб (И. Навин. 6). О том, что подобные трубы находились в Константинополе, свидетельствует Антоний Новгородец.

Анфемий строитель ~ с <...> Исидором из Милета. — Анфимий из Траллеса (Малая Азия) и Исидор из Милета (Малая Азия) — архитекторы собора Святой Софии в Константинополе.

Игнатий Непрович ~ трижды из Киева в Иерусалим пеш ходил! — Ремизовская интерпретация текста из «Путешествия новгородского архиепископа Антония»: «<...> на уболе святого Георгия святый Леонтей поп Русин лежит в тѣлѣ, велик человек: той бо Леонтий 3-жды во Иеросалим пѣшь ходил» (2). Стб. 142). Имя десятника Игнатий есть в «Сказании о создании церкви святой Софии». (1). С. 20—21).

Перун — в славянской мифологии бог грозы (грома).

Лоза перунова — верба. По народным представлениям, защищала от грома (молнии), см.: Афанасьев I. С. 389.

Скудель — глиняный сосуд.

С. 102. *Капище* — языческий храм.

Навезут ли каких сокровищ ~ из самого Рима — На постройку собора ценности свозились со всех концов империи. Например, из Рима были доставлены восемь порфировых колонн, взятых из храма Солнца, из Эфеса — восемь колонн зеленого мрамора, которые, по преданию, украшали храм Дианы Эфесской. Доставлялись украшения из Афин и других городов.

Петушок — имя и образ живого и смышленого мальчика корреспондирует с Петушком, героем одноименного рассказа Ремизова (см. том 3 наст. издания. С. 543—566). В «Сказании о создании церкви святой Софии» имя мальчика Исайя (с. 21).

Храм Соломонов — храм Иегове, воздвигнутый на горе Мориа в Иерусалиме. Построен Соломоном, царем Израильско-иудейского царства, начат около 1010 до н. э., строился семь с половиной лет. Был знаменит не только по своему внутреннему значению, но и благодаря внешнему великолепию.

Воспор — Босфор, пролив, соединяющий Черное море с Мраморным.

Русское море — Черное море.

Златорогий Суд — залив Золотой Рог.

...до святого Мамы — Имеется в виду храм св. Мученика Маманта (Мамы), находившийся при начале залива Золотой Рог.

...где святая Анна девица в теле лежит — ср.: в «Путешествии новгородского архиепископа Антония»: «Далече же оттоле к морю идучи, святая Анна девица в теле аки жива лежит скручена» (2). Стб. 101).

...мимо Яблоновых ворот от Одигитрии... — Яблоновы ворота — ворота в крепостной стене Константинополя, выходящие к берегу Мраморного моря. *Одигитрия* — здесь церковь Иконы Пресвятой Богородицы Одигитрии (греч. «Путеводительница»), а также одноименные ворота, расположенные на берегу

Мраморного моря, при слиянии его с Босфором. В ремизовском рассказе четко обозначено местоположение героя (Петушка), взгляд которого охватывал круговую панораму Константинополя.

С. 103. *...шел он <...> от русских Золотых ворот русским уболом...* — В примечании П. Савваитова к «Путешествию архиепископа Антония» (3). Стб. 144), говорится, что Золотые ворота назывались Русскими по находящейся вблизи пристани, имеющей это название. Русским уболом, по его мнению, была дорога, ведшая к центру города. Очевидно, имеется в виду Средняя улица, исходные точки которой — Золотые ворота и собор Святой Софии; она проходила поблизости от Мраморного моря.

Саккос — верхняя одежда епископа.

Омофор — длинная широкая полоса материи с изображением крестов, знак архиерейского сана.

С. 105. *На третий день Рождества освятили великую церковь.* — Торжественное освещение храма Св. Софии состоялось 26 или 27 декабря 537 г.

Подромие — ипподром, находился рядом с храмом Св. Софии. В Константинополе на ипподроме не только проводились игрища, он служил также местом, где решались самые важные политические и церковные вопросы.

...были убиты тысяча быков ~ тридцать тысяч мер хлеба были розданы народу. — В честь окончания строительства, кроме перечисленного, по полу храма было рассыпано три центнера золота, которое было подобрано народом. Молитвы, торжества и раздача денег продолжались две недели.

Калуфони — см. авторский коммент. С. 183 наст. изд.

Измарагды — изумруды.

Филиппово заговенье — 14 ноября, день св. Апостола Филиппа, начало Рождественского поста, продолжавшегося до 25 декабря.

...в Богородичной церкви Маячной... ~ Копие и трость страстные. — В церкви Богородицы, так называемой Фарской или Маячной, хранился Нерукотворный образ Иисуса Христа, камень гроба Господня, частица креста, найденного в Иерусалиме царицей Еленой, матерью императора Константина, и гвозди, которыми было прибито к кресту тело Иисуса Христа. По свидетельству многих средневековых историков, там же хранились губка, из которой был напоен Иисус на кресте, и копье, которым был прободен его бок.

ЛИТЕРЫ ПРОРОЧЕСТВЕННЫЕ

Впервые опубликовано: Лукоморье, 1916, № 15/16. С. 11—12, с подзаголовком «NEA PΩMN».

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 18—23.

Автографы: Беловой автограф с правкой — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 12 (Литеры пророческие), фрагмент текста до слов: «<...> опять на место легла у ворот монастыря Аполиканского»).

Дата: 1915.

С. 105. *На три угла на семи холмах стоит царственный Новый Рим.* — Центральная часть Константинополя лежала на полуострове, омываемом Мраморным морем, Босфором и заливом Золотой Рог. Подобно Риму, город был расположен на семи холмах.

С. 105. *...тридцать пять ворот ведут в Царьград...* — Константинополь был обнесен стенами, в которых было проделано 35 ворот.

С. 106. *Султан Махмуд* — Магомет II Завоеватель, османский правитель (1430—1481). В 1453 г., после длительной осады, завоевал Константинополь.

Пророки Данил и Исайя. — Исаия (VIII до н. э.) и Даниил (VII—VI в. до н. э.) — израильские пророки, их пророчества составили соответствующие книги Ветхого Завета.

Симеон Столпник (ок. 356—459) — особо почитаемый в Византии святой. Подвизался в Сирии. Жил на башне (столпе), им же сооруженной.

Андрей Юродивый (ок. 936) — византийский святой, родом славянин, вел нищенствующий образ жизни.

Покров Богородицы. — Праздник Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября). Поводом к установлению праздника послужило видение св. Андреем Юродивым в Константинопольском Влахернском храме молитвенного предстояния Богородицы за мир.

Антоний Великий (ум. ок. 356) — святой, уроженец Египта, один из основателей монашества. Его мощи были перенесены в Константинополь.

Павел Фивейский (IV в.) — первый отшельник Египта, современник Антония Великого. Его мощи находились в монастыре Перивлепты в Константинополе.

Роман певец — См. о нем. С. 694 наст. изд.

Иоанн Дамаскин (675—749) — святой, богослов, защитник иконопочитания, гимнотворец, подвизался в Палестине.

Иоанн Златоустый (347—407) — святой, патриарх Константинопольский, родом сириец; знаменитый проповедник, аскет, писатель, литургист.

Григорий Богослов (329—373) — святой, уроженец Месопотамии, подвизался в г. Нисибине и Эдессе; гимнотворец, толкователь Св. Писания.

...горько плакал Петр, когда запел петух... — В Евангелии рассказывается: когда Иисуса Христа, схваченного на Елеонской горе, привели в дом первосвященника Каиафы, апостол Петр, вошедший следом во двор, был опознан как ученик Христа, но трижды отрекся от своего учителя; в это время запел петух, и Петр, вспомнив предсказание Христа, что он, Петр, трижды отречется от него еще до того, как пропоет петух, горько заплакал. (Лк. 22, 33—34, 54—62).

Матфей — святой апостол и евангелист, в прошлом мытарь из Галилеи, автор первого канонического Евангелия.

Лука (ум. ок. 80 г.) — святой апостол и евангелист, автор третьего канонического Евангелия и Деяний апостолов, спутник апостола Павла.

Андрей — Первозванный, один из Двенадцати апостолов, брат апостола Петра.

Гроб Константина царя. — Император Константин был похоронен в храме св. Апостолов, служившем царской усыпальницей.

Архиепископ новгородский Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович) (ум. 1232 г.) — Автор «Книги Паломник», совершил хождение в Константинополь в 1200 г. и, возможно, после 1204 г. (разграбления Константинополя крестоносцами).

Стефан Новгородец (XIV в.) — Автор «Хождения в Царьград» в 1348 или 1349 г. Оставил описание большинства известных построек и местностей Константинополя.

С. 106. *Иван и Добрила* — Стефан Новгородец упоминает о Иване и Добриле, которые «и ныне живут туто, списаючи в монастыре Студийском от книг Святаго Писания, зане бо искусни зело книжному списанию» (4). С. 5)

Иеродьякон Зосима (1-я пол. XV в.) — дьякон Троице-Сергиева монастыря, автор «Хождения» в 1419—1420 г. в Царьград и Иерусалим. Побывал в Константинополе дважды: в 1414 г. и в 1419—1420 гг.

Дьякон Игнатий (Смолянин). — Автор «Путешествия в Царьград и Иерусалим» в 1389—1393 г.). Был участником поездки в Константинополь митрополита Пимена.

Дьяк Александр. — Автор «Хождения в Царьград» в 1391—1396 гг.

Монастырь Студийский — основан в сер. V в. римским вельможей Студием при императоре Льве Великом, прославился строгим уставом монашеской жизни.

Устав (типикон) — богослужебная книга, содержащая систематическое указание порядка и образа совершения церковных служб. В русской церкви до сер. XIV в. действовал Студийский устав, созданный Федором Студитом (ум. 826 г.).

Триодь — богослужебная книга, включающая чинопоследование служб предпасхального периода (Триодь постная) и послепасхального: от Пасхи до Петрова поста (Триодь цветная).

Влахернская церковь — храм Пресвятой Богородицы во Влахернах, части Константинополя. С этим храмом связано празднование Покрова Пресвятой Богородицы.

С. 107. *Палица Моисеева, море разделившая...* — святыня, по преданию, тот самый жезл Моисея, которым он разделил Чермное (Красное) море по велению Бога, когда выводил еврейский народ из египетского плена; волны расступились, евреи перешли по сухому дну, а преследовавшее их египетское войско утонуло (Исх. 14; 15—29). Палица была принесена в Константинополь при Константине Великом, хранилась в храме Богородицы Жезла Моисеева.

Самуилов помазующий рог... — святыня, по преданию, рог, из которого пророк Самуил возлил елей (растительное масло) на голову Саула, первого еврейского царя, помазуя его на царство (I Цар. 10; 2—6).

Сучец масличен голубя Ноева... — В Библии рассказывается, что когда во время Всемирного потопа Ноев ковчег остановился на горе Арарат, Ной выпустил голубя, который возвратился со свежей масличной ветвью в клюве. Так Ной узнал, что воды сошли с земли (Быт. 8; 11).

Ильина милоть... — милоть, овчина; верхняя одежда пророка Илии, которую он сбросил на своего ученика Елисея, как залог духовных сил, при своем вознесении на небо в огненной колеснице (4 Цар. 2; 1—12). По преданию, император Василий возложил эту святыню на алтарь церкви св. архистратига Михаила.

Риза и пелена Богородицы. — Во Влахернской церкви Константинополя хранились ризы Богородицы, принесенные из Палестины. После разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 г. они оказались рассеянными по свету. Часть попала в Рим; часть ризы хранилась в Успенском соборе в Москве, теперь — в собрании музеев Московского Кремля.

Захария — пророк Захария, отец Иоанна Крестителя.

Симеон Богоприимец. — Согласно Евангелию иудею Симеону было пред-

сказано, что он не умрет, пока не увидит Христа. Когда младенца Христа на сороковой день по рождении принесли в Иерусалимский храм, то туда же по вдохновению свыше пришел и Симеон. Он взял младенца на руки, произнес молитву и пророчествовал о грядущей миссии Христа (Лк. 1, 22—35).

С. 107. *Иаков, брат Господень.* — Иаков, апостол (ум. 63 г.), сродник Иисуса Христа по плоти, первый епископ Иерусалима, мученик.

Варвара Великомученица (IV в.) — святая, мощи ее были перенесены в Константинополь, где в ее честь был построен храм.

Пантелеймон Целитель (IV в.) — великомученик, почитается как покровитель врачей.

Флор и Лавер (Флор и Лавр) (II в.) — святые великомученики, родные братья, по ремеслу каменщики. Их мощи были перенесены в Константинополь из Иллирии.

Козма и Дамиан (Косма и Дамиан) (IV в.) — мученики, врачи бессребреники; их мощи находились в Константинополе, в монастыре во имя этих святых.

Иван Кущник (V в.) — константинопольский подвижник, память 15 января.

Сильвестр, папа Римский. — Сильвестр I, папа Римский (314—335), по преданию, крестил императора Константина.

...доска, на которой положен был Господь ~ и шли слезы, как воск белые... — По свидетельству русских паломников, в церкви монастыря Спаса Вседержителя (Пантократора), хранилась доска, на которую был положен Христос после снятия с креста. (См. в «Путешествии иеродиакона Зосимы».— 7). С. 61).

Церковь Апостолов — вторая по величине церковь Константинополя. В 1455 г., после завоевания города турками, была снесена под строительство Магометовой мечети.

Мечеть Махмудие — мечеть Магомета II Завоевателя, построена на месте церкви св. Апостолов в 1459 г.

...завалены Золотые ворота... — ворота были завалены после завоевания Константинополя. По народному преданию, этими воротами должны войти христиане для освобождения города и изгнания турок из Европы.

...пред монастырскими воротами ~ восстанут люди порану, а улицы чисты. — Ср. в «Путешествии иеродиакона Зосимы»: «Монастырь <...> Аполиканти; пред враты того монастыря лежит жаба каменна: сия жаба, при царе Льве Премудром, по улицам ходячи, сметие людей пожирала, а метлы пометали сами, восстанут люди порану, а улицы чистые» (С. 61).

Сметие (устар., диал.) — сор, пыль.

Лев Премудрый. — Лев VI Премудрый (Философ, 886—911) — византийский император.

Монастырь Аполикантский. — В «Путешествии иеродиакона Зосимы» говорится, что он находился «с два перестрелища большая» от монастыря Пантократора (7). С. 61).

Плакота — главная площадь Константинополя, была выложена большими плитами (πλάκαι), отсюда и название.

С. 108. *Геннадий* — Геннадий Схолирий, патриарх константинопольский (1453—1459). Был избран после смерти патриарха Афанасия, погибшего при взятии Константинополя турецкими войсками. Оставил около 100 богословских и философских сочинений.

...в первый Индикта царство Исмаила ~ волю мою исполняйте. — Цитата из повести «О взятии Константинополя столичного града греческой монархии», (8). С. 170—171).

Индикт. — В Византии летосчисление велось по индиктам (пятнадцатилетиям). Номер года в пятнадцатилетнем периоде назывался индиктом года.

Царство Исмаила. — По мнению средневековых христианских историков, магометане являются потомками Агари, наложницы патрирха Авраама, которая родила сына Измаила, — отсюда именование мусульманских народов Востока: измаильтяне.

Род Палеолог. — Палеологи, последняя династия византийских императоров, правившая с 1261 до 1453 г.

Евксинский понт — древнегреческое название Черного моря.

Пелопонис. — Пелопоннес — полуостров в Греции, южная часть Балканского полуострова.

Далматы — иллирийское племя, коренное население Далмации, исторической области в Югославии, на территории совр. Хорватии и Черногории.

Языцы — народы.

Седмихолмие — иносказательное обозначение Константинополя, расположенного амфитеатром на семи холмах.

Прономии — см. авторский коммент. С. 183 наст. изд.

ЛЕЙ ИКОНОПИСЕЦ

Впервые опубликовано: Лукоморье, 1915, № 32. С. 12—13.

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 24—30; Русский инвалид (Париж), 1940, 5 мая, № 151 (Лей иконописец. Византийская легенда).

Тексты-источники: 2). Стб. 67—68.

Дата: 1915.

В основе произведения лежит византийская легенда, изложенная в «Путешествии новгородского архиепископа Антония»: «И толе же, утвердив и на степени, написан образ Спасов велик мусиею: и у правыя руки не написал палца; а весь написав, рекл писец, зря на нь: Господи, како еси жив был, како же тя есмь написал! И глас от образа глаголя, а когда мя еси видел? И тогда писец онемев и умре. И той перст не писан, но скован сребрян и позлащен» (2). Стб. 67—68).

С. 109. *Посолонь* (нар.) — по солнцу, от востока на запад.

Столп Васильев. — Василий Великий (330—379), святой, уроженец Малой Азии, архиепископ Кесарии Капподокийской, богослов, подвижник, создатель монашеских уставов, борец против арианства.

Столп Григория. — Имеется в виду святой Григорий Богослов (329—373), гимнотворец, толкователь Св. Писания, или святой Григорий Нисский (335—395), брат св. Василия Великого, богослов, экзегет, философ.

Вож — вожатый, проводник.

Авгарь — Абгар Великий (13—50), царь Эдессы, государства в северной Месопотамии (ныне Урфа, город на юго-востоке Турции). По преданию, написал письмо Иисусу Христу в Иудею и получил ответ (Евсевий. Церковная история, I, 13).

Убрус — платок.

С. 109. *Нерукотворный образ* — христианская святыня. Согласно средневековой легенде, Христос прислал Абгару Великому свое изображение, отпечатавшееся на полотне. После завоевания Эдессы арабами образ был перенесен в Константинополь (944 г.).

С. 110. *Уж давно вернулись с Родоса ~ за изготовлением кирпичей для купола.* — При строительстве Софийского храма использовалась белая пористая черепица, отличавшаяся особой легкостью, необходимая для уменьшения веса купола, которая специально изготавливалась на Родосе (острове в Эгейском море).

ОТРОК ФИНОГЕНОВ

Впервые опубликовано: Лукоморье, 1916, № 4. С. 6—7, под загл. «Детищ Финогенов».

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 31—38.

Тексты-источники: 2). Стб. 65—66.

Дата: 1915.

В основе произведения лежит византийская легенда о попе Афиногене и его сыне, изложенная в «Путешествии новгородского архиепископа Антония».

С. 112. *На мощах мучеников утверждены столпы софийские.* — Мощи — останки святых христианской церкви. В первые века христианства храмы строились на мощах мучеников, которые полагались под алтарем. В «Сказании о создании церкви святой Софии» говорится, что «во всяком столпе» при постройке храма клались «горе же и долу <вверху и внизу. — *Ред.*> мощи святых» (1). С. 25).

Глава Пантелеимона — в настоящее время хранится в монастыре на Афоне (Греция).

Кондрат (Кодрат) — святой апостол из числа Семидесяти.

Ермол и Стратоник — Ермил и Стратоник (IV в.), святые, первые христианские мученики.

Кир и Иоанн (IV в.) — святые чудотворцы и безмездные врачи.

Герман — святой, патриарх константинопольский (715—730), первый защитник иконопочитания.

Аверкий святой — по-видимому, имеется в виду Аверкий Иерапольский (II в.), святой, память 22 октября.

Григорий Великия Армении — священномученик Григорий Просветитель (ум. 335), апостол и первый епископ Армении, родом из Персии.

Сильвестр, папа Римский. — См. о нем. С. 699 наст. изд.

...вдовица Анна лежит, давшая безмездно свой двор святой Софии... — В «Сказании о создании церкви святой Софии» рассказывается, как для строительства храма понадобился участок земли, на котором стоял дом вдовы Анны. Царь предложил за этот участок крупную сумму золотом, но Анна отказалась и попросила после смерти похоронить ее около того места, где стоял ее дом, что и было исполнено (1). С. 18).

...а в приделе Петра и Кодина... — Пример «сознательной ошибки»-игры Ремизова с текстом. См. примеч. П. Савваитова к «Путешествию новгородского архиепископа Антония»: «Согласно с нашим паломником, определяет положение придельной церкви апостола Петра и Кодин» (стб. 63). Ремизов включает в название церковного придела имя историка Кодина.

С. 112. *Петр* (ум. ок. 57 г.) — святой первоверховный апостол, ученик Христа, автор двух соборных посланий, вошедших в книги Нового Завета.

Святая Феофанида, ключи державшая от святой Софии. — Ср. в «Путешествии Новгородского архиепископа Антония»: «на той же стране церкви есть святого апостола Петра, а в ней лежит святая Феофанида, иже ключ держала святей Софии» (2). Стб. 63).

Отрок Финогенов. — Ср. с Финогеновыми, героями романа Ремизова «Пруд».

С. 113. *А было в великой церкви у святой Софии три тысячи попов.* — При Юстиниане штат служащих при храме был рассчитан на 555 человек, при Ираклии этот штат доходил до 600 человек (610 г.).

митрофорные — священники, имеющие право носить митру, головной убор архиерея. Это право давалось наиболее заслуженным священникам.

...у Живоносного Источника. — Монастырь Живоносного Источника находился за городскими стенами, недалеко от Силиврийских ворот.

...в приходе Николы-Проби-Лоб. — Ср. в «Путешествии новогородского архиепископа Антония в Царьград»: «А внѣ Златых врат святый Никола Проби-лоб, и прикована вся икона сребромъ и позлачена, а когда царь прiидеть, и тогда открывают сребро, и цѣлует во главу, отнюдуже кровь шла, и паки покрывают сребромъ» (стб. 170).

Заиконоспасское. — Ремизов вносит в повествование черты современного русского быта. Заиконоспасское — духовное училище в Москве, помещавшееся в стенах Заиконоспасского монастыря в здании бывшей Славяно-греко-латинской академии.

...в семинарию, в Вифанскую... — Вифанская духовная семинария при Спасо-Вифанском монастыре (Московская обл., недалеко от Троице-Сергиевой лавры (г. Сергиев Посад). См. коммент. к предыдущему слову.

Ослопная свеча. — См. авторский коммент. С. 183 наст. изд.

Стихарик — стихарь — длинная одежда священнослужителей (хитон).

С. 114. *...Петровы вериги* — христианская святыня, цепи, в которые апостол Петр был закован в Иерусалиме по приказания Ирода Агриппы, а в Риме — по воле Нерона. Одна из вериг в V в. была привезена в Константинополь и хранилась в церкви св. Апостолов.

С. 34. *Часы* — чтение псалмов и молитв, соединяющее утреню с литургией (обедней).

Проскомидия (греч.) — принесение — первая часть литургии (обедни), совершаемая в алтаре.

Агнец — средняя часть просфоры, небольшого плоского хлеба с оттиснутым изображеием креста, вынимаемая для совершения Евхаристии. Символизирует тело Христово.

Копие — нож, которым вырезается часть просфоры, по форме напоминает копье. Символизирует копье, которым было прободено на кресте тело Иисуса Христа.

...«един от воин копием ребра Ему прободе и абие изыде кровь и вода...» — Текст из Евангелия (Иоан. 19; 34), произносимый священником в алтаре во время совершения Таинства Евхаристии.

С. 115. *Амвон* — кафедра древней христианской церкви, с которой произ-

носились проповеди. В Софийском храме амвон был богато украшен золотом с бисером и изумрудами.

С. 115. *Канун* — столик, на котором стоит изображение Распятия и подставка для свечей. Перед этим столиком совершаются панихиды.

МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Впервые опубликовано: Лукоморье, 1916, № 15/16. С. 15—16.

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 39—45.

Тексты-источники: **10**)., **11**).

Дата: 1915.

Работа над текстом «Марии Египетской» была завершена, по-видимому, весной 1915 года. В письме к А. И. Рязановскому 30 апреля 1915 года Ремизов, обещает зайти к нему, как только закончит «Марию Египетскую» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 32. Л. 44).

В основе произведения лежит «Житие Марии Египетской». В «Великих Минеях Четиях» на 1 апреля помещено два жития «Марии Египетской»: краткое и распространенное. Краткое скупо повествует о жизни, покаянии, нравственном перерождении и молитвенных подвигах в заиорданской пустыне бывшей блудницы Марии Египетской. Второе, надписанное «Софронием, архиепископом иерусалимским», обрамлено пространным повествованием о жизни и духовных исканиях благочестивого старца Зосимы. Текст Жития содержит обширные диалоги Марии и старца Зосимы и многие подробности жизни и духовного опыта Марии. Ремизов пользовался обеими редакциями Жития. Краткость, лаконичность, внутренняя емкость первой редакции, ее композиционное строение, повествование от третьего лица были привнесены писателем в свое произведение. Из второй редакции Жития Ремизов ввел в повествование некоторые яркие художественные образы и сюжетные мотивы, отсутствующие в краткой редакции. Это слова, услышанные Марией в церкви; эпизод с милостыней, данной ей «единым человеком»; купленные ею на дорогу три хлебца; умывание в водах Иордана и переправа через реку; а также сведения о том, что святая умерла в Страстной четверг.

С. 116. *Мария Египетская* (VI в.) — святая, первоначально блудница в Египте. Память празднуется 1 апреля.

Есть в великой церкви... — Имеется в виду храм Святой Софии Премудрости Божией в Константинополе.

...и шли слезы от очей Богородицы на очи Христа. — Ср. в «Путешествии новгородского архиепископа Антония»: «Стоит<...> икона велика пречистыя Богородицы держащи Христа; и шли слезы от очию ея на очи Христа Бога нашего» (**2**). Стб. 62—63).

Иерусалим — город в Палестине, священный город для христиан, иудеев и мусульман.

Иерусалимская Божия Матерь. — Икона Божией Матери Иерусалимской, по свидетельству многих паломников, находилась в Храме св. Софии в Константинополе, куда она была перенесена из Иерусалима. Описание иконы Богоматери Иерусалимской см.: Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Пг., 1915. С. 290.

С. 117. *Дал Бог человеку великую радость ~ превратил воду в вино на брачном пиру.* — Имеется в виду евангельский рассказ о свадьбе в Кане Галилейской, на которой присутствовал Иисус Христос и превратил воду в вино, когда пирующим не хватило угощения (Иоан. 2; 1—10).

Тайна сия велика. — Цитата из Послания к Ефесянам апостола Павла (Еф. 5; 32).

Воздвижение. — Воздвижение креста Господня — церковный праздник, отмечаемый 14 сентября в память обретения в Иерусалиме креста, на котором был распят Иисус Христос, св. царицей Еленой в 326 г.

Александрия — город и порт в Египте, на берегу Средиземного моря, один из центров распространения христианства.

всенощная — всенощное бдение, церковное богослужение, совершаемое накануне воскресных и праздничных дней и продолжающееся в течение ночи.

...богомольцы поспешили в церковь, и Мария за ними в церковь. — В легендарных преданиях имя Марии Египетской связывалось с храмом св. гроба Господня, куда она пришла, чтобы поклонится Кресту (Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сибири и Палестине. СПб., 1904. С. 192).

С. 118. *О, преславное чудо, // широта креста и долгота небеси равна есть.* — Цитата из песнопений утрени (стихир на хвалитех: «О преславного чудесе») праздника Воздвижения Креста Господня (14 сентября).

Честной Крест — христианская святыня, крест, на котором был распят Иисус Христос. По преданию, крест был найден царицей Еленой, матерью императора Константина, в Иерусалиме в 326 г. При его обретении совершались чудеса исцеления и воскрешения, поэтому он носит также наименование Животворящего Древа. Частица от креста была перенесена в Константинополь, остальная часть хранится в Иерусалиме в храме Воскресения Христова.

О, лествица, ею же восходим на небеса! // живоносный сад — // крест пресвятой. — Отрывки из стихир на хвалитех праздника Воздвижения Креста («О божественныя лествицы»).

Лествица — лестница.

Перейдешь Иордан, там тебе отдых! — Ср. в «Житии Марии Египетской»: «И, си словеса еще глаголеши, слышах глас, глаголюшь издалеча: «за Иердан аще преидеши, то добрѣ тамо покой обрящеши» (10). Стб. 22).

Иордан — река в Западной Азии, протекает по полупустынной местности, впадает в Мертвое море.

С. 119. *Подал какой-то семитку.* — Ср. в «Житии Марии Египетской»: «И видѣ же мя един человек идущу, три мѣдяници даст ми рекый: «Возми, мати моя» (10). Стб. 22).

Семитка — семитка или семишник — народное название двухкопеечной монеты.

Ранняя обедня — литургия, богослужение, на котором совершается Таинство Евхаристии (причащения).

Житье не барышно — не выгодно.

Старец Зосима (VI в.) — святой, палестинский отшельник, память 1 апреля.

Сорок лет и семь лет... — Согласно Житию, Мария Египетская провела в Заиорданой пустыне сорок семь лет (9). Стб. 3).

И духом Божиим наполнилось чистое сердце. — Дух Божий — благодатный дар, совершающий новую жизнь в человеке и служащий к его спасению. Ср.:

«Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в нас» (Рим. 8, 9).

С. 119. *Молилась Мария, не попирая земли — над землею.* — В «Житии Марии Египетской» рассказывается, что святая приобрела чудесную способность подниматься во время молитвы над землей.

Шла по воде как посуху. — Ср. евангельский рассказ о хождении по воде ученика Христа апостола Петра (Мф. 14; 25—33).

А померла она в страстные дни — в великий четверг. — В четверг на Страстной неделе, последней неделе перед праздником Пасхи, когда вспоминаются страдания и смерть Христа.

Матерь Света, скорбящая Заступница наша — Богородица.

Восхотела из светлого рая ~ хочу мучиться с грешными!» — Парафраз из апокрифа «Хождение Богородицы по мукам».

С. 120. *И стоит тот чудный образ Богородицы <...> в великой церкви во святой Софии, Премудрости Божией.* — По свидетельству русских паломников, икона Божией Матери из Иерусалима находилась в храме св. Софии в Константинополе. «Ходихом поклонитесь во святую Софию <...> входя в великие двери, по правую сторону стоит икона святой Богородицы, что глас от нее исшел Марии Египетской во Иерусалиме» («Путешествие дьяка Александра». 6). С. 72).

МИЛЫЙ БРАТЕЦ

Впервые опубликовано: Отечество, 1915, № 1. С. 12—13 (под заглавием «Прокопий праведный» с посвящением Н. К. Рериху). Прижизненные публикации: Рёрих. С. 97—102, под загл. «Прокопий Праведный» в цикле «Жерлица дружинная»; Трава-мурава. С. 46—50; Звенигород окликанный. Николины притчи. Нью-Йорк — Париж — Рига — Харбин, Алатас, 1924. С. 152—155, под загл. «Прокопий Праведный».

Источники: цикл картин Н. К. Рериха, посвященных св. Прокопию Устюжскому: «Прокопий Праведний отводит тучу от Устюга Великого». Рисунок 1913 г., опубл.: Рерих. С. 133; «Прокопий Праведный отводит тучу от Устюга Великого». *Темп. 1914 г.*, опубл.: Рерих. С. 134. «Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится». *Темп. 1914 г.* Опубл.: табл. XXIII между с. 144—145; Иеромонах Алексий (Кузнецов). Юродство и столпничество. Изд. типогр. В. Д. Смирнова, СПб., 1913.

Дата: <1914>.

С. 120. *...во святой Соловец остров.* — Соловецкие острова, на которых расположен Соловецкий монастырь, основанный преп. Зосимой и Савватием в XV в.

...ко святой Софии Премудрости Божией. — Софийский собор в Новгороде, построенный в 1052 г.

На Сокольей горе — ныне Иванова гора в Великом Устюге.

на бугрине — на холме.

Прокопий блаженный — святой преподобный устюжский чудотворец, умер в 1290 или 1303 г. Первоначально был купцом, родом немец или варяг, прибыл из западных стран в Новгород. Принял крещение в Хутынском монастыре под Новгородом, раздал имущество нищим, часть отдал в монастырь, а сам ушел в Великий Устюг. Там он подвизался в качестве «юродивого во Христе». Блаженный Прокопий обличал грехи горожан и призывал к покаянию, в ответ

получая только насмешки и побои. Несмотря на это, он продолжал молиться за город. В 1290 г. своими молитвами отвратил от Устюга градовую тучу. Умер святой Прокопий 8 июля на мосту около церкви св. Михаила Архангела. При кончине его произошло чудо: тело святого оказалось засыпано снегом. Имя святого связывается с храмом Успения Пресвятой Богородицы и находившейся в нем чудотворной иконой Устюжской Божией Матери, на которой сохранилась надпись о чуде избавления Устюга по молитвам святого Прокопия.

С. 120. *поплынь* — плавание.

по опутинам — по дорогам.

Гледень — здесь: Великий Устюг. Гледен или Гледень — древний чудский город при слиянии рек Сухоны и Юга; разрушен в XV в. в результате междоусобной войны галицких князей; имя города сохранилось в названии высокого мыса, на котором он располагался, и в названии Троице-Гледенского монастыря (осн. в XII в.). В четырех километрах от Гледена на левом берегу Сухона в к. XII — нач. XIII в. был основан Великий Устюг.

...от старца Варлаама — от Варлаама Прокшинича (ум. в 1243 г.), игумена Спасо-Хутынского монастыря под Новгородом. В Четиях-Минеях ошибочно указывается, что обряд крещения совершил преподобный Варлаам Хутынский, умерший в 1192 г.

похаб — юродивый, дурень.

С. 121. *Честнейшая, не пожелавшая в раю быть.* — Авторск. цитата из ремизовского апокрифа «Хождение Богородицы по мукам».

С. 48. *...папертный угол в доме Пресвятой Богородицы* — паперть в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Великом Устюге.

...перед образом Благовещением — чудотворная икона Пресвятой Богородицы Устюжской, по преданию, молитвами святого Прокопия спасла Великий Устюг от града.

...до Студеного моря — Студеное море — Белое море.

...в церковь к Михаилу архангелу. — Собор Михаила Архангела в монастыре Пресвятой Богородицы Честного и Славного Ее Введения в Великом Устюге.

В летней ночи закуделила крещенская метель... — Смерть Прокопия была ознаменована чудесным явлением зимней метели среди лета.

С. 122. *синяя Сухона* — река в Вологодской обл. России. Сливаясь с р. Юг, образует Северную Двину.

белая Двина — Северная Двина, река на севере европейской части России.

АВРААМ

Впервые опубликовано: ЕЖ, 1918, № 1. С. 26—31, с подзаголовком «Отреченная повесть».

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 51—64; НРС, 1956, № 15569, 12 февраля.

Автографы: Черновые наброски — РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 19.

Тексты-источники: 1). Смерть Авраама / ПОРЛ I. С. 79—90; 2). Авраам. Смерть Авраама / Апокрифические сказания. Сборник Отдел. русского языка и словесности Имп. Академии Наук. Т. LVIII, № 4. СПб., 1894. С. 1—14; 3) О преставлении временные жизни сея св. праведного отца Авраама / Там же.

Дата: 1915.

Черновые наброски в РНБ представляют собой подготовительные материалы (наброски, рисунки) к легенде об Аврааме.

С. 122. *Авраам* — ветхозаветный патриарх, родоначальник еврейского народа.

...архистратигу сил небесных <...> Михаилу — архистратиг (верховный военачальник) Михаил — предводитель ангелов в их борьбе с темными силами ада, покровитель еврейского народа.

Звали меня Аврам, но Господь переменил имя мое. — На девяносто девятом году жизни Аврааму явился Господь и говорил с ним об умножении его потомства и даровании ему во владение всей земли Ханаанской. Тогда же имя Аврам (отец высокий) было изменено на Авраам (отец множества народов) (Быт. 17; 1—5).

...многоветвистый дуб стоял при дороге. — Согласно Библии при Мамврийской дубраве было явление Аврааму трех ангелов в виде странников. Один из этих дубов сохранился до настоящего времени и носит название «дуб Авраама» (Быт. 18; 1—2).

С. 123. *таемное слово* — тайное слово.

Исаак — сын Авраама и его жены Сарры.

...и слезы архистратига падали, как камень... и далее, С. 124: *и падали слезы его как огонь.* — В Св. Писании камни и огонь соединялись с явлениями Божества или какого-либо особенного действия Божественного промысла.

Сарра — супруга Авраама, мать Исаака.

Чины ангельские. — Согласно Св. Писанию ангельские чины разделены на три иерархии, с подразделениями каждой из них на три лика. Высшая иерархия: Серафимы, Херувимы, Престолы. Средняя иерархия: Господства, Силы, Власти. Низшая иерархия: Начала, Архангелы, Ангелы.

Друг он Твой. — Ср.: «семя Авраамово, друга Моего» (Ис. 41; 8).

Вечеря — ужин.

С. 124. *Лот* — племянник Авраама, живший в г. Содоме.

Кидарь (кидар) — головное украшение иудейского первосвященника в виде чалмы с прикрепленной спереди золотой дощечкой с надписью «Святыня Господу». Являлась символом высокой чести служителя Бога.

Багор — густо-красный цвет с синеватым оттенком.

С. 125. *На Окиан-реку* — в мифологическом представлении древних — огромная река, окружающая кольцом всю землю.

С. 126. *Сем тем душ...* — темь или тем (црк. и старосл.) — десять тысяч.

Херувим. — В Св. Писании ангелоподобное существо — страж, херувимы составляют второй после серафимов чин в небесной иерархии.

С. 127. *Авель.* — Согласно Библии второй сын Адама и Евы, убитый своим братом Каином за то, что жертва Авеля была принята Богом, а жертва Каина — отвергнута.

...Енох учитель небесный и книгочий праведный... — Согласно Библии патриарх, седьмой после Адама, за свою праведность взятый живым на небо; небесный летописец, свидетельствующий и измеряющий правой мерой все дела человеческие. Древние иудеи и арабские писатели считали его изобретателем письменности, арифметики и астрономии.

Торжище — место торговли, торговая площадь.

С. 128. *И когда наступил последний час, последние минуты жизни ~ стала*

перед другом Божиим, нежна, как мать. — Ср. в тексте-источнике: «Егда же сократишися дни Аврааму и рече Господь Михаилу, да не смеет ли смерть приступити к нему якоже душу ему изъять, друг бо ми есть, но шед украси смерть красотою великою и пусти к Аврааму» (1). С. 88).

С. 129. *...не нашла подобного тебе ни в ангелах, ни в архангелах, ни в началах, ни во властях, ни в престолах.* — См. С. 688 наст. изд.

Эдна. — В Библии имя матери Авраама не названо. По арабским преданиям, ее имя было Адна.

И благословлю тебя и возвеличу имя твое ~ и благословятся в тебе все племена земные. — Обещание, данное Аврааму, когда Бог призвал его оставить землю отца своего и следовать в страну, которую Господь укажет ему (Быт.; 12, 2—3).

...в пещере Махпеле на поле Ефрона... — Авраам купил пещеру Махпела на поле Ефрона близ Хеврона для погребения своей жены Сарры (Быт. 23; 16—20). Там же Исаак похоронил Авраама (Быт. 25; 8—10).

<ЦАРЬ СОЛОМОН>

АПОЛЛОН ТИРСКИЙ

Впервые опубликовано: Аргус, 1917, № 5. С. 5—33, под загл. «Аполлон Тирский. Старинная повесть».

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 91—142.

Тексты-источники: Аполлон Тирский / ЛРЛД I. С. 1—33, паг. 2-я.

Дата: 23—27.II.1917.

В 1950-е годы вместе с повестью «Царь Агтей» готовился к печати в издательстве «Оплешник». Сохранился авторский эскиз обложки к несостоявшемуся изданию («Павлиньим пером». Макет сборника для изд. «Оплешник». *Б., тушь.* 1950-е гг. 121 л. — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20. Л. 43).

«Аполлон Тирский» создавался в самый разгар февральской революции в Петрограде. В «Взвихренной Руси» Ремизов вспоминал: «стреляли по нашей линии. И казалось, что около дома — в наш дом стреляют. <...> Стою у окна — если бы на волю! Да куда уж, носа не высунешь. Повести моей оставалось конец и я сел писать. И к обеду кончил — о Антиохе — царе сирийском и Аполлоне Тирском. <...> Беспокойно было на воле». (Глава XI. На своей воле).

С. 130. *Антиох* — Антиох III Великий, сирийский царь (222—187 гг. до н. э.). Сообщаемые в повести факты его жизни являются литературным вымыслом.

многославутный — прославленный.

Антиохия — древний город на Ближнем Востоке, некогда столица Сирийского гос-ва. В действительности был основан дедом Антиоха III, первым сирийским царем Селевкии Никатором (300 г. до н. э.), давшим городу наименование в память своего отца Антиоха. В 1270 г. был разрушен до основания мусульманами. Сейчас на этом месте г. Антакья.

царевна Ликраса — в тексте-источнике имя дочери Антиоха не названо.

изумелый — безумный.

неключимый — дурной, злой.

Лапландские волхвы предсказали... — намек на увлечение Ремизова фольклором лопарей (лапландцев). См. об этом в примечании к рассказу «Глаголица» (Т. 3 наст. изд. С. 631—632).

С. 130. *лисавый* — хитрый.

Лук Малоубийский. — В тексте-источнике имя подручного Антиоха: Табат.

постав — ткань.

Ильинка — торговая улица в Москве. Пример «русификации» Ремизовым текста-источника.

С. 131. торопь — состояние растерянности, замешательства.

шла от обедни... — Пример «русификации» Ремизовым теста-источника, ср.: «Во утрий же день иде во храм идольский богом жертву принести...» (С. 8).

царь Обезьяний, и далее, С. 132 *царь Обезьяний Асыка...* — Намек на литературную игру Ремизова в Обезьянью Великую и Вольную Палату. См. об этом: Обатнина Е. Р. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. Ремизова: Игра и ее парадигмы // НЛО. 1996. № 17. С. 185—217.

С. 132. *зауряд-князь.* — В литературной игре в Обезьянью Великую и Вольную Палату титул зауряд-князя носил Зиновий Исаевич Гржебин (1877—1929) — художник, совладелец издательства «Шиповник».

зауряд — в дореволюционной России юридический термин, означающий, что правит должность, исполняет обязанности, пользуется правами и преимуществами такое лицо, которому по общим правилам это не могло быть предоставлено.

С. 133. *Тир* — древний финикийский город-государство на восточном побережье Средиземного моря. Разрушен мусульманами в 1291 г. Сейчас на этом месте г. Сур в Ливане.

...да и отца его вспомнил, старого царя Лавра ~ побратимы. — По сравнению с текстом-источником Ремизов усиливает мотивацию нежелания Антиоха загадывать загадку Аполлону.

...менялись крестами. — Пример «русификации» Ремизовым текста-источника.

залузел — от лузжать — жалко просить, клянчить, канючить.

жадает — желает.

не улучает — не может.

С. 134. *денница* — утренняя заря.

Царь удалился, за ним Лук лисавый ~ сам на рожон прет. — Пример психологизации Ремизовым теста-источника, ср.: «Слышав сия Антиох возъярися предельным гневом» (С. 10).

Аполлон вышел на волю ~ И положил Аполлон бежать от царя. — Пример психологизации Ремизовым текста-источника, ср.: «Аполлон же изыде от цесаря, размышляя себе, како же избыти смерти яко и гадание преложи и смерти не убеже и положи во уме бегьством избавление получити» (С. 10).

С. 135. *Тарс* — в древности крупный город в Киликии, теперь остатки поселения на окраине современного г. Тарсуса в Турции.

С. 136. *Вот достиг он первенства в Тарсе ~ И никогда не вернуться!* — Пример психологизации и «русификации» Ремизовым текста-источника. Этого эпизода в тексте-источнике нет.

С. 137. *Кипрская земля* — остров Кипр в восточной части Средиземного моря.

Голифор. — В тексте-источнике имя царя: Алтыстратес.

С. 138. *От Лукича.* — Пример «русификации» Ремизовым текста-источника.

Тахия. — В тексте-источнике имя царевны: Лучница.

С. 139. *Аполлон шел по берегу моря ~ И вот, тирское знамя ударило в*

глаза. — Пример психологизации Ремизовым текста-источника, ср.: «По прошествии же близко годишного времени некогда поя Аполлон жену свою кралевну Лучницу и идоша на брег морской погулять, и в той час приплы корабль, на нем же знамя тирское» (С. 15).

С. 140. *Поистине, кара Божия постигла грешного царя ~ и обнажилась гортань.* — Ремизов изменил причину смерти царя Антиоха, в тексте-источнике нечестивый царь был поражен молнией.

...заточил несчастную царевну Ликрасу... — В тексте-источнике царевна была убита молнией вместе с отцом.

...женился на обезьяньей княжне Хлывне, дочери великого мечника и князя обезьяньего, Микитова, весь извесился цветными обезьяньими знаками... — Включение в текст реалии литературной игры в Обезьянью Великую и Вольную Палату. Кавалерам Палаты раздавались выполненные Ремизовым «обезьяньи» знаки. См., напр.: «Обезьяний знак Н. А. Клюева» (Музей ИРЛИ. № 84222). Об И. С. Соколове-Микитове см. коммент. к «Бове Королевичу» (С. 755 наст. изд.).

С. 141. *...дочь Палагею...* — в тексте-источнике имя дочери Аполлона: Тарсиса.

Ефес (Эфес) — крупный город на западном побережье Малой Азии, основанный в XII в. до н. э. греками. В настоящее время от города остались руины некоторых построек.

Ефиоп. — В тексте-источнике имя доктора: Тиримон.

С. 142. *Агафон.* — В тексте-источнике имя ученика доктора: Силимонус.

С. 143. *...переселилась царица Тахия к Скорбящей.* — Пример «русификации» Ремизовым текста-источника, где царица становится жрицей языческого храма. *Скорбящая* — просторечное название храма иконы Богородицы Всех Скорбящих Радости.

черничкой — черницей, монахиней.

...у тирского купца Черилы и жены его Гайки... — Пример «русификации» Ремизовым текста-источника, где имена воспитателей царевны Стрегвил и Деодома.

нянька Егоровна. — В тексте-источнике: Лигория.

...в гимназию... — В тексте-источнике: в училище.

С. 144. *Егоровна <...> с постной ли грибной пищи либо от поклонов чуть дышит старуха...* — Пример «русификации» Ремизовым текста-источника, ср.: «...мама ее Лигория разболеся к смерти» (С. 21).

Марсютка. — В тексте-источнике: Филамыция.

С. 145. *сторож Гаврила.* — В тексте-источнике: раб Феофил.

И притом у тебя фамилия персидская ~ переделывали свои фамилии на тарские... — Здесь Ремизов иронизирует над возникшем в годы первой мировой войны обычаем, когда «русские немцы» переменяли немецкие фамилии на русские.

Гаврилы же фамилия Прокопов... — «русификация» Ремизовым текста-источника.

С. 146. *...да драла* — т. е. убежал.

ханжа — самогонная водка, название происходит от наименования китайской неочищенной хлебной водки — ханшин.

Родос — остров в Эгейском море, недалеко от малоазийского берега.

С. 147. *Поддувалу ~ Анне Дементьевне...* — Пример русификации Ремизовым текста-источника.

...ни в каком политехническом институте не обучалась ~ ни запаху, ни привкусу не оставалось. — Ремизов привносит в средневековое повествование черты русского быта начала XX века.

...белоголовую водку... — бутылка казенной очищенной водки высшего сорта, имела «белую» головку.

С. 152. *Веселие омрачилось было ~ со смеху животы надорвали.* — Пример психологизации Ремизовым текста-источника, ср.: «Купивы же Тарсису начальник блудницам без вести погибе, понеже убояся краля Аполлона» (С. 30).

С. 153. *Не ждал ни Черила, ни Гайка ~ И не тронул Аполлон стариков...* — Пример психологизации Ремизовым текста-источника, ср.: «Таже по оповедании Тарсиса и совопрошение Феофила раба онаго, Странгвила и Дионисию прияша яже (о) Тарсисе показаша, потом же им по различным мукам главы отсекоша» (С. 30).

С. 155. *...в скрыти* — в укрытии.

С. 156. *Спутников своих она не узнала...* — Ср. в стихотворении Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841): «Но в мире ином друг друга они не узнали».

На холмике у часовни Скорбящей похоронили Тахию ~ Он женился на царевне Ликрасе. — Ремизов изменил финал повести. В тексте-источнике царица остается жива, Аполлон отдает г. Тир своему зятю Антагору, а сам переселяется с женой Лучницей в Антиохию. «По сем царь Еллинский Аполлон возвратился во Антиохию Великую и тамо живуше радостный живот со своею царицею. <...> Таже прииде во глубокую старость и истави сыну своему царство, сам же до кончины живота во истинне и правде поживе, и последний день сотворися ему мирен и благополучен» (С. 32—33).

ЦАРЬ АГГЕЙ

Впервые опубликовано: Наш век, 1917, № 26. С. 2.

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 143—151; Путь, 1926, № 2. С. 72—87, в цикле «Русские повести»; Вестн. Рус. студенческого христианского движения (Париж), 1958, № 5.

Тексты-источники: «Повесть о царе Аггее и како пострада гордостию» / Афанасьев, № 24. С. 182—186.

Дата: 1917.

В 1950-е годы вместе с повестью «Аполлон Тирский» готовился к печати в издательстве «Оплешнию». Сохранился авторский эскиз обложки к несостоявшемуся изданию («Павлиньим пером». Макет сборника для изд. «Оплешнию». *Б., тушь.* 1950-е гг. 121 л. — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20. Л. 43).

Ремизов изменил финал текста-источника. В легенде царь Аггей, укротив гордыню, возвращался на царство и справедливо правил своим народом. Ремизовский финал совпадает с окончанием «Сказания о гордом Аггее. Пересказ старинной легенды» В. М. Гаршина (1886). По концепции и текстуальным совпадениям сказание Гаршина может быть признано еще одним источником текста Ремизова.

С. 158. *«Богатые обнищают, а нищие обогатятся!»* — Неточная цитата

из Псалтыри, ср.: «Богатии обнищаша и взалкаша, взыскующие же Господа не лишатся всякого блага» (Пс. 33; 11). О причинах неточности в указании источника цитаты см.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 80—82.

С. 158. *К аналою...* — См.: С. 681 наст. изд.

С. 160. *Голыш* — нищий.

Тридцать лет... — в тексте-источнике — 35 лет.

С. 162. *Из затвора...* — из уединенного жилища.

Мехоноша — прислуживающий странникам человек.

ДАР РЫСИ

Впервые опубликовано: Во имя свободы. Однодневная газета Союза деятелей искусства. Пг. 1917, 25 мая. С 3 (под загл.: «Дар рыси. От египетского ловзайка»).

Прижизненные публикации: Путь (Париж), 1926, № 2, январь; НРС, 1954, № 15324, 11 августа.

Тексты-источники: 4 марта. Память преподобного отца нашего Марка постника / Пролог. М., Синодальная типография, 1877.

В Прологе содержится скупой рассказ о благочестивом старце, к которому пришла гиена со своим слепым детенышем. Старец плюнул на очи детеныша, и тот был исцелен. Гиена в благодарность принесла шкуру овцы. Сначала старец не хотел принимать подарок, но затем понял, что это дар свыше. Ремизов усложняет сюжет, введя в него психологическую мотивировку поступков.

ЦАРИЦА МАЙДОНА

Впервые опубликовано: БВ, 1914, № 14498, 16 ноября, утр. вып. С. 3 (в цикле «О днях последних. Сказания по списку червонно-русскому»).

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 158—160; НРС, 1956, 22 апр., № 15639 (в цикле «О днях последних. Византийские сказания»).

Тексты-источники: «История о жене Майдоне, царице безбожной и бестияльной» — Макушев В. Южнорусские сказания по рукописи библиотеки Оссолинских в Львове / ЖМНП, 1881, кн. IX. С. 96—99.

Дата: 1914.

В основе произведения лежит «История о жене Майдоне, царице безбожной и бестияльной», восходящая к «Откровению Мефодия Патарского» — переводному византийскому эсхатологическому сочинению неизвестного автора, датируемому IV или VII в. В средневековой рукописной традиции создание «Откровения» приписывается епископу г. Патар (Малая Азия) Мефодию (III—IV вв.).

С. 166. *Увы, мне, миру ничтожный; Увы, мне, свет темный!* — Ср.: «Увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями...» (Ис. 1; 4).

Вавилон — в древности город в северной части Двуречья на берегу Евфрата, столица Вавилонского царства, особенно могущественного в VII в. до н. э.

Бесстудная — бесстыдная.

На лобном месте... — Русификация источника. Аллюзия на Лобное место в Москве. Лобное место — помост, с которого объявлялись правительственные указы и совершались казни преступников.

С. 167. *...великий воевода силы небесной...* — Архангел Михаил, архистратиг, предводитель верховного воинства.

ГОРОД ОБРЕЧЕННЫЙ

Впервые опубликовано: Рёрих. С. 91—92.

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 161—163; Звенигород окликанный. Николины притчи. Париж — Нью-Йорк — Рига — Харбин. Аталас. 1924. С. 145—147, в цикле «Жерлица дружинная».

Источник: сюжет навеян картиной Н. К. Рериха «Град обреченный». *Темп.*, 1914. Опубл.: Рёрих. С. 167.

Дата: 1915.

С. 167. *Тайкий* — скрытный.

Постень — место под стеной.

Пустополье — заброшенное поле, пустошь.

Всполох — тревога, набат, звон для сбора народа.

С. 168. *Выглохтал* — от выглохтать: выпить жадно, заливая глотку.

Стонотный — всегда стонущий.

Нетина-зелень — огородная зелень, ботва.

Хрястают — от хрястать: хрустеть, треснуть.

Скрыть — скрытное место, укрытие.

ТРИ БРАТА

Впервые опубликовано: БВ, 1914, № 14498, 16 ноября, утр. вып. С. 3, в цикле «О днях последних. Сказания по списку червонно-русскому» под загл. «Три брата-царя».

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 164—166; НРС, 1956, № 15639. 22 апр. (В цикле «О днях последних. Византийские сказания» под загл. «Три брата-царя»).

Текст-источник: Повесть о трех юношах, царех, братиях родних (о днех последних) — Макушев В. Южнорусские сказания по рукописи библиотеки Оссолинских в Львове / ЖМНП, 1881, кн. IX. С. 99—101.

Дата: <1914> — 1917.

В основе произведения лежит «Повесть о трех юношах, царех, братиях родних», восходящая к «Слову Мефодия Патарского».

С. 169. *Голка* — шум, мятеж.

С. 170. <...> *будут семь жен искать одного мужа и не найдут.* — Ср. в Библии: «И ухватятся семь женщин за одного мужчину» (Ис. 4; 1).

И вот, в то злое время, почуяв беду земную ~ Сатурнин безбожный править землею и мучить в тяжкой работе. — Ср. в тексте-источнике: «Тогда почувши то из-за моря Измаилтяне Турци приидут и восприимут землю всю греческую и поимут жени тия и воцарятся на 40 лет, и побудут божницу своего Махомета и оскудеет тогда вера христянская» (С. 101).

ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Впервые опубликовано: Рёрих. С. 93—94.

Прижизненные издания: Трава-мурава. С. 167—168; Звенигород окликанный.

Николины притчи. Париж — Нью-Йорк — Рига — Харбин. Алатас, 1924. С. 148—149, в цикле «Жерлица дружинная»; Русское эхо (Берлин), 1924, № 29. С. 5 (под загл. «Из книги „Звенигород окликанный“ (Подпись к картине Н. К. Рериха «Дела человеческие»).

Источники: сюжет навеян картиной Н. К. Рериха «Дела человеческие». *Темп.* 1914. Опубл.: Рёрих. Табл. XXII между с. 136 и 137.

Дата: 1915.

С. 170. *Могуч был Вавилон ~ веку не будет пышной его жизни.* — Ср.: «пал, пал Вавилон, город великий» (Откр. 14; 8).

Сильнее всех была Ниневия... — Ниневия — один из древнейших городов Ассирии, восходящий к V тысячелетию до н. э., столица Ассирийского царства.

Отличался могуществом и пышностью. Ср. также: «Ниневия же была город великий у Бога» (Иона 3; 3).

Ур халдейский — город на реке Евфрат в южной Вавилонии (Сев. Ирак), место рождения Авраама (Быт 11; 28). В древнейшие времена был богатым городом, о чем рассказывают многочисленные сокровища, найденные при раскопках. Около 300 г. до н. э. город был покинут жителями. До настоящего времени сохранились руины огромной ступенчатой башни (зиккурата).

ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ

Впервые опубликовано: БВ, 1914, № 14498, 16 ноября, утр. вып. С. 3, в цикле «О днях последних. Сказания по списку червонно-русскому»).

Прижизненные издания: За Святую Русь. Думы о родной земле. Пг., изд-во журнала Отечество, 1915; Трава-мурава. С. 169—172.

Текст-источник: Рацея о цари Михаиле, како будет царем трицят лет. — Макушев В. Южнорусские сказания по рукописи библиотеки Оссолинских в Львове / ЖМНП, 1881, кн. IX. С. 101—103.

Дата: 1914.

В основе произведения «Рацея о цари Михаиле, како будет царем трицят лет», восходящая к фрагменту «О Михаиле царе» из «Слова Мефодия Патарского».

С. 171. *...перекуют мечи на рало и плуги...* — Ср.: «И перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы» (Ис. 2; 4).

Капернаум — город на северо-западном берегу Галилейского озера. Ныне на месте города сохранились развалины. В Капернауме Христос совершил много чудес и много проповедовал, но несмотря на это жители не уверовали в Иисуса.

Зип — Зиф, город на Иудейским нагорье к юго-востоку от Хеврона.

Хоразан — город, находившийся близ Капернаума, на берегу Галилейского озера. Ныне на месте Хоразина остались развалины. Христос проповедовал здесь, но учение не нашло отклика.

«Горе тебе, Капернаум, горе тебе, Зип ~ падешь до ада!» — Ср. в Евангелии: «Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись. <...> И ты, Капернаум, до небы вознесшийся, до ада низвергнешься; <...> Но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Мф. 11; 21—24).

С. 172. *Голгофа* — горная возвышенность на северо-западе от Иерусалима, на которой был распят Иисус Христос.

ЦАРСТВО АНГЕЛОВ

Впервые опубликовано: Рёрих. С. 95—96, под загл. «Сокровища ангелов».

Прижизненные публикации: Звенигород окликанный. Николины притчи. Париж — Нью-Йорк — Рига — Харбин, изд. Алатас, 1924, под загл. «Сокровище ангелов»; Звезда надзвездная. С. 77—78, под загл. «Сокровище ангелов».

Источник: Сюжет навеян картиной Н. К. Рериха «Сокровище ангелов». 1905. Опубликована: Рёрих. С. 67. Эскиз к картине «Сокровище ангелов» (1904), с. 51.

С. 173. *А страж его — великий ангел...* — В центре картины Рериха на переднем плане фигура ангела в белых одеждах, за ним — «пресветлый рай».

Сирины — сирин — райская птица с женским лицом и грудью.

С. 174. *Сердце великое Матери Света* — Матерь Света — наименование Богородицы.

НА ЗЕМЛЕ МИР

Впервые опубликовано: Знамя труда, 1917, № 105.

Прижизненные издания: Скифы, 1918, № 2, под загл. «Gloria in exelsis»; Известия Бакинского Совета, 1918, 24 марта, под загл. «На земле мир» (отрывок из рассказа); Трава-мурава. С. 176—191.

Тексты-источники: в настоящее время источник текста не установлен.

Дата: 1.V.1917.

С. 174. *Амун* — Аммон или Аммун (IV в.) — один из видных представителей египетского монашества. Жил на Нимврийской горе недалеко от Александрии. Сохранились приписываемые ему поучения.

Терновый бич — плеть, изготовленная из ветвей цепкого, колючего кустарника.

Приобщать старца — т. е. причастить (причастие — приобщение Святых Таин).

С. 175. *Антиох* — Антиох III Великий (242—187 до н. э.) — сирийский царь. В 219 г. начал войну с Египтом, захватил Келесирию, Финикию и Палестину, но потерпел поражение в битве при Рафии (217 г.) и утратил свои завоевания.

Аспид — рогатая, ядовитая змея с белыми и черными пятнами, яд которой умерщвляет почти мгновенно.

С. 178. *...участь каждого по делам его...* — Ср.: «воздаст каждому по делам его». (Мф. 16; 27).

окликанные — оглашенные *(церк.)*.

отверсто — открыто.

избранный среди позванных... — Ср.: в притче о званых и избранных: «ибо много званых, а мало избранных» (Мат. 22; 14).

С. 179. *искус* — искушение.

В Петровки — во время поста перед праздником свв. апостолов Петра и Павла — 29 июня. Здесь пример «русификации» Ремизовым текста-источника.

С. 179. *На Ильин день* -- праздник св. пророка Илии — 20 июля. Пример «русификации» Ремизовым текста-источника.

наляцать — натягивать.

С. 180. *Спас* — народное название Господних праздников. Здесь, по-видимому, имеется в виду первый Спас, «медовый» или «мокрый», отмечаемый 1 августа — праздник Изнесения Животворящего Креста Господня.

Ибо взявший меч, от меча и погибнет... — Ср.: «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мат. 26: 52).

Но и до седьмого колена отмщается грех... — Ср. ветхозаветную цитату: «и поражу вас всемиро за грехи ваши» (Лев. 26; 24).

С. 181. *плетушкой* — плетушка — корзина из прутьев, или что-либо, изготовленное посредством плетения.

С. 182. *Слава Тебе, показавшему нам свет!* — Возглас священника на утрени при отворении Царских врат (в древности этот возглас предварял появление солнечной зари).

Слава в вышних Богу и на земле мир. — «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лук. 2; 14). — Славословие ангелов при Рождестве Иисуса Христа.

НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ

Впервые опубликовано: Алексей Ремизов. Николины притчи. Пг., 1917. 128 с. — Далее: НП-1917.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст — корректура с авторской правкой (Кор-НП), «18 мая 1917» — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. 124 лл.

Дата: 1917.

Публикуется по изданию 1917 г. с исправлением опечаток по корректуре с авторской правкой.

В 1917 г. вышел сборник Ремизова «Николины притчи», включавший 24 легенды и концовку — обращение-молитву Св. Николаю. Составившие этот сборник легенды — за исключением двух «Никола Угодник» (1907) и «Никола Чудотворец» (1906) — были написаны в 1913—1916 гг. Они все были опубликованы в периодической печати и в составе различных сборников. Издание 1917 г. представляет собой книгу, целостную по идейно-художественной структуре. Главными источниками для работы над этим циклом для Ремизова были фольклорные тексты.

* * *

Выход книги явился итогом первой стадии работы Ремизова над легендами о Николе Угоднике. Этот цикл полностью вошел в книгу «Звенигород окликанный. Николины притчи» (Париж — Нью-Йорк — Рига — Харбин, 1924. Далее: Звенигород окликанный). Здесь добавлено небольшое вступление, в котором Ремизов суммировал народное восприятие Св. Николая в России: «Русский народ сказкой сказал о Николе: свою веру, // свои чаяния, // свою правду <...> Кто не услышит сокровенного слова о суде, судьбе и доле, тот и

по складу сказки примет от слова теплую пламень и осияет сердцем» (Звенигород окликанный. С. 8). Рецензируя эту книгу, Зинаида Гиппиус (Антон Крайний) подчеркнула «уменье [Ремизова — *Ред.*] сливаться с очень реальной и очень таинственной стороной русского духа <...>. Ремизов вовсе не «описывает» его, он говорит, <...> как бы изнутри, сам находясь в нем. <...> Страницы Ремизова, где он сам становится частью этой жизни с ее безмерностью и неуловимой мерой, с ее всегдашним, хотя бы чуть заметным, уклоном к «юродству» (напрасно мы понимаем его только в отрицательном смысле!), эти страницы и драгоценны, их-то и нельзя не любить, если любишь и чуешь Россию» (СЗ. 1924. № 22. С. 447—449).

Определяя свой подход к народным источникам, Ремизов считал, что в случае художественного пересказа определенного сюжета «все сводится к самой широкой амплификации, т. е. к развитию <...> подробностей или к дополнению к <...> тексту, чтобы в конце концов дать сказку в ее возможно идеальном виде. Что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить облюбованный текст, — в этом вся хитрость и мастерство художника» (Ремизов А. Письмо в редакцию. // Золотое руно. 1909. № 7—9. С. 146).

В «Николиных притчах» главный герой чаще всего появляется в образе старичка, иногда даже без указания имени. В ремизовских легендах Никола часто более активен, чем в источнике. В авторской интерпретации фольклорного сюжета он подчас заменяет собой Христа, апостолов или других святых. Отдельные детали ремизовских притч более реалистичны, чем в источнике. Главная функция Николы — заступничество за бедных и помощь в крестьянском труде, однако он так же наказывает за скупость, жадность и ложь, за стремление к обогащению, непослушание и неизменно награждает за щедрость. В выборе легенд и сказок отразились интересы Ремизова-писателя. Значительная тема сборника — тема неизменной человеческой судьбы, одна из основных в ремизовском творчестве. Принятие своей судьбы награждается за гробом, попытка обойти судьбу неизменно оканчивается поражением. Так, легенда «Доля» целиком посвящена этой теме: старичок Никола вяжет людскую долю. В нескольких волшебных сказках со сказочными атрибутами (ковер-самолет, превращения, чудесные перемещения) Никола Чудотворец выступает в роли чудесного помощника. В большинстве случаев легенды и сказки у Ремизова значительно короче, чем в источниках. Основная линия сюжета выявлена более определенно за счет исключения отвлекающих деталей.

Тема Николая Чудотворца продолжала занимать Ремизова и в дальнейшем. В 1929 г. в Париже вышел двухтомник под названием «Три серпа. Московские любимые легенды» (Париж, 1929. Далее: Три серпа I—II). Название восходило к эпизоду в легенде «Кипарис», где Св. Николаю в видении являлся всадник с серпами в руках. «Я ангел, держащий жатвенные серпы, — сказал всадник, — меня послал Господь дать тебе один из серпов: время жатвы приходит на весь мир» (Три серпа I. С. 45). В «Трех серпах» Ремизов значительно расширил круг источников, посвященных Св. Николаю. Теперь это были не только русские сказки и легенды, но и эпизоды из византийских и славянских житий Святого. Порядок легенд следовал Житию, то есть в совокупности представлял как бы последовательное повествование о жизни, прижизненных и посмертных чудесах Св. Николая, затем рассказывалось о перенесении его мощей в город Бари в Италии, после чего Никола отправлялся на Русь. Тринадцать легенд из книги «Николины притчи» заключали I том «Трех серпов». По сравнению с исходным

сборником они были расположены в ином порядке, и легенда «Никола угодник», открывавшая сборник 1917 г., завершала первую книгу двухтомника. Второй том «Трех серпов», как и первый, состоит из 26 отдельных рассказов, географическое и хронологическое пространство которых ничем не ограничено. Последняя легенда в книге «Нареченная доля» — это легенда № 9 «Николино письмо» из «Николиных притч».

Если в «Николиных притчах» Ремизов в основном сохранял верность исходному фольклорному источнику, то в «Трех серпах» он часто соединял в одном рассказе реалии и события разных эпох. Так, в первом рассказе «Урс», повествующем о хорошо известном прижизнениом чуде Св. Николая — помощи бедному отцу трех дочерей, Ремизов, сохраняя имя героя (Урс) и сюжет источника, перенес действие в среду жизни русской парижской эмиграции 1920-х гг.: «Сестры, чтобы жить в таком городе, морды куклам раскрашивали: раскрашенных отдавали заказчику, а этот заказчик нес в большие магазины для продажи <...> Урс служил в газетах по информации» (Три серпа I. С. 8). После вещих снов Урс находил на столе чек и догадывался, что он от Николая Чудотворца. Конец легенды возвращал повествование к начальному — раннехристианскому времени и местам земной жизни Святого: «Урс первый назвал это имя громко — Николай. И с тех пор имя Николай стало самым громким в Патарах» (Три серпа I. С. 12).

Отношение рецензентов и критиков к широко примененным в «Трех серпах» амплификациям и хронологическим сдвигам было неоднозначным. К. Мочульский видел в Ремизове — авторе легенд о Св. Николае — последнего из народных сказителей. Критик писал: «Он продолжает творимую легенду, начало которой в XI веке. И принимая из рук народа нить рассказа, он знает, какую возлагает на себя ответственность. Поддайся он соблазну подражания и «стилизации» — и светлый образ померкнет. Из иконы получится «портретная живопись». Ремизов и не пытается «народничать». От своего имени и своим голосом рассказывает <...> — все, что есть и что пережито, — кладет свой отпечаток на сказания о Святом Николае. Духовное явление в истории и географии не нуждается, анахронизмов не боится, с бытом ладит и чудесно примиряет самое древнее с наисовременнейшим. Для Ремизова легенды — не археология, а жизнь со всеми мелочами, и сегодняшний день и вечность» (СЗ. 1932. № 48. С. 480).

Полярно противоположную точку зрения выразил И. А. Ильин. Для него хронологические сдвиги в легендах о Николе у Ремизова (в «Трех серпах») подчеркивали «неправдоподобность и нереальность образа». Источник этого ремизовского приема Ильин видел в сновидениях: «И вот внешняя наглядность гибнет от безвкусносновидческого всесмешения; а религиозная обоснованность гибнет от смешения святого всемогущества с грешным волшебством и эмпирической техникой. Такую легенду нельзя увидеть художественно <...>. В такую легенду нельзя поверить религиозно» (Ильин И. А. Творчество А. М. Ремизова // Ильин И. А. О тьме и просветлении. Мюнхен, 1959. С. 120).

НИКОЛА УГОДНИК

Впервые опубликовано: Голос Москвы. 1907. № 298. 25 декабря. С. 1—2, под загл. «Николай, угодник Мирнокиевский и триста старцев-иноков. Повесть и сказание».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «15 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 45—48.

Прижизненные издания: Шиповник 7; Новая простая газета. 1917. № 2. 28 ноября. С. 2; НП-1917; Никола милостивый. Николины притчи. Пг.-М., 1918 (далее: НМ-1918); Звенигород окликанный. Николины притчи. Париж — Нью-Йорк — Рига — Харбин: Алатас, 1924 (далее: ЗО); Перезвоны (Рига). 1927. № 33; Три серпа. Московские любимые легенды. Т. I. Париж: ТАИР, 1927 (далее: ТС I); Голубиная книга. Гамбург, 1946, под загл. «Сказание о Николе Угоднике».

Текст-источник: № 130. Он же <Святитель Никола> и триста старцев иноков (Белград Сербский) // Бессонов П. Калики перехожие. Сборник стихов и исследование. М., 1861. С. 578—580.

Дата: 1907.

С. 189. *...поклонился Гробу Господню...* — По одной версии жития св. Николай был призван на епископство, когда он жил в Палестине.

Святитель — святой епископ.

...заушал нечестивцев-ариев... — В некоторых житиях упоминается пощечина, которую наносит св. Николай Арию на Первом Вселенском соборе (Никея, 325 г.). Весьма вероятно, что этот эпизод является реализацией метафоры «схватив меч веры, он нанес Арию удар».

...освобождал невинно-заключенных... — Здесь Ремизов перечисляет наиболее известные по «Житию» чудеса Св. Николая, добавляя более поздние деяния святого: подарки детям на Западе и помощь в крестьянском труде на Руси.

...городи городьбу! — «С Николина дня *заказываются луга:* втыкают на межах прутья и ветки — и на этих лугах пасти скот возбраняется» *(прим. Ремизова в: Шиповник 7).*

С 190. *...самого Илью умилостивит...* — См. коммент. к «Николин дар». С. 724.

вешний Никола — память Николая Чудотворца совершается два раза в год: 9 мая — перенесение мощей из Мир Ликийских в Малой Азии в Италию в г. Бари в 1087 г. и *Никола зимний* — 6 декабря.

...у Печерской в Киеве...— Отсылка к «Слову о полку Игореве», где Всеслав Полоцкий «из Кыева дорискаше до кур Тмутороканя <...> Тому в Полотьске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Кыеве звон слыша».

...справлять Никольщину... — празднование зимнего Николы (6 декабря) обычно включало в себя совместные застолья всего села, осуществляемые в складчину, которые продолжались несколько дней.

Все святые собрались... — Дальнейшее перечисление святых Ремизов дает по народному календарю, согласно которому святые имели еще традиционные имена-прозвища, а даты их памяти были связаны с метеорологическими приметами, влияющими на общий уклад крестьянской жизни и, в частности, на последовательность сельскохозяйственных работ. *Петр-полукорм* — поклонение веригам св. апостола Петра, 16 января; *Афанасий-ломонос* (Афанасьевские морозы) — день памяти свв. Афанасия и Кирилла Александрийских, 18 января; *Тимофей-полузимник* (Тимофеевские морозы) — день памяти св. апостола Тимофея, 22 января; *Аксинья-полухлебница* — день памяти преподобной Ксении, 24 января; *Власий-сшиби-рог-с-зимы* (последние морозы) — день памяти священномученика Власия, 11 февраля; *Василий-капельник* — день памяти св.

преподобного Василия, 28 февраля; *Евдокия-плющиха* («снег плющит») — день памяти св. преподобной мученицы Евдокии, 1 марта; *Герасим-грачевник* — день памяти св. преподобного Герасима, 4 марта; *Алексей-с-гор-вода* — день памяти св. преподобного Алексия человека Божия, 17 марта; *Дарья-загрязни-проруби* — день памяти св. мученицы Дарии, 19 марта; *Федул-губы-надул* (ненастье) — день памяти св. мученика Феодула, 5 апреля; *Родион-ледолом, Руфа-земля-рухнет:* 8 апреля — день памяти свв. апостолов Иродиона и Руфа, 8 апреля; *Антип-водопол* — день памяти священномученика Антипы, 11 апреля; *Василий-выверни-оглобли* (а сани на поветь!) — день памяти св. преподобного Василия, епископа Парийского, 12 апреля; *Егор-скотопас* — день памяти св. великомученика Георгия Победоносца, 23 апреля; *Степан-ранопашец* — день памяти Святителя Стефана, епископа Великопермского, 26 апреля; *Ярема-запрягальник* — день памяти св. пророка Иеремии, 1 мая; *Борис и Глеб — барыш-хлеб* — перенесение мощей свв. Бориса и Глеба, 2 мая; *Ирина-рассадница* — день памяти св. мученицы Ирины, 5 мая; *Иов-горошник* — день памяти праведного Иова многострадального, 6 мая; *Мокий-мокрый* — день памяти священномученика Мокия, 11 мая; *Лукерья-комарница* — день памяти св. мученицы Гликерии, 13 мая; *Сидор-сивирян* («На Сидора еще сиверно») — день памяти св. мученика Исидора, 14 мая; *Алена-льносейка* — день памяти св. равноапостольной Елены, 21 мая; *Леонтий-огуреч- ник* — обретение мощей святителя Леонтия, епископа Ростовского, 23 мая; *Федосья-колосяница* — день памяти св. мученицы Феодосии, 29 мая; *Еремей-распрягальник* — день памяти свв. апостола Ерма и мученика Ермия, 31 мая; *Петр-поворот* (солнцеповорот) — день памяти преподобного Петра Афонского, 12 июня; *Акулина-гречушница — задери-хвосты* (в это время особенно нападают на скот мухи) — день памяти св. мученицы Акилины, 13 июня; *Иван-купал* — Рождество св. Иоанна Крестителя, 24 июня; *Аграфена-купальница* — день памяти свв. мученицы Агриппины, 23 июня; *Пуд и Трофим* (у Ремизова: Трифон) — *бессонники* (много полевых работ, нет времени много спать) — день памяти свв. мучеников Пуда и Трофима, 23 июля; *Пантелеймон-паликоп* — день памяти св. великомученика и целителя Пантелеимона, 27 июля; *Евдокия (Авдотья)-малинуха* (поспевает малина) — день памяти преподобномученицы Евдокии, 4 августа; *Наталья-овсянница* — день памяти св. мученицы Наталии, 26 августа; *Анна-скирдница* — день памяти праведной Анны пророчицы, 28 августа; *Семен-летопроводец* — день памяти преподобного Симеона Столпника, 1 сентября; *Никита-репорез* — день памяти свв. великомученика Никиты, 15 сентября; *Фекла-заревница* — день памяти первомученицы равноапостольной Феклы, 24 сентября; *Пятница-Параскева* — день памяти св. великомученицы Параскевы, 28 октября; *Кузьма-Демьян с гвоздем* — день памяти свв. бессребреников Космы и Дамиана, 1 ноября; *Матрена зимняя* — день памяти преподобной Матроны, 9 ноября; *Федор-студит* — день памяти преподобного Феодора Студита, 11 ноября; *Спиридон-поворот* — день памяти Святителя Спиридона Тримифунтского («Солнце на лето, а зима на мороз»), 12 декабря; *три отрока* — день памяти пророка Даниила и трех отроков: Анании, Азарии и Мисаила, 17 декабря; *сорок мучеников* — день памяти свв. сорока мучеников Севастийских, 9 марта; *Иван-поститель* (Иван Постный) — Усекновение главы св. Иоанна Крестителя (в этот день строгий пост), 29 августа; *Илья Пророк* (Громовый день. С Ильина дня ночь длинна, а вода холодна): 20 июля — св. пророка Илии; *Михайло*

Архангел (Михайлов день) — Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, 8 ноября.

С 191. *...милостивая жена Аллилуева милосердая и отроковица Милостыня.* — Представляется вероятным, что Ремизов, по аналогии с Параскевой-Пятницей, перевел с греческого имена святых, возможно, *Евдоксии* (31 января) и *Евпраксии* (25 июля), в переводе означающих соответственно *благославная* (Аллилуйя — хвала Богу) и *благоделание.*

...Касьян... спалил...— Этот эпизод является одним из объяснений празднования памяти св. Касьяна только один раз в четыре года (29 февраля) как наказания. См.: Аничков Е. В. Микола-угодник и св. Николай. С. 44—45.

С 192. *Студеное море* — Белое море.

...вспелешилось море... — «пелехать — идти вперевалку» (прим. Ремизова. Шиповник 7).

Велеша — «Пелеша-Велеша — Артемида «Троянских Деяний», олицетворяющая убивающую и возрождающую силу природы» (прим. Ремизова. Шиповник 7).

НИКОЛИН ЗАВЕТ

Впервые опубликовано: Отчество. Иллюстр. летопись. Пг. 1914. № 5. С. 81, под загл. «Николин завет. Народное сказание».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 49—50.

Прижизненные издания: За Святую Русь. Думы о родной земле. Пг. 1915 (далее: За Святую Русь); Укрепа.; НП-1917; ЗО.

Текст-источник: Из Олонецких легенд. № 8. Божье письмо / Этнографическое обозрение. Изд. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. 1891. № 4. Кн. 11. С. 198.

Дата: 1914.

НИКОЛИН ДАР

Впервые опубликовано: БВ (утр. вып.). 1914. № 14538. 6 (19) декабря. С. 2, под загл. «Никола Милостивый, угодник Божий. Народное сказание».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 50 об.—52 об.

Прижизненные издания: Никола Милостивый — угодник Божий / За Святую Русь. 1915; Мирское дело. 1916. № 1. С. 25—26, под загл. «Никола Милостивый. Народное сказание»; НП-1917; ЗО; ТС I, под загл. «Дар».

Тексты-источники: 1) Садовников. № 91. Илья Пророк и Миколай угодник. С. 270—272; 2) Афанасьев. № 10. Илья-пророк и Никола. С. 79—85.

Дата: 1914.

С. 194. *Илья* — пророк Илья, память 20 июля; в народной памяти ассоциируется с грозой. Источник этого — библейское повествование о восхождении пророка Ильи в огненной колеснице на небо (также широко известна иконографическая композиция этого эпизода): «Вдруг явилась колесница огненная и кони огненные <...> и понесся Илия в вихре на небо» (4 Цар. 2; 11).

НИКОЛИНА СУМКА

Впервые опубликовано: Петроградская газета. 1915. № 281. 13 октября. С. 7.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 53—56 об.

Прижизненные издания: НП-1917; ЗО.

Тексты-источники: Соколовы. № 43. Солдат и черти. С. 66—68.

Дата 1915.

НИКОЛИН ОГОНЬ

Впервые опубликовано: Огонек. 1915. № 49. С. 1, под загл. «Николин огонь (Народная легенда)».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Автограф, «18 мая 1917» (в составе Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1—2.

Прижизненные издания: НП-1917; ЗО.

Тексты-источники: № 8. [Сказка-легенда] / Семь сказок и одна легенда Псковской губернии. Записаны Н. Г. Козыревым // Живая старина. СПб., 1914. (Год 21. Вып. 1. 1912). С. 304—306.

Дата: 1915.

С. 200. *Тальянец* (просторечн. от: итальянец). — Вероятно, Николу Угодника называют итальянцем, так как его мощи находятся в г. Бари в Италии.

Да воскреснет Бог... — вечерняя молитва Честному Кресту.

С. 201. *Верую* — символ веры (Верую во Единого Бога Отца...).

...изжени от меня всякого лукавого... — В начале чина Крещения совершается так называемое *оглашение,* одно из прошений которого гласит: «Изжени из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его». Ср. принятие в Запорожскую Сечь в повести Гоголя «Тарас Бульба»: «во Христа веруешь? <...> и в Троицу Святую веруешь? <...> и в церковь ходишь? <...> А ну, перекрестись!»

НИКОЛИН УМОЛОТ

Впервые опубликовано: Речь. СПб., 1915. № 336. 6 декабря. С. 3, в цикле из четырех легенд «Николины притчи (Народные легенды)» под номером «I».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 13 об.—14 об.

Прижизненные издания: Николины притчи. (Народные легенды) / Современное слово. 1915. № 2837. 6 дек. С. 2 (далее НП-1915); НП-1917; ЗО.

Тексты-источники: Есенин. Сказки.

Дата: 1915.

С. 201. *умолот* — урожай в зерне.

Гнев Ильин... — См. коммент. к «Николин дар». С. 721.

...на кулишках... — от кулига — клин земли, участок, не вошедший в тягловый надел; пожня особняком среди пашен или в лесу.

С. 202. *...на загнетках у запечья ~ устья...* — части русской печи.

НИКОЛИНА ПОРУКА

Впервые опубликовано: БВ (утр. вып.). 1915. № 15253. 6 декабря. С. 4.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Автограф, «18 мая 1917» (в составе Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3—5.

Прижизненные издания: НП-1917; ЗО.

Текст-источник: Зеленин. № 36. Николай-Чудотворец порукой. С. 256—257.

Дата: 1915.

НИКОЛИНО СТРЕМЯ

Впервые опубликовано: ЕЖ. 1916. № 2. Стб. 47—50, в цикле «Николины притчи» вместе с «Сметана» под загл. «Золотое стремя».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6 об.—7 об.

Прижизненные издания: НП-1917: ЗО; ПН. 1924. № 1226. 20 авг., под загл. «Стремено»; ТС I.

Тексты-источники: 1) Соколовы. № 9. Мужик несчастной и Микола милостивый. С. 19; 2) Соколовы. № 116. Как Егорий ко Христу ходил. С. 214.

Дата: 1915.

НИКОЛИНО ПИСЬМО

Впервые опубликовано: БВ (утр. вып.). 1916. № 16004. 25 декабря. С. 2, под загл. «Аника. Народная легенда».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 8—12 об.

Прижизненные издания: НП-1917; ЗО.

Текст-источник: Соколовы. № 118. Оника, купец богатой... С. 216.

Дата: 1916.

НИКОЛА-НОЧЛЕЖНИК

Впервые опубликовано: Речь. 1916. № 336. 6 декабря. С 4, под загл. «Николина притча».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 15—17.

Прижизненные издания: НП-1917; ЗО; ТС I под загл. «Ночлежнику».

Тексты-источники: Соколовы. № 117. Как Христос ноцевать просился. С. 214—215.

Дата: 1916.

С. 215. *...расквилил ее нищий...* — от «квелить/квилить» — сердить, дразнить (Даль).

НИКОЛА ВЕРНЫЙ

Впервые опубликовано: Аргус. СПб., 1915. № 11. С. 1, под загл. «Никола Угодник верный. Народная сказка».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 18—20 об.

Прижизненные издания: НП-1917; ЗО; ТС I, под загл. «Верный».

Тексты-источники: 1) Соколовы. № 38. Николай Чудотворец. С. 60—61; 2) Соколовы. № 77. Николай Чудотворец и Иван купеческий сын. С. 137—141; 3) Зеленин. № 29. Золотой кирпич. С. 236—240; 4) Ончуков. № 281. Расточительный сын. С. 562—564.

Дата: 1915.

С. 222. *...святырь* — псалтирь.

НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ

Впервые опубликовано: Приазовский край. 1916. № 95. 10 апреля. С. 4, под загл. «Никола Милостивый. Народная легенда».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Беловой автограф под загл. «Никола Милостивый Чудотворец. Народная сказка» <1915> — РНБ. Ф. 901. Оп. III. Ед. хр. 714. Л. 3—16; печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 21—23.

Прижизненные издания: НП-1917; НМ-1918; ЗО; ТС I под загл. «Милостивый».

Тексты-источники: Афанасьев. № 3. Бедная вдова. С. 33—43.

Дата: 1915.

НИКОЛА — СУДИЯ

Впервые опубликовано: Голос. 1915. № 1. 1 ноября. С. 3, под загл. «Никола — судия загробной доли».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 23 об.—26.

Прижизненные издания: НП-1917; ЗО; ТС I под загл. «Судья».

Текст-источник: Соколовы. № 8. Савелий богатой и Микола милостивый. С. 17—19.

Дата: 1915.

НИКОЛА ЧУДОТВОРЕЦ

Впервые опубликовано: Страда. Лит. сборник. Пг., 1916. С. 299—314, под загл. «Никола Милостивый Чудотворец. Народная сказка».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 26 об.—34.

Прижизненные издания: НП-1917; ЗО; ТС I.

Текст-источник: Зеленин. № 4. [Иван купеческий сын]. С. 29—42.

Дата: 1906.

С. 237. *Кот-и-Лев* — ремизовское прозвище Александра Ивановича Котылева (1885—1917), журналиста и литературного агента, неоднократно помогавшего писателю в издательских делах. В произведениях Ремизова он изображался и под настоящим именем, и под прозвищем «Кот-и-Лев». Во «Взвихренной Руси» Котылев появляется в снах Ремизова, там же упомянуто о его смерти: «Захворал о ту же пору А. И. Котылев, не знаю за что не раз выручавший меня в моих литературных делах в самое крутое для нас время. И слышу помер» (Взвихренная Русь. С. 226). См. также: Встречи. С. 21—24.

С. 240. *метлячок* (метляк) — мотылек.

хитник — здесь: похититель.

СВЕЧА ВОРОВСКАЯ

Впервые опубликовано: Речь. 1915. № 336. 6 декабря. С. 3, в цикле из четырех легенд «Николины притчи (Народные легенды)» под номером «I»

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 35—36.

Прижизненные издания: НП-1915; НП-1917; НМ-1918; ЗО; ТС I.

Тексты-источники: 1) Есенин. Сказки; 2) Афанасьев. Сказки V. № 246. Об отце Николае. С. 179.

Дата: 1915.

КАЛЕНЫЕ ЧЕРВОНЦЫ

Впервые опубликовано: День. 1915. № 336. 6 декабря. С. 5, под загл. «Каленые червонцы. Народная сказка».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 36 об.—37.

Прижизненные издания: НП-1917; ЗО; ТС I.

Тексты-источники: Есенин. Сказки.

Дата: 1915.

РЕМЕЗ-ПТИЦА

Впервые опубликовано: Альманах Гриф. 1903—1913. М., 1914. С. 135—136.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 37 об.

Прижизненные издания: НП 1917; ЗО.

Текст-источник: Вологодской губернии устюжская сказка г. Лальска, записанная двоюродным братом поэта А. А. Кондратьева.

Дата: 1913.

С. 248. *Ремез-птица* — ремез: вид синицы. Ремизов неоднократно обращался к описанию этой птицы, от названия которой произошла его фамилия: «Фамилию мою *Ремизов* надо произносить с ударением на „е“, а не на „и“. „Ремизов“ происходит не от глагола remettre (remis), а от колядной птицы *ремеза*, о которой в колядках, древних святочных песнях, сложен стих (Потебня А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава. 1887)» (Русский Берлин. Париж. 1983. С. 175). Отец Ремизова, по словам писателя, изменил написание фамилии: «не желая, как говорили, происходить от „птицы-ремеза“» (Подстриженными глазами. С. 74). Сам же Ремизов придает птице автобиографические черты: «<Ремез-первая пташка> не великая, маленькая <...> Нос у ней — другого такого не найти у птиц, и лапки особенные. Суетливая, все ремезит. <...> И большая певунья: голос не великий, маленький, только что для детей...» (Шиповник 6. С. 158—159).

ЗАДАЧА

Впервые опубликовано: Речь. 1915. № 336. 6 декабря. С. 3, в цикле из четырех легенд «Николины притчи (Народные легенды)» под номером «II».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 38—39.

Прижизненные издания: НП-1915; НП-1917; НМ-1918; ЗО.

Текст-источник: Ончуков. № 173. Священник и дьявол (запись М. М. Пришвина). С. 432—433.

Дата: 1915.

С. 249. *догматик* — песнопение вечерни.

знаменный распев — древний церковный распев.

глас — восемь музыкальных ладов, на которых основаны богослужебные песнопения (осьмогласие). Перешли из греческого в русское православное богослужение.

ЗАРЯ ПЕРЕГОРЕЛАЯ

Впервые опубликовано: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журн. «Нива» (Далее: Нива. Прил.). 1915. № 1 (Январь). С. 15.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15.

Прижизненные издания: Укрепа; НП-1917; ЗО; ТС I.

Текст-источник: Садовников. № 90. Перегорелая заря. С. 269— 270.

Дата: 1914.

ГЛУХАЯ ТРОПОЧКА

Впервые опубликовано: Нива. Прил. 1915. № 1. С. 16—17.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15.

Прижизненные издания: Укрепа; НП-1917; НМ-1918; ЗО; ТС I.

Тексты-источники: 1) Садовников. № 89. Миколай угодник и охотники. С. 268—269; 2) Соколовы. № 100. Деньги. С. 182.

Дата: 1914.

ЗАЯЦ СЪЕЛ

Впервые опубликовано: Нива. Прил. 1915. № 1. С. 17—20.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Автограф, «18 мая 1917» (в составе Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 39 об.—41 об.

Прижизненные издания: Укрепа; НП-1917; ЗО.

Тексты-источники: 1) Садовников. № 88. Кузнец и Миколай угодник. С. 266—268; 2) Афанасьев. № 5. Поп — завидущие глаза. С. 47—54.

Дата: 1915.

СМЕТАНА

Впервые опубликовано: ЕЖ. 1916. № 2. Стб. 45—47, в цикле «Николины притчи» вместе с «Золотое стремя».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Автограф, «18 мая 1917» (в составе Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 42—43.

Прижизненные издания: НП-1917; ЗО.

Тексты-источники: Ончуков. № 41. Поп и Николай чудотворец. С. 105—109.

Дата: 1915.

ДОЛЯ

Впервые опубликовано: Речь. 1915. № 336. 6 декабря. С. 3, в цикле из четырех легенд «Николины притчи (Народные легенды)» под номером «IV».

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 43 об.

Прижизненные издания: НП-1915; НП-1917; ЗО; ТС I.

Тексты-источники: Афанасьев. Сказки IV. № 172. Две доли. С. 171—175.

Дата: 1915.

ЗА РОДИНУ

Впервые опубликовано: БВ (утр. вып.). 1915. № 14586. 1 января. С. 3.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15.

Прижизненные издания: Укрепа; НП-1917; ЗО.

Текст-источник: Садовников. № 110. Про Стеньку Разина. С. 328—348.

Дата: 1915.

С. 258. *Степан* — исторический прототип ремизовского героя — Степан Тимофеевич Разин (казнен в 1671) — атаман казаков, совершавший неоднократные рейды за добычей в низовья Волги и Персию, разбойник и политический преступник. В народном сознании, представления которого отразились в фольклоре (песнях, сказаниях, легендах), образ Степана Разина обрел черты поборника вольности, подобного былинным богатырям, всесильного чародея, наделенного сверхъестественной силой, которая, однако, оставила его в конце жизни.

«МИЛОСТИВЫЙ НАШ НИКОЛА...»

Впервые опубликовано: НП-1917.

Прижизненные издания: ЗО.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Печ. текст, «18 мая 1917» (Кор-НП) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15.

Дата: <1917>.

ПОВЕСТЬ О ДВУХ ЗВЕРЯХ. ИХНЕЛАТ

Впервые опубликовано: Алексей Ремизов. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж: Оплешник, 1950. 61 с.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Черновые наброски (тетради «I—IV»), «1948» — Собр. Резниковых; 2) Черновый автограф с правкой под загл. «Стефанит и Ихнилат», «X—XI 1948» (I редакция) — Собр. Резниковых; 3) Беловой автограф под загл. «Στεφανίτης καί Ιχνηλάτης», «Стефанит и

Ихнелат [увенчанный и следящий] [представление] — звериная комедия — в IV-х отделах, 12 отделений», «17.XII.1948» (II редакция) — Собр. Резниковых; 4) Беловой автограф с правкой под загл. «Стефанит и Ихнелат», «5.II. 1949» (III редакция, вар. А) — Собр. Резниковых; 5) Печ. текст — авторизованная машинопись под загл. «Повесть о двух зверях. Стефанит и Ихнелат», «1948—1949» (III редакция, вар. Б) — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Тексты-источники: 1) «Сказание о притчахъ списание Антиоха Великого, друзии же мнѣша Иоанна Дамаскина зѣло пѣснотворца канономъ еже о зверехъ нарицаемыхъ Стефанида да Ихнилада» / Стефанит и Ихнелат. СПб., 1877, 1878 (ОЛД, т. XVI, XXVII, № 5). С. 1—69; 2) Калила и Димна. Пер. И. Крачковского. М.; Л., 1934. 372 с.

Дата: <X. 1948—5.II.1949>.

Публикуется по изданию 1950 г. с исправлением опечаток по НР-Оплешник.

Основа ремизовских сведений о литературной истории текста — Пыпин. Очерк. С. 148—169; Гудзий. С. 182—183. Аполог о жизни и смерти двух друзей был «прочитан» Ремизовым сквозь призму своего «автобиографического пространства». В первоначальных набросках намечено сближение образов автора и рефлектирующего, покорного судьбе Стефанита — единственного *человека* в мире человекообразных *зверей,* а также обозначены общие контуры художественной концепции произведения как «мистерии» о смерти и преображении. В Первой редакции Стефанит и Ихнелат — одинокие старые «писатели, сохраняющие в истории свое имя, но не читаемые никем, за исключением специалистов», — наделены биографическими чертами автора. Ремизов максимально модернизировал антураж места действия и психологию героев, акцентировал роль личностного, волевого начала в их судьбе и изменил жанр произведения на «трагедию». Во Второй редакции писатель превратил текст «трагедии» в «звериную комедию», перевернув семантику восходящей к источнику (апологу) оппозиции *человек/зверь.* Ремизов имплицировал на текст древней индийской легенды центральную этико-философскую парадигму своего авторского мифа об Обезьяньей Великой и Вольной Палате (см.: Обатнина Е. Р. Обезьянья Великая и Вольная Палата Алексея Ремизова / Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 5 («Взвихренная Русь»). М., Русская книга, 2000). Основой этого мифа был парадокс: осмысление *звериного* как подлинно *человеческого* и наоборот. Начиная со Второй редакции, эта семантическая оппозиция стала основой художественной концепции ремизовской «Повести о двух зверях». Третья редакция имеет два варианта. В варианте А ремизовский текст сохранил драматическую форму, но изменилось деление текста на сцены, и была произведена лексическая правка. Вариант Б отличается от первого дальнейшей пунктуационной и лексической правкой и приложением, содержащим список источников текста. В Четвертой редакции (тексте публикации в «Оплешнике») Ремизов вновь изменил жанр произведения. Сохраняя драматический характер конфликта, писатель превратил ремарки в субъективированное авторское повествование. Ремизов восстановил в заглавии старорусский термин «повесть», под которым в древнерусской литературе выступали произведения «протороманного» типа. Писатель усложнил художественный язык «Повести», убрав в подтекст ее связи с авторской мифологией (в частности, с мифом об Обезвелволпале). Различные этапы литературной истории «Повести о двух зверях» как бы «реконструировали» истоки и разные этапы формирования жанра романа, сохраняющего в своей

структуре преобразованные элементы драмы, лирики и эпоса. Подробнее о текстологической истории «Повести» см.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 166—187.

Повесть осталась почти не замеченной современными критиками. В рецензии, подписанной инициалами А. Л., отмечалась сказочная основа текста и достоинства художественного языка писателя: «Ремизовская Индия напоминает северные русские пейзажи со мхами, лишайниками, бортями. Ничего не разберешь! Намеки с хитрецой и что-то грустное порой в этой игре со словами. Так действительно бывает во сне, который трудно рассказать. Но что-то радостное остается от сна, какие-то зеленые луга, бабочки или цветы. У Ремизова то же самое. И мы не хотим попадаться на удочку намеков, не хотим анализировать, а просто будем наслаждаться сказочностью той жизни, которая родится под пером талантливого писателя» (РН. 1950. № 272. 18 авг.). «Повесть о двух зверях» была первым из произведений цикла «Легенды в веках», получившим объективную научную оценку со стороны советских ученых-медиевистов. В 1966 г. в статье «А. М. Ремизов и древнерусский „Стефанит и Ихнелат“» Я. С. Лурье сравнил ремизовский текст с источником, отметил тщательность осмысления писателем древнего текста и сделал вывод о том, что, «обращаясь к древнерусскому материалу, А. М. Ремизов вовсе не рассматривал его как внешнюю оболочку, своего рода маскарад для современных аллюзий. Его неизменно интересовала Древняя Русь» и «как много он угадал» в истории древнерусского памятника, до конца еще не проясненной в доступной Ремизову научной литературе (Рус. лит. 1966. № 4. С. 178).

С. 267. *Травка-бессмертник.* — Сюжет пролога заимствован из арабского перевода «Калилы и Димны». Ремизовский текст восходит к пересказу, данному в предисловии Н. Булгакова (ОЛДП. Вып. XVI. № 76. С. 7—8).

С. 269. *Бестиарий* — средневековый сборник, посвященный описанию животных. В Бестиарии научные сведения смешаны с баснословными сказаниями и символическими толкованиями.

Мильтон, Данте, Оссиан ~ Рабле... — Ремизов приводит перечень знаменитых писателей-эпиков. *Мильтон* (Milton) Джон, 1608—1674 — английский поэт. *Данте Алигьери* (Dante Alighieri), 1265—1321 — итальянский поэт. *Оссиан* (Ossian) — легендарный воин и бард кельтов, живший, по преданию, в III в. н.э. Дж. Макферсон (1736—1796) — шотландский учитель и фольклорист, который опубликовал якобы открытые им «Сочинения Оссиана, сына Фингала» (1765), имевшие огромный литературный успех и в дальнейшем разоблаченные как талантливая литературная подделка, сочиненная самим Макферсоном. *Рабле* (Rabelais) Франсуа, 1494—1553 — французский писатель.

С. 270. *...это не в очереди за молоком. Всякий день ~ бесплатный обед.* — Аллюзии на реалии ремизовского быта периода оккупации Парижа немцами. Ср.: «Я пропал в очередях. Поиски еды, стояние в очередях <...> кончил русским рестораном на нашей улице: давали суп навынос. Стояние за молоком в несметном хвосте у „диспансера“ — пример образцовой распорядительности: сообразительные монашки завели такой порядок, чтобы сначала за билетиком на очередь, затем новая очередь за молоком и третья очередь платить за молоко» (В розовом блеске. С. 321).

С. 274. *Тимпан* — древний музыкальный ударный инструмент (типа литавр).

С. 276. *Орало-мученик.* — Ср. воспоминания Ремизова: «В детстве я никогда

не плакал, а кричал, за что и получил прозвище „орало мученик"» (Подстриженными глазами. С. 94).

С. 277. *Твоя стена — твои сказочные серебряные конструкции, а над столом на веревке ~ талисманы.* — Ср. описание парижской рабочей комнаты Ремизова: «Стена цветных ремизовских конструкций; в воздухе талисманы, — раковины, морские коньки, звезды. На самодельных полках стоят и лежат разной величины и объема книги» (Кодрянская. С. 12).

С. 278. *Лев создал себе Тельца...* — Отсылка к ветхозаветной библейской заповеди «Не сотвори себе кумира» (Исх. 20; 4).

С. 283. *Икар* (греч. мф.) — сын архитектора и скульптора Дедала, вместе с ним бежавший с острова Крит на созданных отцом крыльях из перьев и воска. Когда Икар взлетел слишком высоко, лучи солнца расплавили воск, и он упал в море.

С. 288. *Пифик* (др.-рус.) — обезьяна.

Будда — букв.: «просветленный». — Здесь имеется в виду *Шакъямуни Сиддхартха Гаутама* — в индийской мифологии последний земной будда, проповедовавший дхарму, на основе которой сложилось буддийское вероучение. В основе создания мифологического образа Будды Гаутамы лежат исторические сведения о реальном человеке, основателе буддизма, который жил в Северной Индии в 566—476 или 563—473 гг. до н.э.

С. 289. *...вознаграждение в золотых обезьяньих «лионах»...* — Обезьяний лион или обезлион — название «валюты», принятой в ремизовской Обезьяньей Великой и Вольной палате (Обезвелволпале). Последняя окончательно оформилась в антибольшевистски ориентированную литературную игру в Советской России в годы «военного коммунизма», когда денежная инфляция так обесценила рубль, что суммы зарплат или гонораров исчислялись в миллионах. Отсюда словесная игра Ремизова, использовавшего также характерные для того времени методы сокращения слов: «лион» — от «миллион».

«Книга Будасфа» ~ по-русски «Иосаф, царевич индийский». — «Повесть о Варлааме и Иосафе» — древнерусский литературный памятник, перевод с греческого оригинала, распространенный в русской рукописной традиции с XIII в. Его текст в своей основе восходит к арабской книге «Билаухара и Будасафа».

С. 290. *Ипат* (греч.) — сановник, воевода.

С. 291. *Протомагер* — старший повар (от «магерий» (греч.) — поварня, кухня).

С. 292. *Красная* — красивая.

БЕСНОВАТЫЕ. САВВА ГРУДЦЫН И СОЛОМОНИЯ

Впервые опубликовано: Алексей Ремизов. Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония. Париж: Оплешник. 1951. 94 с.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Авторизованная машинопись, печ. текст с авторской правкой — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Публикуется по изданию 1951 г. с исправлением опечаток по НР-Оплешник.

В немногочисленных рецензиях на книгу основное внимание было уделено «Савве Грудцыну», тогда как «Соломония» практически осталась не оцененной. Так, в рецензии Ю. Терапиано «Савва Грудцын» подробно проанализирован и выделен как «одно из самых замечательных произведений А. Ремизова. Помимо

удивительного соответствия сюжету языка повести, не знаешь чему более удивляться — ощущению ли самых глубин человеческой страсти или ужаса бесовского начала. <...> Если в повести о Савве Грудцыне раскрывается тайна о живых силах духа человеческого <...>, в повести о Соломонии совершается вытеснение этой личности безлично-множественным» (НРС. 1951, № 14(297). Vol. XLI. 17 июня). А. Шик отметил, что, «пересказав по-своему, по-ремизовски, эти старые повести, автор дал яркую, живую картину «изворотов души», которых после Достоевского мало кто так проникновенно мог коснуться. От чтения книжки остается впечатление своего рода наваждения, от которого не так-то легко откреститься, чтобы снова вздохнуть полной грудью» (РМ. 1951. № 351. 6 июня). А. Потоцкий, лишь попутно остановившись на «занимательности» содержания книги, большую часть рецензии посвятил анализу языка Ремизова — «лада природной речи»: «Эти „лады" делают письмо Ремизова совершенно оригинальным, ему одному присущим. „Древний ритм" Ремизова — не подражание. <...> В этом качество его дарования» (РН. 1951. № 317. 7 июня). См. также реакцию Ремизова на малое количество отзывов в письме Кодрянской от 2 августа 1951 г.: «А Бесноватых и стеречь нечего: никто не покупает» (Кодрянская. Письма. С. 190).

ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ

С. 297. *Прокопий, чудотворец* — устюжский юродивый (ум. 1303).

Иоанн, святой — устюжский юродивый (ум. 29 мая 1494).

Смутное время — события периода русской истории (1584—1613), закончившегося сменой русской царствовавшей династии и воцарением Михаила Феодоровича Романова.

Алексей Михайлович (1629—1676) — царь (с 1645) из династии Романовых.

Скопин-Шуйский, Михаил Васильевич (1586—1610) — популярный государственный деятель и полководец периода Смуты, по преданию, был отравлен женой брата царя Василия Шуйского — Екатериной Скуратовой-Шуйской.

Ксения Годунова (1582—1622) — царевна, дочь царя Бориса Годунова, в монашестве Ольга.

«Царевна Ксения, дщерь царя Бориса ~ по плещам лежаху». — Точная цитата из «Повести князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского» (1626, начало текста: «Повесть книги сея...») — Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени / Русская историческая библиотека. Т. 13. 2-е изд. СПб., 1909. С. 561.

«Как будет после честного стола пир на весело ~ колеблются». — Сокращенная точная цитата из «Отрывка старинной думы о Скопине-Шуйском» (ПСРЛ II. С. 410).

С. 298. *Улиания (Юлиания) Лазаревская* — святая (ум. 1604), во время голода при царе Борисе продала свое имущество для покупки хлеба голодающим, память 2 января.

«Чудо о Теофиле» (Le Miracle de Théophile). — Миракль французского средневекового трувера Рютбёфа (XIII в.) о юноше, продавшем душу дьяволу. Ремизов видел «Действо о Теофиле» (перевод А. А. Блока) в постановке Н. Н. Евреинова на сцене Старинного театра (СПб.) в 1908 г. См. воспоминание об

этом в ремизовской статье-некрологе «Потихоньку скоморохи играйте. Николай Николаевич Евреинов» (НРС. 1953, 1 ноября).

С. 298. *...из лицевого жития Василия Нового. Василий Новый — вождь своей духовной дочери Феодоры по загробным мукам...* — Житие Василия Нового, преподобного (ум. 944 или 952), написанное его учеником Григорием, получило широкую популярность в византийской и славянских литературах из-за содержащихся в нем повествований о хождении по мытарствам св. Феодоры (служанки св. Василия) и о Страшном суде. Ремизов ознакомился с текстом Жития Василия Нового в книге А. Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха» (Вып. V. СПб., 1889) и неоднократно использовал его мотивы и образы в своем творчестве, начиная с романа «Пруд», сборника «Лимонарь» и др.

«Божественная комедия» (1307—1321) — поэма Данте Алигьери.

«Бесноватых» знаю с детства: их «отчитывали» ~ в Симоновом монастыре. — Симонов ставропигиальный необщежительный мужской монастырь, 1-го класса, основан в 1370 г., славился как место снятия порчи с «одержимых бесами». Закрыт в 1923 г. В 1930 г. многие здания монастыря и все храмы взорваны. На их месте построен Дворец культуры Пролетарского района (арх. братья Веснины).

С. 299. *«Крестовые сестры»* (1910) — повесть А. М. Ремизова.

...в Москве нарисована была на меня карикатура: широкая морда с рыжей бородой! — Вероятно, имеется в виду шарж на Ремизова И. М. Грабовского (1908). См.: Каталог. С. 37.

САВВА ГРУДЦЫН

Впервые опубликовано: Алексей Ремизов. Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951. С. 10—63.

Рукописные источники и авторизованные тексты: **1)** Беловой автограф-список древнерусского текста под загл. «Повесть о Савве Грудцыне. Вариант первый / (По списку Импер<аторской> Публ<ичной> Библ<иотеки> in 8, № 75) Г. Кушелев-Безбородко. Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860, стр. 169—180)» — Собр. Резниковых; **2)** Черновой автограф в двух тетрадях: 1-я тетрадь под загл. «Вторая ред<акция> [дальнейшая нумерация редакций дана в соответствии с авторской нумерацией на обложках тетрадей с автографами или на 1-й странице рукописи] / Гл<авы> 19, 20. / I. Савва Грудцын», с. 1—27, далее с. 1—19 [здесь и далее — авторская нумерация страниц], «21.III.—25.III», «25.III—9.<IV>», «8.IV [датировка 3-х приложенных листов]»; 2-я тетрадь: а) [продолжение с. 1—19 1-й тетради], с. 19—24, б) вар. под. загл. «Русская повесть XVII веке о Савве Грудцыне по записи Николы в Грачах попа Варнавы 1632 г. 71 14/22 (1613) 1606 в мае совершилось», «1.IV» — Собр.Резниковых; **3)** Черновой автограф с правкой в двух соединенных тетрадях, «2.IV.1949—7.IV.—12.IV» (III редакция) — Собр. Резниковых; **4)** Черновой автограф с правкой под загл. «Русская повесть XVII века о Савве Грудцыне», «27.IV—4.V—12.V 1949» (IV редакция) — Собр. Резниковых; **5)** Беловой автограф с правкой в четырех тетрадях: 1-я тетрадь, с. 2—20; 2-я тетрадь, с. 21—45; 3-я тетрадь, с. 46—67; 4-я тетрадь, с. 68—94, под общим загл. «Алексей Ремизов. Русская повесть XVII века о Савве Грудцыне // — по записи Николы-в-Грачах попа Варнавы 1632 г. — „7122(1613) г. в месяце мае свершилось..."»,

«22.V—» (в начале текста), «22—29 V 1949» (в конце текста) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 11. Л. 1—99; б) Авторизованная машинопись — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Текст-источник: Повесть о Савве Грудцыне. Вариант первый / ПСРЛ I. С. 169—180. В Предисловии Ремизовым указан ложный источник: Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне (Тексты) // ТОДРЛ, Т. V. М.; Л., 1947. С. 235—308.

Дата: 1949.

Первый этап работы Ремизова над текстом — точная переписка текста древнерусской повести по публикации (ПСРЛ I. С. 169—180). Писатель считал переписанный текст Первой редакцией. Во Второй редакции сформирована сюжетная основа *ремизовского* текста, отличающаяся от источника: введено убийство Саввой Степаниды и явление ему Богородицы в образе погубленной возлюбленной. Используя художественные приемы новой литературы, Ремизов как бы «перевел» древнерусский текст на современный язык и тем самым устранил имевшееся в источнике и неоднократно отмечавшееся исследователями-медиевистами противоречие между новым для русской литературы XVII в. сюжетом и архаичным языком его изложения. В этой редакции телеологический демонологический сюжет о борьбе трансцендентных сил за душу героя превратился в сюжет авантюрно-психологического романа. Бес и юродивый приняли облик земных помощников героя. Основными темами повести стали темы судьбы и любви, имеющие отчетливый автобиографический подтекст. Повествование заканчивалось уходом Саввы из церкви с юродивым, что осмыслялось как преображение героя после смерти. В Третьей редакции дальнейшее развитие получила сюжетная линия взаимодействия героя с волшебными силами. Изменилась композиция. Повесть была разделена на две части — то, что было до убийства Степаниды и после. Кардинально была переработана исповедь Саввы: текст значительно расширен и дан как одно предложение, без знаков препинания (опубл.: Алексей Ремизов. <Исповедь Саввы>. Вступ. статья и публ. А. М. Грачевой // Альм. «Канун». Вып. 5. Пограничное сознание. Под общ. ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1999. С. 271—276). В финале исчез мотив преображения Саввы после смерти. Герой приобретал демоническую природу, не уходя из «этого» мира. В Четвертой редакции идейно-художественная концепция произведения окончательно сформировалась. Основой сюжета стал психологический конфликт в глубинах души Саввы. Автор исключил конкретизацию образов, повествование вновь приобрело форму, тяготеющую к притче. Окончательно определилась сюжетная роль беса Виктора Тайных и Семы Юродивого. Они оба — «братья» главного героя — его двойники. Их борьба за Савву — борьба в глубинах его души. Из предисловия было исключено прямое указание на тождественность Саввы с автором. В новом варианте финала вновь была воссоздана его мистериальная основа: мотив ухода из мира трансформировался в мотив перехода Саввиной души в миры иных измерений. Пятая редакция — базовая для НР-Оплешник. Ее идейно-художественная структура основана на переплетении лейтмотивных тем, раскрывающихся через словесные образы-символы. Образная система представляет собой единство сложных соответствий двойников. Центральное место среди них занимает цепочка двойников: Савва — Виктор Тайных — Семен Летопроводец — молодец из «Повести о Горе-злочастии» — Михаил Скопин-Шуйский — Ставрогин — Петр Верховенский —

Ихнелат — автор. На последнем этапе текст транформирован в произведение нового синтетического жанра, соединяющего родовые черты лирики и эпоса. Подробнее о текстологической истории «Саввы Грудцына» см.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 187—207.

С. 300. *«Великие Минеи-Четии».* — Свод древнерусских оригинальных и переводных памятников, житийных, риторических, церковно-учительного и исторического характера, состоящий из 12 книг-миней. Создание было начато в Новгороде в 1529—1530 гг. и длилось в течение 12 лет под руководством митрополита Макария.

«Александрия». — Повесть о жизни, походах и подвигах Александра Македонского, созданная во 2—3 вв. н. э. на греческом языке. В Древней Руси была известна с XI—XII вв., целиком переведена в XV в. с сербского источника, в XVII в. имела широкую популярность у русского читателя.

«Книги Синагрипа, царя Адоров Наливские страны» — притчи премудрого Акира... — Имеется в виду «Повесть об Акире Премудром» — дидактическая повесть о мудреце Акире и его неблагодарном воспитаннике Анадане, возникшая в Ассиро-Вавилонии в VII в. до н. э. Вопрос о времени ее перевода на древнерусский язык до конца не решен. Древнейший список относится к XV в. «„Повесть об Акире“ — своеобразный антипод тому прямолинейно-дидактическому типу повествования, наиболее яркой формой которого являлись нравоучительная легенда или аполог» (Творогов О. В. Переводная беллетристика XI—XIII вв. / Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 180).

«Римские деи». — Имеется в виду переводной памятник древнерусской литературы «Римские деяния» — средневековый литературный сборник, составленный в Англии в XIII в. и содержащий около 180 повестей как духовно-дидактического, так и светского содержания, в частности с любовной тематикой. Русский перевод относится к XVII в.

«История семи мудреце». — Переводной памятник древнерусской литературы. Источник восходит к древнеиндийской литературе. Состоит из сборника занимательных и дидактических новелл. В древнерусскую литературу вошла в переводе с польского языка в начале XVII в. В русских списках состоит из 15 новелл, объединенных повествованием о царевиче Диоклетиане, воспитанном семи мудрецами и оклеветанном отвернутой им злой мачехой.

«Сказания о премудром царе Соломоне». — Комплекс переводных апокрифов, связанных с именем библейского царя Соломона. См. в наст. изд. комментарий к книге «Круг счастия. Книга о царе Соломоне».

«Повесть о Варлааме пустыннике и Иосифе царевиче индийском». — См. коммент. к «Повести о двух зверях». С. 730 наст. изд.

«Хронограф» — древнерусский литературный памятник рубежа XV—XVI вв., в беллетризированном виде повествовавший о событиях истории Греции, Рима, Византии и др. стран.

«Физиолог» — древний сборник статей о природе, возникший, предположительно, в Александрии во 2—3 вв. н. э. В нем наряду с описанием реальных животных и птиц даны описания фантастических существ, таких, как кентавр, сирена и др. Древнерусские переводы известны с XV в.

С. 301. *...на Фому и Елену...* — Память св. апостола Фомы 6 октября; память св. равноапостольный Елены 21 мая. Указаны именины родителей Саввы.

С. 301 .*«Стоглав»* — свод постановлений и суждений церковного собора 1551 г., созванного царем Иваном IV при участии митрополита Макария.

Вор (др.-рус) — политический преступник.

...избрали царя. — Имеется в виду избрание в 1613 г. на царство Михаила Феодоровича (1596—1645), родоначальника царской династии Романовых.

С. 302. *...после Святок играли свадьбу...* — Святки — зимние праздники, отмечаемые между Рождеством и Богоявлением, с 25 декабря по 6 января. По церковному уставу свадьбы не совершаются в Рождественский пост (до Рождества), а также на Святках.

С. 303. *...притча «О старом муже и молодой девице».* — Памятник сатирической литературы XVII в. — притча в том, что негоже старому жениться на молодой. Публикация притчи по списку XVII в.: ПСРЛ II. С. 453—454.

С. 304. *Вознесение Господне* — церковный двунадесятый праздник, отмечаемый в 40-й день по Пасхе, в четверг.

С. 309. *Завтра Новый год — день Семена Летопроводца...* — 1 сентября, память преподобного отца Симеона Столпника, по народному календарю — день Семена Летопроводца. С середины XIV в. до 1700 г. в этот день начинался Новый год. И сейчас это начало года по церковному календарю.

Яблоновый Спас — праздник Преображения Господня, в народе называемый «Яблоновый Спас», 6 августа. В этот день в церкви освящают плоды.

С. 319. *...восстали черные попы, про белых не слышно...* — В Православной Церкви духовенство традиционно делилось на черное (монахи) и белое (женатые священники).

С. 321. *Их припев: «мать пустыня»...* — Цитата из духовного стиха «Прекрасная мати пустыня...».

С. 324. *О ту пору была сложена притча «о Горе-злочастии»...* — Имеется в виду «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин» — памятник древнерусской литературы XVII в. В нем рассказывается о молодце, покинувшем отчий дом и избравшем лихую бесшабашную судьбу, персонифицированную в образе Горя, спастись от которого он смог лишь в стенах монастыря.

Затевалась война с Польшей ~ Война кончится для Москвы плохо... — Речь идет о событиях 1632—1634 гг. В апреле 1632 г. умер король Сигизмунд, и Москва предприняла неудачную попытку отвоевать Смоленск, находившийся в руках поляков. Многомесячная осада города боярином М. Б. Шеиным кончилась в 1634 г. подписанием мирного соглашения на унизительных для русских условиях и их отступлением. «19 февраля русские выступили из острога с свернутыми знаменами, с погашенными фитилями, тихо, без барабанного боя и музыки; поравнявшись с тем местом, где сидел король на лошади <...> русские люди должны были положить все знамена на землю, знаменосцы отступить на три шага назад и ждать, пока гетман, именем королевским, не велел им поднять знамена; тогда <...> русское войско немедленно двинулось по Московской дороге, взявши с собой только 12 полковых пушек, по особенному позволению короля; сам Шеин и все другие воеводы и начальные люди, поравнявшись с королем, сошли с лошадей и низко поклонились Владиславу, после чего <...> продолжали путь» (Соловьев С. М. История России с

древнейших времен / Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9. М, 1990. С. 159. Далее: Соловьев-V с указанием страницы).

С. 325. *...немецкий полковник Оттокар Унбегаун, на шляпу Савве, поверх бисера, насадил зеленое мекленбургское попугайное перо...* — Имя полковника — новация Ремизова, использовавшего фамилию своего друга, известного лингвиста-медиевиста Б. О. Унбегауна. Ср. в источнике: «Полковникъ же, велми возлюби Савву, и <...> даде же ему с главы своея шляпу, драгоценнымъ бисеромъ утворенну сущу» (ПСРЛ I. С. 176). См. также письмо Б. О. Унбегауна Ремизову от 15 мая 1951 г.: «Вернувшись из моего свейского пути, я нашел дома Вашу книгу. Я ее прочел с очень большим удовольствием. Особенно хорош, по-моему, Савва Грудцын, и не только потому, что я там нашел своего предка, о котором и не подозревал» (Собр. Резниковых).

С. 326. *Во главе московского войска стоял боярин Федор Иванович Шеин.* — В указании имени боярина Ремизов точно следует источнику (ПСРЛ I. С. 176). В действительности Шеина звали Михаил Борисович.

Трехпечатные скопцы... — Последователи секты, основанной в 1772 г. крестьянином Кондратием Селивановым. Скопцы считали, что первые люди были бесполыми. Половые органы появились после совершения первородного греха, и их надо уничтожать для возвращения нравственного совершенства. Полное оскопление называлось «царской или большой печатью». См. в кн. «Иверень»: «Кондратий Селиванов, сам имевший на себе три печати (трижды оскопившийся — „без всякого остатка“)» (Иверень. С. 279).

С. 327. *...и пяток в помине не было...* — См. авторские примечания к ремизовскому апокрифу «Отчего нечистый без пят и о сотворении волка. Слово Егория волчьего пастыря Николаю Угоднику» (С. 41 наст. изд.).

...бесовское действо... — Ср. название пьесы Ремизова «Бесовское действо» (1907).

...летопись пишет: «страшен зело, на коне ездя и искаше из московских полков противника себе». — Цитата из текста-источника (ПСРЛ I. С. 177).

С. 328. *...потом назовут Шеина «изменник» и казнят на Москве. Нет, в Смуту воевода Смоленска показал, что значит любить Россию ~ и о какой измене.* — Ремизовская оценка деятельности Шеина восходит к мнению С. М. Соловьева. Ср.: «По приезде Шеина в Москву его осудили как изменника и казнили смертью. ~ русские люди толкуют: где московскому плюгавству сражаться с литовским королем и его людьми? А из Москвы одно обещанье, что идут со всех сторон воеводы на помощь <...> Измены со стороны Шеина не видно никакой» (Соловьев V. С. 161—162).

С. 329. *Савва жил ~ на Сретенке у стрелецкого сотника Якова Шилова.* — Точный адрес и имя домохозяина — из текста-источника.

Щипок, Зацепа — названия московских улиц.

Савва никуда ~ Виктор скрывал его «до поры до времени». — Развитие мотива самозванца, восходящего не только к реалиям Смуты XVII в., но и к роману Ф. М. Достоевского «Бесы», в котором «бес» Петр Верховенский излагает Ставрогину «теорию» о до времени скрытом «Иван-Царевиче»: «Начнется смута! <...> Затуманится Русь <...> Ну-с, тут-то мы и пустим... <...> Ивана-Царевича; вас, вас! <...> Мы скажем, что он „скрывается“ <...> Знаете ли вы, что значит это словцо: „Он скрывается“? <...> Но он явится, явится»

(Достоевский Ф. М. Бесы / Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1974. Т. 10 С. 325).

С. 330. *...завтра Благовещение, будете выпускать птичку?* — Благовещение — двунадесятый богородичный праздник, посвященный воспоминанию возвещения архангелом Гавриилом Деве Марии тайны воплощения от нее Бога Слова, 25 марта. С этим праздником был связан обычай выпускать на волю певчих птиц.

У всех в памяти черная смерть Пожарского. — Дм. Пожарский умер в 1642 г. Он отказался от участия в походе с Шеиным под Смоленск, объяснив, что болен «черным недугом». Указание на характер болезни князя взято Ремизовым у Ив. Забелина: «Черным недугом обозначалась меланхолиевая кручина, также падучая болезнь, перемежающаяся лихорадка, вообще когда люди бывают в унынии и тягостные умом» (Забелин Ив. Минин и Пожарский: Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. С. 177).

С. 331. *А был этот Варнава, говоря по-книжному: «иерей леты совершен, муж искусен и богобоязлив зело».* — Точная цитата из текста-источника (ПСРЛ I. С. 178).

С. 332. *...в моих глазах две зари рассвет и вечерняя...* — Ср. название ремизовской переработки его писем к жене «На вечерней заре».

С. 334. *«слово и дело»* (стар.) — заявление о важном преступлении. По этому возгласу хватали и допрашивали.

С. 335. *Синклит* — собрание высших сановников (в Древней Греции), сборище.

...царский шурин боярин Семен Лукьянович Стрешнев... — Точное цитирование источника (ПСРЛ I. С. 176).

С. 336. *...изволь потом в богоявленской воде руку вымачивать.* — Богоявление Господне — церковный двунадесятый праздник, 6 января. В навечерие Богоявления и в самый праздник происходило освящение воды — водосвятие. «Богоявленская и Крещенская вода издревле считалась великою святынею. Ее хранили в продолжение целого года, ею окропляли вещи, принимали ее с верою при болезнях и давали пить тем, кто по каким-то причинам не мог быть допущен к причащению» (Бондаренко Э. О. Праздники христианской Руси. Калининград, 1998. С. 60).

С. 337. *...какая богатая багряная одежда на ней ~ багор на ней вспыхнул ~ переплавился в лазурь.* — Канонические цвета одежды на изображениях Богородицы.

...на праздник в Казанскую... — Казанская — празднование иконы Казанской Божией Матери, 22 октября.

...ты придешь в мой дом — что на площади у Ветошного ряда. — Имеется в виду Казанский собор, построенный в 1630—1633 гг. на средства князя Дм. Пожарского. В храме находилась чудотворная икона Казанской Божией Матери, принадлежавшая ранее Дм. Пожарскому и находившаяся с русскими войсками в сражениях с поляками. После освящения храма по указу царя ежегодно в собор совершались крестные ходы 8 июля и 22 октября. В 1936 г. Казанский собор был снесен. Воссоздан в 1990—1993 гг.

С. 338. *Филарет* (в миру Федор Никитич Романов) (1556—1633) — патриарх Московский, отец царя Михаила Федоровича.

С. 339. *Херувимская* — песнопение православной литургии, называющееся

так по первым словам текста «Иже херувимы». Поется на литургиях Иоанна Златоуста и Василия Великого, кроме четверга и субботы Страстной недели, на великом входе во время перенесения Св. Даров с Жертвенника на Престол.

С. 339. *...стáни и гряди..* — Ср. евангельское чудо исцеления расслабленного, слова Иисуса Христа: «Встань, возьми постель свою, и иди в дом твой» (Мф. 9; 6).

...со всех Никольских и Варварских колоколен и кругом по Москве до Симонова, Донского, Новоспасского и Андрониева... — Очерчена круговая панорама высотных точек Москвы — колоколен церквей, находящихся на Никольской и Варварской улицах Китай-города, и колоколен монастырей. *Симонов* монастырь — см. коммент. на С. 732. Монастырская колокольня взорвана в 1930 г. *Донской* необщежительный мужской монастырь 1-го класса, основан в 1593 г. в память чудесного избавления Москвы от нашествия крымского хана Казы-Гирея. Закрыт в 1925 г. В середине 1930-х — филиал Музея архитектуры. В 1990 возвращен Русской церкви. *Новоспасский* ставропигиальный мужской монастырь 1-го класса, основан в конце XIII в. Ансамбль зданий почти полностью уцелел, хотя с 1918 г. в нем находился концентрационный лагерь ВЧК, затем тюрьма. В 1990 г. возвращен верующим. *Спасо-Андрониев* или *Андроников* необщежительный мужской монастырь 2-го класса, основан в 1359 г. учеником Сергия Радоиежского Андроником. С начала 1920-х гг. в нем размещалась колония для несовершеннолетних и тюрьма. В 1930 г. монастырская колокольня взорвана. С конца 1950-х гг. в нем находятся реставрационные мастерские и Музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.

СОЛОМОНИЯ

Впервые опубликовано: Соломония // Воля России (Прага), 1929, № 5/6. С. 3—23.

Прижизненные издания: Алексей Ремизов. Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951. С. 64—93.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) планы, наброски, черновые и беловые автографы, наборная рукопись для журн. «Воля России» (1929), датированы: Б. д., «1929» — ЦРК АК. Кор. 15. Папки 10—14; 2) Наборная рукопись (авторизованный печ. текст, введение — автограф) для неуст. изд. под загл. «Alexei Remizov / Solomonia la possédée / О бесноватой Соломонии», <1930-е> — Hoover Institute Archive. Box. 152. Folder 13; 3) Альбом автоиллюстраций с сопроводительным текстом на фр. яз. под загл. «Solomonia la possédée», черн. тушь, цв. кар., <1930-е> — Собр. Резниковых; 4) Альбом автоиллюстраций с сопроводительным текстом на русском яз. под загл. «Соломония», черн. тушь, 1934 — Собр. Т. Уитни (США); 5) Авторизованный печ. текст, на л. 1 дата-автограф: «1928» — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Текст-источник: Повесть о бесноватой жене Соломонии / ПСРЛ I. 155—168.

Текстологическая история «Соломонии» еще ждет своего исследователя. О взаимосвязи ремизовского произведения с древнерусским источником см.: Пигин А. В. Повесть А. М. Ремизова «Соломония» и ее древнерусский источник // Рус. лит. 1989. № 2. С. 114—118.

Дата: 1928, <1949>.

С. 341. *...полюбилась ей пустыня.* — Выражение, обозначающее стремление к уединенной, целомудренной жизни. Восходит к реалиям раннего восточного

христианства, когда в Сирии, Палестине, Египте верующие удалялись из городов в пустыни, чтобы там в одиночестве вести богоугодную, монашескую жизнь, одной из основ которой было целомудрие.

С. 341. *Пролог* — славянорусский церковно-учительный сборник, широко распространенный в Древней Руси и содержавший проложные чтения: жития святых, поучения и церковно-поучительные повести и рассказы о жизни и подвигах восточного монашества.

Житие Феодоры. — См. коммент. на С. 732.

С. 342. *Желвастый* (бран.) — покрытый многими нарывами, золотушный.

С. 344. *В легком воздухе колокол — «Достойно»...* — «Достойно и праведно есть» — одна из молитв Евхаристического канона — центральной части литургии, когда по уставу положен церковный звон.

Троицын день — церковный праздник в честь и прославление Святой Троицы и в память сошествия Святого Духа на апостолов, празднуется на пятидесятый день после Пасхи.

С. 345. *...называют Ярославкой...* — Имя героини взято из текста-источника (ПСРЛ I. С. 155).

«А как ты сюда попала?» «Я другая <...> я от матери» ~ ее рот полон крови. — Возможно, Ремизов возводит образ Ярославки к вампирам, которыми становятся мертвецы, в том числе «самоубийцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями» (Афанасьев III. С. 557).

С. 346. *Лесавка* — дух леса, воплощенный в женском образе, жена лешего.

Туис (туес) — берестяная кубышка с тугой крышкой и дужкой в ней.

С. 346—347. *Их собралось большое собрание ~ а посередине на троне сам ~ яр голова змея.* — Эпизод основан на использовании обрядности сатанистов — ритуала черной мессы.

С. 347. *«Сатана наш отец ~ он все создал. Что есть живого, это он дал земле ~ радость — любовь».* — Отражение народных дуалистических легенд о сотворчестве Бога и Сатаны в творении мира и о роли Сатаны в первородном грехе Адама и Евы.

С. 348. *«Да святится имя мое!» — вздрыгнул, рожа, змей...* — Восходящее к ритуалам черной мессы кощунственное переиначивание слов молитвы «Отче наш» («Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое...»).

С. 349. *«Богуславка».* — Ремизовский перевод на славянский имени «Феодора».

Соборная церковь Богородицы ~ церковь Устюжского чудотворца юродивого Прокопия и другого юродивого Иоанна. — Имеется в виду церковный комплекс — Соборное дворище, в которое входят, в числе других памятников, Успенский собор (1638—1658); Собор Прокопия Праведного (1668), арх. П. Д. Котельников; Церковь Иоанна Устюжского (XVII—XVIII вв.).

С. 352. *...архидьякон ~ став в «Многолетие»...* — Многолетие провозглашается дьяконом громко и с поднятой рукой с орарем (частью дьяконского облачения).

С. 354. *...за апостолом...* — Чтение апостольских посланий или деяний во время литургии непосредственно перед чтением Евангелия.

У одного в руке три кочерги... — Имеется в виду Прокопий Устюжский, изображаемый на иконах с тремя кочергами.

Другой с посохом странник... — Иоанн юродивый, на иконах изображаемый в образе странника.

С. 357. *...какая-то из васильков смотрит...* — Богородица. Ремизов использует здесь символику голубого цвета, как одного из символических цветов Богородицы.

С. 358. *«Да святится имя Твое!» — Цитата из молитвы Господней «Отче наш».*

Примечание

С. 360. *...эти фаллические демоны, вышедшие из ~ Розановской „Кукхи", Гоголевского „Вия", „Тарантула" Достоевского...* — Речь идет о философском осмыслении сексуальных проблем, которые, как считал Ремизов, нашли отражение в таких произведениях и отдельных художественных образах, как: «Кукха» (Берлин, 1923) — книга Ремизова, основанная на письмах В. В. Розанова; «Вий» (1835) — повесть Н. В. Гоголя; фантастическое чудовище Тарантул — сонное видение Ипполита — персонажа романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868).

...„пастырь" в языческом значении, т. е. одаренный в высшей мере семенным даром... — В тексте-источнике Матвей — «земледелец», то, что он — «пастухъ скотский» — взято Ремизовым из прибавлений к тексту-источнику из списка XVII в. (ПСРЛ I. С. 161). В истолковании образа «пастыря» Ремизов опирался на данные Афанасьева о взаимосвязи языческих представлений о дожде как процессе оплодотворения небом земли. «Олицетворяя грозовые тучи быками, коровами, овцами и козами, первобытное племя ариев усматривало на небе, в царстве бессмертных богов, черты своего собственного пастушеского быта: ясное солнце и могучий громовник, как боги, приводящие весну с ее дождевыми облаками, представлялись *пастырями* мифических стад» (Афанасьев I. С. 690).

...полна мистического смысла вся история с „демонскими именами" и „именем Божьим"... — Возможно, Ремизов имел в виду практику церемониальной магии, в которой вхождение в контакт с духами включало в себя называние их имен, а также имени Божия (см.: раздел «Церемониальная магия и волшебство» в кн.: Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. СПб., 1994. С. 373—377).

МЕЛЮЗИНА. БРУНЦВИК

Впервые опубликовано: Алексей Ремизов. Мелюзина. Брунцвик. Париж: Оплешник. 1952. 71 с.

Рукописные источники и авторизованные тексты: Авторизованная машинопись — НР-Оплешник. — Собр. Резниковых.

Публикуется по изданию 1952 г. с исправлением опечаток по НР-Оплешник.

В немногочисленных критических отзывах на книгу основное внимание рецензентов привлекла повесть «Мелюзина», тогда как «Брунцвик» оказался фактически вне поля зрения критиков. Так, Ю. Терапиано отметил, что «Мелюзина» — «типично ремизовская адаптация кельтской легенды». Он сопоставил «Мелюзину» и «Савву Грудцына» как друидический и христианский варианты сюжета о контакте человека с нечистой силой: «Повесть о Мелюзине не достигает трагического напряжения повести о Савве Грудцыне, русском Фаусте <...> Друидизм, из которого вышла, точнее — которым была обработана легенда

о Мелюзине, не достиг осознания катарсиса, очищающего нравственного момента, который характеризует трагедию <...> Раймонд <...> погибает непреображенным». Уделив основное внимание анализу «Мелюзины», критик лишь кратко коснулся «Брунцвига», отметив, что это «новый подарок творческой фантазии Ремизова и его проникновенья в дух старинных сказаний» (НРС. 1952. 17 авг.). Такое же доминирование анализа «Мелюзины» характерно и для заметки А. Мазуровой «О пропущенной книге А. Ремизова», в которой автор поставила своей целью «остановить внимание читателя на обойденной вниманием работе, являющейся образцом характерного для Ремизова „творчества по материалу“» (НРС. 1953. № 15044. 5 июля). Основным достоинством заметки Мазуровой было обильное цитирование писем Ремизова, разъяснявшего ей свои принципы работы. Ее собственный анализ книги свелся к простому пересказу ее содержания.

МЕЛЮЗИНА

Впервые опубликовано: Алексей Ремизов. Мелюзина. Брунцвик. Париж: Оплешник, 1952. С. 5—49.

Рукописные источники и авторизованные тексты: **1)** Черновой автограф под загл. «История о Мелюзине», на отдельных листах в тетради, Б. д., на л. 1 — помета: «1-ая редакция» — Собр. Резниковых (опубл.: Алексей Ремизов. «История о Мелюзине». Вступ. зам. и публ. А. М. Грачевой // Мир филологии. Сб., посвященный Л. Д. Громовой-Опульской. М., 2000. С. 143—153; **2)** Черновой автограф с правкой (тетрадь, отдельные листы) под загл. «Мелюзина», «5.II.1950», над текстом помета: «II редакция. I 1950» — Собр. Резниковых; **3)** Беловой автограф с правкой в тетради, помета на обложке: «Мелюзина. 3 редакция 17.VIII.1950» — Собр. Резниковых; **4)** Беловой автограф с правкой, в тетради, на обложке: а) рисунок Ремизова — портрет Мелюзины, б) надпись: «Мелюзина 4 редакция 17.VIII.1950» — Собр. Резниковых; **5)** Авторизованная машинопись, «1950» — НР-Оплешник (Пятая редакция) — Собр. Резниковых.

Тексты-источники: **1)** Пыпин. Очерк. С. 230—233; **2)** История о Мелюзине // ПДП. СПб., 1882. № XLII—LX [тексты повести]; **3)** Булгаков Ф. История о Мелюзине // ПДП. СПб., 1880. № XLII. С. 73—80; **4)** Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени // ПДП. СПб., 1898. № CXXVIII. С. XLIV—XLVI, 31—32; **5)** Всеволодский-Генгросс В. Н. История русского театра. Л.; М., 1929; **6)** Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. I. С. 482; Т. IV. С. 354—355.

Дата: 1950.

Анализ подготовительных материалов показал, что Ремизов вычленил из основного источника (№ 2) сюжетную первооснову — историю о союзе человека и волшебного существа. Им был составлен предварительный план и списки имен героев, взятые из источников № 1—3. Первая редакция — это эпический рассказ, легенда, сохраняющая «жанровую память» сказки о «красавце и чудовище». Ее основная тема — нарушение запрета. Вторая редакция — промежуточная. Перерабатывая текст, Ремизов обратился к одному из первоначальных видов драмы — античной трагедии, и конкретно — к переводам Ф. Ф. Зелинским трагедий Софокла. История усыновления Раймонда дядей была интерпретирована Ремизовым, как легализация тайного отцовства, а невольное убийство, совершенное главным героем, было типологически сближено с преступлением царя

Эдипа. Но в этой редакции тема трансцендентного рока еще не стала органичной составляющей повествования. Эта тема была выражена во внесюжетных формах — коллективном голосе «Хора» и авторском заключении. Процесс создания окончательного текста сопровождался интенсивным процессом ассимиляции «чужого слова» в «свое» — т. е. включением мифа о разлученных Раймонде и Мелюзине в авторский миф Ремизова — историю его любви и утраты. В Третьей редакции текстуальные изменения связаны с работой автора над формированием новой жанровой структуры произведения. В повествовании была усилена роль «Хора», его комментарии вводились после каждого сюжетного эпизода. При этом исчезло обозначение этого «коллективного героя» именем «Хор», идущем от античной трагедии и присутствовавшем во Второй редакции. Теперь речи «Хора» были включены как несобственно-прямая речь в субъективированное авторское повествование. Четвертая редакция в целом соответствует печатному тексту. Основное отличие — расширенное послесловие и специально выделенное «Предисловие». В нем Ремизов программно заявил о трансформации мифологического сюжета в процессе его письменной фиксации и охарактеризовал свою задачу как воскрешение мифа с помощью новых художественных средств. Пятая редакция представлена НР-Оплешник и изданием 1952 г. В недатированном письме А. Мазуровой Ремизов так обозначил свою эстетическую задачу: «Мелюзина, как и другие мои легенды, не реставрация (воспроизведение оригинала), не пересказ (пересказ предполагает оригинал), а творчество, как я говорю, „по материалу", который мне всегда толчок вспомнить, что я видел, чувствовал и о чем подумал однажды <...> Я учился у Эсхила и Еврипида и пробудил в себе голос судьи. Мне это было нетрудно: ведь все мое — „сужу свою душу". Подробнее о текстологической истории «Мелюзины» см.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 217—231.

С. 363. *...«им в грядущем нет желанья, им прошедшего не жаль...»* — Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839). В Третьей редакции строфа из «Демона» («Час разлуки ~ не жаль») была одним из двух стихотворных эпиграфов к тексту повести.

Кикимора — в русской народной демонологии женский нечистый дух, оборотень, живущий в доме и по ночам выполняющий недоделанную женскую работу. О кикиморах рассказывали, что «это младенцы, умершие некрещеными или проклятые их родителями, и потому попавшие под власть нечистой силы» (Афанасьев II. С. 101).

С. 364. *Жан Дарас ~ Иван Руданский.* — Имена переводчиков и переписчиков текстов «Истории о Мелюзине» взяты Ремизовым из текста-источника.

С. 365. *Разлука ~ Свиданье.* — Вторая и третья строфы стих. А. А. Фета «Напрасно» (1852).

С. 366. *«Богат и славен...»* — Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828—1829).

С. 368. *День всех святых* — католический праздник, 1 ноября. В Православной Церкви память всех святых — в первое воскресенье после Троицы.

С. 370. *...ты убил отца ~ Я тоже убила своего отца...* — Введение мотива царя Эдипа.

С. 373. *Василий Торский* — русский эмигрант, проживавший в Алжире, писатель-дилетант, корреспондент Ремизова в 1930—1940-е гг. Ср. игровое упоминание Торского в кн. «Мышкина дудочка»: «На Рождество В. В. Торский,

заведующий сахарским питомником ручных рабочих обезьян, прислал мне из Алжира экзотические елочные украшения» (Мышкина дудочка. С. 27).

С. 373. *...по-карфагенски...* — рабовладельческий город-государство Карфаген (825 до н. э. — 146 до н. э.) находился в Сев. Африке на территории нынешнего Алжира.

С. 374. *Канонарх (церк.)* — церковный чтец, который нараспев читает слова песнопений, которые за ним повторяет хор.

С. 375. *Лития (церк.)* — общая усиленная молитва, часть праздничной всенощной.

Епитрахиль (церк.) — часть облачения священника — длинная широкая полоса материи, которую священник надевает на шею и которая спускается спереди ниже колен. Без епитрахили иерею нельзя совершать ни одной службы.

С. 376. *...о звериной свадьбе читаю у волшебницы Кодрянской в ее сказках...* — См.: Кодрянская Н. Свадьба Марфиньки / Кодрянская Н. Сказки. Париж, 1950. С. 81—86.

Есть ~ и нечистые: заколдованное близ Диканьки... — Аллюзия на образы повести Н. В. Гоголя «Заколдованное место» (1832) из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки».

На дверях повешено предохранительное объявление: «не стучите и не звоните, оба лежим без задних!» — Обыгрывание одного из обычаев семьи Ремизовых — вывешивания на дверях и стенах квартиры шуточных предупреждающих или уведомляющих объявлений. См., например, цитацию такого «плаката» в кн. «Взвихренная Русь»: «Господа наши друзья и гости, посещающие нас. Напоминаю всем, кто приходит к нам, что мы оба — люди больные и физически и нервно; напоминаю, что мы с начала войны и до сих пор находимся на краю гибели: мы *ничего* не имеем, кроме заработка, а заработок наш с войны очень уменьшился. ~ Чтобы нам не погибнуть, ~ мы просим: *не говорите у нас по телефону* — это убивает!» (Взвихренная Русь. С. 54—55).

С. 377. *...обезьяньим гуськом...* — Ср. в «Манифесте» Обезвелволпала указание на «Танец обезьяний: „вороний“ — в плащах, три шага на носках, крадучись, в стороны и подпрыг наоборот с присядом, и опять сначала». (Взвихренная Русь. С. 273).

Циррозовый — желтый.

...с воздыханием херувимской... — См. коммент. к С. 339.

Вестрис (Vestris), Гаэтано Аполлонию Бальтазаре, (1729—1808) — итальянский танцовщик, педагог и балетмейстер. Современники называли его «богом танца». См. о нем в главе «Париж» кн. Ремизова «Пляшущий демон» (Париж, 1949).

С. 378. *...гоголевский дедов зарочный клад: сор, дрязг...* — Обыгрывание сюжета повести Н. В. Гоголя «Заколдованное место», где неудачливый кладоискатель-дед в итоге оказывался облитым помоями.

...чувствительный философ — в рукописи IV редакции было: «философ Бергсон».

Построить «обыденный» город... — «Обыденным» назывался храм, построенный за один день. Здесь: город, созданный за один день.

Ах, попалась птичка, стой! ~ Ни за что на свете! — Цитата из текста игры под названием «Птичка», сочиненной А. А. Пчельниковой (урожд. Цейдлер) и по типу соответствовавшей игре в кошки-мышки. Впервые опубл.: Пчель-

никова А. А. Беседы с детьми. Ч. 7. СПб., 1859. Как отдельное стихотворение, вошло в хрестоматию «Русская книга для чтения» К. Д. Ушинского (СПб., 1864).

С. 379. *...десять сыновей: Ги, Одон, Уриан ~ Раймонд.* — Имена сыновей взяты из текста-источника.

...храм во имя Богородицы — Утолимая печаль — «Утоли моя печали» — название иконы Божией Матери, глубоко почитаемой верующими и дарующей исцеление больным и утешение скорбящим. Празднуется 25 января и 9 октября.

С. 391. *В «обетованной стране блаженства» в царстве фей...* — Образ из книги «Ирландские саги» (Л., 1929), которую Ремизов изучал для работы над повестью «Тристан и Исольда».

С. 392. *«Душа человека ~ достаточно — звука»...* — Строка из стих. А. А. Фета «Напрасно».

С. 394. *Мелюзина попадает в круг «забытых Богом».* — Имеется в виду образ из апокрифа «Хождение Богородицы по мукам» — мучения грешников в огненной реке, которая скрывается в вечной тьме. «И рече Михаил къ Богородицы: „аще ся кто затворить во тмѣ сей, нѣсть памяти о нем отъ Бога“ (ПСРЛ III. С. 122). Ремизовская переработка части этого апокрифа называлась «Забытые Богом». См. коммент. к «Хождению Богородицы по мукам».

БРУНЦВИК

Впервые опубликовано: Алексей Ремизов. Мелюзина. Брунцвик. Париж: Оплешник, 1952. С. 51—70.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Черновой автограф в тетради под загл. «Брунцвик», «7—13.VII.1949» (I редакция) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 20. Л. 1—28; 2) II редакция: вар. А) Беловой автограф с правкой в тетради (раздел «Примечания» — отсутствует) под загл. «Брунцвик», под текстом помета: «Текст: „История о славном короле Брунцвике“. М. Петровский. Памятники древней письменности и искусства, СПб., 1888, LXXV», «18.VII.1949» — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 20. Л. 29—61; вар. Б) Авторизованная машинопись — Собр. Резниковых.

Тексты-источники: 1) Пыпин. Очерк. С. 223—227; 2) Гудзий. С. 382—383; 3) Петровский М. История о славном короле Брунцвиге // ПДП. СПб., 1888. Вып. LXXV. 76 С. [Вступительная статья — С. 1—27; текст-список XVIII в. — С. 31—57].

Дата: 1949—1950.

В основе древнерусская переводная повесть формально была близка жанру сказки. Этот этап существования сюжета отражен в Первой редакции — сказке о Брунцвике и его волшебных помощниках — дядьке Баладе и Льве. С веселым по тону повествованием диссонировал трагический финал, в котором вернувшегося из странствий героя убивал жених разлюбившей его жены. В этой редакции еще не было найдено эстетического равновесия между художественной идеей и формой произведения. Во Второй редакции повествование развивалось согласно сюжету источника до момента возвращения героя домой и узнавания его женой по перстню. В этой кульминационной сцене сказочный сюжетный мотив «муж на свадьбе своей жены» был трансформирован в мифологический, подобный сюжетной основе трагедии Эсхила «Агамемнон». «Вольная» смерть

героя, не сопротивлявшегося убийце, была результатом осознания им потери единственной любви и носила жертвенный, мистериальный характер. Подобная концовка по-новому освещала фантастические странствования героя, которые представали символическими метафорами его духовного развития. Но это был «ложный финал», а подлинный заключался в радостном пробуждении от сна Брунцвика и его жены. Введение такой концовки — *пробуждения=воскресения* — было последним звеном в процессе трансформации сказки в мистерию. О текстологической истории «Брунцвика» подробнее см.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 207—217.

С. 395. *...вспоминали старого короля Фредерика Штильфрида.* — «В Чешской литературе роман, передававший историю Брунцвига, <...> известен был очень давно и напечатан уже в 1565 г. вместе с историей отца его Штильфрида» (Пыпин. Очерк. С. 226).

С. 397. *...последний подавился.* — В НР-Оплешник было: «последний подавился, [дожевывая свои куски]».

«Сирену можно ~ но не есть»... — В Первой редакции было: «Я пойду и съем Сирену, — сказал Брунцвик. // «Сирену можно ять, но не „есть“».

«Нагуй»... улыбнулся Брунцвик... — название птицы взято из подстрочного примечания Петровского: «В сказ. об индийском царстве — „нагавин“ или „нагуй“ (С. 36). В Первой (сказочной) редакции в имени «нагуй» Ремизов заменил звонкую букву «г» на глухую «х».

С. 400. *Волот* — великан, богатырь, у которого сила соединяется с ростом и дородством.

С. 401. *«Манитрусы»* — название фантастических зверей взято из примечания Петровского (С. 44).

С. 402. *...рога копытчика...* — Первоначально в НР-Оплешник было: «рога дьявола». «Копытчик» — ремизовское прозвище критика, поэта, редактора журн. «Аполлон» С. К. Маковского.

С. 410. *«Клад» в «Докуке и балагурье», народная, и у Гоголя в «Пропавшей грамоте» ~ «Чудо о Димитрии» — «Три серпа»...* — Имеются в виду тексты: Ремизов А. Клад / Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым. Берлин, 1923. С. 305—311; Гоголь Н. В. «Пропавшая грамота» (1831); Ремизов А. О Димитрии / Ремизов А. Три серпа. Париж, 1927. Т. 2. С. 26—28. В сборнике Ремизова «Докука и балагурье» сказка под заглавием «Клад» отсутствует.

«История о славном короле Брунцвике...» — название древнерусского переводного памятника (ПДП. С. 31).

...Гуверналь Тристана, Синибалд Бовы королевича, Очкило царя Соломона... — герои ремизовских повестей: Гуверналь — воспитатель Тристана в «Тристане и Исольде», Синибалд — воспитатель Бовы в «Бове Королевиче», Очкило — воспитатель царя Соломона в повести «Премудрый царь Соломон и красный царь Пор».

Балад знает Александрию ~, Индию Пресвитера Иоанна — попа-царя, Откровение Мефодия Патарского, Косму Индикоплова. — Речь идет о переводных памятниках древнерусской литературы, содержащих географические сведения как реального, так и легендарного характера: *«Александрия»* — см. коммент. к С. 300; *«Сказание об Индийском царстве»* — описание Индийского царства пресвитера Иоанна, известное на Руси со II пол. XV в.; *«Откровение*

Мефодия Патарского» — переводное византийское эсхатологическое сочинение неустановленного автора, датируемое, по одной версии — IV в., по другой — VII в.; *«Космография» Козьмы Индикоплова* — славянский перевод «Христианской топографии» византийского писателя VI в. Козьмы Индикоплова, труда, созданного для опровержения Птоломеевой системы мира, известен в рукописной книжности Московской Руси с XIV—XV вв.

С. 410. *...переделал Брунцвика в сказку: сказка «о Игнатье царевиче и Суворе невидимке-мужичке»...* — Сведения взяты из: Пыпин. Очерк. С. 227.

ТРИСТАН И ИСОЛЬДА. БОВА КОРОЛЕВИЧ

Впервые опубликовано: Алексей Ремизов. Тристан и Исольда. Бова Королевич. Париж: Оплешник. 1957. 139 с. [Без оглавления].

Рукописные источники и авторизованные тексты: Авторизованная машинопись — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Публикуется по изданию 1957 г. с исправлением опечаток по НР-Оплешник.

Ю. Терапиано посвятил бóльшую часть своей рецензии на книгу Ремизова анализу и оценке «Тристана и Исольды». Он противопоставил версию Ремизова, как «русскую», акцентирующую плотское начало, западным, «католическим» версиям Вагнера и Бедье. Критик упрощенно понял художественную концепцию автора, но вынужден был признать, что «по форме, по высочайшему словесному мастерству, ремизовская версия легенды является, вероятно, одним из совершеннейших его произведений» (РМ. 1957. № 1114. 28 сент.). После подробного анализа первой повести Терапиано кратко отметил, что «сказка о Бове Королевиче, рассказанная Ремизовым во второй части книги, по своей теме и по своему духовному содержанию не в состоянии равняться с повестью о Тристане и Исольде» (Там же). Более глубокое понимание авторского замысла отражено в письме известного филолога Б. А. Филиппова к Ремизову от 19 ноября 1957 г.: «Огромное Вам спасибо за „Тристана и Исольду" и прелестного Бову Королевича. И как это хорошо, что стольный град Бовы зовется Антон, а уж царь этого града царь Дантона. И хорошо установление — тонкое, не навязчивое — тех нитей, которые связывают Вашего Бову с эдиповым неузнанием отца. Тристан покорил меня подонными токами мифа-легенды. И так ведь это трудно после Вагнера («Тристан» для меня — наряду с «Парсифалем» и «Гибелью богов» — лучшее, что написал Вагнер) сказать что-то новое о Тристане, да еще тут и Бедье, кстати, великолепно переведенный на русский язык и изданный года два назад в Москве. И после всего этого Ваш вовсе не тот — и тот вместе с тем — Тристан. Тристан, может статься, более древний и — прямо из кельтских дольменов — и глубоко наш, сейчашный, при этом. Как хорошо, что Вы, Алексей Михайлович, приобщаете нашу безграмотнейшую читающую публику к самым глубинным и самым коренным преданиям прошлого-будущего: как русского, так и мирового. Спасибо Вам! И еще раз — огромное спасибо за Тристана!» (Собр. Резниковых).

ТРИСТАН И ИСОЛЬДА

Впервые опубликовано: [Главы из повести]: 1) Белтене — НРС. 1956. № 15597. 11 марта. С. 2; 2) Тристан и Исольда. 1. Плавание Тристана и Исольды — НРС. 1956. № 15604. 18 марта. С. 5; 3) Тристан и Исольда. 2. Возвращение —

НРС. 1956. № 15618. 1 авг. С. 5, 7; 4) Байле и Айлен — НРС. 1956. № 15632. 15 авг. С. 2.

Прижизненные издания: Алексей Ремизов. Тристан и Исольда. Бова Королевич. Париж: Оплешник, 1957. С. 5—74.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Альбом автоиллюстраций под загл. «Тристан и Исольда», черн. тушь, <1951> — Собр. Резниковых; 2) Беловой автограф в тетради по загл. «Тристан и Исольда», «8.III.1953» (IV редакция, вар. А) — Собр. Резниковых; 3) Черновой автограф — отдельные листы: планы, варианты предисловия, «20.III.1953», Б. д. — Собр. Резниковых; 4) Автоиллюстрации, эскиз обложки под загл. «Тристан и Исольда», «1953» — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 156. 5) Печ. текст — авторизованная машинопись с правкой рукой неустановленного лица, <1957>, (IV редакция, вар. Б) — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Источники: I. Тексты: 1) Веселовский. С. 125—228; 2) Веселовский. Приложения. С. 1—127; 3) Веселовский А. Н. Введение // Бедье Ж. Роман о Тристане и Изольде. Пер. А. А. Веселовского, Л., 1938. С. 25—50; 4) Ирландский саги / Пер. и коммент. А. А. Смирнова. Л., 1929. 377 с. (Далее цитируется: ИС — с указанием страницы). 5) Бедье Ж. Тристан и Изольда. Пер. А. А. Веселовского. Введение А. Н. Веселовского. Л., 1938. 222 с. 6) Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1902. 537 С. (Далее цитируется: Пыпин. ИРЛ — с указанием страницы); II. Музыкальная драма «Тристан и Изольда». Музыка и либретто Р. Вагнера (1857—1859).

Дата: <1951, 1957>.

В 1951 г. Ремизов обратился к двум вариантам легенды о любви сильнее смерти — древнерусской «Повести о Петре и Февронии Муромских» и легенде о Тристане и Изольде, известной в единственном восточнославянском (белорусском) переводе. Оба произведения и создавались Ремизовым, и переделывались параллельно, что важно для исследования истории обоих текстов. При создании «Тристана и Исольды» исследование Веселовского стало для Ремизова и научным источником, и предметом особого рода эстетический полемики. Существование единственного списка восточнославянского перевода истории осмыслялось писателем не как свидетельство чуждости этого мирового мифа миросозерцанию древнерусского читателя, как считал А. Н. Веселовский, а, наоборот, как доказательство его присутствия в нем. Ремизовские черновики «Тристаиа и Исольды» почти не сохранились. Первоначальным этапом работы было создание графического альбома. Писатель долго не мог найти «ключа» к мировой легенде. Качественно новый этап работы начался с середины 1952 г. после знакомства с транслировавшейся по радио оперой Р. Вагнера. Музыкальная драма Вагнера и его теоретические статьи дали Ремизову искомый «ключ» к созданию художественной структуры произведения и указали на жанровый первоисточник фиксации мифа — ирландские саги. Создавая свой вариант легенды о Тристане и Исольде, писатель в редакциях своего произведения «эстетически аккумулировал» этапы ее существования в виде рыцарского романа, сказки, легенды и в итоге возвратил сюжет к первоистоку — мифу. «Тристан и Исольда» Ремизова — произведение нового синтетического жанра, соединившего в себе эстетические принципы словесного и музыкального искусства. Подробнее о текстологической истории повести см.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 251—276.

С. 413. *Все красное ~ презренно.* — Неточная цитата из саги «Болезнь Кухулина». (ИС. С. 217).

...вып. 2. — После этого в печатном тексте введен еще один источник: «E. Vinaver. Études sur le Tristan en prose. 1925», отсутствующий в вар. А и вар. Б окончательной Четвертой редакции.

Друиды — жрецы у кельтских народов древней Британии и Галлии.

С. 414. *...хранит в своем печальном имени Тристан.* — Имя «Тристан» восходит к слову «triste» (фр.) — печальный.

Говерналь. — Здесь и далее имена героев ремизовской повести взяты из русской, итальянской и французской версий романа.

...как скажут о нем Беруль и Тома, они хранят древнюю кельтскую легенду... — Ремизов пересказывает историю создания «Тристана и Изольды», следуя тексту исследования Веселовского. Ср.: популярность легенды «объясняется своеобразным содержанием кельтской сказки <...> и <...> поэтическими качествами ее древних англо-французских и французских стихотворных обработок. <...> Так англонорманнские поэмы Béroul (ок. 1150) и Thomas (ок. 1170) сохранились лишь в отрывках» (Веселовский. С. 132—133).

Мерлин — в кельтских мифопоэтической традиции и средневековых повествованиях «артурова» цикла волшебник, поэт и провидец.

«Что более воды? — Ветер. ~ Что крепче сна? — Любовь». — Переработка приведенной в книге Пыпина цитаты из древнерусского памятника «Сказание и беседа премудра и чадолюбива отца предание и поучение к сыну снискателю от различных писаний богомудрых отец и премудраго Соломона, и Исуса Сирахова, и от многих философов и искусных, о женской злобе»: «Одно из „Слов", посвященных этому предмету, начинается вопросами: „Егда загорится храмина, чем ее гасити? водою. Что боле воды? ветр. Что боле ветра? гора. Что сильнее горы? человек. Что боле может человека? хмель: отъимает руки и ноги. Что лютее хмелю? сон. Что лютее сна? жена зла"». (Пыпин. НРЛ. С. 528).

С. 415. *...потом говорили: Марк кулаком в загривок напоил любимого брата.* — История смерти Перля дана по белорусской версии. (Веселовский. С. 147).

Мелеад поехал на охоту... — Сюжет о смерти Мелеада взят из итальянской и французской версий романа (Веселовский. С. 143, 144).

С. 416. *...склонилась в зеленом плаще...* — Описание облика Феи Син взято из описания Феи в саге «Смерть Муйрхертака, сына Эрк»: «Вскоре он увидел одинокую девушку, прекрасно сложенную, с прекрасным лицом, с ослепительно белой кожей, в зеленом плаще» (ИС. С. 293).

С. 417. *Миновав реку Брыкиню ~ появился Мерлин ~ Три первых рыцаря ~ Гелиот, Ланселот, Тристан...* — Ср. пересказ итальянской версии (Веселовский. С. 145).

Жена Марка Сидония... — История совершенной Сидонией попытки отравления Тристана дана по компилятивному пересказу Веселовского (Веселовский. С. 147—149).

С. 419. *Птицей-пугалом — в столбняке...* — В вар. А и Б: «Птицей-пугалом стыря в столбняке».

С. 423. *...верный Хорт ловчий Аполлона. <...> Клевдас <...> слышит: воет. Прислушался: нет, не собака <...> сидит на кочке Хорт, плачет.* — Характерный пример ремизовской трансформации текста-источника: писатель превращает в

человека по имени Хорт верную охотничью собаку (хорта) Аполлона, воющую над убитым хозяином (Веселовский. Приложения. С. 2).

С. 424. *В городах на улице можно было встретить странных ~ странствующие рыцари, по-русски «езжалые», они появились неизвестно откуда — «в поисках фортуны». ~ Рыцари в поисках фортуны, дамуазель — каждая по-своему неожиданный вопрос, несообразное поручение.* — Ср. в статье Веселовского «Славяно-романские повести»: «...смутными могли слагаться представления о „езжалых“ рыцарях (chevaliers errants), ищущих „фортуны“, о девушках, бродящих по свету с каким-нибудь невещественным поручением» (Веселовский. С. 4).

Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra), Мигель де (1547—1616) — испанский писатель, прославившийся созданием романа «Дон Кихот» (1605—1615), посвященного безумцу, вообразившему себя странствующим рыцарем.

С. 426. *...немирная фея Мака.* — Неточность Ремизова. В ирландской мифологии имя древней богини войны, обращенной потом в сиду (фею) — Маха (см.: ИС. С. 336).

С. 427. *...сказал карлик Роккетто ~ от Тристана тебе будет смерть.* — Имя карлика взято из итальянской версии романа (Веселовский. С. 153). Сюжетный мотив предсказания — из французской версии (Веселовский. С. 150).

...кто в мыслях Белинды. — История трагической любви Белинды (Bellices) к Тристану взята из компилятивного пересказа Веселовского (Веселовский. С. 150—152).

С. 428. *...семь зрачков ~ в правом четыре и три в левом...* — Неточная цитата из саги «Сватовство Кухулина» (ИС. С. 119, 122).

...ты его подкараулъ и, врасплох ухватя за уши, скажи: «позор на твои уши, проклятие на голову, если меня не возьмешь». — Ср. в саге «Изгнание сыновей Усмеха»: «Она бросилась на него и схватила его за оба уха, говоря: — Позор и насмешка на твои уши, если ты не уведешь меня с собой!» (ИС. С. 72). Ср. также изложение этого эпизода у Веселовского (Веселовский. С. 151).

...в древней повести о короле Конхобаре этим гейсс Дейрдре приворожила Найси. — Отсылка к сюжету саги «Изгнание сыновей Усмеха».

...она ударилась головой о скалу и раскроила себе череп. — Неточная цитата из саги «Изгнание сыновей Усмеха» (ИС. С. 80).

С. 430. *Письмо от Белинды: она просит Тристана вернуть ей меч. ~ Она поцеловала меч и ~ ударила себя в грудь.* — Ср.: «посылает королевна к Тристану: просит прислать ей его меч, чтобы она могла поцеловать его. Получив меч, она проколола себя на месте» (Веселовский. С. 152).

С. 432. *Аггел* — падший ангел, злой дух, Люцифер.

...усадил Тристана в лодку ~ багряный парус — победоносно плыви ~ тот, кто был победоносный Аморольт под черным парусом на корабле поплыл к себе ~ злая весть! — Семантика цвета парусов — из текста Бедье (гл. «Морольд Ирландский»).

С. 432—433. *...фея Син ~ сказала: «В другой стране». ~ Тристана ~ положили в лодку ~ И положила яблоко и серебряную ветку — ее звук — забвение.* — Сюжетный эпизод создан на основе использования мотивов и художественных образов-символов из ирландских саг. Мотив отплытия в «по-

тустороннюю страну» — «другую страну», которая предстает как символ «того света», «царства духов» — сага «Исчезновение Кондли Прекрасного» (ИС. С. 255). «Серебряная ветка», «яблоко» — атрибуты-символы фей, переправляющих героев в страну блаженных, где растут серебряные деревья (саги: «Плавание Брана, сына Фебала» — ИС. С. 265; «Приключения Кормака» — ИС. С. 313).

С. 433. *...впереди лодки две ласточки, скованы цепочкой красного золота...* — Образ восходит к легендарному эпизоду, когда фея Моргана уносит короля Артура в страну блаженных для исцеления.

С. 435. *...вошел Гарнот ~ имена рыцарей — Будас, Кен, Бодемай, Кажен...* — Ср. у Веселовского: «явились три рыцаря „отъ округлаго стола короля Артиуша, именемъ Гарнотъ, Кажынъ и Бэндемагул“ (франц. роман: Gaheriet, Keu, Baudemague)» (Веселовский. С. 158).

Твой меч ~ в руки Кушану... — Ср.: Веселовский. С. 162.

С. 436. *Пикты* — группа племен, составлявших древнее население Шотландии. В середине IX в. были завоеваны скоттами и смешались с ними.

С. 437. *...какая ваша жизнь: распря ~ все по-другому.* — Неточная цитата из саги «Исчезновение Кондлы Прекрасного» (ИС. С. 255).

...спрыгнул в ее стеклянную лодку... — Неточная цитата из саги «Исчезновение Кондлы Прекрасного» (ИС. С. 258).

...из «другой страны» встречено, как с того света. — В представлениях древних кельтов понятие «потусторонняя», «другая страна» означало «тот свет».

...другой племянник Андрет из таких, что надо еще подумать... — Ср.: «Аудрет (Andret, I. c.), другой племянник короля, завидовавший Тристану» (Веселовский. С. 167). В книге Бедье названо четыре злодея-завистника Тристана: Андрет, Генелон, Гондоин, Деноален (гл. «Поиски златовласой красавицы»). Трансформация Андрета в главного, торжествующего в финале, антагониста Тристана — новация Ремизова.

С. 437—438. *...пролетали ласточки и уронили ~ золотой волос...* — Эпизод взят из книги Бедье (гл. «Поиски златовласой красавицы»).

С. 439. *...«Самайн» ~ «день мертвых».* — Ключевой образ-символ одноименной главы. Его символику Ремизов заимствовал из вступительной статьи А. А. Смирнова. Главным ирландским языческим праздником «был *Самайн*, справлявшийся в ночь на 1-е ноября и знаменовавший собой наступление зимы. Жрецы (друиды) разводили священный огонь, и пока он горел, все другие огни в Ирландии должны были быть погашены. <...> В ночь под Самайн разверзались волшебные холмы, и тогда-то обитатели их, *сиды*, вступали чаще всего в общение с людьми. Церковь <...> связала праздник Самайн с христианским „днем всех усопших“» (ИС. С. 41—42).

Ленгизу снится сон ~ и потащил за собой из залы. — Пересказ эпизода из французской версии романа (Веселовский. С. 176).

С. 440. *...подала серебряную фляжку...* — Ср. в белорусской версии: «Снаряжая Ижоту, мать ее отозвала Говорналя и Брагиню и вручила им „фляшу сребреную полну питья“» (Веселовский. С. 176). Ср. также лейтмотив Любовного Напитка в музыкальной драме Вагнера.

Под угрозой расправиться с жертвой и самому погибнуть ~ слова сгорали, и мучило молчать. — Один из сюжетных источников главы «Самайн» — сага «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк» (см. ИС. С. 301—309), в которой

после Самайна фея Син нарочно вызывает бурю, чтобы король Муйрхертах нарушил запрет — произнес слово «буря» — одно из ее сакральных имен. Пытаясь спастись, король залезает в бочку с вином, но в финале гибнет в огне.

С. 440. *...лебединые перья...* — в кельтской мифологии образ-символ божественных сил.

С. 441. *Это я ~ я твоя любовь, Тристан!* — Неточная цитата из саги «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк» (ИС. С. 292—293). В саге это — сакральное полное имя феи Син.

День мертвых ~ моей сестры и моего брата Байле и Айлен. — Отсылка к сюжету саги «Повесть о Байле Доброй Славы».

С. 442. *Он налил две полные чаши ~ В жизни нам вместе не быть и только в смерти неразлучны.* — Текст сцены, когда герои пьют Напиток, текстуально и семантически восходит к музыкальной драме Вагнера. В ней Изольда подносит Тристану чашу с ядом, чтобы умереть вместе. Герой сознательно соглашается выпить напиток Смерти, который служанка подменила на Любовный Напиток. Ср.: Wagner R. Tristan und Isolde. Leipzig, 1907. S. 32.

И руки их сплелись неразрывно. // «Если это называется смерть, пусть она длится вечность!» — Ср.: „Beide Wie sich die Herzen // wogend erheben! // Wie alle Sinne // wonnig erbeben! // Sehnender Minne // schwellendes Blühen, // schmachtender Liebe // seliges Glühen! // Jach in der Brust // jauchzende Lust! // Isolde! Tristan! // Welten-entronnen, // du mir gewonnen! // Du mir einzig bewusst, // höchste Liebeslust!" (Wagner R. Tristan und Isolde. Leipzig, 1907. S. 34—35).

С. 445. *...примостился перед микро...* — от «micro» (фр., сокр., разг.) — микрофон.

«Paris vous parle» (фр.) — «Париж. Говорите» (стандартное обращение телефонистки).

...поминал тесные Иверские ворота ~ снесены в Революцию... — Объективный архаизм Ремизова. Воскресенские ворота Китайгородской стены были возведены в 1680 г. В 1781 г. к ним была пристроена часовня, где находилась чудотворная икона Иверской Божией Матери, отчего ворота получили название Иверские. Разобраны в 1931 г. Воссозданы в 1994—1996 гг.

С. 447. *...свиданья в саду в беседке...* — Эпизод заимствован из кн. Бедье (гл. «Большая сосна»).

С. 448. *Выдав за свой сон, он рассказал Исольде сказку о розе. ~ «кто взял цветок, того и куст».* — Пересказ «Королевского сна» из белорусской версии романа. См.: Веселовский. Приложения. С. 87—88.

С. 451. *Ноздревский задор.* — Аллюзия на сцену игры в шашки Ноздрева и Чичикова в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души») (Т. 1 — 1842).

С. 452. *...в канун Белтене...* — священный праздник друидов, связанный с обрядами посвящения, отмечался 1 мая. См. вступ. статью Смирнова: «И здесь друиды возжигали с заклинаниями священный огонь. Во всей Ирландии в эту ночь прогоняли скот <...> между двух костров <...> Во обоих этих праздников [Белтене и Самайн. — *А. Г.*] происходили гадания» (ИС. С. 42).

С. 454. *«—Я могу из камня сделать овцу» ~ всадники — козлиные головы.* — Неточные цитаты из саги «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк» (ИС. С. 296—298).

С. 455. *«Плавание Тристана и Исольды».* — В целом текст этой главы основан на образах фантастических видений из саги «Плавание Майль-Дуйна».

С. 455. *...лапа собаки с острым лошадиным копытом ~ скакали всадники ~ я хочу белого!* — Неточные цитаты из саги «Плавание Майль-Дуйна» (ИС. С. 332—333).

С. 456. *Остров зовется Плачужный ~ правит островом Ораш Набон...* — Сюжетный эпизод и географические названия — из белорусской версии романа («Плачный» — Веселовский. С. 180; «Ораш» — Веселовский. Приложение. С. 71); имя Набон (Nabon le noire) — из французской версии (Веселовский. С. 197). Ср. также название романа Ремизова «Плачужная канава» (1914—1918).

С. 457. *Правит островом королева Скатах. Все ее подданные скопцы...* — Сюжетный эпизод посещения основа скопцов — из текста-источника: Веселовский. Приложение. С. 103. Имя королевы Скатах — из саги «Плавание Майль-Дуйна». См. примеч. Смирнова: «По первоначальному представлению обитель Скатах — „тот свет“ <...> позже смысл этого был забыт, и <...> область Скатах <...> — просто как некая мрачная сказочная страна» (ИС. С. 351).

Поляница — в русских былинах название женщины-богатырши.

С. 458. *...очнулись во дворе замка ~ Они утолили жажду.* — Неточная цитата из саги «Приключения Кормака в обетованной стране» (ИС. С. 319—320).

...у Дракона Тристан вырвал ядовитый язык... — Отсылка к эпизоду победы Тристана над драконом в кн. Бедье (гл. «Поиски златовласой красавицы»). Этот эпизод отсутствует в белорусской версии (см.: Веселовский. С. 162).

С. 459. *...о скопческой королеве Скатах ни во французской, ни в итальянской редакции ничего нет похожего — а только в русской.* — Неточная цитата из комментария Веселовского. Ср.: «Тристан и его спутники пристают к острову „валашеныхъ“ (евнухов) ~ Сходного эпизода нет ни во французском, ни в италианском текстах» (Веселовский. С. 214).

...пустили слух, будто он проиграл Исольду Паламеду. — Использование сюжетного эпизода текста-источника, присутствующего только в белорусской версии романа (см.: Веселовский. Приложения. С. 91).

В Нанте Тристан женился. Не по-настоящему... — Ремизов следует за данным Веселовским пересказом сходного эпизода французской и итальянской версий романа: «Yseult aus blanches maines, вылечила его рану. Он женится на ней, но брака не совершает» (Веселовский. С. 196).

С. 460. *Брат Исольды Каетан ~ Тристан рассказывал ему о Красной Исольде.* — Неточная цитата из пересказа Веселовского (Веселовский. С. 196).

С. 461. *— Вот ты мне пророчил: Тристан меня погубит.* — Возможно, отражение исторни злого карлика Фросина из книги Бедье (гл. «Карлик Фросин»).

С. 462. *Из Нанта Тристан предпринимал путешествия ~ по Малой Бретани и на острова.* — Отражение различных эпизодов белорусской версии романа (Веселовский. Приложения. С. 9—127).

Тристану Гарнот поверил тайну ~ Сегурандес ~ встретил Тристана копьем. — Сюжет получения последней раны Тристана взят из итальянской версии романа (Веселовский. С. 208); имена героев (Гарнот, Сегурадеж) — в трансформированном виде — из белорусской версии (Веселовский. Приложение. С. 29, 46).

С. 464. *Потом скажут, она обманула Тристана ~ очернила белый парус.* — Полемика с версией Бедье (гл. «Смерть»).

С. 466. *...ирландская повесть о Байле и Айлен.* — Далее глава «Байле и Айлен» — близкий к тексту пересказ саги «Повесть о Байле Доброй Славы». В комментариях А. А. Смирнов указал на ее сходство с легендой о Тристане и Изольде (ИС. С. 276).

С. 468. *Благородная яблонь ~ не понять неразумному слуху.* — Неточная цитата из саги «Повесть о Байле Доброй Славы» (ИС. С. 280).

БОВА КОРОЛЕВИЧ

Впервые опубликовано: Возрождение (Париж). 1956. № 49. С. 43—58; № 50. С. 48—62; № 51. С. 57—66.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Беловой автограф в двух тетрадях под загл. „Сказка о Бове Королевиче. Сказка полная о славном сильном и непобедимом витязе Бове Королевиче и о прекрасной супруге его королевне Дружневне Москва Издание книгопродавца 1880“ — Собр. Резниковых; 2) Черновой автограф — Тетрадь подготовительных материалов (списки действующих лиц, варианты вступления и др.) — Собр. Резниковых; 3) Альбом автоиллюстраций, на 1 л. портрет главного героя и подпись: „Bovo D'Antona // Бова Королевич // 1330 г. (франц.) — 1250 г. (итал.)“, л. 1—21, Б. д. — а) Собр. Т. Уитни (США) — оригинал, б) РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 222. Л. 1—21 — фотокопия; 4) Черновой автограф с правкой под загл. «Бова Королевич», «6.XII.1950» (I редакция — номера редакций указаны автором) — Собр. Резниковых; 5) Черновой автограф с правкой в двух тетра- дях под загл. «Бова Королевич», «8.I.1951» (II редакция) — Собр. Резниковых; 6) Черновой автограф в трех тетрадях под загл. «Бова Королевич», «29.III.1951» (III редакция) — Собр. Резниковых; 7) Беловой автограф с правкой в трех тетрадях, «13.IV.1951» (IV редакция, вар. А) — Собр. Резниковых; 8) Печ. текст — авторизованная машинопись под загл. «Бова Королевич», «1951» (IV редакция, вар. Б) — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Тексты-источники: 1) Пыпин. Очерк. С. 230, 244—249; 2) Гудзий. С. 372—375; 3) Веселовский. С. 229—305; 4) Веселовский. Приложения. С. 129—172; 5) Лубочное издание «Сказка о Бове Королевиче» (М., 1880).

Дата: <1951>.

Начальным этапом работы Ремизова была переписка лубочной сказки. Далее следовало составление списков действующих лиц, выписки из источников. Последующий этап — создание альбома рисунков — «изобразительное освоение» редакций памятника, опубликованных Веселовским. Первая редакция — развернутый пересказ лубочной сказки со счастливым концом, дополненный введением мифологического архетипа сюжета о Бове — мифа об Эдипе. Введен новый сюжетный мотив — Бова — плод тайной любви Милитрисы и Додона. Ориентируясь на исследователей текста, Ремизов считал «народную» сказку позднейшим этапом существования текста. Процесс воссоздания им «легенды в веках» заключался в «очищении» мифологической первоосновы. Во Второй редакции произведение названо «сказом». Оно лишено счастливого сказочного конца, в осмыслении основного конфликта появилась бóльшая многозначность. Происходит дальнейшее сближение сюжета с мифологическим сюжетом о царе Эдипе. Для Третьей редакции характерны распространение текста и дальнейшая актуализация автобиографического плана. Основным конфликтом стало противостояние Бовы и его матери. Четвертая редакция — основной текст, представ-

ленный беловым автографом, публикацией в «Возрождении», НР-Оплешник и изданием 1957 г. По сравнению с Третьей она более краткая. Стяжение произошло за счет развития системы лейтмотивов. Теперь композиция состояла из пяти частей — замкнутых «авантюр» героя. В конце повести Бова, подобно царю Эдипу, узнавал «правду» о совершенном и оставлял царство. Создавая редакции «Бовы», Ремизов последовательно распутывал цепь жанровых трансформаций сюжета, от более поздних этапов его бытования к истокам. Из «веселой сказки» текст превратился в «сказ», затем в «героическую повесть». Введением эпитета «героическая» писатель маркировал преемственность своего произведения с «рыцарским романом» как ранним видом эпического жанра. Подробнее о текстологической истории «Бовы» см.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 231—251.

С. 469. *Имя Бова ~ Сказка была признана выражением народного духа...* — Изложение истории текста у Ремизова — компиляция из текстов-источников: Пыпин. Очерк. С. 244—246; Веселовский. С. 241—245; Гудзий. С. 372—375.

Радищев... — Имеется в виду: Радищев А. Н. Бова. Повесть богатырская (1799—1802<?>).

...а за ним Пушкин (1816)... — Хронологическая ошибка Ремизова. Имеется в виду: Пушкин А. С. «Бова (Отрывок из поэмы)» (1814).

Один из собеседников большой книжник, сказал ~ Другой ~ его дядя историк ~ А третий... — В НР-Оплешник были указаны имена участников беседы, которые затем были убраны из текста: «один из собеседников Б. П. (Маги) Магидович сказал ~ И И. П. Кобеко ~ его дядя Дмитрий Фомич ~ А П. А. Берлин...».

С. *470. Гвидон..* — Это и другие имена героев взяты из сделанной Веселовским сводки имен, имевшихся в разных вариантах повести (см.: Веселовский. С. 287).

Буало-Депрео (Boileau-Despréaux), Никола (1636—1711) — французский критик, поэт, теоретик классицизма, основные теоретические правила которого он сформулировал в поэме-трактате «Поэтическое искусство» (1674).

С. 471. *...самый молодой, любимый Ричард — с него Фукэ напишет своего Сент-Этьена.* — Фуке (Fouqué), Фридрих де ла Мотт (1777—1843) — немецкий писатель-романтик, прославлявший в своих произведениях средневековые идеалы рыцарства. Имя Ричарда в народной форме «Личарда» стало именем нарицательным, обозначающим преданного слугу.

...Брандория, ты слышишь? ~ злая молва — суд народа — назовет тебя позорным именем Милитриса (meretrice). — Ср. у Веселовского: «Интересно обращение некоторых нарицательных имен в собственные и наоборот: эпитет при Блондое — meltris, то есть, meretrix <...> Meltrise = meretrice <...> понято как собственное имя: „а еи было имя *меретрысь*“; сл. далее „курва жона Кгвидонова“, „тая курва маретрыс“, рядом с Блондоей; в позднейших русских текстах Блондоя совсем исчезла, вместо нее *Милитриса*, что ближе к meltris венецианского текста, чем к *меретрыс* познанского» (Веселовский. С. 284—285).

С. 474. *Камка* — шелковая китайская ткань с разводами.

...Гвидон, с подвязанным обезьяньим хвостом... — Образ старого короля носит автобиографический характер. Скандал с обезьяньим хвостом, отрезанным А. Н. Толстым от выделанной шкуры, которая принадлежала жене Федора Сологуба А. Н. Чеботаревской, и надетым Ремизовым на маскарад 1911 г., имел

широкий резонанс в петербургских литературных кругах и остался в сознании писателя болезненным жизненным воспоминанием (подробнее см: Обатнина Е. Р. От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. Ремизова) // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб., 1993. С. 448—465).

С. 475. *Брандория кричала: — Зверины! ~ я беременна. ~ За кабаном будет ему всего ближе Селяравена...* — Ср. в тексте-источнике: «Они остановились в указанном месте, в лугу „от Скларавеня", куда жена посылает Гвидона: она беременна, ей захотелось „зверынного мяса"» (Веселовский. С. 250—251).

...выждать сорочины... — Церковь назначает первые сорок дней со дня смерти для поминовения новопреставленного, находя в том достаточный срок для очищения его души от греха и умилостивления Бога.

С. 476. *Выжлы* — охотничьи собаки.

С. 477. *Додон ~ снится ему ~ это Бова[1] ~ ударило его в грудь и острие пронзило сердце.* — Ср. в тексте-источнике: «В первую ночь Додон ~ видит сон, будто Бово проколол „ему сердцэ и утробу"» (Веселовский. С. 253).

С. 478. *Зоя* — образ заимствован из поэмы Пушкина «Бова»: «Милитрисина служаночка, // Зоя, молодая девица...» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 1962. Т. I. С. 73).

...выжлы кинулись ~ к Бове ~ Бова взял у Зои лепешки ~ выскочили из рук ~ А выжлы ~ с жадностью набросились ~ и перевернувшись на спину, не дыша ~ лапы кверху. — Ср. в тексте-источнике: «Бово, разрезал один хлеб пополам и дает двум „выжламъ" ~ у которых от того „очы повыскакли"» (Веселовский. С. 254).

С. 479. *— Иди, сказала она, а я за тебя.* — Развитие сюжетного мотива поэмы Пушкина: «Из темницы сына выручи, // И сама в жилище мрачное // Сядь на место королевича» (Там же. С. 75).

— Я расколдую кровью: убью отца и мать. — Развитие мотива царя Эдипа.

С. 480. *Ярыжка* — низший служитель полиции, использовавшийся для разных мелких поручений и посылок, часто пьяница и мошенник.

Морнар — древнерусское название «моряк» взято из текста-источника (см.: Веселовский. С. 255). В Первой редакции названа фамилия героя: «старый морнар Микитов». Таким образом, Ремизов ввел в текст упоминание о своем друге — писателе и одно время торговом моряке — И. С. Соколове-Микитове (1892—1975), помогавшему чете Ремизовых в 1917—1921 гг.

С. 481. *...заломил цену ~ триста литров золота — три обезлиона на обезьяньи...* — Ср. в тексте-источнике: «Арменилу Бово говорит, что тот купил его за тридцать литр злота» (Веселовский. С. 262). См. также коммент. к «Повести о двух зверях». С. 289.

С. 482. *Благовещенье* — один из двунадесятых богородичных праздников, посвященный воспоминанию возвещения архангелом Гавриилом Деве Марии тайны воплощения от нее Бога Слова, 25 марта.

С. 483. *...Друзиана ~ увидела, какой на голове его венок ~ В венке вернулась...* — Эпизод основан на тексте-источнике (Веселовский. С. 258—259).

С. 484. *...этот машталер!* — Ср. в тексте-источнике: «был Бово чотыре годы у конюшни служечы маштaлеромъ» (Веселовский. С. 257). Маштaлер (от «masztalerz» (польск.) — конюх, стремянной.

С. 485. *Красен* — красив.

С7 486. *...конь ...Ронделло короля Галацо...* — имена взяты из итальянской версии («Re Galaço ~ Rondelo...») — Веселовский. С. 260.

С. 488—490. *Бова нарядился послом ~ Золотые штаны обратили на себя внимание.* — Пример контаминации двух сюжетных мотивов источника: первой встречи с «пельгрымом» под дубом при посольстве к царю Салтану (Веселовский. С. 264) и второй встречи — в момент приезда Бовы в Задонское царство: «Но как войти в Монбрад в „золотых шатахъ"? Его узнают. Он просит у одного богорадника, стоявшего под дубом ~ поменяться с ним платьем» (Веселовский. С. 267).

С. 490. *Бову переняли на Сенной. Как приговоренному, так и помилованному...* — Модернизация текста. Имеется в виду Сенная площадь в Санкт-Петербурге. До середины XIX в. на этой площади подвергали публичным телесным наказаниям лиц, уличенных в воровстве, грабежах, мошенничестве.

С. 491. *...или «переходи в латинскую веру и уверуй в нашего Бога Ахмета — и я спасу тебя».* — Ср. текст-источник: «а коли оставит бога своего а уверит у Махомета» (Веселовский. Приложения. С. 146).

С. 491—492. *...змеиная башня ~ А была то не белая змея, а меч ~ всякий, кто спускался к нему в башню, был ступенью к его свободе.* — Эпизод взят из текста-источника (Веселовский. С. 265—266).

С. 494. *...зелье ~ забыдущее, кто его размешав с водой или с вином или хоть мало укусит — три дня беспробудно спал.* — Ср.: «...другое зѣлье: хто бы его розмешавши з вином хотя мало укусилъ, три дни ~ не пробуждая ся будеть спал» (Веселовский. С. 267); «чашу забытного питья» (Там же. С. 269).

С. 495. *Отца убьет, мать заживо в гроб заколотит...* — Развитие мотива царя Эдипа.

С. 496. *— Подайте милостыню ради Бовы королевича! — ~ повар ~ ударил Бову сковородкой. ~ Повара Бова не винил...* — Переосмысление эпизода текста-источника. Ср.: «Бова идет на кухню и снова просит „за милость доброго витезя Бова". Один „кухарь" ударил его за то горячей головней, Бово убил его, ударил и другого» (Веселовский. С. 268).

С. 498. *...бесившийся Ронделло стал перед Бовой на колени и вытянув ~ конские губы, поцеловал взмыленным поцелуем.* — Ср.: «И што то вчинил конь добрыи? И всталъ на задние ноги, а передние ноги положыл Бову на плечы и поцаловал усты Бова» (Веселовский. С. 269).

С. 499. *Пуликан с лица по пояс человек ~ его мать благочестивая вдова ~ а отец — пес...* — Ср. в тексте-источнике: «...Пулкан (Pulican) ~ Маеть образъ чоловечыи и руки и перси шыроки, до поеса чоловѣкъ, ано нижеи як пес, от пса и от жоны рожон ест» (Веселовский. С. 270).

С. 501. *...стирка без просушки и без глажения...* — В Четвертой редакции было: «стирка с просушкой и без глаженья», затем исправлено на основной текст.

...город Костер ~ За князя ~ ходил посадский мужик Урил, по простоте переделавшийся в Орла... — Ср. в тексте-источнике: «„имя тому городу Костелъ, а княжати имя Орыл". ~ В русск. тексте Костел = castello стал собственным именем ~ Орыл = Orio» (Веселовский. С. 272).

С. 504. *«Чай, не сглажу ~ не Гвидон. Это Гвидон Пушкина напугал...».* — Возможно, ироническая отсылка к ложному известию о рождении Гвидона в

«Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» А. С. Пушкина (1831): «Родила царица в ночь // Не то сына, не то дочь; // Не мышонка, не лягушку, // А неведому зверушку» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 1963. Т. IV. С. 431).

С. 504. *...помощи ~ против «вора».* — В данном случае совмещение современного значения слова «вор» с древнерусским — «политический преступник».

С. 505. *А проходили теми местами львы. ~ По пояс Пуликан засел во льве ~ и задохнулся.* — Ср. в тексте-источнике: «И увидела Дружненна львы, и они близко к неи идуть, и она мѣла смертныи страх и крикнула всимъ голосом: Помагаи, Пуликане; а он спал под однымъ дубомъ. ~ И пробудил ся Пулкан и видел лвы, а они из шатра вышли; он скочылъ и вдарылъ лва по голове мечом, и он палъ мертвъ на землю; а другии левъ скочылъ къ Пулкану и вдарил его ногтями у перси и пробил зброю и вси ногти у сэрцэ его угрузил, а Пулкан тял лва по голове мечом, и оба в тот час пали мертвы» (Веселовский. Приложения. С. 161—162).

...от его бесчастья. — Ср. название древнерусского памятника «Повесть о Горе-Злочастии».

С. 506. *«В этой жизни умирать не ново ~ не новей».* — Цитата из стих. С. А. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925), неоднократно цитируемого в произведениях Ремизова периода эмиграции.

С. 507. *Дули* — сорт груш.

Симеон Столпник (356—459) — знаменитый христианский аскет, родом киликиец, основатель того вида подвижничества, который называется столпничеством. Более 40 лет он подвизался на столбе, предаваясь непрестанной молитве.

С. 508. *Все бумаги я передал в верные руки ~ моему душеприказчику Константину Ивановичу Солнцеву.* — Речь идет о парижском знакомом Ремизова, бывшем студенте Императорского Археологического института в Петербурге К. И. Солнцеве, который хотел создать в Париже Архив русской эмиграции и которому Ремизов передал для будущего хранилища свой личный архив за 1921—1948 гг. Не уведомляя Ремизова, Солнцев переехал в Америку, захватив с собой его архив (ныне находится в ЦРК АК).

...король-солнце... — прозвание французского короля Людовика XIV (1638—1715), правившего с 1643 г.

С. 510. *...два всадника ~ И только одежда отличала их: Бова в малиновом, Додон в голубом.* — Воспроизведение композиции и цветов раскрашенной лубочной картинки.

Бова и Териз ~ в наряде халдейских магов... — Ср. в тексте-источнике: «Витезь Бово ~ учынили ся с Терызом пелгрымами ~ Мы есмо лѣкары с чужое земли» (Веселовский. Приложения. С. 165).

С. 512. *Синибалда советовал: «сжечь», Териз: «разволочь конями», а Оген: «замуровать между стен, чтобы падал на голову дождь, долбил череп и люто ломила кости».* — Ср. в тексте-источнике: «Свою мать Бово затевает сжечь (русский текст прибавляет: „або коньми волочыти“), но по совету Симбальдо приказывает замуровать между двух стен ~ „нехаи на нее всяка мокрота и студен падаеть, а нехаи ся ее похоть гасит“» (Веселовский. С. 279).

С. 514. *...была скоморошкой.* — Ср. в тексте-источнике: «учинившись „скоморошницою"» (Веселовский. С. 281).

С. 515. *По другому рассказу ~ Мальгирея-Маргарита ~ вышла замуж за Териза.* — Отражение конца венецианской поэмы о Бове (Веселовский. С. 283).

С. 135. *...«князь обезвелволпал».* — Высший титул в придуманном Ремизовым фантастическом обществе Обезьяньей Великой и Вольной Палате.

С. 516. *На картинке ~ справа Бова, слева Друзиана...* — Описание иллюстрации в лубочной сказке о Бове изд. Шарапова.

С. 517. *...и вошел чернец. ~ Твое место...* — Третье появление чернеца — новация Ремизова. Однако ремизовский финал отчасти основан на тексте-источнике: «Кончина Bueve'а не рассказана <...> по старопечатному французскому роману в прозе он умирает отшельником» (Веселовский. С. 232).

С. 518. *Дети Бовы ~ один сделался король Французский, а другой король Английский.* — Отражение финала лубочной сказки. Ср. в Первой редакции: «И началась счастливая жизнь в Антоне: подросли дети, пришла пора учения, и Бова с ними учился, наверстывая свои потерянные на конюшне и тюремные годы. // Слава о Бове прошла весь свет и один сын его Владимир сделался королем французским, а другой — Андрей — королем английским».

О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Впервые опубликовано: Возрождение (Париж), 1955, № 38. С. 30—43.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Черновой автограф — подготовительные материалы к повести — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 21—22; 2) Беловой и черновой автографы: А) Беловой автограф в тетради — список основного текста Первой (старейшей) редакции древнерусской повести, XVI в. (ГИМ, Собр. Хлудова, № 147. Л. 405 об. — 425), по публикации М. О. Скрипиля (С. 225—246) с параллельной записью на соседних листах чернового автографа (см. след. раздел), Б) Черновой автограф (Первая редакция ремизовской повести) под загл. «Феврония I ред<акция>», на обложке — рисунок — портрет главной героини и глаголическая подпись автора, Б. д. — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 12. Л. 1—47; 3) Беловой автограф с правкой в тетради под загл. «Феврония. II-ая редакция», на обложке — рисунок зайца и глаголическая подпись автора, «30.V.1951» (на л. 85) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 12. Л. 49—85; 4) Беловой автограф с правкой в тетради под загл. «Феврония III р<едакция>» (на л. 3), на обложке — рисунок — портрет Ольги и Огненного Змея, более поздние пометы: а) рукой автора: «Алексей Ремизов О Петре и Февронии» (на обложке), б) рукой В. Б. Сосинского: «29 стр<аниц> III редакция V-VI 1951» (на обложке), в) рукой неустановленного лица: «[I] II редакция» (на л. 2) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 1—30; 5) Беловой автограф с правкой в тетради под загл. «Алексей Ремизов // О Петре и Февронии», на обложке — рисунок — портрет Петра и Февронии, глаголическая подпись автора и помета рукой В. Б. Сосинского «IV ред<акция> 51 стр<аница>», «20.IX.1951» (на л. 83), (IV редакция, вар. А) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 31—83; 6) Авторизованная машинопись — НР-Возрождение<?> — Собр. В. Н. Сергеева (Москва), опубл.: ТОДРЛ. Т. XXVI. Л., 1971. С. 164—176 (вступ. статья и публ. Р. П. Дмитриевой).

Тексты-источники: 1) Гудзий. С. 297—302; 2) Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке // ТОДРЛ. Т. VII. М.; Л., 1949. С. 131—167 (Далее цитируется: Скрипиль. Повесть — с указанием страницы) — экз. с пометами Ремизова (Собр. Резниковых); 3) Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. [Тексты] // ТОДРЛ. Т. VII. М.; Л., 1949. С. 215—256 (Далее цитируется: Скрипиль. Тексты — с указанием страницы) — экз. с пометами Ремизова (Собр. Резниковых).

Дата: 1951.

Публикуется по тексту первой публикации с исправлением опечаток по авторизованной машинописи.

Согласно данным Собр. Резниковых, первоначально Ремизов детально изучил статью М. О. Скрипиля и его публикацию текстов Повести по имевшему в его библиотеке тому ТОДРЛ. Это подтверждает аналитические выводы Р. П. Дмитриевой о знакомстве писателя с этими научными материалами (см.: Дмитриева. С. 157). Затем Ремизов переписал древнерусский источник — основной текст Первой (старейшей) редакции повести (опубл. Скрипилем — С. 225—246). Параллельно древнерусскому тексту на другой странице развернутого листа той же тетради Ремизов написал текст своей Первой редакции. Это — частично почти дословный пересказ, частично — творческая переработка. Основная задача Первой редакции — беллетризация сюжета источника и вычленение концептуального ядра, скрепляющего две части древнерусской повести (сюжет о «змееборце» и сюжет о «мудрой деве») в единое целое. Вторая (пространная) редакция — дальнейший этап осмысления старинной легенды, основанный на анализе приведенных Скрипилем вариантов народной легенды о Петре и Февронии. Писатель и учитывал, и опровергал мнение ученого о параллельной созданию повести трансформации сказочного сюжета в местную топографическую легенду. Ремизов «раскрыл» мифологическую первооснову второй части легенды, изменив образ «мудрой девы» на более архаичный образ «колдуньи». Вторая редакция — легенда о союзе человека и волшебного существа. Композиционная стройность была достигнута зеркальным соотношением двух частей: историй любви Офроси и огненного Змия, Петра и колдуньи Февронии. Третья редакция — переходная. Она наиболее близка психологической прозе нового вре́мени и максимально удалена от древнерусского источника. Четвертая редакция — повесть, творимая автором-сказочником: Алексеем — Лаской. Все ее эпизоды имеют иносказательное значение, являясь составными элементами притчи. Писатель «возвратил» характерам Петра и Февронии классические черты христианских праведников (кротость, смирение, тихость). Художественный язык евангельских притч стал для Ремизова «ключом» к пониманию древнерусской повести, как повести-притчи о высшей христианской Любви. Подобное истолкование было заложено в источнике, так это интерпретировал и Ремизов. Подробнее о текстологической истории «Повести» см.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 276—294.

С. 521. *...как плыть из Болгар с Волги...* — Болгар (Булгар) — средневековый город, существовал в X—XV вв. в 5 км от левого берега Волги, ниже устья реки Камы. В X—XI вв. — столица государства Булгарии Волжско-Камской. В 1236 г. Болгар был разорен и сожжен монголо-татарами.

Собор Рождества Богородицы — главный муромский храм, был расположен

в кремле на Воеводской горе. Мощи св. Петра и Февронии находились в пределе, посвященном Петру и Павлу. До настоящего времени храм не сохранился.

С. 521. *...женский монастырь Воздвижение...* — «Никаких документальных известий о существовании муромского Крестовоздвиженского монастыря не сохранилось» (Дмитриева Р. П. Комментарий к «Повести о Петре и Февронии Муромских» / Памятники литературы Древней Руси. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 765).

К его жене Ольге прилетает огненный летучий Змей. — См. письмо Ремизова к Н. Кодрянской от 6 июля 1951 г.: «...отделываю „Февронию", там явление „огненного Змея", известное в сказках, а в медицине не значится: мое исступленное вызывает в моих мыслях образ и я его вижу рядом с собой, но не только я вижу, а и другие со стороны. // Ясно ли у меня выходит, спросить некого» (Кодрянская. Письма. С. 186). Ср. в тексте-источнике: «Это — огненный, летающий по небу <...> змей» (Скрипиль. Повесть. С. 141).

...мутный сон... — Реминисценция из «Слова о полку Игореве» («Святъславъ мутенъ сонъ видѣ в Кіевѣ на горахъ»).

С. 522. *...огненный змей, известно, прилетает ко вдовам...* — Ср. отмеченный Ремизовым текст Скрипиля: «Образ огненного летающего змея, быстро мелькающего в небе и искрами рассыпающегося по землю во время падения, весьма часто встречается в русских народных рассказах, сказках, преданиях и заговорах. Народная фантазия связывает его появление, а особенно падение в определенном месте, с человеческим счастьем или горем» (Скрипиль. Повесть. С. 142).

Красная Горка — первое воскресенье после Великого Поста.

...был у нее на Святой... — Пасхальная неделя обычно называется Святой.

Таким представится Нестерову Радонежский отрок в березовом лесу под свежей веткой... — Имеется в виду картина М. В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» (1889). Варфоломей — мирское имя св. преподобного Сергия Радонежского (1314, по др. данным: 1319—1392).

С. 524. *...канун Рождества Богородицы...* — Праздник Рождества Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, 8 сентября. Речь идет о кануне праздника, т. е. о 7 сентября.

...от Петрова плеча // Агрикова меча. — См. у М. О. Скрипиля: «Формула „смерть моя есть от Петрова плеча, и от Агрикова меча" тоже не что иное, как перифраза формулы, хорошо известной в народной поэзии» (Скрипиль. Повесть. С. 616). Там же — источник ремизовских сведений о сокрытом агриковом мече (С. 161—162).

С. 525. *На Петра и Павла именины...* — Память Святых славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла, 29 июня.

Жили они в честь прославленным в русской земле братьям Борису и Глебу. — Имеются в виду первые в сонме святых русской церкви св. мученики, русские князья Борис и Глеб — младшие сыновья великого князя Владимира, убиенные в 1015 г. О их прекрасных душевных качествах и благочестивой жизни рассказывается в «Чтении о житии и о погублении блаженную стратотерьпицу Бориса и Глеба» Нестора (к. XI—нач. XII в.).

С. 529. *...за столом сидит девка — ткет полотно, а перед ней скачет заяц.* — «Бытовая», на первый взгляд, сцена текста-источника является сложной

развернутой метафорой, в которой соединен ряд существенных христианских образов-символов. Во-первых, осмысление работы Февроньи. Ср: «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов. ~ Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено» (Прит. 31: 10, 19). Во-вторых, символика образа «зайца»: «Лежащий у ног Девы Марии заяц или кролик означает победу над вожделением» (Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1997. С. 243).

С. 529. *Навы* — мертвецы.

Бортник — пасечник, пчельник.

С. 530. *Волхв* — колдун, волшебник.

С. 535. — *В законе сказано: кто отпустит жену, не уличив в прелюбодействе, а сам возьмет другую, прелюбодействует.* — Ср. ответ Христа фарисеям, искушавшим его вопросами о браке: «кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, *тот* прелюбодействует» (Мф. 19; 9).

С. 537. *...неразлучная любовь — Тристан и Изольда...* — Повесть «О Петре и Февронии Муромских» писалась Ремизовым параллельно с «Тристаном и Исольдой». Ср. также письмо Ремизова Кодрянской от 21 сентября 1951 г.: «Кончил IV редакцию о Петре и Февронии Муромских (1228). Тема — неразлучная любовь» (Кодрянская. Письма. С. 200).

...запишут, как о счастливом годе ~ канун Батыя. — Начало нашествия хана Батыя (ок. 1207—1256) на Русь — 1237 г.

С. 538. *25 июня* — память благоверного князя Петра, во иноцех Давида, и княгини Февронии, во инокинех Евфросинии, Муромских чудотворцев (1228).

...весть ~ о неразлучной любви, человеческой волей нерасторжимой. — Ср. в Евангелии слова Христа: «Оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью. Так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19; 5—6). Ср. также финал повести Ремизова «Тристан и Исольда».

ГРИГОРИЙ И КСЕНИЯ

Впервые опубликовано: Возрождение (Париж), 1958, № 73, Янв. С. 40—48. Текст сопровожден редакционным примечанием: «Этот рассказ был передан редакции незадолго до смерти А. М. Ремизова. Его желанием было увидеть „Григория и Ксению“ напечатанными в рождественском номере „Возрождения“. К сожалению, А. М. Ремизову не суждено было дожить до этого дня. Но мы исполняем волю покойного писателя» (С. 48).

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Черновой автограф в тетради с частичной расшифровкой рукописи рукой Н. В. Резниковой и В. Н. Унковского, без названия, «12.I.1955», с приложением недатированных отдельных листов с вариантами вступления (I редакция) — Собр. Резниковых; 2) Беловой автограф рукой Н. В. Резниковой с правкой рукой Ремизова и Унковского, без названия, Б. д. (II редакция, вар. А) — Собр. Резниковых; 3) Беловой автограф рукой Н. В. Резниковой с правкой рукой Ремизова и Унковского, без названия, Б. д. (II редакция, вар. Б) — Собр. Резниковых; 4) Беловой автограф рукой Н. В. Резниковой с незначительной правкой рукой Ремизова под загл. «Григорий и Ксения», Б. д. (III редакция, вар. А) — Собр. Резниковых; 5) Печ. текст —

авторизованная машинопись, Б. д. (III редакция, вар. Б) — НР-Возрождение (2-й экз.) — Собр. Резниковых.

Тексты-источники: 1) Гудзий. С. 428—429; 2) «О зачатии во граде Тфери Отроча монастыря» (список сер. XVIII в., ГИМ, № 2563) // Хрестоматия по древней русской литературе. Сост. Гудзий Н. К. М., 1952. 5-е изд. С. 440—448.

Дата: <I.1955—IX.1957>.

Публикуется по тексту первой публикации с исправлением опечаток по вар. А и вар. Б Третьей редакции.

С начала работы Ремизова над текстом «Григория и Ксении» задачей писателя было осмысление древнерусского текста как произведения о возникновении одного из святых мест Русской земли. Одной из основ идейно-художественной концепции «Григория и Ксении» стала тема судьбы. В авторском истолковании этой темы были использованы представления о Божественном Промысле, античном Роке и древнеславянские мифологические представления о судьбе-доле. Первая редакция — сказовое повествование о разлученной любви, по жанру тяготеющее к христианской притче. Ее главное отличие от текста-источника — бóльшее внимание к теме любви Григория и Ксении. Вторая редакция (переходная) — автограф рукой Н. В. Резниковой, так как по мере работы над повестью слепота писателя усиливалась. Жанр произведения был изменен. На жанр повести-притчи наслоились элементы жанра трагедии (хоры). В Третьей редакции идейная концепция обрела адекватную художественную форму. Полифоническая повествовательная структура текста соединила в себе лирические отступления автора, голос «Хора» — судиц, сказовое сюжетное повествование и внутреннюю речь героев. В произведении о разлученной любви тема создания Святого места трактована как тема осознанной жертвы — свободного приятия героями воли Провидения.

С. 541. *Есть на земле другая земля ~ места заколдованные...* — В Первой редакции вступление имело название: «Святые места», во Второй — «Святое место».

Светящиеся уголки земли не случайны. Без жертвы не покажутся ~ Прообраз — Голгофа. — На формирование идейной концепции повести повлияло прочитанное слепнущему Ремизову ученое исследование «о похождении игумена Даниила по Святой Земле — XII в.» (Кодрянская. Письма. С. 374). Имеется в виду статья В. В. Данилова «К характеристике „Хождения“ игумена Даниила» (ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. X. С. 93—105). Ее текст находится в составе книги с пометами, сделанными по указаниям писателя, в составе парижской библиотеки Ремизова. Дополнительные сведения о идейной концепции «Хождения» писатель нашел в учебнике Гудзия, где в концентрированном виде выражена идея древнерусского памятника о телеологической обусловленности появления «святого места», о значении Жертвы для грядущего Преображения мира. Подробнее о текстологической истории повести см.: Алексей Ремизов и древнерусская литература. С. 294—310.

— *Творят волю судьбы ~ Судицы...* — Ср. представления о судьбе и ее влиянии на жизнь и смерть в древнеславянской мифологии в кн. Афанасьева. Судьба и «конец жизни человеческой определяется судицами» — тремя девами — славянскими аналогами норн, парок (См.: Афанасьев III. С. 373).

Судицы ~ даром любви соединяют человека с человеком — «суженый» и «суженая» — Ср.: «Супружеский союз, со всеми его <...> последствиями, не

зависит от произвола и расчетов человека, а уж наперед определяется божественной волей: „кому на ком жениться, тот в того и родится“, „всякая невеста для своего жениха родится“. Приговоры судьбы в этом отношении также неотвратимы, как и сама смерть» (Афанасьев III. С. 373).

С. 542. *Ярослав Ярославич* (1230?—1271?) — великий князь тверской (с 1247 г.), великий князь владимирский (с 1263 г.), основатель династии тверских князей.

Неврюй, хан — татарский военачальник, в 1252 г. вторгшийся со своим войском в суздальскую землю. Татары взяли Переяславль, захватили пленных, в числе которых была семья князя Ярослава Ярославича.

Пономарь — низший церковнослужитель, главной обязанностью которого была звонить в колокол, участвовать в клиросном пении и прислуживать при богослужении.

...по дочери Ксении... — Имя Ксении носила дочь боярина Юрия Михайловича, вторая жена князя Ярослава Ярославовича (ум. 1312).

С. 544. *Дружка* — второй свадебный чин со стороны жениха, мóлодец, знающий весь обряд и распоряжающийся на свадьбе.

С. 545. *«Встаньте, идите встречать великого князя ~ Дай место великому князю, моему жениху...»* — Неточное цитирование текста-источника, ориентированного на текст Евангельской притчи о десяти девах — пяти неразумных и пяти мудрых, вышедших встречать Жениха (Мф. 25; 1—13).

С. 546. *Руки его окованы ~ И чья-то верная рука ударила ножом в грудь.* — Видение Григория основано на тексте сообщения Софийской Первой летописи за лето 6827 (1319) «Убиение князя великого Михаила Ярославича Тферьского, в ордѣ отъ царя Озбяка»: «Убійци же яко дивіи звѣріе, немилостиви кровопивци, <...> обрѣтоша его стояща, и тако похватиша его за древо еже бѣ на выи его, и удариша имъ силно, възломиша и на стѣну, и проломися вежа; онъ же въскочи, и так мнози емше и повергоша его на земли, и біяхуть пятами емше и повергоша его на земли, и біяхуть пятами нещадно. И се единъ отъ беззаконныхъ, именемъ Романецъ, извлекъ великый ножь и удари въ ребра святаго въ десную страну, и обраша ножь сѣмо и овамо, и отрѣза честное сердце его» (ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 214).

С. 548. *Церковь Михаила Архангела в Твери.* — По предположению исследовательницы древнерусского источника С. А. Семячко, возможно, имеется в виду Михаило-Архангельский монастырь на берегу Волги (упоминается с XV в., упразднен в XVII в). См.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 618.

С. 550. *О Тебе радуется, Обрадованная, // всякая тварь, слава Тебе.* — Начало и заключение песнопения Литургии Василия Великого (совершается только 10 раз в году), прославляющего Божию Матерь. В тексте Литургии: «О Тебе радуется, БЛАГОДАТНАЯ, всякая тварь». «Слава Тебе» — заключительные слова песнопения.

...он увидел во сне Богородицу ~ она была не Владимирская, не Боголюбская... — Имеется в виду знаменитая чудотворная икона «Богоматерь Владимирская», по преданию, написанная евангелистом Лукой. В половине V в. она была принесена из Иерусалима в Константинополь, в половине XII в. прислана в Киев великому князю Юрию Владимировичу Долгорукому. В 1115 г. князь Андрей Юрьевич повез ее на север. У берега Клязьмы он во сне получил повеление

поставить икону во Владимире. Князь назвал это место «Боголюбивым», создал там две церкви, в одной из которых поставил св. икону. Впоследствии на этом месте был основан город Боголюбово. В 1160 г. икона была перенесена во Владимир и с того времени стала называться «Владимирской». В 1395 г. перенесена в Москву, где находилась в Московском Успенском соборе. Считается одной из главных русских святынь. В настоящее время находится в Государственной Третьяковской галерее.

С. 550. *В честь Успения...* — Имеется в виду двунадесятый праздник — Успение Пресвятой Богородицы, 15 августа.

С. 551—552. *У Ярослава родился сын ~ Судьба ~ Михаила Тверского ~ прикончили татары ~ убийца Романец выхватил нож ~ и вырезал сердце.* — Концовка повести семантически и текстуально параллельна эпизоду видения Григория. Ср. первый вар. финала Второй редакции: «Судьба ее сына Михаила Тверского горькая участь: его задавила Москва, а прикончили татары. Над Михаилом совершится то, что было совершено с Григорием».

С. 552. *Ксению встретит Григорий и они узнают друг друга.* — Полемика с философской концепцией стих. М. Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841). Ср. его финальную строку: «Но в мире новом друг друга они не узнали» (Лермонтов М. Ю. Собр. соч. В 4 т. М., 1964. Т. 1. С. 118).

КРУГ СЧАСТИЯ

Книга о царе Соломоне

Впервые опубликовано: Алексей Ремизов. Круг счастия. Легенды о царе Соломоне. Париж. Оплешник. 1957. 73 с.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Подготовительные материалы под загл. «Царь Соломон», Б. д. — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 35. 23 л.; 2) Черновые наброски под загл. «Царь Соломон», «1948» — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 35. 2 л.; 3) Беловой автограф с иллюстрациями — лицевой кодекс под загл. «Круг счастия. Книга о царе Соломоне», на л. 24 дата: «3.IX.1948», на л. 22 дата: «4.IX.1948» — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. I. Ед. хр. 32. 24 л.; 4) Печ. текст — а) газ. и журн. вырезки, машинопись с авторской правкой, <1950-е> — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 39. 61 л.; б) газ. и журн. вырезки, машинопись с авторской правкой под загл. «Круг счастия. Книга о царе Соломоне», <1950-е> — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Дата: <1948—1957>.

Публикуется по изданию 1957 г. с исправлением опечаток (включая название книги) по НР-Оплешник.

«Круг счастия. Книга о царе Соломоне» была задумана как книга-притча, спроецированная на жизнь ее автора — Ремизова. Название восходит к популярному в конце XIX—начале XX в. народному изданию «Полный новый оракул-предсказатель, удачно предсказывающий будущее по предложенным вопросам, с присовокуплением легчайшего способа гадать и отгадывать на кофе и бобах, и гадательный круг царя Соломона». Совокупность сказок и легенд, рассказывавших о жизни библейского мудреца — от рождения, воцарения, женитьбы, свершения главного дела — строительства Храма и до печального конца вдали от Родины, на чужой земле, — действительно, была притчей о

коловращении его «счастия» — судьбы. Интерес к личности царя Соломона возник у Ремизова еще в 1910-е гг., но только в 1948 г. (в момент подведения жизненных итогов) писатель собрал воедино разновременные тексты и смонтировал их в единую книгу. Именно 1948-м г. датируется иллюстрированная рукопись «Круг счастия. Книга о царе Соломоне». См. ее описание и анализ: Грачева А. М. «Круг счастия» — лицевой кодекс Алексея Ремизова // Сб.: Рисунки писателей. СПб., 2000. С. 200—227. В 1956 г. Ремизову удалось частично опубликовать книгу в НРС, но целиком она была издана только в 1957 г. Тогда же книга была дополнена разделом «Суды царя Соломона» и библиографией. Н. В. Резникова в письме к С. П. Постникову от 30 января 1958 г. — фактически посмертном очерке о судьбе Ремизова, сообщала: «„Круг счастия“ (Перстень Соломона) — это последняя книга А. М., выпущенная в „Оплешнике“ на средства, собранные его друзьями к его 80-летнему юбилею. В конце этой книги напечатана полная библиография А. М.» (Собр. Резниковых). В том же письме Резникова повторила первоначальный вариант названия книги: «„Круг счастия. (Перстень Соломона)“ 1957» (Там же).

С. 556. *...«амплифицируя» и «интерполируя»... — Амплификация* — стилистическая фигура ораторской речи и художественной литературы, обозначающая использование однородных элементов речи (синонимов, сравнений и т. д.) для усиления выразительности. *Интерполяция* — вставка позднейшего происхождения в каком-либо тексте, не принадлежащая оригиналу.

Во вступлении к книге Ремизов возвратился к принципиальному для него обоснованию своего метода творчества «по материалу», изложенному им еще в 1909 г. после обвинения его в плагиате за обработки русских народных сказок. См.: Ремизов А. Письмо в редакцию // Золотое Руно. 1909. № 7—9. С. 145—148.

ЦАРЬ СОЛОМОН

Впервые опубликовано: Русское слово, 1911, № 297. 25 декабря (7 января 1912). С. 6, в цикле «Золотые легенды» вместе с «Кузьма и Демьян» (I), «Лигостай страшный» (II) под номером «III».

Прижизненные публикации: Альм. «Велес». Пг., 1912—1913; Шиповник 7; Доку́ка и балагурье; Сказки русского народа; НРС, 1955, № 15499, 4 дек.; Круг счастия.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Беловой автограф с иллюстрациями — лицевой кодекс под общ. загл. «Круг счастия. Книга о царе Соломоне», загл. «Царь Соломон», на л. 24 дата: «3.IX.1948», на л. 22 дата: «4.IX.1948» — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. I. Ед. хр. 32. Л. 4—5 об.; 2) Печ. тексты — а) газ. вырезка из «Русского слова», дата-автограф: «1911» — ИРЛИ. Ф. 79; б) газ. вырезка с авторской правкой, <1950-е> — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 39; в) газ. вырезка с авторской правкой, <1950-е> — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Тексты-источники: Ончуков. № 46. «Сын Давыда — Соло́ман».

Дата: 1911.

Текст Ремизова — близкий к источнику пересказ с большим количеством точных цитат, с устранением диалектизмов и просторечия. Ср. источник: «Соломон в брюхе (давыдовой жены) и говорит: „Блядь по бляди и клобук кроют“»

(С. 124). Текст Ремизова: «А царь Соломон во чреве царицы и говорит: „Плёха по плёхе и клобук кроет“» (С. 7).

С. 557. *Версавия* — написание имени царицы унифицировано Ремизовым во всей книге по его написанию в древнерусском источнике (ПСРЛ III. С. 63).

С. 561. *...попутной пособны...* — попутного ветра.

ПРЕМУДРЫЙ ЦАРЬ СОЛОМОН И КРАСНЫЙ ЦАРЬ ПОР

Впервые опубликовано: Речь, 1916, № 355. 25 декабря. С. 6, под загл. «Царь Соломон (Отреченная повесть)».

Прижизненные публикации: Трава-мурава; НРС, 1955, № 15506, 11 дек., № 15513, 18 дек.; Круг счастия.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Беловой автограф с иллюстрациями — лицевой кодекс под общ. загл. «Круг счастия. Книга о царе Соломоне», загл. «Премудрый царь Соломон и красный царь Пор», на л. 24 дата: «3.IX.1948», на л. 22 дата: «4.IX.1948» — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. I. Ед. хр. 32. Л. 6—12 об.; 2) Печ. тексты — а) газ. вырезка с авторской правкой, <1950-е> — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 39; б) газ. вырезка с авторской правкой <1950-е> — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Тексты-источники: I: «Повести о царе Соломоне»: 1) Повесть царя Давида и сына его царя Соломона премудрого (по рукописи I пол. XVIII в., принадл. Е. Д. Филимонову // ЛРЛД IV. С. 112—121; 2) <Повесть царя Давида и сына его царя Соломона премудрого> (по рукописи нач. XVIII в., принадл. И. Е. Забелину) // Там же. С. 121—147; 3) Повесть о прекрасном и наличном царе и о Соломоне (по рукописи XVII в., принадл. С. Б.) // Там же. С. 147—153. II: Александрия Первой редакции // Истрин В. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 58—84 [сведения об индийских землях и царе Поре].

Дата: 1916.

Ремизов сконтаминировал три источника, модернизировав повествование. Из источника № 1) взяты только отдельные цитаты. Основным является источник № 2). Сначала повествование почти дословно, до использования точных цитат, следует этому источнику. Начиная с истории женитьбы царя Соломона, Ремизов переходит к использованию источника № 3), хотя предыстория мести царя Пора Соломону взята из источника № 2).

С. 562. *Премудрый царь Соломон и красный царь Пор.* — Ср. «Повесть о прекрасном и наличном царе и о Соломоне» (текст-источник № 3).

С. 563. *Черленое* — ярко-малиновое, багряное.

С. 564. *Пащенок* (бран.) — молокосос, щенок.

С. 565. *«Не убивай меня, ~ ты возьми вместо меня Ритку, заколи, вынь сердце, испеки, снеси моей матери» ~ и готово отлетела ~ невиноватая душа — и только на ноже след жизни...* — Характерный для Ремизова пример психологизации текста-источника. Ср.: «Поиди, боярин! Возьми пса играющих с сукою и заколи его и вынь из него сердце и испеки и принеси матери моей» (№ 2). С. 125).

С. 568. *«Дуня — попадья, Соня — губернаторша».* — Ср. в тексте-источнике: «Большая дочь будет попадья, средняя дочь будет боярыня» (№ 2). С. 128).

С. 570. *Гурьевская каша* — запеченная сладкая манная каша, подаваемая вместе со сливочными пенками, тертым миндалем и сухофруктами.

С. 573. *...псоглавец...* — представитель фантастического народа, населявшего Индию согласно сведениям, приведенным в «Александрии».

С. 574. *«Что рождено, помрет».* — Ср. в тексте-источнике: «От скота и до человека что не родится, то и не умрет» (№ 3). С. 149).

С. 577. *...царский кузнец Вакула.* — Имя героя взято из повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1832).

«Красный царь, горька твоя смерть!» ~ «Премудрый царь Соломон, жизнь на земле еще горше». — Ремизов переосмысливает финал источника, трактованный как справедливое наказание царя Пора за нарушение Божьих заповедей (царь Пор «рече: „Горка ми смерть“ — № 3). С. 152). У Ремизова конец истории — парадоксальный обмен репликами в стиле библейской книги «Экклесиаст».

ТЯ́БЕНЬ

Впервые опубликовано: Воля России (Прага), 1927, № 8/9. С. 3—11, в цикле «Две легенды», под загл. «1. Тябень (якутская)».

Прижизненные публикации: НРС. 1955, № 15520, 25 дек.; Круг счастия.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Беловой автограф под загл. «Тябень», «1927» — ЦРК АК. Кор. 12. Папка. 36. 8 л.; 2) Беловой автограф, отрывок под загл. «Тябень», <1940-е> — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 37; 3) Беловой автограф с иллюстрациями — лицевой кодекс под общ. загл. «Круг счастия. Книга о царе Соломоне», загл. «Тябень», на л. 24 дата: «3.IX.1948», на л. 22 дата: «4.IX.1948» — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. I. Ед. хр. 32. Л. 13—16; 4) Печ. тексты — а) авторизованная машинопись под загл. «Тябень», «1929» — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 36. 11 лл.; б) журн. вырезка с авторской правкой, <1950-е> — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 39; в) журн. вырезка с авторской правкой <1950-е> — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Текст-источник: Потанин Г. И. Сага о Соломоне. Томск, 1912. С. 167—170.

Дата: <1927?>.

С. 578. *Спецы* (советск. сокращ.) — специалисты. Название применялось к инженерным работникам.

...в смокингах «красной свитки» — Аллюзия на наряд черта в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» (1829—1830).

Китоврас ~ указал способ тесать камни «шамиром». — См. коммент. к «Соломон и Китоврас». С. 770 наст. изд.

...«вареники Пацюка»... — запорожец Пацюк — персонаж повести Гоголя «Ночь перед Рождеством», связанный с нечистой силой и при помощи волшебства заставлявший вареники перелетать из миски к себе в рот.

Гаргантуа (Гаргантюа) — великан и обжора, герой романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533—1552).

С. 579. *Сочельник* — навечерие Рождества Христова, 24 декабря.

...к святому вечеру небо очистилось — Диккенсовы звезды. — Аллюзия на образность и настроение «рождественских» рассказов Ч. Диккенса, таких, как «Рождественская песнь в прозе» (1843), «Колокола» (1845) и др.

Вейнахтсбаум (от нем. «Weihnachtsbaum») — украшенное рождественское дерево.

Кутья — на Сочельник готовилось специальное кушанье из вареных зерен пшеницы и ячменя.

С. 580. *Царь Соломон ~ В одной руке ложка, в другой весы. ~ «Я взвешиваю все то, что ем и потом все, что откладываю на землю».* — Близкая к тексту цитата из источника (С. 168).

Аристотель Стагирит (384/383—322/321 до Р. X.) — знаменитый древнегреческий философ, в Древней Руси пользовался огромной популярностью. *Маймонид* (1135—1204) — еврейский философ, врач и теолог, в своих трудах опирался на постулаты философии Аристотеля.

Перстень на его пальце... — Имеется в виду знаменитое кольцо царя Соломона, дающее ему власть над демонами. О его происхождении см. в апокрифическом «Завещании Соломона»: «По молитве Соломона, Господь посылает ему с архангелом Михаилом чудодейственный перстень, который должен подчинить ему всех демонов: с их помощью он перестроит Иерусалим и создаст храм Господень» (Веселовский. Славянские сказания. С. 134). См. также сюжет «Соломона и Китовраса».

С. 581—584. *На ~ столе лежала ~ «Можешь ли, Унис, влезть в эту сумку?» ~ и бесов нет, на дне в Иордани...* — Пересказ сюжетного эпизода источника (С. 169).

С. 581. *Иордан* — знаменитая библейская река, протекающая вдоль всей Палестины. В водах Иордана вблизи Вифавары Иисус Христос принял крещение от руки Иоанна Крестителя.

...с вашими обезьяньими хвостами. — См. коммент. к «Бове Королевичу» (С. 754—755 наст. изд.).

Царь Соломон позвонил ~ царский кузнец Вакула принес засмоленную бочку... — Сюжет утопления бесов Вакулой в ночь накануне Рождества, во-первых, восходит к источнику (С. 169); во-вторых, спроецирован на сюжет повести Гоголя «Ночь перед Рождеством», в которой кузнец Вакула уносит из дома мешки с поклонниками Солохи.

Соломонова печать — представляла из себя два налегающих друг на друга треугольника. Согласно легенде, давала своему владельцу волшебную силу заклинания и подчинения себе демонов.

С. 583. *Эскамотер* (от фр. escamoteur) — фокусник, шулер.

Алатырник — пройдоха.

Черт голландский — идиоматическое бранное выражение, в котором слово «черт» заменяет нецензурное слово, в системе иносказаний Ремизова выражавшееся словами «хобот», «хвост».

С. 584—585. *...зовет царь Соломон своего горбатого тябня ~ грохнулся царь Соломон на землю.* — Изложение сюжетного эпизода источника: «Сделавшись царем, Соломон стал удивлять народ своею мудростью. Для его ума не существовало тайны на земле. Но ему хотелось знать также, что есть на небе. Он сел на животное *тябень* (верблюд) и полетел вверх. Он долетел только до третьего неба, но его повернули назад, так как смертный дальше этого подняться не может» (С. 169).

СОЛОМОН И КИТОВРАС

Впервые опубликовано: Последние новости (Париж), 1931, № 3679, 19 апр. С. 3, под загл. «Соломон и Сфинкс», «1930».

Прижизненные издания: НРС, 1956, № 15541, 15 янв., под загл. «Соломон и Китоврас»; Круг счастия.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Черновые и беловые

автографы, планы, <1910—1930> — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 38. 54 лл.; 2) Беловой автограф под загл. «Китоврас», «Соломон и Китоврас», «1922», — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 38. 38 л.; 3) Беловой автограф с иллюстрациями — лицевой кодекс под общ. загл. «Круг счастия. Книга о царе Соломоне», загл. «Соломон и Китоврас», на л. 24 дата: «3.IX.1948», на л. 22 дата: «4.IX.1948» — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. I. Ед. хр. 32. Л. 16—21; 3) Печ. тексты — а) газ. вырезка с авторской правкой, <1950-е> — ЦРК АК. Кор. 12. Папка 39; б) газ. вырезка с авторской правкой, <1950-е> — НР-Оплешник — Собр. Резниковых.

Тексты-источники: 1) Веселовский. Славянские сказания. 350 с.; 2) Повѣсть о Китоврасѣ / ПОРЛ III. С. 51—52.

Дата: 1930.

Хронологически истоки творческого интереса писателя к истории царя Соломона и демона Китовраса относятся к середине 1910-х гг. В 1912 г. Ремизов планировал вместе с А. А. Блоком написать драматическое произведение — «русалию», основой которой должна была быть древнерусская «Повесть о Китоврасе». Совместный замысел не был осуществлен. К 1910-м гг. относятся ремизовские планы «русалии» на эту тему, цель которых — попытки найти эстетический баланс между «эпическим» содержанием и «драматическим» сюжетом. Дальнейший этап — создание легенды, тяготеющей к новелле. Но это привело к исчезновению драматической (трагической) основы сюжета. Задача актуализировать эзотерическое толкование исходного сюжета в контексте событий революции 1917 г. привело Ремизова к созданию мистерии «Соломон и Китоврас». На этом этапе работы писатель прибавил к сюжету древнерусской переводной повести сюжет легенды о строительстве Соломонова Храма и судьбе Хирама. В пьесе представлены два царства (Соломона и обернувшегося им Китовраса). Царство Соломона — государство, основанное на «законе» и рациональной «мудрости». Царство «Соломона» (Китовраса) — эксперимент по созданию свободного «нового мира». В финале царство Китовраса сгорало в огне, как мир обреченной утопии. В 1930 г. писатель вновь вернулся к старому сюжету, осмыслив его сквозь призму своего опыта лет революции и эмиграции. Ремизов вновь изменил жанр, вернувшись к форме легенды. От мистерии в «Соломоне и Сфинксе» остались рудименты «хоров», мотивы пролетарских песен и присутствующие в образе Хирама = Адонирама автобиографические черты эмигранта Ремизова. Подробнее о текстологической истории см.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 144—163. См. публикацию текста мистерии «Соломон и Китоврас»: Грачева А. М. О невоплощенном драматургическом замысле А. Ремизова и А. Блока («Соломон и Китоврас»). Приложение // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 161—178.

С. 585. — — *тогда наступило время спросить...* — Здесь и далее близкий к тексту, включающий в себя прямые цитаты пересказ источника № 1).

Китоврас. — Ср. в тексте-источнике: «В рукописном алфавите XVIII века *Китоврас* истолкован словами: *Кентавр* или *онокентавр;* в рукописном подлиннике гр. Уварова <...>: „*Онокентавр* здѣсь Китоврасъ, иже отъ главы яко человѣкъ, а отъ ногъ аки осел“» (Веселовский. Славянские сказания. С. 137).

Строитель Хирам — Хирам-Авий (3 Цар. 7; 13, 40. 2 Пар. 2; 13, 14. 2 Пар. 4; 11, 16) — библейский персонаж, сын вдовы из колена Нефеалимова, присланный к царю Соломону царем Тирским для работ по строительству

Храма. Позднее стал одной из ключевых фигур масонской мифологии. В своей легенде Ремизов использовал символику основополагающей масонской легенды о строительстве Соломонова Храма и судьбе Хирама.

С. 585. *Куропалат* (греч.) — сановник. Пример последовательной «византизации» повести Ремизовым. Ср. в тексте-источнике: «И посла ж боярина» (ПОРЛ III. С. 51).

Синккелы (сиккелы — греч.) — в тексте-источнике: «отроки». В Византии обозначение должности советника и сотрудника патриарха.

С. 587. *Яволочные сапоги* — сапоги, изготовленные из кожи яловой (не стельной) коровы.

С. 588. *Спафарий* (греч.) — меченосец. В Византии высокое звание военачальника или политического деятеля при императорском дворе.

Эпитомоторы — возможно, словообразование на основе греческого слова «επιτομή» (изложение, извлечение). По контексту — эпитомоторы — борзописцы (репортеры). См. письмо Б. Унбегауна Ремизову от 5 мая 1934 г.: «Что же касается эпитомотора, то ни один словарь не дает этого слова» (ЦРК АК).

...овеянный музыкой и мудростью, Китоврас. — Ср. в плане «русалии» «Китоврас»: «Мудрость Китоврасова — музыка. Все зачарованы музыкой» (ЦРК АК. Кор. 12. Папка 38). Музыка — символ «тайного знания» Китовраса.

«...все есть суета». — Цитата — рефрен из библейской книги «Экклесиаст» (См.: Екк. 1; 2 и др.).

С. 589. *гора Мория* — гора, расположенная на северо-востоке от Иерусалима. На ней был построен Храм царя Соломона.

С. 590. *...все цари, и князья, и принцы ~ и обезьяньи...* — Введение игровой тематики Обезвелволпала.

...положил ~ три прута ~ буквою: Т — Имеется в виду древнееврейская буква «тау». Согласно каббалистической символике эта буква — знак Микрокосма, она «символ человека, так как она определяет конец всего, что существует, точно так же как человек есть конец и совершенство всего создания» (Папюс. Каббала. СПб., 1910. С. 133). Магическое использование этой буквы давало власть лишь над миром людей. Кабалистическая символика буквы «тау» — нововведение Ремизова, так как в тексте-источнике Китоврас выкладывает перед Соломоном букву из *четырех* прутов (см.: ПОРЛ III. С. 51).

...ты один знаешь, чем тесать камни Святая Святых, не повелено мне тесать железом... — Ср. описание строительства Храма в Библии: «Когда строился храм, на строение употребляемы были обтесанные камни, ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его (3 Цар. 5; 7). *Святая Святых* (Святое Святых) — специальное помещение Храма для хранения Ковчега Завета.

«Есть камень ~ чудесный ноготь, зовут шамир...» — особый камень (в других легендах — червяк), обладающий способностью дробить самые твердые камни (о происхождении названия «шамир» см.: Веселовский. Славянские сказания. С. 212—213). Ср. также в исправленном Веселовским пересказе древнерусского текста-источника: «есть ноготь птичъ малъ во имя шамиръ» (Веселовский. Славянские сказания. С. 210).

С. 592. *«Нюдисты»* (от фр. «nu» — обнаженная натура) — голые.

...три соприкасающихся друг с другом квадрата, означают три мира — три тайны. ~ воздвигались леса окружая ~ Вход, Святилище и Святая Святых. — Семантика частей Соломонова Храма играла существенную роль в символических

аллегорических легендах масонов, и, в частности, центральной легенде об убийстве строителя Храма — Хирама. Помещение Святилища было соединено с помещением Святая Святых. Они были окружены двором, основной вход в который находился в его восточной стене. Именно у этого входа Хираму был нанесен третий, смертельный удар.

С. 592—593. *В литейной мастерской строителя Хирама дымились трубы ~ Там плавили медь ~ для создания «литого моря»...* — Точный ремизовский источник эпизода об отливке медной купели: Гекерторн Ч. У. Тайные общества всех веков и всех стран. В 2 ч. М., 1993. Ч. 1. С. 151—153. (Переиздание с изд.: СПб., 1876). В авторской мифологии Ремизова мифологема «революция» связана со стихией огня (См. его аллегорию: Ремизов А. Электрон. От слов Гераклита Эфесского. Пб., 1919. 32 с.).

С. 593. *...для двух величайших столпов ~ Иакин, знаменующий душу Рождения, и ~ Боаз, знаменует душу Смерти.* — Иоакин (Иахин — стоящий прямо) и Боаз (легкий) — названия двух медных, обложенных золотом столпов, стоявших в Соломоновом Храме перед спуском на площадь двора. Семантика их названий взята Ремизовым из масонских толкований.

«Мировая роза» — мистический символ небесного Божественного совершенства, космического колеса. Ср. песни XXX—XXXIII «Божественной комедии» Данте, где герой после девятого неба попадает в Эмпирей — мир «райской розы».

...Хирам, «ковач всех орудий из меди и железа»... — Согласно масонской легенде Хирам — потомок Тубалкаина, первого изобретателя горна и разработчика металлов.

...странные люди, их вывез ~ из Тира строитель Хирам ~ горланили жуткие песни под ~ вспышки демонских огней. — Как гласит масонская легенда, предки строителей Храма произошли от Каина, имели демоническую природу и были связаны со стихией огня, в отличие от потомков Авеля, связанных со стихией земли. Потомок Каина и предок Хирама Мафусаил «изобрел священные буквы, книги Тау и символическое Т, по которому работники, происходившие от духов огня, узнавали друг друга» (Гекерторн Ч. У. Тайные общества всех времен и народов. Ч. 1. С. 150).

...Спинак ~ помер... — Исполнение пророчеств — развитие сюжета текста-источника № 2).

С. 594. *...велел на входе будущего Храма написать образ Китовраса.* — Использование Ремизовым данных текста-источника. Ср.: «известное изображение Китовраса на вратах Софийского собора» (Веселовский. Славянские сказания. С. 223).

Земля обетованная — земля Ханаанская, данная Богом Аврааму и потомкам его — народу Израильскому по обетованию (См.: Быт. 12; 1—3).

«Я, рожденный от непорочной земли, воздуха, огня и воды..» — Указание на природу Китовраса как стихийного духа или демона, происходя- щего от первичных, известных с древности, четырех элементов (стихий). Ср. указания в тексте-источнике на талмудическую легенду о борьбе Соломона с царем демонов Асмодеем (Китоврасом) (см.: Веселовский. Славянские сказания. С. 106).

С. 594—595. *«...сними с меня железную цепь, дай мне перстень с твоей руки ~ я — царь Соломон!» воскликнул Китоврас ~ А там ~ закинутый на конец*

обетованной земли ~ очнулся царь Соломон... — Изложение сюжета текста-источника (см.: Веселовский. Славянские сказания. С. 109—110).

С. 594. *И все ответили одним голосом с единым чувством: «Безгранично, бесповоротно». / «И легко умрете за меня?» / «Готовы: беззаветно...»* — Возможно, ремизовская аллюзия на красноармейскую песню времен Гражданской войны «Слушай, рабочий, война началася...»: «Смело мы в бой пойдем // За власть Советов // И, как один, умрем // В борьбе за это».

С. 595. *Это будет последний // И самый решительный бой...* — Точная цитата из «Интернационала» (переделанного А. Коцем стих. Э. Потье) — в 1918—1922 гг. — государственного гимна Российской Советской Федеративной Республики, в 1922—1944 гг. — гимна СССР, с 1944 г. — гимна Коммунистической партии Советского Союза.

Аз, Екклесиаст ~ в Иерусалиме. — Точная цитата из Библии (Екк. 1; 12).

Объяснения

1

Судове премудрого царя Соломона вкратце

Впервые опубликовано: Круг счастия.

Тексты-источники: 1) ПСРЛ III. С. 54—57, 61—63; 2) ПОРЛ. С. 259—272; 3) Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях... Публ. и вступ. ст. И. Я. Порфирьева // Сборник Отд. Русского языка и словесности Импер. Академии наук. Т. XVII. № 1. СПб., 1877. С. 240—241 («Надпись на чаши Соломона»).

Дата: 1957.

С. 597. *Толковая Палея.* — Сопровождаемое толкованиями изложение ветхозаветной истории, в одних списках доведенное до царствования Соломона, в других — до Саула, в третьих — до пришествия Христа. Возникла на греческой почве не позднее VIII в. Переводы известны на Руси с XIV в.

Суд первый. — Насыщенный цитатами пересказ текста-источника: См.: ПСРЛ III. С. 56.

Второй суд. — Насыщенный цитатами пересказ текста-источника. См.: Там же. С. 57. Дата «1494» взята из указания Н. Тихонравова на источник: «Из Румянцевской Палеи 1494 года, № 453, л. 320 —321) — Там же. С. 51.

С. 598. *Суд третий.* — Насыщенный цитатами пересказ текста-источника. См.: Там же. С. 56—57.

Суд четвертый. — Насыщенный цитатами пересказ текста-источника. См.: Суды царя Соломона / ПОРЛ. С. 269.

Суд пятый. — Краткий пересказ текста-источника. См.: ПСРЛ III. С. 56.

Суд шестой. — Цитата и краткий пересказ сюжета источника (3 Цар.; 3, 15—28). См. также: Суды царя Соломона / ПОРЛ. С. 267—268.

С. 599. *«Книга бытия небеси и земли»...* — данные о названии источника взяты из кн.: Жданов И. Н. Палея / Жданов И. Н. Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 445.

Повесть о премудрости Соломона ~ Пятый Суд Соломона. — Насыщенный цитатами пересказ текста-источника. См.: Суды царя Соломона / ПОРЛ. С. 264—267. Повтор сюжета на с. 63.

С. 601. *Сказание о премудрости царя Соломона о Южской царице и о философех.* — Насыщенный цитатами пересказ текста-источника. См.: Там же. С. 61—63.

С. 601. *1494 г. (Хронограф) / О южской царице ~ загадками.* — Указание на дату рукописи, перевод названия и точная цитата взяты из текста «О ужичкой царици». См.: Там же. С. 54.

С. 603. *Персидская загадка. Загадка перскаго царя Дария к Соломону царю.* — Насыщенный цитатами пересказ текста-источника. См.: ПОРЛ. С. 268—269.

Какой умница одноглазый бес! — Эта фраза отсутствует в НР-Оплешник.

С. 604. *Сказание о св. Граале / Потир царя Соломона в св. Софии Цареградской.* — Насыщенный цитатами пересказ текста-источника. См.: Надпись на чаше Соломона / Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях... Публ. и вступ. ст. И. Я. Порфирьева // Сборник Отд. Русского языка и словесности Импер. Академии наук. Т. XVII. № 1. СПб., 1877. С. 240— 241. Как отметил Порфирьев, «Надпись на чаше Соломона ~ взята из жития Кирилла философа, помещенного в Минеях под 14 февраля» (Там же. С. 73).

Святой Грааль. — В средневековых христианских легендах таинственный сосуд, выточенный из цельного изумруда, который был выбит архангелом Михаилом из короны восставшего против Бога Люцифера; сосуд, обладающий сакральной силой. Изначально он служил Христу и апостолам во время Тайной вечери, являясь чашей для причащения (потиром). Также считалось, что это чаша с кровью Христовой, которую собрал Иосиф Аримафейский, снявший тело Спасителя с креста. Первоначально она находилась в Палестине, затем была перенесена в сакральное место на Западе. В энциклопедической статье, суммирующей различные версии и легенды о св. Граале, С. С. Аверинцев не упоминает о связи Святого Грааля с чашей царя Соломона (См.: Мифологический словарь. М., 1992. С. 161). О св. Граале также см.: Веселовский. Славянские сказания. С. 190.

Возрадовався заец ~ эту книгу о царе Соломоне. — Парафраз многократно цитируемой в учебниках по палеографии приписки из Пролога XVI в.: «Рад бысть заецъ изринувшися отъ тенета, а рыба отъ сети, а птица отъ клепца, а должникъ отъ резоимца, а холоп отъ государя, такъ радъ бысть писецъ достигши в книзѣ остаточного слова прелога сего и послѣднии строки видечи якъ святого воскресения» (Карский Е. Ф. Славянская кириллическая палеография. Л., 1928. С. 280).

ОБРАЗ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА. Алатырь — камень русской веры

Впервые опубликовано: Ремизов А. ОБРАЗ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА. Алатырь — камень русской веры. Paris: YMCA-Press, 1931. 91 с.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Подготовительные материалы, черновые автографы, авторизованные машинописные варианты, <конец 1920-х — начало 1930-х гг.> — ЦРК АК. Кор. 13. Папки 24—26, 28; 2) Наборная рукопись — авторизованная машинопись с редакторской правкой, «1930» — ЦРК АК. Кор. 13. Папка 27.

Дата: 2.III.1931.

Книга «Образ Николая Чудотворца» является итоговой в многолетней художественной работе Ремизова над темой русской народной веры. Она была заказана писателю издательством «YMCA-Press». Отмечая издание «Звенигорода

окликанного», Б. П. Вышеславцев — редактор «YMCA-Press» писал Ремизову в октябре 1925 г.: «Звенигород окликанный» «дает русской душе то, о чем она больше всего тоскует: запахи весенних полей, родной земли, звук исконной народной речи и наивность язычески-христианской <веры>. Но за всем этим есть нечто бесконечно более глубокое, что я оцениваю, как гениальное достижение: это святые в русском духе, прикосновение к Божественному, к наглядным глубинам народной сказки, к самому заветному в ней». Далее он обратился к Ремизову с просьбой-заказом: «Мне хотелось бы вдохновить Вас на книгу о „Николае Угоднике". По-моему только Вы можете ее написать. А она нужна русскому человеку <...> Книга должна быть написана приблизительно так, как Вы писали свои „византийские" вещи» (ЦРК АК. Кор. 4. Папка 1а).

«Образ Николая-Чудотворца» — это последняя итоговая книга писателя об одном из любимейших святых русского народа. Одновременно Ремизов осмыслял ее как своего рода путеводную нить, которая должна открыть для современного читателя дорогу к Св. Николаю. В дарственной надписи от 1 сентября 1957 г. сотруднику Пушкинского Дома В. И. Малышеву он отмечал: «Эта книга — введение в легенды о Николе (Николай Мирликийский)» (ИРЛИ РАН). Для работы над ней Ремизов в течение пяти лет собирал многочисленные исторические, легендарные, художественные материалы о Св. Николае. Папки с источниками составляют основную, значительную по объему часть архивных материалов, относящихся к книге. При изучении разновременных и разноязычных источников Ремизов обращался за помощью к специалистам — историкам, палеографам, философам, литературоведам таким, как М. И. и Вл. Н. Лосские, К. В. Мочульский, С. П. Ремизова-Довгелло, С. Ю. Кулаковский и др. В «Образе Николая Чудотворца» был использован материал не только славянских, но и византийских, и западноевропейских источников. Книга сопровождена обширной библиографией и пространными комментариями. В итоге было создано уникальное по характеру произведение, стоящее на грани между художественной и научной прозой. Целью Ремизова было выявить универсальность почитания Св. Николая, почитания, распространенного не только в православных и католических странах, но и среди последователей иных религий, а также среди язычников. В «Образе Николая Чудотворца» рассказаны истории различных версий жития Святого, дано описание его чудес, охарактеризованы связанные с его образом произведения искусства — иконы, храмы. Писатель постарался раскрыть читателю причины и сущность мирового культа Св. Николая. Для Ремизова отсутствие документальных данных о жизни Николая Угодника «ни в какой мере не отрицает его земного существования». Св. Николай это — «явление духовного мира, выражающееся в образах сказки или легенды», он «живет своей жизнью вне истории и географии и не нуждается ни в какой статистике или хронологии» («Образ Николая Чудотворца». С. 13).

Научно-исторический и литературоведческий анализ истории создания, идейно-философской концепции, поэтики книги «Образ Николая Чудотворца», а также проверка обширных библиографических источников книги и создание научного комментария к ним станут возможны после детального изучения всех сохранившихся архивных материалов. Это задача дальнейших исследований.

В настоящем томе выверенный текст книги публикуется по изданию 1931 г.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ

Архивохранилища

Бахметевский архив — Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета г. Нью-Йорка (США). Фонд: Рукописи Алексея Михайловича Ремизова
(Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture at Columbia University in the City of New York (USA). «Alexei Mikhailovich Manuscripts»)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)

ГЛМ — Государственный литературный музей. Отдел рукописей (Москва)

ГРМ — Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Отдел рукописей (Москва)

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел. Литературный музей (Санкт-Петербург)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва)

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей и редких книг (Санкт-Петербург)

СПбГТБ РО — Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека. Рукописный отдел

Собр. Резниковых — Собрание семьи Резниковых (Париж)

ЦРК АК — Центр Русской культуры Амхерст-Колледжа (США). Архив А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло (Amherst College Center for Russian Culture (USA). «Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers»)

Печатные источники

Автобиография 1912 — Ремизов А. Автобиография 1912 г. / Публ. А. М. Грачевой // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб.: Феникс-Atheneum, 1993. С. 437—442.

Автобиография 1913 — Ремизов А. Автобиография 1913 г. / Публ. А. М. Грачевой // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб.: Феникс-Atheneum, 1993. С. 442—445.

Алексей Ремизов и древнерусская культура — Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
Алексей Ремизов. Исследования — Алексей Ремизов. Исследования и материалы: Сб. научных статей и публикаций. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994.
Афанасьев I—III — Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865—1869.
Афанасьев — Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. СПб.: «Современные проблемы», 1914.
Афанасьев. Сказки I—V — Афанасьев А. Русские народные сказки. В 5 т. М., 1914.
БВ — «Биржевые Ведомости» (Санкт-Петербург).
В розовом блеске — Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1952.
ВЕ — «Вестник Европы» (Санкт-Петербург).
Веселовский — Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. II // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. XLIV. № 3. СПб., 1888. С. 1—361.
Веселовский. Приложения — Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. II // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. XLIV. № 3. СПб., 1888. С. 1—262.
Веселовский. Разыскания I—XVII — Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 1—6. Разд. I—XVII / Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Прил. к т. XXXVI—LIII. СПб., 1880—1891.
Веселовский. Славянские сказания — Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.
Весеннее порошье — Ремизов А. Весеннее порошье. СПб.: Сирин, 1915.
Взвихренная Русь — Ремизов А. Взвихренная Русь. Париж: ТАИР, 1927.
Встречи — Ремизов А. Петербургский буерак. Париж: LEV, 1981.
Гудзий — Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1945.
Дневник — Ремизов А. Дневник 1917—1921. Подгот. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова. Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 16. М.; СПб.: Феникс-Atheneum, 1994. С. 407—549.

Докука и балагурье — Ремизов А. Докука и балагурье. СПб.: Сирин, 1914.

ЕЖ — Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни (Санкт-Петербург).

Есенин. Сказки — Рязанские сказки села Константинова, переданные Ремизову С. А. Есениным (Рукопись. Современное местонахождение неизвестно).

ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения (Санкт-Петербург).

Звезда-надзвездная — Ремизов А. Звезда-надзвездная. Stella Maria Maris. Париж: YMCA-Press, 1928.

Зеленин — Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 41. Пг., 1914.

Каталог — Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., «Хронограф», 1992.

Кодрянская — Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959].

Кодрянская. Письма — Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977.

Крашеные рылá — Ремизов А. Крашеные рылá. Берлин: Грани, 1922.

Кукха — Ремизов А. Кукха. Розановы письма. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1923.

ЛРЛД I—V — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. I. М., 1859; Т. II. М., 1859; Т. III. М., 1860; Т. IV. М., 1862; Т. V. М., 1863.

Мышкина дудочка — Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж: Оплешник, 1953.

НЛО — «Новое литературное обозрение» (Москва).

НРС — «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

НЖ — «Новый журнал» (Нью-Йорк).

Огонь вещей — Ремизов А. Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж: Оплешник, 1954.

Ончуков — Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова / Записки Императорского Русского Географического Общества по отделу этнографии. Т. XXXIII. СПб., 1908.

Пляшущий демон — Ремизов А. Пляшущий демон. Танец и слово. Париж: склад издания «Дом книги», 1949.

ПН — «Последние новости» (Париж).

По карнизам — Ремизов А. По карнизам. Белград: Русская библиотека, 1929.

Подстриженными глазами — Ремизов А. Подстриженными глазами. Париж: YMCA-Press, 1951.

ПОРЛ — Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым. Т. I. СПб., 1863.

ПСРЛ I—IV — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. I—IV. СПб., 1860—1862.
Пыпин. Очерк — Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858.
Резникова — Резникова Н. В. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980.
РМ — «Русская мысль» (Париж).
РН — «Русские новости» (Париж).
Рус. лит. — «Русская литература» (Санкт-Петербург).
Рёрих — Николай Константинович Рёрих. Пг.: Свободное искусство, 1916.
Садовников — Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края / Записки Императорского русского географического общества по отделу этнографии. Т. 12. СПб., 1884.
СЗ — «Современные записки» (Париж).
Сирин 1—8 — Ремизов А. Сочинения. В 8 т. СПб.: Сирин, 1910—1912.
Сказки русского народа — Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1923.
Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915.
СП — «Советский патриот» (Париж).
Срезневский I—IV — Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. I. СПб., 1867; Т. II. СПб., 1874; Т. III. СПб., 1876; Т. IV. СПб., 1879.
Трава-мурава — Ремизов А. Трава-мурава. Сказ и величание. Берлин: Изд. С. Ефрон, [1922].
Учитель музыки — Ремизов А. Учитель музыки. Подготовка к печати, вступ. статья и примеч. Антонеллы д'Амелия. Paris: LA PRESSE LIBRE, [1983].
Учен. Зап. ТГУ — Учен. Зап. Тартусского гос. ун-та.
Шиповник 1—8 — Ремизов А. Сочинения. В 8 т. СПб.: Шиповник, [1910—1912].

ОЛДП (ОЛД) — Общество любителей древней письменности.
ПДП — Памятники древней письменности.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
Б. д. — Без даты.
Вар. — вариант.
Кор. — коробка.
НР — Наборная рукопись.
Печ. текст — печатный текст.

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ

Федеральная программа книгоиздания России

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РЕМИЗОВ

Собрание сочинений

Том 6

ЛИМОНАРЬ

Редактор **В. П. Шагалова**
Художественный редактор **И. А. Шиляев**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректоры **Н. Д. Бучарова, Р. А. Трушкина**

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010058 от 23.10.96.
Сдано в набор 18.12.2000. Подписано в печать 28.03.2001. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. На вкл. — мелов. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 41,27 (в т. ч. вкл. 0,11). Уч.-изд. л. 45,02 (в т. ч. вкл. 0,04). Тираж 4500 экз. С — 10. Зак. № 2. Изд. инд. ЛХ-213

Издательство «Русская книга» Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38

Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32